Институт К. Маркса и Ф. Энгельса

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АРХИВ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

КНИГА ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АРХИВ

К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Д. РЯЗАНОВА

КНИГА ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—1924

Напечатано в количестве
5.000 экземпляров в 16-й
типограф. „Мосполиграф“
(Трехпрудный, 9) в мае
1924 г. Главлит № 21495
Москва. Гиз № 7332

ПАМЯТИ

ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

ЛЕНИНА

ИСПОЛНИТЕЛЯ ЗАВЕТОВ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ГЕНИАЛЬНОГО МАСТЕРА
КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

ВЕЛИКОГО ТЕОРЕТИКА
ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

ПОСВЯЩАЕТ

ПЕРВЫЙ ТОМ СВОИХ ТРУДОВ

ИНСТИТУТ
К. МАРКСА и ФР ЭНГЕЛЬСА

АРХИВ К. МАРКСА и Ф ЭНГЕЛЬСА

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ ПЕРВОЙ

Стр.

I. От редакции 9

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

II. А. ДЕБОРИН.—Очерки по истории диалектики.
Очерк первый. Диалектика у Канта 13

III. Э. ЦОБЕЛЬ.—К истории Союза Коммунистов.—
Кельнская община Союза до мартовской революции . . 76

IV. Д. РЯЗАНОВ.—Международное Товарищество Рабочих.
I. Возникновение Первого Интернационала. 105

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

V. К. Маркс и Ф. Энгельс о Фейербахе:

1. Предисловие редактора. 191
2. Тезисы о Фейербахе. 200
3. Проект предисловия к „Немецкой идеологии“ 211
4. Фейербах. (Идеалистическая и материалистическая точки зрения) 212

VI. Д. РЯЗАНОВ.—Введение Энгельса к „Классовой борьбе во Франции“. 257

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ИЗ ПЕРЕПИСКИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

VII. В. Засулич и К. Маркс:

1. Предисловие редактора. 265
2. В. Засулич—К. Марксу 269
3. Ответ Маркса: а) Первый черновик. 270
б) Второй „ 279
в) Третий „ 282
г) Четвертый „ 285
д) К. Маркс—В. Засулич 286

VIII. Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну:

1. Предисловие редактора. 287
2. Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну 290
3. Примечания. 387

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

IX. А. УДАЛЬЦОВ.—К теории классов у Маркса и Энгельса . 401

X. А. НЕУСЫХИН.—Новый опыт построения систематической истории хозяйства. 425

XI. Ф. РОТШТЕЙН.—Новая литература о чартизме 436

XII. Рецензии:

1. Философия. а) Маркс и Гегель.—НИК. КАРЕВ . . 455
   б) Кант или Маркс.—И. ЛУППОЛ и ГР. БАММЕЛЬ 462
2. Исторический материализм.—Г. ТЫМЯНСКИЙ . . . 471
3. Политическая экономия.—И. РУБИН. 478
4. История.—Э. ЦОБЕЛЬ. 491

XIII. Объявления.

ОТ РЕДАКЦИИ

Задачи журнала, к изданию которого приступает Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, определяются задачами самого Института. Генезис, развитие, распространение идей научного социализма, иными словами *история* марксизма, его теории и практики—вот круг этих задач.

В отличие от «Вестника Коммунистической Академии», который ставит себе главной целью исследование «текущего момента», современности во всех ее многообразных проявлениях с точки зрения марксизма, «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» является по преимуществу *историческим* журналом.

Поскольку может итти речь об определенной грани между прошлым и настоящим, таким пределом — в области истории рабочего движения, классовой борьбы пролетариата—для нас является конец XIX века, когда, со смертью Ф. Энгельса, прекращается непосредственное воздействие творцов научного социализма на международное рабочее движение. Поэтому, отводя в нашем журнале широкое место истории рабочего движения и социализма, мы безусловно исключаем работы, относящиеся к периоду после 1914 г., т.-е. после краха Второго Интернационала. Исследование непосредственных причин этого краха и изучение истории Третьего Интернационала является одной из главных задач Коммунистической Академии, в которой организован для этого специальный кабинет.

В силу тех же причин, вызывающих необходимость размежевания в области исследовательской работы, мы исключаем, как правило, работы по истории русского рабочего и революционного движения. Кроме Коммунистической Академии с ее обширным кабинетом по истории русских общественных и революционных движений, эту задачу в последнее время взял на себя, вместе с Истпартом, недавно организованный Институт В. Ленина. Наш журнал ограничивается в этой области только двумя задачами, которые поставлены были с самого начала в основу организации особого кабинета—имени Г. В. Плеханова—при Институте К. Маркса и Ф. Энгельса: во-первых, исследованием тех взаимоотношений—враждебных или дружественных—которые устанавливались между русскими людьми сороковых, шестидесятых и семидесятых годов, с одной стороны, Марксом и Энгельсом—с другой, во-вторых, исследованием международных связей—идеологических и организационных—между социалистической, революционной, философской теорией и практикой на Западе и в России, в первую очередь—влияния и распространения теории и практики марксизма.

Но наш журнал является *историческим* не только потому, что он ставит себе целью изучать *историю* Маркса и Энгельса, *историю* марксизма и пролетарского движения. Только диалектический материализм поставил во всем объеме задачу исследования истории человеческого обще-

ства, как процесса изменения людей под влиянием природы и изменения последней под влиянием воздействия людей. Только марксизм окончательно изгнал из области истории всякое «потустороннее» вмешательство, объясняя все изменения в структуре человеческих обществ деятельностью самих людей и их группировок в преднаходимых ими естественных и общественных условиях. Вот почему критическое исследование всех проблем, поставленных Марксом и Энгельсом в их *исторических* работах,—а такими историческими работами три тома «Капитала» являются не в меньшей степени, чем «Коммунистический Манифест» и «18 брюмера Луи Бонапарта»,—составит также одну из главных задач нашего *исторического* журнала. Неразрывной частью входит в круг этих задач и изучение истории человеческой «идеологии», ибо, по справедливому замечанию Маркса, «сама идеология есть лишь одна из сторон истории людей».

Ставя себе целью объединить научно-исследовательскую работу всех марксистов, мы в то же время охотно предоставим место всякому серьезному научному исследованию в области тех *исторических* проблем, которые занимали Маркса и Энгельса.

Во втором отделе нашего журнала мы будем помещать неопубликованные еще до сих пор рукописи Маркса и Энгельса. Работа их расшифровки требует много времени, и мы предпочитаем поэтому опубликовывать важнейшие рукописи по мере того, как они будут готовы для печати.

В третьем отделе будут печататься материалы для биографии Маркса и Энгельса, в первую очередь—их переписка с учениками и единомышленниками. В этот же отдел входят материалы для изучения отношений между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и их друзьями и противниками—с другой.

Одной из своих главных задач журнал считает тщательную инвентаризацию всей литературы о Марксе и Энгельсе. Кроме систематической библиографии по всем вопросам истории и теории марксизма, мы в четвертом отделе будем давать критические обзоры текущей марксистской—как русской, так и иностранной литературы, как по группам, так и отдельно, в виде рецензий.

Ближайшее участие в редакции принимают А. Деборин, А. Удальцов и Э. Цобель.

Д. Рязанов.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

I

А. ДЕБОРИН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДИАЛЕКТИКИ
I. ДИАЛЕКТИКА У КАНТА

II

Э. ЦОБЕЛЬ

К ИСТОРИИ СОЮЗА КОММУНИСТОВ
КЕЛЬНСКАЯ ОБЩИНА СОЮЗА
ДО МАРТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

III

Д. РЯЗАНОВ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ
I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДИАЛЕКТИКИ

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ
ДИАЛЕКТИКА У КАНТА

I. 1) Марксизм и немецкая классическая философия. 2) Проблема диалектики у Канта. 3) Ньютон и Кант. 4) Антагонизм сил. 5) История развития земли. 6) Учение об отрицательных величинах и реальной противоположности.

II. 1) Гегель и Кант. 2) Чувственность и рассудок у Канта. 3) Трансцендентальный метод. 4) Аналитические и синтетические суждения. 5) Диалектический синтез.

III. 1) Вещь в себе и явление.

IV. 1) Чувство, рассудок и разум. 2) Учение Канта о диалектической видимости. 3) Категория целостности. 4) Конечное и безконечное. 5) Антиномии.

V. 1) Гердер и Кант. 2) Принцип антагонизма в обществе. 3) Природа и культура. 4) Бессознательный процесс истории. 5) Французская революция. 6) Всемирное гражданское общество. 7) Формальная и реальная демократия. 8) Буржуазное общество и социализм.

I

«Мы, немецкие социалисты,—сказал Энгельс,—гордимся тем, что происходим не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но и от Канта, Фихте и Гегеля». Это безусловно верно. Но, к сожалению, до сих пор не было сделано попытки выяснить связь между классической немецкой философией и марксизмом более обстоятельно и детально.

Энгельс в своей превосходной работе о Людвиге Фейербахе подробно останавливается на Гегеле. Он поступает так потому, что Гегель непосредственно оказал огромное влияние на Маркса. С другой стороны, Гегель составляет вершину классической немецкой философии, ее завершение. В Гегелевой системе все великие проблемы, выдвинутые его предшественниками, получают, с идеалистической точки зрения, окончательную формулировку. Но *научное* разрешение поставленных немецкой идеалистической философией проблем мы находим у Карла Маркса. Естественно, что Энгельс при выяснении генезиса марксизма исходит от Гегеля. Однако, Гегель завершает философское движение, начало которому положено *Кантом*.

Великие идеалистические системы Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля связаны друг с другом тесной логической связью. Они не только следуют друг за другом, но каждая последующая философская система представляет собою дальнейшее развитие и углубление предшествующей системы. Система Гегеля является лишь «заключительным фазисом философского движения

со времени Канта», как правильно замечает Энгельс. Таким образом, Маркс является наследником немецкой идеалистической философии в целом, так как преодоление системы Гегеля означает преодоление классической философии вообще.

Диалектический материализм представляет собою синтез диалектического метода Гегеля с материалистическим пониманием природы и истории. Материализм был противопоставлен идеализму еще Л. Фейербахом, но последний не дошел до материалистического понимания истории. Мало того, его мышление было проникнуто антиисторическими тенденциями. Фейербах хорошо понимал, конечно, что «нас окружает не одна природа, но и человеческое общество, которое, подобно природе, имеет свою историю развития и свою науку. Задача состояла в том, чтобы согласовать с материалистической основой и заново построить на ней здание общественной науки, т.-е. всю совокупность так называемых исторических и философских знаний. Но Фейербаху не суждено было сделать это» (Энгельс). Только Маркс выполнил эту грандиозную задачу.

Марксизм разрешает в научной форме поставленные немецким идеализмом и в частности Гегелем проблемы методологии, истории, морали, права, государства. Маркс является истинным творцом *социальной науки*. Он завершает на материалистической основе начатую великими идеалистами работу вобласти общественно-исторических наук. «Система Гегеля, по существу, была *философско-исторической*», говорит Куно Фишер. И это совершенно верно. Отличие Гегеля от Канта состоит в том, что последний в центре своих философских размышлений ставит *математическое естествознание*, в то время как первый ориентируется на *всемирную историю*. Исходным пунктом для Гегеля является общественно-историческая жизнь человечества. Поэтому проблема познания ставится и разрешается Гегелем совершенно иначе, чем Кантом. Развитие немецкой идеалистической философии есть процесс постепенного преодоления субъективизма и дуализма Канта. Этот процесс завершается Гегелем, для которого идеал и действительность, субъект и объект, всеобщее и частное составляют не метафизические противоположности, враждебно стоящие друг против друга, а органическое единство.

В предлагаемых очерках мы намерены рассмотреть главным образом историю развития диалектического метода, ибо метод составляет душу всякой философской системы. Критический анализ диалектического метода, составляющего отличительную особенность классической немецкой философии, должен начаться с Канта. Этот анализ должен, во-первых, показать нам, что диалектический метод Гегеля является сам продуктом развития немецкого идеализма, во-вторых,—убедить нас в несостоятельности идеалистической диалектики и в исторической необходимости преодоления ее материалистической диалектикой.

Метод Маркса, таким образом, созревает в недрах идеалистической философии и имеет свою историю. Диалектический метод совершенствуется

и развивается в связи с общественным развитием и конкретными положительными науками, с которыми ему приходится иметь дело. В новейшей философии зачатки диалектики мы находим у Канта. Можно сказать даже, что он является ее основателем, ибо он выдвигает *проблему диалектики*, при чем дважды: один раз в «до-критический» и второй раз в «критический» период своей деятельности.

Кант, как уже было сказано, поставил себе задачей обоснование математического естествознания, достигшего высшего своего развития в «Математических принципах натурфилософии» Ис. Ньютона. Опираясь на математическое естествознание, Кант стремится к созданию прочного и истинно-научного метода в области философии. Математика и физика являются образцами строгой и достоверной науки. Поэтому, полагает Кант, философия должна заключить прочный и продолжительный союз с естествознанием. Догматическая философия Лейбница и Вольфа не могла больше удовлетворить Канта, который считает необходимым ориентироваться на науку, в частности на ту ее область, которая достигла к тому времени наивысшего расцвета,—на *естествознание*. Под влиянием своего учителя физики Кнутцена он усердно занимался изучением произведений Ньютона и прошел прекрасную школу строго-научного методологического мышления, оказавшего огромное влияние на все его умственное развитие.

Учение Ньютона сыграло огромную революционную роль не только в Англии, но и во Франции и Германии. Перенесенное на французскую почву Вольтером, учение Ньютона способствовало революционизированию умов и заложению фундамента для нового миросозерцания вообще. Кант был озабочен популяризацией и дальнейшим развитием идей Ньютона в Германии. Материалистическая система Ньютона, таким образом, стала общим достоянием Европы; она начинает вытеснять старые учения, теснейшим образом примыкая к древнему материализму Эпикура и Демокрита. Учение Ньютона является блестящим и гениальным завершением того великого научного движения, которое ведет свое начало от эпохи Возрождения. Но вместе с тем оно начинает собою новую эру, которая выражается в полном преобразовании всех старых представлений не только в области естествознания, но и философии.

В самом деле, как школьная физика, так и философия (Декарта и Лейбница) до Ньютона признавала только одну *силу отталкивания*, и движение сводилось к непосредственному соприкосновению тел посредством толчка или давления. Ньютон ввел новое понятие; он открыл новую силу, *силу притяжения*—способность, присущую телам как в состоянии движения, так и в состоянии покоя. Таким образом, было установлено существование *двух противоположных сил*, действие коих дает возможность механического объяснения всех явлений природы.

С точки зрения Ньютоновского учения, старая метафизика Декарта и Лейбница с их представлениями о движении и силе отталкивания уже не удовлетворяла Канта; она шла вразрез с добытыми результатами есте-

ствознания. При таких условиях перед Кантом выдвинулась задача преобразования метафизики, т.-е. философии, в соответствии с достигнутыми успехами естествознания. Философия должна быть оплодотворена новым *методом*, которого ей недостает. Первая работа Канта, «Die wahre Schätzung der lebendigen Kräfte», (1746 г.), интересна именно тем, что мыслитель здесь выступает в защиту Ньютоновского понятия силы против догматических его противников, которые, коснея в предрассудках старой метафизики, являются врагами всякого развития естественно-научных воззрений. Метафизика не способствует, а препятствует прогрессу научного познания, рассуждает Кант. Это объясняется тем, что она лишена правильного метода, что она работает без определенного плана, стремясь в то же время расширить свое господство на чуждые ей области. Для того, чтобы философия стала наукой, она должна установить свой объект, определить границы познания и выработать прочный метод. Догматическая же метафизика исходит из традиционных понятий, которые пришли в противоречие с положительными науками. Понятие *силы*, *движения*, *пространства* должны быть подвергнуты критическому исследованию, что неминуемо поведет за собою и реформу философии. Новые результаты естествознания требуют преобразования «метафизики»; вновь преобразованная метафизика должна послужить обоснованием естествознания.

При помощи улучшенного и исправленного понятия силы Кант стремится создать и обосновать *динамическую физику*. Считается, говорит Кант, общепринятым положение, по которому в природе не возникает никакого движения иначе, как посредством материи, которая сама находится в состоянии движения. В силу этого учения движение, которое исчезло в какой-нибудь части мира, не может быть восстановлено иначе, как при посредстве другого действительного движения или же непосредственно богом. Кант, опираясь на Гамбургера, доказывает, что материя, находящаяся в *покое*, может сообщить другому телу движение. Это положение приобретает для Канта решающее значение. Ибо отсюда он делает вывод, что первичные движения в нашем мире вызваны не непосредственно богом, а *действием материи, находившейся в состоянии покоя*. Если же движение есть результат такой материи, то мир сохраняется посредством нее, и видимое исчезновение ее в одном месте не влечет за собою неизбежно ее возникновение в другом, т.-е. мертвая сила переходит в живую и, наоборот, живая переходит в мертвую. В настоящей связи нам будет полезно запомнить еще один вывод, который делает Кант и который гласит так: Нет пространства и протяженности, если субстанции, т.-е. тела, не наделены силой, действующей вне их. Ибо без силы нет связи, нет порядка и нет пространства.

В 1755 г. Кант опубликовал свою «Естественную историю и теорию неба» [1]). В нашу задачу не входит изложение основ кантовской механиче-

[1]) «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels oder Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprung des ganzen Weltgebäudes, nach Newton'schen Grundsätzen abgehandelt», 1755.

ской космогонии. Нас интересует только метод и основные принципы этой работы. В своей космогонии Кант продолжает работу Ньютона. Последний открыл механические законы мира; он объяснил строй природы, придерживаясь строго научной точки зрения, т.-е. материализма. Он вскрыл основные силы, поддерживающие этот строй природы. Но Ньютон не дал *истории развития*, происхождения, образования мира. «Естественную историю неба» Кант рассматривает, как необходимое продолжение и развитие Ньютоновского учения. Он распространяет принципы Ньютона на нашу солнечную систему, как и на всякую космическую систему, которая подчинена одинаковым механическим законам. Историю космоса Кант представляет себе как *вечный процесс изменения материи*. В этом бесконечном процессе рождаются, исчезают и снова рождаются новые миры. Этот процесс не знает ни начала, ни конца как во времени, так и в пространстве. Атомы в силу внутренних законов природы соединяются и снова разлагаются, подобно тому, как миры в целом возникают в результате этих процессов и снова уничтожаются, чтобы послужить материалом, из которого природа будет строить новые системы. Из хаоса возникает порядок, снова превращающийся в хаос и т. д. «Разве пружины, приведшие в движение и порядок вещество рассеянной материи, не могут быть снова приведены в действие посредством силы после того, как остановка материи прекратила их действие?»

Какова же пружина, лежащая в основе этого процесса? На этот вопрос Кант отвечает в духе Ньютона и Гераклита: *борьба противоположных сил*. Сила притяжения и отталкивания формирует, вызывает к жизни из хаоса рассеянной материи мировые системы и снова их разрушает для того, чтобы из их обломков создать новые системы. *Борьба противоположных сил* происходит как в отдельном атоме, так и в целых мировых системах, как в душевной жизни человека, так и в общественных организмах [1]). Итак, основные мысли, которыми проникнута Кантовская космогония, сводятся к *идее развития* и своеобразной механистической «*диалектике*».

К «истории и теории неба» теснейшим образом примыкают две небольшие работы об истории развития земли, появившиеся за год до Космогонии. В этих работах мы встречаемся с теми же основными методологическими идеями, которые как бы подготовляют читателя к новой теории и истории неба. В этих двух произведениях развиваются Кантом чрезвычайно интересные мысли, на которых мы считаем необходимым остановиться, поскольку они связаны с преследуемой нами здесь задачей. Кант пытается дать ответ на вопрос, стареет ли земля и какие причины обусловливают этот процесс. Кант приходит к тому заключению, что для того, чтобы какое-нибудь существо состарилось, не требуется никаких «внешних и насильственных причин». Ибо *те же причины, под влиянием которых вещь достигает своего совершенства, способствуют посредством незаметных*

[1]) *Konrad Dieterich*, Kant und Newton, Tübingen 1876. Pp. 31—32.

изменений ее исчезновению. Все вещи подчинены этому закону, который состоит в том, что тот же механизм, который вначале способствует развитию или совершенству вещи, в дальнейшем, продолжая действовать в том же направлении, вызывает, стало быть,постоянно новые изменения и приводит вещь к ее гибели. Те же силы, напр., которые вызывают рост растения, приносят ему смерть после того, как оно закончило свой рост, т.-е. достигло высшей ступени развития, достигло совершенства. Тот же процесс происходит повсюду, и в частности он применим к земле и ее развитию [1]). Идея *развития* земли и всей солнечной системы, материалистически-механическая космогония, естественная *история* природы составляют предмет особого внимания и интереса мыслителя в эту эпоху. Все преобразования и изменения происходят в силу необходимых механических причин и законов.

Целью естествоиспытателя является познание совокупного ряда *изменений*, которым подвергаются все предметы природы. Каждую вещь, стало быть, следует рассматривать с точки зрения ее изменения, ее истории. «Ясно,—говорит Кант в другом произведении,—что знание предметов природы в их *теперешнем состоянии* требует еще знания их в их предшествующих состояниях, знания всего того ряда изменений, через которые они прошли, для того, чтобы можно было правильно понять их настоящее состояние. *История природы*, которой мы почти совсем еще не располагаем, объяснила бы нам изменения формы земли, а также изменения земных существ (растений и животных), которым они подвергались под действием естественных перемещений, а равно и происходящие отсюда отклонения от первоначального родового типа». История природы должна стать особой наукой, специальной дисциплиной, которая откроет нам новые горизонты. Эту мысль Кант повторяет неоднократно.

Процесс изменения и превращения вещей Кантом объясняется таким образом, что в природе происходит *постепенно непрерывное накопление* (unaufhörliche Summierungen) *изменений, способное исчерпать любое количество.* Следует считать неприличным предрассудком мнение, по которому малые действия объявляются не имеющими значения. *Именно медленное количественное накопление малых изменений ведет к чрезвычайно серьезным и важным результатам.* И Кант стремится найти ту связь, которая существует между различными ступенями развития земли, между ее предшествующим состоянием и теперешним ее состоянием, являющимся необхо-

---

[1]) «Alle Naturdinge sind diesem Gesetze unterworfen, dass derselbe Mechanismus, der im Aufange an ihrer Vollkommenheit arbeitete, nachdem sie den Punkt derselben erreicht haben, weil er fortfährt das Ding zu verändern, selbiges nach und nach wiederum von den Bedingungen der guten Verfassung entfernt und dem Verderben mit unvermerkten Schritten endlich überliefert. Dieses Verfahren der Natur zeigt rich deutlich an der Oekonomie des Pflanzen-und Thierreichs» (*Kant*, Die Frage ob die Erde veralte, physikalisch erwogen; Sämmtliche Werke, herausgegeben von Dr. Otto Buek, B. VII 2-te Abteilung. P. 232).

димым результатом предшествующих ступеней. *Бесконечно малые изменения предполагают непрерывную величину. Но раз любое количество*, как выражается Кант, *может быть исчерпано, то непрерывность переходит в «прерывность» и ее предполагает. Количество переходит в качество.*

Кант в маленькой работе своей о расовых различиях, предвосхищая теорию Дарвина, развиваст ту мысль, что влияние внешних условий, влияние среды определяет изменение организации. Человек наделен от природы способностью *приспособляться* к внешним условиям. Но природа, помимо того, что она воспроизводит старые формы, создает и новые, так как благоприятные условия среды способствуют развитию и тех способностей или предрасположений, которые находятся в «скрытом состоянии». Первоначальная организация человека в определенных климатических и географических условиях развивается в соответствии с ними. Но при таких условиях другие способности или «зародыши» не развиваются, а под конец и совершенно атрофируются. Передаваясь по *наследству*, говорит Кант, в ряде поколений, эти особенности упрочиваются и образуют *расовые различия*, т.-е. вполне определенный тип. Под влиянием же другого климата или благодаря изменившейся пище, организм подвергается модификации и выявляет всевозможные различия. Только «различием пищи, воздуха и воспитания объясняется, почему некоторые курицы становятся совсем белыми».

Физические условия земли определяют далее, по мнению Канта, развитие человеческого общества. И он пытается на этой почве перебросить мост между *природой* и *историей*. Организация человеческого рода подвергается воздействиям внешней среды. Стало быть, внешняя среда или физическая природа составляет основу *культуры*, базис человеческого общества. История развития земли — и, в более широком смысле, природы — ведет Канта к истории развития человеческого рода. Посредствующими звеньями являются физическая география и антропология, как самостоятельные отрасли истории природы. Антропология распадается в свою очередь на физическую, психологическую и прагматическую. *Географические условия составляют основу истории человеческого рода.* Физическая география распадается по Канту на математическую, моральную, политическую, меркантильную и теологическую. Любопытно, что теологическая география должна исследовать *зависимость теологических принципов от географических условий.* Что касается антропологии, которая возвышается над географией, то физиологическое человековедение занимается исследованием «того, что природа делает из человека», прагматическая же антропология занимается изучением человека, как существа общественного или исторического в узком смысле слова.

Ньютоновская физика, оказавшая, как мы видели, такое благотворное влияние на Канта, стала в явное противоречие к Лейбницевскому мировоззрению еще и в том отношении, что она исходила из реального

взаимодействия материальных частиц, имея своим основанием противоположность различных сил. Причину изменения вещей Кант видит во взаимной их зависимости, во взаимодействи. *Взаимодействие* же есть результат того *антагонизма*, той борьбы противоположных сил, которая происходит в каждой частице вещества. В своей «Физической монадологии» (1756 г.) Кант приходит к тому выводу, что атомы взаимно притягиваются и отталкиваются, т.-е. что основные элементы вещества обнаруживают тенденцию как к соединению, так и к разъединению. Этот противоречивый процесс, этот конфликт различных сил в основных элементах вещества составляет реальное отношение между ними. Этот же самый процесс совершается и в небесных телах, в целых мировых системах, которые существуют благодаря взаимной борьбе двух противоположных сил.

Проблема *реального* взаимодействия, в противоположность *идеальному* взаимодействию Лейбница, заставляет Канта заняться и другим тесно с ней связанным вопросом. Это—вопрос об отношении мышления к бытию. И в этом вопросе обнаружилась недостаточность старой догматической философии, базировавшейся всецело на *формальной логике*. В отличие от старых школьных предрассудков, Кант проводит резкое различие между реальными отношениями вещей, между причинной их связью и связью логической, между *реальной* связью явлений и *идеальной* связью понятий. В первом случае мы имеем дело с законом *причинности*, во втором — с логическим *законом основания*. Кант тем самым вынужден начать борьбу с формальной *логикой*, которая вступает в противоречие с реальной логикой, т.-е. с фактическими отношениями вещей, которые подчинены каким-то другим законам. Эти обстоятельства побуждают Канта углубить вопрос и написать небольшую работу, которая имеет, однако, огромное значение.

В этой работе Кант стремится подвести общий философский фундамент *под теорию антагонизма* или борьбы противоположностей в связи с вопросом об отношении реального и идеального основания, т.-е. в связи с вопросом о значимости формальной логики. Работа, которую мы имеем в виду, вышла в 1763 г. под названием «Опыт введения понятия отрицательных величин в мировую мудрость» [1]). Это произведение замечательно во многих отношениях. Оно представляет собою прежде всего обоснование Кантовской «*диалектики*», как она выразилась в целом ряде предшествующих работ. Еще в первой своей работе (1746 г.) Кант пришел к выводу, что математическое и философское исследование одной и той же проблемы привело к различным результатам. Математическое тело и физическое тело оказались нетождественными. Из математики пришлось устранить живые силы для того, чтобы их перенести в природу. Математика сама устанавливает понятие тела, которым она оперирует. Но *это математическое тело не совпадает с физическим телом*. Поэтому может оказаться,

[1]) *Kant*, Versuch den Begriff der negativen Grössen in die Weltweisheit einzuführen, Königsberg, 1763.

что то, что истинно для математического тела, вовсе не применимо к физическому телу. Математика, напр., приписывает телу только силу, которая является всецело результатом внешней причины его движения, т.-е. она наделяет его исключительно несвободной силой, между тем как действительно физическое тело обладает свободной силой. В дальнейшем (в «Физической монадологии») Кант устанавливает, что понятие пространства с точки зрения математики противоречит философскому понятию пространства. При таких условиях философия не должна стремиться к перенесению математического метода в чуждую ей область, а сделать только употребление из некоторых положений математики, которые могут быть применимы к предметам философского исследования и оказаться постольку полезными.

Серьезные соображения должны были далее убедить Канта, что старая формальная логика противоречит реальным отношениям вещей. В самом деле, для рационалистов старой школы познание действительности являлось результатом ясного и раздельного мышления. Различие между реальным и идеальным основанием, которое Кант, побуждаемый Ньютоновским учением, более или менее уяснил себе, толкает мыслителя все дальше в направлении разрушения старой метафизики и ее учения о тождестве бытия и мышления. Если закон противоречия применим к области логики, то он может оказаться неприменимым к реальным явлениям, ибо реальная связь *отлична* от идеальной. И Кант в своей работе об «отрицательных величинах», исходя из закона противоположности, заимствованного им у Ньютона, проводит прежде всего резкое различие между реальной и идеальной или логической противоположностью. До сих пор, говорит Кант, обращали внимание только на логическую противоположность, заключающуюся в том, что мы одному и тому же субъекту не можем приписывать противоположные предикаты. Закон логического противоречия в этом случае является критерием истинности нашего суждения. Но другое дело реальная противоположность. Здесь мы видим противоположные предикаты, принадлежащие одному и тому же субъекту. Один предикат отрицает то, что другой утверждает.

Движение тела в одном направлении и одинаковое стремление того же тела в противоположную сторону не противоречат друг другу. Обе тенденции или оба предиката одновременно существуют в одном и том же теле. Но результатом борьбы этих противоположных тенденций является *покой*, т.-е. ничто. И однако, мы имеем тут истинные противоположности [1]). Ибо то, что полагается одной тенденцией, отрицается другой, и обе тенденции суть предикаты, присущие одной и той же вещи одновременно. Следствием борьбы этих тенденций является также ничто, но в другом смысле. Это «ничто» имеет значение отрицания (negatio), недостатка, отсутствия чего-либо. Логическая противоположность есть простое отрицание; реаль-

[1]) *Kant*, Versuch etc. P. 4.

ная же противоположность означает утверждение отрицания. С точки зрения формальной логики, невозможно, чтобы что-нибудь было одновременно A и не A. Но математика утверждает, что возможно, чтобы что-либо одновременно было $+A$ и $-A$. Философия должна сделать употребление из математического понятия отрицательных величин. Если бы Крузиус правильно понял природу отрицательных величин, говорит Кант, то он бы не считал отрицательные величины чем-то не имеющим величины, отрицанием величины. То, что Крузиус считал не-величиною, есть лишь отрицательная величина. Отрицательные величины имеют огромное значение в природе. Поэтому это понятие должно быть введено в *философию*, несмотря на то, что старая логика не в состоянии его объяснить. «Отрицательная и положительная деятельность материи, в особенности при явлениях электричества, скрывает, повидимому, глубокие загадки, и более счастливое потомство, прекрасное будущее которого мы предвидим, откроет, вероятно, общие законы ее, которые являются нам теперь еще в форме неопределенных совпадений» [1]).

Ньютон исходил из признания деятельности притяжения и отталкивания, двух материальных сил, которые он и сравнивал и сопоставлял с отношением положительных и отрицательных величин. Кант в своем учении об отрицательных величинах опирается на Ньютоновские основные силы. Притяжение и отталкивание относятся друг к другу как положительное и отрицательное *притяжение*. Отрицательная величина не тождественна с понятием логического отрицания. Если подходить к отрицательным предикатам в природе с формально-логической точки зрения, то необходимо будет признать, что непроницаемость есть лишь отсутствие притяжения. А между тем в природе непроницаемость есть *положительная* сила, противодействующая притяжению. Непроницаемость есть *отрицательное притяжение*. В природе непроницаемость есть сила, которая противодействует притяжению и уничтожает его при равной величине. «Мы имеем право сказать,—говорит по этому поводу Куно Фишер,—что уже в основной мысли космогонии Канта заключался зародыш идей, развитых в сочинении об отрицательных величинах, что значение их возрастало в глазах философа и становилось все более широким, чем дальше и глубже он обдумывал этот предмет. Всякая естественная и ограниченная сила действует постольку, поскольку она противодействует другой силе; она производит свое действие, уничтожая или уменьшая действие противоположной силы; следовательно, всякая сила проявляет положительную и отрицательную деятельность, положительный и отрицательный полюс, подобно тому, как сила магнетизма проявляет полярность, которую Эпин старался доказать также и в электричестве. Притяжение и отталкивание относятся друг к другу, как положительное и отрицательное притяжение, теплота и холод—как положительное и отрицательное нагревание; в явлениях магнитных и электри-

[1]) *Kant*, Versuch etc. P. 38.

ческих противоположность выражается в форме полярности. Основные силы природы проявляют столько сходства в способе своей деятельности, что Кант уже предвидит открытие связи между ними» [1]).

В дальнейшем Кант проводит различие между двумя видами реальной противоположности—действительной (oppositio actualis) и возможной или потенциальной (oppositio potentialis). Обе противоположности реальны и постоянно применяются в математике. «Они заслуживают того, чтобы философия сделала из них соответствующее употребление». Действительная реальная противоположность есть наличная противоположность, т.-е. проявляющаяся уже в действии. Потенциальная противоположность есть скрытое противоречие, противоречие, обнаруживающееся лишь при определенных условиях. «В первом случае противоположность существует, как живая сила, а во втором, как сила напряжения. Так, в порохе в дремлющем состоянии находится взрыв, в различных индивидуумах—раздор, в народах—война» [2]). Все явления природы находятся в реальной противоположности друг к другу. Все изменения совершаются таким образом, что или нечто положительное, чего раньше не было, возникает, или нечто, что раньше было, исчезает, уничтожается. В первом случае изменение есть возникновение. «Состояние мира перед этим изменением равно, в отношении этого явления,=0 и посредством возникновения получается реальное следствие=A. Но я утверждаю, прибавляет Кант, что когда возникает A, в естественном процессе изменения мира должно возникнуть также и $-A$, т.-е. что невозможно никакое естественное основание реального следствия без того, чтобы оно не было одновременно основанием другого следствия, являющегося его отрицанием» [3]). Возникновение и исчезновение взаимно обусловливают друг друга. *Всякое исчезновение есть одновременно и возникновение.* Помимо того, что исчезновение само по себе есть, как это ясно из предыдущего, *отрицательное возникновение*, ничто не исчезает без того, чтобы *другое* не возникло; и ничто не возникает без того, чтобы другое не исчезло. На основании этих соображений Кант устанавливает два положения. Первое формулировано им так: «Во всех естественных изменениях мира сумма положительного, поскольку она получается как результат сложения однородных (не противоположных) величин и вычитания реально противоположных величин, не увеличивается и не уменьшается».

Отсюда Кант делает вывод, что «в мире никогда не происходит естественным образом какое-нибудь положительное изменение, чье следствие в целом не состояло бы в действительной или потенциальной противоположности, которая сама себя упраздняет. Но эта сумма составляет нуль=0, а до изменения она также была нуль=0, так что она, таким образом, не увеличилась и не уменьшалась». Второе положение гласит так: «*все реальные*

---

[1]) *Куно Фишер*. История новой философии, т. IV, 1901 г., стр. 220—221.

[2]) *Куно Фишер*, там же, стр. 222.

[3]) *Kant*, Versuch; pp. 50-[illegible].

основания мироздания, если сложить те из них, которые однородны между собой, и вычесть друг из друга те, которые противоположны друг другу, дают итог, равный нулю».

Мы пройдем мимо тех метафизических выводов, какие Кант склонен сделать из этого закона.

Для нас важна основная мысль Канта, которая сводится к тому, что принцип реальной противоположности имеет огромное значение в природе, между тем как в формальной логике ему не отводится никакого места. Поскольку речь идет о реальной противоположности, отрицательные величины имеют положительное значение; отрицательный «полюс» положителен, подобно тому как положительный полюс отрицателен. Положительный и отрицательный моменты составляют необходимые члены реального отношения. Закон сохранения силы приходит Канту на помощь. Если сумма движущейся, т.-е. живой силы, как учил Лейбниц, составляет в природе постоянную величину, то в процессе изменения ничто не исчезает, как и не возникает вновь. При таких условиях следует предполагать, что с прекращением какого-либо материального движения, например, проявляется противоположная сила, которая до тех пор находилась в скрытом или потенциальном состоянии. В состоянии покоя или видимой бездеятельности противоположные силы сохраняют *равновесие*, которое может быть нарушено каким-либо внешним поводом, развязывающим, так сказать, связанные силы [1]). Нечто положительное может быть «уничтожено», отрицаемо реальной силой. Постоянство силы в природе составляет основание, в силу которого и возможна эта борьба противоположных сил. Этим же законом постоянства или сохранения силы объясняется процесс смены форм, перехода их друг в друга. На этом конфликте противоположных реальных оснований, как выражается Кант, покоится все совершенство мира [2]). Принцип реальной противоположности одинаково плодотворен как в области механики, так и моральной, психической и общественной жизни. Он является всеобщим законом. Исходя из установленного им принципа, Кант объявляет зло *отрицательным добром*, ненависть *отрицательной любовью*, ибо каждое из этих понятий существует лишь в связи с своей противоположностью.

Из сказанного ясно, что Кант обнаружил противоречие между реальными процессами природы и свойствами формального мышления, между реальной противоположностью и идеальной. Законы тождества и противоречия неприменимы к реальным процессам природы, ибо бытие и мышление не тождественны. Особенно выпукло обнаруживается это противоречие в проблеме причинности. Из логического основания может быть выведено

---

[1]) Ср. *Dieterich*, Newton und Kant, pp. 55—56.

[2]) «Ueberdem besteht in diesem Confliktus der entgegengesetzten Realgründe gar sehr die Vollkommenheit der Welt überhaupt, gleichwie der materiale Theil derselben ganz offenbar bloss durch den Streit der Kräfte in einem regelmässigen Laufe erhalten wird» (*Kant*, Versuch etc., p. 59).

следствие, потому что в понятии основания уже заключается его следствие. Но, сколько бы я ни анализировал *понятие*, я в нем не открою *реального* бытия. Реальное основание никогда не является логическим основанием. Логическая противоположность противоречит закону тождества, между тем как реальная противоположность, как мы видели, составляет неопровержимый факт. Отсюда Кант должен был бы перейти к выполнению той задачи, которую поставил себе Гегель, т.-е. к критике формальной логики. Отчасти он это делает, но он остановился на полдороге и задачи этой не выполнил.

Метафизики, говорит Кант, оперируют понятием реального основания, не отдавая себе отчета о всей глубине этой проблемы. Они даже не видят здесь никакой проблемы, а между тем этот вопрос является основным и самым серьезным вопросом философии. «Я хорошо понимаю,—говорит Кант,—каким образом следствие полагается основанием по закону тождества, потому что мы находим его заключающимся в основании, анализируя понятие основания. Так, необходимость есть основание неизменяемости, сложность — основание делимости, бесконечность—основание всеведения. Эту связь основания со следствием я отчетливо могу усматривать, потому что следствие действительно составляет часть основания, оно неразрывно связано с ним по закону тождества... Но, каким образом что-нибудь может вытекать из другого не по закону тождества, этот вопрос я бы очень охотно хотел уяснить себе. Я называю первую форму основания логическим основанием, потому что его отношение к следствию можно усмотреть логически, именно соответственно закону тождества; основание же второго рода я называю реальным основанием, потому что это отношение принадлежит к числу моих истинных понятий, но характер его никоим образом не может быть логически обоснован... Что касается этого реального основания и его отношения к следствию, то мой вопрос выражается в следующей простой форме: как мне понять то обстоятельство, что нечто существует потому, что существует нечто другое? [1])

Логическое следствие тождественно с основанием; первое содержится во втором. Но совершенно иначе обстоит дело с реальным основанием. Воля бога, например, заключает в себе реальное основание мира. Божья воля есть нечто. Существующий мир есть нечто совершенно другое. И все же божьей волей «полагается» мир. Вы можете, говорит Кант, анализировать понятие божьей воли сколько вам угодно, однако, существующего мира в ней не найдете. «Необходимо сделать попытку объяснить реальную противоположность вообще и дать понять, каким образом вследствие того, *что что-нибудь существует*, *что-либо другое исчезает*, а также сказать что-нибудь большее, чем я сказал об этом, именно, что эти отношения не выражаются законом противоречия. Я размышлял о характере нашего познания в наших суждениях об основаниях и следствиях, и со вре-

[1]) *Kant*, Versuch etc., pp. 67—68.

менем подробно изложу результат этих размышлений. Из них будет видно, что отношение реального основания к полагаемому или уничтожаемому им может быть выражено не суждением, а только понятием, которое путем анализа можно свести к более простым понятиям реальных оснований, однако так, что в конце концов все наше знание об этом отношении выразится в простых и неразложимых далее понятиях реальных оснований, которых отношение к следствию вовсе не может быть сделано отчетливым» [1]). Кант этим хочет подчеркнуть, что понятие силы или реального основания получается не путем логического анализа, а дано опытом.

Принцип реальной противоположности утверждает, что все явления мира находятся в действительной или потенциальной противоположности друг к другу. Из этого принципа необходимо вывести все содержание опыта. Закон мира будет сводиться к дифференцированию единства на реальные противоположности и отменению этих противоположностей в единстве согласно формуле:

$$0 = + - \text{и} + - = 0.$$

Изложенная нами своеобразная диалектика Канта имеет, как мы уже видели, свои корни в Ньютоновском учении о тяготении. Декарт и Лейбниц признавали, что в физическом мире действует только отталкивающая сила. Кант требует, чтобы философия находилась в согласии с опытными науками, т.-е. с учением Ньютона. Учение Ньютона, с другой стороны, нуждается еще в философском обосновании. Кант и стремится восполнить этот пробел: примирить учение Ньютона с философией. Но ясно, что первым условием возможности такого союза является необходимость признания философией силы притяжения на ряду с силой отталкивающей. Из одной отталкивающей силы нельзя объяснить бытия материи и вообще существования тел. Без силы отталкивающей нет протяженности, нет непроницаемости, а без силы притяжения нет ограниченного пространства. Физическое тело возможно только при условии постоянного взаимодействия отталкивания и притяжения в каждой частице материи. Элементы тела составляют атомы или физические монады, из комплексов которых образуются сложные тела. Элемент, т.-е. атом или физическая монада, составляет единство двух противоположных сил: силы отталкивания и притяжения. Механическое устройство всего мироздания объясняется Кантом из тех же основных сил, присущих элементам материи. Борьбой противоположных сил поддерживается жизнь природы. Если бы в природе действовала одна сила притяжения, то с достижением *равновесия* материальных масс наступил бы вечный *покой*. Но противоположная сила отталкивания не позволяет элементам притти в состояние покоя, выводит их *из состояния равновесия*.

Общий вывод, к которому приходит Кант в своей механической космогонии, базирующейся в общем на развитых нами уже принципах, может

---

[1]) *Kant*, Versuch etc., p. 71.

быть формулирован его же собственными словами: «...Точно так же погибают миры и системы миров и поглощаются бездной вечности; однако созидание никогда не прекращается; в других местах вселенной возникают новые образования, и убыль восполняется с избытком. Не нужно удивляться тому, что мы находим смерть даже в величайшем божием творении. Все, *что конечно, что имеет начало и происхождение, заключает в себе признаки своей ограниченной природы, должно погибнуть и иметь конец...* Если система миров за долгое время своего существования исчерпала все разнообразие, которое может заключаться в ее устройстве, если она станет только излишним звеном в цепи существующего, то вполне достойно, чтобы она сыграла в драме текущих изменений вселенной последнюю роль, которая приличествует всему конечному, именно: уплатила долг смерти». Но если в одном месте вселенной совершается необходимое разрушение, то в то же время, по тому же закону, на противоположной границе образовавшегося мира «природа неустанно работает над созданием новых миров из грубого материала рассеянных элементов и, стареясь в одном месте, у центра, она в другом месте молода и богата новыми образованиями. Поэтому организованный мир находится в границах между *развалинами разрушенных миров и хаосом еще не сформировавшейся природы* [1]), и если представить себе, что мир, достигший совершенства, существует, вероятно, более продолжительный срок, чем время, которое нужно было для его образования, то, несмотря на все опустошения, какие непрестанно производит смерть, границы вселенной все же расширяются».

«Нельзя ли думать,—продолжает далее Кант,—что природа, которая смогла из хаоса привести себя в закономерный порядок и в стройную систему, будет также в состоянии из нового хаоса, в который повергло ее уменьшение ее движений, столь же легко вновь себя восстановить и возобновить бывшие связи? Не могут ли пружины, которые привели вещество рассеянной материи в движение и порядок, после того как остановка машины привела их в покой, более расширенными силами быть опять приведены в действие и по тем же общим законам ограничить себя до согласованности и таким образом довести до завершения первоначальное устройство?» [2]). Природа уподобляется Кантом фениксу, который сжигает себя лишь для того, чтобы возродиться вновь молодым и обновленным из пепла. Природа распадается, разрушается, ввергается в хаос лишь для того, чтобы вернуться из него радикально-обновленной и омоложенной. Развитие через борьбу противоположностей, через антагонизм сил—вот тот всеобщий закон, который выражает отношения явлений в мире.

---

[1]) Курсив мой. *А. Д.*

[2]) *Kant*, Allgemeine Theorie und Naturgeschichte des Himmels (Kant's gesammelte Schriften, Akad. Ausgabe, B. I, pp. 320—318).

II

Если мы до сих пор употребляли в отношении развитых взглядов Канта термин «диалектика», то это, разумеется, мы делали не с полным правом. Но нет сомнения, что принцип реальной противоположности, идеи развития и борьбы противоположных сил, на которых построена и Кантовская космогония, составляют первоначальную ступень в развитии диалектики в немецкой философии. Естественно, что перед Кантом должна была возникнуть и проблема *единства противоположностей*, составляющего, так сказать, сущность всякой диалектики, равно как и *принцип противоречия*. Мысли, развитые Кантом в так. наз. докритический период его философской деятельности, получают дальнейшее развитие и углубление в сочинениях критического периода.

Но, чтобы не осталось никаких сомнений насчет почетной роли Канта в истории диалектики, мы считаем необходимым предварительно привести авторитетное мнение Гегеля. «Кант,—говорит Гегель,—придал диалектике более высокое положение, в чем состоит одна из величайших его заслуг, лишив ее той кажущейся произвольности, которая присуща ей по обычному представлению, и показав, что она есть *необходимое действие разума*... Диалектические соображения Канта по поводу антиномий чистого разума при ближайшем рассмотрении, правда, не заслуживают большой похвалы; но общая идея, которую он положил в основание и установил, есть *объективность видимости* и *необходимость противоречия*, принадлежащего природе мысленных определений,—правда, прежде всего, поскольку эти определения прилагаются разумом к *вещам в себе*, но затем и в том, что они суть в самом разуме и сами в себе, по своей природе» [1]). Кант в своих антиномиях открыл диалектическую природу разума, но с своей точки зрения не мог доказать *необходимость противоречия* в самих вещах. Противоречия были перенесены из действительности, где их якобы нет и не может быть, в человеческий разум, в субъект. Однако, проблема противоречия Кантом была, как мы видим, поставлена.

Но центральным пунктом философии Канта является для Гегеля учение о синтетических суждениях a priori. «Понятие, которое Кант установил в учении о *синтетических суждениях a priori*,—понятие *различного*, которое вместе с тем *нераздельно*, *тождественного*, которое само по себе есть *нераздельное различие*,—принадлежит к тому, что в его философии есть великого и бессмертного» [2]).

Для уяснения значения *диалектического синтеза* у Канта необходимо в общих чертах охарактеризовать его трансцендентальную точку зрения.

---

[1]) *Hegel*, Wissenschaft der Logik, 1833 г., I, 1, p. 44; русский пер. Дебольского, стр. 11.

[2]) *Гегель*. Наука логики, 1 кн., 1 ч., стр. 131. Ср. также его Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie, III B. 1836. P. 558.

Трансцендентальная философия Канта является результатом сложной работы, которую проделал мыслитель с самого начала своего выступления на литературную арену вплоть до появления в 1781 году «Критики чистого разума». Кант примиряет в этом произведении эмпиризм с рационализмом, исходя из той мысли, что оба направления заключают в себе долю истины, но каждое в отдельности односторонне, а потому неистинно.

Кант кладет в основу своей теории познания *чувственность* и *рассудок*, которые друг от друга различны в отношении их функций, но едины в отношении происхождения, ибо Кант предположительно допускает общий для обеих способностей корень. Чувственность и рассудок *противоположны* друг другу. Первая составляет пассивный, а второй активный момент. Чувственность — воспринимающая способность, а рассудок — способность самодеятельности. «Посредством чувственности предметы нам *даются*, и только она снабжает нас *наглядными представлениями*, но *мыслятся* предметы посредством рассудка, и из рассудка возникают понятия. Тем не менее всякое мышление в конце концов прямо или косвенно относится к наглядным представлениям, следовательно, у нас к чувственности, потому что иным способом ни один предмет не может быть дан нам» [1]). Рассудок, в противоположность чувственности, определяется Кантом, как нечувственная способность познания.

«Так как независимо от чувственности мы не можем иметь никаких наглядных представлений, то, следовательно, рассудок не есть способность наглядного представления». Но так как помимо наглядного представления существует еще лишь познание через понятия, то познание рассудка есть познание через понятия. «Все наглядные представления,—говорит Кант,— обусловливаются восприятием воздействия, а понятия обусловливаются функциями. Под функцией же я разумею *единство* деятельности, подводящей *различные* представления под *одно общее* представление» [1]). Понятия основываются на самодеятельности мышления, а чувственные наглядные представления на восприимчивости к впечатлениям. Понятия никогда не стоят в связи с предметом непосредственно. Впечатления мы получаем вследствие того, что предметы действуют на нашу чувственность. Рассудок же есть способность мышления. Но тут же обнаруживается и связь обеих познавательных способностей в том, что рассудок способен мыслить только предметы чувственного созерцания. Без чувственности рассудок не имел бы вообще никакого содержания, никакого предмета мышления. Поэтому рассудок вынужден растворить свои понятия в наглядные представления. Но для того, чтобы наглядные представления, с своей стороны, были доступны познанию, они должны «превратиться» в понятия. Таким образом устанавливается взаимная зависимость обеих способностей, их связь в процессе познания. *Рассудок лишен способности созерцания, чув-*

---

[1]) *Кант.* Критика чистого разума, русск. пер. Н. Лосского, 1915 г., стр. 41.

[2]) *Кант.* Крит. чистого разума, стр. 69.

ственность лишена способности мышления. Познание возникает лишь из синтеза обеих противоположных способностей, из их взаимного объединения.

Утверждаемая Кантом противоположность между чувственностью и рассудком страдает метафизичностью, ибо чувственность вовсе не является способностью только пассивной. Она пассивна и активна одновременно. Точно так же и рассудок не есть только чистая активность, спонтанность (Spontaneität). Разумеется, задача научного познания сводится к абстрагированию отдельных моментов, но в такой же степени и к нахождению единства в различиях. Не следует пренебрегать ни различиями, ни тем конкретным единством, которое объединяет различия в одно неразрывное целое. Реально нельзя отделить чувственность от рассудка, как это делает Кант, но было бы неправильно упустить из виду и различные их направления. Правда, Кант пользуется именно указанным нами методом, который мы называем диалектическим, и требует, чтобы единство было сохранено. Тем не менее, его резкое одностороннее определение чувственности и рассудка, как особых и отличных друг от друга способностей — пассивной и активной, является недостаточным или, если угодно, метафизическим. Выделение же, однако, пассивного момента, как преобладающего в чувственности, и активного, как господствующего в рассудке, — из единой силы воображения, двумя сторонами которого они являются, методологически надо признать правильным. Таким образом, чувственность и рассудок предполагают друг друга, но они предполагают вместе с тем и то реальное *единство*, тот общий корень, из которого оба одинаково берут свое происхождение.

Целью познания является истина. Под истиной мы понимаем такое суждение, содержание которого совпадает с действительностью. Это соответствие с действительностью мы можем установить посредством сравнения — сравнения содержания суждения с тем, что имеет место в действительности. Уже отсюда можно сделать вывод, что практика имеет решающее значение и для чисто теоретико-познавательного решения проблемы. Мы постоянно сопоставляем и сравниваем наши суждения с действительностью. Но что такое *действительность?* Это составляет один из основных вопросов теории познания. Действительность дана нам в восприятии. Все то, что мы видим, слышим, осязаем и пр., составляет тот действительный мир, который нам противостоит и который подлежит познанию. Но познавать мир, познавать действительность — значит создавать себе о нем правильные понятия, представления и суждения, в коих мы снова находим ту же действительность. Суждения, понятия *истинны*, если они согласуются с действительностью, данной непосредственно в восприятии. Стало быть, истиной мы называем это соответствие, познание же состоит в правильном отображении этого действительного мира. Познание есть процесс, есть активное отношение наше к действительности, которую мы стремимся постигнуть. Результат этой деятельности выражается в истине, которая составляет цель познавательной деятельности.

Эмпиризм исходит из чувственности, которая составляет, как мы видели, *пассивный* момент познания, страдательное отношение наше к действительности. Мы *воспринимаем* действительность; это и есть то, что Кант называет рецептивностью, восприимчивостью. Но Кант справедливо утверждает, впротивовес «страдательному» эмпиризму, что мы относимся к действительности и *активно*. В чистой «восприимчивости», в наших восприятиях отсутствует целый ряд моментов, которые необходимы для познания. Ведь познание имеет дело с суждениями и положениями, имеющими характер всеобщих законов, которые не даны и не могут быть даны в восприятии, ибо в восприятии, в чувственности нам всегда даны единичные, конкретные предметы, между тем как в познании мы имеем дело с общими, абстрактными положениями и суждениями. Но эти общие законы, очевидно, не даны в восприятии. Значит, нельзя оставаться на почве чувственности, на почве восприятий, а приходится выйти за их пределы. Противоположность между чувственностью и мышлением обнаруживается теперь в том, что восприятие конкретно, единично, мышление же абстрактно и всеобще. На почве восприятия — или эмпиризма — мы имеем множество разрозненных явлений, которые доставляются чувствами. Но опыта в научном смысле нет без суждений, которые являются результатом деятельности рассудка. Рассудок, однако, в своей деятельности находится всецело в зависимости от чувственности в отношении *содержания* познания, ибо чувственность есть единственный источник, из которого рассудок черпает свой материал. Рассудок проявляет свою деятельность в отношении оформления познания. Здесь он активен. Таким образом, чувственность доставляет материал, рассудок же оформляет его. Деятельность мышления состоит в том, что оно объединяет ряд восприятий или отдельных элементов восприятия в одно целое, в единство; оно совершает синтез, создает синтетическое единство. Но это синтетическое единство имеет объективную значимость. Причинная связь, напр., есть предмет мышления, а не предмет восприятия. Мы мыслим эту связь, как действительную, реальную связь. Мышление есть систематическая деятельность связывания явлений, но эта связь получает объективное значение. Деятельность же мышления состоит в установлении связи между восприятиями в синтезе. Суждение связывает явления в единство. В каждом суждении мы имеем две стороны, два фактора: эмпирический материал, *многообразие созерцания*, и формирующую деятельность мышления, которая *синтетически объединяет это многообразие в единство*, или, иначе говоря: эмпирические и априорные понятия. Так как без априорных понятий нет суждения в указанном смысле, то мы вынуждены этим априорным понятиям приписывать объективную значимость. И Кант устанавливает, исходя из природы всякого суждения, целую систему таких априорных понятий, или *категорий*. Эти формы суждения совершенно независимы от эмпирического содержания и выражают только отношения, в которые полагаются эмпирические понятия. Так, напр., понятия причинности или суб-

станции являются выражениями синтетической функции сознания. В качестве понятий априорных они имеют объективную значимость, потому что они делают возможным соединение многообразия созерцания, т.-е. составляют необходимое условие возможности предметов. Априорные понятия (количество, качество, отношение и модальность с их соответствующими тремя подвидами: всеобщее, множество и единство, поскольку речь идет о количестве и пр.) не могут произойти из опыта, ибо единство или множество, напр., не воспринимается нами как нечто чувственное; но они составляют условие, предпосылку предметного сознания. Значит, есть такие понятия, которые имеют своим источником мышление. Число их ограничивается двенадцатью. Они составляют «чистое мышление», т.-е. даны в мышлении априорно до всякого опыта, условиями которого они являются. Составляющие чистое мышление понятия суть выражения определенных форм нашей синтетической деятельности. Они применимы к любому материалу познания и от него ни в малейшей степени не зависят. Априорные понятия имеют объективную значимость для предметов только потому, что только благодаря их применению мы и знаем предметы, благодаря им возникают предметы для нашего сознания, ибо без них мы имеем только хаотическую, несвязанную совокупность впечатлений.

Трансцендентальный метод Канта является не чем иным, как своеобразным обоснованием опыта. Основания опыта лежат вне самого опыта, рассуждает Кант, и поэтому они априорны. Трансцендентальный метод состоит в открытии априорных принципов, составляющих основания опыта. Априорные понятия или категории имеют своей задачей превращение многообразия опыта в единство. Но это связывание, этот синтез имеет всеобщий и необходимый характер. Необходимость и строгая всеобщность суть «достоверные признаки познания и нераздельно связаны друг с другом».

«Когда солнце освещает камень,—говорит Кант,—то он становится теплым; это суждение есть простое суждение восприятия и не содержит никакой необходимости: как бы часто мы это ни воспринимаем, можно сказать только, что восприятия обыкновенно связаны таким образом. Если же я говорю: солнце *согревает* камень, то тут уже сверх восприятия привходит еще рассудочное понятие причины, связывающее *необходимо* с понятием солнца понятие теплоты, и синтетическое суждение становится необходимо всеобщим, следовательно объективным, оно из восприятия превращается в опыт» [1]). Суждение восприятия, как индивидуальное суждение опыта, как субъективное суждение, превращается в опытное суждение, которое теряет свой индивидуальный и субъективный характер и принимает форму всеобщего, объективного суждения. Мое восприятие превращается во *всеобщее* содержание объективного сознания. Этот процесс превращения совершается при помощи рассудочного понимания, которому присущи всеобщность и необходимость.

---

[1]) *Kant*, Prolegomena. P. 20.

Мы уже видели, что чувственность доставляет материал познания, рассудок упорядочивает наше познание, оформляет его. Тут вскрывается новая противоположность между формой и содержанием познания. Но чувственность и рассудок находятся во взаимной зависимости друг от друга. Ведь только из их объединения возникает познание. Рассудок всецело зависит от чувственности, поскольку речь идет о содержании познания. Чувственность же, совокупность восприятий, зависит от рассудка в отношении формы. Впечатления чувств дают первый толчок и повод к деятельности познавательной способности и к созданию опыта, который содержит в себе два неоднородных элемента, как выражается Кант, а именно: материю познания, доставляемую чувственностью, и форму — из внутреннего источника чистого созерцания и мышления. Суждения восприятия существуют только в моем сознании, они субъективны. Опытные же суждения, как всеобщие и необходимые, существуют в «сознании вообще».

Чистые рассудочные формы или категории превращают суждения восприятия в опытные суждения, субъективные восприятия в объективный и общезначимый опыт. Но каким образом наглядные представления сочетаются с категориями? «В исследуемом нами случае,—говорит Кант,—очевидно должно существовать нечто третье, однородное в одном отношении с категориями, а в другом — с явлениями, и обусловливающее возможность применения категорий к явлениям. Это посредствующее представление должно быть чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, интеллектуальным, а с другой—чувственным» [1]). Третье начало, которое должно объединить и связать чувственность с рассудком, диалектически преодолеть обе противоположности в высшем единстве, где они составляют одно конкретное целое, и есть трансцендентальная схема (сила воображения). Трансцендентальные схемы образуют правила синтеза силы воображения, которая определяет созерцания или наглядные представления, согласно известным общим понятиям, и, обратно, создает для понятия наглядное представление. *Этим третьим началом преодолевается как слепая чувственность, так и пустое понятие. Чувственность в этом акте приобретает всеобщность мысли, а мысленное воплощается в конкретном многообразии чувственного.* Трансцендентальная схема есть посредствующий момент между понятием и чувственным представлением. «В действительности,—говорит Кант,—в основе наших частью чувственных понятий лежат не образы предметов, а схемы. Понятию треугольника вообще никогда не может соответствовать образ его... Схема треугольника не может никогда существовать иначе, как в мысли, и означает правило синтеза силы воображения в отношении чистых образов в пространстве». В состоянии ли Кант разрешить эти противоречия на почве своего субъективизма и априоризма,—это вопрос особый. Здесь нас интересует пока только метод Канта. Ясно, что Кант не может достигнуть конкретного единства

[1]) *Kant*, Kr. der r. Vernuft. 2-е изд., 1787 г., p. 177.

чувственности и мысли, к которому он стремится, ибо, с точки зрения Канта, «чистые понятия рассудка возможны и даже в отношении к опыту необходимы только потому, что наше познание имеет дело с явлениями, коих возможность заключается в нас самих, коих связь и единство существует только в нас».

Высшее единство чувственности и рассудка достигается трансцендентальной апперцепцией. Деятельность воображения есть бессознательный акт. Воображение слепо. *Последняя основа объективности нашего познания коренится в чистой апперцепции или самосознании.* «Я могу судить о чем бы то ни было лишь постольку, поскольку все представления, входящие как элементы в мое суждение, сопровождаются единым, всегда тождественным с собою утверждением «я мыслю», ибо для того, чтобы судить, я должен одинаково признавать, как *мои*, все те представления, о которых я сужу. Следовательно, все многообразие наглядного представления имеет необходимое отношение к «я мыслю» того самого субъекта, в котором это многообразие находится» [1]). Трансцендентальная апперцепция есть единство самосознания и противополагается эмпирической апперцепции или эмпирическому сознанию, как объективно-логические основания познания субъективно-психологическим. «Первоначальное и необходимое сознание тождества нашего *я* есть в то же время сознание столь же необходимого единства синтеза всех явлений согласно понятиям, т.-е. согласно правилам». Но трансцендентальная апперцепция превращает индивидуальное *я* во всеобщее, универсальное *Я*. Или, иначе говоря, в процессе познания индивидуальное сознание превращается в универсальное, субъективное в объективное. Все представления имеют необходимое отношение к возможному эмпирическому, т.-е. субъективно-психологическому сознанию. Всякое же эмпирическое сознание имеет необходимое отношение к трансцендентальному, т.-е. объективно-логическому сознанию. Только через отношение представлений к трансцендентальной апперцепции возникает суждение, т.-е. отношение, имеющее объективное значение. «Согласно законам ассоциации,—говорит Кант,—я мог бы только сказать: если я несу тело, то я чувствую давление тяжести, но не мог бы сказать: оно, тело, есть нечто тяжелое, следовательно, утверждать, что эти два представления связаны в объекте, т.-е. без различия состояний субъекта, а не сосуществуют только в восприятии».

Значит, отношение представлений, имеющее субъективное значение и связанное только согласно законам ассоциации, превращается в новое отношение, устанавливающее связь представлений в объекте,—отношение, которое отвлекается от всех субъектов и приобретает характер объективной связи. Однако, Канту не удается разрешить эту проблему. Ибо трудность вопроса заключается здесь в том, что субъективные представления должны принять характер общеобязательных суждений. И Кант вместо

---

[1]) *Kant*, Kritik der r. V., 2 изд., 1787 г., стр. 132.

того, чтобы объяснить возможность этого «превращения», только догматически постулирует объективное сознание, в котором случайная связь представлений принимает форму всеобщей связи. Это перенесение содержания субъективного *я* на все человеческие существа является вопиющим противоречием. Правда, речь идет у Канта о явлениях. Но именно потому, что явления суть только *мои представления,* на чем и основывается право применения субъективных чистых понятий к ним, совершенно невозможно относить их ко всем субъектам. Если явления суть *мои представления,* то их связь и объединение и правомерны относительно моего сознания, относительно субъекта. Так и категории: именно потому, что они субъективны, их применение к «сознанию вообще», т.-е. их превращение из субъективных форм в свою противоположность, в объективную и общезначимую связь, решительно ничем не оправдывается.

Вся эта тонкая аргументация доказывает только — в этом отношении все учение о познании Канта заслуживает чрезвычайно пристального внимания — невозможность построения научной теории познания на априорных и идеалистически-субъективных предпосылках, как это с большим искусством пытается делать Кант. Ибо трансцендентальная апперцепция, сознание вообще, означает не что иное, как необходимость выйти за пределы субъекта и обратиться к объективной действительности, где мы только и можем найти критерий всеобщности и необходимости. Можно сколько угодно твердить, что *я* есть *мы*, но для всякого непредубежденного человека, не испорченного в конец школьной схоластикой, очевидно, что *я* не может превратиться в *мы* и что этому делу помочь не может придуманное Кантом в противоположность эмпирическому сознанию сознание трансцендентальное, что это превращение, словом, основано на чуде. Но вместе с тем, допущением объективного значения познания Кант выходит за пределы субъективного, между тем как стремления Канта направлены к тому, чтобы обосновать познание на почве субъективизма, чтобы в субъекте найти основание достоверности познания. Кант превосходно чувствует и понимает, что всякое познание претендует на объективное значение, на сверхсубъективный характер. В этом заколдованном кругу вращается мысль Канта, который с одной стороны признает за категориями только субъективную значимость, с другой стороны — объективную. Применение *моих* категорий к явлениям другого субъекта совершенно невозможно и неправомерно. Стало быть, выходом из этого безвыходного положения вовсе не является то утверждение Канта, что категории применимы лишь к явлениям, но не к вещам в себе. *Мои* чистые понятия действительны только для *моих* представлений, если они вообще действительны, но от *моих* явлений нет перехода к явлениям других субъектов, не говоря уже, конечно, о вещах в себе.

Однако, то обстоятельство, что мы приписываем определенным формам нашей мысли значение объективных законов, означает, что эти формы нашего рассудка суть определения самой действительности, как, напр., закон при-

чинности. Вместе с тем совершенно неправильно, будто трансцендентальная апперцепция, или тождество познающего субъекта, является логическим основанием суждения, ибо мы в суждении высказываем такие положения, которые предполагаются истинными, независимо от того, мыслю ли я их или нет. Тождество нашего сознания вовсе не является тем логическим условием или необходимой предпосылкой, которая лежит в основании нашего познания. «Я мыслю», как логическое основание познания, вовсе не сопровождает все наши суждения. Конечно, для того, чтобы вообще возможно было познание,—а ведь речь идет о *нашем, человеческом* познании,—необходима наличность познающего субъекта. И в этом смысле можно сказать, что без субъекта нет объекта. Но это условие чисто психологического порядка. Для *познания* объекта необходим субъект. Но для *существования* объекта никакого субъекта не требуется. А между тем тут происходит у Канта смешение познания и существования. Условия познания превращаются в необходимые условия существования. Но, как бы ни было справедливо утверждение, что субъект участвует в процессе познания — и довольно активно участвует, — как бы ни было верно то утверждение, что в качестве условия познания тождество субъекта, наше самосознание является известной предпосылкой возможности познания, речь идет только об известном необходимом психологическом условии. Но познавательный акт состоит именно в том, что известные суждения *мои* претендуют на независимость от моего и всякого другого сознания. В этом и заключается *внутренняя диалектика познания, что субъект высказывает суждения, содержание которых совершенно независимо от субъекта.* В суждении я выхожу всегда за пределы моего суждения и отвлекаюсь от всякого «*я*». Значит, представление «я мыслю» вовсе не сопровождает моего суждения. Познавательное суждение по самому существу своему имеет объективное значение и относится к внешнему миру, к транссубъективной области, т.-е. к тому, что не есть мое представление. Мои представления, как *мои* представления, субъективны, но мои же представления объективны, т.-е. лишаются характера субъективности, поскольку они относятся к тому, что не есть мои представления, т.-е. к внешнему миру. *Так субъективный момент в процессе познания снимается и переходит в свою противоположность.* Мое «*я*» есть *мое* я, мои представления суть мои представления в противоположность тому, что есть *другое*, что не есть мое «*я*». *Этот процесс противоположения и порождает наше самосознание, которое противополагается другому. Но мое сознание находит себя снова в объективном мире, как его результат. Именно потому и возможно вообще объективное познание, что наше «я» еще до акта познания составляет часть объективного бытия. Потому-то и субъект может притязать на объективность и общезначимость его суждений и представлений, что эти «суждения» реальны.* В каждом *субъективном* акте познания всегда предполагается *объективное* содержание. И мы требуем от всякого сознания, т.-е. от всех субъектов, чтобы они признавали вместе с нами определенные положения всеобщими и необходимыми, т.-е. *объек-*

тивными, т.-е. лишенными характера субъективности. «Сознание вообще» также должно быть *снято* для того, чтобы возможно было утверждение объективной истины. *И именно признание этих суждений или положений содержанием «сознания вообще» означает не что иное, как утверждение объективности в смысле независимости от всякого сознания.*

III

Кант проводит резкое различие между аналитическими и синтетическими суждениями.

Всякое познание есть *суждение*. Но суждение, чтобы оно приобрело *научное значение*, должно соединять представления *разнородные, различные, противоположные*, а не однородные. Аналитическое суждение уясняет смысл высказанного, оно состоит в расчленении данного понятия. Синтетическое суждение богаче; оно расширяет наше знание. Оно основано на опыте. Оно соединяет различные представления. Чтобы я мог произнести суждение: тело обладает тяжестью,—необходим опыт. Без опыта я не имею представления тяжести. Всякое познание в сущности состоит из синтетических суждений. Аналитические суждения априорны, синтетические—опытны, т.-е. апостериорны. Таков был первый результат. Но вопрос состоял в том, возможны ли синтетические суждения a priori?

«Во всех суждениях,—говорит Кант,—в которых мыслится отношение субъекта к предикату..., это отношение может быть двояким. Или предикат *B* принадлежит субъекту *A*, как нечто содержащееся (в скрытой форме) в этом понятии *A*, или же *B* находится вне понятия *A*, хотя и стоит в связи с ним. В первом случае я называю суждение *аналитическим*, а во втором—*синтетическим*. Следовательно, аналитический характер имеют те суждения, в которых эта связь предиката с субъектом мыслится вследствие тождества, а те суждения, в которых эта связь мыслится без тождества, должны называться синтетическими. Первые можно было бы также называть *поясняющими*, а вторые — *расширяющими*, так как первые своими предикатами ничего не присоединяют к понятию субъекта, а только разлагают его путем анализа на части, которые уже мыслились в нем (хотя и в смутной форме), между тем как последние присоединяют к понятию субъекта предикат, который вовсе не находился в нем и не мог бы быть извлечен из него никаким анализом. Напр., если я говорю: «все тела протяженны», то это суждение аналитическое. В самом деле, мне незачем выходить за пределы понятия, соединяемого мною со словом: тело, чтобы найти, что протяжение связано с ним, мне нужно только расчленить это понятие, т.-е. дать себе отчет в многообразии, всегда мыслимом в нем, чтобы найти в нем этот предикат; следовательно, это аналитическое суждение. Наоборот, если я говорю — «все тела тяжелы», то этот предикат есть нечто иное, чем то содержание, которое я мыслю в простом понятии тела вообще. Следовательно,

присоединение такого предиката дает синтетическое суждение» [1]). Все эмпирические суждения имеют синтетический характер. Было бы нелепо, в самом деле, основывать аналитические суждения на опыте, говорит Кант, так как, высказывая эти суждения, я не должен выходить за пределы понятия, т.-е. не нуждаюсь в свидетельстве опыта. В синтетическом суждении происходит объединение *различных* представлений в *одно целое*.

«Под *синтезом* в самом широком смысле,—говорит Кант,—я разумею акт присоединения различных представлений друг к другу и понимания их многообразия в едином знании. Такой синтез называется *чистым*, если многообразие дано a priori (как многообразие пространства и времени), а не эмпирически. Раньше всякого анализа представления должны быть уже даны, и ни одно понятие по *содержанию* не может возникнуть аналитически. Знание впервые производится синтезом многообразия (будь оно дано эмпирически или a priori); первоначально это знание может быть еще грубым и спутанным и потому нуждается в анализе, но тем не менее именно *синтез* есть то, что собственно собирает элементы в форму знания и объединяет их в известном содержании. Поэтому *синтез* есть первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о первом происхождении наших знаний.

«Синтез вообще... есть исключительно действие способности воображения—слепой, хотя и необходимой функции души; без этой деятельности мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко сознаем ее в себе. Однако, задача свести этот *синтез* к *понятиям* есть функция рассудка, посредством которой он впервые доставляет нам знание в настоящем смысле этого слова.

«*Чистый синтез*, *представляемый в общей форме*, дает чистое понятие рассудка. Под чистым синтезом я разумею синтез, имеющий своим основанием априорное синтетическое единство: так, наш счет (это заметно особенно на больших числах) есть *синтез согласно понятиям*, так как он производится согласно общему основанию синтеза (напр., в десятичной системе). Под влиянием такого понятия единство в синтезе многообразия становится необходимым.

«Путем анализа различные представления подводятся *под* одно понятие; эту деятельность исследует общая логика. Трансцендентальная же логика исследует, как приводятся к понятиям не представления, а *чистый синтез* представлений. Первое, что должно быть дано нам для априорного познания всех предметов, есть *многообразие* чистого наглядного представления; *синтез этого многообразия* посредством способности воображения есть второе условие, однако оно не дает еще знания. Понятия, сообщающие *единство* этому чистому синтезу и состоящие исключительно в представлении этого необходимого синтетического единства, составляют *третье условие* для познания являющегося предмета и основываются на рассудке» [2]).

---

[1]) *Kant*, Kritik der reinen Vernunft, 2 Aufl. pp., 10—11.

[2]) *Кант*. Критика чистого разума, русск. пер. Лосского, стр. 73—74.

Чистые понятия рассудка, составляющие различные формы синтезирования, Кант, по примеру Аристотеля, называет категориями. Существует двенадцать основных категорий, или, вернее, четыре класса или вида категорий, из которых каждый основной вид распадается на три подвида. Так, категорию *количества* составляют: единство, множество, всеобщность; категорию *качества*: реальность, отрицание, ограничение и т. д. Гегель считает заслугой Канта, что он установил *трехчленное деление* основных классов категорий. Он считает установленную Кантом трихотомию «формальной искрой света». Сам Кант по этому поводу замечает следующее: «Каждый класс содержит в себе одинаковое число категорий, именно три, и это обстоятельство опять-таки побуждает к размышлению, так как в других случаях всякое априорное деление с помощью понятий должно быть двухчленным. Сюда надо прибавить однако, что третья категория возникает всегда из соединения второй и первой категории одного и того же класса». «Так, *всеобщность* (целостность) есть множество, рассматриваемое как единство, *ограничение* есть реальность, связанная с отрицанием, *общение* есть причинность субстанций, взаимно определяющих друг друга, наконец, *необходимость* есть бытие, данное уже самою своею возможностью» [1]).

В самом деле, множество есть отрицание единства; всеобщность или, точнее *всеединство* составляет *синтез единства и множества*. Первая категория составляет тезис, вторая — антитезис (отрицание), третья — синтез обеих первых [2]).

Апостериорные синтетические суждения возникают посредством соединения эмпирических наглядных представлений. Априорное синтетическое суждение мы имеем тогда, когда третьим посредствующим моментом, связывающим субъект с предикатом, является синтетическое единство сознания. Всякое синтетическое суждение создается из соединения различных абстрактных представлений, если мы это суждение разложим на его составные элементы. «Роза» сама по себе есть отвлеченное понятие, как и красный цвет. Соединив их вместе, мы получаем нечто новое — синтез, конкретное единство, в котором абстрактные моменты «сняты» [3]). Правильный метод состоит в сочетании анализа и синтеза.

Каждое аналитическое суждение есть, конечно, одновременно и синтетическое, но этот аналитический синтез сохраняет самостоятельность частей. В суждении «квадрат есть четырехугольник», напр., мы связываем квадрат с четырехугольником, но эта связь есть аналитический синтез, ибо в понятии квадрата содержатся все признаки, какие заключаются в четырехугольнике. В аналитическом суждении мы мыслим отвлеченные понятия в их логической связи [4]). Таким образом, природа синтетических

---

[1]) *Кант.* Крит. чист. раз., стр. 77.

[2]) Ср. *Hegel.* Vorles. über die Geschichte der Phil., B. III. 1836, p. 567.

[3]) Ср. *Erich Frank.* Das Prinzip der dialektischen Synthesis und die Kantische Philosophie, Berlin, 1911, p. 7.

[4]) *E. Frank*, Das Prinzip etc., p. 7.

или диалектических суждений совершенно отлична от природы аналитических суждений. Формальная логика с ее высшим основным принципом противоречия применима только к аналитическим суждениям. Но она неприменима к синтетическим суждениям. Или, точнее, она применима к нашим мыслям, к отвлеченным понятиям, но она теряет свои права в области конкретной действительности.

Вследствие того, говорит Кант, что я могу соединить многообразие данных представлений в *одном сознании*, возможно, чтобы я представлял себе *тождество сознания* в самых *этих представлениях*. Иначе говоря, *аналитическое* единство апперцепции возможно только при предположении какого-либо *синтетического* единства апперцепции. В силу способности нашей схватить многообразие представлений в одном сознании, я называю все их *моими* представлениями. «Итак, синтетическое единство многообразия наглядных представлений, как данное a priori, есть основание тождества самой апперцепции, которая a priori предшествует всему *моему* определенному мышлению. Во всяком случае не предмет заключает в себе синтез, соединение, которое могло бы быть заимствовано из него путем восприятия и таким образом впервые было бы получено рассудком, но, наоборот, сам рассудок производит соединение, он есть не что иное, как способность a priori соединять и подводить многообразие данных представлений под единство апперцепции. Этот принцип есть высшее основоположение во всем человеческом знании» [1]). Трансцендентальной апперцепцией Кант называет чистое первоначальное неизменное сознание. «Знания состоят в определенном отношении данных представлений к объекту. *Объект есть то, в понятии чего объединено многообразие данного наглядного представления. Но всякое объединение представлений требует единства сознания в синтезе их.* Следовательно, единство сознания есть то непременное условие, которым создается отношение представлений к предмету, т.-е их объективное значение, т -е превращение их в знание; на этом условии, следовательно, основывается возможность самого рассудка».

Итак, основоположение первоначального *синтетического* единства апперцепции есть первое чистое познание рассудка; оно вместе с тем вовсе не зависит ни от каких условий чувственного наглядного представления. «Синтетическое единство сознания есть, следовательно, объективное условие всякого знания; не только я сам нуждаюсь в нем, чтобы познать объект, но и всякое наглядное представление должно стоять под ним, чтобы сделаться для *меня объектом*, потому что иным путем и без этого синтеза многообразие не объединилось бы в одном сознании» [2]). *Кант рассматривает сознание как синтетический акт.* Чистая апперцепция или самосознание составляет чистую *форму трех моментов синтетического единства: момента многообразия, единства и синтеза. Формальное тождество само-*

---

[1]) *Кант.* Критика чистого разума, стр. 94—95.

[2]) *Кант.* Там же, стр. 100.

сознания содержит в себе и *формальные*, т.-е. *абстрактные различия. Оно есть единство в различии и различие в единстве, но не материальное и объективное*. Оно лишено еще *определенного* объекта, являясь однако *формальным носителям всех объектов. Единство самосознания не есть простое тождество в себе, но единство многообразия, не аналитическое, а синтетическое единство*, т.-е. единство себя и другого. В понятии тождества содержится и понятие перехода от одного к другому.

Априорное понятие составляет соединение многообразия чистых рассудочных понятий в сознании. Время и пространство суть априорные наглядные представления, потому что мы в состоянии многое знать и сказать о них до всякого опыта. То же самое относится и к априорным понятиям [1].

Таким образом, синтетическое суждение a priori мы имеем тогда, когда третьим, посредствующим моментом или членом, необходимо соединяющим понятие субъекта с понятием предиката, является синтетическое единство сознания. Можно сказать, что всякое синтетическое суждение создает из соединения различных признаков определенное конкретное качество в единстве, так как отдельные признаки теряют свой абстрактный характер. В суждении «роза красна» мы имеем два абстрактных представления, если мы это суждение разложим на его составные части. «Роза» сама по себе отвлеченное понятие, как и «красное» [2]. Соединив их вместе, мы получаем нечто новое—синтез, конкретное единство, т.-е. так, как они даны в первоначальном синтетическом единстве до анализа сознания, но уже в результате процесса анализа и нового синтеза мы восстанавливаем, так сказать, единство сознания на высшей ступени. Абстрактное понятие «розы», равно как и отвлеченное понятие «красного», сняты и объединены в конкретном единстве вещи. В синтетическом суждении мы имеем дело не с абстрактно-логическими отношениями понятий, как это имеет место в аналитических суждениях, а с конкретно-реальными отношениями. Синтетическое единство составляет результат диалектического синтеза, в котором синтез «снимает» результат анализа и анализ снимает результат синтеза [3]. Анализ состоит в разложении целого на части, синтез, наоборот, в соединении частей в целое. Правильный метод объединяет анализ и синтез или индукцию с дедукцией (в метод редукции), что собственно и со-

---

[1]) *Kant*, Vorlesungen über die Metaphysik, 1821, pp. 25—27.

[2]) *Erich Frank*, Das Prinzip der dial. Synthesis etc., p. 7.

[3]) «Dieses Experiment der reinen Vernunft hat mit dem der Chemiker, welches sie manchmal den Versuch der Reduktion im Allgemeinen aber das synthetische Verfahren nennen, viel ähnliches. Die Analysis des Metaphysikers schied die reine Erkenntnis a priori in zwei sehr ungleichartige Elemente, nämlich die der Dinge als Erscheinungen, dann der Dinge an sich selbst. Die *Dialektik* verbindet beide wiederum zur Einhelligkeit mit der nothwendigen Vernunftidee des Unbedingten, und findet, dass diese Einhelligkeit niemals anders als durch jene Unterscheidung herauskomme, welche also die wahre ist» (*Kant*, Kritik der reinen Vernunft, 2. Aufl. 1787, p. XXI).

ставляет диалектику [1]). Но простое соединение частей еще не снимает результата анализа, не уничтожает, не отменяет частей, ибо в таком соединении части сохраняют самостоятельную реальность. Настоящий же синтез отменяет самостоятельную реальность частей путем восстановления реальности целого, конкретного единства. Вода, напр., представляет собою, в качестве химического соединения, диалектический синтез, в котором составные элементы (кислород и водород) не сохраняют своей самостоятельности, а, напротив, «снимаются».

Синтетическое суждение есть акт соединения двух общих и абстрактных понятий, из коих каждое представляет собою только часть конкретного представления, которые однако в своем соединении выражают диалектический синтез, посредством которого эти части снова объединяются в первоначальном единстве сознания. Синтетическое суждение есть такое суждение, которое становится необходимым в силу синтетического единства сознания. Понятие связи включает в себе, кроме понятия разнообразия и синтеза его, еще и понятие *единства* разнообразия [2]). Чистое «*я*» или чистая апперцепция (сознание вообще) есть чистая *форма* означенных трех моментов синтетического единства. Это тождество *я* содержит в себе и абстрактное различие. Оно лишено определенного объекта, и вместе с тем оно является формальным носителем всех объектов, которые к нему относятся. Поэтому оно включает многообразие в себе, как объекты вообще. Синтетическое единство сознания есть, следовательно, объективное условие всякого знания; не только я сам нуждаюсь в нем, чтобы познать объект, но и всякое наглядное представление должно стать под ним, *чтобы сделаться для меня объектом*, потому что иным путем и без этого синтеза многообразие не объединилось бы в одном сознании [3]). Разнообразие, данное в чувственном созерцании, необходимо принадлежит первоначальному синтетическому единству апперцепции, ибо только через последнюю *единство созерцания* становится возможным. Принципом Канта является не единство, а синтез. Синтез не есть простое *тождество* в себе, но *единство разнообразия*, не аналитическое, а синтетическое единство, т.-е. *единство другого*, а не самого себя. Это основоположение необходимого единства апперцепции само, правда, имеет характер тождественного, т.-е. аналитического суждения, но тем не менее оно объясняет необходимость синтеза данного в наглядном представлении многообразия, так как без этого синтеза не может быть мыслимо постоянное тождество самосознания. В самом деле, *я*, как простое представление, еще не дает никакого многообразия; многообразие может быть дано только в отличном от *я* наглядном представлении и может быть мыслимо через *соединение* в одном *сознании* [4]).

---

[1]) Ср. *Erich Frank*, Das Prinzip der dialektischen Synthesis und die Kantische Philosophie, Berlin, 1911, p. 3—4.

[2]) Ср. *Julius Ebbinghaus*, Relativer und absoluter Idealismus. Leipzig, p. 6.

[3]) *Кант*. Критика чист. разума, стр. 100.

[4]) *Кант*, Критика чист. разума, стр. 96.

Опыт достигается не посредством подведения, а посредствам *синтеза. Действительный опыт синтетичен. Сознание осуществляет этот синтез. Оно своею деятельностью отменяет противоположности. Оно синтезирует многообразие, синтезируя одновременно себя и многообразие в единство самого себя. Оно полагает многообразие, как свое собственное единство. Вне этой деятельности, сознание, как абстрактное единство, существует лишь, как пустая покоящаяся форма, без содержания. Только посредством деятельности сознание становится синтезом противоположностей, конкретным синтетическим единством многообразия* [1]).

Но понятие соединения заключает в себе, кроме понятия многообразия и синтеза его, еще понятие *единства многообразия*. Соединение есть представление *синтетического* единства многообразия. Следовательно, представление этого единства не может возникнуть из соединения; скорее, наоборот, оно делает впервые возможным понятие соединения вследствие того, что присоединяется к представлению многообразия [1]). «*Аналитическое* единство апперцепции возможно только при предположении какого-либо *синтетического* единства апперцепции».

Во всяком единстве сохраняется и множественность. В понятии тождества содержится и понятие перехода от одного к другому. Синтез предполагает такой поток, собирание того, что раздельно, противоположно. Мы имеем бытие, как инобытие, возникновение и исчезновение, тождество в отрицании, словом, процесс. Сознание и есть такая способность перехода от одного к другому [2]). С точки зрения Канта, аналитическое единство возможно при предположении *синтетического единства*. Единство и многообразие не изолированы друг от друга. Единство есть деятельное отрицание многообразия, и этим оно становится тождественным с последним и наоборот. *Диалектическое «я» составляет абсолютное формальное единство противоположностей.* В сознании, таким образом, связано то, что раздельно и обособлено вне его. Однако, это относится только к явлениям. Трансцендентальный субъект есть единство многообразия, есть субъект-объект в процессе. Поэтому Кант противопоставляет формальной логике свою трансцендентальную или конкретную логику. В первой господствует закон противоречия, ибо речь идет там о логическом отношении между отвлеченными понятиями. Во второй господствует диалектический закон, т.-е. отношение реальной противоположности, ибо здесь мы имеем дело с конкретными отношениями реальных вещей. Реальные отношения не тождественны с логическими отношениями. Поэтому аналитическое деление дихотомно, т.-е. двучленно. Для синтетического же единства требуется трихотомное, т.-е. трехчленное деление, ибо оно составляется из условия, обусловленного и понятия, которое

---

[1]) Ср. *Kroner*, Von Kant bis Hegel, B. I, p. 84.

[2]) *Кант*, Критика чист. разума, стр. 88—89.

возникает в результате соединения условия с обусловленным [1]). Уже из самого принципа априорного синтеза следует необходимость трехчленного деления [2]). Какая роль в Кантовской системе отводится принципу трихотомии, сведущему читателю должно быть известно, а потому на этом вопросе останавливаться нет надобности. Здесь считаем необходимым только еще раз подчеркнуть, что с самого начала своей философской деятельности Кант чувствует необходимость в новом методе, в новой логике. Толчком послужило для него, как мы показали, Ньютоновское учение. В своем «Опыте об отрицательных величинах» Кант сам подчеркивает, что введением понятия реальной противоположности он открывает для философии новые пути. В «критический» период своей деятельности Кант в иных формах развивает те же мысли. Трансцендентальная или конкретная логика должна заменить формальную или абстрактную логику. Диалектический принцип выступает иногда у него с полной определенностью. Так, в «Чтениях о метафизике» Кант почти теми же словами, что и Гегель, говорит о понятии, как об единстве противоположностей. «*Диалектика*,—говорит Кант,—*означает разлад, противоречие, которое показывает, что в метафизике невозможно поступать догматически*». «*Всякое понятие, которое содержит в себе противоречие, требует еще высшего понятия, которое обнимает это разделение*» [3]).

Таким образом, мы с полным правом можем констатировать, что Кант первый выдвинул проблему диалектики, близко подходил к диалектической постановке некоторых основных вопросов,—правда, в мистифицированной, абстрактной и идеалистической форме. Он первый понял со всей ясностью недостаточность старой Аристотелевской логики и стремился к ее преодолению путем создания новой трансцендентальной логики. Мысли, развитые им в «Опыте об отрицательных величинах»

---

[1]) «Man hat es bedenklich gefunden, dass meine Eintheilungen in der reinen Philosophie fast immer Dreitheilung ausfallen, das liegt aber in der Natur des Sache. Soll eine Eintheilung a priori geschehen, so wird sie entweder *analytisch* sein, nach dem Satze des Widerspruchs; und da ist sie jederzeit zweitheilig (quodlibet ens est aut A aut non A). Oder sie ist synthetisch und, wenn sie in diesem Falle aus Begriffen a priori (nicht wie in der Mathematik aus der a priori dem Begriffe correspondirenden Anschauung) soll geführt werden, so muss, nach demjenigen, was zu der synthetischen Einheit uberhaupt erforderlich, nämlich 1) Bedingung, 2) ein Bedingtes, 3) der Begriff der aus der Vereinigung mit seiner Bedingung entspringt, die Eintheilung nothwendig Trichotomie sein» (*Kant*, Kritik der Urteilskraft, 1794, p. LVII, Ср. также *Frank*, Das Prinzip der dialektischen Synthesis etc. p. 48).

[2]) См. *Kant*, Logik, pp. 110—113.

[3]) «Der oberste Begriff der ganzen menschlichen Erkenntnis ist der Begriff von einem Objecte überhaupt, nicht von einem Ding und Unding, oder von etwas Möglichem und Unmöglichem, denn dieses sind *opposita*. Ein jeder Begriff, der noch ein *oppositum* hat, erfordert noch immer einen höhern Begriff, der diese Eintheilung enthält. Zwei opposita sind Eintheilungen von einem höhern Object. Also kann der Begriff vom *Möglichen* und *Unmöglichen*, oder von einem *Dinge* und *Undinge* gar nicht der oberste Begriff der menschlichen Erkenntnis sein» (*Kant*, Vorlesungen über die Metaphysik, 1821, p. 21).

получают дальнейшее развитие в произведениях «критического периода». Результат, к которому пришел Кант, сводится к утверждению, что закон тождества и противоречия является принципом отвлеченного познания, абстрактно-логических отношений между понятиями. Поэтому они применимы к аналитическим суждениям. Принципом же конкретного познания является диалектический синтез. Синтетическое суждение по самому существу своему представляет собою единство противоположностей. Формальная логика не тождественна с конкретной или объективной, как наши отвлеченные представления не тождественны с реальной действительностью [1]).

Однако, необходимо тут же подчеркнуть, что Кант не справился со всеми трудностями, связанными с преодолением формальной логики и с утверждением диалектики, хотя бы и в идеалистической ее форме. Этому мешали старые предрассудки, от которых Кант не мог освободиться. Мы видим у него борьбу противоположностей — в виде последовательной взаимной смены, но не *одновременного* их существования,— но разрешение их в единство остается требованием, которое не осуществляется. Противоположности у Канта носят чисто метафизический характер, они *отделены друг от друга абсолютной пропастью*, между краями которой как будто нет ничего общего. Так, априорные формы и апостериорное содержание составляют абсолютную противоположность. Вещь в себе и явление также составляют абсолютную противоположность. Категории не переходят друг в друга, не текучи, а даны как застывшие формы, обособленные друг от друга и существующие как бы рядом. Между тем, на самом деле, они соотносительные понятия, между ними существует определенная связь, единство. В этом метафизическом методе, в этом утверждении абсолютных противоположностей и сказывается тайна всех внутренних противоречий, заключающихся во всей Кантовской системе.

Кант кладет в основу опыта априорный синтез. Этот синтез он находит в основоположениях чистого рассудка. Но очевидно, что для объединения *различных* моментов между ними должно быть нечто общее. Поскольку необходим в процессе познания переход от *чистого* синтеза к *определенным* предметам или объектам, обнаруживается невозможность требуемого синтеза. Чисто абстрактная форма синтеза неприменима к действительным объектам. Чувственность доставляет многообразие, наглядные представления. Рассудок же представляет чистую форму, совершенно оторванную от объектов. Для того, чтобы был возможен синтез, между наглядными представлениями и категориями, между содержанием и формой необходимо должно существовать нечто третье, в чем

[1]) «Zwischen zwei logice oppositis giebt's kein Drittes (tertium non datur); zwischen zwei realiter oppositis aber giebt es ein Drittes (tertium datur). Der Begriff des Real-Grundes ist ein synthetischer Begriff. Das, was den Real-Grund von Etwas enthält, heisst *Ursache*». (*Kant*, Vorlesungen über die Metaphysik, p. 32).

оба члена отчасти тождественны, отчасти различны. Между чистой формой и многообразием материи у Канта нет, да и не может быть ничего общего. Они составляют абсолютные противоположности. Одно из двух: или материя и форма одинаково существуют объективно, или же они существуют только в субъекте. Но совершенно противоречиво и нелепо мыслить многообразие наглядных представлений, многообразие содержания вне формы и форму вне содержания, одну половину только в субъекте, а другую только вне субъекта. При такой постановке вопроса совершенно немыслим переход от одного члена к другому. Трансцендентальная апперцепция (сознание) является высшим условием опыта, как и предметов опыта. Сознание связывает, синтезирует, в силу первоначальной и формальной своей синтетической функции, многообразие. Априорное синтезирует апостериорное. Как могут эти противоположности объединиться? Каким образом синтетическое единство сознания и многообразие созерцаний могут стать «тождественными»? Сознание, как мы знаем, выполняет этот синтез. Сознание отменяет посредством своей деятельности противоположность между собой и предметом. Оно синтезирует многообразие, синтезируя одновременно себя и многообразие в единство самого себя. Многообразие полагается сознанием, как его собственное единство. Независимо от своей деятельности, сознание есть лишь *абстрактное* единство многообразия, пустая форма без содержания. Оно становится *конкретным* синтетическим единством многообразия, синтезом противоположностей только посредством своей деятельности [1]).

Но этот переход от абстрактного к конкретному единству совершенно невозможен, так как единство и многообразие противостоят друг другу, как чуждые друг другу противоположности. Поэтому все предприятие Канта неизбежно должно было окончиться неудачей. Но вместе с тем оно дало толчок дальнейшему развитию диалектики. Разрешение проблемы мы находим у Гегеля и в материалистической диалектике Маркса.

Учение Канта о синтетических суждениях или диалектическом синтезе и составляет, по признанию Гегеля, исходный пункт диалектики в новейшей немецкой философии. Учение об *антиномиях* является лишь продолжением или применением диалектического синтеза к определенным объектам. Дальнейшее развитие учения о диалектическом синтезе, но в форме идеалистической и субъективной, мы имеем у Фихте. Гегель этот диалектический синтез развил в своем учении о *понятии*, которое составляет единство или синтез противоположностей. Синтетическое суждение a priori, говорит он, есть не что иное, как связь противоположного или «*абсолютное понятие*».

Кант таким образом делает попытку преодоления *абстрактного мышления*. Но у Канта *самосознание* или трансцендентальная апперцепция составляет субъект-объект, т.-е. высший диалектический синтез. Но этот син-

[1]) Ср. *R. Kroner*. Von Kant bis Hegel, B. I, p. 84.

тез субъективен. В том же направлении подвигается и Фихте. Объективное, согласно Канту, составляет всеобщее и необходимое. Опыт становится объективным через всеобщность и необходимость форм самосознания. Категории суть те же формы, которые осуществляют синтез, так как они объединяют многообразие наглядного представления. Кант остается постоянно в сфере субъекта и не доходит до конкретного мышления. Гегель указывает на то, что постоянным противоречием Кантовской философии является то, что он устанавливал высшие противоположности и подходил к их преодолению или разрешению. Кант понимает односторонность противоположностей, как и их единство, и тем не менее он остается *типичным философом рефлексии, т.-е. абстрактного мышления*. Гегель, как уже было указано, идет дальше Канта и Фихте. Для него *понятие объективно*. Оно совмещает в себе противоположности, составляя единство их. И только Маркс преодолел и эту идеалистическую диалектику, став прочно на материалистическую почву. Не понятие, а предмет, объект сам по себе, составляет такое единство. «Конкретное потому конкретно,—говорит Маркс,—что оно заключает в себе множество определений, являясь единством в многообразии. В мышлении оно выступает, как процесс соединения, как результат, но не как исходный пункт, хотя оно является исходным пунктом в действительности и, следовательно, также исходным пунктом наглядного созерцания и представления. Если итти первым путем, то полное представление испарится до степени абстрактного определения; при втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления». Согласно Канту, мышление при посредстве категорий вносит *единство* в многообразие представлений, т.-е. мышление создаст диалектический синтез или синтетическое единство. Для Гегеля вся действительность есть деятельность мышления, или саморазвитие *понятия*. Маркс же видит *единство* и *многообразие* в самом *объекте*. Объект есть единство противоположностей. Нет единства объекта без его внутреннего развития и противоположения, нет единства без многообразия, как нет многообразия без единства. Сама действительность соткана из противоречивой ткани. Как синтез, так и единство и многообразие принадлежат *объекту*, и постольку также и *субъекту*.

IV

Кант устанавливает, как сказано, непримиримую противоположность между вещью в себе и явлением. Нашему познанию доступны только явления, т.-е. представления о вещах, вещи же в себе нашему познанию безусловно недоступны. Вещи в себе непознаваемы. К ним не применимы ни чистые чувственные формы (время и пространство), ни рассудочные категории. Значит, вещи в себе существуют вне времени и пространства; они также внекатегориальны. «Мы в трансцендентальной эстетике достаточно доказали, что все, что совершается в пространстве и времени, стало быть, все предметы нашего возможного опыта суть не что иное, как явления, т.-е. только представления, которые так, как они пред

ставляются нами, как протяженные существа или ряды изменений, не имеют существования сами по себе вне нашей мысли. Это учение я называю трансцендентальным идеализмом»[1]). Мир явлений, стало быть, существует во времени и пространстве и в определенных категориальных отношениях. Но этот мир явлений не имеет существования, как Кант сам выражается, *вне нашей мысли*, ибо время, пространство и категории суть наши субъективные формы. И стоит только уничтожить наш субъект, как вместе с ним исчезли бы и объекты. Мир вещей в себе существует вне нашей мысли, но этот мир нам абсолютно недоступен, ибо он составляет прямую противоположность миру явлений: вещь в себе — непротяженная и вневременная сущность, к которой неприменимы наши человеческие субъективные категории. Абсолютный мир противостоит нашему *человеческому* миру, как нечто безусловно нам чуждое. *Антропологизм* Канта выступает и здесь, как видим, со всей рельефностью. Мы не ставим себе в этой связи задачей выяснение всех противоречий, связанных с понятием вещи в себе у Канта. Для всякого очевидно, что Кант совершенно незаконно применяет к вещи в себе те категории, которые по самому смыслу учения мыслителя не могут к ним относиться. Утверждая, в отличие от материального идеализма (напр., Беркли), существование внешних вещей, Кант применяет к ним категорию *реальности*. Признавая, что вещи в себе афицируют нашу чувственность, Кант допускает причинную связь между ними и нами. С другой стороны, очевидно, что *отрицательные* определения вещи в себе (как непротяженные, вневременные и проч.) доставляют нам *положительное* знание о них, составляют положительные их определения. Отрицательное знание есть также знание, т.-е. нечто положительное. Нет также надобности для наших целей выяснять те метаморфозы, каким подвергается вещь в себе в «Критике чистого разума» (превращение ее из физического *тела* в *идею* или *мысль* о вещи в себе). Вещь в себе во всяком случае составляет для Канта *предел*, *границу* познания, которая Кантом постоянно нарушается. Здесь-то и обнаруживается вся внутренняя противоречивость Кантовского понятия вещи в себе. Вещь в себе постоянно «восстает» против явления, явление «возмущается» против вещи в себе. Вещь в себе разрывает свою оболочку непознаваемости и безусловности. Явление выступает за пределы субъекта и «оккупирует» вещь в себе. Тут, в этом взаимоотношении между вещью в себе и явлением, обнаруживается вся ложь Кантовского идеализма, как и метафизической противоположности между двумя вещами, которые взаимно связаны.

«Что представляют собой вещи в себе, я не знаю и не имею надобности знать, потому что вещь никогда не может быть мне дана иначе, как в явлении». Значит, явление есть не что иное, как явление вещи, *явление являюще-*

[1]) *Kant*, Kritik der reinen Vernunft, 2 Aufl. 1787 г., pp. 518—519. В примечании Кант замечает, что он свой трансцендентальный идеализм называл иногда и *формальным*, в отличие от *материального* идеализма, который сомневается или прямо отрицает существование внешних вещей.

гося. Вместе с тем Кант в другом месте определенно говорит, что наглядное представление—результат действия чего-то на нас, т.-е. наглядное представление есть явление вещи в себе, есть *действие* вещи на нас. «Сознание моего собственного существования составляет одновременно непосредственное сознание существования других вещей вне меня» [1]). Всякое определение времени предполагает нечто устойчивое в восприятии. Это устойчивое нечто не может быть во мне, ибо мое существование во времени может быть определено только через это устойчивое. Поэтому восприятие этого устойчивого (материи. *А. Д.*) возможно только через вещь вне меня, но не через одно только *представление* вещи вне меня. Стало быть, определение моего существования во времени возможно лишь через существование действительных вещей, которые я воспринимаю вне меня [2]). Тут мы видим, что вещи вне меня являются условиями определения времени. Эти цитаты из «Опровержения идеализма» свидетельствуют о явно реалистических тенденциях Канта. Но в том же втором издании «Критики» Кант говорит, что «представление тела в созерцании не содержит в себе ничего, что могло бы принадлежать предметам самим по себе; оно выражает только явление чего-то и способ, каким оно действует на нас; эта восприимчивость нашей способности познания называется чувственностью и отличается самым резким образом от знания предметов самих по себе, хотя бы мы рассмотрели явления до последнего их основания» [3]). Сколько бы мы ни исследовали явления, как бы глубоко мы ни проникли в их природу, мы там никогда не найдем *ничего* от предметов самих по себе, ничего от этого *нечто*. Но с другой стороны, не существует явления без того, что является и что определяет нашу чувственность, что составляет содержание наших представлений. Очевидно, что Кант здесь бьется в тенетах порочного круга, что в этих его рассуждениях выступают наружу вопиющие противоречия его мысли. Без вещей в себе нет явлений, нет ничего, а между тем явления нам абсолютно ничего не говорят о предметах самих по себе. Без действия внешних предметов нам ничего не дано, а между тем то, что дано в результате воздействия предметов на нашу чувственность, не имеет *никакого отношения* к данным предметам, к их свойствам, к их природе. Одно из двух: либо вещь в себе есть неизвестное, есть X, тогда нам ничего о ней неизвестно, т.-е. она лежит абсолютно за пределами наших представлений, за пределами явлений. Либо же мы имеем явления, определенные представления, вызываемые ею, *известные* данные, тогда нельзя говорить об *известном неизвестном*, т.-е. неизвестное становится известным в процессе познания его. Вещь в себе и явление суть соотносительные понятия. И неудача Канта, все его противоречия объясняются тем, что он *относительную* противоположность превратил в абсолютную, метафизическую. Он оторвал явление от являю-

---

[1]) *Kant*, Kritik der reinen Vernunft, 2-е изд., p. 275.
[2]) *Kant*, ibid, p. 275—276.
[3]) *Kant*, ibid., p. 61.

щегося, от вещи в себе. Но так как они по самому существу составляют конкретное единство, то метафизический, отвлеченный способ мышления, при котором мыслитель *изолирует* каждый член этого необходимого единства, превращая его в самостоятельный предмет, мстит за себя, вовлекая Канта в безысходные противоречия. Отвергнуть реальность вещей в себе значит притти к *материальному* идеализму, от которого Кант стремится отгородиться, значит оставаться на почве одних явлений, т.-е. на почве субъективного идеализма. Признать же вещи в себе в полном объеме значит притти к материализму. Кант занял промежуточную позицию: он признал *реальность* вещей в себе, но отверг их *познаваемость*. Предметы вне нас существуют, но они непознаваемы. Однако, категория реальности тоже есть познавательный акт. Сказать о чем-либо, что оно существует, значит, сказать, что существование вещи доступно познанию, что непознаваемость уже нарушена. Тут с самого начала пробита брешь в ходе мысли философа. Кант, к сожалению, не мог и тут выйти за пределы этой непримиримой противоположности и остается в плену у метафизики. Он продолжает оставаться на почве антропологизма. Явления суть наши *человеческие* представления о мире. Мир человека есть только человеческий мир.

Коренная ошибка Канта заключается именно в том, что он не заметил, что задача познания, цель науки заключается в преодолении этой противоположности, в утверждении предмета познания в его конкретном и объективном всеединстве. Наука стремится из явления, данного нам, людям, восстановить *объективное* его значение, место его в действительности, в системе мироздания. *Субъективное* явление служит материалом для познания *объективной* вещи в себе. «То солнце, которое нам *является*,— правильно говорит в данном случае идеалист Трубецкой, — вращается над нашим горизонтом, всходит и заходит над нашей землей и имеет вид небольшого круглого светлого и плоского пятна, движущегося по небосклону. То солнце, которым занимается астрономия, есть явление совершенно другого рода, вовсе непохожее на только что описанное. Не оно движется вокруг земли, а, наоборот, земля движется вокруг него,—размерами своими оно много превосходит землю. Равным образом и та земля-планета, ничтожная часть планетной системы, о которой рассуждает космография, не имеет решительно ничего общего с субъективно-антропологическим явлением земли, в коем земля заполняет вселенную. Разница между точкой зрения обыденного представления и точкой зрения естествознания заключается именно в том, что первая имеет дело с субъективно-антропологическим явлением, тогда как вторая пытается воссоздать и познать *безотносительное явление* (т.-е. объективное. *А. Д.*) познаваемой вещи. Астрономия интересуется не солнцем или землей, как мы их видим, а солнцем и землей, *как они существуют безусловно, независимо от человеческого наблюдателя, в объективной системе мироздания*» [1]).

---

[1]) *Е. Трубецкой*, Метафизические предположения познания, стр. 135.

Вещь в себе в Кантовском понимании существует лишь *в себе*, т.-е. она представляет собой неизменную метафизическую сущность, не выходящую никогда из *себя*. Это замкнутый в себе абсолютно предмет, это трансцендентное бытие, от которого нет перехода к имманентному миру явлений. Но ведь вещи в себе «афицируют» по Канту нашу чувственность, значит, они способны действовать и воздействовать, т.-е. выходить из своего абсолютного покоя, из состояния «в себе» и становиться вещами *для нас*, становиться нашими явлениями, переходить из сферы трансцендентной в сферу имманентную. *Вещи в себе*, словом, становятся *явлениями*. *Вещь в себе* есть *являющаяся вещь*. Явление есть не просто иллюзия, субъективное представление-призрак, а *явление вещи в себе*. Между вещью в себе и явлением существует необходимое отношение, внутренняя связь. Вещь в себе, вступая в отношение с нашей чувственностью, конечно, превращается в нечто «другое», в явление, которое есть ее «*инобытие*». Явление же не есть только представление, наш призрак, но имеет объективную реальность. Из «*субъективных*» представлений или явлений мы воссоздаем *объективную* реальность, объективные предметы, существующие независимо от нашего сознания, и мы в состоянии это делать, потому, что объективная реальность вещи вне нас составляет то первичное, что вызывает в нас явление. Таким образом, вещь в себе переходит в явление, явление же снова превращается в объективную реальность, независимую от человеческого сознания и связанную со всей совокупностью вещей в системе мироздания, как конкретное единство. Такова диалектика познания. Так, вещь в себе и явление объединяются в высшем единстве, противоположность их снимается, преодолевается. С этой диалектической точки зрения оказывается, что вещь в себе обнаруживается в явлениях, что она есть являющаяся вещь, и явление, в свою очередь, есть не что иное, как предметное явление, явление вещи. Вещь в себе без явления, т.-е. без обнаружения своих свойств, есть ничто, как и явление без вещи есть также пустой призрак. Вещи в себе связаны друг с другом неразрывной связью в системе мироздания. Они воздействуют друг на друга, находясь в состоянии постоянного изменения. Абсолютное знание вещей недоступно нам вследствие неисчерпаемости бесконечных отношений и свойств вещей. В этом смысле вещи в себе и явления их не совпадают. В этом смысле мы и говорим об *относительности* человеческого знания. Природа раскрывается нашему сознанию в процессе *исторического* развития. Но наше частичное знание есть знание о частичных явлениях *объективного мира*, есть объективное знание.

В Кантовском *метафизическом* противопоставлении вещи в себе и явления нет ничего диалектического. Однако, этот *разрыв*, это *раздвоение* мира подготовляет неизбежно диалектическое разрешение вопроса. В этой односторонней и резкой постановке вопроса состоит *отрицательная* заслуга Канта. Противоречия системы Канта также ведут вперед, как и противоречия в жизни. Кант внутренне противоречив; он постоянно колеблется. С одной стороны, Кант сам признает, что явление вещи есть *являющаяся*

вещь или *вещественное явление*. Но, с другой стороны, он отрывает явление от вещи в себе. Вещь есть, как выражается Гегель, «единство сущности и ее непосредственности», ибо «сущность должна являться». Явление и есть то, что есть вещь в себе. «Многообразие не имеет вне вещи в себе собственной самостоятельной устойчивости, но есть лишь ее (вещи) видимость, есть, в своем необходимом отношении к ней, лишь преломленный в ней рефлекс. Таким образом,—продолжает Гегель,—различие дано, как отношение некоторого другого к вещи в себе; вместе с тем оно есть отражение от нее и потому лишенная устойчивости противоположность себе внутри себя самого» [1]). К этому чрезвычайно важному вопросу нам придется вернуться в другой связи, в другом очерке. Пока же необходимо лишь подчеркнуть, что диалектическое разрешение этой проблемы мы находим у Гегеля. Свойства вещи суть именно необходимые определения вещи. Вещь исчерпывается совокупностью ее свойств, но тем не менее явление вещи не покрывает полностью вещи в себе. «Если поэтому поднимается речь о какой-либо вещи или вещах вообще без определенного свойства, то ее отличение есть лишь безразличное, количественное. То, что признается за *одну* вещь, может быть превращено равным образом во многие вещи или признано за многие вещи; это—*внешнее разделение или соединение*. Книга есть вещь, и каждый ее листок также вещь, равно как каждая часть ее листков и т. д. до бесконечности. Определенность, в силу которой *некоторая* вещь есть именно эта вещь, заключается единственно в ее свойствах. Через них она отличается от других вещей, так как свойство есть отрицательная рефлексия и отличение; поэтому вещь лишь в своем свойстве есть нечто отличное от других, есть в ней самой. Свойство есть рефлектированное в себя отличение, в силу которого вещь в своем положении, т.-е. в своем отношении к другому, безразлична вместе и к другому и к своему отношению. Поэтому в вещи без ее свойств остается лишь отвлеченное бытие в себе, несущественный объем и внешнее совпадение с собой. Истинное бытие в себе есть бытие в себе, в своем положении; последнее и есть свойство. Тем самым *вещность перешла в свойство*» [2]). Свойства вещи в себе суть не только положение внешней рефлексии, но и ее собственные определения. Вещь в себе не есть некоторая находящаяся по ту сторону ее внешнего осуществления неопределенная основа, но дана в своих свойствах. Гегель поясняет это таким образом. «Некоторая вещь имеет *свойства;* они суть, во-первых, ее определенные отношения к другому; свойство дано лишь как некоторый способ взаимного отношения; оно есть поэтому внешняя рефлексия и сторона положения вещи. Но, *во-вторых*, вещь в этом положении есть *в себе;* она сохраняется в отношении к другому; она есть, таким образом, все же лишь некоторая поверхность, вместе с которой осуществление предается становлению бытия и изменению; поэтому свойство в ней не теряется. Вещь имеет свойство,

---

[1]) *Гегель*, Наука логики, 1 ч., 2 кн., стр. 79.

[2]) *Гегель*, там же, стр. 83

состоящее в том, чтобы производить в другом то или иное и обнаруживать себя своеобразным способом в своем отношении. Она проявляет это свойство лишь при условии некоторого соответственного состояния другой вещи, но это свойство вместе с тем своеобразно для нее и есть ее тождественная основа; поэтому это рефлектированное качество именуется *свойством*. Вещь переходит в нем во внешность, но свойство в ней сохраняется»[1]. Такова диалектическая постановка вопроса о взаимоотношении свойства и вещи в себе у Гегеля. Вещь в себе, как таковая, взятая без свойств и определений, есть пустое отвлечение, отвлеченность от всякой определенности. Поскольку же она предположена как неопределенное, то «всякое определение,—говорит правильно Гегель,—падает вне ее, в чуждую ей рефлексию, к которой она безразлична». «*Трансцендентальный идеализм* признает за такую внешнюю рефлексию *сознание*». Таким образом, диалектическое единство разрывается Кантом и здесь, при чем один момент единства переносится в сознание, другой момент находится как будто вне его.

V

Мы видели, в какой связи находится рассудок к чувствам. Без чувств нет никакого познания; они доставляют необходимый материал; рассудок же есть способность понятий. Он формирует, организует, словом, создает вообще всякий опыт. Но всякий объект опыта есть *явление*. Явление же по самому существу есть нечто обусловленное. Безусловное не может быть явлением, а потому не может быть предметом опыта. Оно составляет тогда уже не объект рассудка, а объект *разума*. Безусловное есть предел или граница опыта, — в сферу опыта оно никогда не входит. Безусловное отождествляется с *вещью* в себе. Рассудок имеет дело с явлениями, которые всегда обусловлены. Понятия разума имеют своим объектом абсолютное. Рассудок, как способность понятий, создает *правила*, имеющие относительную значимость. Разум же также есть способность понятий, но объектом его является абсолютное, безусловное. Он есть способность *принципов*.

Истинное, говорит Кант, состоит в согласии познания с предметом. «Что касается познания со стороны одной лишь его формы (оставляя в стороне всякое содержание), то ясно, что логика, поскольку она излагает всеобщие и необходимые правила рассудка, дает критерий истины именно в этих правилах. То, что противоречит им, есть ложь так как рассудок при этом противоречит общим правилам мышления, т.-е. самому себе. Однако эти критерии касаются только формы истины, т.-е. мышления вообще и потому недостаточны, хотя и вполне правильны. В самом деле, знание, вполне сообразное с логическою формою, т.-е. не противоречащее себе, тем не менее может противоречить предмету»[2]. Итак, чисто логиче-

[1] *Гегель*, там же, стр. 81.

[2] *Кант*, Критика чистого разума, стр. 65

ский критерий истины, т.-е. согласие знания с всеобщими и формальными законами рассудка и разума, есть лишь отрицательное условие всякой истины, но логика не может дать критерия или признака, поскольку речь идет не о форме, а о *содержании* истины. С помощью одной логики утверждать что-либо о предметах невозможно. Необходимо, говорит Кант, установить предварительно основательные сведения о предметах помимо логики, чтобы «впоследствии только использовать и сочетать их в одно связное целое согласно логическим законам или, что еще лучше, только проверить их с помощью этих законов». Но общая логика, которая имеет значение только *канона* для оценки, нередко применяется, как говорит Кант, как бы в качестве органона для действительного созидания объективных утверждений, что составляет злоупотребление логикой. «Общая логика, как такой мнимый органон, называется *диалектикой*». Мы стремимся придавать всем нашим знаниям *рассудочную* форму. Но так как логика ничего не может нам сказать о содержании знания и «указывает только формальные условия согласия с рассудком, совершенно безразличные в отношении к предмету, то всякая попытка пользоваться ими как орудием (органоном) для расширения, по крайней мере по внешнему виду, своих знаний, приводит лишь к болтовне, к умению утверждать что угодно с некоторым видом правоты или попадать на что угодно». Таким образом, диалектика сводится Кантом к применению формальных принципов рассудка к предметам, которые нам не даны в опыте; это—незаконное распространение рассудка на предметы, лежащие вне опыта; это—сверхфизическое его применение, что и создает логику видимости. Трансцендентальная диалектика в кантовском смысле составляет часть трансцендентальной логики и имеет своей задачей критику *диалектической видимости*.

Вещь в себе лежит на границе опыта и познания. Вещь в себе есть понятие *необходимое*, но вместе с тем *невозможное*. Вот одно из противоречий, с которыми мы сталкиваемся в сфере самого опыта. Рассудочные понятия относятся к объекту. Понятие же разума не есть *объект*, а некий *прообраз* вещей или некая *идея*. Рассудок видит в вещи в себе границу опыта или предельное понятие. Разум же придает вещи в себе положительное значение безусловного. Вещь в себе есть трансцендентальная идея, независимая от всякого опыта. В качестве предельного понятия вещь в себе или безусловное представляет собою идею, к которой опыт должен вечно стремиться, но которой он никогда не может настигнуть. Достигая предела, явление «переходит» в вещь в себе и рассудок «превращается» в разум. Идея не есть объект опыта, а некая цель, к которой стремится опыт. «Если понятия разума содержат в себе безусловное, то они касаются чего-то такого, чему подчинен весь опыт, но что само никогда не бывает предметом опыта: это — нечто такое, к чему приводит разум в своих умозаключениях из опыта, и соответственно чему он оценивает и измеряет степень своего эмпирического применения, но что само никогда не входит в эмпирический

синтез, как его составная часть»[1]). Трансцендентальное понятие разума есть не что иное, как понятие целостности условий для данного обусловленного. Разум в своих умозаключениях *из опыта* приводит к идее безусловного. Весь опыт подчинен понятию вещи в себе, безусловного, но сама эта вещь в себе не может быть предметом опыта. Опыт потому не может добраться до безусловного, лежащего в основании обусловленного, что сам он безграничен и никогда не может быть завершен. В опыте нам даны явления, связанные друг с другом, без начала и конца, между тем как вещь в себе или идея или безусловное как бы ограничивают этот безграничный опыт и независимы от всякого опыта. Но именно поэтому вещь в себе никогда не может стать явлением, предметом опыта. Но в виду предположения вещи в себе возникает иллюзия, будто опыт ограничен в пространстве и во времени и будто безусловное само принадлежит к сфере опыта, к миру явлений. «Трансцендентальное понятие разума всегда относится к абсолютной целостности в синтезе условий и удовлетворяется не иначе, как абсолютно безусловным, т.-е. безусловным во всех отношениях. В самом деле, чистый разум все предоставляет рассудку, который ближайшим образом относится к предметам наглядного представления или, вернее, к их синтезу в способности воображения. Чистый разум берет на свою долю одну лишь задачу абсолютной целостности в применении понятий рассудка и стремится довести синтетическое единство, мыслимое в категориях, вплоть до абсолютного, безусловного. Поэтому такое единство можно назвать *разумным единством* явлений, тогда как единство, выражаемое категориями, можно назвать *рассудочным единством*. Таким образом разум относится только к применению рассудка и притом не постольку, поскольку рассудок содержит в себе основание возможного опыта (так как абсолютная целостность условий есть понятие, неприменимое в опыте, потому что никакой опыт не бывает безусловным), а для того, чтобы предписать ему направление для достижения такого единства, о котором рассудок не имеет никакого понятия и которое состоит в том, чтобы соединить все акты рассудка в отношении каждого предмета в *абсолютное целое*. Поэтому объективное применение чистых понятий разума всегда имеет *трансцендентальный* характер, между тем как объективное применение чистых понятий рассудка по своей природе всегда должно быть *имманентным*, так как оно ограничивается только возможным опытом»[2]). Идея, как абсолютное целое, заключает в себе и совокупность всех явлений опыта. Идея в сущности должна связывать диалектически в одно целое *трансцендентное с имманентным*. Мировое целое таким образом представляет собою единство противоречий, оно антиномично по своей природе. Но это кажется лишь на поверхностный взгляд. На самом же деле мы имеем перед собой не противоречие объективное, а лишь противоречие чистого разума, полагает Кант. Мы имеем тут

---

[1]) *Кант*, там же, стр. 208—209.

[2]) *Кант*, там же, стр. 215—216.

дело с неизбежной трансцендентальной иллюзией, которая не прекращается и в том случае, если мы вскрыли ее обманчивость.

«Причина этого кроется в том, что наш разум (рассматриваемый субъективно, как человеческая способность познания) содержит в себе основные правила и принципы своего применения, имеющие по внешнему виду характер объективных основоположений; это обстоятельство и приводит к тому, что субъективная необходимость соединения наших понятий в интересах рассудка принимается нами за объективную необходимость определения вещей в себе. Этой *иллюзии* никоим образом нельзя избежать, точно так же как нельзя достигнуть того, чтобы море посредине не казалось более высоким, чем у берега, так как средину его мы видим при посредстве более высоких лучей, или как нельзя даже и астроному достигнуть того, чтобы луна не казалась при восходе большею, хотя астроном и не обманывается этою иллюзией.

«Итак, трансцендентальная диалектика удовольствуется тем, что вскроет иллюзорность трансцендентных суждений и вместе с тем предохранит нас от ее обманов. Но она никогда не достигнет того, чтобы эта иллюзия совсем исчезла (подобно логическим иллюзиям) и перестала существовать, как иллюзия. Мы имеем здесь дело с *естественною* и неизбежною *иллюзией*, которая, опираясь сама на субъективные основания, выдает их за объективные, между тем как логическая диалектика, уничтожая софизмы, имеет дело только с ошибками в применении основоположений или с искусственною иллюзией, возникшею вследствие подражания им. Следовательно, *существует естественная и неизбежная диалектика чистого разума* (курсив мой. *А. Д.*), не такая, в которую сам собою запутывается какой-нибудь простак по недостатку знаний или которую искусственно создает какой-нибудь софист, чтобы сбить с пути разумных людей, а такая, которая неотъемлемо присуща человеческому разуму, которая не перестает обольщать его даже после того, как мы раскроем ее ложный блеск, и постоянно вводит его в заблуждения, которые необходимо все вновь и вновь устранять» [1]).

Мы познаем только явления, только условное и относительное, но так как разум по самой своей природе стремится к познанию и безусловного, лежащего в сфере вещей в себе, то получается внутреннее противоречие. В самом деле, *условное соотносительно с безусловным*, одно требует необходимо другого; нет явления без являющегося, стало быть без вещи в себе; имманентное не существует без трансцендентного и т. д. Через познание условного и относительного мы стремимся к познанию безусловного и абсолютного. Это неизбежно в силу природы нашего разума. Но познание безусловного, как выходящего за пределы опыта, невозможно. Вещь в себе, лежащая на границе познания и опыта, *кажется* нам объектом познания. Но она остается всегда лишь *призраком*, манящим нас и усколь-

[1]) *Кант*, там же, стр. 202—203.

зающим от нас. Это неизбежная и необходимая иллюзия разума, как говорит Кант. Критика может объяснить эту иллюзию, но не в состоянии устранить ее, т.-е. разум не в состоянии от нее освободиться. Этот призрак его вечно преследует, он вечно следует за разумом, как тень, но он никогда не может быть, нами «уловлен», не может стать объектом опыта. Вещь в себе, стало быть есть неизбежный и необходимый «призрак», вытекающий неизбежно из явлений; безусловное — призрак, который влечет неизбежно за собою совокупность условий; абсолютное есть «сопутствующий» относительному неизбежный призрак. Так мы видим повсюду неизбежность противоречий и диалектической видимости. *Вещь в себе* стремится, согласно законам нашего разума, стать *явлением;* поскольку же вещь в себе предположительно превращается в явление, явление в свою очередь превращается в вещь в себе. Кант тут вплотную подходит к *положительной диалектике.* Однако, он последнего шага не делает и остается на почве *отрицательной диалектики.* Но его глубокий, хотя и односторонний анализ подготовляет положительную диалектику.

Е. Трубецкой совершенно правильно указывает на противоречивость построения Канта. С одной стороны, говорит он, Кант обусловливает «безусловную значимость» категорий психологическою необходимостью — «своеобразною особенностью» нашего рассудка, в силу коей рассудок должен мыслить именно так, а не иначе; с другой стороны, когда мы сталкиваемся с такою же психологическою особенностью разума, в силу которой ему необходимо навязывается предположение безусловного в основе всего обусловленного, — эта особенность признается иллюзией» [1]). И, действительно, почему Кант подходит к разуму с одной меркой, а к рассудку — с другой? Ответа на этот вопрос мы не получаем. Быть может, объяснением служит то, что Канту необходимо было вырыть непроходимую пропасть между миром явлений и миром вещей в себе. С другой стороны, перед Кантом, быть может, стоял призрак старой метафизики, имевшей своими предметами бога, бессмертие души и пр., и Кант хотел именно эти призраки разрушить, но мы знаем, что мыслитель в «Критике практического разума» стремится спасти все эти призраки. Не будем гадать. Во всяком случае для нас несомненно, что в самом построении Канта, как это указывает Трубецкой, существует внутреннее, совсем не диалектическое, противоречие. В трактовке *разума* Кант приходит к тому выводу, что то, что применимо к понятиям, не применимо к объектам или предметам. Он приглашает не смешивать субъективные условия мышления с познанием объектов. Однако, в трактовке природы рассудка он придерживается другого мнения, а именно, что *субъективная необходимость* является достаточным обоснованием *объективного знания.* Нет сомнения, что «разум», утверждающий, что *явление требует необходимо своей противоположности — вещи в себе,* высказывает этим не субъективную лишь необходимость, а объективную

[1]) *Е. Трубецкой,* Метафизические предположения познания, стр. 144.

истину, т.-е. что *противоречия присущи не только разуму, но и действительности*. И в самом деле Кант вынужден признать диалектику, как *логику видимости*, как естественную *неизбежную диалектику чистого разума*. Если эта *видимость* или *иллюзия* есть действительно *необходимая* и *неизбежная*, то она перестает быть только иллюзией и покоится на каких-то *необходимых объективных основаниях*. Необходимое не может покоиться на одной лишь иллюзии. «Так, можно зеркальное отражение считать видимостью,—говорит правильно Кон,—но солнечные лучи и законы отражения не суть видимости» [1]). Сведение образа или отражения к этим законам составляет научное объяснение его. Так же точно диалектика в качестве логики видимости означает обнаружение и раскрытие необходимых противоречий.

В Кантовском априорном синтезе понятия Гегель видел высший принцип, в коем *может стать познанною двойственность в единстве*, а это есть именно то, что требуется для истины, как подчеркивает Гегель. Но Кант, по мнению Гегеля, не дошел до рассмотрения понятия и категорий *в себе и для себя*. Понятие синтеза приводит уже к представлению *внешнего единства*, т.-е. простого сочетания того, что *в себе и для себя раздельно*, как выражается Гегель. Кантовская философия не дошла до настоящего диалектического синтеза, потому что она остановилась на психологическом рефлексе понятия и возвратилась к утверждению постоянной обусловленности понятия многообразием воззрения. Гегель прав в критике непоследовательности Канта, но не по существу, так как здесь на-ряду с *диалектической* десницей Гегеля выступает его *идеалистическая шуйца*. Он упрекает Канта в том, что «чувственная материя, многообразие воззрения, имели над ним слишком много силы для того, чтобы дать ему возможность дойти до рассмотрения понятий и категорий *в себе* и *для себя* и до умозрительного философствования». Недостаток Кантовской философии заключается не в этом, а в том, что он считал истину *недоступной познающему разуму*. В этой части своей критики Гегель безусловно прав, хотя критику свою и ведет с высоты идеализма. Если Кант утверждает, что истина, которая состоит в единстве объекта и понятия, есть лишь явление, на том основании, что содержание есть лишь многообразие воззрения, то именно «в понятии,—говорит Гегель—снято то многообразие, которое свойственно воззрению в противоположность понятию, и что через понятие предмет возвращен к своей случайной существенности; последняя выступает в явлении, и потому явление не есть просто несущественное, а обнаружение сущности. Но ставшее вполне свободным обнаружение ее есть понятие». Форма абсолютного, с точки зрения Гегеля, есть поэтому *понятие-единство бытия и сущности*. Понятие, по Гегелю, есть сама объективность предмета. «Было уже приведено из Кантова вывода категорий, что согласно ему *объект*, в котором *объединяется* многообразие воззрения, есть это единство лишь *через*

---

[1]) *Jonas Cohn*, Theorie der Dialektik, 1923 г., 26.

единство самосознания. Таким образом, здесь определенно высказана *объективность* мышления, то тождество понятия и вещи, которое и есть истина» [1]).

Всякое знание начинается благодаря *чувствам*, переходит затем к *рассудку* и заканчивается в *разуме*. Кант исходит из трех различных способностей человека. На самом деле, они составляют различные ступени знания, из которых *разум*, усматривающий всеобщую связь и единство явлений, составляет высшую диалектическую ступень. Познание, как мы видели выше, возникает из соединения чувств с рассудком. Рассудок есть способность мышления через понятия. Понятие состоит в сознании единства синтеза. Многообразие воззрений посредством *рассудка* связывается и объединяется в *понятии* с тождеством самосознания. Рассудок есть поэтому способность, дающая *правила*. Разум же, в отличие от рассудка, есть способность, дающая принципы. Он представляет собою последнее и высшее единство, в известном смысле *синтез чувств и рассудка*. «Если рассудок,— говорит Кант,— есть способность, создающая единство явлений согласно правилам, то разум есть способность, создающая единство правил рассудка согласно принципам. Следовательно, разум никогда не относится прямо к опыту или к какому-либо предмету, но всегда направлен на рассудок, чтобы с помощью понятий придать многообразию его знаний априорное единство, которое называется единством разума и имеет совершенно иной характер, чем то единство, которое может быть осуществлено рассудком» [2]). Рассудок обращается к чувствами, их наглядным представлениям. Разум же не имеет непосредственной связи с предметами и наглядными представлениями о них; он относится только к рассудку и его суждениям. Разум стремится отыскать безусловное к обусловленному знанию рассудка, чтобы завершить единство знаний рассудка, дать высший синтез; бесконечное, с точки зрения Канта, есть незавершенный синтез; законченное бесконечное нам не дано. «Если понятия разума содержат в себе безусловное, то они касаются чего-то такого, чему подчинен весь опыт, но что само никогда не бывает предметом опыта; это — нечто такое, к чему приводит разум в своих умозаключениях из опыта и соответственно чему он оценивает и измеряет степень своего эмпирического применения, но что само никогда не входит в эмпирический синтез, как его составная часть» [3]). Высшее единство достигается тогда, когда под условное знание подведено безусловное. Безусловное есть не что иное, как *категория целостности*. Рассудок доставляет нам единство явлений посредством правил, разум же идет дальше и скрывает единство правил в принципах. Рассудок открывает *законы явлений*, разум — *принципы законов*. Посредством закономерности всех явлений и всего опыта многообразие правил или законов, их различие и множественность еще не сняты. Они должны быть сняты или отменены и сведены к последнему единству через принципы.

[1]) *Гегель*, Наука логики, 11 п., стр. 12.

[2]) *Кант*, Критика чистого разума, стр. 204—205.

[3]) Там же, стр. 208—209.

Безусловное лежит по ту сторону опыта, для рассудка оно является целью, к которой он вечно стремится, но которой он никогда достигнуть не может. В этом смысле безусловное есть *идея*. Идея означает для рассудка сознание конечности и ограниченности каждой ступени достигнутого знания. Моменты относительности и абсолютности выступают здесь как бы одновременно и совместно. Поскольку рассудок убеждается в относительности и конечности своего знания, он стремится выйти за пределы этой относительности и ограниченности. Стремление рассудка к *идее* делает его бесконечным, и он *превращается* в разум [1]). Рассудок переходит таким образом в разум, но стремление рассудка носит не *теоретический*, а *практический* характер. В качестве *теоретического* рассудка он ограничен и конечен; он имеет дело с миром опыта, но в качестве *практического* рассудка он стремится к преодолению мира явлений. *Разум же объединяет теоретический и практический моменты в одно целое.*

Понятие целостности или целокупности имеет своей задачей исчерпать и определить предмет полностью. Следует различать объективную целостность предмета и субъективную его целостность в виде исчерпывающего понятия. В «целом» противоположности рассудка отменены. Когда целокупность условий определена, то обусловленность предмета познана с абсолютной полнотой. Абсолютное целое многообразия есть абсолютное единство. Подобно тому как рассудок предписывает чувственности в категориях свои правила, так разум посредством идей подводит рассудок под определенные правила или законы. Рассудок объединяет многообразие наглядных представлений посредством категорий; разум объединяет «многообразие суждений рассудка в одно целое. Когда рассудок мыслит эту целокупность как *предмет*, т.-е. подводит его под категории, то он вступает в противоречие с самим собою, т.-е. становится диалектичным. *Безусловное или бесконечное должно быть мыслимо в конечных и условных формах. Это—диалектическое противоречие. Естественно, что бесконечное не может быть охвачено целиком конечным; конечное не может стать бесконечным.* Отсюда и получается диалектическое противоречие или диалектическая видимость по Канту, которая не имеет объективного значения. Безусловная полнота ряда условий есть потребность разума, которую не следует постулировать в самих предметах. Стремясь охватить безусловное или бесконечное конечными понятиями, рассудок безусловное правращает в условное и конечное. Таким образом идеи оказываются лишь чистыми формами, которые не могут быть наполнены содержанием, ибо бесконечное не может стать предметом. С другой стороны, поскольку речь идет о *содержании*, оно может быть только конечным и условным и подводится под конечные формы или категории рассудка. Категории же имеют своим содержанием чувственность.

---

[1]) Ср. *R. Kroner*, Von Kant bis Hegel, B. I, p. 123.

Коренное противоречие между бесконечным и конечным может быть разрешено лишь через понятие *процесса* или *становления*. Это значит: *бесконечное познается через конечное в процессе становления, а не как застывшее бытие*. Конечное и бесконечное не существуют обособленно и раздельно. Каждая вещь одновременно конечна и бесконечна. Бесконечное, которое опять-таки необходимо понимать с нашей точки зрения, как *относительное* бесконечное, имманентно конечному как в смысле неисчерпаемости последнего, так и в смысле отношений его ко всей совокупности вещей, т.-е. ко вселенной. Изолируя вещь от бесконечных связей со всей совокупностью явлений, беря ее в ее единстве, *относительной «законченности»*, мы устанавливаем ее «конечность», ее единство, которое, однако, заключает в себе *бесконечное*, как отмененный момент.

Однако, этим вопрос не исчерпывается. Ибо речь идет не только о процессе *познания* действительности, но и о *действительности объективной*. Мир, или природа, представляет собою *единство*, целостную действительность. Категория целостности означает *единство многообразия*. Но тут немедленно возникает сложная проблема, состоящая в том, что в непосредственном опыте нам даны отдельные физические объекты, а не их единство, их целостность. В этом смысле можно сказать, что отдельные объекты *действительны*, но *целое* не действительно, по крайней мере, в том смысле, в каком действительны отдельные объекты. Отдельные предметы конечны и относительны, целое же бесконечно и безусловно. Изучая отдельные предметы, мы, зная их обусловленность и конечность, должны стремиться вскрыть всю возможную совокупность связей или опосредствований, в которые входит данный объект. *И чем больше связей мы открываем, тем лучше мы познаем данный предмет. Это и составляет одно из требований диалектики*. Мы при изучении отдельных явлений должны держать курс, если позволено будет так выразиться, на абсолютное, на безусловное, т.-е. на *целое*. Но так как в опыте целое, т.-е. природа или мир, как органическое единство, не дано, то всякое знание относительно, несмотря на то, что оно есть *знание абсолютного, т.-е. целого*. Но мы тем самым получаем *относительное знание целого, т.-е. частичное знание бесконечного*. Законченного, абсолютного знания у нас не может быть потому, что бесконечное или целое никогда не может стать объектом опыта.

Понятие целостности есть чистое трансцендентальное понятие, говорит Кант. Эти понятия, как мы знаем, могут возникнуть только из рассудка. Разум не создает собственно никаких понятий; он только «освобождает понятие рассудка от неизбежных ограничений областью возможного опыта и таким образом стремится расширить его за границы опыта, хотя и в связи с ним. Он достигает этого своим требованием абсолютной целостности условий (при которых рассудок подчиняет все явления синтетическому единству) для данного обусловленного и таким образом превращает категорию в трансцендентальную идею, чтобы придать абсоютную полноту эмпирическому синтезу путем продолжения его вплоть до безусловного (которое никогда не

встречается в опыте и находится только в идее). Разум предъявляет это требование, согласно основоположению: *если дано* обусловленное, *то дана и вся сумма условий, т.-е. безусловное,* благодаря которому единственно возможно было обусловленное» [1]). Для всякого данного явления необходимо заключать к полному ряду условий, т.-е. к миру, как целому или всеединому. Целое является необходимым условием каждого отдельного явления или события. Если дано явление или событие, то вместе с ними дана вся сумма условий, или мир, как целое. Каждое явление, таким образом, требует целого мира, как основания своего существования. Каждое явление или событие познается лишь в *связи с другими явлениями и событиями. Полное познание явления означает познание данного явления в связи с мировым целым, со всей совокупностью явлений.* Но вопрос заключается в том, дано ли вместе с явлением, как конечным и обусловленным бытием, мировое целое (или полный ряд условий явлений), как *идея* или как *объект*, спрашивает Кант. Полнота условий в чувственной форме невозможна. Разум впадает в заблуждение, принимая идею за объект, вещь в себе за явление. «Разум,—говорит Кант,—мог бы невольно открыть свою тайную диалектику, которую он ложно выдает за догматику, лишь в том единственном случае, если бы он основывал известное утверждение на каком-нибудь общепризнанном положении, а из другого столь же достоверного принципа выводил бы с величайшею логическою правильностью прямо противоположное утверждение. И этот-то случай осуществляется здесь (в антиномиях) именно по отношению к четырем естественным идеям разума, откуда с правильною последовательностью из общепризнанных принципов вытекают, с одной стороны, четыре положения, а с другой—столько же противоположений, чем и открывается диалектическая обманчивость чистого разума в употреблении этих принципов» [1]). Таким образом, антиномии состоят из утверждения и отрицания, тезиса и антитезиса, одинаково обоснованных. Но Кант доказывает, что эти противоречия присущи *не действительности, а «чистому разуму»*. Он таким образом утверждает *антитетическую структуру или природу разума*. Диалектика разума вскрывается особенно ясно и выпукло в космологических понятиях. Для наших целей будет достаточно остановиться хотя бы на первой антиномии подробнее с тем, чтобы выяснить значение ее для диалектики. Вкратце эти четыре антиномии формулированы Кантом таким образом:

I. Положение: Мир имеет *начало* (границу) во времени и в пространстве.

Противоположение: Мир во времени и в пространстве *бесконечен*.

II. Положение: Все в мире состоит из *простого* (неделимого).

Противоположение: Нет ничего простого, а все *сложно*.

III. Положение: В мире существуют *свободные* причины.

Противоположение: Нет никакой свободы, а все *есть природа* (т.-е. необходимость).

[1]) *Кант*, Пролегомены, пер. В. Соловьева, стр. 129.

IV Положение: В ряду мировых причин есть некое *необходимое* существо.

Противоположение: В этом ряду нет ничего необходимого, а *все случайно* [1]).

Совершенно правильно в литературе указывалось, что четвертая антиномия представляет собою только другую формулировку третьей и что сущность всех антиномий сводится к *противоречию между конечным и бесконечным*. Первая антиномия трактует о величине мира (антиномия времени и пространства). Далее идет антиномия делимости материи и, наконец, антиномия необходимости и свободы.

Первая антиномия имеет своим предметом величину мира. Тезис утверждает, что мир ограничен в пространстве и времени, а антитезис отрицает это утверждение. «Если мы допустим,—говорит Кант,—что мир не имеет начала во времени, то до всякого данного момента времени протекла вечность и, следовательно, протек бесконечный ряд следующих друг за другом состояний вещей в мире. Но бесконечность ряда именно в том и состоит, что он никогда не может быть закончен путем последовательного синтеза. Следовательно, бесконечный протекший ряд в мире невозможен; значит, начало мира есть необходимое условие его существования, что и требовалось доказать».

Доказательство антитезиса сводится к следующему: «Допустим, что мир имеет начало во времени. Так как начало есть существование, которому предшествует время, когда вещи не было, то некогда должно было существовать время, в котором мира не было, т.-е. пустое время. Но в пустом мире невозможно возникновение какой бы то ни было вещи, так как ни одна часть такого времени в сравнении с другою частью не заключает в себе отличного условия существования предпочтительно перед условием несуществования (все равно, возникает ли оно само по себе или посредством другой причины). Поэтому, хотя многие ряды вещей и могут иметь начало в мире, но сам мир не может иметь начала, и, следовательно, в отношении протекшего времени бесконечен» [2]). Приблизительно таким же образом ведется Кантом доказательство и относительно пространственной бесконечности. Как же Кантом разрешаются антиномии? В духе идеализма. Кант объявляет, что из двух противоположных утверждений—мир имеет начало или не имеет начала, мир или бесконечен или конечен—оба суждения ложны. И именно такую противоположность он и называет *диалектической*, так как одно не противоречит другому, раз мы утверждаем, что оба утверждения ложны. Противоречие же обусловливается иллюзией, которая возникает из того, что мы применили идею абсолютной целостности, имею-

---

[1]) См. *Кант*, Пролегомены, пер. Вл. Соловьева, стр. 126—127.

[2]) *Кант*, Кр. чист. раз. 454—455.

щей значение только в качестве условия вещей в себе, к явлениям, существующим только в представлении. «Я должен утверждать,—говорит Кант,—что количество частей в данном явлении само по себе ни конечно, ни бесконечно, потому что явление не есть что-либо существующее само по себе, и части даются впервые путем процесса разлагающего синтеза и в этом регрессе, который никогда не дан целиком, ни как конечный, ни как бесконечный».

В антиномиях Кант видит, далее, косвенное доказательство идеальности явлений. Таким образом мир освобождается от противоречий, противоречия переносятся Кантом в сознание. По этому поводу Гегель делает следующее прекрасное замечание: «Разрешение противоречий... носит характер трансцендентальный, т.-е. оно состоит в признании идеальности пространства и времени, как форм воззрения, в том смысле, что мир в себе самом не поражен противоречием, не есть нечто снимающее себя, но что лишь сознание в своем воззрении и в отношении воззрения к рассудку и разуму есть самопротиворечащая сущность. Представляется слишком большою нежностью относительно мира — удалять из него противоречие, помещая последнее, напротив, в дух, в разум и оставляя его там неразрешенным. Действительно, дух имеет силу выносить противоречие, но он имеет также силу его разрешить. А так называемый мир (т.-е. объективный, реальный мир, или, по учению трансцендентального идеализма, субъективное воззрение или определяемая категориями рассудка чувственность), будучи не лишен противоречия, не в состоянии выносить его и потому предан происхождению и уничтожению» [1]). Антиномия означает неразрешенное противоречие. Так, Кант противопоставляет тезису антитезис, желая доказать, что тезис исключает антитезис и что они стало быть не могут быть примирены, не могут быть разрешены. Положительная же диалектика в тезисе и антитезисе видит не взаимно-исключающие, а взаимно-примиряющие противоположности. Бесконечное не исключает конечное, а включает его в себя. «Конец не существует вне бесконечного, а в нем самом». Истинное бесконечное необходимо отличить от ложного бесконечного, как этому учил Гегель. Только формальное мышление отрывает конечное от бесконечного и противопоставляет их друг другу, как абсолютные противоположности. «Бесконечность,—говорит Энгельс,—есть противоречие и полна противоречий. Противоречием является уже то, что бесконечность составлена из одних только конечных величин, а между тем это именно так. Допущение ограниченности материального мира приводит к неменьшим противоречиям, чем допущение безграничности, и всякая попытка устранить это противоречие ведет... к новым и худшим противоречиям. Именно потому, что бесконечность есть противоречие, она представляет собой бесконечный, во времени и пространстве беспрестанно развертывающийся процесс. Прекращение этого противоречия было бы концом бесконечности. Это уже совершенно правильно понимал

[1]) *Гегель*, Наука логики, I ч., I кн., стр 154—155.

Гегель, почему и трактовал с заслуженным презрением о господах, которые копаются в этом противоречии»[1]).

Гегель в своей критике первой космологической антиномии Канта приходит к тому выводу, что тезис и антитезис представляют собою лишь противоположные утверждения того, что есть *граница* и что эта граница вместе с тем *снята*. «Граница имеет потусторонность, с которой она вместе с тем находится в *отношении*, через которое она переступает за себя, при чем вновь возникает такая граница, которая не есть граница». Гегель определяет ложную бесконечность, как отрицание конечного, возникающего вновь, как постоянное становление и колебание от одного члена сохраняющегося противоречия к другому, от границы к ее небытию и от последнего опять к тому же самому, к границе. Эту бесконечность не следует смешивать, говорит Гегель, с потусторонней, относительно конечного, бесконечностью. Бесконечное не следует мыслить, как это подчеркивает Энгельс, как исключающую противоположность конечного, но как отмену или снятие последнего. Но конечность снятая есть уже отрицание конечного. Кантовские доказательства исходят из признания чего-то потустороннего относительно мирового существования — пустого времени. Но доказательства предполагают, что мировое существование переходит за свои пределы — в это *пустое время*; тем самым, говорит Гегель, оно снимает последнее и продолжает существование в бесконечность. «Мир есть существование, доказательство *предполагает*, что это существование *происходит*, и что происхождение имеет *условие*, *предшествующее* во времени. Но именно в этом и состоит самый *антитезис*, что нет безусловного существования, абсолютной границы, но что мировое существование требует *предшествующего условия*. Таким образом тезис переходит в антитезис, доказуемое служит предпосылкою доказательства. Точно так же обстоит дело и с пространством. Прямо принимается, что «ограниченный пространственный мир находится в пустом пространстве и имеет отношение к нему, т.-е. продолжается в нем, и таким образом потусторонность представляется наполненной мировым существованием». Отношение мира к пустому пространству утверждает одновременно и *существование* границы и *снятие* ее. Тезис переходит в антитезис и обратно. Бесконечность же, мыслимая как *бытие*, т.-е. как законченная целостность, переходит в свою противоположность, в конечность, ибо то, что закончено, завершено, представляет собою конечное. Но конечное, в свою очередь, уничтожает свою границу, снимает ее и тем самым преодолевает свою ограниченность. Поэтому бесконечность немыслима без конечного и мыслима не как бытие, а как *процесс*.

Что касается антиномии свободы и необходимости, как и делимости и неделимости материи, то на этих проблемах мы лишены возможности здесь остановиться.

---

[1]) *Энгельс*, Анти-Дюринг, Петроград, 1918, стр. 45—46.

VI.

Под влиянием великих завоеваний в области естествознания — с одной стороны, и общественного развития, обусловившего как эти успехи, так и стремление к сознательному преобразованию государственного и общественного строя — с другой, во второй половине XVIII века в Германии возникают попытки осмыслить ход исторического развития человечества. Мыслители при этом исходят из некоторых методологических предпосылок, заимствованных из естествознания. Подобно тому как природа подчинена определенным законам, где явления связаны между собою внутренней причинной связью, так и история должна быть рассматриваема не под углом зрения случайной, а рациональной законосообразной связи событий. Во Франции Бодэн, Монтескье и др. пытались установить связь между климатическими условиями, в которых живет данный народ, и его душевным строем, которым определяются его политические и общественные отношения. Французские мыслители придавали большое значение физическим условиям окружающей человека среды, самой физической *организации* человека. Философско-исторические воззрения, по мысли просветителей XVIII века, должны были служить исходной точкой для практических требований — политических и общественных. При этом в основе всего движения лежала мысль о человеческом *прогрессе*, о *единстве человеческого рода*, мысль о воспитании человечества ко *всемирному гражданству*.

Английский мыслитель Адам Фергюсон в своем сочинении «Essay on Civil Society» (1766 г.) сделал попытку представить картину развития человека от самого примитивного его состояния, примыкая отчасти к Монтескье. Фергюсон выдвинул ряд положений, которые оказали несомненное влияние на Канта, а через него и на последующих немецких мыслителей, в частности на Гегеля. Так, в центре исторического исследования Фергюсон ставит не *индивидуума*, а человеческий *род*, как целое. Далее он выдвигает в качестве основных факторов исторического развития стремление к самосохранению и продолжению рода. Человек является «орудием в руках провидения», т.-е. естественного хода вещей. Человеческие учреждения не являются результатом искусства, сознательного выбора и размышления, а продуктом естественных и бессознательных сил. Мы неспособны посредством разума или разумных оснований овладеть страстями человека, господствовать нам ними. Необходимо предоставить развитие общества естественному ходу вещей.

Почти одновременно в Германии появилось два философско-исторических сочинения: «Идеи к философии и истории человечества» Гердера, ученика Канта, и «Идеи о всеобщей истории с всемирно-гражданской целью» самого Канта. Вывод, к которому пришел Гердер, опиравшийся в значительной степени на Бюффоновские идеи, сводится к тому, что прогресс человечества есть осуществление общего мирового закона, действующего как в физическом, так и в духовном мире. Разница между природой и историей

только та, что в последней прогресс становится сознательным актом человека. Исторический *процесс* представляет собою непрерывный *прогресс* от бессознательных ступеней к сознательным. «Все на земле меняется,— говорит Гердер. — Земной шар находится в вечном движении, в подобном же движении находится и человеческий ум. Нравы и религии меняются подобно страстям и костюмам». Прогресс в природе и в истории совершается, по Гердеру, по определенным ступеням. Надо сказать, что в этом блестящем, гениальном произведении, в котором Гердер предвосхищает многие научные открытия позднейшего времени, мы находим замечательно глубокие мысли философско-исторического содержания, которые не прошли бесследно для Гегеля. Итак, прогресс, это—восходящее движение по определенным ступеням, из которых низшая ступень является необходимым условием высшей ступени. При этом любопытно мимоходом подчеркнуть, что Гердер был в это время восторженным поклонником Спинозы, метод которого он применяет к истории: он отвергает телеологию... Гердер стремится уяснить себе смысл и цель исторического прогресса, назначение человека в связи с общим строем природы. История человечества для Гердера является продолжением эволюции природы. Бюффон, в качестве картезианца, оторвал человека от животного мира. Разум есть порождение физической организации, как история или культура — результат окружающей человека природы и внешней среды. Противоположность между природой и культурой, которую отстаивал Руссо, Гердер устраняет. «Противоположность между «натуральным» и «культурным» исчезает; культура является естественным ростком природы; прогресс в человеческой истории—не случайное, не произвольное явление, ибо прогрессивное развитие есть закон природы, есть общий закон мироздания. Всемирная история становится для Гердера частью истории мира» [1]). Как в природе, так и в истории движение вперед совершается через необходимый *антагонизм сил*. Для устойчивого состояния какого-либо предмета необходимо известное равновесие действующих в нем сил, учит Гердер, повторяя мысли своего учителя Канта. *Всякая система, выведенная из состояния устойчивого равновесия, стремится к восстановлению этого равновесия, вне которого ни одна система существовать не может.* «Чем многообразнее и живее силы, тем значительнее колебания, необходимые для воостановления нарушенного равновесия. Таким образом, и человечество как в целом, так и в отдельных индивидуумах, обществах и нациях представляет собою прочную, естественную систему самых разнообразных живых сил, которые борются друг с другом в смутном хаосе, пока, по непреложным законам природы, противоположности не ограничат друг друга, и не установится известное равновесие или гармония движений». *Всякое нарушение равновесия ведет к восстановлению равновесия на высшей ступени, т.-е. ведет к дальнейшему прогрессу и усовершенствованию.* Целью

[1]) *В. Герье*, Философия истории от Августина до Гегеля, стр. 127.

же исторического прогресса является человечность — осуществление всех заложенных природою в человека способностей, единство и солидарность человечества в идеале человечности, всестороннее развитие всех духовных сил человека. У Гердера таким образом мы тоже видим своеобразную диалектику.

«Идеи» Канта появились несколько раньше (приблизительно за год) «Идей» Гердера. В противоположность объемистому сочинению последнего, работа Канта составляет только ряд тезисов (их всего девять), в которых мыслителем начертаны интересные и глубокие мысли. Кант также исходит из *идеи прогресса*, как и Гердер. Мы видели, что Кант выдвинул очень выпукло *идею развития и борьбу антагонистических сил во всей природе*. Эти мысли и были заимствованы Гердером у учителя (как и у Бюффона). Идея развития не только не исключает, но предполагает идею закономерности. Человеческие действия подчинены общим естественным законам, как бы мы ни смотрели на свободу воли с метафизической точки зрения, говорит Кант. История, занимающаяся изображением человеческих действий, внушает нам надежду, что она способна открыть в них правильный ход, т.-е. установить по отношению ко всему человеческому роду непрерывное развитие заложенных в нем задатков. Но так как люди в своих стремлениях поступают не только согласно инстинктам, как животные, и так же не так, как разумные существа по заранее установленному плану, то очевидно, что и планомерная история о них как будто невозможна. Но если философ не может открыть в этой бессмысленной игре человеческих действий разумную цель, которую ставили бы себе сами люди, то, быть может, в действиях людей можно обнаружить определенный план, преследуемый природой, независимо от субъективных намерений и целей человека. Какие же цели преследует природа в истории человечества?

Намерения природы сводятся к тому, чтобы все способности определенного существа с течением времени развились вполне и целесообразно. В человеке же, как в единственном разумном существе на земле, способности, требующие применения разума, достигают полного развития *не в индивидууме*, а *в роде*. Природа стремится к тому, чтобы человек все, что выходит за пределы механического устройства его животного существования, самостоятельно создал при помощи собственного разума. Люди—разумные существа, которые подвержены смерти, но род человеческий бессмертен; поэтому полное развитие способностей человека возможно только в *роде* и, стало быть, только в *процессе исторического развития*. Средства, которыми пользуется природа для осуществления развития всех способностей человека, это—*антагонизм их в обществе* [1]). Под антагонизмом, поясняет Кант, я понимаю «необщительную общительность» людей, т.-е. противоположные потреб-

[1]) «Das Mittel, dessen sich die Natur bedient, die Entwickelung aller ihrer Anlagen zu stande zu bringen, ist der Antagonismus derselben in Gesellschaft, sofern dieser doch am Ende die Ursache einer gesetzmässigen Ordnung derselben wird». (*Kant*, Ideen zu einer allgemeinen Geschichte etc. Kleine Schriften 1793., p. 9).

ности людей в *общении* и в *разобщении*. Человек имеет потребность и склонность к обобществлению себя, потому что в этом состоянии он чувствует себя больше человеком. Но, с другой стороны, человек имеет склонность уединяться, опасаясь противодействия себе со стороны других. В человеке действуют таким образом две противоположные силы, между которыми происходит борьба: сила притяжения и сила отталкивания — понятия, перенесенные Кантом из области естествознания в историю. Человек, говорит Кант, желает согласия, мира; но природа лучше знает, что необходимо для блага рода: она хочет раздора, борьбы. Она пользуется антагонизмом, раздором, как средством в интересах развития человеческого рода. Кантовский *принцип антагонизма* усвоили сен-симонисты. Они перенесли его из психологической сферы индивидуума, которую имел в виду Кант, в «экономическую» область, расширив это понятие до *антагонизма классов*. Истинно научное обоснование борьбе классов и антагонизму в обществе дал Маркс.

«Величайшая проблема для человеческого рода,—гласит пятый тезис,— к разрешению которой его понуждает природа, это—достижение правового *гражданского общества*» [2]). В результате борьбы между индивидуумами возникает и развивается *общение*, солидарность. Право рождается в огне борьбы противоположных сил. Материальная нужда заставляет людей вступить в состояние общественное, в котором принуждение и свобода гармонически сочетаются друг с другом. Человек может отстоять себе существование и развиваться только в *обществе*, но эгоистические интересы людей направлены вместе с тем против общества. Из борьбы этих противоположных тенденций и рождается общественный порядок, справедливое гражданское устройство, которое является величайшей задачей человечества. Но проблема установления совершенного гражданского общества находится в зависимости от проблемы установления закономерных взаимных *отношений между государствами*. Первая проблема не может быть разрешена без второй. Каждое государство в своих отношениях к другим государствам находится в состоянии необузданной свободы, при которой каждое государство может подвергнуться нападению со стороны другого. Это состояние необузданной свободы, угнетавшее отдельного человека, заставило его вступить в закономерное гражданское состояние. То же вынуждено сделать с своей стороны и государство. *Антагонизм*, взаимная борьба, порождает *гармонию*, *солидарность*, *единство*. Природа пользуется *войнами*, как средством к достижению этой великой цели. И тут опять таки *зло порождает свое отрицание*, *зло переходит в свою противоположность*. Постоянные войны и непрекращающиеся вооружения, вызываемая ими нужда населения — весь этот печальный опыт необходим для того, чтобы выйти из состояния дикости и создать *союз народов*, в котором каждому, даже

---

[2]) Das grösste Problem für die Menschengattung, zu dessen Auflösung die Natur ihn zwingt, ist die Erreichung einer allgemein das Recht verwaltenden bürgerlichen Gesellschaft».

самому маленькому государству, были бы обеспечены безопасность и его права всей мощью и всем авторитетом объединенного человечества.

Кант является в этом вопросе единомышленником Сен-Пьера и Руссо, на которых он и ссылается. Многим идеи Сен-Пьера и Руссо представляются фантастическими, их высмеивают; однако, говорит Кант, нужда заставила людей и государство разрешить эту проблему в таком именно духе. Разве все войны не представляют собою попытки (правда, не в силу сознательного намерения людей, а по замыслу природы) установить новые отношения между государствами *посредством разрушения*, или, по крайней мере, раздробления одних и *создания других*, которые снова вследствие неспособности сохраняться ни внутри, ни во вне, необходимо подвергаются новым революциям, наконец, отчасти, вследствие введения лучшего гражданского устройства внутри, отчасти посредством международных договоров и законодательства извне, пока не будет достигнуто состояние, при котором все человечество составит как бы единое *гражданское общество*. До тех пор, пока не будет установлен закон равновесия—как в каждом отдельном государстве, так и в их взаимных отношениях—между свободой и равенством и пока не будет сделан последний шаг, т.-е. пока не будет установлен *союз государств*, человечество будет страдать от жесточайших зол под обманчивой личиной внешнего благополучия. Руссо прав, пожалуй, прибавляет Кант, когда он предпочитает жизнь дикарей современному общественному состоянию. К счастью, выходом из этого положения является та высшая ступень общественного состояния, которого имеет еще достигнуть и осуществить человеческий род. Пока государства будут употреблять все свои усилия на суетное и насильственное расширение своих границ и этим задерживать медленное внутреннее развитие своих граждан и отказывать им во всякой поддержке в этих их намерениях, нельзя ожидать ничего хорошего, никакого улучшения.

Итак, история человеческого рода есть процесс осуществления скрытого плана природы, состоящего в создании внутреннего и, в этих же целях, и внешнего совершенного государственного устройства, как единственного состояния, в котором *все зачатки и способности человечества могли бы получить всестороннее и полное развитие*. Таким образом, говорит Кант, философия также может иметь свой «хилиазм». И эта идея сама может стать в известном смысле фактором, способствующим осуществлению цели. Однако все зависит от того, подтверждается ли этот теоретический или философический вывод *опытом*. Для нас, и в особенности для историка, очень важно открыть известные *тенденции* или «хоть слабые следы приближения» к этой цели, говорит мыслитель. И Кант старается указать эти признаки. Он видит их в развитии гражданской свободы, которая не может быть слишком стесняема без чувствительного ущерба для торговли и промышленности. Государства уже теперь находятся в таком положении и, главное, в таких взаимных отношениях, что вынуждены заботиться так или иначе о развитии внутренней культуры. Правители, говорит Кант, в настоящее время расходуют все средства страны на войны и на подготовку к ним. Но самая война стано-

вится таким сложным, рискованным и опасным предприятием, что вследствие сцепления торговых и промышленных интересов всех государств Европы, эти государства принуждены в силу грозящей им опасности выступать посредниками между другими и таким образом подготовляют в будущем *объемлющее все государства политическое тело*, которое было неведомо прошлым временам. И хотя такое политическое тело теперь существует только в смутных очертаниях, но уже чувствуется в нем потребность, и это дает надежду, что *в результате ряда революций и многих преобразований* осуществится, наконец, то, что составляет высшее намерение природы, и водворится на земле такое *состояние всемирного гражданства*, в недрах которого разовьются все вложенные в человеческий род задатки.

В другом произведении, вышедшем в 1786 г. [1]), Кант устанавливает три ступени человеческого развития: 1) период мира и счастья, 2) период труда и раздора и 3) объединение людей в обществе. Над человеком господствует два инстинкта: инстинкт самосохранения и продолжения рода. На протяжении исторического процесса эти инстинкты видоизменяются под влиянием *разума*. Если первоначально инстинкты господствуют над человеком, то впоследствии разум становится руководителем человеческой деятельности. С *пробуждением разума человек становится господином природы*. Этот исторический процесс формулируется Кантом, как переход от власти природы над человеком к состоянию свободы. Состояние *невинности, естественное состояние, сменяется состоянием борьбы интересов, эпохой труда и раздора*. На этой ступени развития человек приручает животных, находит средства питания в скотоводстве, земледелии; вводится частная собственность именно при последней хозяйственной форме, возникают села и города, словом возникает *культура*, как противоположность естественному состоянию—*природе*. Но культура порождает неравенство между людьми — *источник стольких бедствий, но вместе с тем и благодеяний*, но одновременно гражданскую безопасность. Культура является результатом человеческого искусства. Однако на этой ступени человеческий род остановиться не может. *Недовольство этим состоянием, все противоречия, проникающие его, являются движущей причиной дальнейшего развития*. Противоречия между природой и культурой разрешаются на высшей ступени развития таким образом, что «*совершенное искусство снова становится природой*». От первоначального состояния господства инстинкта—невинности и дикости — через борьбу и целый ряд бедствий, вызываемых в особенности войнами, человечество достигает господства культуры разума, который в свою очередь, вступает в борьбу с нашими моральными требованиями, ведет человечество вперед к установлению *всемирного гражданства на почве всеобщего мира*. На этой ступени мы имеем *единство инстинкта и разума в моральном сознании* (единство необходимости и свободы). Так человечество выходит из царства необходимости и вступает

[1]) *Kant*, Muthmasslicher Anfang der Menschengeschichte (Kleine Schriften, 1793 г.).

в царство свободы. История и есть не что иное, как *прогресс в сознании свободы*, как это позже формулирует Гегель. Но этот *исторический процесс совершается за спиною людей* природой, т.-е. объективным ходом вещей. И цель исторического процесса заключается в том, чтобы человечество, осознав законы природы, стало творить свою историю сознательно. Мы видим, что Кант по-своему разрешает антиномию Руссо. В своих философско-исторических работах Кант и ставит себе задачей, исходя из установленных Руссо положений и антиномий, найти их разрешение. С другой стороны, мыслитель, будучи одновременно одним из великих просветителей, вместе с тем отчасти уже преодолевает исторические взгляды просветителей. Но, прежде чем закончить этот краткий, по необходимости, очерк философско-исторических взглядов Канта, необходимо остановиться на его отношении к великой французской революции и на тех философско-исторических выводах, какие он делает на основании этого всемирно-исторического события.

«Пусть революция этого великого народа окажется удачной или неудачной,—говорит Кант;—пусть она будет сопряжена с такими бедствиями и ужасами, что благомыслящие люди никогда не решатся повторить подобный опыт; важно однако то, что эта революция находила во всех зрителях, не замешанных в ней, такое сочувствие, которое граничит с энтузиазмом, хотя это проявление сочувствия связано было с опасностью. Это сочувствие может корениться только в моральных задатках человечества» [1]). Моральное значение этого исторического события двоякое. Во-первых, оно доказало, что каждый народ имеет *право* установить у себя такое гражданское и политическое устройство, какое он находит для себя подходящим и целесообразным. Во-вторых, поскольку речь идет о *цели*, преследуемой революцией, то надо признать, что только такой государственный строй может быть в смысле правовом и моральном признан хорошим, который так устроен «по своей природе», что исключает наступательные войны. Таким государственным строем может быть признана только *республика*. Во всех этих симптомах Кант видит отрицательное доказательство возможности поступательного движения человеческого рода к лучшему будущему.

Контр-революционеры, говорит Кант, не были в состоянии вызвать посредством подкупа ни того энтузиазма, ни той преданности делу, которое вызвало одно только понятие *права* в народных революционных массах. И даже чувство чести старой аристократии испарилось перед оружием тех, которые защищали народные права. Такое событие, как французская революция, продолжает мыслитель, *никогда не может быть забыто*, потому что оно обнаружило в человечестве способность к улучшению, т.-е. прогрессу. И если бы даже преследуемые революцией цели не были достигнуты, если бы даже она потерпела полное крушение, то она не теряет своего философского значения, как событие, на основании

---

[1]) *Kant*, Der Streit der Facultäten, 1798, pp. 143—144.

которого мы можем *предсказать* будущие судьбы человечества. Возможны ли вообще исторические *предсказания*? — спрашивает Кант. И он отвечает на этот вопрос утвердительно. Предсказания возможны на основании тех или иных исторических событий, которые сами по себе не являются причинами, а лишь историческими симптомами, характеризующими *тенденции* поступательного движения [1]). Такое событие, на основании которого можно предсказать *способность человечества к прогрессу и даже его тенденции*, он видит во французской революции. Это событие, говорит Кант, слишком значительно, слишком переплетено с интересами человечества, чтобы у народов, при благоприятных обстоятельствах, не пробудилось желания и не возникло попыток к повторению его.

Таково было отношение Канта к французской революции. Он понял, глубже многих своих современников, значение этого мирового события, из которого, как мы видели, он считал возможным сделать определенные философско-исторические выводы.

Итак, объективный исторический процесс (то, что Кант называет «природой»), происходящий за спиною человека, в силу внутренних антагонизмов ведет к осуществлению совершенного гражданского устройства при справедливых международных отношениях. Эта цель в то же время должна быть и нашим идеалом, т.-е. предметом сознательных наших действий и стремлений. Совершенное гражданское устройство имеет своим содержанием *идею права*. Совершенное гражданское устройство есть, таким образом, не что иное, как «совершенный» *правовой строй*, *правовое государство*. В своем учении о праве (Rechtslehre, 1797 г.) Кант в известном смысле дает философское обоснование лозунгам французской революции. Молодой Маркс, как известно, выразился о Кантовском учении, что оно представляет собою не что иное, как «немецкую теорию французской революции».

Буржуазная французская революция находит в сыне седельника, этого идеолога мелкой буржуазии на немецкой почве, своего восторженного поклонника и теоретика. «Свобода», «равенство» и «самостоятельность» граждан (вместо «братства») являются для Канта основными лозунгами и требованиями, разумеется, не данной исторической эпохи, а разума, вечной справедливости. Это — основные, можно сказать, априорные принципы *разума*.

Понятие разума сближает Канта с французскими просветителями, которые ведь свои лозунги также рассматривали, как безусловное требование разума. Политическое и юридическое равноправие граждан, т.-е. чисто формальная свобода и равенство, вполне совместимо, по учению Канта, с «наибольшим неравенством имуществ». Этот «антагонизм», как мы видим, стоял перед Кантом, но он находит в порядке вещей, чтобы «благополучие одних зависело от воли других, чтобы благосостояние бедных

---

[1]) *Kant*, там же, стр. 142.

зависело от воли богатых, чтобы одни повиновались, как дети своим родителям или как жена мужу, и чтобы другие приказывали и т. д. И если Кант в другом месте своего сочинения говорит, что нет ничего отвратительнее рабства, что «человек, находящийся в зависимости от другого, теряет достоинство человека, перестает быть человеком», то тут нет никакого противоречия. Ибо в последнем случае речь идет именно о *формальной* свободе, о *формальном* равенстве. Здесь Кант ведет борьбу в качестве идеолога буржуазии против крепостничества, против юридических привилегий помещиков, но за буржуазную частную собственность. В первом же случае речь идет о «неравенстве имуществ», об укреплении права частной собственности. И мы видим, что Кант во имя «прав человека и гражданина» находит совместимым, чтобы в области буржуазных экономических отношений человек был бы только *средством*, между тем как в области правовой он требует, чтобы человек был не только средством, но и *самоцелью*. Но мало того. Кто является «человеком»? Кто является «активным» гражданином? Кант дает на этот вопрос тот же самый ответ, какой дала французская буржуазия. Поденщики, прислуга, женщины, приказчики, словом все экономически несамостоятельные элементы не являются членами государства, не являются гражданами. Стало быть, общество и государство, с точки зрения Канта и французской буржуазной революции, образуют *экономически-самостоятельные* граждане. Иначе говоря: Кант ратует за *буржуазное общество* и *буржуазное государство*, за права *буржуазного человека и гражданина*. Человек есть собственник, и только собственник — настоящий человек и гражданин. Пролетариат и женщины исключаются из буржуазного общества и государства; они не находят себе в нем места. Это значит, что буржуазное общество несовместимо с признанием «человеческих» и гражданских прав за пролетариатом. Конечно, в формальном смысле они совместимы, как это показало дальнейшее развитие буржуазной демократии; но в смысле материальном, в смысле «равенства имуществ», экономической независимости, они несовместимы.

Этот *отрицательный результат* имел *положительное значение*. Утверждение Канта, что свобода и равенство всех граждан перед законом совместимы с «наибольшим неравенством имуществ», заключало в себе внутреннее противоречие, которое в дальнейшем развитии общественных отношений должно было обнаружиться с полной ясностью в ожесточенной борьбе классов. Это противоречие между формальной и материальной демократией может быть разрешено только *социализмом*. Но эта проблема, как мы видели, вовсе не существовала для Канта. Он обеими ногами стоит на почве буржуазного общества, буржуазного права и буржуазного государства. И поэтому все попытки обоснования социализма на *этическом формализме* Канта не имеют под собой решительно никакой почвы. Кант является идеологом буржуазного общества, теоретиком правового государства. Его всемирно-*гражданское* общество есть не что иное, как всемирно-*буржуазное* общество. Каждому

гражданину должно быть предоставлено самому заботиться о своем счастьи, как выражается Кант. Правительство не должно стеснять свободу хозяйственной деятельности [1]), т.-е. свободы эксплоатации. Политическая свобода и экономическая зависимость бедных от богатых вполне совместимы, по учению Канта.

Учение Канта, однако, вполне соответствовало интересам нарождавшейся в отсталой Германии буржуазии. Но вместе с этим в «трезвом» учении Канта имеется и *утопический* элемент. Кант твердо надеялся, что на почве «гражданского» или буржуазного общества возможна *федерация* государств, возможен *вечный мир*. Он не понимал, что войны являются неизбежным следствием «гражданских» обществ, основанных на частной собственности.

А. Деборин.

[1]) «Das Amt der Regierung ist nicht, diese Sorge den Privatpersonen abzunehmen, sondern nur die Harmonie derselben zu bewirken» *Kant*, Gesammelte Schriften, Akademische Ausgabe, XV, p. 631.

К ИСТОРИИ СОЮЗА КОММУНИСТОВ

КЕЛЬНСКАЯ ОБЩИНА СОЮЗА ДО МАРТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

I. Значение Кельна в жизни Маркса. — Книга Ганса Штейна.

II. Массовая демонстрация в Кельне 3 марта 1848 г. — Вожаки: Готтшальк, Аннеке, Виллих. — «От имени рабочего класса». — Первое революционное движение в Пруссии.

III. Сообщение Энгельса о кельнском мятеже. — Поведение войск. — Участие в движении старых и новых друзей Маркса и Энгельса. — Подчеркивание пролетарского характера движения.

IV. Демонстрация — дело рук кельнской общины Союза коммунистов. — Виллих: председатель общины. — Переезд Виллиха в Кельн к концу 1847 г.

V. Новые друзья Маркса и Энгельса в кельнской общине Союза. — «Процесс Аннеке». — Решительнейшие приверженцы Аннеке: Корфф, Бейст, Виллих.

VI. Их позднейшая деятельность в революции. — Их связь с истинным социализмом. — Их социалистический образ мысли: социалистическая пропаганда в армии. — Брожение среди офицерства.

VII. Кельнская община Союза: центр революционной агитации в прусской армии. — Результаты пропаганды, непосредственно после взрыва революции. — Третье марта. — Брожение в 25-м пехотном полку. — Лейтенанты Вюльфинг, Бернигау, Нитак.

VIII. Готтшальк. До революции. Акционер-учредитель и сотрудник Рейнской Газеты. — Связь с Гессом. — Полиция следит за ним в 1846 г. — Знаком с Марксом и Энгельсом. — Тоже «истинный социалист». — Жан Иозеф Янсен. — Поэт Гоккер.

IX. Старые друзья: Бюргерс, Даниельс, д'Эстер.—Их сдержанное отношение.— Существовала ли в Кельне община Союза Справедливых или коммунистический корреспондентский комитет? — Разнородный состав кельнской общины. — Отчет В. Вольфа от 9 апреля.

X. Влияние демонстрации на буржуазно-либеральное движение. — Значение ее для марксоведения. — Первая глава кельнского рабочего движения.

I

Из всех немецких городов Кельн играл наиболее крупную роль в жизни Маркса. Можно сказать, что Кельн, это — единственный немецкий город, с которым был непосредственно близко связан Маркс в качестве политического деятеля. Почти две трети своей жизни Маркс провел за границей; по окончании университета (в 1841 г.) он прожил в Германии всего каких-нибудь три года — именно время до парижского изгнания и революционные 1848—1849 г.г.; из этих трех лет значительно бо́льшая половина, и собственно даже, за вычетом нескольких месяцев, весь этот заполненный интенсивной политической деятельностью период падает на Кельн.

В Кельне он редактировал осенью и зимой 1842—1843 г. «Рейнскую Газету», руководящий боевой орган рейнского либерализма и немецкого идеологического радикализма.

После пятилетнего изгнания, проведенного им в Париже и Брюсселе, когда революция дала ему возможность и возложила на него обязанность вернуться в Германию, он выбрал базисом для своей революционной деятельности Кельн, где руководил «Новой Рейнской Газетой», сделав из этого органа самую могучую трибуну революционной демократии.

После поражения революции Кельн становится местопребыванием реорганизованного Союза Коммунистов, который, под руководством жившего в Лондоне Маркса, подготовлял пролетарско-революционные элементы Германии к новой революции. Кельн—арена того знаменитого процесса коммунистов, где главным обвиняемым был, собственно, отсутствовавший Маркс, который со своей стороны приложил все старания, чтобы превратить этот важный в интересах правительства процесс в скандал прусской полиции.

Ввиду той огромной роли, которую Кельн играл в жизни Маркса, а Маркс в жизни Кельна, мы должны с большой радостью приветствовать тщательную работу Ганса Штейна [1]), дающую много ценного материала для знакомства с социальной и политической жизнью Кельна в революционные годы и сообщающую важные подробности по истории политической деятельности Маркса в этот период. Разумеется, Энгельс, Меринг, Г. Майер были вполне правы, когда они настойчиво указывали, что ни в «Рейнской Газете», ни в «Новой Рейнской Газете» Маркс не занимался *местной* политикой. В «Новой Рейнской Газете» он рассматривал немецкую политику с международной точки зрения, надеясь, и не без успеха, влиять на политику в национальном масштабе. Однако приводимые Штейном новые факты показывают, что непосредственно окружавшая Маркса социально-политическая обстановка, посреди которой он воздвигнул свою далеко видную по всей стране трибуну, оказывала на его политическую деятельность гораздо большее влияние, чем прежде думали, и что он вынужден был поэтому в гораздо большей мере, чем раньше полагали, заниматься практической политикой и в рамках местных условий.

Книга Штейна выдает на каждом шагу новичка. От его внимания ускользнули общеизвестные источники и исследования, которые он должен был бы принять в расчет в своей работе, как, например, переписка между Марксом и Энгельсом или книга Г. Адлера о первом социально-политическом рабочем движении в Германии. При оценке направлений тех или иных отдельных лиц, при распределении отдельных событий в картине всего движения, он делает очевиднейшие промахи. Стиль и композиция

---

[1]) «Der Kölner Arbeiterverein» (1848—49). Ein Beitrag zur Frühgeschichte des rheinischen Sozialismus. Köln 1921, 112 pp. — В дальнейшем цитируется просто, как Штейн.

его работы довольно беспомощны. Тем не менее многие факты, извлекаемые им из неиспользованных до сих пор источников, в особенности из современных брошюр и из кельнских рабочих газет революционной эпохи, представляют огромнейший интерес. Его книга дает новые важные факты не только для истории кельнского рабочего движения, для «ранней истории рейнского социализма», — как гласит подзаголовок его книги, — но и для биографии Маркса [1]), для конкретной, реалистической оценки политической практики Маркса в течение революции 1848—1849 г.

На этот раз мы ограничимся тем, что рассмотрим подробнее одно из приводимых им новых сообщений. И к этому сообщению применимо сделанное нами выше замечание, а именно, что Штейн, вследствие своего недостаточного знакомства с литературой и историей до-мартовского социализма, хотя и приводит сырой материал, сам по себе интересный, но не в состоянии правильным и *исчерпывающим* образом использовать его.

II

Дело идет о бурных событиях, о «мятеже» в Кельне 3 марта 1848 г. Несмотря на важное значение, которое, как мы указали, Кельн имел в революционные годы для Маркса и Энгельса, ни у Меринга, ни у Майера мы не находим никаких сведений о политическом положении, о политических событиях в Кельне непосредственно перед взрывом и победой революции. И вот от Штейна мы узнаем, что в Кельне пламя революции запылало гораздо раньше, чем в остальной Пруссии [2]), почти за две недели раньше, чем в Берлине. Мы узнаем от него, что в Кельне уже 3 марта произошла огромная массовая демонстрация, подавленная силой оружия, что вожди ее были заключены в тюрьму, откуда были освобождены только победой революции в Берлине.

Штейн сообщает об этих происшествиях по отчетам тогдашней «Кельнской Газеты» и по вскоре после этого появившейся анонимной брошюре: «Так называемый кельнский мятеж 3 марта 1848 г.». 3 марта после обеда происходило экстраординарное заседание кельнского городского совета в связи с сообщением правительственного президента и директора полиции насчет ожидаемых вечером того дня беспорядков. Под впечатлением этого известия решили передать «тотчас же в надлежащее место записку» с некоторыми умеренными требованиями реформы. Заседание еще продолжалось, когда около семи часов на площади ратуши стало со-

---

[1]) Единственное произведение, использовавшее уже отчасти результаты работы Штейна, это, пока, книга *Д. Рязанова*, Маркс и Энгельс, Москва 1923 (стр. 106—107, 116—117).

[2]) Штейн пишет (стр. 25): «раньше, чем где бы то ни было в Германии». Это, разумеется, не так. В южно-германских государствах уже почти за неделю до того происходили местами революционные массовые движения.

биратьсяогромное множество народа. Часть толпы уже проникла в вестибюль здания, когда доктор медицины Андрей Готтшальк, бывший поручик Август фон Виллих и поэт Гоккер потребовали, чтоб их провели, в качестве представителей толпы, к обер-бургомистру. Доктор Готтшальк передал прервавшему свое заседание городскому совету петицию, состоявшую из шести пунктов, из которых первый, второй и четвертый содержали в себе обычные радикально-демократические требования (всеобщее избирательное право, свобода слова и печати, свобода коалиций), а третий и последние два гласили:

Уничтожение постоянного войска с заменой его всеобщим вооружением народа при выборных командирах.

Охрана труда и обеспечение человеческих потребностей для всех.

Полное воспитание всех детей на общественный счет.

Передавая петицию, Готтшальк произнес пламенную речь, в которой, между прочим, сказал, что «большое количество людей *из рабочего класса*» поручило ему выразить их пожелания, что он говорит не от имени народа, ибо этим именем «слишком часто злоупотребляли привилегированные классы», а «от имени того достойнейшего из всех сословий, которое в награду за пот своего труда не имеет чем прикрыть своей наготы или утолить свой голод», что он представляет требования «четвертого сословия».

А в это время на происходивших перед ратушей митингах Виллих и бывший артиллерийский лейтенант Фридрих Аннеке обращались с речами к народу.

По предложению городского совета, вынужденного к тому ворвавшейся в зал заседания толпой, Готтшальк принял участие в дальнейших совещаниях коллегии. Рабочие покинули зал только после успокоительных слов Готтшалька. Городской совет приступил с ним к обсуждению пунктов петиции. Даже Франц Раво, известный как самый радикальный член совета, отвергнул с негодованием требования петиции, указав на их невыполнимость. Переговоры еще продолжались, когда «вдруг послышалась раз и другой барабанная дробь»; огромная толпа хлынула в зал, осадив городской совет; советники разбежались куда кто мог, некоторые стали спасаться через окна, а один даже запрятался на колокольню. А в это время батальон пехоты и отряд полиции очищали площадь ратуши от собравшейся толпы. Взвод войск под начальством майора очистил затем и самую ратушу. Виллих был арестован еще во время самих беспорядков, Готтшальк и Аннеке на следующее утро. Против них было возбуждено дело о «подстрекательстве к мятежу и основании запрещенного сообщества» [1]).

Достаточно этих приводимых Штейном фактов, чтобы понять и без всяких комментариев, без подробного анализа их, важность кельнских событий 3 марта для истории революции в Кельне, а, значит, и для марксоведения.

---

[1]) *Штейн*, стр. 26—29.

Кельн был единственным городом в Пруссии, где произошла еще до победы революции в центре страны такая величественная демонстрация, такое массовое выступление против местных гражданских властей. В мятеже, далеко превосходившем по своим размерам имевшие место там и сям уличные беспорядки, приняли участие, главным образом, рабочие. То же самое наблюдалось затем повсюду во всех городах. Однако для кельнского восстания характерно то, что выдвинутые массами и их вождями лозунги [1], содержали не только обычные тогда радикально-демократические требования, но также и специальные пожелания рабочего класса и нигде в других случаях не встречающееся требование об уничтожении постоянного войска. Вождей движения — Аннеке, Виллиха, Готтшалька—нельзя просто назвать представителями мелко-буржуазной «демократии», они не принадлежат к известным тогда «демократам». Наиболее выдвинувшийся в ходе мятежа вожак назвал себя посланцем «рабочего класса», «четвертого сословия». Со своими далеко идущими требованиями он решительно обращается к конституционному либералу от имени рабочих масс, «достойнейшего из всех сословий». Этот вожак — врач Готтшальк, имя которого ни разу не упоминается в работах Меринга и Майера. И даже Аннеке и Виллих, имена которых известны по другим обстоятельствам, нигде не упоминаются в связи с этими, столь важными для истории кельнской революции, событиями. Стоит поэтому подробнее заняться этими событиями, поскольку находящиеся в нашем распоряжении источники позволяют нам сделать это.

III

В действительности оказывается, что мы в состоянии дополнить приведенное выше изложение Штейна некоторыми подробностями из ускользнувшего от его внимания источника; как сами эти подробности, так и источник, откуда они позаимствованы, заставляют нас подвергнуть дальнейшему анализу события, имевшие место в Кельне 3 марта.

Источником, дающим нам дальнейшие подробности, которые позволяют заглянуть в мастерскую мятежа, является *Энгельс*. Само собою понятно (не говоря пока об особых основаниях, о которых речь будет ниже), что первая революционная демонстрация в Пруссии, которая должна была иметь значение для всей Германии, привлекла к себе немедленно страстное внимание Маркса и Энгельса, которые незадолго до того покончили с теоретической подготовкой к революции в Германии, а в это время как раз занимались организационной подготовкой ее. Штейн не заметил документа, свидетельствующего об этом, хотя документ этот легко доступен. Это—

---

[1] Хотя Штейн не упоминает об этом, но не лишен интереса и важности тот факт, что шесть *«требований народа»* были распространены в многочисленных экземплярах среди толпы и читались вслух (Der sogenannte Aufruhr..., p. 14).

письмо находившегося тогда в Брюсселе Энгельса от 9 марта 1848 г. к Марксу (в Париже), в котором мы читаем следующее:

«Кельнская история неприятна. Три лучших человека сидят. Я беседовал с одним активным участником происшествия. Они хотели выступить, но вместо того чтобы добыть оружие, что было нетрудно, направились безоружные к ратуше и дали себя окружить. Утверждают, будто бо́льшая часть войск была на их стороне. Предприятие было начато безрассудно, глупо; если сообщение этого парня верно, то они могли спокойно выступить и в два часа стали бы господами положения. Но все было затеяно страшно глупо.

«Наши *старые* [1]) друзья в Кельне, повидимому, совершенно воздержались, хотя решение выступить было принято совместно с ними. Маленький д'Э[стер], Д[аниельс[, Б [?] были там одну минуту, но тотчас же ушли, хотя маленький Др. был как раз необходим в городском совете» [2]).

Ясно, насколько важно это место для понимания кельнских событий. Мы получаем, как уже сказано, возможность заглянуть в мастерскую мятежа. Мы узнаем, что Маркс и Энгельс через посредство своих «друзей» как бы лично связались с мятежом. При чтении приведенного нами отрывка из письма Энгельса создается невольно такое впечатление, что все «дело» было подготовлено и устроено группой лиц, за деятельностью которых уже раньше внимательно следили Маркс и Энгельс. Выступление было решено заранее; инициатива, по всей видимости, исходила от *новых* друзей, но и старые друзья участвовали в принятии решения. При выполнении его последние совершенно воздержались, — пользуясь современным выражением, они саботировали выполнение решения. У Энгельса мы встречаем еще одно очень интересное указание, упоминание о настроении находившихся в Кельне войск, которые, будто бы, симпатизировали движению.

На планомерную подготовку выступления и на тактику вожаков, в особенности подчеркивающую специфический характер движения, указывает и то упущенное Штейном обстоятельство, что на тот же самый вечер было назначено и чисто буржуазное собрание в одном закрытом помещении, чтобы, следуя примеру южно-германских государств и городов, составить петицию с умеренно-либеральными пожеланиями [3]).

Участие в движении «друзей» Маркса и Энгельса и тактика вожаков его, особенно подчеркивающая пролетарский характер его, требуют тщательнейшего исследования обстоятельств, в особенности организационных предпосылок мятежа. Спрашивается, не существовала ли организацион-

[1]) Подчеркнуто самим Энгельсом!

[2]) Переписка Маркса и Энгельса, I, 90.

[3]) Der sogenannte Aufruhr..., p. 12—«Deutsche Allgemeine Zeitung», Lpz. 1848, № 68 от 8 марта.

ная связь между инициаторами движения, с одной стороны, и Марксом и Энгельсом — с другой, т.-е. с руководимым ими и за несколько месяцев до того реорганизованным Союзом Коммунистов?

IV

Нам не нужно забираться далеко, чтобы установить имеющий решающее значение факт, а именно, что кельнская демонстрация от 3 марта *была устроена кельнской общиной Союза Коммунистов.* На первый взгляд это кажется невероятным, ибо ни биографы Маркса и Энгельса, ни историки Союза Коммунистов не говорят ни звука о существовании в начале 1848 г. кельнской общины Союза. Союз Коммунистов, как он существовал в конце 1847 и в начале 1848 г. до мартовской революции, считался всегда, до сих пор, с немецкой точки зрения, чисто эмигрантской организацией. Согласно господствующему мнению, реорганизованный только 8 ноября 1847 года, благодаря принятию нового устава, и незадолго до того переименованный Союз Коммунистов, «манифест» которого вышел в свет лишь в конце февраля, не имел вовсе времени, чтобы выявить новые организационные формы и в Германии. Руководители Союза, члены Центрального Комитета, были по горло заняты тем, чтобы держать крепко в своих руках брюссельскую и в особенности парижскую общины. Только после победы мартовской революции в Берлине члены Союза рассеялись по городам и весям родины, и здесь в вихре революции они вовсе не могли основывать общин, если вообще пытались делать это, что можно сказать только о некоторых из них [1]).

Как сказано, нам не надо забираться далеко, чтобы доказывать существование в Кельне активной общины Союза еще до берлинской мартовской революции. Доказательство находится в весьма известном источнике: в переписке Маркса и Энгельса. В одном недатированном письме Энгельса к Марксу, написанном в Брюсселе около 10 марта 1848 г.[2]), мы читаем:

«До своего бегства Дронке [3]) был принят в Союз Виллихом и братией» [4]).

Если мы вспомним, что, согласно уставу Союза [5]), прием новых чле-

---

[1]) Ср. *Grünberg*, Die Londoner Kommunistische Zeitschrift und andere Urkunden aus den Jahren 1847—1848; *Мерингъ* в введении к своему изданию «Разоблачений о процессе коммунистов в Кельне Маркса»; *Адоратский*, К вопросу о возникновении Коммунист. Манифеста — в сборнике «Памяти К. Маркса», Москва 1923, стр. 77—106.

[2]) Бернштейн относит письмо к «первой половине марта» (I, 93). Но из связи с предшествующими и дальнейшими письмами ясно, что оно было написано после десятого и до пятнадцатого марта.

[3]) Это относится к побегу из везельских казематов Дронке, осужденного к двум годам заключения в исправительном доме по делу об оскорблении величества. (См. *Mehring*, Marx, p. 142).

[4]) Переписка Маркса и Энгельса, I, 93.

[5]) Устав Союза см. в большом Рязановском издании Коммун. Манифеста.

нов его производился руководителем (председателем) общины, с согласия последней, то из этого единственного имеющегося у нас места вытекает бесспорным образом, что принимавший Дронке *Виллих был именно руководителем общины Союза Коммунистов.*

Из письма Энгельса не ясно, где происходил прием Дронке; возможно сомнение, жил ли тогда Виллих в Кельне. Этот вопрос решается одним имеющимся в «Вестфальском Пароходе» [1]) сообщением, которое мы приводим здесь, ввиду важности его для нашего дальнейшего изложения, с некоторыми незначительными сокращениями:

> «Лейтенант *Аннеке*, может быть, будет заключен в крепость из-за оскорбления им известного господина Маркарда в своей брошюре «Об одном процессе перед судом чести»... Один друг Аннеке, поручик фон Виллих, который, в связи с этим делом был переведен в Кольберг, с трудом добился, наконец, своей отставки и, несмотря на свой пожилой возраст..., начнет изучать в Кельне плотничье дело... Его друзья в Кельне готовят ему торжественный прием».

Это сообщение перепечатала и «Немецкая Брюссельская Газета» от 2 января (год 2-й, № 1), снабдив его примечанием, согласно которому предполагавшийся торжественный прием уже имел место и выразился в банкете в одной кельнской гостинице.

Существование общины Союза в Кельне в первые месяцы 1848 г., т.-е. после реорганизации Марксом и Энгельсом Союза Коммунистов и до берлинской мартовской революции,—существование общины Союза, которая 3 марта организовала, в связи с взрывом в Париже февральской революции, первое революционное движение в Пруссии и которая, следовательно, была не номинальной, не находившейся в летаргическом сне общиной, возлагает на нас обязанность попытаться, по возможности, установить состав этой общины и дополнить дальнейшими подробностями картину мятежа или сопоставить его с такими обстоятельствами, которые могли бы дать нам дальнейшие опорные пункты для правильной оценки его.

В этой статье мы больше не будем заниматься дальнейшим ходом революции в Кельне, но, чтобы правильно осветить значение устроенной кельнской общиной Союза демонстрации и выступающих в ней вожаков, отметим здесь, что позже, в апреле, Готтшальк и Аннеке основали «Кельнский рабочий Союз», и что вообще во время всего хода революции они играли в Кельне весьма значительную роль, только теперь установленную приведенными Штейном фактами; их позиция оказывала очень существенное влияние на позицию «Новой Рейнской Газеты», на тактику Маркса, который — как это опять-таки впервые показал Штейн — занял в последнюю четверть года пост председателя рабочего Союза. Но и независимо

[1]) 1848 г., стр. 43.

от этого позднейшего значения вожаков кельнского движения 3 марта, мы вообще так мало знаем о внутренней жизни Союза Коммунистов, что должны, по возможности, до конца использовать приведенные выше факты.

V

Из каких элементов состояла кельнская община Союза Коммунистов?

Судя по письму Энгельса, из *старых* и *новых* друзей Маркса и Энгельса.

Мы видели, что движение 3 марта было делом рук не старых, а новых друзей. Этими последними, коноводами движения, «*тремя лучшими людьми*», которые были арестованы благодаря мятежу, были Виллих, Аннеке и Готтшальк.

Виллих был председателем (руководителем) общины Союза. Аннеке — «его друг». Оба они являются бывшими офицерами прусской армии. Обратимся сперва к ним обоим, так как их имена были и без того известны из истории революции 48 — 49 г.г., а затем из истории северо-американской гражданской войны. Оба принимали участие в баденском восстании 1849 г., а Виллих принимал участие даже в первом баденском восстании в апреле 1848 г. Как известно, Виллих играл значительную роль в Союзе Коммунистов и после революции, в качестве вождя враждебной Марксу фракции и основателя отдельного Союза. Аннеке — как видно из книги Штейна — работал очень деятельно в кельнском рабочем Союзе, был одним из основателей и — до своего нового ареста (3 июля) — редактором «Новой Кельнской Газеты»[1]), маленького листка того же политического направления, что и «Новая Рейнская Газета». О его заключении, длившемся до 23 декабря 1848 г., можно прочесть много заметок и статей в «Новой Рейнской Газете».

Но на этот раз, когда мы занимаемся тем, кто была «братия» Виллиха, нас интересует гораздо больше судьба этих людей до революции [2]). О прошлом Виллиха мы ничего не узнаем у Меринга и у Майера; нам сообщают только, что раньше он был прусским офицером. Об Аннеке же Меринг рассказывает в своей Истории партии (там, где он говорит о том, что в Пруссии в 1846 — 47 г.г. росли симптомы революции) следующее:

«И в войске — в особенности среди молодого офицерства — намечались радикальные тенденции. Когда должны были уволить артиллерийского лейтенанта Аннеке в Миндене из-за коммунистического образа мыслей,

---

[1]) Ср. *Bachem, Karl*, Joseph Bachem... Köln 1912, Bd. II, p. 53.

[2]) Короткую биографию обоих можно найти у *Kaufmann, Wilhelm*, Die Deutschen im amerikanischen Bürgerkriege... München u. Berlin 1911, pp. 472—475, 478—479. *Blos, Wilh.*, Badische Revolutionsgeschichten... Mannheim 1910, pp. 155—156. Далее о Виллихе: *Faust, Albert*, Das Deutschtum in den Vereinigten Staaten... Leipzig 1912, p. 461. Совершенно неверную биографию Виллиха дает *Wermuth-Stieber*, Die Kommunistenverschwörungen des XIX Jahrhunderts... Berlin 1853, II, pp. 139—140.

то долго не удавалось добиться его осуждения. На суде чести его собственные товарищи, 30 молодых офицеров, оправдали его, между тем как восемнадцать других высказались только за выговор. Должен был вмешаться с грозным кабинетским указом сам король и назначить новый, составленный исключительно из штаб-офицеров суд чести, чтобы добиться исключения Аннеке из армии. И после того старым усачам стоило немало усилий, чтобы удержать прежних товарищей Аннеке от знакомства с ним. Это был особенно яркий, но отнюдь не единственный, симптом брожения среди молодого офицерства» [1]).

Это есть знаменитое, вызвавшее в свое время большой шум, «дело» или «процесс Аннеке», который вместе с другими вызванными им в изобилии «процессами перед судом чести» и дисциплинарными преследованиями очень сильно занимал до взрыва революции общественное мнение всей Германии, в особенности Пруссии, а внутри Пруссии—в особенности Рейнской провинции и Вестфалии. Само собою разумеется, что радикальные и социалистические газеты и журналы набросились на этот горючий материал, отлично годившийся для воздействия на армию. Изложение Меринга, верное во всех существенных чертах, основывается, очевидно, на отчетах и статьях, появившихся в Люнингговских журналах «истинного социализма», в «Вестфальском Пароходе», в ежегоднике «Эта книга принадлежит народу» [2]). Но если бы он использовал и другие доступные, гораздо более подробные, печатные источники, то он, разумеется, изложил бы дело Аннеке гораздо обстоятельнее, как в целях изображения до-мартовского социализма, так и для характеристики отдельных лиц.

Главными источниками, о которых мы здесь говорим, являются три брошюры. Автором первой является сам *Аннеке*; она вышла в сентябре 1846 г. в Лейпциге, у Отто Виганда, под названием: «Ein ehrengerichtlicher Prozess» (Процесс перед судом чести); далее: «Schon wieder ein ehrengerichtlicher Prozess!» (Еще один процесс перед судом чести!) *Г. Корффа*, бывшего подпоручика пятнадцатого королевского прусского пехотного полка (вышла в Маннгейме, у Г. Гоффа, 1847, 88 стр.—Предисловие датировано 23 марта 1847 г); наконец *Виллиха*: «Ein Disziplinarverfahren gegen Premier-Leutnant von Willich, Kompagnie-Kommandeur in der königl. preuss. 7. Artillerie-Brigade, als Folge der durch den Prozess «Anneke» in dieser Brigade herbeigeführten Vorgänge, mit Vor-und Nachwort. (Mannheim, bei H. Hoff, 1848, XVI+52 pp.). Дата главной части: январь 1848 г. (Дисциплинарный суд над поручиком фон Виллихом, ротным командиром седьмой королевской прусской артиллерийской бригады, как результат происшедших в этой бригаде, благодаря процессу Аннеке, событий, с предисловием и послесловием).

---

[1]) *Mehring*, Geschichte der deutsch. Sozialdemokratie I, p. 332.

[2]) «D. Westph. Dampfboot». Bielefeld. II, 1846, pp. 98, 458—467, 506—509, 576.—«Dies Buch gehört dem Volke». Paderborn. III, 1847, pp. 191—192.

Не наша задача исчерпать здесь до конца содержащиеся в этих произведениях факты по истории социализма в Германии. Но, чтобы получить все-таки некоторые опорные пункты для установления личного состава и идеологически-политического направления кельнской общины Союза Коммунистов, мы должны дополнить изложение Моринга некоторыми дальнейшими подробностями дела Аннеке.

Дело Аннеке является продолжением, следствием дела *Вейдемейера*.

Исходным пунктом дела послужило то, что один офицер, по имени Иестинг (Jösting), в сентябре 1845 г. выразился оскорбительным образом о невесте лейтенанта Иосифа Вейдемейера. Вейдемейер служил тогда еще в той же самой артиллерийской бригаде, что и Аннеке. Его невеста—а впоследствии жена—была сестрой Отто *Люнинга*, который, как известно, являлся одним из главных представителей «истинного», «немецкого», «прекраснодушно-философского» социализма. В виде ответа Вейдемейер написал оскорбительное письмо лейтенанту Иестингу, в котором в то же время заявлял, что не намерен дать ему удовлетворение с оружием в руках, ибо не поклонник дуэльных ребячеств. По желанию Вейдемейера, его приятель Аннеке, знавший содержание письма, переслал его лейтенанту Иестингу, благодаря чему он—по мнению части офицерства и своего начальства—взял на себя ответственность за содержание письма и, следовательно, обязан был дать удовлетворение лейтенанту Иестингу. Но он, подобно Вейдемейеру, не имел желания дать это удовлетворение при помощи оружия. Вследствие этого он был сперва переведен, затем отрешен временно от службы и, наконец, 19 августа 1846 г. уволен со службы во второй инстанции, согласно приговору суда чести из штаб-офицеров.

Во время суда чести и по окончании его, когда офицерам было запрещено общение с исключенным Аннеке, многие офицеры из бригады Аннеке, а также из других вестфальских частей, стали более или менее открыто и решительно на сторону Аннеке. Особенно решительным оказался в этом отношении лейтенант стоявшего тоже в Миндене пятнадцатого пехотного полка *Г. Корффф*, который резко и публично выступил против аудитора Аннеке, по имени Маркарда, восстановил против него своих товарищей, при допросе совершенно солидаризировался с Аннеке и который затем, 7 февраля 1847 г., был исключен из офицерского сословия на основании решения суда чести, утвержденного королем; далее, лейтенант *Фридрих фон Бейст* (von Beust), который прервал все сношения с открытыми противниками Аннеке; наконец, поручик *фон Виллих*, ротный командир 7 артиллерийской бригады, который устроил в кругу дружески расположенных к Аннеке офицеров сбор денег для регулярной поддержки уволенного товарища, демонстративно стал на сторону Аннеке и которого до тех пор травило его начальство, пока он не подал просьбы об отставке, которая, после многочисленных мытарств, и была дана ему в середине ноября.

VI

Знатоку истории немецкой революции и круга знакомых Маркса и Энгельса небезызвестны некоторые из только что названных имен.

Герман Корфф был впоследствии ответственным редактором «Новой Рейнской Газеты»; вместе с Марксом и Энгельсом он был обвиняемым по первому процессу газеты 7 февраля 1849 г.

Фридрих *фон Бейст* вместе с Аннеке основал впоследствии «Новую Кельнскую Газету для граждан, крестьян и *солдат*» [1]). О предыдущей его военной карьере мы знаем еще, что в 1845 г. он тоже служил в Миндене, где неоднократно добивался улучшения положения рабочих на крепостных верках [2]). Во время революции он был в Кельне одним из решительнейших «демократов» Марксовой окраски. На втором немецком демократическом конгрессе (в Берлине, 26—29 декабря 1848 г.) он, в качестве *делегата Кельнского рабочего Союза*, который, по предложению Маркса, решил послать [3]) на конгресс собственного делегата, принадлежал к той, состоявшей, главным образом, из кельнцев и других делегатов из рейнских провинций и Вестфалии, группе, которая во вопросу о необходимых по отношению к Вене мерах стояла на самой крайней позиции и которая, при обсуждении социального вопроса, добилась принятия, с небольшими изменениями, известных 17 «требований коммунистической партии», составленных Марксом и Энгельсом [4]). В ноябре 1848 г., во время борьбы за отказ в уплате податей, ему удалось сформировать часть кельнского ландвера в революционный отряд и помешать выступлению кельнского гарнизона, который должен был разогнать дюссельдорфскую национальную гвардию [5]). Он принимал участие в баденском восстании, где, вместе с Аннеке и другими, был выбран в ту военную комиссию, которой было поручено руководство баденско-пфальцскими революционными войсками [6]). Впоследствии, в изгнании, он был членом первого Интернационала, женевский конгресс которого в 1866 он восторженно приветствовал [7]).

---

[1]) См. выше стр. 84.— Ср. *G. Adler*, Die Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland. Berlin 1885, p. 231.—«Новая Кельнская Газета» пережила «Новую Рейнскую Газету», которая в своем последнем номере горячо рекомендовала ее всем своим подписчикам.

[2]) «Allgemeine deutsche Biographie» Bd. 47 (1903), p. 755.

[3]) «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit» (Zeitung d. Kölner Arbeitervereins № 2 v. 29 Okt. 1848.—Ср. *Alfred Stern*, Geschichte Europas..., Bd. 7, p. 274.

[4]) *Lüders, Gustav*, Die demokr. Bewegung in Berlin... («Abhandl. zur mittleren u. neuren Geschichte», № 11), Berl. u. Lpz. 1909, pp. 161—162, 185.—*Grünberg*, Die Londoner Kommunist. Zeitschrift..., p. 33.—*Bamberger, Ludw.*, Erinnerungen.. Berlin 1899, p. 109.

[5]) «Allg. deut. Biographie» Bd. 47, p. 755.—Deutsches Nekrolog u. Biogr. Jahrbuch, hrsg. v. A. Bettelheim, Bd. IV (1900), p. 251.—Ср. к этому: «Neue Rhein. Zeitung» № 145 (17 Novemb. 1848), № 147 (19. Nov) u. № 150 (23. Nov.)—«Rheinisches Echo», Köln, № 29 (19 Mai 1850), p. 132.

[6]) «Allg. deutsch. Biogr.» Bd. 47, p. 756.

[7]) «Vorbote». Genf, 1867, p. 24.—Ср. еще: Briefwechsel Marx-Engels. II, p. 391, IV, p. 200.

Но эти мятежные офицеры были объединены не только общими преследованиями и неприятностями из-за «дела чести», в котором они восстали против кастового духа, высокомерия и надменности офицерства, — еще более объединяли их одинаковые политические убеждения, которые как их противники, так и они сами, называли социалистическими, коммунистическими. Аннеке был исключен не только из-за своих прегрешений против кодекса чести офицерства, но еще более из-за своих коммунистических убеждений.

Аннеке, который уже в 1842 г. находился в сношениях с кружком «Рейнской Газеты» и принимал там участие в обсуждении социального вопроса, попал в 1844 г.[1]),— по всей вероятности, через посредство своего друга Вейдемейера — в кружки «истинного социализма», главным очагом которого была Вестфалия и Рейнская провинция. В Миндене он руководил в 1844—45 г. офицерским кружком для чтения, который снабжал запрещенными и «разрушительными» сочинениями (Гервеговские «21 лист из Швейцарии», сочинения Эдгара Бауэра, Людвига Буля, Луи Блана и т. д.), благодаря чему, по мнению своих обвинителей, «он хотел, очевидно, влиять на более молодых офицеров». Кроме Отто Люнинга, он вел усиленно знакомство — и это было одним из главных пунктов обвинения — в Миндене и Билефельде с тремя лицами, по имени Мейер, Ремпель и Гельмих, которые «были всем известны как социалисты и коммунисты», которые «образовали известную коммунистическую клику», которые «оказывали пагубное влияние на молодых людей билефельдского баталиона». Знатоку биографии Маркса небезызвестны имена также и этих трех людей, Юлия *Мейера*, Рудольфа *Ремпеля* и книгопродавца *Гельмиха*. Это те три зажиточных истинных социалиста, которые в середине 1846 г. обещали Вейдемейеру издать различные сочинения Маркса и Энгельса (среди них и «Немецкую Идеологию») [2]). Юлий Мейер был усердным сотрудником «Вестфальского Парохода». Рудольф Ремпель был во время революции вождем революционной демократии в Вестфалии, председателем первого конгресса демократических союзов в Вестфалии (10—11 сентября 1848 г.) [3]). В 1851 г. его адрес был найден у арестованного эмиссара Союза Коммунистов, Нотъюнга [4]).

Ни Аннеке, ни Корфф, ни Виллих не отрицали своих коммунистических убеждений и своего знакомства с известными коммунистами. Они пытались только выставить в благоприятном свете свои убеждения и рассеять суеверные предубеждения против коммунизма. Поэтому их защитительные записки превратились в пропаганду коммунизма. Аннеке положил в основу своей защитительной записки «Вестфальский Пароход»,

---

[1]) *Hansen*, Gustav von Mevissen..., 1906, I, pp. 264—265.

[2]) *Mehring*, Nachlass, II, pp. 366—367.

[3]) *Hüttermann, Wilhelm*, Parteipolitisches Leben in Westphalen vom Beginn der Märzbewegung im J. 1848 bis z. Eintreten der Reaktion. — Inaug. Diss. München 1910. pp. 115—126.

[4]) *Wermuth-Stieber*, I, 1853, p. 107.

ежегодник «Эта книга принадлежит народу» за два года, первый выпуск «Общественного Зеркала» («Gesellschaftsspiegel») и настойчиво просил, при оценке его поведения, не оставить без внимания этих произведений. Корффа считали вообще его учеником. Сам он говорил о своих отношениях к Аннеке: «С 1844 г. он мой лучший друг», «с этого времени мы сообщаем друг другу результаты своих размышлений о том, что кажется нам значительным в науке и жизни». Кроме Фурье и Сен-Симона он читал сочинения Бауэра, Штрауса, Фейербаха. Одному унтер-офицеру он читал лекции из «пресловутого» «Общественного Зеркала». Что касается Виллиха, то к своему докладу о начатом против него дисциплинарном преследовании он прибавил послесловие в целых 15 страниц, в котором изложил свое коммунистическое мировоззрение и свои планы коммунистической реформы, подтверждая формой и содержанием этого предисловия позднейшее суждение Маркса и Энгельса, что он «plus ou moins скучный идеолог и истинный социалист», коммунист настроения, «рыцарь благородного сознания» [1]), что, однако, — как признали сами Маркс и Энгельс — нисколько не отражалось на его революционном энтузиазме.

Наконец, чтобы ближе познакомиться с образом мысли и влиянием *Бейста*, целесообразнее всего будет привести кое-что из его статьи о «Военной организации в Пфальце», появившейся в мае и июне 1850 г., вероятно, только ошибочно за подписью «Фердинанд» Бейст в воскресном приложении к «Западно-Германской Газете» («Westdeutsche Zeitung»), которую издавал в Кельне принадлежавший тогда к реорганизованному Союзу Коммунистов Герман Беккер. Эти весьма ценные во многих отношениях статьи свидетельствуют о чисто революционном мировоззрении Бейста. Очень интересны, например, его хорошо продуманные рассуждения против охранителей порядка, свирепствовавших во время одного вооруженного восстания (№ 31, от 2 июня 1850 г., стр. 245). Но на этот раз для нас в указанных статьях важен лишь тот резюмирующий экскурс, в котором Бейст излагает свои мысли об «отношении прусской армии к революции» и о «прошлом тех (т.-е. перешедших на сторону революции) офицеров». С одной стороны, этот экскурс дает нам сведения о дальнейших судьбах Бейста *до* революции, — до сих пор мы знаем относительно него лишь только то, что он был одним из решительнейших приверженцев Аннеке и Корффа, — о развитой им до революции пропаганде в армии, с другой — он дает нам общую картину оппозиционного, революционного духа, царившего в

---

[1]) Ср. *Mayer*, Engels, p. 368. — Небезынтересно отметить, что Виллих, по указанию *В. Блоса* (История баден. революции...стр. 155) и *В. Кауфманна* (Немцы в американской гражданской войне... стр. 473), был воспитан в доме Шлейермахера в Берлине. Ни Блос, ни Кауфманн не приводят своего источника, но некоторые места из переписки А. Руге, повидимому, подтверждают их слова. Именно, Руге пишет в одном письме от 1836 года, что он познакомился с одним юношей, по имени Эренфрид фон Виллих, «пасынком Шлейермахера» (*A. Ruge's* Briefwechsel... aus d. J. 1825—1880, Berlin 1886, Bd. I, pp. 54—56).

домартовской армии. Поэтому стоит привести подробнее этот экскурс, тем более, что газета, в которой он появился, представляет теперь почти недоступную редкость.

«Так называемое постоянное войско представляет в Пруссии *по принципу* только школу оружия для народа; по принципу внутренние учреждения этой армии по большей части демократичны. Дальнейшему развитию прусской армии на демократических началах, благодаря которому она должна была бы стать в полном смысле слова народной армией, помешало сохранение пережитков из прежнего наемного войска. Офицерский корпус, образованный из членов привилегированных классов..., снабженный новыми сословными правами, в своем исключительном положении по отношению к народу имел своей задачей представлять монархический принцип; в своей... иерархической организации он скрывал централизованную силу, которая... превращала на практике демократические основы армии в простую иллюзию... и таким образом парализовала вытекавшие отсюда для монархизма опасности. Изучение гегелевской философии и политико-социальных наук привело к критическому взгляду на условия нашей жизни и породило в самом офицерстве оппозиционную партию. Кружки для чтения, существовавшие почти во всех полках, давали материал для изучения этих наук, скрытых по большей части в запрещенных книгах. Все более крепнувшая оппозиция оказывала сопротивление невыносимому духу опеки и боролась со строгой сословной исключительностью во всех ее уродливых романтических и неромантических проявлениях. Можно ли удивляться тому, что в столь неравной борьбе первые и решительнейшие оппозиционеры были по внешности побеждены? Оба самых известных революционера в мундире, Виллих и Аннеке, пали еще до 1848 г. Если офицерство могло бы высказывать свободно свои суждения, то государственная власть, а с ней и монархический принцип, были бы повсюду разбиты. Сила общественного мнения не позволила правительству привлечь Виллиха к суду; он был перемещен в Кольберг и изолирован. Оставляя его в вынужденной бездеятельности, отказывая ему в юридических мерах защиты от дурного обращения с ним, его заставили добровольно подать в отставку. Я сам одержал победу на военном суде и на суде чести над системой опеки и над нечистыми плодами монархизма, благодаря двукратному единогласному оправданию меня...»

Мы видим таким образом, что революционная пропаганда в армии была в действительности не мала. Само военное начальство понимало эту опасность и опасалось новых процессов на суде чести, исход которых, как мы уже видели в деле Аннеке, был сомнительным и которые, во всяком случае, вели к углублению революционной пропаганды. Приведенные в начале отрывка рассуждения Гейста о демократических по принципу

учреждениях прусской армии вполне совпадают с рассуждениями Виллиха в предисловии к его брошюре и, повидимому, сыграли крупную роль в пропаганде среди офицеров. Связь рассуждений Еейста с делом Аннеке, со всеми обстоятельствами, с социалистической пропагандой, — связь эта, нити которой мы показали выше, совершенно очевидна, и, значит, так же очевидна и связь их с кельнской общиной Союза Коммунистов, председателем которой был именно Виллих.

VII

Вернемся теперь к поставленному нами себе вопросу о том, из каких элементов состояла до революции кельнская община Союза Коммунистов.

После всего вышеизложенного мы в праве определенно утверждать, что *кельнская община Союза состояла частью из группы бывших офицеров или остававшихся еще на службе революционно-настроенных офицеров, которые находились под личным и литературно-публицистическим влиянием, главным образом, представителей рейнско-вестфальского истинного социализма.*

Среди прусских офицеров первый толчок, как можно доказать, получил Иосиф Вейдемейер, сообщивший затем этот толчок своим товарищам, из которых некоторые оказались в начале 1848 г. в Кельне, где они основали общину Союза или же реорганизовали ее на основе нового устава (от 8 декабря 1847 г.).

Сам Вейдемейер был тогда на службе в кельнско-минденском железнодорожном обществе [1]). И возможно, что он, если и не жил в Кельне, то все же содействовал присоединению к Союзу Коммунистов своих бывших товарищей, которые тогда были тоже исключены или уволены из прусской армии.

Виллих, занимавшийся тогда плотничьим делом в Кельне, был выбран председателем общины. Аннеке, который вместе с ним был одним из главных вожаков демонстрации 3 марта и находился на службе в страховом от пожара обществе «Colonia» в Кельне [2]), был, несомненно, и *формально* членом Союза. Принадлежал ли формально к Союзу также Корфф, мы определенно не знаем. Факт, во всяком случае, тот, что Виллих и Аннеке сохранили связи со своими, как мы видели, многочисленными приверженцами в армии [3]) и что полученная Энгельсом (см. цитированное письмо) информация, согласно которой войска были благоприятно настроены в пользу демонстрантов и было возможно раздобыть оружие, не была вполне необоснована.

Брошюры Аннеке, Корффа и Виллиха не столько защитительные, сколько *пропагандистские* произведения, имевшие целью, с одной стороны, поддержать дух недовольства в офицерстве Рейнской провинции

---

[1]) *Mehring*, Marx, p. 121.

[2]) Der sogenannte Aufruhr..., p. 6.

[3]) Не только Аннеке и Корфф имели приверженцев в армии, демонстративно ставших на их сторону, но и в деле Виллиха оказались запутанными много офицеров, против семи из которых начато было дисциплинарное преследование.

и Вестфалии, где прусские войска вообще находились в очень натянутых отношениях с бюргерством, а, с другой стороны, приобрести в армии сторонников коммунистических идей.

В самой армии Бейст, как это можно доказать, продолжал свою пропаганду. Он пишет об этом в приведенной нами уже выше статье:

«После взрыва *февральской революции* я мог рассчитывать, что исключительность офицерства окончательно исчезнет и в офицерах будут видеть принадлежащих к народу учителей и воспитателей. Я пытался добиться соответственного суждения у своей офицерской корпорации в форме суда чести над собой. Но, так как были виды на новую мою победу, то мне в этом отказали, пока моим начальникам не удалось, благодаря некоторым захваченным у моего друга Аннеке письмам (после ареста Аннеке 3 марта) вызвать у моих товарищей предубеждение против меня. В своей защите (этот процесс происходил в мае или июне 1848 г.) [1]) я не столько интересовался вопросом о своем освобождении, сколько хотел изобразить в ярких красках бесправное и беззащитное положение офицера, разрыв между народом и офицерской кастой, — а затем подать в отставку. Моя защита оскорбила большинство офицеров, и они вынесли приговор об увольнении меня» [2]).

Мы не знаем, что находилось в захваченных у Аннеке письмах Бейста. Но не невероятно, что предубеждения против Бейста были вызваны у его товарищей тем, что можно было доказать его связь с тайной организацией Союза Коммунистов. Как бы то ни было, его деятельность, его связи до и после революции не оставляют почти никакого сомнения в том, что и он тоже или формально был членом Союза Коммунистов или, по меньшей мере, находился в самом тесном идеологическом и агитаторском общении с кельнской общиной Союза.

В Кельне уже через неделю после победы берлинской революции происходило, как сообщает «Трирская Газета» [3]), очень многочисленное *собрание солдат* всех находившихся там родов оружия, на котором была принята петиция с рядом пунктов; в петиции этой, которая должна была быть передана командующему 15 дивизией, требовалась отмена существующего уложения, отмена обращений на «ты» и «он», отмена парадов и введение публичного суда присяжных для всех военных преступлений [4]).

Нет никакого сомнения, что эти волнения среди кельнских и дейцских частей имели своим источником пропаганду Виллиха и его товарищей. Но

---

[1]) См. «Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit», 1848, № 18 от 24 декабря. — «Triersche Zeitung», 1848, № 153 от 1 июня.

[2]) «Rheinisches Echo», № 29 (19. Mai), p. 231.

[3]) № 89, от 29 марта 1848г. — Упоминается также у *Niessner*, Aachen während der Sturmjahre 1848—49. Aachen, 1906, p. 63.

[4]) Дальнейшие доказательства волнений и беспорядков в кельнских и дейцских частях см. в «Трирской Газете», № 89 от 29 марта, № 90 от 30 марта, № 98 от 7 апреля и № 153 от 1 июня 1848г. (Корреспонденции из Кельна и Дейца.)

пропаганда эта принесла свои плоды еще до победы берлинской революции. Мы имеем даже основания предполагать, что и *3 марта, в день мятежа, войска в Кельне и Дейце не были вполне надежны.* Ведь не все приверженцы Аннеке и Виллиха были удалены из армии. Другое доказательство этого мы можем искать в речи, с которой Виллих 3 марта обратился перед ратушей к толпе, в то время как Готтшальк вел переговоры с городским советом. Речь эта не приведена у Штейна, но мы знаем ее из неоднократно цитировавшейся нами анонимной (но наверное составленной Готтшальком) брошюры о «Так называемом мятеже в Кельне...». Когда из толпы был поднят вопрос об отношении военных к гражданам, то Виллих стал разъяснять, «что гражданин, носящий мундир, что солдат такой же член народа, как и не носящий мундира гражданин, что нельзя оправдывать злополучной вражды между солдатом и гражданином со времени так называемых августовских событий [1]), что причиной тогдашней жестокости военных были неправильные мероприятия и поведение граждан, всячески раздражавших солдат». Эти слова Виллиха, не желавшего, конечно, выдать граждан на произвол прусской солдатчины, можно объяснить, очевидно, тактическими соображениями, именно желанием установить братство между массами и солдатами в надежде, что можно добиться благоприятного настроения войск.

Дальнейший материал для оценки настроения войск 3 марта дает нам брошюра рейнского лейтенанта *Вюльфинга*, вышедшая в Кельне в августе 1848 г. под названием «Austritt dreier Offiziere aus der preussischen Armee nach der Märzrevolution» (Выход трех офицеров из прусской армии после мартовской революции) [2]).

Вюльфинг, как видно из этой брошюры, тоже принадлежал к революционно настроенным офицерам прусской армии. Он пишет, что «он и одинаково мыслящие с ним товарищи с радостью приветствовали завоевания мартовской революции». В брошюре он сообщает о дисциплинарном преследовании, начатом против него и еще против трех лейтенантов (по имени Бернигау, Фалтин и Нитак) расположенного в Дейце первого батальона 25 пехотного полка; не ожидая результатов суда, он вместе с Бернигау и Фалтином подали в отставку. И этот факт, исходным моментом которого является *20 марта* 1848 г., свидетельствует о брожении среди офицеров. Но теперь в отчете Вюльфинга нас интересует то место, которое относится

---

[1]) Относится к кровавому столкновению между войсками и народом 3 и 4 августа 1846 г. в Кельне, вызвавшему страшное ожесточение и антипрусское настроение. Ср. [*Raveaux, F.*], Die Cölner Ereignisse vom 3 u. 4 August. Mannheim 1846.—«Dies Buch gehört dem Volke» III. 1847, pp. 186—191.—*Stein*, 25.—*Gothein, E.*, Verfassungs- u. Wirtschaftsgeschichte der Stadt Cöln... (Die Stadt Cöln... 1815—1915, Bd. I). T. I, p. 477.

[2]) К моменту выхода брошюры Вюльфинг был уже, как указывает титульный лист, атташе германского посольства в Берне, где кельнский демократ Франц Раво был тогда послом имперского правительства. Ср. *Gothein*, loc. cit., p. 483.

к 3 марта. Вюльфинг рассказывает, что с 3 на 4 марта, т.-е. в день демонстрации, он был начальником охраны кельнского цейхгауза. К вечеру его отряд был подкреплен командой под начальством одного лейтенанта. Вюльфинг беседовал с ним и сказал ему, «что для него было бы неприятной обязанностью употребить оружие против сограждан и что он применит его — в особенности огнестрельное оружие — только в самом крайнем случае».

Здесь мы имеем со стороны свидетеля, говорящего *за нескольких лиц*, прямое свидетельство того, что кельнские части были 3 марта не вполне надежны. Если Вюльфинг был ненадежен, то, по меньшей мере, были ненадежны и те его товарищи, с которыми несколько недель спустя он оказался запутанным в деле, вызвавшем описанное в его брошюре дисциплинарное преследование. Мы вправе допустить это с тем бо́льшим основанием, что в указанном деле (на деталях которого мы здесь не останавливаемся) инициатором является не Вюльфинг, а его товарищ, лейтенант *Бернигау*. Бернигау, а не Вюльфинг, был, по всем видимостям, в первом батальоне 25 полка руководителем революционно настроенных офицеров; мы тем более вправе это предположить, что Бернигау был тоже одним из делегатов Кельна на втором демократическом конгрессе, где, как было упомянуто нами, кельнцы образовали самую радикальную группу. В баденском восстании он командовал батальоном ландвера, попал в плен к пруссакам и был расстрелян 20 октября 1849 г. в Раштате [1]).

Запутанный также в деле Вюльфинга и компании лейтенант *Нитак* подал в отставку в ноябре; вскоре после этого он, вместе с Бейстом и другими, стал одним из членов того народного комитета, который руководил в организационном и военном отношении кампанией в отказе уплаты податей, с такой энергией пропагандировавшейся «Новой Рейнской Газетой» [2]).

Если сверх того мы вспомним, что среди шести «требований народа», которые третьего марта были переданы городскому совету и пропагандировались также среди толпы посредством летучих листков, находилось, наряду с требованием всеобщего вооружения, и нигде в другом месте не упоминающееся требование *уничтожения постоянного войска*, то после всего вышеизложенного мы вправе сказать, что кельнская община Союза, в которой доминирующую роль играли члены прусского офицерства, видела одну из своих главных задач в том, чтобы развить революционную агитацию в прусской армии, в первую голову в рейнско-вестфальских частях. Эта агитация не осталась безрезультатной. Кельнская община Союза, благодаря своим связям с армией, стала в начале 1848 г. очагом недовольства и революционного брожения в расположенных в Кельне и Дейце частях. Если, как устанавливает историограф Рейнской провинции, Иосиф

---

[1]) *Albert Förderer*, Erinnerungen aus Rastatt 1849. 2. Aufl. Lahr, 1899, pp. 103—104, 109.

[2]) О Нитаке см. «Новую Рейнскую Газету», № 146 от 18 ноября и № 153 от 23 ноября 1848 г

Гансен [1]), в марте 1848 г. «войска были слишком слабы, а отчасти и ненадежны, чтобы употребить их (против мятежных масс), и в особенности зараженными революционным духом оказались резервные части», то в создании этого кельнская община Союза Коммунистов и связанные с ней офицеры сыграли выдающуюся роль.

Мы привели целый ряд случаев, когда бывшие или находившиеся еще на службе офицеры до революции или во время ее восстали против дисциплины, против контр-революционной роли прусской армии и посвятили себя политической борьбе, вооруженной борьбе с прусским милитаризмом. Все эти случаи более или менее непосредственно связаны с группирующимся вокруг Аннеке и Виллиха кружком или берут в нем свое начало; исторически они не отделимы от находившейся под руководством Виллиха кельнской общины Союза Коммунистов, исторически они срослись с революционной борьбой кельнской демократии, которой руководили Маркс и кружок «Новой Рейнской Газеты».

В ходе революции Маркс сумел вдвинуть в рамки руководимой им борьбы все эти собранные кельнской общиной Союза или приведенные ею в движение военные силы революции [2]). Кто детально знаком с историей революции в Кельне и деятельностью Маркса в ней — детальнее, чем эта история излагалась всегда до сих пор, — тот после всего вышеизложенного, несомненно, признает это. Но точное изучение военной политики Маркса во время революции представляет собою особую задачу. Здесь мы коснулись этого вопроса лишь для того, чтобы указать еще раз с новой стороны на важность кельнской общины Союза для биографии Маркса.

VIII

Теперь вернемся к прочим членам кельнской общины Союза.

Третьим из «новых друзей» Маркса и Энгельса, тем, кто и в движении третьего марта играл по отношению к городскому совету главную роль, выступив в качестве представителя «рабочих классов», и кто принадлежал к арестованным «трем лучшим людям», был врач *Андрей Готтшальк*. Готтшальк является подлинным героем работы Штейна. Он — его открытие. Впоследствии он стал основателем, а с апреля до июля 48 года руководителем, председателем Кельнского рабочего союза. Штейн очень подробно описывает его деятельность в этом союзе. Но о пути его развития к социализму, о его политической или публицистической деятельности до революции Штейн может сообщить лишь одно замечание его современника и биографа, Генриха Гельшера [3]), а именно, что он «в своем политическом

---

[1]) *Hansen*, Preussen u. Rheinland von 1815 bis 1915. Bonn 1918, p. 101.—Ср. еще *Hansen*. Mevissen..., I, pp. 535—536; II, pp. 346, 353, 359.

[2]) Кроме Виллиха, который, после своего участия в первом баденском восстании в апреле 48 г., эмигрировал и исчез на долгое время из немецкой революции.

[3]) Andenken an Dr. Gottschalk... v. *Heinrich* Köln *Hölscher*, 1849.

образовании предпочитал изучение английских и французских социалистов» и он «находился в постоянной переписке и непрерывных сношениях с корифеями демократии» [1]). Некоторые другие данные о жизни Готтшалька, заимствованные Штейном у Гельшера, не точны. Он родился не в апреле, а 28 февраля 1815 г., и был сыном одного еврейского мясника. Диплом доктора медицины он получил не в 1840 г., а 11 июля 1839 г. [2]). Руководящую нить для понимания его политического развития дают некоторые другие, ускользнувшие от внимания Штейна, факты.

Готтшальк принадлежал также к числу акционеров-учредителей «Рейнской Газеты». Он принимал участие на первом собрании акционеров 6, 8 и 10 декабря 1841 г. и вел протоколы его. Хотя он не был выбран в административный совет, но получил значительное число голосов [3]). Согласно Гансену, изучившему архив «Рейнской Газеты», он был также одним из сотрудников ее [4]). Он подписался также под той петицией, которую подали акционеры «Рейнской Газеты» 26 февраля 1843 г. министру внутренних дел, прося его отменить решенное уже запрещение газеты [5]).

По словам Злоцисти, биографа Моисея Гесса, полиция вбила себе в голову, что Гесс и Готтшальк имеют тайную типографию [6]). Это указание относится ко второй половине 1846 г. [7]) и, если оно, как правильно замечает Злоцисти, совершенно неправдоподобно, то оно все же свидетельствует о том, что уже в 1846 г. полиция следила за Готтшальком и что он находился в сношениях с Гессом. В пользу более близких отношений Готтшалька к Гессу говорит также то обстоятельство, что на учредительном собрании кельнского рабочего Союза Готтшальк провел в центральный комитет Союза Гесса как «представителя ученых» [8]); кроме Гесса в рабо-

---

[1]) В одном примечании Штейн (основываясь на *Fleury*, Le poète George Herwegh, Paris 1901) указывает на Гервега. Но с последним Готтшальк познакомился только в 1849 г. в Париже, как это видно из его писем к Гервегу (в сборнике: Briefe von und an G. H., hrsg. v. Marcel Herwegh... 1896, pp. 263—268).

[2]) *Milkau, Fritz*, Verzeichnis der Bonner Universitätsschriften 1818—1885. Bonn, 1897, p. 83.—Два медицинских сочинения Готтшалька упоминаются в книжном лексиконе Кайзера (Kaysers Bücherlexikon, Bd. I, годы 1841—1846).

[3]) *Hansen*, Rheinische Briefe u. Akten... I, pp. 296—297.

[4]) *Hansen*, Gustav v. Mevissen. Berlin 1906, I, p. 252.

[5]) *Hansen*, Rheinische Briefe... I, p. 448. Один из братьев Готтшалька, адвокат С. Т. Готтшальк, был в 1844 г. одним из основателей неразрешенного впоследствии правительством кельнского общества помощи рабочему классу, который, как известно, дал Энгельсу, Гессу, д'Эстеру, Бюргерсу возможность развить в 1844—45 г. на больших собраниях коммунистическую пропаганду (см. Marx-Engels Briefwechsel, I, pp. 1, 3, 4, 11, 17.—*Hansen*, Rhein. Briefe... I, pp. 680, 712, 715, 880.—«Gesellschaftsspiegel», I, 1845. H. 1, p. 27.

[6]) *Th. Zlocisti*, Moses Hess... 2 Auf., Berlin 1921 p. 227. Злоцисти не указывает своего источника; он, очевидно, заимствовал это указание из какого-нибудь архивного источника.

[7]) С июня 1846 до января 1847 г. Гесс жил в Кельне.

[8]) «Zeitung des Arbeitervereins zu Köln», № 1 vom 23 April 1848.

чем Союзе не было тогда ни одного настоящего литератора. Сохранились также два письма Готтшалька к Гессу. Первое из них написано им 26 марта 1848 г. [1]), т.-е. пять дней спустя после его освобождения, происшедшего 21 марта; второе—22 марта 1849 г. [2]). Из обоих писем, содержание которых в других отношениях здесь для нас неинтересно, вытекает,—это, впрочем, после всего вышеизложенного было весьма вероятно и без того—что Готтшальк знал лично Маркса и Энгельса и что, хотя он «искренно восхищался» ими, однако уже в конце марта 1848 г. опасался возможного переселения Маркса и Энгельса в Кельн и, в связи с этим, неблагоприятного поворота в своем собственном политическом положении.

Мы можем привести еще один факт насчет Готтшалька, который относится к эпохе мятежа и который особенно важен, так как он дает нам возможность наметить еще одного члена кельнской общины Союза.

Ближайшим сотрудником Готтшалька в кельнском рабочем Союзе, первым секретарем Союза, который уже в июне—когда Готтшальк был в Франкфурте на первом демократическом конгрессе—стал заместителем его в должности председателя, который 18 июня был вместе с Готтшальком выбран рабочим Союзом в «Окружной комитет Рейнских демократических Союзов», где Маркс представлял кельнский демократический Союз, и который, после ареста Готтшалька 3 июля, в качестве заместителя председателя Союза расклеил объявление об арестах, вслед за чем был издан приказ об аресте его, побудивший его тотчас же бежать из Кельна,—был Иосиф Янсен, кандидат в землемеры, занимавший очень скромное место на службе у кельнских властей, в качестве помощника по кадастру Янсен бежал тогда в Страсбург. В октябре он «вместе с своим другом Виллихом был выслан в Безансон, где, в качестве капитана в Виллиховском корпусе, переносил до мая 1849 г. все лишения и страдания опальных немецких республиканцев». Вскоре после этого он принял участие в баденском восстании, сделался адъютантом *Бернигау*, попал вместе с ним после стычки (21 июня) в руки пруссаков и 20 октября был вместе с Бернигау расстрелян по приговору военного суда.

В «Рейнском Эхо», уже упомянутом выше воскресном приложении к «Западно-германской Газете» Германа Беккера (№ 2 от 11 ноября 1848 г. стр. 11—12) появилась очень краткая, сжатая, тепло написанная биография Жана Иосифа Янсена, из которой мы уже заимствовали выше некоторые данные. Здесь рассказывается, что Янсен родился 24 июня 1825 г. в Кельне, в зажиточной семье. Еще в детстве, после какой-то болезни, у него отнялась правая рука. «Тихая комнатная жизнь пробудила в нем желание изучать теологию». Отец охотно отдал его в иезуитскую гимназию, но у него между тем прошла охота к духовной карьере, он

[1]) *Mayer*, Engels, pp. 316—318.—Здесь письмо приписывается Георгу Юнгу, но в своей рецензии книги Штейна (Grünbergs Archiv» Jg. X,-1922, pp. 433—436) Майер устанавливает, что письмо принадлежит Готтшальку.

[2]) *G. Mayer* в «Grünbergs Archiv» X, p. 435.

покинул гимназию в 7 классе (Secunda) и, так как отец не оказывал ему больше поддержки, должен был зарабатывать себе хлеб в качестве помощника по кадастру. Эта чисто механическая работа совершенно не соответствовала его склонностям. «К сознанию о подчиненном низком положении присоединялась тяжелая мысль о безнадежности и невозможности выбраться из этого положения при существующих обстоятельствах». Он сделал разные попытки раздобыть средства, необходимые для приступа к научным занятиям, но все эти попытки не удались. «Казалось,— так продолжает его анонимный биограф,—что он на всю свою жизнь обречен быть наемным рабочим. *Знакомство и дружба с Готтшальком, посвятившим всю свою деятельность на пользу страдающему человечеству, являлись единственным утешением в его горестном положении*».

Эта последняя фраза объясняет, почему мы здесь с такой подробностью остановились на судьбах Янсена. Принимая в расчет позднейшее тесное сотрудничество Готтшалька и Аннеке с Янсеном в кельнском рабочем Союзе и приведенное только-что замечание о знакомстве и дружбе Янсена с Готтшальком до революции, мы думаем, что мы вправе допустить, что и *Янсен был членом кельнской общины Союза* [1]).

IX

Инициаторами демонстрации 3 марта были новые друзья Маркса и Энгельса; они были главными движущими силами этого события, они главным образом выступали, но в принятии решения принимали участие и «старые друзья». Союз Коммунистов был тайной организацией. Поэтому, без сомнения, и «старые друзья» принадлежали к кельнской общине Союза. Кто же были они?

Письмо Энгельса к Марксу указывает лишь их инициалы. Бернштейн, издатель писем, разъясняет только первые два инициала. Согласно этому разъяснению, *д'Эстер* и *Даниельс* были членами общины. «Маленький Др.», который был как раз необходим в городском совете, это тоже «маленький д'Эстер», который с декабря 1846 г. был фактически

---

[1]) О «поэте Гоккере», который, по описанию современной брошюры, является тоже одним из уполномоченных толпы (см. выше, стр. 79), нам удалось узнать лишь то, что он впоследствии тоже принимал участие в основании рабочего Союза и был 13 апреля избран одним из секретарей его. 14 апреля комитет Союза принял его проект адреса майнцскому рабочему Союзу. Стиль и содержание адреса выдают школу Готтшалька. На-ряду с общими теоретическими размышлениями о свободе, он подчеркивает, что «не гордые аристократы, не высокомерные чиновники и корыстолюбивые буржуа делали историю на баррикадах. Ее делали люди из народа, рабочие, оросившие своею кровью молодое дерево свободы». («Zeitung des Arbeitervereins», № 1 от 28 апреля 1848). После 21 апреля Гоккер, повидимому, устранился от работы в рабочем Союзе; по крайней мере, с этой эпохи его имя больше не встречается в протоколах заседаний рабочего Союза.

членом общинного совета [1]). Приводимый Энгельсом на третьем месте Б. (имя которого Бернштейн не раскрывает)—есть, без сомнения, Генрих *Бюргерс*.

Известно, что Маркс и Энгельс, действительно, уже несколько лет находились в оживленных сношениях с этими тремя людьми. Бюргерс и Даниельс были в конце 1844 г. вместе с Марксом в Париже. В конце 1844 и в первые месяцы 1845 г. в Кельне происходило несколько многочисленных собраний с целью основания местного общества помощи рабочему классу, — собраний, на которых д'Эстер, Даниельс, Бюргерс развили коммунистическую пропаганду и в которых принимали участие также Гесс и Энгельс. В то время кельнцы, как и сам Энгельс, стояли и идеологически еще очень близко к кругу вестфальских истинных социалистов. Между тем Маркс развил свое материалистическое, «марксистское» миросозерцание, Энгельс примкнул к нему, и вскоре после своего возвращения из совместной поездки в Лондон летом 1845 г. Маркс и Энгельс начали, с одной стороны, систематически обособляться от социалистов других оттенков, а, с другой, группировать вокруг себя, организовать единомышленников. Приблизительно в первой половине 1846 г. они организовали первое агитационное ядро новой международной коммунистической партии, основавши коммунистический корреспондентский комитет в Брюсселе. Их инициативе следует приписать то, что и вожди лондонского рабочего кружка для самообразования—отчасти бывшие члены организационно прекратившего существование Союза Справедливых—составили коммунистический корреспондентский комитет в Лондоне. В августе Энгельс поехал в Париж, чтобы и там устроить подобную организацию, что ему и удалось. Эти три корреспондентских комитета образовали затем, после первого лондонского конгресса в мае 1847 г., первые общины реорганизованного Союза Коммунистов [2]).

Возникает вопрос, не побудили ли Маркс и Энгельс своих кельнских единомышленников образовать и в Кельне коммунистический корреспондентский комитет? Мы не в состоянии дать вполне определенного ответа на этот вопрос. В конце 1846 г. сношения Маркса и Энгельса с кельнцами были особенно оживленными. Им естественно было попытаться основать и в самой Германии организационное ядро для своего направления. В своем втором отчете из Парижа в Брюссель от 16 сентября 1846 г. Энгельс спрашивает: «Что делают кельнцы?» [3]). Этот вопрос, который Энгельс задает брюссельцам тотчас же после подтверждения получе-

---

[1]) *Gothein, Eberhard.* Verfassungs-u. Wirtschaftsgeschichte Kölns..., p. 239.

[2]) В приведенном выше изображении истории возникновения Союза Коммунистов я следую, в существенных чертах, точке зрения, развитой Рязановым в его работах: К. Маркс и Ф. Энгельс в их переписке до революции 1848, в сборнике Рязанова: Очерки по истории марксизма. М. 1923; особенно стр. 79—83. и Маркс и Энгельс. М. 1913. стр. 77—96.

[3]) Briefwechsel Marx-Engels, I, 29.

ния их отчетов о Бельгии, Лондоне и Бреславле, после своей просьбы всегда сообщать ему об успехе общего предприятия в различных местностях, указывает совершенно ясно *на попытки создать организацию в Кельне*. Как раз в это время Моисей Гесс находился в Кельне. Точно так же и лондонские члены бывшего Союза Справедливых выпустили около этого времени (в ноябре 1846 и феврале 1847 г.) свои —не имевшие в Германии успеха—воззвания к «братьям», призывая их связаться с ними, организоваться.

Здесь не место рассматривать подробнее вопрос о том, существовала ли уже в 1846 г. в Кельне какая-нибудь коммунистическая организация в форме коммунистического корреспондентского комитета, а также дальнейшие вопросы, в чем заключалась ее деятельность и каково было ее дальнейшее развитие. На основании тщательного изучения соответствующей литературы и скудных печатных источников, мы пришли к заключению, что, пока Гесс был в Кельне, т.-е. до конца 1846 г., там действительно существовал коммунистический корреспондентский комитет, корреспондентом которого был Гесс. Имея в виду дружбу, связывавшую Готтшалька с Гессом, мы вправе допустить, что не только старые друзья Маркса и Энгельса,—д'Эстер, Дациельс, Бюргерс,—но и Готтшальк принадлежал к комитету. После того как Гесс покинул Кельн в конце 1846 года, деятельность комитета, как организации, повидимому прекратилась или, по крайней мере, значительно ослабела. Разумеется, «старые друзья» продолжали переписываться с Марксом, но вряд ли они составляли организацию, ибо иначе было бы невозможно, чтобы функционировавшая в начале 1848 г. кельнская община Союза находилась под руководством Виллиха, а не под руководством какого-нибудь представителя старой гвардии. Распад организации, носившей и без того очень зачаточный характер, можно объяснить, с одной стороны, принявшими лишь в конце 1847 г. осязательный характер переговорами между Брюссельским корреспондентским комитетом (Маркс) и Лондонским комитетом (Шаппер, Молль и т. д.), а, с другой,—противоречиями между «старыми друзьями» и новыми коммунистическими элементами в Кельне (Готтшальк и его кружок, Аннеке и его друзья), которые должны были принять более острый характер, когда Маркс и Энгельс ясно формулировали свою тактику по отношению к надвигавшейся революции.

«Новые друзья» и идеологически и политически придерживались другого направления, чем старая гвардия. В то время как старики, как показала в особенности их позднейшая роль во время революции, усвоили себе взгляд Маркса и Энгельса,—именно, что задача коммунистической партии в Германии заключается, прежде всего, в том, чтобы завоевать почву для демократии, помочь *буржуазной* революции победить,—Готтшальки и, несколько менее решительно, Аннеке придерживались того воззрения, что союз с буржуазной демократией излишен и даже

вреден и что поэтому задача коммунистов заключается в том, чтобы стремиться к образованию чисто пролетарских организаций и немедленно приступить к решительной борьбе против буржуазной демократии. Правда, впоследствии на практике, под влиянием Маркса, ни Готтшальк, ни Аннеке не остались на этой позиции безусловного отрицания всякого союза с буржуазной демократией, но они вполне определенно ориентировались в этом направлении, в чем не трудно узнать влияние истинных социалистов, в особенности Гесса. Поэтому понятно, что трудно было создать общую, более прочную организацию со старыми кельнскими коммунистами, из которых Бюргерс и д'Эстер находились в очень близких отношениях к буржуазным демократам, даже к умеренным либералам.

Тот факт, что в 1848 г., еще до революции, все же была основана кельнская община Союза Коммунистов, можно объяснить давлением политических событий, происшедшей в то время реорганизацией Союза и, вероятно, также появлением на сцене такого решительного и активного человека, как Виллих.

Разумеется, объединение в одной организации не устранило сразу,— да и вообще не устранило,— имевшихся различий и противоречий во взглядах. Из позднейших событий упомянем здесь только, что в то время, как д'Эстер стал впоследствии депутатом прусского национального собрания, а Бюргерс выставил свою кандидатуру и был выбран в собравшийся 31 марта франкфуртский предпарламент, Готтшальк и Аннеке, вскоре после своего освобождения, принялись за дело основания кельнского рабочего Союза, а Виллих уже 9 апреля был в Констанце, чтобы принять участие в попытке Геккера добиться силой оружия объявления баденской республики.

Но из письма Энгельса мы узнаем, что существовавшие между разнородными элементами кельнской общины Союза противоречия ясно выступают уже и в движении 3 марта. «Старые друзья» вели себя очень сдержанно. Что касается д'Эстера, то Энгельс был плохо осведомлен, ибо из анонимно изданной брошюры Готтшалька о «Так называемом мятеже...» следует, что д'Эстер принимал участие в заседании городского совета и даже вел протоколы его. Но из того же рассказа мы узнаем, что, в ходе завязавшейся между Готтшальком и членами Совета дискуссии, Готтшальк вступил в спор и с д'Эстером, когда последний пытался доказать ему, что принятая городским советом резолюция с требованием «отмены цензуры» означает также и требование «безусловной свободы печати»,— толкование, которое Готтшальк абсолютно не был склонен принять.

Но если, несмотря на различие во взглядах, старые друзья пришли к совместному с новыми решению о необходимости выступить, то сделали они это, наверное, с иными намерениями, чем Виллих или Готтшальк. В то время, как Готтшальк стремился заложить основу для самостоятельного

пролетарского движения, в то время, как Виллих мог рассматривать демонстрацию как генеральную репетицию будущего вооруженного восстания, «старые друзья» примкнули к движению, наверное, потому, что рассчитывали таким образом подтолкнуть вперед либералов и демократов. Ведь согласился же д'Эстер войти в ту депутацию кельнского городского совета, которая, под руководством обер-президента Рейнской провинции, вручила утром 18 марта в Берлине королю петицию с умеренно-либеральными пожеланиями.

Если принять в расчет этот разнородный состав кельнской общины Союза, то можно легко понять замечание Вильгельма Вольфа, сделанное им в его отчете от 18 апреля парижской общине Союза о состоянии Союза в Кельне. Вольф послал этот отчет из Бреславля, куда он поспешил после взрыва мартовской революции через Кельн и Берлин. В Кельне он находился, вероятно, около 10 апреля. Его замечание, которое подобно вышеприведенным местам из писем Энгельса, должно было бы уж давно обратить внимание на существование в Кельне до революции общины Союза — оно было, между прочим, приведено Мерингом в его известном предисловии к 4-ому изданию «Разоблачений о процессе коммунистов в Кельне» Маркса (стр. 16) — гласит кратко и лаконически следующее: в Кельне «Союз продолжал прозябать в весьма неорганизованном виде».

И так оно и было на деле. Д'Эстер, Бюргерс принимали деятельное участие в расцветавшем парламентски-демократическом партийном движении, в подготовлениях к парламентским выборам, участвовали в подготовительной работе по созданию новой большой демократической газеты, которую затем прибрали к своим рукам Маркс и Энгельс. Виллих отправился в южную Германию, чтобы, с оружием в руках, содействовать провозглашению баденской республики. Готтшальк и более близкие его друзья подготовляли основание рабочего кружка. Аннеке и его кружок, наверное, работали над созданием недовольства в армии. Каждый действовал в своей специальной области; непрочное единство общины расползалось, молодая организация оказалась слишком слабой, чтобы дать какую-нибудь единую рамку для многообразной деятельности своих членов. Она «продолжала прозябать в крайне неорганизованном виде».

X

Мощная кельнская демонстрация, приведшая в движение значительные народные массы, не осталась без влияния на политическое поведение «реально-политических» факторов Рейнской провинции. Правительственный президент Рейнской провинции, Эйхманн, при известии о предстоящих беспорядках отправился 3 марта из Кобленца в Кельн, где, под впечатлением массовой демонстрации, многочисленные депутаты рейнского ландтага, с Ганземаном и Мефиссеном во главе, поздно вечером весьма настойчиво увещевали его, чтобы он попытался добиться в Берлине проведения

либеральных реформ. Либеральная резолюция кельнского городского совета от 3-го марта находится тоже в непосредственной связи с революционным движением кельнских рабочих масс. Из вождей рейнской буржуазии особенно сильное впечатление эти бурные события произвели на Мефиссена; он боялся новых беспорядков и действовал, с одной стороны, на правительственного президента, а, с другой, на рейнских депутатов, а также на Кампгаузена, старого, еще колебавшегося вождя рейнского либерализма, требуя от них, в виду грозящей опасности новых беспорядков, чтобы они в Берлине выступали энергично в пользу реформ. Двенадцатичленная депутация кельнского городского совета, в которой принимал участие и д'Эстер, сыграла вечером 17 и утром 18 марта немаловажную роль среди тех обстоятельств, которые толкнули короля на путь уступок [1]).

Таким образом кельнское движение 3 марта оправдало ожидания тех кельнских членов общины Союза, которые надеялись, что оно даст толчок *буржуазно*-революционному движению.

Но в то же время, в качестве первого самостоятельного выступления кельнского пролетариата, оно было предшественником кельнского рабочего Союза, основанного как раз главными руководителями демонстрации.

В нем впервые — впервые, но не в последний раз — проявилось сотрудничество рейнско-вестфальских революционно настроенных офицеров с кельнским пролетариатом на почве революции. Заключенный 3 марта союз продолжался во время всей революции и стал одним из крупных факторов в расчетах революционной демократии Рейнской провинции, во главе которой стоял Маркс.

Кельнская пролетарская массовая демонстрация третьего марта приобретает еще особенное значение благодаря тому, что она показывает решающую роль кельнской общины Союза Коммунистов. История Союза Коммунистов получает здесь существенное дополнение благодаря установлению того факта, что, после произведенной Марксом и Энгельсом реорганизации Союза, на немецкой почве действовала организованная община Союза, которая устроила еще до взрыва мартовской революции пролетарское массовое выступление,—являющееся в то же время первым революционным массовым выступлением во всей Пруссии после взрыва парижской февральской революции — и которая, благодаря своему личному составу, могла развить революционную пропаганду и внутри прусской армии.

Ясно, что подробный разбор и дальнейшее изучение [2]) этого имеющего не только локальный интерес движения представляет большую важность

---

[1]) Ср. в особенности: *Hansen*, Mevissen. I, pp. 514—526.

[2]) Даже рассказ о ходе демонстрации нельзя считать исчерпывающим, — хотя бы в существенных моментах ее. Нашим главным источником, кроме писем Энгельса, была анонимная брошюра Готтшалька («Так называемый мятеж...»), дополненная некоторыми указаниями из «Трирской Газеты Этих источников для научно-критического изложения, очевидно, недостаточно. Помимо архивных источников следует

также и для марксоведения. Руководители кельнской общины Союза, инициаторы демонстрации, находились все в более или менее тесном политическом контакте с Марксом и Энгельсом. Некоторые из них играли в их жизни немаловажную роль. Движение 3 марта составляет первую главу *самостоятельного рабочего движения* в Кельне, с которым Марксу приходилось во время революции иметь гораздо больше дела, чем это думали до сих пор. Особенно выделившиеся в событиях 3 марта члены кельнской общины Союза, Готтшальк и Аннеке, стали впоследствии основателями кельнского рабочего союза. Близкий к ним круг лиц придерживался при дальнейшем ходе революции во многих случаях как в тактических, так и в принципиальных вопросах, своего собственного направления, отличавшегося от направления радикальной демократии, которой руководил Маркс. Отношение Маркса к рабочему движению эпохи революции обнаруживается в конкретной практической форме, в первую голову, именно в его отношении к политике этой группы, в участии его в местном кельнском рабочем движении, о котором нет, так сказать, ни звука в работах Меринга и Майера, хотя оно приняло довольно внушительные размеры. Но первую главу кельнского рабочего движения составляет, как сказано, движение 3 марта; поэтому изложение и анализ его имеет немаловажное значение для марксоведения.

Однако главную задачу — критическое изложение кельнского рабочего движения в революционные годы, описание роли, которую Маркс играл в нем и которую оно играло в тактических выкладках Маркса, — эту задачу остается решить еще. Попытка Штейна совершенно недостаточна и неудачна. Но его заслугой остается то, что он обратил внимание на важность этой темы и доставил некоторый сырой материал для нее. Дополнение и обработка этого материала является насущно-необходимой задачей для понимания как революционной, так и общей политической практики Маркса, и предлагаемый очерк по истории Союза Коммунистов можно в то же время рассматривать, как предварительную для выполнения ее работу.

Э. Цобель.

привлечь, по меньшей мере, еще отчеты в рейнско-вестфальских газетах. Что здесь имеются невыясненные пункты, показывает, например, довольно подробное описание рассматриваемых событий у *Вильгельма Циммермана* (Die deutsche Revolution, Karlsruhe, 1848, I, 20—23), которое в ряде пунктов отличается от изложения Готтшалька и в котором мы встречаем ряд новых моментов, — например, указание, что часть проникшей в зал заседания городского совета толпы была вооружена кинжалами. В своем изложении мы не упоминали приводимых Циммерманном фактов, потому что Циммерманн не указывает своих источников, и рассказ его не свободен от противоречий.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Предметом нашего исследования является история первого Интернационала и роль, которую играл в ней Маркс, сначала один — до 1870 г., а затем вместе с Энгельсом. Первый очерк, некоторые выводы которого уже использованы были мной в статье «Основание первого Интернационала» (Коммунистический Интернационал, № 6), ставит себе целью проследить, чем было вызвано и как развивалось то рабочее движение, которое привело к созыву знаменитого митинга 28 сентября 1864 г. Только выяснив, каким образом образовался первый состав Генерального Совета М. Т. Р., какие элементы в нем преобладали, мы сможем определить с максимальной точностью генезис и характер программы и устава М. Т. Р., составленных Марксом. Нам придется в процессе нашего исследования иметь дело не с одной легендой, а то и просто выдумкой, которыми так богата история первого Интернационала. Мы заранее извиняемся перед читателями, если будем вынуждены вдаться в многочисленные детали. Давно уже пора «дать себе ясный отчет относительно всех форм, в которых пролетариат совершает на наших глазах свою классовую организацию», а это невозможно без детального анализа конкретного процесса, без скрупулезного установления всех фактов, из которых складывается и которыми обусловливается развитие классовой организации пролетариата в национальном и интернациональном масштабе. Так называемой до-истории первого Интернационала мы посвятим особую работу.

I

В 1852 г. Союз Коммунистов, первая международная коммунистическая организация, выдвинувшая лозунг международного объединения рабочего класса — пролетарии всех стран, соединяйтесь! — прекратил свое существование. Прошло несколько лет, прежде чем начался новый подъем рабочего движения, вызвавший к жизни первую международную организацию рабочего класса, Международную Ассоциацию Рабочих, первый Интернационал.

В годы политической реакции и невиданного до тех пор экономического расцвета, которого не могла задержать даже Крымская война, и который охватил все страны, не исключая и России, выросло новое поколение,

не знавшее революционных бурь 1848—1849 г.г. и выведенное из своего политического индифферентизма только всемирным кризисом 1857—1858 г.г.

«Тревога господствующих классов в Европе обостряется еще в силу убеждения, что как раз их победа над революцией привела к созданию в 1857 г. материальных условий для осуществления идей 1848 г. Весь период от середины 1849 г. до настоящего времени — писал Маркс в октябре 1856 г., когда он уже констатировал приближение нового всемирного кризиса — представляется, таким образом, передышкой, которую история дала старому европейскому обществу, чтобы дать ему возможность развернуть в конденсированной форме все свои тенденции. В области политики — поклонение мочу; в области морали — всеобщая коррупция и лицемерное возвращение к уже лопнувшим суевериям; в области политической экономии — магия обогащения без мук производства: вот главные тенденции, выявленные этим обществом в эпоху контр-революционных оргий 1849—1856 г.г.» [1]).

Поворот в политике, наступивший с 1859 г. и поставивший снова в порядок дня ряд национальных и политических вопросов, которые были выдвинуты еще до революции 1848 г. и остались нерешенными, влил повсюду в демократическое движение свежую кровь. С 1859 г. практическими вопросами дня стали: в Северной Америке—уничтожение невольничества, в России — уничтожение крепостного права.

В Англии, где чартизм, после неудачной попытки Эрнеста Джонса придать ему характер классового движения, лишился в 1858 г. своего последнего органа и перестал существовать, как единая политическая организация, рабочее движение совершенно раздробилось. В нем снова возобладала его старая тенденция, от которой страдал и чартизм, — распадаться на отдельные частичные движения, с различными задачами и программами, и создавать для одной и той же цели различные, конкурирующие между собой, организации. Исчез последний след единого, концентрирующего свои силы, рабочего движения. Остались лишь отдельные секты, имевшие каждая свою особенную специальность и культивировавшие ее, — христианские социалисты, воздерженцы и титотэлеры, секуляристы, рационалисты и т. д. В них растворились остатки старых оуэнистских и чартистских организаций. Немало старых оуэнистов и чартистов поглотили в своих Foreign Affairs Commitees, игравших значительную роль в пятидесятых годах, уркартиты, которые вели энергичную борьбу с «secret diplomacy» и представляли причудливую смесь из торийских и демократических элементов.

Политическая обстановка была благоприятнее всего для развития тех форм рабочего движения, которые не наталкивались на прямое сопротивление правящих классов и пользовались содействием буржуазных филантропов. Так, уже в 50-х годах укрепился один из остатков руководимого Робертом Оуэном социалистического движения — потребительная кооперация. Потребительные общества, развитию которых способствовал «Industrial and Provident Societies Act» (30 июня 1852 г.), имея во главе рочдэльских пионеров, играли, несомненно, руководящую роль среди

тогдашнего рабочего движения. Разумеется, цель, которую себе поставили эти общества, — а именноу странение барыша в торговле и планомерное регулирование производства и потребления в капиталистическом строе, — не была ими достигнута; но цель эта воодушевила сторонников кооперации энтузиазмом, который действовал зажигающе на остальную часть рабочего класса и привлек на их сторону целый ряд идеалистически настроенных элементов из пролетарских и буржуазных кругов, принявших самое энергичное участие в основании потребительных и производительных товариществ. Из существующих теперь потребительных товариществ около половины основано в пятидесятых и начале шестидесятых годов. Уже в 1863 г. основана была центральная потребительная ассоциация — Общество оптовых закупок [2]).

Так же удачно складывались обстоятельства для развития касс взаимопомощи (Friendly Societies), для которых оказались благоприятны законы 1850 и 1855 г.г., внесшие улучшение в старый закон 1846 г. К этому времени относится укрепление самых крупных касс взаимопомощи в Англии, «Independent Order of Odd Fellows», «Manchester Unity», «Ancieot order of Foresters» и «Hearts of Oak Benefit Society». По расчету Нэша Стефенсона, в 1859 г. число членов всех этих товариществ доходило, по меньшей мере, до 3.052.000, ежегодные взносы равнялись 4.980.000 ф. ст., а накопленный капитал составлял 11.300.000 ф. ст. [3]).

Были сняты и многочисленные рогатки, стоявшие еще в сороковых годах на пути рабочих в их стремлении к просвещению. Законом 11 августа 1854 г. были уничтожены разные ограничения, мешавшие организации всяких учреждений, которые ставили себе задачей содействие народному образованию. При содействии «христианских социалистов» был основан в 1854 г. «Working Men's College», который, однако, скоро, благодаря энергичной работе английских позитивистов, Фредерика Гаррисона и Эдварда Спенсера Бисли, превратился в настоящий вольный рабочий университет, в котором лекторами были, кроме позитивистов, и такие выдающиеся представители естествознания, как Тиндаль и Гексли, а также знаменитый английский шекспировед, Фернивалль, позже, как и Бисли, познакомившийся с Марксом и его семьей. Новое учреждение дало сильный толчок развитию подобных образовательных институтов и в провинции. Рабочие являлись не только слушателями, но и организаторами, принимавшими участие и в управлении этими школами [4]).

К 50-м же годам относится осуществление для значительной части английского пролетариата неизбежной предпосылки духовного развития рабочих — сокращение рабочего дня. Великое завоевание рабочих, закон о десятичасовом рабочем дне от 8 июня 1847 г., стал окончательным фактом, после трехлетних попыток фабрикантов оставить его на бумаге, лишь после закона 5 августа 1850 г. Известно, что закон этот, в силу тесной связи между работой мужчин и работой женщин и подростков, повел за собой всеобщее сокращение рабочего времени. Правда, он касался

только текстильной промышленности. «Но — как говорит Маркс — победа эта означала победу принципа в тех крупных областях промышленности, которые являются самым подлинным творением современного способа производства. Чудесное развитие промышленности в 1853 — 1830 г.г., шедшее рука об руку с психическим и моральным возрождением фабричных рабочих, бросалось в глаза даже самым близоруким» [5]). А рабочие в других отраслях капиталистической индустрии ждали только благоприятного случая, чтобы добиться и для себя благодетельного сокращения рабочего дня. Случай этот скоро представился.

Только для профессионального движения пятидесятые годы оказались не очень благоприятными. Реакция, наступившая после 1848 г., особенно сильно отразилась на профсоюзах. Пользуясь со стороны законодателя только терпимостью, границы которой определялись весьма произвольно, профсоюзы в пятидесятых годах, поскольку они были боевыми организациями, вели почти подпольное существование и только с большим трудом прокладывали себе дорогу. Эти условия создавали перевес «мирным» и «легализаторским» тенденциям. Постановка взаимопомощи вытесняла организацию стачечных касс. Преобладание получают старые цеховые стремления, и вместо объединения по крупным отраслям промышленности или по производствам происходит бесконечное почкование отдельных мелких цеховых союзов, добивающихся выгод только для рабочих своей узкой специальности, не считаясь с интересами товарищей в сопредельных цехах или профессиях. Благоприятную почву для этого создавал и экономический подъем пятидесятых годов.

«Хотя пять или шесть лет, последовавших за роковым исходом стачки 1852 г., являлись для отдельных союзов периодом спокойного прогресса, но для историка профессионального движения в целом они представляют почти пустое место. За тяжелым кризисом 1846—1849 г.г. следуют семь лет непрерывного экономического подъема, не дававших никакого повода для всеобщего понижения заработной платы. Реакция против грандиозных планов «производственного союза» 1834 г. продолжала отпугивать даже от федеративного объединения, между тем как полный провал борьбы машиностроителей, за которым последовала в 1853 г. очень несчастно закончившаяся забастовка прядильщиков в Престоне за десятипроцентное повышение заработной платы, такая же безуспешная борьба ткачей ковров в Киддерминстере и ожесточенное и неудачное восстание железоделательных рабочих в Доулайсе только усилили в значительной степени антипатии профессиональных союзов к агрессивной политике» [6]).

К этому присоединилось еще другое обстоятельство. Успехи кооперативного движения побудили ряд профессиональных союзов предпринять попытки с устройством производительных ассоциаций. «В столице и других крупных промышленных центрах рабочие по металлу, столяры, портные, сапожники, шляпники создали бесчисленные мелкие предприятия; в течение нескольких лет исполнительные комитеты и бюро различных

профсоюзов взапуски рекомендовали своим членам производственную кооперацию» [7]).

Эти опыты закончились фиаско, но все же на несколько лет они вырвали из рядов профессиональных союзов немало членов их [8]).

Только у машиностроительных рабочих—которые еще в 1851 г. основали «Амальгамированный Союз» и которые, несмотря на большой локаут 1851—1852 г. г., энергично работали над расширением своей организации—и у литейщиков и каменщиков [9]) увеличилось количество членов. Продолжающееся благополучие способствовало распространению среди рабочих мирных тенденций.

Но после 1857 г. положение сразу изменилось. «Эра стачек, начавшаяся в 1857 г. с ухудшением дел, показала, как призрачны были эти надежды (на мир в промышленной жизни)» [10]).

Если в первой половине 50-х годов самые серьезные битвы английской индустрии произошли в старых областях ее,—текстильной и машинной индустрии,—то теперь на первый план выступают две новые отрасли, в которых крупное производство сделало огромные успехи,—производство одежды и строительное дело. Как только ремесло пало под бурным натиском капитализма, то и в этих старомодных профессиях стало необходимым сокращение рабочего времени. Попытки оказать сопротивление введению машин оказались безуспешными [11]). Чтобы успешнее бороться с предпринимателями, рабочие были вынуждены лучше организовать свои союзы. Так борьба за сокращение рабочего времени шла рука об руку с борьбой за право образовывать профессиональные союзы.

Самой крупной стачкой этого периода является забастовка лондонских строительных рабочих. Пятидесятые годы характеризуются лихорадочной строительной деятельностью. Огромный прирост городского населения (Лондон 1851 г.—2.679.000 жителей, 1861 г.—3.217.000) вызвал усиленную потребность в жилищах; благодаря этому постройка домов в Лондоне превратилась в отрасль капиталистического производства, которое уже не строило дома, как прежде, по заказу, а доставляло для рынка в соответствующих кварталах города сотни домов в виде готового товара.

«В какой сильной степени капиталистическое производство изменило все строительное дело в Лондоне,—говорит Маркс во втором томе «Капитала»,—свидетельствуют показания одного подрядчика перед комиссией о банках 1857 г. По его словам, в годы его молодости, дома строились обыкновенно на заказ, и предприниматель получал плату по частям по мере того, как он заканчивал отдельную фазу постройки. Спекуляции ради, строили очень мало; предприниматели пускались на это главным образом только с целью дать регулярное занятие своим рабочим, чтобы они не разбежались. За последние сорок лет все это изменилось. На заказ строят очень мало. Кому нужен новый дом, тот ищет себе один из построенных спекулянтами или находящийся еще в постройке. Предприниматель работает уже не на заказчика, а на рынок; как и всякий другой промышленник, он вынужден

доставлять на рынок готовые товары. Если прежде предприниматель строил одновременно каких-нибудь три-четыре дома на продажу, то теперь он должен купить (или, как говорят на континенте, арендовать на 99 лет) обширный участок земли и построить на нем сто или двести домов, затевая таким образом дело, для которого требуется капитал, превышающий его состояние в 20—50 раз... Путем такой спекулятивной постройки воздвигнуты дома в кварталах Бельгравии и Тибурнии, а также многие тысячи вилл вокруг Лондона» [12]).

Одним из главных следствий такого форсированного строительства являлось возрастание интенсивности труда. Только путем усиленной эксплоатации рабочих предприниматели гарантировали себя против возможных убытков в случае просчета. Соглашаясь еще, после сравнительно непродолжительных стачек, на повышение заработной платы, они всеми силами сопротивлялись сокращению рабочего времени. А между тем именно интенсификация труда заставляла рабочих выдвигать все с большею настойчивостью требование более короткого рабочего дня.

После долгих переговоров между предпринимателями и рабочими, которые с июня 1858 до июля 1859 г. вел Объединенный Комитет рабочих с Джорджем Поттером в качестве секретаря, стачка разразилась 21 июля [13]).

Так как рабочие считали нецелесообразной всеобщую забастовку, то они решили прекратить работу только у одной фирмы (Троллоп). Предприниматели ответили на это локаутом. Тогда комитет рабочих созвал на 3 августа митинг всех занятых в строительном деле рабочих в Гайд-парке, на котором Кремер, будущий генеральный секретарь первого Интернационала, внес следующее предложение: «Собрание выражает сожаление по поводу последнего шага хозяев, который может только углубить пропасть между ими и нами, и так как мы не хотим быть крепостными, то мы обязываемся применить все законные средства, чтоб обеспечить торжество движения в пользу девятичасового рабочего дня». Предложение это было принято единогласно после того, как Поттер заявил, что рабочие в крупнейших городах Англии высказались за движение в пользу девятичасового рабочего дня и поддержат забастовку [14]).

Главное требование, как оно формулировано в записке от 3 июня, гласит следующее: «свести число часов труда от десяти к девяти с сохранением существующей заработной платы» (to reduce the hours of labour from ten to nine hours per day with the present rate of wages). Предприниматели, организованные в Master Builders society, не только решительно отклонили это требование, но, со своей стороны, объявили войну всем профессионально-организованным рабочим. Они обязались между собой не принимать ни одного рабочего, который откажется подписать «документ», где он заявляет, что не принадлежит ни к какому профсоюзу.

Английские профессиональные союзы сдержали свое обещание. Они энергично взялись за организацию поддержки лондонских строительных рабочих. Была созвана масса митингов, и рабочие других отраслей про-

мышленности приложили много усилий, чтобы притти на помощь стачечникам. Со всех концов Соединенного Королевства—из Англии, Германии, Шотландии—притекали многочисленные пожертвования [15]). В течение более полугода (до 6 февраля 1860 г.) английский пролетариат следил, с напряженным вниманием, за этой стачкой. Строительные рабочие апеллировали и к общественному мнению. Их представители и члены образованного из делегатов от различных профессий Комитета—в особенности В. Р. Кремер [16]) и Дж. Оджер—излагали на собраниях перед публикой требования рабочих и критиковали официальную политическую экономию, которая стояла на стороне предпринимателей и противопоставляла требованиям рабочих теорию фонда заработной платы. «Если политическая экономия против нас,—воскликнул Кремер на одном митинге в Гайд-парке,—то мы выступим против нее». Вся борьба трактовалась, как борьба политической экономии рабочего класса с политической экономией класса капиталистов [17]).

Гигантская борьба, «величественный эпизод борьбы между капиталом и трудом», как называет эту стачку Чернышевский, кончилась компромиссом. Предприниматели отказались от «документа», воспрещавшего рабочим участие в профессиональных союзах, но и рабочие на время отказались от своего главного требования [18]).

Несмотря на это, стачка эта образует поворотный пункт в истории английского рабочего движения. Чувство солидарности у рабочих победило старое цеховое чванство. Борьба за право коалиций увлекла за собой даже самые мирные союзы. Из Trades committees, которые образовались во время этой стачки, чтобы организовать сборы в пользу бастующих строительных рабочих, вышли во многих местностях Trades Councils,—в частности лондонский совет,—которые отныне взяли на себя заботу об общих интересах различных профессий и объединение всех их сил в борьбе против капиталистов [19]). На митингах и совещаниях этих Trades Committees и Trades Councils выделился из рабочей среды ряд ораторских и организаторских талантов, которые мы встречаем, в качестве вождей, во всех крупных выступлениях рабочего класса в шестидесятых годах и в Международном Товариществе Рабочих.

Первое заседание лондонского «Совета Союзов» произошло уже 10 июля 1860 г. Членами первого Trades Council были: Т. Гайс (канатчики), В. Борн (кирпичники), Д. Д. Девелин (сапожники), В. Р Кремер (плотники), В. Майкесон (шляпочники), Т. Бауль Сом (портные), а секретарем—Томас Джонс (жестяники), то-есть исключительно представители строительного дела и индустрии одежды. Лишь позже появились представители машиностроительных рабочих, переплетчиков, печатников и наборщиков, литейщиков.

Как велика была потребность сохранить новые объединения, возникшие во время стачки строительных рабочих во всех профессиональных союзах, видно из того, что новообразованный Trades Council поспешил издать адресную книгу профессиональных союзов, чтоб облегчить сноше-

ния с ними. В воззвании, в котором он обратился ко всем английским союзам с просьбой о помощи, было подчеркнуто огромное значение статистики профессиональных союзов, и выражалась надежда, «что усилия установить более совершенное и действительное средство сообщения между профсоюзами будут приняты в том же духе, который породил и все время руководил и поддерживал наши старания, что результатом является укрепление уз единства и все большее напряжение струи человеческой симпатии и братской солидарности между рабочими нашей страны» [20]).

Изданная лондонским Trades Council адресная книга дает нам интересную картину тогдашнего профессионального мира [21]). Она представляет зрелище необычайной распыленности всего профессионального движения. Мы находим (по неполным вдобавок данным, как подчеркивают сами составители книги) [22]) в 405 местностях более 1600 профессиональных союзов. Так, в Лондоне, не принимая в расчет отделений амальгамированных союзов, насчитывалось около 250 профессиональных союзов; из них в сапожной промышленности было более 20; не менее многочисленны были союзы в различных отраслях строительного дела.

Правда, уроки стачки 1859—1860 г.г. оказали свое влияние не только на процесс объединения профессиональных союзов внутри одного города, но и на так называемое амальгамирование различных профессий во всей стране. Пример, поданный амальгамированными союзами машиностроительных рабочих и каменщиков, был слишком убедителен, чтобы не найти подражателей [23]). Так, плотники уже в июне 1860 г. образовали амальгамированный профессиональный союз, секретарем которого был С. Ли, вынужденный в 1862 г. отказаться от этой должности [24]). На его место был выбран секретарь шеффильдского отделения, *Роберт Эпплъгарт* [25]). Но, на-ряду с этим союзом, в Лондоне у плотников остались еще другие организации, конкурировавшие с амальгамированным союзом, так, например, «Operative House Carpenters and Joiners society» и «General Union of Carpenters», которые поддерживал Джордж Поттер.

Как силен был еще дух «локализма» и цехового эгоизма, как трудно было разбить узкие рамки многочисленных профессиональных организаций, снова показала вторая крупная стачка строительных рабочих, вспыхнувшая весной 1861 г. Организаторы решили использовать благоприятный момент, так как строительная промышленность, в связи с подготовительной работой для предстоявшей в 1862 г. всемирной выставки, нуждалась в рабочих. Дело шло опять о сокращении рабочего времени, о завоевании девятичасового рабочего дня; но на этот раз положение обострилось тем, что правительство сделало попытку притти на помощь предпринимателям, послав им военных саперов. В многочисленных газетных статьях разъяснялись требования рабочих, и защитники их — в особенности Бисли и Гаррисон — в письмах в газеты защищали дело рабочих и энергично протестовали против вмешательства правительства в пользу предпринимателей.

Вождем рабочих в этой новой борьбе был снова Джордж Поттер. За его подписью (хотя вряд ли составленный им) появился манифест, в котором в полемической форме, с резкими выпадами против предпринимателей, доказывается необходимость сокращения рабочего времени [26]). Авторы отнюдь не апеллируют к справедливости, они приводят только факты и желают лишь, чтобы факты эти были добросовестно проверены.

Они указывают на необычайный рост торговли, доходов и спрашивают: «Who gets the increase of wealth? We are pretty certain it is not we that get it» (Кому достается этот прирост богатства? Мы убеждены, что, конечно, не нам). Капиталистическая конкуренция имеет тенденцию только удлинять еще рабочий день и увеличивать возложенное на рабочих бремя. Бесполезно апеллировать к сердцу капиталистов—«Capital knows neither limit, nor compassion» (Капитал не знает ни меры, ни сострадания), и авторы обрушиваются на капитал в следующих выражениях:

«Джентльмены. Мы не собаки. Мы держимся друг за друга. Вы жестокосерды к нам и хотите, чтобы мы были мягки к вам. Мы не собаки, мы можем поступать только, как нам кажется лучшим. Мы не хотим быть только орудиями и поэтому защищаем свои собственные интересы. Насилие — это ясно — не поможет, ибо стачки разрастаются. Мы не апеллируем к вашим религиозным чувствам, ибо это было бы бесполезно, ни к вашему чувству гуманности, ибо оно молчит там, где речь идет о прибыли. Мы апеллируем именно к вашей жажде прибыли. Капиталисты играют в невыгодную игру, они поступают против собственных интересов, когда они так жестоко третируют труд. Мать-земля и слуга-труд представляют плодоносное поле, если их, как следует, обрабатывать. Но оба требуют для своего развития отдыха и культуры. Факты и наука говорят, что лучше обрабатывать, чем истощать, что лучше кормить, чем извлекать все соки чрезмерным трудом. Мы делаем эту попытку. Но, апеллируя к вам, мы боимся, что это совершенно бесполезно, и поэтому обращаемся к другим средствам улучшить наше положение, чем те, на которые капитал готов согласиться» [27]).

Авторы подчеркивают крупное значение кооперативного движения «They have been working out their own social salvation, and cooperation or selfwork for self has proved in wealth a rich reward».

«Ведь именно труд—продолжают они — производит капитал, а не капитал — труд. Рабочие могут сами создавать богатство, и им нужна только твердая воля, чтобы взяться за это дело».

Они резюмируют свои взгляды в следующих семи пунктах:

Факты доказывают, что 1) средняя жизнь рабочих классов в два раза меньше, чем средняя жизнь богатых; 2) что их высокая и растущая смертность вызывается чрезмерным трудом, бедностью, неблагоприятными условиями жизни и привычками, необходимо вытекающими из обстановки их труда; 3) что эта избыточная смертность есть большая и чреватая опасностями экономическая потеря; 4) что общее улучшение положения рабочих

невозможно без уменьшения рабочего времени и увеличенного вознаграждения за труд; 5) что богатство в своем росте настолько обгоняет рост населения, что возможно осуществить и уменьшение часов труда, и повышение заработной платы и таким образом доставить рабочим все средства физического и духовного возрождения, не нанося ущерба справедливым требованиям капитала; 6) что всюду, где были произведены такие опыты, в особенности по части сокращения рабочего времени, неизменно оказывалось, что богатство и производительность возрастали, заработная плата увеличивалась, жизнь удлинялась, духовный и нравственный уровень поднимались, порядок и счастье развивались, и — позорный факт! — последнее, 7) что капиталисты и предприниматели, как класс, всегда и неизменно сопротивлялись всем попыткам прогрессивного улучшения, которые предпринимались рабочим классом».

Революционный дух, которым дышит это заявление, резкое подчеркивание общих требований рабочего класса, сознание, что в этой борьбе за сокращение рабочего времени строительные рабочие выступают в качестве представителей всех английских рабочих, снова обеспечили им помощь всех профессиональных союзов. А сильное чувство солидарности помогло им справиться с препятствиями, создававшимися для их борьбы раздорами между каменщиками и кладчиками кирпича (masons and bricklayers), с одной стороны, и различными объединениями плотников — с другой. Стачка закончилась на этот раз победой рабочих. Был установлен нормальный рабочий день в $9^1/_2$ часов.

Недавно образовавшийся лондонский Trades Council приложил все усилия к тому, чтобы поддержать требования строительных рабочих. Именно он организовал все выступления против использования солдат в качестве штрейкбрехеров. Согласно постановлению одного созванного им собрания делегатов всех лондонских профессиональных союзов, была послана депутация к правительству, в которую вошли: *Э. Коульсон*, *В. Кремер*, *Г. Гоуэллъ*, *Генри Мартин*, *Джон Ниеасс*, *Дж. Оджер* [27]). Всех их мы после встречаем в истории первого Интернационала.

Одним из важнейших результатов второй стачки строительных рабочих было основание новых профессиональных газет и крупнейшей рабочей газеты шестидесятых годов «Beehive». Газета эта вовсе не была личным делом Джорджа Поттера, как ошибочно утверждают Веббы. Сейчас же по окончании второй стачки строительных рабочих, в октябре 1861 г., руководители профессиональных союзов приняли решение основать газету, которая служила бы главным органом профессиональных союзов. С этой целью была основана «Trades Newspaper Company (Limited)». Среди директоров этого общества мы находим представителей различных профессиональных союзов [28]). Джордж Поттер был выбран директором. Собственно редактором был сперва некий Джордж Трепп, а затем *Роберт Гартуэлль*, бывший чартист [29]). Газета с самого начала была официальным органом лондонского Совета Союзов, и ее «главной задачей» была «информация о дея-

тельности профсоюзов и других рабочих обществ, для которых закрыты столбцы спекулянтских и буржуазных газет» [30]).

Кроме этой своей официальной задачи, как профессиональной газеты, «Beehive» имела огромное значение, как политический орган рабочего класса. Будучи не всегда солидарна с другими вождями лондонских рабочих, часто резко расходясь с ними, она поддерживала и проводила все политические выступления шестидесятых годов. Поттер, бывший искусным организатором и администратором, пользовался своим влиянием в «Trades Newspaper Company», чтобы проводить свою собственную политику в «Beehive»: он был самым влиятельным вождем локалистских профессиональных союзов, так называемой *фракции* Поттера против *фракции* Оджера, находившей поддержку у амальгамированных союзов. В начале 1864 г. борьба по этому пункту возгорелась по всей линии, и «Beehive» оказалась в конфликте с лондонским Советом Союзов [31]).

До 1865 г. «Beehive» осталась единственной, не чисто профессиональной, рабочей газетой в Лондоне. Среди сотрудников ее было несколько представителей английского позитивизма, которые — в особенности Фр. Гаррисон и Ф. С. Бисли — писали о различных политических и профессиональных задачах момента. Из среды рабочих самым усердным сотрудником был Т. И. Деннинг, старый соратник мирных чартистов, Ловетта и Гартуэлля, бывший тогда генеральным секретарем союза переплетчиков и редактором союзного органа «London Consolidated Society of Journeymen Bookbinders» [32]).

В первые годы своего существования «Beehive» встречала почти безраздельную поддержку со стороны всех профессиональных союзов и недавно основанного Trades Council. Мы уже видели, что последний состоял вначале, главным образом, из представителей новых и более мелких организаций. Но те самые причины, которые вызвали к жизни эту локальную форму объединения профессиональных союзов, способствовали развитию и другой формы его — объединения внутри всей страны. С образованием новых амальгамированных союзов началась борьба обоих течений, локалистского и централистского. Вслед за плотниками наступил черед маляров, которые тоже основали «Amalgamated Society of operative Painters» [33]). А с победой нового принципа в сапожной промышленности (на лондонской конференции, постановившей в январе 1863 г. основать «Amalgamated Society of Cordwainers») новая тенденция возобладала и в лондонском Совете Союзов [34]). Главную роль в этом движении играл *Оджер*, который уже в 1862 г. стал секретарем Совета Союзов и был горячим сторонником нового метода амальгамирования в профессиональном движении. Таким образом лондонский Trades Council стал мало-по-малу местом, в котором решающее значение приобрели крупные амальгамированные профессиональные союзы. Но вскоре вопрос о том, кто является признанным представителем соответствующих отраслей индустрии и кто имеет право руководить помощью тем стачкам, которые требуют поддержки со стороны всех

прочих профессиональных союзов, вызвал резкие столкновения в Совете Союзов.

Но борьба внутри этого Совета не ограничивалась одной только почвой профессиональных интересов. Ему с самого начала пришлось занять определенную позицию по отношению к разным политическим вопросам. Это давало очень часто повод к новым конфликтам. Но было бы ошибочно думать, вместе с Веббами, будто бы крупные или амальгамированные союзы, в своем стремлении сделать из Совета Союзов орудие новой тактики участия в вопросах общей политики, натолкнулись на сопротивление мелких или местных организаций. Наоборот, как раз некоторые старые и строго организованные профессиональные союзы — как, например, союзы печатников — протестовали против всякого политического действия [35]). Эти консервативные или антиполитические тенденции наблюдаются также у амальгамированных машиностроительных рабочих, которые играли вообще в шестидесятых годах второстепенную роль во всех политических выступлениях по сравнению с строительными рабочими и рабочими в области изготовления одежды. Крайней осторожности при ведении профессиональной борьбы не всегда соответствовала энергичная агитация за политические реформы, и более боевые, готовые на забастовки, элементы, группировавшиеся вокруг Поттера, были очень активны и в политическом отношении Кроме того, было очень много спорных вопросов и относительно различных законов, касавшихся правового положения профессиональных союзов. Очень часто то, что Веббы изображают как антипатию к политической акции, было просто оппозицией определенной тенденции какого-нибудь закона, ставившей, по мнению части профессиональных союзов, препятствия их свободному развитию. Все эти внутренние распри,—борьба между чистыми профессионалистами и политиками, между локалистами и централистами, между сторонниками легализации профессиональных союзов и их противниками, высказывавшимися против всякого вмешательства государства во внутренние дела профессиональных союзов,—все эти распри заполняют историю английских профессиональных союзов в шестидесятых годах. Очень часто они принимали форму личной борьбы между различными вождями, борьбы между партией Поттера и партией Оджера; но было бы совершенно неверно сводить их к злостным сварам того или иного интригана, Поттера или Оджера, и втискивать их в рамки узкой произвольной схемы [36]).

Новое стачечное движение и вызванное им более тесное сплочение локальных профессиональных союзов оказалось полезным и для рабочих в пищевой промышленности. Так, например, было устроено много митингов и направлен в парламент ряд петиций, изображавших положение пекарей-рабочих. Это движение было тоже поддержано Советом Союзов, деятельными членами которого являются теперь также вожди пекарей — *Блекмор* и *Дик* [37])

Стачечное движение 1859—1861 г.г. имело еще и другой важный результат. Предприниматели, ссылавшиеся в своей борьбе с профсоюзами

на иностранную конкуренцию, начали теперь угрожать ввозом более дешевых рабочих из-за границы. Угроза эта не была пустой, как показала все растущая конкуренция немецких рабочих в портняжном деле и в хлебопечении. Если английским рабочим удалось упорной борьбой повысить цену труда [38]) путем сокращения рабочего дня даже там, где не произошло повышения поденной платы, то конкуренция континентальных рабочих грозила понизить заработную плату и другие условия труда до уровня, господствовавшего на материке. А на тогдашней ступени развития мирового рынка национальные различия в заработной плате были значительно больше, чем теперь. Борьба за одинаковые условия труда, являвшаяся одной из главных задач профессиональных союзов внутри страны, должна была быть перенесена на материк. Таким образом, международная пропаганда идеи профессиональных объединений стала жизненной необходимостью для английских рабочих; более передовые круги их почувствовали острую потребность завязать сношения с континентальными рабочими, в особенности с французскими, бельгийскими и немецкими [39]).

Уже самый факт этой грандиозной стачки действовал агитационным образом. Если первая стачка нашла громкий отклик в американской и континентальной печати (не исключая русской) [40]), то это еще в большей степени можно сказать о второй. Поэтому весьма вероятно, что уже во время этой стачки завязались сношения между английскими и французскими рабочими. Так Гоуэлль утверждает, что в 1862 г. парижские рабочие послали не только адрес с выражением симпатии бастующим, но и некоторую денежную сумму; при этом он называет Толена [41]). К сожалению, мы не находим никакого другого подтверждения этого факта. И если Гоуэлль, может быть, ошибается, утверждая, что именно Толен играл эту роль посредника, то у нас есть другое свидетельство живейшего интереса парижских рабочих к борьбе английских строительных рабочих. Посредниками здесь явились те самые английские позитивисты, которые так энергично защищали интересы стачечников. Так, например, в августе 1861 г. Джемс Уинстенли прочел доклад о стачке в «Société positiviste de Paris». Один из членов общества, столяр, по имени Фабиен Маньен, опубликовал «Lettre sur la grève des ouvriers du bâtiment à Londres», которое было переведено также на английский язык [42]).

Но лучшими посредниками явились представители международной эмиграции, которые обосновались в Лондоне после поражения революции. Центром пролетарской эмиграции служил Коммунистический союз самообразования рабочих, члены которого набирались, главным образом, из искусных ремесленников (портных, маляров, часовщиков) и которые работали также в английском профессиональном движении. Большинство французских рабочих эмигрировало в Америку или же вернулось, после амнистий 1856 и 1859 годов, во Францию, и во французской эмиграции, как и в польской и в итальянской, преобладали представители революционной интеллигенции. Политические события первой половины

шестидесятых годов создали польской, и в особенности итальянской, эмиграции популярность среди английских рабочих, не стоящую ни в каком отношении к роли пролетарских элементов в ней [43]). Но только в немецкой эмиграции мы встречаем рабочих, как *Экариус*, *Лесснер*, *Лохнер*. *Пфендер*, *Кауб*, которые находились в непосредственном контакте с английскими рабочими и их вождями.

Но не одни только требования профессиональной борьбы усилили у английских рабочих ослабевший у них со времени революции 1848 г. интерес к их сотоварищам на материке; здесь действовала и изменившаяся в 1858 г. политическая ситуация, которая, вместе с подъемом в стране политической активности, пробудила снова международные симпатии рабочих и направила их внимание на политические события в остальном мире.

Английские рабочие, не имевшие своих представителей в парламенте, не могли принимать прямого участия в законодательной работе. Но они могли применить—как они это часто делали уже с успехом прежде—внепарламентские средства, устраивать митинги и демонстрации и таким образом оказывать на парламент. pressure from without. Во время Крымской войны они энергичным образом поддерживали антирусскую политику. А когда в конце пятидесятых годов снова возгорелась борьба различных угнетенных народов, то она—в особенности борьба итальянцев—встретила у английских рабочих самые горячие симпатии [44]). Правда, Итальянская война 1859 г.,—разразившаяся в момент, когда отношения между Англией и Францией были очень напряженными,—не вызвала большого одушевления. Попытка Пальмерстона, после покушения Орсини (14 января 1858 г.), провести в парламенте билль о заговорах (Conspiracy to Murder Bill), направленный против эмиграции, окончилась, после бурных внепарламентских демонстраций, тяжким поражением его министерства, заставившим его подать в отставку (19 февраля 1858 г.) [45]). Процесс Симона Бернара, одного из соучастников Орсини (в апреле 1858 г. в Лондоне), дал его защитникам повод заклеймить полицейский режим Наполеона III, и обвиняемый был оправдан английским судом присяжных. Под впечатлением угроз французской военщины стали опять говорить об опасности французского вторжения; возникшее под влиянием этой паники добровольческое движение (Volunteer Movement) нашло сильный отклик и в рабочей среде [46]).

При таких обстоятельствах «освободительная» миссия Наполеона не могла встретить особенных симпатий, а Виллафранкский мир, который должен был создать, вместо объединенной Италии, союз государств под почетным председательством папы, вызвал в Англии такое же сильное возмущение, как в самой Франции и Италии. Pressure from without было так сильно, что даже Пальмерстон, ставший благодаря ухудшению в области внешней политики снова премьером (июнь 1859 г.), поостерегся оказать Наполеону даже тень содействия.

Совсем иначе сложились дела, когда, сейчас же после аннексии Савойи и Ниццы Наполеоном, Гарибальди начал в мае 1860 г. поход в Сицилии с своей «марсельской тысячей». В Англии следили с лихорадочным интересом за всеми перипетиями этой героической борьбы, и Гарибальди стал популярнейшим человеком и в Англии. В нем чествовали одновременно и освободителя своего народа, и врага папы. Среди самых горячих защитников дела итальянской свободы мы встречаем *Оджера*, *Кремера*, *Чарли Меррея*, *Тремлетта*, *Гартуэлля*, *Поттера*. Они-то, вместе с английскими радикалами, организовали и руководили внепарламентским давлением, заставившим английское правительство противопоставить свое veto желанию Наполеона выступить против Гарибальди [47]).

Если верить Гоуэллю, то уже в 1861 г. итальянские рабочие сделали попытку обратиться прямо к английским рабочим. Дело идет об адресе неаполитанских рабочих (17 декабря 1861 г.), который был обращен к лондонскому Trades Council и на который последний ответил в начале 1862 г. [48]).

Вскоре представился случай, с помощью различных эмигрантов, вступить в непосредственные сношения с континентальными рабочими. В мае 1862 г. в Лондоне открылась третья международная выставка, на которой присутствовали также делегации рабочих из разных стран. Наиболее многочисленной была французская делегация.

II.

Хотя государственный переворот 2 декабря 1851 г. наткнулся также на сопротивление части буржуазии, но для виновников его, опиравшихся на духовенство, крестьянство и большую часть испуганной красным призраком буржуазии, было ясно, что новый режим укрепится только в том случае, если удастся склонить на его сторону массы городских рабочих, составлявших главный контингент республиканской армии. Беспощадно подавляя всякое самостоятельное движение рабочего класса, бонапартисты старались в то же время удовлетворить материальные потребности масс [49]).

Декрет 25 марта 1852 г., подводивший все публичные собрания под статьи 291—294 Code pénal и под закон 1834 г. и почти совершенно уничтоживший свободу собраний, декрет об обществах взаимопомощи (Sociétés des secours mutuels) и преобразование промысловых судов (Conseils des Prud'hommes) в том же году, закон 22 июня 1854 г., усиливший строгость правил о рабочих книжках и отдававший рабочих на произвол полиции, бесконечные придирки ко всем возникшим еще до 1851 г. кооперативным товариществам, строгое проведение запрещения коалиций,—все это должно было уничтожить рабочее движение. Но параллельно с этими полицейскими мероприятиями шли и попытки империи примирить рабочих с новым режимом путем улучшения материального положения рабочих, путем своего рода «цезаре-социализма»: субсидирование всех «авторизованных» (на осно-

вании декрета от 21 января) обществ взаимопомощи за счет конфискованного состояния Орлеанского дома, создание—в целях обеспечения народа дешевым хлебом—Caisse de Service de la Boulangerie (27 декабря 1853 г.), основание различных благотворительных учреждений для рабочих, а, главным образом, общественные работы—постройка железных дорог, телеграфа, огромные строительные работы в Париже, Марселе, Лионе, Бордо [50]).

Непрестанный экономический подъем, который характеризует пятидесятые годы и которому очень содействовало основание многочисленных банков, вроде Crédit Mobilier, создал ряд крупных предприятий и необычайно усилил спрос на рабочую силу [51]). Благодаря прогрессу техники, ряд новых отраслей промышленности—металлургическая, химическая, сахарная, текстильная—был поставлен на совершенно новых основаниях. С 1846 до 1861 г. городское население увеличилось на 1.712.000 человек, и Париж, насчитывавший еще в 1856 г. 1.021.530 жителей, имел их в 1866 г.— 1.825.274 [52]). Его рабочее население, особенно в строительном деле, в изготовлении одежды, в пищевой промышленности, очень возросло [53]). Роль, которую играл Париж во время второй империи, как законодатель мод для всего мира и как «современный Вавилон», тоже способствовала развитию различных профессий, производивших предметы роскоши — Articles de Paris — и бронзовые изделия.

Казалось, что цель этой цезаристской политики достигнута. Опыт 1848—1851 г. г. оставил в душе рабочих сильное недоверие к «буржуа» и к интеллигентам. Заговоры пятидесятых годов, в которых нередко провокаторскую роль играла полиция, находили, правда, сторонников и среди рабочих, но масса рабочих в целом оставалась спокойной. Прозябательное существование еще вели остатки кабетистских и фурьеристских общин, но они гораздо более интересовались опытами в Новом Мире, в Техасе и Наувоо, сен-симонисты перешли в лагерь цезаре-социалистов и доставили идеологическое обоснование новым биржам и железнодорожной спекуляции [54]).

Первые признаки политического пробуждения рабочего класса появились уже во время Крымской кампании. Если война эта была очень популярна, поскольку она была направлена против России, то колебания в политике и в способе ведения войны вызвали сильное возбуждение в рабочих массах; но с падением Севастополя все опять успокоилось.

Кризис 1857—1858 г.г. вызвал поворот и во Франции. Он быстро покончил со всеми иллюзиями цезаре-социализма. Все попытки удержать заработную плату на уровне, хоть сколько-нибудь соответствующем все растущим ценам на жизненные припасы и квартиры, оказались недействительными [55]). Если рабочие, несмотря на запрещение коалиций, провели— особенно в 1854 и 1855 г.г. — ряд стачек, добившись таким путем повышения заработка, то в результате кризиса 1857 г. начинается новое стачечное движение с целью сохранения старой платы. Возбуждение в рабочей среде было так велико, что даже в тех случаях, когда стачечники привлекались

к суду, наказания оказывались сравнительно мягкими, и осужденные часто получали вскоре помилование. В 1858 г. правительство предприняло тайную анкету; она показала, что экономическое положение рабочих было совершенно неудовлетворительно и что недовольство рабочих, как признали это и буржуазные экономисты, находило благоприятную почву в условиях капиталистического хозяйства [56]).

Но не одна только изменившаяся экономическая конъюнктура побудила императорское правительство сбросить с себя часть ответственности и дать больший простор экономической борьбе рабочего класса; и политическая обстановка подсказывала, что благоразумно сделать некоторые экономические уступки. Реакция, нашедшая себе, после покушения Орсини, новое страшное орудие репрессии в loi de la sûreté générale, длилась недолго. Итальянская война, предпринятая вопреки желаниям духовенства, вызвала в рабочей среде большой энтузиазм. Как силен был он, видно из того взрыва негодования, который охватил Париж, когда до него дошли вести об условиях Виллафранкского предварительного мира. Со стен срывали объявления с телеграммами. В Сент-Антуанском предместьи дело дошло до столкновения с полицией [57]).

Стало ясно, что отступление невозможно, что всякая попытка помешать силой оружия завершению дела объединения Италии и удержать условия Виллафранкского мира будут только усиливать революционное настроение в стране. С другой стороны, было не менее ясно, что дальнейшее развитие итальянского вопроса еще более усилит недовольство духовенства. Опереться здесь можно было только на рабочий класс и на мелкую буржуазию. Отсюда первые шаги на пути к empire libéral и новое сближение с Англией.

Первой уступкой была амнистия 17 августа 1859 г., которая давала возможность вернуться во Францию почти всем эмигрантам и которая открыла ворота темниц борцам революции [58]). Могла вздохнуть свободнее и печать. Правда, висевший над ней кошмаром декрет 1852 г. не был отменен, но строгий надзор за ней ослабел. Республиканская партия могла возобновить свою борьбу, и политическая жизнь снова зашевелилась не только в Париже, но и в провинции. В то же время начались попытки склонить на свою сторону те элементы рабочего класса, которые готовы были, на известных условиях, отказаться от республиканской агитации и признать империю.

Главным представителем либеральной и антиклерикальной тенденции в императорской семье был принц Наполеон, кузен императора, поддерживавший дружеские отношения с политической эмиграцией разных стран, с эмигрантами немцами (Карл Фохт), поляками, венгерцами, итальянцами. Его доверенным лицом был *Арман Леви*, выступавший уже в революции 1848 г. и бывший воспитателем детей знаменитого польского поэта Мицкевича.

Осенью 1859 г. Леви основал в Женеве большую международную газету на французском языке, под названием «L'Espérance» [59]). Она горячо

защищала дело всех угнетенных национальностей, в особенности итальянской, резко выступала против Австрии и с самого начала уделила много места рабочему вопросу. В ней был особый отдел «Tribune des Travailleurs», в котором *Пьер Венсар* впервые опубликовал свои известные монографии о парижских рабочих [60]). Кроме того, Леви удалось привлечь в качестве сотрудников еще нескольких печатников и литографщиков—*Даво*, *Парро*, *Контана*. Газета выдвинула программу, которая должна была удовлетворить самым настоятельным требованиям рабочих: отмена параграфа 1781 Code pénal, мероприятия против дороговизны, свобода коалиций. В целом ряде статей описывалось большое стачечное движение в Англии и рекомендовалась профессиональная организация [61]).

«L'Espérance» защищала также новую торговую политику, начатую заключением англо-французского договора 23 января 1860 г. и вызвавшую неудовольствие части промышленной буржуазии. Угрозам фабрикантов закрыть фабрики Леви противопоставил перспективу возможной экспроприации в целях общественного благополучия.

Декрет 24 ноября 1860 г., расширявший права законодательного корпуса и разрешавший печатание парламентских прений, открыл печати новый простор. Теперь стало возможно защищать в Париже программу «Espérance», принципы империалистской демократии. Эту задачу взяла на себя «Opinion nationale», издававшаяся тоже на средства принца Наполеона и редактировавшаяся бывшим сен-симонистом Адольфом Геру [62]). Одним из влиятельнейших сотрудников новой газеты был Арман Леви, продолжавший в ней свою кампанию в пользу империалистской демократии. Вместе с рабочими, с которыми он находился в сношениях еще раньше, он теперь издал ряд брошюр под общим названием «Brochures ouvrieres».

«В группе, работавшей над красными брошюрами,—говорит проф. В. Лексис,—было несколько рабочих, имевших значительное влияние на своих товарищей. Так жестяник *Шабо* был председателем общества Union, плотник *Ваншоотен*—председателем общества взаимопомощи плотников (т.-е. союза Devoir), *Кокар*—председателем общества взаимопомощи переплетчиков, *Деруар*—председателем «Alliance de la Cordonnerie», наборщик *Кутан* был в декабре 1861 г. выбран делегатом в смешанную тарифную комиссию печатников, равно как и наборщики *Барагэ* и Вигье, из которых первый на собрании в 3000 сотоварищей по ремеслу был выбран более чем 2400, а второй около 2000 голосов» [63]).

Первая брошюра направлена против орлеанистов и защищает в нескольких «византийски звучащих статьях» «дружественную рабочим» политику империи [64]). Авторы ожидают от императора продолжения его реформаторской деятельности, которая еще больше закрепит союз между империей и рабочим классом. Желания рабочих подробнее изложены в двух других брошюрах. Главное требование, это—отмена всех препятствий, стоящих на пути к образованию рабочих союзов.

Но это требование далеко не совпадает с требованием отмены всех запретов коалиций. Рабочие, группировавшиеся вокруг Армана Леви, желали только профессионального представительства, в котором имели бы решающий голос не одни только предприниматели. Новые корпорации, в которые организуются рабочие, вовсе не профсоюзы. Эти Chambres corporatives будут делать все, чтоб улучшить материальное и интеллектуальное положение рабочих, подобно тому как интересы капиталистов защищаются торговыми и синдикальными палатами предпринимателей. Это скорее реформированные цехи, идеальные организации для отдельных профессий, предполагающие содействие предпринимателей и исключающие систему забастовок [65]). Образцом должны были собственно служить отношения, сложившиеся у печатников с 1843 г. и выдержавшие испытание революции 1848 г. Именно печатники и поставляли главный контингент империалистски настроенных рабочих, следовавших за Арманом Леви.

Но вскоре на уроках суровой действительности пришлось убедиться в том, что полная гармония интересов не осуществима и в этом образцовом ремесле. 17 мая 1861 г. печатники послали предпринимателям петицию с 2682 подписями, в которой они указывали, что необходимо привести в соответствие заработную плату с подъемом цен на жизненные припасы. Они поэтому просили предпринимателей созвать снова смешанную тарифную комиссию. Прошло несколько месяцев, прежде чем синдикальное объединение хозяев дало на это свое согласие (5 декабря). На собрании, созванном с разрешения префекта полиции, рабочие выбрали своих делегатов. В голосовании приняло участие 2953 рабочих, и первый делегат, Барагэ, получил 2404 голоса. Первое заседание смешанной тарифной комиссии происходило 9 января 1862 г. Но вскоре после этого заседания один из предпринимателей, желая сломить сопротивление рабочих, обратился к более дешевому женскому труду. За ним последовали другие владельцы типографий. А в итоге — забастовка рабочих, арест вождей их (Готье, Мулине, Парро), судебное преследование и ряд приговоров. Правда, осужденные были помилованы, но теперь уже и среди печатников стали раздаваться голоса, выдвигавшие в качестве ближайшей задачи отмену всех запрещений коалиций. Вся эта история ослабила влияние Армана Леви: хотя он в «Opinion Nationale» защищал требования печатников, но несмотря на свою близость к принцу Наполеону он ничем не мог им помочь [66]).

Гораздо счастливее был Леви в другом вопросе, так как из его группы вышла инициатива в деле образования собственной рабочей делегации на лондонскую международную выставку [67]). Правда, результаты этого шага были тоже совсем иные, чем он этого ожидал, но он служил главным посредником между рабочими и принцем Наполеоном, председателем французского выставочного комитета [68]).

III

Уже во время первой всемирной выставки в Лондоне в 1851 г. было послано в Лондон за счет государства несколько рабочих по указанию предпринимателей. Но кроме них была и вольная делегация, отправленная в Лондон по инициативе Бланки (экономиста) и Эмиля де Жирардена. Всего было пятнадцать делегатов, среди которых находился и *Пьер Вепсар*, представлявший граверов. Эта делегация составила общий отчет, в котором нет и намека на попытку установить постоянную связь с английскими рабочими, но зато сильно подчеркивается необходимость мирных отношений между Англией и Францией.

«Рабочие! Если вам рассказывают об английском народе с ненавистью и гневом, если вам говорят, что он является наследственным врагом Франции, то не верьте этому. Старайтесь победить этот предрассудок, который должен исчезнуть, как все, что есть ложь и тем самым вредит нашему освобождению.

«Английские пролетарии находятся не в лучшем положении, чем мы. Говорят даже, что в худшем. Их члены, как и наши, изнуряются чрезмерным трудом. Благосостояние, как и у нас, не является еще действительностью: оно только маячит, как надежда.

«Почему же мы должны быть врагами?

«Почему мы не являемся братьями?

«Разве английский народ не оказал щедрое и великодушное гостеприимство жертвам нашей гражданской войны?

«Если некоторые правительства настолько безумны, что ненавидят друг друга, то народы должны показать пример мудрости и повторять: «*Мир! Всеобщий мир!*» [69])

Это было еще до государственного переворота. В 1855 г. происходила вторая всемирная выставка, на этот раз в Париже. На ней не было никаких рабочих делегаций ни из столицы, ни из провинции. Боялись, что они дадут возможность рабочим организоваться.

Но, как мы видели, положение вещей изменилось в 1862 г. И когда собиравшаяся вокруг Армана Леви группа взяла на себя инициативу пропаганды в пользу рабочей делегации, то она тотчас же встретила поддержку как со стороны некоторых промышленников, так и со стороны печати.

Прежде всего группа, рассчитывая на симпатии императора к Италии, обратилась к нему с ходатайством о поддержке рабочей делегации, посылаемой на итальянскую выставку, открывавшуюся во Флоренции [70]). Но на ходатайство это, отправленное в сентябре 1861 г., они получили (22 ноября 1861 г.) через министра торговли и земледелия Руэра отказ.

«Я должен сообщить вам, что выставка во Флоренции является чисто национальной и частичной и что в распоряжении правительства нет никаких средств, чтобы оплатить путевые расходы или посылку такого рода делегации».

Но так как в этом ответе просителям был дан явный намек обратиться к выставочному комитету по делам лондонской всемирной выставки, председателем которой был принц Наполеон, то рабочие охотно последовали этому указанию.

Между тем вопрос этот подробно обсуждался в печати. Инициатива исходила от одного известного лионского фабриканта, Арлес-Дюфура, тоже бывшего сен-симониста [71]), находившегося в очень дружеских отношениях с принцем Наполеоном. Он поднял вопрос о возможности подобной делегации сперва в интервью с сотрудником газеты «Progrès de Lyon», а затем в письме в редакцию этой газеты. Он рекомендовал рабочим на покрытие издержек подобной делегации произвести сборы и в своей среде. Этот план встретил поддержку со стороны «Temps» и, в особенности, со стороны «Opinion Nationale». Эта последняя газета в примечании к письму Арлес-Дюфура прибавила совет, что рабочие должны сами помочь себе, s'aider soi-même [72]).

Эта статья послужила первым поводом для публичного выступления другой группы парижских рабочих, молчавших до сих пор. От ее имени выступил *Анри Толен*, высоко квалифицированный рабочий, по профессии резчик. Убежденный прудонист, Толен относился очень скептически к буржуазной демократии. Он со своими товарищами занимал промежуточное положение и отстоял от немногих рабочих, составлявших, вместе с революционными студентами, немногочисленные кадры вновь организованной амнистированным Огюстом Бланки группы [73]), еще дальше, чем от рабочих, симпатизировавших империи. Отъявленный противник коммунизма, он был также противником всякого «прямого действия» против существующего политического строя; хотя он и был республиканцем, он думал, что возможно добиться демократических учреждений мирным путем, систематическим использованием всех легальных возможностей и неутомимой просветительной работой среди рабочих. Необходимым условием для такой политической агитации он считал прежде всего требование свободы союзов и собраний и создание различных образовательных учреждений для рабочих. Эти «ближайшие требования» внешне сближали его и его единомышленников с империалистски настроенными рабочими, искренно думавшими, что империя, которая после Итальянской войны стала благоприятствовать антиклерикальным тенденциям и вступила на путь политики свободной торговли, сделает еще и дальнейшие политические уступки [74]).

Толен послал в редакцию «Opinion Nationale» открытое письмо, в котором он излагал точку зрения своей группы [75]). Он также думает, что рабочие должны помогать себе сами. Но почему они этого не делают? Если инициатива какого-нибудь действия исходит сверху от правительства или от предпринимателей, то она натыкается на недоверие со стороны рабочих, ибо они думают, что над ними устроена опека и что их стесняют в их свободе. А инициативе снизу ставят непреодолимые препятствия. Каждая попытка рабочих организоваться, образовать какую-нибудь комис-

сию, созвать собрание, грозит им опасностями. Остается поэтому одно средство,—сказать рабочим: вы свободны, организуйтесь, сами думайте о своих делах, мы вам не будем ставить при этом никаких препятствий. Наша помощь, если она вам нужна, будет совершенно бескорыстна и, пока вы ограничиваетесь этим, мы не станем вмешиваться.

Письмо Толена обратило на себя всеобщее внимание [76]). Весьма вероятно, что лишь после появления этого письма произошло сближение между Толеном и его группой, с одной стороны, и симпатизировавшими империи рабочими — с другой. Верно лишь одно, что до тех пор Толен не находился ни в каких отношениях к группе Espérance и что к ней принадлежал его позднейший друг, *Перрашон*. Посредником между обеими группами был, вероятно, Арман Леви, который, в качестве редактора «Opinion Nationale», мог познакомиться с автором письма [77]). Как бы то ни было, лишь после появления письма Толена, он был привлечен к подготовительным работам по выбору делегации. Только с этих пор его имя встречается среди подписей на ходатайстве рабочих, обращенном к принцу Наполеону.

Когда просители получили утвердительный ответ с советом направить депутацию к принцу Наполеону, то для этой цели были избраны Шабо, Кутан и Толен [78]). После беседы с ним рабочие предложили план, которым следовало руководиться при составлении делегации. Пришлось сделать уступку Толену и его товарищам и изменить состав комиссии. Главное различие, по сравнению с прежним планом, заключалось в следующем: комиссия из рабочих, которая должна была руководить выборами, составляется из председателей союзов взаимопомощи в различных профессиях, а не из выбираемых по жребию членов суда прюдомов. Несмотря на оппозицию префекта полиции Буателля, который говорил, что он охотнее примирился бы с отменой законов против союзов, чем допустил бы эти выборы [79]), рабочие получили в конце января 1862 г. разрешение на это, и уже 2 февраля была организована комиссия из рабочих в составе Шабо — председателя, Ваншоотена — товарища председателя, Кутана — секретаря, и Кокара — кассира. 21 февраля комиссия эта обратилась с воззванием ко всем парижским рабочим. В выборах мог принимать участие каждый рабочий, законным образом доказавший, что он действительно рабочий. В общем было устроено 50 избирательных бюро для 50 профессий с примерно 150 специальными подразделениями. В выборах участвовало около 200.000 рабочих, выбравших 200 делегатов [80]). На покрытие издержек императорский выставочный комитет и город пожертвовали каждый по 20.000 франков. Кроме того, была устроена подписка в мастерских, давшая, по указанию Толена, 13.000 франков [81]). Особенную энергию развили при этом те корпорации, в которых имел большое влияние Толен [82]). В среднем каждый делегат получил 200 франков, включая сюда и маленькую субсидию для семьи.

Еще до конца выборов комиссия выпустила брошюру, в которой она излагала историю возникновения и задачи делегации. В предисловии,

подписанном И. Б. Вассером [83]), резко подчеркивается исключительно техническо-профессиональная задача делегации.

«Новые торговые договоры налагают большую ответственность и на рабочих, промышленников и государство. Важнейший аргумент, выдвигавшийся против свободы торговли, заключался в следующем: англичане станут искать во Франции рынков, которые они завоевывают с такими усилиями во всех концах мира; чтобы бороться с этой конкуренцией, предприниматели вынуждены будут производить по более низким ценам; вследствие же этого неизбежного прогрессирующего падения заработной платы, английский пролетариат перешагнет канал и таким образом проникнет в нашу страну. Поэтому важно доказать, что все эти опасения совершенно беспочвенны».

Таким образом, на делегацию была возложена также задача рассеять сомнение одной части промышленной буржуазии, которая, будучи весьма недовольна торговым договором с Англией, смотрела очень пессимистически на будущее французской промышленности и на ее способность конкурировать с английской индустрией.

Предисловие кончается пожеланием установления полной гармонии между Англией и Францией.

«Прекрасен будет тот день, когда не будет существовать больше классов в народе, а будет только полная гармония на фабрике; когда, под влиянием развития братских отношений между народами, можно будет сказать,— с большим правом, чем когда-то было сказано, что «нет больше Пиренеев»,—«нет больше Ламанша».

Кутан пишет о значении делегаций. Рабочие должны добросовестно исполнить свою задачу, чтобы положительным образом показать прогресс в их образовании и техническом умении. Делегации составляют для него исходный пункт новой линии развития, первый шаг, за которым последуют другие [84]).

Шабо изображает выгоды, которые могут дать рабочим международные выставки и рекомендует им выбирать в делегаты только наиспособнейших [85]).

Кокар рассказывает о делегациях в 1851 г. Причину их неудачи он видит в том, что, в отличие от намечаемых теперь, они не имели в своей основе всеобщих выборов [86]).

А Толен в заключительной статье рисует промышленное развитие, приводящее неизбежно к свободе торговли. Разделение труда, этот источник прогресса внутри каждого народа, является также источником прогресса внутри союза народов. В этом смысле торговый договор между Францией и Англией — равно как и договор с Бельгией — благословение для всех трех народов. В качестве средств против неблагоприятных следствий прогрессирующего разделения труда он выдвигает профессиональное образование. В этой культурной работе он видит залог мирного решения проблемы пауперизма [87]).

Так формулировали вожди крупного большинства парижских рабочих задачи рабочей делегации, так складывалось ее настроение перед отъездом. Первая группа уехала 19 июля, а последняя — 15 октября 1862 г.

Не только в департаменте Сены в Париже, но и в других департаментах были организованы и посланы подобные делегации в Лондон. Крупнейшими из делегаций, после парижской, были амьенская (40 делегатов) и лионская (60 делегатов). Последняя состояла из самых передовых элементов лионского пролетариата: *Эмиля Ришара*, Моне, Мильсана, Доманже, Фора.

Согласно официальной статистике, в 1862 г. всемирную выставку в Лондоне посетили всего около 750 рабочих, частью выбранных своими товарищами, частью назначенных самими предпринимателями.

IV

Прибытие большой французской рабочей делегации было событием которое не могло остаться незамеченным ни в английских рабочих кругах, ни во французской эмиграции. Разумеется, официальный характер этой делегации, способ ее образования не внушал особенного доверия французской революционно-республиканской эмиграции. Это обстоятельство, может быть, и объясняет, почему инициатива торжественного приема депутации исходила от редакции одного печатного органа, посвященного вопросам кооперативного движения. Возможно, однако, что в этом деле приняли участие и некоторые представители французской эмиграции. Ведь были французами и член редакции этого журнала (называвшегося «The Working Man, a political and a monthly record of cooperative news» [88]) Жозеф Колле и усердный сотрудник его Альфред Таландье, который и в своих корреспонденциях в французские газеты вел пропаганду в пользу кооперативного движения.

В июле, по инициативе редакции «Workirg Man», был образован Комитет, который должен был заняться подготовкой торжественного приема французских рабочих. Митинг был устроен под покровительством ряда известных политиков и промышленников. В августовском номере «Workings Man» на оборотной странице мы находим объявление, в котором сообщается, что митинг назначен на 5 августа в Freemason's Hall, Great Queenstreet, Lincoln Inn Field's. Председателем должен был быть член парламента Х. Б. Шеридан. Из участников упоминаются Дж. Мортон Пето, У. С. Клэ, Р. Клифтон, Джозеф Пакстон. Участие господина Пето, бывшего одним из главных вождей предпринимателей в борьбе с строительными рабочими [89]), достаточным образом объясняет, почему лондонский Trades Council, руководимый представителями строительных рабочих, отказался от участия в этом торжестве.

Об этом собрании, которое часто считают непосредственным исходным пунктом Международного Товарищества Рабочих, у нас имеются два

отчета, один английский, очень подробный, другой французский—гораздо более краткий [90]).

Собрание имело место, как и намечено было, 5 августа 1862 г. в Freemason's Hall. Но председательствовал на нем не Шеридан, а И. А. Николэй, «старый друг народа», как его называет английский отчет. В своем вступительном слове он предостерегал всех ораторов, прося их «быть осторожными в своих речах, ибо Комитет заявил, что в этом братском собрании следует избегать всякого политического намека, который мог бы повлечь за собой озлобление у ораторов».

Затем секретарь, Э. Гаррис, прочел несколько писем, в которых различные политические знаменитости выражали свои симпатии к задачам этого собрания. Среди этих посланий было и письмо английского премьера, лорда Пальмерстона. «Я шлю свой привет вашему банкету. Я рад, что вы собираетесь чествовать французских рабочих, приехавших на нашу выставку, и я надеюсь, что вы им объясните, что между промышленностями Англии и Франции может царить лишь соревнование, но не ожесточение». Это письмо дало тон всему собранию.

И в адресе английских рабочих, который был прочитан первым, мы не находим и следа того «ожесточения», которое еще незадолго до того царило между английскими предпринимателями, вроде Мортона Пето, и рабочими. От имени английских рабочих выступают теперь люди, которые твердо убеждены, что *единственный путь к преодолению всех трудностей, окружающих нас теперь, это — доброе согласие между нашими предпринимателями и нами*». Они отлично знают, что прогрессирующее применение пара и электричества изменяет с каждым днем общественные отношения, что неизбежно должен уменьшаться спрос на рабочие руки. «Что будет с безработными? Должны ли они оставаться без дела и умереть с голода, как элементы конкуренции? Должны ли их поддерживать те, кто имеет работу?»

«Мы не берем на себя смелости решить этот вопрос, мы говорим только, что он должен быть решен. И для этой работы придется обратиться к помощи всех людей — философов, политиков, историков, предпринимателей и рабочих всех стран».

Адрес заканчивается выражением надежды, что удастся найти «международное средство сообщения для обмена мыслей».

В ответе французских рабочих звучит больше энтузиазма. Он прославляет исчезновение национальной розни между Францией и Англией. «Если язык наш иной, то разве на нем не выражается та же самая мысль? Поэтому долой дурацкую вражду между народами! Трудящиеся классы всех народов должны итти рука об руку и сердце с сердцем, чтобы завоевать свободу единением своих усилий».

Несмотря на все усилия устроителей банкета сохранить за ним строго политический характер, в речах некоторых ораторов слышались и иные ноты. Но, в целом, как видно из обоих отчетов, все сошло согласно наме-

ченной программе. Даже в речи старого чартиста, Чарльза Меррея, нет ни звука о борьбе рабочего класса с предпринимателями. Ни один из ораторов не указывал на необходимость постоянного международного объединения всех рабочих различных стран в их освободительной борьбе. Как подчеркнуто было в английском адресе, на первый план выдвигались интересы промышленности, и в качестве *единственного* средства улучшить тяжелое положение рабочих выставлялась необходимость соглашения между ними и хозяевами. И в речи Мельвилля Гловера, служившего переводчиком и выразившего желание, чтобы были основаны рабочие комитеты, дело идет об обмене сведениями и опытом, относящимися к международной *промышленности* (He expressed a desire that committees of working men should be established for the interchange of communications relative international industry).

С самого начала банкета было подчеркнуто, что прием гостей исходит не только от английских рабочих. Лучшим доказательством этого является письмо Пальмерстона, и ничто не характеризует лучше настроения этого собрания, как английский адрес и речь Мельвилля Гловера, в которой, однако, даже серьезные исследователи желали найти все Международное Товарищество Рабочих in nuce [91]).

Мы видели, что действительные вожди английских рабочих не имели никакого касательства к банкету 5 августа. Ни один из них не выступил на нем в качестве оратора, ни одним словом не упоминается и лондонский Trades Council [92]).

Мы поэтому не можем смотреть на это собрание, как на место рождения М. Т. Р. и видеть в прочитанном на нем английском адресе его acte de naissance — метрическое свидетельство. Это — легенда, объяснения которой следует искать в особых условиях развития первого Интернационала во Франции [93]).

Верно лишь одно: визит этот имел большое значение своими косвенными последствиями, как очень важный этап на пути установления связи между английскими и французскими рабочими. Мы увидим сейчас, что личный контакт с английскими товарищами, более близкое знакомство с положением вещей в Англии, вскоре принесли свои плоды.

Нет никакого сомнения, что некоторые французские делегаты, среди них Толен (вероятно, через посредство неизвестных нам представителей французской эмиграции), вступили в сношение с руководителями английских профессиональных союзов. Это подтверждается и Толеном [94]). Но он сам прибавляет к этому, что эти сношения вначале были очень случайного характера. Впоследствии они наладились, но и тут толчок был дан совершенно новыми обстоятельствами, не стоявшими ни в какой связи с лондонской всемирной выставкой. Посредниками тут могли явиться и те французские рабочие, которые нашли себе во время своего посещения Лондона работу и осели там, как, например, *Э. Дюпон*, будущий секретарь М. Т. Р. для Франции [95]).

Возможно также, что французские рабочие, во время своего пребывания в Лондоне, завязали личные сношения не только с английскими рабочими, но и с рабочими других стран. Так, Гелигон пишет, что делегаты встретились там с бельгийцами, немцами, итальянцами и испанцами и что положение рабочего класса обсуждалось на разных языках [96]). Мы не знаем, однако, завязали ли знакомство французские делегаты и с представителями немецкой эмиграции [97]).

Одним из важнейших следствий этой поездки в Лондон был раскол внутри самой рабочей комиссии между теми рабочими, которые все еще были под влиянием идей «цезаре-социализма», и другими, которые, под руководством Толена и его друзей, хотели освободиться от всякой официальной опеки. Этот разрыв произошел уже очень скоро после возвращения из Лондона. Комиссия, руководившая выборами делегаций, распалась. Вассер, Кутан и Толен выступили из нее [98]). По одному указанию Толена от 1865 г., — к которому мы вернемся еще ниже, — он подал в отставку еще в Лондоне [99]). Подробнее он высказался о причинах этого раскола перед следственной комиссией в 1871 г. [100]).

Какое сильное впечатление произвело на делегатов путешествие в Лондон, видно из опубликованных ими по возвращении на родину отчетов.

«Эти отчеты — пишет в своем резюме проф. Лексис — представляют, с одной стороны, как бы продолжение красных брошюр, а с другой — начинают, в сравнительно умеренных выражениях, ряд тех выступлений рабочих, которые, со времени всемирной выставки, приобретают все более и более резкий характер. Лишь немногие из 58 отчетов ограничиваются узко специальными вопросами; большинство из них описывает — иногда очень интересно — положение вещей в их профессии, делает сравнение с английскими порядками, предлагает планы для улучшения жизни рабочих. Главные требования, к которым непрерывно возвращаются авторы их, это свобода союзов, собраний и коалиций. Но особенно настаивают делегаты — указывая на английские профессиональные союзы — на синдикальных палатах рабочих, которые устанавливали бы, совместно с союзами предпринимателей, тарифы, или на смешанных палатах, в которых были бы равномерно представлены оба элемента» [101]).

Как ни правильно в общем это резюме проф. Лексиса, не надо забывать, что все эти отчеты были составлены и опубликованы рабочей комиссией после выхода из нее Толена и более радикальных элементов. Правда, авторы большинства отчетов, за немногими исключениями, держат себя очень независимо по отношению к правительству и принцу Наполеону, но, однако, все еще сильно чувствуется влияние группы «Espérance» [102]). Если отчеты почти единодушны в требовании отмены всех коалиционных запретов, то все же синдикальные палаты, которых они требуют, более похожи на защищавшиеся Арманом Леви корпорации, чем на английские профессиональные союзы. Это можно сказать и о самых радикальных отчетах [103]). Они, правда, указывают на свободу союзов у английских рабочих, но, повидимому,

наиболее сильное впечатление из всех видов объединений произвели на них общества взаимопомощи и кооперативные товарищества [104]). И, однако, полученный в Англии опыт дал, несомненно, сильный толчок движению в пользу уничтожения законов против коалиций и имел большое влияние на образование союзов, возникших в ближайшие годы после поездки в Лондон. Точно так же этот опыт оказал влияние на движение в пользу сокращения рабочего дня, которое он подготовил (требование десятичасового рабочего дня) [105]).

Так или иначе, вся эта затея имела неожиданные политические следствия. И если правительство надеялось, что тысячи рабочих, принявших участие в выборах делегаций, будут, во время предстоявших в мае 1863 г. выборов, голосовать за правительственных кандидатов, то оно, как мы сейчас увидим, жестоко ошиблось [106]).

Оппозиция имела огромный успех на выборах. Она победила во всех крупных городах, в Париже, Лионе, Марселе и т. д. Огромное большинство рабочих голосовало вместе с радикальными элементами.

V

Завязавшиеся во время поездки в Лондон сношения между английскими и французскими рабочими, может быть, скоро оборвались бы, если бы два крупных события — cotton famine (хлопчатобумажный голод) и польское восстание—не вызвали по обеим сторонам Ламанша параллельных движений.

Хлопковый голод, — следствие гражданской войны в Америке, дал себя очень остро чувствовать во второй половине 1862 г. Ввоз хлопка-сырца в Англию упал с 1140,6 милл. фунтов в 1860 г. до 309,3 милл. ф. в 1862 г. С тем же явлением мы встречаемся во Франции. Благодаря этому среди рабочих царила сильная нужда. По точным оценкам в октябре 1862 г. не работали 60,3% веретен и 58% ткацких станков. Положение рабочих в Ланкашире было отчаянным [107]). Не лучше были дела и у французских рабочих [108]).

В ноябре 1862 г. в Лондоне основывается (с *Оджером* и *Кремером* во главе) Working Men's Central Committee for the relief of the distress in Lancashire [109]). А 20 января 1863 г. в «Opinion Nationale» появляется воззвание, за подписями *Толена*, Кутана, *Перрашона*, Блока, Кина и др. призывающее парижских рабочих к сборам в пользу французских текстильщиков. За ним последовало 26 января воззвание, подписанное Шабо, Ваншоотеном и другими членами рабочей комиссии, которые послушно следовали указаниям из Пале-Рояля [110]). Это только лишний раз доказывает, что раскол, о котором мы говорили выше, произошел тотчас после возвращения делегации из Лондона.

Несмотря на страдания, причиняемые английским рабочим американской гражданской войной, они вели энергичную кампанию против прави-

тельства, которое, как известно, вместе с большей частью буржуазии и аристократией, склонялось в пользу рабовладельческих штатов [111]). В Лондоне и Манчестере уже в конце 1862 г. были созваны большие митинги, отправившие Линкольну адреса с выражением симпатии [112]). Если в северной Англии этой агитацией руководил старый вождь чартистов, *Эрнест Джонс*, то в Лондоне занимались этим те самые рабочие, которых мы уже раньше встретили во время агитации в пользу девятичасового рабочего дня. Когда Линкольн 1 января 1863 г. возвестил освобождение всех рабов конфедерации,—поступок, который английское правительство назвало незаконным актом,—то лондонские рабочие снова организовали кампанию митингов. Так были устроены митинги 4 февраля в Exeter Hall и 26 марта в St. James Hall. На последнем митинге, согласно отчету в «Beehive», среди прочих ораторов выступали *Гоуэлль*, *Кремер*, *Коннолли*. В Комитете заседали *Оджер*, *Чарльз Меррей*, *Роберт Шоу*, *Эпплъгарт* [113]). Но, несмотря на всю мощь этого движения английских рабочих в пользу Северных штатов, не следует забывать, что было и меньшинство среди английских рабочих (особенно лондонских), которое, хотя и не стояло за рабовладельчество, но думало, однако, с частью буржуазии, что Южные штаты имеют право объявить себя независимым государством. Не случайно, что эти симпатии к конфедератам, бывшие только другим выражением для антипатии к централистским тенденциям, резче всего проявились среди тех лондонских рабочих, которые группировались около Поттера и его друзей и были против движения амальгамирования среди профессиональных союзов.

Не менее энергично, но более объединенно выступили английские рабочие в защиту восставшей в начале 1863 г. Польши [114]). Они прилагали все усилия, чтобы оказать на правительство давление в благоприятном для поляков смысле. Первый митинг происходил 28 апреля 1863 г. в St. James Hall под председательством проф. Бисли. Последний, уже на столбцах «Beehive» выступивший решительно в пользу поляков, очень резко критиковал позицию английского правительства. На митинге была выбрана делегация к Пальмерстону, которая, однако, получила от министра уклончивый ответ. Вооруженное вмешательство невозможно-де без Франции. Чтобы усилить давление на правительство, решено было устроить новый митинг, при участии на этот раз представителей французских рабочих.

В Париже польское восстание было встречено с неменьшим энтузиазмом. В парижских мастерских очень живо интересовались судьбой Польши. Рабочие организовывали собрания. Толен и его друзья вели агитацию. Была составлена петиция, но император отказался принять ее [115]).

Тем охотнее Толен и его друзья приняли предложение английских рабочих. В Париже тоже рассчитывали, что такая совместная манифестация в пользу Польши произведет больше впечатления на оба правительства.

Митинг был устроен 22 июля 1863 г. в St. James Hall. Председательствовал на нем Джон Вилльерс Шелли, член парламента. Среди выступавших рабочих упоминаются имена *Стэнсби*, *Делля*, *Фэси*, *Оджера* и *Кре-*

мера. Последний подверг резкой критике всю иностранную политику Пальмерстона. Он напомнил о поведении Пальмерстона по отношению к Венгрии и выразил уверенность, что Пальмерстон пожертвует и Польшей, если ему это только позволит английский народ [116]). Оджер говорил столь же резко и требовал объявления войны России [117]).

От имени французской делегации, которую представил граф Замойский, говорил Толен. Согласно английскому отчету, он сказал следующее: «Он и товарищи его делегированы парижскими рабочими, чтобы передать своим английским братьям чувства глубокого уважения и любви и чтобы побудить их к единому выступлению в пользу несчастной Польши. После этого он изобразил в ярких красках все ужасы той борьбы, которую ведет теперь Польша,—всегда борющаяся, израненная, истекающая кровью, но тем не менее все еще не укрощенная. В интересах цивилизации необходимо противопоставить плотину дальнейшим завоевательным стремлениям России. Вся Европа должна здесь единодушно притти на помощь и во имя человечества заявить свой протест с восклицанием: Vive la Pologne!». В заключение он напомнил о том добросердечии и гостеприимстве, с каким была встречена во время последней выставки в Лондоне французская рабочая делегация, членом которой он имел честь быть» [118]).

После Толена говорили еще Михаэль Барри, Стэнсби и Коннолли.

Мы не станем объяснять здесь, почему не была достигнута непосредственная цель этого собрания. Конечно, эта агитация заставила английское и французское правительства несколько оживить свою интервенцию в пользу Польши, а так как она была чисто платонической, то эта колеблющаяся политика послужила для России только поводом приняться за более энергичное подавление восстания. Но собрание 22 июля 1863 г. имело другие следствия, о которых вовсе не думали при устройстве его. За истекший год французские и английские рабочие встречались уже второй раз, и естественно возникала мысль о том, чтобы закрепить эти вновь завязавшиеся сношения. Но как это произошло?

Мы имеем перед собой свидетельства разных лиц, бывших близкими к этому делу; но, к сожалению, их утверждения все противоречат друг другу.

Так, Фрибур сообщает, что именно после этого митинга Толен и его товарищи, в своих беседах с англичанами, подняли вопрос о том, не было ли бы желательно установить постоянную связь между английскими и французскими рабочими. Согласно Фрибуру, в этих переговорах принимали участие Поттер, Колле, Оджер, Дюпон и другие. Но он не приводит никаких определенных указаний [119]).

Анонимный автор статьи в «Таймсе» (27 октября 1871 г.), дающий очерк истории М. Т. Р., изображает последовавшие за митингом события следующим образом [120]).

«После митинга французов пригласили в соседний трактир, где стали обсуждать этот вопрос и пришли к решению устроить на следующий день

вечером митинг в Bell Inn, Old Bailey, чтобы выяснить вопрос об осуществимости международного рабочего союза. Дж. Оджеру было поручено обдумать все это дело и представить проект основ для создания подобного союза. Но все это было так неожиданно, времени было так мало, а задача так важна, что ничего другого не оставалось, как удовольствоваться соглашением о необходимости создания международного союза. Оджер доказывал необходимость покончить с дипломатическими интригами, установить всеобщий мир и защищать труд от нападений капитала. Французы не имели ничего против этого, но они предпочитали временно сосредоточить все усилия на освобождении Польши. Был избран комитет, состоявший из следующих членов: *В. Кремера*, столяра; *Т. Гранта Фэси*, маляра; *К. Годдарда*, переплетчика и *Дж. Оджера*, сапожника. Было предложено обдумать вопрос и представить доклад о нем новому митингу. Комитет поручил Оджеру составить адрес к французским рабочим» [121]).

Гоуэлль, показания которого не всегда отличаются точностью, тоже считает началом М. Т. Р. митинг 22 июля и переговоры, завязавшиеся после него между английскими и французскими рабочими. «Непосредственным событием, повлекшим за собой основание М. Т. Р., был митинг в пользу независимости Польши, который происходил в Лондоне в 1863 г. в St. Martins Hall (?) и на котором присутствовала депутация из Парижа. После этого митинга несколько руководителей встретились в одном трактире, где завязались переговоры о создании «великого братства народов». Был послан в Париж адрес, подписанный пятью рабочими. Так возникло М. Т. Р.».

И проф. Бисли считает исходным пунктом М. Т. Р. митинг в St. James Hall, но он при этом смешивает первый митинг, на котором он председательствовал, с митингом от 22 июля и к тому же среди участников французской делегации называет Фрибура, не имевшего в то время никакого отношения к Толену и его группе. Он сообщает лишь, что перед возвращением французские делегаты имели конференцию с некоторыми из английских рабочих вождей, на которой было принято решение организовать международное товарищество. Оджер составил адрес к французским рабочим. Его перевели и отослали в Париж» [122]).

Факт этот был ему очень хорошо известен, так как он-то именно и перевел этот адрес на французский язык.

Фр. Лесснер, писавший свои воспоминания больше чем тридцать лет спустя после этого события, тоже упоминает о собрании в пользу Польши, но относит его к *апрелю 1864 г.*

«Поражение Польши было встречено повсюду с горячей симпатией. В апреле 1864 г. произошло в St. James Hall в Лондоне собрание английских рабочих с целью склонить общественное мнение в пользу поляков и оказать соответственное давление на лорда Пальмерстона, главу тогдашнего английского правительства. На это собрание послали депутацию и французские рабочие. После собрания образовался комитет из англий-

ских рабочих, пославших своим французским товарищам «братский адрес» (an address of fraternity) [123]).

Из всех этих рассказов можно вывести только одно заключение: после митинга 22 июля 1863 г. между английскими и французскими рабочими происходили переговоры; при этом было указано на необходимость более тесной и постоянной связи между рабочими обеих стран. Но остается неясным, что́ это была за конференция и в каких она находилась отношениях к официальному представительству лондонских профессиональных союзов. Мы сейчас увидим, что даже главные участники этих событий забыли очень важные факты.

Действительно, после митинга 22 июля тотчас происходило еще другое собрание. Но это была не частная беседа, а (как видно из помещенного в «Beehive» отчета) официальный торжественный прием, устроенный на этот раз лондонским Trades Council, как полномочным представителем лондонских рабочих. Это собрание, назначенное на четверг 23 июля, происходило, действительно, как рассказывает Эккариус в своей статье в «Таймсе»—в Bell Inn, Old Beiley [124]).

Согласно отчету в «Beehive» (25 июля 1863 г.) было только *пять* парижских делегатов: Перрашон (бронзовщик), Обер (механик), Бибаль (ткач), Когадон (каменщик) и Толен, фигурирующий в качестве шелкоткача.

Председательствовал на этом митинге *Фэси*. Переводчиком был *Журден*, подчеркнувший в своем вступительном слове, что освобождение рабочих является общим желанием английских и французских рабочих.

Ему отвечал Оджер. По его словам, английские рабочие видят в польском вопросе свое собственное дело, и они не допустят, чтобы лорд Пальмерстон и на этот раз принес в жертву Польшу, как он уже сделал это раньше. В качестве секретаря Trades Council он, совместно с Годдардом, Коульсоном, Эппльгартом, Бетлером, Поттером и другими членами совета, сердечно приветствует французскую депутацию от имени всего Совета Союза. Он выразил надежду, что вскоре настанет день, когда рабочие всех стран узнают друг друга, и вместо войн и рабства будут царить свобода и счастье [125]).

Кроме Оджера, с приветственными речами выступали еще *Поттер*, *Кремер*, *Годдард* и *Уоллэрдж*, вероятно, тот самый, который и в прошлом году выступил с речью на собрании 5 августа 1862 г.

Присутствовала также польская делегация, а один немецкий рабочий, Вебер, доказывал в своей речи благие результаты сотрудничества рабочих различных стран.

Под конец была единодушно принята резолюция об избрании комитета, который должен составить адрес и переслать его, через посредство «Beehive», французским рабочим.

Комитет был составлен из пяти членов. Но прошло больше трех месяцев, прежде чем комитет справился со своей задачей и предложил проект адреса новому собранию. В качестве локала упоминают опять Bell Inn,

Old Bailey, а датой называют *10 ноября 1863 г.* В качестве ораторов здесь выступали: *Оджер*, *Кремер*, Эглинтон, *Ниеасс*, Грэхем Эккрилл, Эппльгарт. Проект адреса был принят единогласно [126]).

Согласно некоторым указаниям, адрес этот был составлен Оджером [127]). Впервые он был опубликован в «Beehive» (5 декабря 1863), как «Address of english to french workmen». Мы приводим его далее в том виде, в каком он помещен в «Beehive».

«К рабочим Франции от рабочих Англии.

«Братья из Франции!

«Когда мы устроили свое большое собрание, чтобы выразить свое негодование по поводу преступников, причиняющих уже многие годы благородному, несчастному польскому народу страдания и наносящих ему самые тяжкие обиды, то вы порадовали нас своим посещением. Это внушает нам надежду, что мы увидим зарю более светлого и счастливого будущего для униженных и презираемых народов Европы.

«*Это посещение не могло иметь лучшего повода и высшей цели, чем дело Польши, которое освящено самопожертвованием, верностью и жертвенным героизмом народа, снискавшего себе в своей справедливой борьбе за свободу симпатии и удивление всех мудрых и добрых людей христианского мира, какого бы сословия—высокого или низкого—они ни были.*

«Мы гордились тем, что могли принять представителей свободы, мы любили, французы, вас, прибывших для того, чтобы начать—так долго откладывавшееся—дело прочного содружества народов. Никто не мог бы начать этого дела с бо́льшими надеждами на успех его, чем великодушные, полные энтузиазма, французы. Ваши способности в промышленности, ваше мастерство в искусстве, науке и литературе, ваша любовь ко всему, что прекрасно в искусстве и природе, обеспечили вам во мнении мира высокое место. И вы не могли утвердить его лучше, чем сделав шаги для объединения тех, на труде коих покоится вся жизнь, дабы их объединенные усилия в пользу свободы противостали влиянию тех, кто принес растление народам,—ибо они дают обещания, исполнить которые они никогда и не думают, ибо они одобряют договоры, которые держат в оковах слабые страны и которые разрываются по желанию сильных.

«Цари и властители имеют свои конгрессы и торжества; пышность и великолепие их воспеваются всем миром. Они нравятся легкомысленным и веселят богачей; в то же время они увеличивают бремя, под тяжестью которого задыхаются честные, трудолюбивые массы бедняков. На этих конгрессах санкционируются удачные преступления, а бессовестные министры легализируют их и прославляют злодеяния. Но мужи высочайших талантов и чистейших помыслов, дух которых не отступает перед притязаниями богачей и не потворствует порокам сладострастных дворов, мужи, которые вступают за свободу народов и права массы, ввергаются—если они спа-

саются от смерти—в темницы или, безжалостно изгнанные со своими семьями, должны искать на чужбине защиты и покоя, в которых им отказывает родина. Такое положение недостойно деяний наших отцов и постыдно для нашего времени. Поэтому мы предостерегаем всех тех, кто зрит эти злодейства и не принимает подходящих мер, какие им доступны, дабы они стали невозможными; мы заявляем, что, пренебрегая этой задачей, они несут солидарную ответственность за зло и рано или поздно поплатятся за свое унизительное равнодушие.

«*В качестве средства положить конец теперешнему злоупотреблению силой мы призываем вас к созданию братства народов. Созовем собрание из представителей Англии, Франции, Германии, Италии, Польши и всех тех стран, в которых имеется воля к общей работе на пользу человечества. Созовем свои конгрессы для обсуждения великих вопросов, от которых зависит мир народов.* Противопоставим наш разум и наше моральное право льстивости и грубости наших, так называемых, господ, и мы убеждены, что могущество деспотов будет ослаблено и что негодяи, позорящие высочайшие задачи человечества, злоупотребляя дарованным им доверием и сводя на-нет благороднейшие усилия человеческого гения, закончат свои дни в неизвестности. Это уравняет дорогу разумным, честным людям и даст им возможность двигаться вперед и работать не для привилегий немногих, а для прав масс.

«*Для дела рабочих крайне необходимо братство народов, ибо всегда, когда мы пытаемся улучшить свое социальное положение путем сокращения рабочего дня или повышения заработной платы, наши хозяева грозят нам, что они выпишут французов, немцев, бельгийцев, которым дадут нашу работу за меньшую плату; и мы, к прискорбию, должны сказать, что это действительно имело место, не по злой воле наших братьев на материке, но из-за отсутствия правильной, систематической связи между трудящимися классами всех стран, которая, надо надеяться, будет осуществлена, ибо наш принцип—уравнивать по возможности заработок хуже оплачиваемых с заработком лучше оплачиваемых рабочих—не позволит хозяевам использовать одних из нас против других, чтоб таким образом, в соответствии с их торгашеским скряжничеством, по возможности более понизить наш жизненный уровень.*

«Сделать это—задача народов. Немногие свободы наших предков были добыты ими в борьбе, и опыт снова и снова учит, что, чем более мы доверяем князьям и государям, тем скорее они предают и презирают нас. В доказательство этого пусть сравнят геройские дела итальянских борцов за свободу, имевших во главе одного из своих, с поведением тех, которые предали и ранили величайшего современного вождя, Гарибальди, после того, как они получили из его руки плоды его опасного предприятия, и которые таким образом дали ему кровавое доказательство неблагодарности правительств. Подумайте далее об уничтожении чужеземным деспотом римской республики, этого свободнейшего, честнейшего правительства, какое видела

когда-либо Европа; вспомните неблагородное нападение на свободное правительство Швейцарии и пагубное вмешательство в Мексике, только чтобы установить на место республики империю—форму правления, ненавистную подлинному духу мексиканцев и совершенно противоположную традициям и симпатиям всего народа той части света. Присоедините к этим преступлениям еще позорную и жестокую войну, которую наши правители вели в Китае сперва с войсками богдыхана, затем с мятежниками,—и наша позиция станет ясной, ибо, бесспорно, злодеяния эти и в будущем будут источником борьбы, если объединенные народы не воспротивятся этому.

«*Поэтому наш лозунг—«братство». Заключимте тесную связь со всеми людьми, которые нуждаются в мире и свободе, в промышленном развитии и в человеческом счастьи на всей земле.* Пусть отныне сильные и мужественные люди, вооруженные огнем и мечом, не дают себя вести для убийств и разорения, чтобы удовлетворить жадность торговцев к золоту, министров—к постам и тиранов—к завоеваниям; пусть отныне они живут, чтоб видеть счастье в своей отчизне и чтобы помогать слабым, старым, покинутым.

«*Мы говорим с вами: наше первое общее усилие пусть будет направлено для свободы Польши. Справедливость ее дела вопит о том, договорные обязательства требуют этого, и долг указывает путь.* Народы обеих стран должны сейчас же приготовить петиции и одновременно направить их своим правительствам, изложив в них бесспорность притязаний поляков на права воюющей стороны; петиции эти должны опираться на серьезное решение и впредь выступать на защиту этого народа, как он того заслуживает. *Мы должны сделать это, чтобы преодолеть козни тайной дипломатии (этого бича народов),—иначе она снова начнет свою адскую игру, поведет на смерть благороднейших сынов Польши, отдаст дочерей ее в добычу грубой солдатчине, а страну эту превратит—к вечному стыду и позору цивилизованного мира—еще раз в чудовищную бойню.*

За рабочий класс Англии: *Том. Грант Фэси* (маляр), председатель. Бюро: *Вилльям Кремер* (столяр), *К. Годдард* (переплетчик), *Джон Эглинтон* (печатник), *Джордж Оджер* (сапожник)».

Достаточно указать на подчеркнутые нами отрывки этого адреса, чтоб стало понятным значение собрания 23 июля 1863 года, как действительно исходного пункта событий и мотивов, повлекших за собой основание М. Т. Р. Мы видим, что если в Лондонской всемирной выставке и в митинге 5 августа 1862 г. вряд ли можно видеть даже случайные поводы к основанию М. Т. Р., то, наоборот, совещания 1863 г. играют совершенно иную роль. Мы видим, что старая легенда, связывающая основание М. Т. Р. с польским восстанием, подтверждается фактами. Но если это обстоятельство подало повод английским и французским рабочим объявить основным принципом своей политики братство различных народов, то адрес дает указание на другой факт, еще повелительнее диктовавший рабочим это содружество народов. Дело идет о необходимости для них *улучшить свое социальное положение путем сокращения рабочего времени или повышения*

заработной платы, что невозможно без международного объединения рабочих. В глаза сейчас же бросается принципиальное различие между адресом английских трэд-юнионистов и адресом английских рабочих на митинге 5 августа. Столь же коренным образом отличаются их политические тенденции. И в этом отношении — как мы увидим позже — вступительный адрес М. Т. Р. прямо примыкает к адресу английских рабочих, настаивающему на необходимости борьбы с «*козними тайной дипломатии*».

Если на составление адреса у английских рабочих ушло не менее трех с половиною месяцев, то потребовалось более восьми месяцев для прибытия в Лондон ответного адреса французских рабочих. Мы поймем, почему так затянулось дело с ответом, если бросим взгляд на события, разыгравшиеся во Франции в июле 1863 до августа 1864 г. Но прежде, чем мы проследим за судьбой английского адреса во Франции, мы считаем необходимым рассказать о главнейших фактах в английском рабочем движении после составления адреса: события эти мало известны, между тем они дают нам представление о среде, в которой протекала до-история М. Т. Р. на английской почве, и облегчают понимание раздиравших его впоследствии междоусобиц.

Мы начнем с эпизода, показывающего, что в профессиональных кругах в адресе видели декларацию лондонского Совета профсоюзов. Дело идет об оппозиции, оказанной адресу в профессиональном союзе переплетчиков.

Тотчас же после опубликования адреса к французским рабочим начался поход против Совета профсоюзов. В заседании его, происходившем 19 января 1864 года, Поттер резко выступил против Оджера. Он доказывал, что постоянная привычка Оджера давать свою подпись, как секретаря Совета профсоюзов, под различные документы повлечет за собой выход некоторых профессиональных союзов.

Вскоре после этого, 1 февраля 1864 г., на собрании переплетчиков, член союза, Джемс Камерон, внес предложение об отозвании из Совета профсоюзов представителя переплетчиков,—того самого *Чарльза Годдарда*, который, вместе с Оджером, подписал адрес,—потому, что этот адрес представляет собой политический акт. Предложение это встретило сочувствие большинства. В органе союза переплетчиков, в котором помещен отчет об этом собрании, перепечатан и адрес с критическими примечаниями редактора, т.-е. Т. Деннинга.

«Особенно забавной кажется претензия,—не имеющая под собой никакой почвы, ни тени авторитета,—будто этот адрес представляет мнение рабочих Англии». А о самом адресе Деннинг выражается следующим образом: «В своей напыщенности и в резкости своих обвинений он является недурным образцом красной республиканской литературы. Но как адрес, имеющий целью объединение для реальных задач рабочих Франции и Англии, он представляет собою глупейшую болтовню». Характерны заключительные строки, в которых Деннинг берет Наполеона под свою защиту от различных нападок. «Если верно, что—как нам сообщили—французский импера-

тор относится гораздо более сочувственно к коалициям рабочим, чем французское законодательство, то, безусловно, очень рискованно, с политической точки зрения, осыпать его ругательствами. Кто бы ни был автор этого адреса, непозволительно отводить свою душу и ухудшать республиканскими заявлениями положение французских рабочих, восстанавливая против них благожелательно настроенного к ним императора. Можно, конечно, думать, что адрес этот слишком незначителен, чтобы оказать какое-нибудь действие, но все же бессилие попытки не уменьшает ее безрассудности» [128]).

Но дело еще не дошло до открытого разрыва обеих, руководимых Поттером и Оджером, фракций. Пока только продолжали учащаться столкновения, и при каждом подходящем случае продолжали вспыхивать противоречия, нередко принимавшие чисто личный характер. Так это было по поводу агитации против Гладстоновского Government Annuities Bill (февраль 1864), уполномочившего почтовое ведомство продавать в рассрочку государственные аннуитеты. В этом случае оппозиция (вопреки утверждению Веббов) исходила не только со стороны «старых юнионистов», которые будто бы были против всякой связи между государственными учреждениями и делами рабочих, но и со стороны лондонского Совета профсоюзов и многочисленных Friendly Societies, которые видели в некоторых пунктах закона опасность для развития профессиональных союзов и добровольных обществ взаимопомощи. Против законопроекта высказались очень энергично не только Поттер, но также Кремер [129]) и Оджер. А когда Гладстон, после большого митинга, где председательствовал Поттер, защищая идею своего законопроекта, сделал некоторые выпады против профессиональных союзов, которые, по его мнению, построены на принципе насильственного подавления меньшинства, то лондонский Совет профсоюзов постановил в своем заседании от 15 марта 1864 года послать к Гладстону депутацию (Оджера, Эппльгарта, Коульсона), не для того, чтобы (как уверяют Веббы) «дезавуировать публично поведение Поттера и приветствовать план правительства использовать аппарат управления в интересах рабочего класса [130])», а для того, чтобы изложить ему возражения и опасения рабочих. И Оджер, и Эппльгарт протестовали против утверждения, будто профессиональные союзы представляют собою институты принуждения; они прибавили к этому, что недоверие рабочих объясняется тем, что правительство не сдержало своего неоднократного обещания расширить избирательное право. На делегацию произвел большое впечатление и рассеял ее опасения ответ Гладстона, откровенно признавшего, что либеральная партия действительно не исполнила своего долга, и столь же откровенно заявившего, что он ошибался в своем отношении к профессиональным союзам. Несмотря на это, когда Оджер, после этой беседы с Гладстоном, изменил радикально свою точку зрения, это дало повод к сильному недовольству им в рабочей среде. Весьма вероятно, что именно в связи с этим конфликтом началась его личная вражда с Поттером, тянувшаяся еще несколько лет.

До открытого разрыва между ними дошло уже во время посещения Англии Гарибальди (апрель 1864 г.). Оджеру и его друзьям удалось вытеснить Поттера из Working Men's Committee, подготовлявшего и руководившего всеми демонстрациями. В председатели Комитета был избран Оджер, а в кассиры—*В. Делль*, будущий кассир М. Т. Р. Когда Гарибальди, вскоре после оказанной ему грандиозной встречи в Лондоне, был вынужден, по настоянию правительства, покинуть Англию, то опять-таки Оджер, Эппльгарт, Кремер и Ниеасс были выбраны в рабочую депутацию, имевшую целью уговорить Гарибальди не уступать давлению правительства; они же, после отъезда Гарибальди, организовали демонстрацию протеста, рассеянную полицией [131]).

Деятельные вожди лондонских рабочих пользовались всяким случаем, чтобы поддерживать интерес рабочих масс к общественным вопросам. Так, по поводу трехсотлетия рождения Шекспира, они устроили массовую демонстрацию на Primrose Hill, после того как правительство запретило эту демонстрацию в Гайд-парке. Известный «Annual Register» замечает, что это было тогда единственное публичное выступление в Лондоне в честь Шекспира.

В начале июня эта группа делает новую попытку оживить интерес к движению в пользу расширения избирательного права. Толчок к этому подало заявление Пальмерстона в парламенте по поводу County Franchise Bill, предложенного Локком Кингом. Пальмерстон сказал, что в стране не замечается настоятельной потребности в реформе избирательного права. Поэтому Оджер и его друзья решили доказать, что это вовсе не так. Они опубликовали воззвание, в котором требовали избирательного права для всех лиц, неопороченных ни в моральном, ни в интеллектуальном отношении, — воззвание, подписанное *Оджером*, *И. Уэстоном*, *В. Кремером*, *Г. Дж. Фэси*. И уже 22 июня 1863 г. было устроено большое собрание в Freemason's Hall, под председательством Эдмонда Билса, на котором главными ораторами были опять-таки Оджер, Гоуэлль Дэвис, Уорли, Дж. В. Уилер, Дж. Б. Лено. В результате этой агитации была основана новая организация, конституировавшаяся под названием «Trades Unionist Manhood Suffrage Association» с Оджером в качестве председателя, в сентябре 1864 г., т.-е. как раз незадолго до митинга, на *котором было основано* М. Т. Р.

Но вернемся теперь опять во Францию. Адрес английских рабочих, как мы уже видели, был переведен на французский язык профессором Бисли и переслан парижским рабочим через Журдена. Это могло произойти не раньше конца ноября или начала декабря, может быть, еще позже. Во всяком случае, он прибыл в Париж в то время, как Толен и его друзья занимались подготовительными работами по выставлению рабочей кандидатуры. Дело в том, что в марте 1864 г. должны были происходить дополнительные выборы в первом и пятом парижских избирательных округах.

Задача с мая 1863 г. не стала легче. Подъем либеральной оппозиции еще более затруднял выставление рабочей кандидатуры. Не только Толен,

выставленный кандидатом, но и все демократы, поддерживавшие на этот раз его кандидатуру, вроде *Анри Лефора*, служившего посредником между рабочими и республиканцами, были заподозрены в политическом отношении [132]). За рабочей кандидатурой чуяли, казалось, новую попытку выдвинуть опять «красный призрак», чтобы скомпрометировать крепнущую оппозицию в рядах буржуазии; думали, что и здесь кроются какие-то связи с Пале-Роялем.

Чтобы побороть это недоверие и оправдать необходимость рабочей кандидатуры, решено было выпустить манифест. Манифест этот был выработан на нескольких собраниях, происходивших, по большей части, у Анри Лефора. Текст манифеста, в существенных своих чертах, принадлежал перу Толена [133]). Получив известность под именем «Manifeste des Soixante»,—по числу подписавшихся лиц,—он впервые появился в «Opinion Nationale» от 17 февраля 1864 г., а вскоре затем был перепечатан во многих парижских и провинциальных газетах; ввиду огромной важности этого документа, вводящего нас лучше всего в мировоззрение французских рабочих, которые были основоположниками М. Т. Р. во Франции и играли здесь долго главную роль, мы считаем необходимым изложить подробно ход мыслей его.

Манифест устанавливает вначале, что 31 мая парижские рабочие голосовали за список оппозиции и этим определенно доказали свою любовь к свободе. Правда, тогда была выставлена одна рабочая кандидатура, но в ее пользу приводили лишь соображения второстепенного характера, не развертывая в связи с ней великой идеи пауперизма. Это делалось ввиду исключительного характера и особенного положения выборов 31 мая 1863 г.

Но при предстоящих дополнительных выборах обстановка будет совершенно иной. Оппозиция одержала в Париже большую победу, и вновь выбранные депутаты ни в коем случае не увеличат ее силу. В вопросах политики мы также солидарны с оппозицией.

«Но из того, что мы солидарны в политике, следует ли, что мы солидарны и в вопросах социальной экономии? Принимаются ли реформы, к которым мы стремимся, учреждения, свободы, основания которых мы требуем, всеми теми, кто образует в Законодательном Корпусе либеральную партию? Вот в чем вопрос, вот где Гордиев узел ситуации».

Уже тот факт, что рабочие вынуждены защищать свое право на кандидатуру, доказывает, что их положение ненормально. Всеобщее избирательное право сделало их политически совершеннолетними, но им остается еще эмансипироваться в социальном отношении.

«Без конца, до отвращения повторяли, что больше нет классов: с 1789 г. все французы равны перед законом. Но мы, не имеющие иной собственности, кроме своих рук, мы, обязанные ежедневно подчиняться правомерным или произвольным требованиям капитала, мы, живущие под гнетом исключительных законов, вроде закона о коалициях и параграфа 1781, посягающих и на наши интересы, и на наше достоинство, — мы с трудом можем по-

верить этому утверждению. Мы, которые в стране, где мы имеем право выбирать депутатов, не всегда имеем средства научиться читать; которые, вследствие запрета собираться и устраивать союзы, не в состоянии организовать профессиональное образование и должны видеть, как это драгоценное орудие промышленного прогресса превращается в монополию капитала, — мы не можем питать эти иллюзии. Мы, дети которых часто в самом нежном возрасте проводят все свои годы в деморализующей и нездоровой обстановке фабрик или ученичества, представляющего теперь собственно особый вид домашнего рабства; мы, жены которых вынуждены покинуть свой дом, чтобы браться за противоречащую их природе чрезмерную работу и разрушать таким образом семью; мы, которые не имеем права сговориться между собой, чтоб мирно защищать свой заработок, чтобы обеспечить себя от безработицы, — мы утверждаем, что возвещенное законом равенство не существует еще в нравах и только должно быть осуществлено на деле. Кто не обладает капиталом и образованием и не может с помощью свободы и солидарности сопротивляться эгоистическим и угнетающим притязаниям,—тот должен, вопреки своей воле, подчиниться господству капитала и покориться чужим интересам».

Манифест подчеркивает дальше, что рабочие будут защищать свои интересы строго легальным путем. Они отнюдь не намерены использовать свободу, чтобы тотчас же организовать стачки. Они преследуют высшие цели и не желают растратить свои силы в повседневной борьбе. Они стремятся не к ниспровержению буржуазии, а к завоеванию для себя тех же свобод, какими пользуются средние классы. Пусть не обвиняют их, будто они мечтают о какой-то loi agraire, о каком-то химерическом равенстве, о дележе, о максимуме и принудительных налогах. Это—клевета. «Наш идеал—свобода труда, кредит, солидарность. В тот день, когда они, к славе и благосостоянию нашей дорогой страны, будут осуществлены, не будет более буржуа и пролетариев, хозяев и рабочих. Все граждане будут иметь равные права».

Далее идет опровержение аргументов против рабочих кандидатур. В Законодательном Корпусе принципы рабочих не представлены так, как бы они того хотели. Правда, там раздаются голоса в пользу рабочих, но никто не формулировал там ясно их требований. Рабочие не хотят, чтобы с ними обращались, как с гражданами второго сорта. «Мы не хотим быть клиентами; мы не хотим помощи; мы хотим, чтоб на нас смотрели, как на равных; мы отказываемся от какой бы то ни было милостыни; мы требуем справедливости».

Никто не утверждал, что будто могут исчезнуть незаслуженные бедствия, болезни, безработица. Никто не сказал, что закон о коалициях стал ненужным пугалом, что он только увековечивает то зло, против которого он якобы направлен. Что касается синдикальных палат, то в головах тех, кто их рекомендовал, образовалась странная путаница. Они думают, что эти палаты должны состоять из работодателей и рабочих, быть

своего рода «prud'hommes professionnels», которые должны решать повседневные конфликты. Рабочие, наоборот, хотят в действительности иметь палату, состоящую только из рабочих, выбранных всеобщим голосованием, они хотят рабочую палату, une Chambre du Travail.

Никто не рассказал, какое существует огромное движение среди рабочих в пользу организации кредита, движение, требующее опять-таки свободы.

Все те качества, которые отрицают у рабочих, — ораторский талант, образование, известное имя, — не составляют вовсе такой необходимости. Уже то обстоятельство, что они представляют интересы масс, придает им необходимый авторитет.

Всеобщее избирательное право, свобода печати, свобода союзов и собраний, отделение церкви от государства, установление бюджетного равновесия, муниципальные свободы, — всего этого рабочие желают так же страстно, как и либеральная буржуазия.

Но есть вещи, которые еще более дороги рабочим. Это — свободное и обязательное обучение и свобода труда. «Без нас буржуазия никогда не добьется этого».

И манифест резюмирует в следующих выражениях специфически политическое значение рабочих кандидатур:

«Усилить, дополняя его,—дело либеральной оппозиции. Она потребовала, в очень скромных формах, минимума политических реформ. Депутаты-рабочие потребуют минимума экономических реформ».

Как мы видим, в этом манифесте вряд ли можно видеть одно только сжатое повторение основных идей Прудона. И если это часто утверждали, то факт этот объясняется тем, что среди «шестидесяти» мы встречаем тех самых людей, которые впоследствии стали известны в М. Т. Р., как решительные защитники прудонизма. Наоборот, именно этот манифест заставил Прудона повторить еще раз свои основные идеи применительно к выставленной рабочими программе и придать им новую форму, доставившую им огромный успех среди большинства французских рабочих. Таким образом, его последний труд—навеянная ему «манифестом шестидесяти» книга «De la capacité politique des classes ouvrières», появившаяся вскоре после его смерти и после основания М. Т. Р. — стал главным источником, откуда французские члены М. Т. Р. черпали все свои аргументы [134]).

Уже факт участия в выборах не имел в себе ничего прудонистского. Ведь оно означало политическую акцию на основе всеобщего избирательного права, а Прудон еще в 1863 г. выступил решительно против всякого участия в выборах.

Манифест характеризуется вовсе не своей «теорией», которая представляет, собственно, попытку, исходя из общепризнанных формул, принимаемых и буржуазной демократией, вскрыть противоречие между этими формулами и действительностью. Авторы манифеста защищают не рабочую партию *в противоположность* всей буржуазной оппозиции, а рабочую

партию, которая только лучше представляет настоятельные злободневные требования рабочих, чем оппозиция. Манифест подчеркивает, правда, принцип, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Не в том смысле, что это освобождение означает коренной переворот в теперешнем хозяйственном строе, а в смысле использования всех возможностей, предоставляемых капитализмом. Авторы манифеста проповедуют не «классовую борьбу», а «сотрудничество классов». И посмертный труд Прудона потому и произвел такое огромное впечатление на Толена и его товарищей, что он давал им полную программу этой практической работы дня, при сохранении их политической независимости от либеральной оппозиции.

Но, пока, манифест «шестидесяти» не встретил благожелательного приема. Правда, его не замолчали, и он был перепечатан не только в парижских, но и во многих провинциальных газетах. Его много комментировали и за границей, особенно в Бельгии. Но недоверие было слишком велико. Ему тотчас же противопоставили другой манифест, в котором 80 рабочих отвергали идею самостоятельных рабочих кандидатур и выражали свое доверие оппозиции.

Мало помогло делу и то, что кандидатура Толена поддерживалась такими республиканцами, как Этьен Араго, Жан Масе, Бансель, и что Толен опубликовал в своем воззвании письмо Делеклюза, Ноэля Парфе и Лорана Пишо, в котором последние тепло рекомендовали его кандидатуру. Толен получил немного больше 400 голосов.

Как ни ничтожен был непосредственный практический результат этой избирательной кампании, рабочая кандидатура и сопровождавшая ее агитация имели огромное значение, пробудив равнодушные массы пролетариата из их летаргии. Можно сказать, что именно эта агитация побудила правительство серьезно приняться за вопрос об изменении закона против коалиций.

Новый закон 25 мая 1864 г. далеко еще не давал свободы коалиций. По новой формулировке статей 414 — 416 Code pénal был уменьшен размер наказания, но все же осталась прежняя произвольная судебная процедура [135]). Кроме того, в вопросе о праве собраний и союзов все осталось по-прежнему, т.-е. признавались противозаконными основание союзов без предварительного разрешения и всякое собрание, насчитывающее более 20 членов. Но при новом порядке все же оказалось возможным образование различных организаций, не находившихся в прямом противоречии с постановлениями Code pénal, что благоприятствовало стремлениям тех рабочих, которые держались в рамках существующих законов. Эту позицию занимали Толен и его товарищи. Правда, им было не легко одновременно вести и партизанскую войну против властей, и успешно защищаться от обвинений и подозрений революционного меньшинства парижских рабочих, которые старались, под руководством бланкистов, укрепить свою подпольную организацию.

Как трудно было им обойтись совершенно без помощи «буржуазных» элементов, показали не одни только дополнительные выборы в марте 1864 г. И при продолжении переговоров с английскими рабочими—которые были их собственным и самостоятельным делом—они должны были прибегнуть к сотрудничеству эмигрантов и оппозиционной интеллигенции. Тот самый Лефор, который оказал им столько услуг во время избирательной кампании, служил теперь посредником между ними и английскими рабочими. Как сам он рассказывает в своем письме в редакцию газеты «Rappel» (5 июля 1870 г.), он был делегирован в Лондон в 1863 г. группой парижских рабочих, чтоб предложить там конкретный план международного товарищества. Там его друг Ле-Любе, помогавший в качестве переводчика, ввел его на собрание английских рабочих, происходившее под председательством Оджера. Здесь был прочитан адрес парижских рабочих, встреченный с большим одобрением. В этом собрании Лефор видит исходный пункт М. Т. Р.[136]).

Из дальнейшего повествования видно, что дата этой миссии указана неправильно. «Мысль (об основании М. Т. Р.) была формулирована, а шаги к осуществлению ее сделаны группой рабочих, с которой я вступил в сношения по поводу рабочей кандидатуры гражданина Толена».

Чернов, следующий рассказу Лефора, не заметил этого противоречия. Между тем другая подробность, которую ему сообщил устно Лефор, должна была обратить его внимание на хронологическую неточность. Лефор рассказал ему, будто в собрании, под председательством Оджера, обсуждалась программа встречи Гарибальди в Лондоне. Но известно, что Гарибальди находился в Лондоне от 3 до 22 апреля *1864 г.*, т.-е. в период времени после мартовских выборов 1864 г.

Мы должны, следовательно, допустить, что Лефор был в Лондоне в апреле 1864 г. и что он передал англичанам ответ французских рабочих на известный нам адрес или какое-то другое сообщение. К сожалению, мы не можем сказать с определенностью, о каком плане говорит Лефор. При своих переговорах с английскими рабочими он пользовался услугами французского эмигранта Ле-Любе, с которым он познакомился еще во время своего пребывания на острове Джерси. Сам Ле-Любе утверждает в письме, что Лефор лишь *после выборов* узнал, что французские рабочие должны были ответить на какое-то письмо или какой-то «адрес» английских рабочих.

Толен утверждает, что когда Журден привез им английский адрес, который был прочитан на одном собрании, то он и друзья его решили ответить на него проектом большого рабочего конгресса.

«Но тогда наступили выборы 20 и 21 марта и связанная с ними предвыборная кампания, в связи с которой мы познакомились с господином Лефором, и это помешало нам немедленно приступить к дальнейшему обсуждению проекта конгресса. После выборов, на собрании, на котором я давал отчет, я предложил присутствовавшим нашим друзьям прочесть им составленный мною, как мне было поручено, ответ английским рабочим. Г. Лефор, присутствовавший на собрании и не знавший ровно ничего об

этом деле, спросил, о чем идет речь; ему объяснили, в чем дело, сообщили о проекте конгресса, он отнесся к этому сочувственно и выразил желание — так как он как раз собирался в Лондон—передать наш ответ». Это сообщение относится к 1865 г., и так как оно подтверждается и Ле-Любе, — стоявшим в споре между Толеном или Лефором, которым мы займемся позже, на стороне последнего, — то мы можем теперь принять, что посредником между парижскими и лондонскими рабочими в апреле 1864 г. были *Анри Лефор* и его друг *Ле-Любе*. Но другой вопрос, можно ли их поэтому считать настоящими основателями М. Т. Р. Так, например, Ле-Любе полагал, — и ему верит Неттлау, — что Лефору пришла в голову мысль основать международное товарищество только потому, что он, Ле-Любе, был в Лондоне.

«Он сказал себе: мои друзья Денуаль и Ле-Любе в Лондоне; последний должен знать свободомыслящих английских демократов; он говорит на обоих языках; как франмасон, он должен знать несколько «братьев» другой национальности; я еду в Лондон. Он остановился у нас, 4 New Cross Road, рассказал мне о своей идее и предложил мне подумать о выборе членов-основателей. Парижские рабочие направили его к Поттеру, редактору «Beehive» — иезуиту, который способен был продаваться кому угодно. Мне понадобилось 5 месяцев, чтобы подыскать хороших работников — англичан, поляков, немцев, итальянцев, швейцарцев и т. д. В заключение произошел митинг в St. Martins Hall».

Мы уже видели, что дело произошло не так просто. Здесь перед нами новое доказательство того, что оба приятеля, Лефор и Ле-Любе, ровно ничего не знали о подготовительных шагах, предпринимавшихся до марта 1864 г. Их противник, Толен, рассказывает нам о дальнейшей деятельности Лефора следующее (в письме к Ле-Любе):

«Мы дали ему этот ответ, равно как адреса господ Поттера, Боке и Журдена, и тут то и началась деятельность г. Лефора. Что он сделал в Лондоне для успеха дела, вы (Ле-Любе) знаете лучше, чем я, но вы не знаете того, что после своего возвращения в Париж, заметив, что мы недостаточно быстро следуем его указке, он через две недели перестал посещать наши собрания. Отсутствие его, однако, ничуть не помешало тому, что мы продолжали платить правильно взносы для расходов по отправке делегации в Лондон. Так как Лефор не приходил, то на розыски его снарядили нашего друга Перрашона, который должен был сообщить ему, что мы готовы к отъезду. Он обещал написать вам, господин Ле-Любе, чтоб известить вас об этом, но прошло две недели, а мы не имели никакого ответа; Перрашон снова отправился к Лефору, который ему ответил: «Я вижу промедление с вашей стороны; англичане подумали, что вопрос вас мало интересует и изменили свое намерение относительно устройства публичного митинга; вас примут только en famille члены рабочих союзов». Ему ответили: «Мы готовы, независимо от того, ожидает ли нас публичная встреча или нет». — «Хорошо, я напишу тогда и сообщу вам ответ». Наконец, после нового, последнего

визита Перрашона, Лефор сообщил, что определенно назначается публичный митинг, который состоится 28 сентября»

Прав ли Толен или нет, но факт тот, что снова прошло более пяти месяцев, пока, наконец, произошла намеченная более года назад встреча и передача ответа парижских рабочих.

В «Beehive» от 17 сентября 1864 г. мы находим следующее извещение:

> «Если народы Франции и Англии поймут свои обязанности и об'единятся, то великая проблема будущего будет разрешена.
>
> *Дж. Гарибальди.*

«В среду вечером, 28 сентября 1864 г., в St. Martins Hall состоится публичное собрание, на котором депутация от парижских рабочих прочтет ответ на адрес их английских братьев и изложит план для лучшего соглашения между обоими народами».

А в номере от 24 сентября мы находим еще письмо Дж. Уэстона, который предлагает лондонским рабочим оказать французским рабочим сердечный прием. Собрание, бывшее местом рождения М. Т. Р., произошло, действительно, 28 сентября 1864 г.

Так как отчеты об этом историческом собрании очень скудны, то в дальнейшем мы сделаем попытку привести все сообщения о нем, которые нам удалось раздобыть и которые принадлежат современникам или непосредственным участникам его. Самый подробный отчет мы находим в «Beehive» от 10 октября 1864 г.

Почти одновременно с отчетом в «Beehive» появился также принадлежащий перу Толена отчет в «Opinion Nationale». Он составлен в виде письма в редакцию и помечен 29 сентября [137]). Легко заметить, что он написан ad usum delphini и умалчивает о многом, чтобы не привлечь сейчас же внимания полиции к новому обществу. В нем не говорится ни слова о произносившихся на митинге речах. Дело идет, якобы, только об обсуждении различных вопросов, интересующих рабочих, как, например, свобода труда, свобода торговли, ассоциации и т. д. Чтобы легче было столковаться о всех этих вопросах, в 1865 г. в Брюсселе созывается международный рабочий конгресс.

Более подробный французский отчет о собрании мы находим в «Phare de la Loire» от 2 октября 1864 года. Речь Бисли передана здесь следующим образом:

«Он выразил в энергичной форме осуждение занятию Рима, но не забыл и занятия Гибралтара. Он произнес проклятие поведению России в Польше и на Кавказе. Он сказал, что поведение это имеет свой pendant в поведении Англии в Ирландии, в Китае, в Японии, в Ост-Индии и особенно в Новой Зеландии, где убивают туземцев, чтобы ограбить их. Там, воскликнул оратор, Англия еще более жестока, чем Россия в Польше, ибо маори хотели

жить под охраной английских законов, т.-е хотели того, что Россия требовала от поляков.

Если сравнить этот отчет с письмом Ле-Любе к Лефору [138]), помеченным 29 сентября 1864 г. и впервые опубликованным в книге Чернова, то сейчас же заметно, что оба эти документа в главнейшем совпадают. Можно было бы даже подумать, что отчет в «Le Phare de la Loire» составлен на основании письма Ле-Любе. Как мне сообщил Лефор, именно он и послал этот отчет в «Le Phare de la Loire».

Мы имеем еще другое дополнение к отчету «Beehive». В бумагах П. Везинье Неттлау нашел писанную рукой программу собрания и манускрипт прочитанного Ле-Любе проекта организации [139]).

П р о г р а м м а.

1) При открытии собрания — хор немецкого Комитета, под названием Мастерская (The Workshop).

2) Вступительное слово председателя.

3) Господин Оджер читает адрес английских рабочих к французским (и заявляет от имени Комитета о прекращении его существования) (эти слова зачеркнуты).

Господин Ле-Любе читает ответ французских рабочих.

Песня: «Социальное братство народов».

Речи господ Толена, Лимузена, Перрашона, французской делегации.

Речь господина Лефора, речь которого будет читать господин Ле-Любе.

Пение немецкого Комитета.

Резолюция, предложенная м-ром (пустое место). Поддерживается господином Деллом. Поддерживается господином Эккариусом, немецким рабочим.

Выборы Комитета.

Голосование благодарности председательствующему: предлагается господином Уэстоном, которого поддерживает господин Уайтлок.

Прочитанный Ле-Любе документ гласит следующее:

«М е ж д у н а р о д н ы й м и т и н г р а б о ч и х.

«Вместо того, чтобы полагаться для улучшения своего положения на провидение, вместо того, чтобы следовать христианскому учению «быть довольным тем состоянием, в которое провидению было угодно поставить тебя» или «не заботиться о завтрашнем дне», рабочие обеих стран, поняв-шие, что их интересы тождественны, что благосостояние одних не может быть задето, чтобы этого не почувствовали другие, решили заключить между собой и с рабочими других стран договор (bond) братства и солидарности, благодаря которому можно будет поднять положение всего ра-

бочего класса в каждой стране от более или менее *рабского и зависимого* до положения *свободных* и относительно *независимых* граждан.

«Их организационный план таков: выбирается Центральная Комиссия из рабочих различных стран, живущих в Лондоне, которая устраивает свои заседания в Лондоне; создаются другие подкомиссии в столицах и крупных городах Англии и Европы. Центральная Комиссия должна выбирать темы для обсуждения, которые одновременно разбираются и обсуждаются всеми подкомиссиями, сообщающими отчеты об этом; Центральная Комиссия должна издать на разных языках высказанные мнения и полученные выводы всех комиссий и подкомиссий. В ближайшем году представители всех стран, принявших участие в этом совещании, должны быть делегированы и встретиться в Бельгии, где будет происходить первый конгресс.

«Я считаю лишним доказывать, какие огромные выгоды принесет рабочим всех стран подобный конгресс, если он будет хорошо подготовлен и проведен с успехом. Это совершенно светское (secular) движение рассчитывает на помощь всех истинных друзей человечества» [140]).

Это все, что мы узнаем со стороны англичан и французов о собрании 28 сентября. Но мы знаем, что в нем принимала участие и немецкая эмиграция. Так, из выше приведенной программы мы видим, что Эккариус был выставлен в качестве одного из главных ораторов еще *до собрания*, мы знаем также, что Маркс, вместе с Эккариусом, был выбран членом временного Центрального Комитета уже на самом собрании. Поэтому возникает вопрос, в какой мере участвовали немецкие коммунисты в подготовительных работах по устройству этого собрания.

При решении этого вопроса некоторую помощь может оказать следующее место из письма Маркса к Энгельсу от 4 ноября 1864 г.

«Международное Товарищество Рабочих. Некоторое время тому назад лондонские рабочие послали парижским рабочим по поводу Польши адрес, приглашая их к совместным действиям в этом вопросе.

«Парижане прислали, с своей стороны, депутацию, во главе которой стоял один рабочий по имени Толен, рабочий кандидат на последних выборах в Париже, очень славный парень (и товарищи его были тоже славными ребятами). На 28 сентября 1864 г. был назначен митинг в St. Martins Hall Оджером (сапожником, председателем местного Совета лондонских профсоюзов и, в частности, также председателем Trades Unions Suffrage Agitation Society, находящегося в связи с Брайтом) и Кремером (каменщиком и секретарем союза каменщиков); эти двое устроили большой митинг, под председательством Брайта, в пользу Северной Америки в St. James Hall, также манифестацию в честь Гарибальди. Ко мне был прислан некий Ле-Любе с вопросом, не приму ли я участия pour les ouvriers allemands, и, в частности, не сумею ли я прислать на митинг оратора из немецких рабочих и т. д. Я направил Эккариуса, который очень удачно справился с делом, а я присутствовал тоже, как немая фигура, на платформе. Я знал,

что на этот раз здесь фигурировали действительные силы как с лондонской, так и с парижской стороны, и поэтому решил отказаться от своего обычного правила to decline any such invitations.

«(Ле-Любе, молодой француз,—т.-е. лет 30,—который, однако, вырос на Джерси и в Лондоне, прекрасно говорит по-английски и очень хороший посредник между французскими и английскими рабочими. Учитель музыки и французского языка.)

«На митинге, который был переполнен до духоты (ибо there is now evidently a revival of the working classes taking place), майор Вольф (Турн-Таксис, адъютант Гарибальди) представлял лондонское Italian Working Men's Society. Было решено основать «Workings Men's International Association», которое имело бы свой General Council в Лондоне и являлось бы «посредником» между рабочими обществами в Германии, Италии, Франции и Англии. Тоже должен был в 1865 г. быть созван в Бельгии общий Working Men's Congress. На митинге был выбран Provisional Committee: Оджер, Кремер и многие другие—отчасти старые чартисты, старые оуэнисты и т. д.—для Англии, майор Вольф и др. итальянцы—для Италии, Ле-Любе и т. д.—для Франции, Эккариус и я—для Германии. Комитету было дано право привлечь столько людей, сколько он сочтет необходимым» [141]).

В бумагах Маркса я нашел также два следующих письма—одно Эккариуса, помеченное 26 сентября 1864 г., другое—Кремера, помеченное 28 сентября 1864 г., которое в некоторых пунктах подтверждают его описание.

I

«Portland Place Westmorland Road, Waldworth S.
26 сентября 1864 г.

«Дорогой Маркс!

Я нахожусь в затруднении,—я должен говорить на одном публичном митинге по поводу одной программы, содержание которой я не знаю, языка которой я не понимаю. Оджер сумел вчера вечером (после 11 час.) сообщить мне только, что дело идет о печати, о каком-то конгрессе, о кредитном банке, взаимной поддержке в переездах и т. д. Если, может быть, французы были у тебя и ты знаешь содержание программы, сообщи мне, где и как найти какие-нибудь опорные пункты. Если я останусь в неизвестности и только завтра вечером услышу на митинге чтение программы, то я, наверное, смогу сказать об этом очень мало.

У меня сегодня очень много дела, не то я пришел бы сам. Привет от твоего *Г. И. Эккариуса*».

Письмо Кремера гласит:

II.

«Уважаемый сэр!

Комитет, который, как это указано в прилагаемом приглашении, организует митинг, почтительно просит вас оказать ему честь своим при-

сутствием. Предъявление этого письма послужит вам пропуском в ту комнату, в которой комитет собирается в 7 часов.

Доктору Марксу.

Преданный вам *В. Р. Кремер*».

У нас имеется еще сообщение, принадлежащее Лесснеру.

«Английские рабочие пригласили также членов «Коммунистического кружка рабочих для самообразования» на это собрание и выразили в то же время желание, чтобы мы обратились к Карлу Марксу, прося его быть на этом международном братании рабочих. «Коммунистический кружок рабочих для самообразования» отправил меня к Марксу. Я рассказал ему о желании английских рабочих, и, после нескольких вопросов об инициаторах и цели собрания, Маркс согласился явиться на него» [142]).

Эти указания не вполне совпадают с о словами Маркса. Неттлау; который из рассказа Лесснера делает тот вывод, что «во всем этом нет никакой речи о Карле Марксе», что он «стоял далеко от деятельного кружка, который, наконец, организовал собрание», приводит в пользу этого еще одно свидетельство, — именно Г. Юнга. «Т. Герман Юнг рассказывал одному русскому другу, что он перед основанием Интернационала писал к 14-ти деятелям 48 года и другим известным личностям (в их числе Луи Блану, Ледрю-Роллэну, Герцену, Бакунину, Маццини, Марксу, Эккариусу), но что из них ответили только Маццини и Маркс» [143]).

Мы не знаем, кто был этот русский друг. Возможно, что он воспроизвел в своей передаче точно рассказ Юнга. И, однако, тот факт, что Лесснер был предложен и выбран в члены Центрального Комитета М. Т. Р. лишь 1 ноября (не на втором заседании его, как рассказывает Лесснер, а только на четвертом), и точно так же и Юнг, — между тем как Мэркс был в Центральном Комитете с первого дня основания его, — этот факт заставляет нас сомневаться в словах Лесснера и еще более Юнга [144]).

Нижеследующее письмо Ле-Любе к Марксу, писанное через два дня после митинга, доказывает также, что Маркс играл известную роль еще до этого собрания и что как англичане, так и французы, с самого начала видели в нем авторитетного члена только что избранного Центрального Совета. Кроме того, из этого письма, как и из приведенного выше письма Маркса к Энгельсу, видно, что Маркс вовсе не всегда относился враждебно к Ле-Любе и его друзьям, как это полагает, не представляя никаких доказательств, Неттлау.

«4, New Cross Road.
1-е октября 1864 г.

«Дорогой гражданин!

Посылаю Вам адрес корреспондентов Товарищества в Париже:

Fribourg, graveur à l'eau forte, 4, Rue Fontaine des Ternes 18-me Arrondissement

H. Tolain, Rue Fontaine au roi, 29.
A. Limousin, passementier, Rue de l'Orillon, 34.

Прошу Вас передать мой почтительный привет г-же Маркс и Вашим дочерям. Жму сердечно Вашу руку.

Ле-Любе».

С той же решительностью, с какой Неттлау отрицает всякое участие Маркса в подготовительных работах к митингу в St. Martins Hall, Спарго приписывает обоим немцам первенствующую роль.

«Маркс и Эккариус изложили с полной отчетливостью Одлеру и другим вождям рабочих идею интернационализирования, и когда в апреле 1864 г. был устроен большой митинг протеста против жестокого подавления польского восстания, то прибыло 6 французских делегатов. На этом митинге была образована английская рабочая комиссия, которая должна была переслать своим французским братьям «Воззвание о братстве»... Эккариус был членом Комитета и был в курсе подготовительных работ; его деятельность, равно как и влияние Маркса, сказывались во всем при дальнейшей разработке плана. На одном из своих заседаний Комитет решил еще более расширить рамки подготовляемого им митинга, пригласив на него рабочих и других национальностей, главным образом, немцев и итальянцев. Таким образом движение стало ставить себе целью не англо-французский союз, но союз рабочих всех стран. Комитет желал в особенности сотрудничества «Коммунистического кружка рабочих для самообразования» по причинам, которые достаточно объясняются тем, что случилось впоследствии на митинге. Была принята особая резолюция о приглашении на международный конгресс этой организации. В резолюции выражалось «пожелание Комитета, чтобы доктор Маркс присутствовал в качестве делегата» [145]).

Рассказ этот звучит очень правдоподобно, но, к сожалению, Спарго не приводит своего источника. Рассказ Лесснера нам уже известен, но и он не говорит об этом ни слова. И Эккариус в своей статье о М. Т. Р. ни звуком не обмолвился обо всем этом. Очень вероятно, что Эккариус и Лесснер, как члены «Коммунистического кружка рабочих для самообразования» и в то же время, как члены английских профессиональных союзов, находились в контакте с вождями английских рабочих. Очень возможно также, что—как мы уже раньше упоминали—отношения эти завязались уже во время большой стачки строительных рабочих. Весьма вероятно также, что агитация в пользу восставшей Польши еще более укрепила эти отношения [146]). Но это и все, что мы имеем право утверждать на основании существующих документов. Верно только то, что присутствие Маркса на митинге 28 сентября и избрание его в члены Центрального Совета говорят с достаточной убедительностью в пользу того, что он не был чужд кружку который действительно организовал собрание и находился с ним—прямо или косвенно—в контакте [147]). К сожалению, и нижеследующее письмо проф. Бисли не дает нам ни одного

нового факта. Оно содержит в себе ответ на запрос лондонского корреспондента «Vorwärts» М. Беера, автора «Истории социализма в Англии»; и было опубликовано, как документ по истории М. Т. Р., по поводу 40-летнего юбилея его. («Vorwärts», 28 сентября 1904 г.).

«Первое собрание Международного Товарищества рабочих, на котором я председательствовал, состояло, главным образом, из английских трэд-юнионистов, самых интеллигентных и наиболее интересующихся общественными вопросами элементов (the most public spirited members) рабочего класса. Немногие из них—а, может быть, никто из них—принадлежали к какой-нибудь социалистической школе. Большинство из них, полагаю я, испугались бы названия социалист. Они стремились только к избирательному праву, чтобы устранить законы, враждебные профессиональным союзам. Они примкнули к «Интернационалу», ибо были преисполнены теплого братского чувства к своим товарищам по труду на материке, с которыми они чувствовали себя связанными теснее, чем с богатыми классами своей собственной страны. Они думали, что Интернационал может помочь в борьбе с войнами между народами и с милитаризмом.

«По моему мнению, это — главнейшая, если не единственная задача, которую может себе ставить с большой выгодой Международное Товарищество. Наиболее подающим надежду признаком нашего времени представляется мне успешная работа французской социалистической партии в этом направлении. Глубоко прискорбно, что милитаризм в Англии и Германии еще не натолкнулся на подобное сопротивление».

St. Leonards on Sea 18 сент. 1904 г.

Э. С. Бисли».

Только ради полноты мы приводим еще сообщение, которое имеет своим автором итальянца, якобы участника митинга. Амилькаре Чиприани, старый итальянский революционер, утверждает, что он был представителем итальянцев на митинге в St. Martins Hall. 19 августа 1910 г. он написал об этом итальянскому историку М. Т. Р., Джованни Доманико, следующее:

«Ты хотел бы узнать кое-что о моем участии в основании М. Т. Р. Было делом чистого случая, что я присутствовал на этом собрании, о котором тогда никто не догадывался, что оно станет таким знаменитым. Я был тогда проездом в Лондоне и познакомился с Марксом, Энгельсом и другими, имена которых я позабыл и которые стали впоследствии основоположниками М. Т. Р.

«Маццини получил приглашение явиться на митинг в St. Martins Hall (за Национальной Галлереей, Trafalgar Square). Но великий республиканец отклонил это предложение, и тогда некий англичанин, фамилии которого я не помню, попросил меня присутствовать вместо Маццини в качестве представителя Италии.

«Я сперва отказывался, но под конец принял приглашение, и на следующий день—28 сентября—мы все встретились в отныне историческом зале. За исключением трех или четырех лиц, все были мне незнакомы. Как

мне кажется, заседания происходили два дня. Чаще всего говорили Энгельс и еще двое других, имен которых я не знал. После того, как все было окончено, статуты и карточки отпечатаны и розданы, я снова вернулся в Египет» [149]).

Как ни бесспорна правдивость этого свидетеля, но рассказ его звучит так фантастически, что возникает даже сомнение, был ли вообще Чиприани в Лондоне в сентябре 1864 г. В качестве официальных представителей Италии фигурировали Вольф и Лама. Энгельс был тогда в Манчестере и, как мы видели выше, только от Маркса узнал о митинге. Заседание длилось не два дня, а только один вечер [149]). Мало того. В одном письме к своему другу, Паоло Валера, сам Чиприани пишет, что познакомился с Маццини только в 1867 г., через посредство Л. Вольфа и Доменико Лама [150]). Вся история объясняется, может быть, тем, что Чиприани послал тогда из Александрии в Египте от имени тамошнего товарищества рабочих адрес с выражением благодарности лондонским рабочим за прием, оказанный ими Гарибальди, и смешал этот факт, совпадающий хронологически с основанием М. Т. Р., с другими событиями, пережитыми им в Лондоне в 1867 г. [151]).

Что касается Маццини, то, хотя он впоследствии написал ряд статей о М. Т. Р. и своих отношениях к нему, но он, к сожалению, не сообщает ни одного факта об учредительном собрании М. Т. Р. Он даже не упоминает, что получил приглашение на митинг, и не объясняет, по каким мотивам он отклонил его [152]).

Это все, что дают нам наши, как мы видим, не очень богатые источники об историческом собрании 28 сентября 1864 г. В дальнейшем мы делаем попытку дать сводный отчет о нем.

Митинг в St. Martins Hall.

По предложению м-ра Бетлера председателем был выбран проф. *Бисли*. Встреченный громкими аплодисментами, он открыл собрание. Он сказал, что собрание это примыкает, в конечном счете, к депутации, посланной в истекшем апреле парижскими рабочими для присутствования на польском митинге в St. James Hall. В результате этого митинга был образован английский рабочий комитет, который составил братский адрес и переслал его парижским товарищам по труду. С этим документом связана теперешняя депутация, присланная французскими рабочими с ответным адресом. Цель данного митинга, это—оказать прием этой депутации и принять ответный адрес. (Одобрение.) Он глубоко убежден, что сегодняшний митинг будет иметь результатом сотрудничество и братские чувства между рабочими Англии и всех других стран (Слушайте! Слушайте!).

Затем оратор развил более подробно мысль о необходимости тесного союза между Францией и Англией, нужного для упрочения и поддержания свободы во всем мире. Он заклеймил несправедливость всякого правительства, нарушающего международные обязательства, и заявил, что английское правительство так же скверно, если даже не скверней, чем иные

континентальные правительства. Так, Англия держит в своих руках—вопреки требованиям права — Гибралтар, а поведение ее в Китае, Японии, Индии и в других странах — трусливо и беспринципно (Слушайте! Слушайте!). Он настоятельно убеждал всех присутствующих отказаться от всяких своекорыстных чувств, часто скрывающихся под именем патриотизма, и придерживаться лишь тех принципов, которые их совесть признает правильными и справедливыми. Затем он изложил различные методы, какими французы и англичане старались защищать право труда, и закончил свою в высшей степени содержательную речь при громких знаках одобрения.

Затем немецкий хор исполнил две песни, после этого *Дж. Оджер* прочел адрес, посланный английским комитетом парижским рабочим и встреченный теперь громкими знаками одобрения.

Потом *Толен*, один из французских делегатов, прочел, при большом энтузиазме собрания, ответ парижских рабочих на французском языке. Затем *Ле-Любе* перевел (г) на английский. Он был встречен громкими взрывами восторга. Вот что писали французские рабочие:

«Братья и друзья! Да, вы правы, чувство, собравшее нас, верный признак более благоприятного для освобождения народов будущего. Не должно быть больше того, чтобы цезари, лоб которых украшен сочащейся кровью короной, делили между собой ограбленные государями народы, опустошенные жестокими войнами страны. Снова Польша покрыта окровавленным саваном, а мы должны были оставаться бессильными зрителями этого.

«Один единственный угнетенный народ грозит опасностью для свободы всех других народов. Всякий свободный или желающий быть свободным человек обязан, во имя своего собственного достоинства, притти на помощь своим угнетенным братьям. Сомнения нет: нам придется бороться со многими трудностями и не один из нас погибнет в борьбе; но это не должно нас пугать. Свобода, прогресс — как и земля — нуждаются в удобрении.

«Опоясмемте поэтому свои чресла и будем радостно готовиться к борьбе. Голос народа должен быть слышен во всех важных вопросах политического и социального характера, чтобы дать таким образом понять деспотам, что настал конец их тиранической опеке.

«Поэтому, рабочие всех стран, желающие быть свободными, теперь настал ваш черед созывать конгрессы. На арене, наконец, снова появляется народ, осознавший свою силу и поднявшийся против тирании в политических отношениях, против монополии и привилегий в социальной экономии.

«Уже давно промышленность развивает, благодаря научным открытиям, свою производительную силу; употребление машин, облегчающее разделение труда, еще увеличивает мощь ее, между тем как торговые договоры, порождение учения о свободе торговли, открывают ей повсюду новые рынки.

«Промышленный прогресс, разделение труда, свобода труда — все это новые вещи, которые должны отныне привлечь наше внимание, ибо они

должны изменить коренным образом экономические условия общества. Под влиянием потребностей времени, под давлением фактов, капиталы концентрируются, объединяясь в мощные финансовые и промышленные товарищества. Если мы не станем защищаться от этого, то сила эта останется без противовеса и будет править нами деспотически.

«Мы оставим в стороне так часто раздающиеся по нашему адресу смехотворные увещания: «сберегайте!». Но мы видим, как аристократия будущего завладевает малейшими сберегательными кассами, как она, побуждаемая добросердечием и потребностью покровительствовать нам, — хотим ли мы того или нет, — делает все, чтоб отнять у рабочего, путем тысячи ухищрений, управление его маленьким капиталом, вместо того, чтобы пробудить его инициативу к собственному благополучию. Наши маленькие сбережения, поглощаемые этим Пактолом, скоро сделают из нас покорных слуг финансовых князей в то время, как разделение труда имеет тенденцию сделать из каждого рабочего колесико в руках высоких лордов индустрии. Перед лицом этой мощной, научно-продуманной организации склоняется все, все отступает, — человек, предоставленный самому себе, становится ничем: он чувствует каждый день, как свобода действий его, его независимость колеблются. Перед лицом этой организации гаснет индивидуальная инициатива или дисциплинируется, покоряясь этой организации.

«Труд есть закон человечества, источник общественного богатства, законная основа индивидуальной собственности! Он должен быть неприкосновенен, свободен! Но что бы ни говорили об этом первосвященники политической и социальной экономии, мы утверждаем, что в настоящее время труд лишен всего этого. Ученые теоретики, копающиеся в своих толстых книгах, — они формулируют аксиомы, получающие ужасное опровержение на наш счет. Они, повидимому, предпочитают рассматривать вопрос только с одной точки зрения, с точки зрения потребления. Согласно закону спроса и предложения рабочий для них только предмет мануфактуры. Ведь сказал же знаменитый английский государственный деятель: «Если два предпринимателя бегают за одним рабочим, то заработная плата поднимается; если два рабочих бегают за одним предпринимателем, то заработная плата понижается».

«Если капитал, этот могучий помощник труда, становится его беспощадным господином, то рабочий обрекается на голодную смерть. Это называют обменом равных услуг и свободой оборота. Если предприниматель, под давлением неблагоприятных обстоятельств, понижает цену труда, чтобы восстановить потерянное равновесие между собой и своими конкурентами, то это называют свободной конкуренцией. Точно свобода торговли должна иметь своим следствием только перемещение почвы, на которой идет борьба. Что за выгода для нас, в день всеобщего мира, от того, что прячут обратно пушки в наших арсеналах, когда мы — благодаря пару и электричеству — вынуждены заменить их еще более ужасными машинами разрушения?

«Свобода торговли — будь она дополнена свободой труда — не увеко-

вечила бы борьбы, а, наоборот, помогала бы искусству и гению каждого народа превратить под конец врагов в соревнователей.

«Так, из-за отсутствия профессионального образования, наука стала привилегией капитала. Благодаря разделению труда рабочий стал простым механическим орудием, а свобода торговли, без солидарности между рабочими, породит промышленное рабство, еще более безжалостное и роковое для человечества, чем то, которое наши предки уничтожили в великие дни французской революции.

«Это не крик ненависти, но призыв к пробуждению. Мы, рабочие всех стран, мы должны объединиться, чтобы противоставить непреходимую грань роковой системе, которая, в противном случае, разделит человечество на два класса: на массу невежественных людей и на кучку вельмож и перекормленнных мандаринов.

«Спасем себя путем солидарности!»

Ле-Любе заявил затем, что он хочет изложить перед собранием основные черты плана действия французских рабочих. Эти последние предлагают, чтобы в Лондоне была учреждена Центральная Комиссия из рабочих всех стран, которая по проекту должна была быть представителем Товарищества. Центральная Комиссия назначит подкомиссии, которые будут находиться во всех столицах Европы и будут сноситься с Центральной Комиссией в Лондоне. Центральная Комиссия должна ставить на обсуждение вопросы, которые в одно и то же время обсуждаются всеми подкомиссиями, пересылающими результаты своих работ Центральной Комиссии. В настоящее время нет возможности установить правила для руководства подобными объединениями, так как правила эти должны согласоваться с законами тех стран, которые входят в проектируемое объединение. Поэтому было предложено созвать в течение ближайшего года рабочий конгресс в Бельгии, на котором должны быть представлены рабочие различных стран и на котором будут рассмотрены вопросы, касающиеся выработки правил, необходимых для руководства объединением (Слушайте, слушайте!).

После того, как немецкий хор исполнил еще несколько песен, Ле-Любе прочел еще адрес, составленный Анри Лефором (английский отчет называет Лефора «организатором французского рабочего движения»).

«Граждане! Свобода — вот то первое слово, которое произносит громко или про себя каждый француз, прибывающий из Франции и вступающий на английскую почву. И мы следуем этому примеру, мы, имеющие возможность, благодаря свободе собраний, которой вы пользуетесь, предложить вам святой союз равенства. Равенство — вот также то слово, которое первым произносит англичанин, прибывающий из Англии во Францию [153]).

«Но если мы проанализируем глубже оба эти слова, то мы придем к печальному заключению, что вы, англичане, если я могу так сказать, в действительности несвободны, а мы, французы, столь же мало пользуемся равенством. Действительно, что такое свобода без равенства? И что такое равенство без свободы?

«Это—несовершенный организм, не обладающий всей полнотой жизни, на которую может надеяться в своем законном честолюбии человек.

«Кто говорит неравенство, тот говорит также унижение. И действительно, можно ли быть свободным по отношению к тому, кто ваш начальник — не в силу естественных способностей, соединенных с личным трудом, но в силу учреждений, создающих по своему произволу привилегии. И можно ли быть действительно свободным там, где свобода образует привилегию... Я определил деспотизм.

«Я думаю, что следует часто повторять эти истины, как важные элементы нашего прогресса. Свобода и равенство не могут существовать отдельно друг от друга, они взаимно дополняют друг друга, и мы должны остерегаться западни, расставляемой нам аристократами, которые противопоставляют свободу равенству.

«Прогресс может получиться только из соединения обоих, и вы должны поэтому с той же ревностью стремиться к завоеванию равенства, как и к завоеванию свободы.

«Я не думаю, подобно многим искренним друзьям народа, что все политические и социальные бедствия имеют своей причиной незнание. Конечно, незнание есть для духа темная ночь, в которой нельзя отыскать истину. Но я утверждаю, что в Англии,- благодаря свободе печати и собраний, а во Франции, благодаря Великой Революции 1792 г., благодаря революциям 1830 г., 1848 г., что благодаря всему этому, благодаря излучению этих свобод и революций, светоносные лучи которых — как бы ни отрицать это — все еще действуют и будут действовать, — я утверждаю, что этот мрак в значительной мере уже рассеян.

«Зло проистекает не столько от незнания, сколько из своекорыстия и из трусости. Да. Я прошу прощения у моих сограждан, которые приобрели такую репутацию на полях сражения, я оскорблю, может быть, их национальные предрассудки: Франция была бы теперь гораздо более великой, более славной, в лучшем смысле этого слова, если бы вы сохранили для завоевания политических и социальных прав ту энергию, ту французскую ярость, которую вы потратили на различных полях сражений, в бесплодных битвах, или, вернее, в битвах, принесших обильные плоды горя, ибо они содействовали лишь тому, чтобы усилить глупый предрассудок военной славы, чтобы поощрить неизменное честолюбие деспотов, чтоб питать ненависть между народами, чтоб еще более отдалить друг от друга эти народы и таким образом еще более облегчить работу всем угнетателям, живущим только этой враждой народов.

«Мы приходим к вам, чтоб положить конец этому положению, чтоб сказать вам: узнаем друг друга, полюбим друг друга, станем помогать друг другу.

«Мы приходим к вам, чтоб наслаждаться гостеприимством свободы и использовать ее для нашего общего торжества — равенства, справедливости. Каким образом? С помощью организации. Разъединение несет с собой бессилие как для отдельных лиц, так и для народов.

«Но мы можем добиться многого объединением всех знающих и всех дерзающих. Мы знаем корень зла. Чтобы найти и применить лекарство, должно искать, дерзать, бороться.

«Мы, французы, заперты в тесную темницу, в темницу дурно определенной законности, или, если угодно, законности хорошо определенной, если назвать ее настоящим именем,—произвола.

«Итак, мы сделаем все, чтобы—вопреки всем препятствиям—действовать без страха и упрека, чтобы склонить на свою сторону своей смелой предусмотрительностью даже самых робких.

«И все те, кто не довольствуется тем, чтобы возвещать справедливость в теории, а хочет и осуществить ее на деле,—они уж не будут иметь права сказать: если бы мы только знали, если бы мы только умели! Благодаря нашей и вашей инициативе они будут знать, будут уметь, будут хотеть.

«Каким образом? Я не могу не повторять этого достаточно часто: с помощью организации. Мы—батальон, станем полком, армией. Пора уже положить конец вечным призывам к доброй воле наших противников или врагов.

«Кромвель говорил: «Полагайтесь на бога и... сохраняйте свой порох сухим».

«И хорошо было сказано: мир—благомыслящим людям. Да. Война—злоумышляющим!

«Будем полагаться на самих себя! Не будем думать, подобно иным, углубившимся в свои абстракции, философам, что прогресс есть некий фатальный процесс. Прогресс есть не что иное, как результат наших усилий. Не следует ожидать своего спасения от силы вещей. Это одно из тех ходячих, но неудачных выражений, которые столь же обманчивы, как и банальны. Не следует ждать, приспособляться,—должно ходить, должно бороться. Надо использовать силу людей, силу, которой все вы обладаете в известной мере.

«Вещи пассивны и ценны лишь благодаря оказываемому нами на них воздействию. Только от нашего знания и энергии или от нашего незнания и апатии зависит превращение их в элементы добра или зла.

«Что такое труд? Вы, трудящиеся, знаете это отлично. Это—напряжение, борьба с вещами, чтоб приспособить их для нашего пользования. Сила вещей преодолевается силой человека, интеллектуальной, моральной и материальной силой.

«Станем ждать своего счастья от силы людей и станем сильными, объединившись.

«Мало верят тому, что каждый из нас может стать путем личных своих усилий, как бы они ни были или казались малыми, фактором всеобщего прогресса. Мало оценивают силу личной инициативы.

«Мои друзья, говорящие по-английски, сделают вам доклад о предлагаемых нами вам средствах осуществить солидарность рабочих, организовав объединение их во всех тех странах, где они хотят завоевать социальное равенство».

Затем *Уилер* внес следующую резолюцию:

«После того, как данное собрание прослушало ответ наших французских братьев на наш адрес, мы еще раз приветствуем их, и так как их план рассчитан на то, чтоб содействовать солидарности рабочих, то собрание принимает предложенный проект, как основу для международного товарищества. Одновременно с этим оно назначает комитет, полномочный пополнить себя новыми членами, и поручает ему выработать статуты и регламент для предполагаемого товарищества».

В превосходной, как говорится в английском отчете, речи *Уилер* с силой защищал необходимость принять эту резолюцию и выразил свою радость по поводу зрелища переполненного собрания. Французские товарищи, если вспомнить французский деспотизм и суровость французского законодательства о союзах, заслуживают высокого доверия за свой образ действия (громкие возгласы одобрения).

Виллъям Делль поддерживает резолюцию. Он объяснил рабочим, что они не должны ограничиться тем, чтобы присутствовать сегодня вечером на собрании, поднимать руки вверх за резолюцию,—они должны серьезно и усердно работать, чтобы митинг дал свои плоды. Он с большой энергией указывал на тот путь, идя которым рабочие могут содействовать достижению результатов, намеченных митингом. Закончил он свою речь при громких аплодисментах.

Резолюцию поддержали еще в своих отличных, практического характера, речах немецкий рабочий *Экхариус*, *майор Вольф* от имени итальянских рабочих, французский рабочий *Боске* и *Форбс*, обративший внимание собрания на страдания Ирландии.

Затем резолюция была поставлена на голосование и принята.

Был образован многочисленный комитет из рабочих каждой национальности для осуществления основных идей резолюции.

Имена членов комитета следующие: *Блэкмор*, Уайтлок, Фокс, *Нивасс*, Нобль, *Гартуэлль*, *Оджер*, Грей, Стенсби, Уэстон, *Кремер*, Морли, Пиджон, Лэкрафт, Лонгмейд, *Ле-Любе*, Уилер, *Лено*, *Лама*, *Экхариус*, Тримлетт, *Гоуэлль*, *Жюль Денуаль*, Шоу, *Шерман*, Осборн, Ричардсон, *Фэси*, *Годдард*, Кетрик, Боске, д-р *Маркс*.

В заключительном слове, последовавшем за этими речами, выражалась сердечная благодарность профессору Бисли за его руководство собранием и за энергичную защиту им интересов труда. Собрание закончилось тремя виватами в честь французских рабочих и тремя виватами в честь рабочих всех других стран.

Когда происходил митинг в St. Martins Hall, польское восстание, которое можно, бесспорно, рассматривать как повод для первой встречи между французскими и английскими рабочими в июле 1863 г., было уже давно окончательно подавлено. Не было никаких надежд на возможность скорого освобождения Польши. Предполагавшееся давление на оба правительства в пользу Польши ни к чему не привели. Русское прави-

тельство, обеспечившее себе помощь Пруссии конвенцией 8 февраля 1863 г., не щадило средств, чтобы по возможности скорей справиться с восстанием. Параллельно с беспощадными репрессиями шла политика реформ в пользу польского крестьянства, снискавшая русскому правительству не только одобрение всей либеральной печати Европы [154]), но и благожелательное отношение Прудона [155]).

Правда, Бисли в своей вступительной речи еще упоминает Польшу, но на-ряду с другими угнетенными народами. Точно так же Толен говорит и о том, что обычно считают главным поводом и содержанием речей на учредительном собрании М. Т. Р., только для того, чтоб констатировать неудачу всей акции в пользу Польши. Как и в английском адресе, теперь на первый план выступает другой вопрос: каким образом могут рабочие различных стран помешать насильственной политике правительств и положить конец взаимной травле народов?

Этот вопрос уже поставлен в английском адресе, и на него там дан ответ.

«Мы призываем вас к созданию братства народов, видя в этом средство положить конец злоупотреблению силой. Созовем собрания из представителей Франции, Англии, Германии, Италии, Польши и всех тех стран, в которых имеется воля к общей работе на пользу человечества. Созовем свои конгрессы для обсуждения великих вопросов, от которых зависит мир народов».

Толен, поэтому, ошибался, когда он писал, что они, по прочтении английского адреса, решили ответить проектом большого рабочего конгресса. Было бы правильнее сказать, что они, с своей стороны, присоединились к этому проекту.

Английский адрес имел еще и в другом отношении руководящее значение. Он наметил линию для будущего объединения рабочих и мотивировал ее необходимостью общей борьбы с предпринимателями.

Английский же адрес наметил для будущего М. Т. Р. одну из его важнейших задач—*борьбу с кознями тайной дипломатии* (*этого бича народов*).

А что мы находим в французском адресе? Прежде всего и он протестует энергичнейшим образом против всякого притеснения народов. И французские рабочие стоят за то, чтоб возможно скорее созвать конгресс рабочих всех стран. И он указывает на экономические отношения, но, в отличие от английских рабочих, выдвигающих в качестве исходного пункта профессиональную борьбу, Толен и его товарищи подчеркивают определяющее влияние, которое имеют развитие производительных сил и следующая за ним концентрация капиталов, равно как господство могущественных финансовых и промышленных товариществ. Именно поэтому они хотели бы выдвинуть, при будущих совещаниях, на первый план вопросы промышленного прогресса, разделения труда, свободы торговли.

Если в этом адресе мы еще не встречаем специфических особенностей прудонизма, то все же он, в сжатой форме, повторяет прудоновскую критику капиталистической конкуренции и монополии.

Адрес кончается указанием на вредное действие разделения труда и рекомендацией профессионального образования.

Речь Лефора не содержит ничего, что могло бы заставить нас видеть в нем «подлинного социалиста», который, как думает Неттлау, мог бы, в отличие от «профессиональных политиков и вожаков рабочих», придать будущему М. Т. Р. определенно социалистический характер. Не только речь эта, оставшаяся неизвестной Неттлау, но и все, что мы знаем о Лефоре, говорит против этого утверждения. Лефор и в шестидесятых годах и позже не был никогда социалистом, а был демократом, симпатизировавшим рабочему движению и видевшим в кооперативных товариществах лучшее средство поднять положение рабочих. И когда в своей речи он указывает на необходимость организации, то он так же мало имеет в виду профессиональную организацию, как и политическую.

Если мы резюмируем все, что было сказано и предложено на митинге в St. Martins Hall, то мы придем в следующему результату.

Всеми подчеркивалась необходимость международного объединения рабочих различных стран, чтобы подготовить почву для действительного братства народов. Французы развивали социалистическую программу так же мало, как и англичане. Поляки, итальянцы и ирландцы напоминают о своих национальных требованиях. Что сказал единственный немец, говоривший на этом собрании—Эккариус,—остается нам неизвестным.

Если английские рабочие подчеркивали скорее полезность международной профессиональной деятельности, противоречие между рабочими и капиталистами, то французские рабочие изображали гораздо подробнее пагубное действие господствующего экономического строя на мелких производителей и подчеркивали необходимость охраны труда, как основы индивидуальной собственности. И те и другие видели в недостатке солидарности источник слабости рабочих в их борьбе с капиталистами.

Что касается формы будущей международной организации, то, согласно принятой резолюции, она сводилась попросту к международному дискуссионному обществу, рассматривающему и обсуждающему все интересующие рабочих вопросы. В резолюции не говорилось вовсе о международной организации рабочего класса, ставящей себе целью какие-нибудь практические шаги—политическую или профессиональную деятельность в международном масштабе.

Вот и все, что имели в качестве директив члены новоизбранного временного центрального совета будущего М. Т. Р., когда, после собрания в St. Martins Hall, они впервые сошлись для исполнения возложенной на них задачи: выработать статуты и программу нового международного общества. Еще не было выбрано даже название этого общества. Временный центральный совет должен был, на собственный риск и страх, влить принципиальное содержание в новую форму. Формулировка этой программы была таким образом предоставлена борьбе мнений в самом центральном совете. *Д. Рязанов.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) «Thus the anxiety of the upper classes in Europe is embittered by the conviction that their very victories over revolution have been but instrumental in providing the material conditions in 1857 for the ideal tendencies of 1848. The whole epoch from the middle of 1849 down to the present appears, then, as a more respite given by history to Old European Society, in order to allow it a last condenced display of all its tendencies. In politics, adoration of the sword; in morals, general corruption and hypocritical return to exploded superstition; in political economy, the mania of getting rich without the pains of producing—such have been the tendencies manifested by that Society during its counterrevolutionary orgies of 1849—56». [*K. Marx*], The monetary crisis in Europe, «New-York Tribune», 15 October 1856.

[2]) Ср *G. T. Holyoake*, Self-Help by the People, History of Cooperation in Rochdale. Еще в 1850 г. Рочдельское общество имело всего 600 членов и оборот в 10.179 ф. ст., а в 1857 г.—1858 членов и оборот в 79.788 ф. ст. Книжка Холиока впервые использована была на русском языке в статье И. К., Рочдельское общество взаимного вспомоществования, Современник, 1860 г. Апрель. Имеется русский перевод с 10-го издания *Дж. Холиок*, История рочдельских пионеров, Харьков, 1919. Ему же принадлежат: The history of cooperation in Halifax and of some other institutions around it, и сводная работа The history of cooperation. Первую попытку дать научную сводку данных об истории кооперации в Англии представляет работа Беатрисы Поттер теперь Вебб): The cooperation movement in Great Britain, London 1891. Новые и более полные работы принадлежат *G. R. Fay*, Cooperation of Home and Abroad и *T. Cassan*, Die Konsumvereinsbewegung in England. (Есть русский перевод, но очень сокращенный). Истории Кооперативного Общества Оптовых Закупок посвящена большая работа *Percy Redfern*, The story of C. W. S. The jubilee History of the Cooperative Wholesale Society Ltd. 1863—1913. Manchester, 1913; написана по обычному типу юбилейных изданий, но дает много исторических и биографических данных. Движение в пользу организации производительных товариществ в начале пятидесятых годов исходило главным образом от «христианских социалистов»—Морриса, Кингсли. Ледлоу, Ванситтарта, Ниля. Ср. *Kaufmann, M.* Der neuere christliche und christlich-reformatorische Socialismus in England. «Hdw. d. Stw.» 3 Auflage, Band VII и *Grünberg, C.* Christlicher Socialismus. «Wörterbuch der Volkswirtschaft,» Band I. Кроме перечисленной там литературы следует указать *Colwin E. Vulliamy*, Charles Kingsley and Christian Socialism, 1914, и в особенности *Charles E. Raven*, Christian Socialism, London, 1920. Последний автор подробно выясняет роль, которую играли «христианские социалисты» в выработке закона 1852 г.

[3]) Ср. *Hasbach*, Das englische Arbeiterversicherungswesen, 1883, *Baernreiter*, Die englische Arbeiterverbände und ihr Recht, 1886.

[4]) Ср. *Ernst Schultze*, Die geistige Hebung der Volksmassen in England, 1912. К сожалению, книга *A. Dobbs*'a, Education and Social movements, 1919, прослеживающая связь между историей просвещения в Англии и ее социальными движениями, доводит изложение только до пятидесятых годов XIX столетия. Об английских позитивистах см. *Schulze-Gävernitz*, Zum Socialen Frieden, 1890. Band II, pp. 1—77. Беер в своей истории английского социализма совершенно умалчивает о роли английских позитивистов в рабочем движении, переоценивая в то же время значение «христианских

социалистов» и английских фритредеров. Ср. *Harrison, F.* Autobiographic Memoirs, Vol. I London, 1911, *F. S. Furnivall*, A volume of personal record, London, 1911.

[5]) *Marx*, Das Kapital, Band I, 1867, p. 273.

[6]) *S. and B. Webb*, The history of Trade-Unionism, 1920, pp. 224—5.

[7]) *Webb*, pp. 224—5. *Raven*, Christian Socialism, Chapter VII: Cooperative Production and the Trades Unions.

[8]) Когда двадцать лет спустя члены французских и швейцарских секций первого Интернационала увлеклись такими же экспериментами, Герман Юнг, секретарь генерального совета для Швейцарии писал Гильому (июнь 1870): Je partage aussi vos vues sur l'emploi des fonds (destinés à la résistance) à des travaux coopératifs; Aubry croit avoir trouvé la clef de la solution dans la grève productive; erreur, mon cher, erreur fatale; il y a vingt ans que les sociétés anglaises ont essayé l'emploi de ces fonds à la coopération productive et elles n'ont trouvé que déceptions et ruine; la société des mécaniciens a dépensé des 100.000 livres pour fonder des ateliers à quelques milles de Londres ou les ouvriers en chômage trouvaient de l'occupation; pour pouvoir cheminer ils étaient forcés de vendre leurs produits au dessous de prix des fabricants, 500 ouvriers n'avaient pas plus tôt commencé à travailler dans l'atelier coopératif qu'ils en déplaçaient 500 autres employés jusqu'alors chez des patrons; les fonds destinés à nourrir les ouvriers en chômage étaient engloutis par l'atelier, et ces pauvres diables pour vivre étaient forcés d'offrir leur main-d'oeuvre au-dessous du prix; une concurrence effrené s'établit bientôt entre l'atelier coopératif et les patrons ou plutôt les ouvriers travaillant chez les patrons, bientôt la société se voit forcée de renoncer à l'atelier après avoir subi des pertes immenses «in useless experiments». Mémoire de la Fédération Jurassienne, Sonvillier, 1873, p. 135.

[9]) *Hughes, T.* Account of the lockout of engineers in 1851—52, в сборнике Trades Societies and Strikes. London, 1860. cc. 169 — 206; *Brentano.* Zur Geschichte der englischen Gewerkvereine, Leipzig 1871. pp. 173—232. The Amalgamated Society of Engineers, Jubilee Souvenir, London, 1901.

[10]) *Webb*, loco cit., p. 227.

[11]) Примером могут служить стачки сапожников в Нортгэмптоншире в 1857—1859 г.г.

Ср. *Ball, J.* Account of Northampton Boot-and Shoemakers' Strike в указанном уже сборнике Trades Societies and Strikes pp. 1—9. Стачечники пользовались поддержкой своих лондонских коллег. В биографии будущего председателя Генерального Совета М. Т. Р. Оджера, который был очень квалифицированным сапожником и работал на фирму Goodyear, упоминается, что он был противником борьбы против введения машин в сапожном производстве, которая послужила главной причиной этих стачек. «The Bookbinders Trade Circular», 1877, April 28 и November 20.

[12]) Комитет организован был не осенью 1858 г., как утверждают Веббы, а 3 июня 1859 г. Меморандум 18 ноября был вторым. Ср. Account of the Strike and Lockout of the building Trades in London in 1859—60, by *Thomas Bennet* and *G. Schaw Lefevre*. Trades Societies and Strikes, pp. 52—76.

[13]) Ср. «Das Volk», London 1859 N. 14 (Sonnabend, 6 August), N. 15 (13 August), N. 16 (30 August). Сотрудники: Маркс, Энгельс, Либкнехт, Эккариус. Кроме заметок в политическом обозрении стачке посвящены еще следующие статьи: «Eine kommerzielle Ansicht über den Streik» von einen Kaufmann и «Die Presse und der Streik» von einem Arbeiter (Eccarius). «Die Arbeiter beklagen sich, dass sie für ihre Arbeit nicht genügenden Lohn empfangen, dass die fortwährende Einführung von Maschinen die Zeit ihrer Beschäftigung, auch gewöhnlich den Betrag ihrer Einnahmen verringere. Als vernünftige Menschen können sie nicht dem Gebrauche und der Vervollkommnung der Maschinen, wodurch die Arbeit erleichtert wird, entgegentreten; aber sie behaupten, dass durch die Arbeitsverminderung der Schaden nur auf sie zurückfällt».

[14]) Из Глазго — 866 ф. ст., из Дублина — 360, из Манчестера — 837, вместе из 240 местностей вне Лондона—8190, а в самом Лондоне было собрано — 14.974, в том числе было получено от объединенных машиностроителей — 3100, от печатников — 620, от котельщиков — 655: суммы, которые тогда поражали своими размерами и вызывали величайшее удивление буржуазной публики. К строительным рабочим причислялись: bricklayers (кирпичники), masons (каменщики), plasterers (штукатуры), carpenters (плотники) и joiners (столяры), как главные профессии, и пять вспомогательных: smiths (кузнецы), platers (кровельщики), painters (маляры), plumbers (паяльщики) и glaziers (стекольщики). Для настроения даже либеральной буржуазии характерна статья: Secret Organisation of Trades в органе английских либералов «Edinbourgh Review», 1859, October. «Many of the largest builders have declared that they had rather wind up their concerns and retire at a considerable loss from the trade, than attempt to execute great contracts whilst they are at the mercy of the Trades Unions. On the other hand, the conflict has been sustained with astonishing force by the men; which always means by their Union leaders». Автор приводит непонятный для него факт классовой солидарности рабочих, отказывающихся подписать позорный «документ».

[15]) *Evans H.* Sir Randal Cremer, his life and work. London 1909. pp. 25—26. «It was during this agitation that I made my first speech in London in favour of the objects of the movement. I was then working as a journeyman, and some time after I was appointed a delegate from the shop where I was working to the council of the movement». Биограф Кремера говорит, что «ultimately Cremer became a member of the «Conference» which consisted of seven men from each branch of the building trade» и после «was sent into the country, and during the campaign made more then a hundred speeches».

Характерно, что Веббы даже в новом издании своего труда не упоминают ни одним словом о той роли, которую играл в забастовке строительных рабочих будущий генеральный секретарь I Интернационала.

[16]) Эккариус цитирует следующее место из «Economist»'а: «Предложение товара, который имеется в распоряжении строительных рабочих, превышает спрос, и когда они для проведения этого противоестественного требования — девяти часов труда — принуждают своих коллег принять участие в забастовке, то они совершают преступление, которое трудно отличить от грабежа, противозаконного лишения свободы и телесного повреждения». И Эккариус отвечает «Экономисту»: «Взгляд капиталиста основывается на бухгалтерских книгах, взгляд рабочего — на требованиях желудка. Сокращенное рабочее время без сокращенной заработной платы — единственное требование, которое рабочие могут предъявить, не затрагивая основ буржуазного способа производства. Инстинкт самосохранения, которому угрожают гибелью, нельзя успокоить никакими научными аргументами о спросе и предложении». Маркс и его товарищи в Лондоне внимательно следили за всеми перипетиями этой борьбы. В «Капитале» можно отметить не одно место и даже не одну главу (о рабочем дне и форме заработной платы), в которых заметны явственные следы «теоретического потребления» стачки строительных рабочих.

[17]) «Весьма важную роль в этом конфликте играл вопрос о *форме оплаты заработной платы*. Так, рабочие энергично протестовали против попытки навязать им определенную форму часовой платы, которая давала возможность капиталистам, уплачивая якобы «нормальную цену труда», удлинять рабочий день за пределы всякой нормы без соответственной компенсации для рабочего. Поэтому «лондонские строительные рабочие поступили вполне рационально, восстав в 1860 г. против попытки капиталистов навязать им такую часовую плату». В другом месте Маркс опять возвращается к этой теме: «Совершенно правильно оценили существо дела лондонские строительные рабочие, когда они заявили во время большой стачки и локаута 1860 г.

что они могут согласиться на часовую плату лишь при соблюдении двух условий: 1) на ряду с ценой рабочего часа должен быть установлен нормальный рабочий день в 9 или 10 часов, при чем час 10-часового дня должен оцениваться выше, чем час 9-часового и 2) каждый час сверх нормального дня должен, как сверхурочное время, оплачиваться по соответственно повышенной оценке».

[18]) В некоторых городах — Ливерпуле, Шеффильде и в первую голову в Глазго — существовали уже прежде местные картели профсоюзов. Но и эти предшественники новых Trades Councils реорганизовывались под влиянием стачечной волны 1859—1860 г.г. и развили энергичную деятельность, чтобы поддержать лондонских строительных рабочих. Секретарем глазговского Council of United Trades был в 1854 г. портной Мэтью Лоренс (Matthew Laurence), который несколько лет спустя вместе с Эккариусом и Лесснером играл большую роль в стачечном движении лондонских портных и был одним из деятельнейших членов первого Интернационала; Александр Кэмпбелль, о котором говорят Веббы,—старый оуэнист и кооператор—стал секретарем глазговского Trades Council гораздо позже. Ничего не знает о глазговском Council of United Trades и о его секретаре, Лоренсе, и новейший историк рабочего класса в Шотландии, Джонстон—*Johnston Thomas*, The history of the working classes in Scotland, Glasgow 1921 — как он не знает, что и другой видный лидер портных в Глазго, Питер Генриетта, упоминаемый им, был тоже после одним из главных членов первого Интернационала в Англии. Недавно вышедшая брошюра *Cicely Richards*, History of Trades Councils 1860—1875, является первым—довольно неудачным — опытом их истории.

[19]) «The United Trades Council of London is an offshot from the delegate meetings that took place at Shaftesbury Hall, Aldersgate Street, during the strike that took place in the Building Trades in 1859—60», пишет *C. S[hearman]* в статье Trades-Council, помещенной в органе кирпичников, который редактировался *Гоуэллем* при содействии *Шермана* и *Нобля* (The Operative Bricklayers Society's Trade Circular and General Reporter conducted by George Howell, assisted by C. Shearman and H. Noble). Они приняли позже участие в основании первого Интернационала. Принятая советом резолюция написана в очень напыщенном стиле. Приводим конец ее в оригинале: «and that the result may be the strengthening the bonds of union, drawing still tighter the cords of human sympathy and brotherly feeling between the workers of our common country».

[20]) United kingdom'sfirst Annual Trades Union Directory 1861. London, published by *Thomas Jones*. «Ни в Британском музее, ни в другой какой-либо известной нам библиотеке — пишут Веббы — ни даже в архивах не существует ни одного экземпляра этой книги. Роберт Эппльгарт передал в наше распоряжение единственный экземпляр этой книги, который мы когда-либо видели. В новом издании Веббы указывают еще один экземпляр в Goldsmiths Library. Нам известны еще два экземпляра: один в Лондоне в Bishopsgate Library и другой, которым мы пользовались, в Anton Menger Bibliothek при Венском университете.

[21]) Большинство данных было доставлено Бернсом, который имел в своем распоряжении очень много адресов. Кроме того были доставлены адреса из разных провинциальных городов; так из Шеффильда—Бродгэдом, из Глазко—Лоренсом, из Манчестера—Соутером. Ср. *Harrison, Fred.* The Good and the Evil of Trade Unionism, London 1865; так как Гаррисон считает также и филиальные отделения, то он насчитывает в Англии до 2.000 и в одном только Лондоне—290 профсоюзов.

[22]) «The Amalgamated Society of Carpenters arose out of the great Builders' lock-out of 1859—60. At the time of that struggle the masons alone of the building trades were organised into a single society, extending throughout England, and providing not only for trade purposes but for the ordinary benefits... The London masons locked out were supported regularly and punctually by their society and could have continued the

struggle for an indefinite time; but the other trades, split up into numerous local societies, were soon reduced to extremities.—The lockout of 1859 — 60 proved that unions established for trade purposes only, or confined to a particular locality, must inevitably fail whenever a serious crisis occurred. Impressed with this experience, some members of the carpenter's trade determined to found a union of the same principle as that of the Amalgamated Engineers whose society, then in the tenth year of its existence, had increased and prospered to an extent hitherto unexampled». *Beesly, E. S.* The Amalgamated Society of Carpenters, «Fortnightly Review», 1867; March, pp. 320—21.

[23]) См. The financial report of the Amalgamated Society of Carpenters and Joiners from June to December 1860. London 1861. Прекрасное собрание всех отчетов и публикаций этого профсоюза находится в Цюрихе в Bibliothek der Zentral-Stelle für die sociale Literatur der Schweiz. Такого полного собрания для шестидесятых и семидесятых годов нет ни в одной лондонской библиотеке.

[24]) Теперь имеется подробная биография Эппльгарта, написанная историком рабочего представительства в Англии, Гемфри. К сожалению, она принадлежит к обычному типу английских биографий и дает только пересказ — иногда интересных — документов, доставленных автору его героем, и сообщений почти восьмидесятилетнего старца, давно уже умершего для английского рабочего движения. *Humphrey, A. W.* Robert Applegarth, Trade Unionist, Educationist, Reformer. London 1914.

[25]) The labour question. An Address to capitalists and employers of the building trades being a few reasons in behalf of a reduction of the hours of labour. On behalf of the Building Trades. George Potter, Secretary. May 30, 1861. Веббы не упоминают этого адреса. Он, повидимому, остался им неизвестен. О нем не упоминает и Луи Блан, дающий в своих английских письмах подробное описание второй стачки. Dix ans de l'histoire de l'Angleterre, Tome I, pp. 65—70, 75—89, 115—125.

[26]) «Gentlemen, — we are not dogs, and like tends to like; you are hard upon us, and yet expect us to be mild. We are not dogs, and can only act up to our light. We object to be mere tools, and therefore stand up to our light. We object to be mere tools, and therefore stand up for our own interests. Coercion, it is clear, will not do, — for strikes are growing. We do not appeal to motives of religion, for that were useless; nor to humanity, for that is of little moment against gain. But we appeal to the very object of gain itself. Capitalists are playing a losing game and one greatly in opposition to their own interests, in this harsh treatment of labour. Mother earth and servant labour are fruitful fields, if properly cultivated. Both, however, require for development repose and culture. Facts and science say, it is better to cultivate than starve, and to feed than to overdrain by overwork. Need we make the application. Yet though thus appealing, we fear it is of no use, and hence look to other means of amelioration than capital seems likely to render». Маркс облек этот адрес в форму диалога в первом томе «Капитала», там, где он обосновывает требование нормального рабочего дня устами рабочего. «Во время большой стачки лондонских строительных рабочих (1860—61 г.г.), требовавших сокращения рабочего дня до 9 час., их комитет опубликовал заявление, почти совпадающее с речью нашего рабочего. В нем не без иронии указывается, что наиболее алчный из строительных подрядчиков, некий Мортон Пето, пользуется «репутацией святости».

[27]) См. «Workman», 1861, №№ 5, 6, 7, 8, 9. The Strike in the building trades. В пятом номере опубликовано также письмо, подписанное Э. С. Бисли, Гаррисоном, Томасом Юзом, Ледлоу, Бенкетом, Лешингтоном. Оно было перепечатано во многих лондонских газетах. Ср. *Webb*, loco cit.

[28]) Джемс Таппер (маляр), Джарвис (мостильщик), Берджес (столяр), Беттлер (оловянник), Викерн (маляр), Оджер (сапожник) и др.

[29]) О первом из них нам не удалось собрать никаких биографических сведений. Наоборот, Гартуэлль тесно связан с историей английского рабочего движения, как один из инициаторов чартизма и основателей лондонской Working Men's Association. Он председательствовал на том собрании этого общества, которое впервые приняло основные пункты хартии (28 февраля 1837 г.). После был членом Генерального Совета М. Т. Р. См. *Gammage*, The History of the chartist movement, 1854, pp. 60 и др.; *W. Jovet*, An Autobiography, 1877. *West*, History of the chartist movement, 1920, pp. 121, 277; *Beer*, History of british Socialism, Vol. II, pp. 21, 25, 28, 218.

[30]) «Beehive, a weekly newspaper of general intelligence and Trades, friendly society and cooperative journal, printed and published by George Potter, for the Trades Newspaper Company (Limited) at № 2, Bouverie Street, Fleet Street in the Parish of St. Bride's Fleet Street, in the City of London». Известно, что даже Британский музей не имеет полного экземпляра этого журнала: нехватает всех годов до 1869. Счастливым владельцем самого полного экземпляра является Джон Бернс, который при любезном посредничестве тов. Ф. Ротштейна, предоставил мне его в пользование в 1910 г. Но и в этом самом полном экземпляре нехватает всех номеров до № 51, 4 октября 1862 г. В передовице номера от 18 октября 1862 г., озаглавленной The Beehive and Trades Politics, мы читаем: «Twelve months ago we commenced the publication of the Beehive». Начиная с 1863 г., название изменяется и гласит «The Beehive Newspaper, A journal of general intelligence advertising industrial interests».

[31]) Изображение всей этой борьбы у Веббов не соответствует фактам. Оно основано почти исключительно на рассказах Эппльгарта, крайне субъективных. Уже одно то обстоятельство, что Эпплъгарт *вынужден* был уйти из профдвижения еще в начале семидесятых годов, должно было заставить Веббов отнестись к его показаниям более критически. Они игнорируют многочисленные свидетельства, которые доказывают, что Поттер действительно играл большую — полезную или вредную, это в данном случае неважно—роль в профессиональном движении. Вопреки утверждению Веббов, Поттер всегда представлял настоящую профорганизацию. Что касается его Working men's Association, то она, как мы увидим позже, является организацией позднейшего времени, преследовавшей чисто политическую цель. Иекк, который так же мало, как Веббы, исследовал причины спора между Поттером и его противниками, хотя раздоры между локалистами и централистами в немецком профдвижении — особенно в Берлине и Лейпциге — должны были бы натолкнуть его на мысль, что в войне между Поттером и его противниками действовали не только личные мотивы, но и упорные разногласия между английскими локалистами, лидером которых был Поттер, и централистами,—Иекк пишет: «С 1861 г. главным органом английского рабочего класса является «Beehive»; его редактором был некий Поттер, который выдавал себя (!) за председателя одного рабочего общества и охотно разыгрывал из себя лидера профдвижения». В действительности Поттер, как мы видели, играл уже выдающуюся роль в стачечном движении строительных рабочих и в течение шестидесятых годов являлся одним из влиятельнейших лидеров профдвижения. Он действительно был основателем Working Men's Association. Он не был только никогда редактором ‹ Beehive».

[32]) «The exertions of Thomas Dunning were untiring to promote its — речь идет о «Beehive»,—circulation and increase its sale». Memoir of Mr. Dunning. «The bookbinders Trade Circular». 25 February 1874. Деннинг принадлежит брошюра Trades Unions and Strikes; their philosophy and intention. London. 1860—по мнению Веббов «лучшее изложение задач профсоюзов, написанное рабочим. Маркс цитирует эту брошюру в первом томе «Капитала» несколько раз. Позже, когда ‹ Beehive» стал официальным органом М. Т. Р., для него писал статьи также и Эккариус. Но, вопреки ни на чем не основанному утверждению Бернштейна и Иекка, Маркс не написал ни одной строчки для «Beehive», если не считать сотрудничеством публикацию некоторых писанных Марксом официальных заявлений М. Т. Р.

[33]) «Beehive», 26 Sept. 1863. The London Trades № 1. London operative painters. «This association being born in the midst of a great struggle in which the whole of the building trades were engaged».

[34]) «Beehive», 3 and 10 January 1863; The conference of Boot and Shoemakers.

[35]) «Beehive», 10 October, 1863: The London Society of compositors.

Гартуэлль пишет, что этот «союз очень консервативен в области политики и особенно боится (has an horror) всякой меры, которая, по его мнению, имеет политические тенденции».

[36]) На такой произвольной конструкции основывается также изложение Веббов в пятой главе их истории—«Хунта и их союзники»,—изложение, которое без всякой критики повторяется всеми историками английского рабочего движения. Эта хунта состояла якобы из В. Аллана, Д. Гвайля, Р. Эппльгарта, Э. Коульсона и Д. Оджера, связанных тесной личной дружбой и солидарных во всех взглядах. Их наиболее выдающимся союзником был уже известный нам Т. Деннинг. Злой дух, лидер всех противников этой хунты, это—Поттер. В действительности Гвайль и Деннинг были интимнейшими друзьями Поттера и такими же отъявленными врагами Оджера, против политики которого они постоянно выступали в Совете Союзов. Что касается Аллана, то он никогда не был приверженцем политической борьбы и выступал, как чистый профессионалист. Характерно, что Веббы, которым неизвестно участие Кремера в забастовке строительных рабочих, не знают также или забывают, что Кремер был в шестидесятых годах одним из влиятельнейших лидеров профдвижения и в лондонской секции амальгамированного союза плотников вел упорную борьбу с Эппльгартом, которого ему удалось в конце концов вытеснить оттуда. В ходе истории первого Интернационала в Англии мы неоднократно наталкиваемся на различные фазы этой борьбы между мнимой хунтой и Поттером. Она длилась до октября 1868 г. и закончилась примирением между частью этой хунты и ее ожесточеннейшим врагом.

[37]) Парламент назначил специальную комиссию под председательством H. S. Tremenheere'a. Ее работа резюмирована в двух отчетах. Плодом этой агитации явился Bakehouse's Regulation Act в 1863 г. Все эти материалы использованы были Марксом в первом томе «Капитала» (третий раздел, восьмая глава, третий параграф). Блекмор и Дик были после коллегами Маркса в Генеральном Совете М. Т. Р.

[38]) «Та сумма денег, которую рабочий получает за свой дневной, недельный и т. д. труд, образует сумму его номинальной заработной платы, оцененной со стороны ее стоимости. Очевидно, однако, что в зависимости от длины рабочего дня, т.-е. в зависимости от доставляемого ежедневно количества труда, одна и та же поденная, понедельная и т. д. заработная плата может представлять очень различные денежные суммы за одно и то же количество труда. Таким образом, в области повременной платы необходимо установить дальнейшее различие между общей суммой заработной платы, напр., поденной, понедельной и т. д., и ценой труда. Но как найти эту цену или денежную стоимость данного количества труда? Мы получим среднюю цену труда, если разделим среднюю дневную стоимость рабочей силы на число часов среднего рабочего дня... Найденная таким образом образом цена рабочего часа служит единицей меры цены труда». *Маркс*, «Капитал», первый том, глава 18.

[39]) Профессор Р. Яннаш, в конце шестидесятых годов XIX столетия приват-доцент Базельского университета и делегат магдебургской секции на Базельском конгрессе в 1869 г., видит главную причину возникновения М. Т. Р. именно в этой потребности.

«Der Produktionsprozess wird durch die Taktik der Trades'Unions für den Arbeiter, resp. zu Gunsten des Arbeitslohnes ein gleichmässigerer. Dieses Resultat haben die Vereine in England in einer grösseren Anzahl der Hauptindustriezweige erzielt. Immer aber wurde die Gleichmässigkeit des Produktionsprozesses durch die Konkurrenz des Kontinents unterbrochen, weil hier jene Vereine nicht bestan-

den. Das Bestreben der Trades'Unionisten musste daher dahin gehen, ihre Prinzipien nach dem europäischen Festlande zu verpflanzen; es entstand der Internationale Arbeiterbund, welcher den geregelten Produktionsprozess, wie ihn die englischen Vereine vielfach bereits erzwungen haben, bei allen konkurrierenden Nationen einzubürgern bestrebt ist. Mag man über die sonstigen Grundsätze des Internationalen Arbeiterbundes ein noch so scharfes Urteil fällen, die Gründe, welche seine Entstehung verursachten, vermag man durchaus nicht zu verdammen». *Jannasch, R.* Die Trades'Unions oder Gewerkschaften, Basel, 1870. pp. 12—13.

Таким образом, одна из причин, объясняющих нам присоединение английских профсоюзов к М. Т. Р., превращается в главную причину его возникновения.

[40]) Мы уже сослались в тексте на Чернышевского. В октябрьской книжке «Современника» за 1859 г. он писал: «Больше всего общественное внимание было занято в последнее время колоссальной распрей между лондонскими строительными подрядчиками и их рабочими, которые требовали сокращения работы с десяти часов в день на девять часов (nine hours movement). Теперь этот величественный эпизод борьбы между капиталом и трудом приближается к окончанию, и в одной из следующих книжек мы представим отдельную статью о нем» (Сочинения, том пятый, стр. 397). В следующем обозрении он сообщает читателям, что стачка «все еще продолжается, вот уже почти три месяца, и до сих пор еще неизвестно, когда и как она кончится». К сожалению, Чернышевскому не пришлось вернуться к этой теме. В «Русском Вестнике» (1860 г. Май) имеется большая статья Е. М. Феоктистова «Стачка рабочих в Лондоне», представляющая недурную сводку главных данных о знаменитой забастовке с точки зрения либерально-буржуазной. Ему хорошо известна роль Джорджа Поттера и Кремера в этом движении. Подробно реферирует об этих забастовках и Г. Каменский в «Обозрениях промышленности и торговли в Англии», регулярно помещавшихся в «Вестнике Промышленности» за 1860 и 1861 гг.

[41]) «In March 1861 the struggle for the nine hours was partially resumed in London. This led to communications being received from the continent; among others, from the bronze workers of Paris, who not only addressed a sympathising letter to the building operatives of the metropolis, but also sent a considerable subscription in aid of those who were on strike. It was about this time that M. Henri Tolain, now a senator of France, appeared on the scene, together with some others, whose names, for good or for evil, have been conspicuous in connection with the International». *Howell, G.* The History of the International Association, «The Nineteenth Century», 1878, July.

[42]) Paris, Octobre 1861. (Bibl. Nat. Vp. 13099). По английски в журнале, который редактировался Гоуэллем: «The Operative Bricklayers Society's Trade Circular», № 2, October 1861, под названием The labour question. A letter from a french working man on the present strike. О Фаб. Маньене см. *Weill, G.* Histoire du mouvement social en France, Paris, 1911 p. 191.

[43]) До сих пор нет ни одной работы, которая давала бы связную историю различных национальных групп среди лондонской эмиграции. Более всего посчастливилось польской, но и ее история разработана постольку, поскольку речь идет о ее чисто аристократических или буржуазных элементах. Судьба же демократических элементов известна очень мало. В другой работе, в которой мы проследим историю различных попыток продолжить или восстановить международные организации сороковых годов, мы покажем, как мало, вопреки мнению тов. Ротштейна, все они являлись предтечами Международного Товарищества Рабочих.—В марте 1859 г. прибыло в Кинстоун американское судно «Давид Стюарт» с Поэрно и другими итальянскими изгнанниками, которые были выпущены из итальянских тюрем. В Англии им устроили торжественный прием. В «Pensiero ed Azione» (April, 1859) мы находим адрес эмигрантов на острове Джерси—Ai sessanta sei Esuli—помеченный 15 марта 1859. Кроме подписей *Анри Лефора* и *Ж. Денуаля*, имена которых мы еще встретим после, бросается в глаза подпись старого чартиста Джорджа Юлиана Гарни, кото-

рый издавал на острове Джерси газету. О встрече Поэрно ср. крайне любопытные соображения Чернышевского в политических обозрениях 1859 г. (Сочинения, том I, стр. 111—117 и 158—160).

[44]) «It is difficult to those who only remember Italy as she has been during the past forty years, united, free and mistress of her own destinies, to comprehend fully the enthusiasm felt by nearly all educated young Englishmen in those days for Italy in her efforts for emancipation: an enthusiasm which broadened and deepened by the chivalrous exploits of Garibaldi; the unquenchable fire of Mazzini and the sagacious genius of Cavour affected more or less our whole people. Such eminent Radicals as Cowen, Stansfeld, Peter Taylor and Boyd Kinnear came under the direct influence of Mazzini himself» *Hyndmann H. M.* The record of an adventurous life. London 1911 pp. 31—32. У нас Н. Добролюбов, Л. Мечников и после Г. Лопатин свидетельствуют о таком же энтузиазме к делу и личности Гарибальди. Не было только преклонения пред гением Кавура.

[45]) *Ashley*, Life and Correspondence of Viscount Palmerston. London 1879 Vol. II, pp. 353—57.

[46]) Чернышевский называет его в своих политических обзорах «волонтерским стрелковым движением», (Сочинения, том пятый, стр. 481—84). Для главного литературного органа этого движения, «Volunteer Journal for Lancashire and Cheshire», Энгельс написал ряд военных статей, после собранных в отдельном издании под названием Essays addressed to volunteers, London 1861.

[47]) «One of the earliest movements which brought those men together was the struggle to free Italy from Austria's yoke in 1859—60. Mazzini was known personally to many of us, Garibaldi soon became an idol. Nearly all of the more prominent men in labour movements favoured the Italian crusade; those who took the other side were mostly Irishmen... I venture to say in this connection that the enthusiasm of the British workmen helped our Foreign Office to disregard both Austrian and French diplomacy, and also the influence of the Vatican». *Howell*, Labour legislation, labour movements and labour leaders Vol. I, pp. 140—41.

[48]) «On the 17th of December 1861 the «General Society of Neapolitan Working Men», embracing all trades, having just acquired their political freedom, held an aggregate delegate meeting of their various societies, sections, and branches. At this meeting or congress an Address to the Working Men of England was unanimously agreed to, in which they appealed to the working classes of this country for help to enable them to secure the full measure of Italian unity and freedom, and also for advice and aid in their efforts to organise labour. This address was warm and enthusiastic in its tone, and, mindful of the great value of the experience and progress of the British people, it expressed the admiration of the Italian workmen for their co-workers here, and besought their assistance in the work of reconstructing labour organisations throughout Italy. It was, however, and under the then existing circumstances it was natural, that it should be almost exclusively political.—The address reached England early in January 1862, and was placed in the hands of the then Secretary of the London Trades Council. On the 11th of the same month a meeting was held, at which the address was read, and its sentiments were cordially received and heartily reciprocated. A resolution was unanimously passed thanking the Neapolitan workmen for their expressions of goodwill and sympathy, and instructing the secretary to prepare an address in reply thereto without delay.—At a subsequent meeting the draft address was submitted and adopted. After the usual expressions of sympathy and cordiality on the part of the english workmen towards their continental brother workmen, the address pointed out the difference between the political character of workmen's associations abroad and the non political character of trades' unions in England; it moreover explained the nature of these unions and the general position of trade unionists. The workmen of Italy were heartily congratulated upon having acquired political freedom, and with it the right to combine; but it was stated that the conditions under which the workmen of the two countries lived were very dif-

ferent. In England they had freedom long established and consolidated, and with the right of combination to almost any extent. They did not blame the workmen of Italy for making their associations political—perhaps it was inevitable—but in England the call was different. The address went on to say: «We have organisations for political purposes of every description, and those who like can join one or many, according to their views and desires. But we must inform you that our trade societies are not constituted upon a political basis; they are more social in their character; their objects are to promote the well being of their members in all matters appertaining to their daily toil». Гоуэлль уверяет, что написанный им ответ был переведен на все европейские языки и обошел всю Европу. Нам не удалось до сих пор найти подтверждение этого факта. Возбуждает большие сомнения и содержание ответного адреса. Вероятно Гоуэлль передает его содержание на память и излагает поэтому взгляды более позднего периода своей деятельности. Странно также, что в уже цитированной нами истории рабочего движения, которая в значительной степени является автобиографией, он не упоминает об этом факте.

[49]) «Le programme est d'éxiger la soumission, mais de la payer largement, de la payer surtout envers le peuple ou, comme on dit, envers les classes labourieuses, mot qui résonnera dans toutes les harangues officielles, se retrouvera dans toutes les enquêtes et se répétera si souvent qu'on croira de bonne foi l'avoir inventé». *De la Gorce, Pierre*, Histoire de second empire. Tome II. Paris, 1894, pp. 3—4.

[50]) *Duchêne, G.* L'empire industriel. Paris, 1869: глава «Economie politique du 2 décembre». pp. 72—142; *De la Gorce.*, loc. cit.. pp. 7—17. *Thomas*, loc. cit.

[51]) [*K. Marx*] The french credit mobilier. «New YorkTribune», 21, 24 June и 11 July 1856; *Plenge, J.* Die erste Anlagebank, Gründung und Geschichte du Crédit Mobilier, 1921.

[52]) *Levasseur, E.* Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789 jusqu'à nos jours. Paris, 187, Tome II, pp 366—70.

[53]) «Il faudrait plutôt s'étonner que la population ouvrière, proprement dite, ne se soit pas même augmentée d'un tiers dans l'intervalle des deux grandes enquêtes qui ont été faites en 1847 et en 1860... La statistique de la Chambre de commerce de 1847 évaluait le chiffre des affaires à 1.463 millions; celle de 1860 à 3.369 millions. Les industries qui ont le plus gagné sont: 1) l'alimentation (3.673 établissements et 226 millions d'affaires en 1847; 29.069 établissements et 1.087 millions d'affaires en 1860); 2) le vêtement (29.216 établissements et 240 millions en 1847, 23.860 établ. et 454 millions en 1860); 3) le bâtiment (4.061 établ. et 145 millions en 1847; 5.378 établ. et 315 millions en 1860); 4) l'ameublement (5.713 établ. et 137 millions en 1847; 7.391 établ. et 199 millions en 1860).» *Levasseur*, loc. cit., pp. 368.

[54]) «And there happened to be in France the school of Saint-Simon, which in its beginning and in its decay deluded itself with the dream that all the antagonism of classes must disappear before the creation of universal wealth by some new-tangled scheme of public credit. And St. Simonism in this form had not yet died out at the epoch of the coup d'état». [*K. Marx*] The french credit mobilier, «New-York Tribune», 24 June 1856. Ср. Das Kapital, Band III. Teil 2, pp. 144—145. «Wenn man ihre Schriften kritisch liest, wird man sich nicht wundern, dass die Realisierung ihrer Kredit-und Bankträume der vom Ex-St. Simonisten Emil Pereire gegründete Crédit mobilier war, eine Form, die übrigens nur in einem Land wie Frankreich vorherrschend werden konnte, wo weder das Kreditsystem noch die grosse Industrie zur modernen Höhe entwickelt waren». См. также *Lexis., W* Gewerkvereine und Unternehmerverbände in Frankreich, Leipzig, 1879 p. 143 «Die jungen Leute von der Rue Taranne und von Menilmontant hatten Lehr- und Wanderjahre hinter sich und sie waren jetzt Meister geworden. Einige von den alten Saint-Simonisten waren Minister oder Senatoren, andere imperialdemokratische Journalisten, andere aber Gründer und Finanzmänner geworden die mit bis dahin unerhörter «Genialität» die Millionen zu manipulieren wussten. Man «demokratisierte» die

Börsenpapiere, damit alle Welt an dem Segen der modernen Assoziation Teil haben könne. Denn als «Association» verherrlichte man jetzt die Akkumulierung der Kapitalien in Aktiengesellschaften, über welche die leitenden Finanzleute auf Kosten der Aktionäre souverän verfügen». Ср. так же *Duchêne, G.* L'empire industriel, Paris, 1869: глава La Razzia du Saint-Simonisme pp. 49—61.—*Weill, G.* L'école Saint-Simonienne, Paris, 1896: глава VIII pp. 236—53.—*Charléty*, S. Histoire du Saint-Simonisme, Paris, 1896, pp. 396—421.—*Thomas, A.* Le second empire, pp 54—57; *Wallon, V* Les Saint-Simoniens et les chemins de fer, Paris 1908; *Weill, G.* Les Saint-Simoniens sous Napoléon III. в «Revue des Etudes Napoléoniennes», Tome III, Mai 1913. Связи сенсимонистов с промышленным и банковым миром подчеркивает также автор статьи: Сен-Симон и его ученики, «Отеч. Зап». 1863 г., 10.

[55]) «Somme toute, les prix de 1863, comparés á ceux de 1851, accusaient une baisse 12 pour 100 pour les produits manufacturés, et une hausse de 34 pour les produits naturels et les matières nécessaires á l'industrie. La hausse des loyers, qui dans tous les rangs de la société constitue une forte partie de la dépense des ménages, a été plus rapide encore... Dans un tel état de choses, le fait dominant jusqu'en 1857 était la diminution de la valeur de l'argent, et une augmentation nominale du salaire pouvait n'être pas une augmentation réelle du revenu. Dé 1847 à 1857, il y a même eu pour la majorité diminution à Paris». *Levasseur*, loc. cit., p. 440.

[56]) C'est dans le régime même de la manufacture que ces passions ont pris naissance et s'alimentent, malgré les règlements, malgré les amendes, malgré le silence imposé et les servitudes multipliées, jusqu'à la minute, ou plutôt à raison de ces servitudes, de ce silence, de ces amendes et de ces règlements». Цитировано у *Thomas*, p. 183

[57]) Вейлль, который совершенно правильно замечает, что итальянская война «très mal vu dans les salons, était populaire dans les ateliers», прибавляет однако к этому без всякого основания, что «Magenta et Solferino satisfirent le sentiment français et la fierté patriotique». Histoire du mouvement social en France, p. 56. Интересно сравнить оценку Чернышевского и факты, приводимые им в статье, посвященной Виллафранкскому миру. (Сочинения, том пятый, стр. 328—49).

[58]) Исключение сделано было для Ледрю-Роллэна и писателей, которые, как Прудон или Морис Ламатр, будущий издатель французского перевода «Капитала», известны были, как принципиальные враги папства и духовенства.

[59]) А не в 1860 г., как это утверждает Вейлль и повторяет за ним Тома; *Чернов* (Le parti républicain au coup d'état et sous le second empire, pp. 444—5) не указывает никакой даты. Повидимому, ему также осталась неизвестна эта газета. Первый номер вышел 25 октября 1859 г. Газета уже в самом заголовке подчеркивала свой интернационализм. Она называлась «L'Espérance, journal international quotidien», но выставляла своим мотто «Patrie et Liberté».

[60]) «L'Espérance», 6 Nov. 1859. Le garçon boulanger; 13 Nov., Le garçon boucher; 20 Nov., Le cuisinier; 8 et 15 Jan. 1860. Le pâtissier; 22 Jan. Charpentier; 12 Févr., Brasseur; 19 Févr., Vernisseur; 28 Févr., Conserves alimentaires; 4 Mars, Confiseur; 11 Mars, Raffineur de sucres; 18 Mars, Distillateur; 25 Mars, Vinaigrier и т. д. Они собраны в его книге «Les ouvriers de Paris». Маркс цитирует это сочинение в добавлении к первому тому «Капитала», p. 762. «Aus der letzten offiziellen Enquête agricole kann man sehen, woran das französische «Proletariat foncier» und aus dem letzten Werk des Herrn Pierre Vinçard woran das französische Industrie-Proletariat ist». Это место во всех дальнейших изданиях опущено.

[61]) «L'Espérance» 11, 18 и 25 Décembre 1859. Ouvriers d'Angleterre. Les Grèves en Angleterre.

[62]) Во время революции 1848 г. сотрудник издававшихся Барестом «République» и «La politique nouvelle», которые в 1851 г. защищали политику экономических и социальных реформ. «Les principes que j'ai puisés á l'école de Saint-Simon depuis vingt-cinq ans m'ont servi de boussole sans qu'aucun événement me leur ait fait trouver

encore un défaut». Цитировано у *Weill*, L'école Saint-Simonienne, p. 256. Об основании «Opinion Nationale» ср. также *Taxile Delord*, Histoire du second empire, Paris 1870. Tome II, pp. 595—7. «L'Empire démocratique, opposant à la vieille Europe le principe de nationalités, ébranlant le vieux catholicisme par la ruine du pouvoir temporel des papes, parut à M. Adolphe Guéroult une phase inévitable à traverser».

[63]) *Lexis*, loc cit., p. 145. Ср. изложение событий, которое дают авторы общего доклада французской рабочей делегации на Венскую всемирную выставку в 1873. «En 1860, Armand Lévy, avocat, fonda, á Genève, un journal sous le titre de l'Espérance. Des ouvriers de Paris prirent une large part à sa rédaction, sous la dénomination de «Tribune ouvrière». De cette alliance intellectuelle sortit un groupe d'ouvriers qui fondèrent des conférences toutes les semaines, non publiques, à Paris, 83, rue du Temple. Ce groupe toléré fit paraître des brochures ouvrières qui provoquèrent parmi les producteurs une grande sensation. On ne tarda pas à découvrir qu'Armand Lévy n'était qu'un prête-nom, et que le véritable instigateur et protecteur de ce mouvement intellectuel était un parent du chef de l'Etat, siégeant dans son conseil, instigateur que les travailleurs, dans leur langage métaphorique, souvent si plein de vérité, appellaient: «La pierre à repasser du Palais Royal».

[64]) Le peuple, l'empereur, et les anciens partis. После коллективного предисловия следуют: I. Comment nous n'avons rien à attendre des anciens partis, par Viguier, ouvrier typographe. II. Ne soyons plus dupes, par Chabaud, ferblantier. III. Ce qu'ont été les bienfaits orléanistes, par Barthélemy, ouvrier typographe. IV. Qui gagnerait à la restauration des d'Orléans, par Coquard, ouvrier relieur. V. Analogie historique, par Leroy, ouvrier typographe. Вторая и третья брошюры вышли под названием «A l'Empereur, les cahiers populaires», Nr. 1 und Nr. 2 и содержат статьи Вассера Вигье, Барагэ, Кокара, Ваншоотена, Шабо, Кутана и других. Фрибур в своей истории Интернационала говорит, что эти брошюры были «écrites par des écrivains gagistes de l'empire» и только подписаны рабочими, но я думаю, как и Лексис, что большинство статей принадлежит самим рабочим. *Fribourg*, Association internationale des Travailleurs, 1871, p. 8.

[65]) L'organisation des travailleurs par les corporations nouvelles; Paris 1861.

[66]) Он издал еще следующие брошюры, относящиеся к этому конфликту: 1) Du salaire des ouvriers compositeurs, par Coutant; 2) Des intérêts typographiques devant la commission mixte des maîtres-imprimeurs et des ouvriers-typographes со статьями Гуэ, Леруа, Вигье, Барагэ и Кутана; 3) Patrons et ouvriers typographes, которая посвящена главным образом женскому труду в печатном деле. О самой статье см. Associations professionnelles, Tome I, pp. 725—28, и *Lexis*, loc. cit., pp. 148—50.

[67]) «On était à la veille de l'éxposition universelle; M. Armand Lévy fit comprendre au prince, président de la commission impériale française, qu'il serait possible, à la faveur des délégations ouvrières de jeter les bases du parti de la branche cadette impériale». L'Internationale, sa raison d'être, ses tendances, son histoire». «La cloche», 10, 15, 27, 30 Juillet, 21 et 31 Août, 9 et 23 Octobre. Автором, о котором редакция говорит как об одном из основателей de cette Association fameuse является, вероятно, Лимузен.

[68]) Les délégations ouvrières à l'exposition universelle de Londres en 1862, Paris 1862; Rapports des délégués des ouvriers parisiens à l'exposition de Londres en 1862, publiés par la commission ouvrière, Paris 1862—64. (Bibl. Nat. Inventaire V 38, 241); Exposition universelle de 1867. Commission ouvrière de 1867. Recueil des procès verbaux... par Eugène Tartaret. Paris 1868; Délégation ouvrière française à l'exposition universelle de Vienne 1873. Rapport d'ensemble, Paris, 1876; *Clémence Adolphe*, Les délégations ouvrières aux expositions internationales в «La Commune», almanach socialiste pour 1877, Génève 1876; Für die französischen Brüder. II. Die Arbeiterdelegationen bei den Weltausstellungen. Leipzig, 1876; *Lexis*, *W* Gewerkvereine und Unternehmerverbände in Frankreich, Leipzig, 1879 pp. 151—54; Les associations professionnelles

ouvrières. Office du Travail. Tome I., Paris, 1899. pp. 223—27; *Thomas, A.* Le second empire, pp. 198—207.

[69]) Délégation ouvrière française à l'exposition universelle de Vienne. Rapport d'ensemble. Paris, 1876. p. 14 «...Si quelques gouvernements sont assez insensés pour se haïr, les peuples doivent donner l'exemple de la sagesse et répéter: La paix! La paix universelle!».

[70]) «Nous serions particulièrement heureux de voir cette Italie à laquelle nous avons tant pensé depuis trois ans, et dont nous avons tant désiré et tant applaudi la délivrance». Les délégations ouvrières à l'exposition universelle de Londres en 1862. Paris, 1862. p. 13. На ряду с подписями Кокара, Кутана, Барбье, Шабо, Ваншоотена, Вассера, мы находим и подпись *Перашона*.

[71]) «Celui-ci était un négociant de Lyon, qui devint un des principaux représentants du commerce français dans les expositions universelles de 1851, 1855 et 1862; il avait ce caractère particulier des Lyonnais, qui joignent souvent le sens et le goût des affaires à un intérêt ardent pour les plus hautes questions sociales ou réligieuses. Son esprit positif l'avait préservé des aberrations de la secte; mais il adopta les grandes idées saint-simoniennes, et toute fondation destinée à rendre service aux classes pauvres put compter sur son appui matériel et moral; son amitié pour Enfantin alla toujours grandissant.» *Weill, G.* L'école Saint-Simonienne, Paris 1896 pp. 207—08. Ср. *Charléty*, Histoire du Saint-Simonisme, pp. 302—303 и passim. Он вместе с другим экс-симонистом, Шевалье, играл большую роль в изменении торговой политики второй империи. Арлес-Дюфур вел те переговоры с Кобденом, которые привели к заключению англо-французского торгового договора в 1860 г.

[72]) «Progrès de Lyon», 29 septembre 1861. Письмо было перепечатано в «Opinion Nationale», 14 octobre 1861.

[73]) Бланки, которому амнистия 15 августа 1859 г. вернула свободу, сейчас же приступил к реорганизации своей партии; он нашел последователей и среди рабочих и среди учащейся молодежи. Он, правда, уже в 1861 г. был снова приговорен к четырем годам тюремного заключения, но и в Сент-Пелажи он продолжал свою революционную работу. В 1865 г. ему удалось бежать в Брюссель. Ср. *Jeffroy*, L'Enfermé. *Da Costa, Charles*, Les Blanquistes в «Histoire des partis socialistes en France publiée sous la direction de A. Zévaès». Paris 1912. *Louis, Paul.* Blanqui und der Blanquismus, «Neue Zeit», XIX, 2; *Lafargue*, P. Auguste Blanqui, Souvenirs personnels, «Révolution Française», Juin, 1879. «Sous l'empire, il vit passer, durant sa détention á Sainte-Pélagie, toute une génération de jeunes gens que la police impériale y emprisonnait pour que leurs manifestations plus ou moins audacieuses ne troublassent pas l'ordre de mort que Bonaparte voulait voir régner sur la France.»

[74]) В своей брошюре Quelques vérités sur les élections de Paris, pp. 26—27, Толен дает следующее описание парижских рабочих после coup d'état, описание которых в сущности является самохарактеристикой: «Le 2 décembre 1851 vint changer complètement la situation, et, pendant plusieurs années, on put croire que le socialisme avait vécu. C'était une erreur; il s'était transformé. Pendant les dix années de silence, pendant le calme profond (à peine troublé par la guerre d'Italie) qui avait succédé aux mouvements tumultueux de la place publique, un lent travail d'assimilation s'était fait dans la partie la plus active et la plus intelligente en la population ouvrière. Pour ne plus s'épancher bruyamment au dehors, les idées n'étaient pas mortes, les esprits trituraient les théories. Elaguant les éxagérations, les utopies impraticables, ils dégageaient les réformes pratiques en les contrôlant rigoureusement par les faits. Comprenant qu'on ne change point en un jour les conditions économiques d'une société, que le principe de l'association s'était heurté devant l'ignorance et l'impatience des masses, on changea de route, et, peu à peu, on entendit proposer par les classes ouvrières quelques réformes nettes et précises: abrogation de l'article 1781 de la loi sur les coalitions, création de chambres syndicales, d'agences professionnelles, de société de crédit mutuel,

et, pardessus tout, l'instruction primaire gratuite et professionnelle. Travail sourd, ignoré de tout ce qui n'était pas mêlé à la vie intime de l'ouvrier, mais qui n'en a pas moins jeté de profondes racines.»

[75]) «Opinion Nationale», Jeudi 17 Octobre 1861.

[76]) *Villetard* (Histoire de l'Internationale, Paris 1872, p. 59) превращает Толена в лионского рабочего, который обращается с своим письмом в редакцию «Progrès de Lyon».

[77]) «En passant je rapellerai que l'auxiliaire dévoué du prince Napoléon pour cette opération fut un sieur Armand Lévy qui avait loué, pour les besoins de la cause, un local rue du Temple, 83. Cet individu présida, pendant le siège de Paris et la Commune, le club de l'Ecole de Médecine et quelques réunions de la fédération de la place de la Corderie, 6.» *F. Héligon*, Le mouvement ouvrier de 1848 à 1870. Paris, 1880. pp. 12—13.

[78]) Тома (p. 199) изображает дело так, как будто принц Наполеон, сейчас же по прочтении письма Толена в «Opinion Nationale» выразил желание познакомиться с влиятельным вожаком парижских рабочих. «Le prince Napoléon voulut le voir. Il alla au Palais Royal».

[79]) См. *Fribourg*, loco cit., p. 149. «J'aimerais mieux, disait il, voir abolir la loi contre les associations que de voir s'effectuer ce voyage». Enfini contreint de plier devant la volonté formellement exprimée du chef de l'Etat, il remit á Tolain les autorisations nécessaires mais en lui renouvelant l'assurance, que s'il en était le maître, rien de semblable ne se ferait en France». Ср. также статью L. (Лимузена) в «La cloche», особенно номер от 31 августа 1870.

[80]) Rapports au dèlégués... 1862. Paris, 1862—64, pp. I—IV.

[81]) Толен сообщает также некоторые детали о своих переговорах с принцем Наполеоном, бросающие более точный свет на его личную роль в этом деле. «Nous lui avons donné des explications et il nous dit: «Constituez vous pour faire des élections, je vais m'adresser au ministère de l'agriculture et à la ville de Paris pour savoir quelle est la somme qu'on pourra mettre à votre disposition.» Quelque temps après, il nous a dit que le ministère de l'agriculture donnait 20 000 francs et la ville de Paris 20.000 francs. J'ai été toucher les 40000 francs destinés à payer le voyage des délégués; je les ai déposés au comptoir d'escompte. Nous avons appelé les ouvriers à constituer le comité électoral. Ce comité ne voyait la liste des candidats; l'élection a été faite au scrutin comme quand on nomme les députés. Une souscription a eu lieu aussi dans les ateliers, elle s'est montée à 13.000 francs.» Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars. Tome II, Versailles 1872. p 567. Déposition de M. Tolain.

[82]) «Les ciseleurs et monteurs en bronze, corporation très avancée dans les principes de la démocratie et très intelligente, s'imposa de grands sacrifices pour que les résultats de sa délégation fussent des actes progressifs. Tous rivalisèrent de dévouement, et leur délégué, Jean Garnier, fit à ses frais un second voyage à Londres, pour que l'oeuvre fût complète et affirmât l'utilité, la puissance des délégations ouvrières». Délégations ouvrières à Vienne, p. 20.

[83]) А не Толеном, как ошибочно утверждает Лексис (p. 151).

[84]) «C'est en faisant acte de présence partout où la loi autorise que les travailleurs se feront connaître et recevoir, comme un élément vital et puissant qu'il ne faudra plus dédaigner... Ce serait une erreur de croire qu'on ne fait rien, si l'on n'embrasse pas immédiatement et à la fois toutes les questions. Au contraire, en procédant par détail, en prenant une à une les questions, la marche est plus sûre, les conquêtes plus certaines.» *Coutant*, De l'esprit des délégations. Статья его читается как credo типичного «легалиста» или позднейших оппортунистов.

[85]) *Chabaud*, En quoi les expositions universelles sont avantageuses aux travailleurs.

[86]) *Coquard*, Les délégués en 1851.

[87]) «Il faut que, dotés par notre sollicitude et nos soins, d'une instruction spéciale appliquée aux professions qu'ils doivent embrasser, nos fils donnent au monde étonné le spectacle d'une génération ouvrière artiste et savante. C'est alors, mais alors seulement, qu'on verra se dénouer pacifiquement le noeud gordien du paupérisme, que si souvent le peuple a voulu trancher violemment.» *Tolain, H.* Du progrès industriel.

[88]) До 1 января 1862 газета называлась «The Workman, Cooperative Newspaper».

[89]) Маркс называет его самым слабым из всех строительных подрядчиков и прибавляет, что после 1867 г. он кончил так же, как Струсберг, т.-е. обанкротился. См. Kapital, Band I. Zweite Ausgabe, p. 226.

[90]) «The Working Man», September 1862. 1) The Working Man's International Welcome to the French Delegates of Labour. 2) Address of Welcome presented to the French Delegates of Labour by English Working Men. 3) Answer of the French Delegates of Labour to the foregoing Address. Ответ французов был напечатан и в «Opinion Nationale» 8 août 1862.

[91]) *Villetard* (p. 64) видит в этом предложении хитроумную маскировку действительных намерений будущих основателей М. Т. Р. Пюеш в своей книге—Le Proudhonisme dans l'Association internationale des travailleurs, p. 41—идет еще дальше. «Toute l'Internationale est virtuellement contenue dans cette proposition qui eût le plus grand succès.» Эту легенду повторяет и тов. Стеклов (Первый Интернационал, 1922, стр. 57).

[92]) На это указывает и Тома (p. 207): «Il est remarquable que les chefs trade-unionistes n'avaient point pris l'initiative de la réception.» И несмотря на это, он считает возможным сказать, что делегаты «avaient été reçus par les travailleurs organisés de Londres» (!?).

[93]) Впервые это сделано было Мюратом, выступавшим на процессе первой комиссии М. Т. Р. в Париже в качестве представителя обвиняемых. Превращая собрание 5 августа 1862 в исходный пункт М. Т. Р., Мюрат хотел ссылкой на совершенно легальный характер и собрания, и делегации доказать легальный характер М. Т. Р. А для этой цели лучше всего был пригоден английский адрес, который прочитан был Мюратом. Procès de l'Association Internationale des travailleurs, Paris 1868, pp. 43—44. Характерно, что во время третьего процесса тот же самый Мюрат счел нужным пропустить некоторые места. (Troisième Procès de l'Association Internationale des travailleurs, Paris 1870, p. 111). Времена изменились, и для обвиняемых было теперь несравненно важнее не потерять симпатий французских рабочих, чем подлаживаться к требованиям «легализма». Поэтому вполне прав английский историк социализма Рэ, когда указывает, что идеи, которые развивались на собрании 5 августа, в отличие от программы М. Т. Р., представляют довольно умеренную платформу. «Those ideas would constitute the basis of a very rational and moderate programm.» *I. Roe*, Contemporary Socialism. London 1891. Second edition, p. 149.

[94]) Так, в своей речи о М. Т. Р. 23 марта 1873 в Национальном Собрании: «Un certain nombre des ouvriers qui avaient été envoyés à Londres nouèrent à cette èpoque des rélations, d'abord très mal suivies, avec quelques ouvriers anglais.» А в своем показании перед следственной комиссией о Парижской Коммуне он говорил, что это те самые англичане, с которыми он в следующем году встретился на митинге в St. James Hall: следовательно, Оджер и его друзья. «Les ouvriers anglais, qui étaient constitués déjà depuis très longtemps en sociétés ouvrières, nous ont envoyés des délégués, pour nous demander si nous voulions accepter d'en faire partie. C'est alors que l'idée d'établir entre les ouvriers des différentes nations des rapports constants a été émise et acceptée généralement.» Enquête... du 18 mars, Tome second, p. 553.

[95]) «Plusieurs français résidant à Londres faisaient partie de cette fête fraternelle; quelques délégués trouvèrent à se placer avantageusement pendant leur séjour; il s'en suivit un échange de lettres qui augmentaient de jour en jour le besoin de constituer un centre commun des correspondences. Так говорил Мюрат на первом процессе фран-

ского Интернационала. Еще точнее он говорил на третьем процессе: «Dupont était avec moi du voyage á Londres. Il y trouva une place avantageuse et y demeura. Nous étions unis par des liens d'amitié: nous nous écrivîmes toujours depuis».

[96]) «Pendant leur séjour à Londres, quelques délégués français s'abouchèrent avec les délégués Anglais, Belges, Allemands, Italiens, et Espagnols, et, après s'être communiqué leurs impressions sur la situation des ouvriers dans ces divers pays, ils se promirent de continuer leurs rélations et de se tenir au courant de ce qui pourrait survenir dans leurs pays respectifs.» *Héligon*, p. 13. В своем показании пред следственной комиссией он сказал: L'Internationale est née à la suite des délégations de Londres en 1862. Enquête... du 18 mars. Tome II. p. 539.

[97]) Это утверждает Галеви в своих Essais sur le mouvement ouvrier en France, Paris, 1901, p. 22. «Mais ce ne fût pas l'unique profit de leur voyage: ils fréquentèrent les réfugiés cosmopolites, amis, disciples de Marx, et fondèrent avec eux une association humanitaire destinée à jouer un rôle des plus considérables: L'Internationale des travailleurs.» Но Галеви не дает никаких доказательств.

[98]) «Dès le mois d'août 1862,—пишет уже цитированный нами Гелигон,—une scission s'opéra dans le sein de la comission ouvrière, la fraction libérale fut exclue et la commission resta composée de cinq personnes dévouées corps et âme au gouvernement impérial» (*Héligon* p. 13). Автор статей в «La cloche» говорит: «M. Armand Lévy et Vasseur d'un coté, Chabaud et Coquard de l'autre se jetaient mutuellement á la tête d'avoir vendu les ouvriers au Prince Napoléon». «La Cloche», 9 octobre 1870. Тома, которому эти факты остались неизвестными, переносит раскол между группой Толена и группой «Espérance» в 1863 г. (pp. 208—9).

[99]) «Der Sozialdemokrat», 12. Februar 1865. *H[ess]*, Korrespondenz aus Paris.

[100]) «Au moment où les délégués étaient en route, une discussion sur une question d'administration s'est élevée entre les membres de la commission ouvrière composée de 11 personnes. Le président a été porter le débat devant la commission impériale qui n'avait rien à y voir. A la suite de cela, il y a eu scission dans la commission; plusieurs membres ont donné leur démission; j'étais secrétaire, et en présence de l'intervention de la commission impériale, qui prétendait résoudre une question administrative, j'ai donné ma démission.» Enquête... du 18 mars. Tome II p. 567.

[101]) *Lexis*, p. 152—54. Изданная Office du Travail история французских профсоюзов (Tome I, pp. 224—5) дает следующее сопоставление: «Sur les 53 rapports émanant de 183 délégués parisiens, il en est 38, par 145 délégués, qui expriment le voeu de voir se constituer dans leurs professions des chambres syndicales aboutissant à des commissions mixtes de patrons et d'ouvriers qui auraient pour mission de délibérer sur les conditions du travail; 4 de ces rapports se prononcent pour l'association de production, et les 11 autres, par 21 délégués, ne sont que des rapports techniques, sans aucune considération sociale».

[102]) Исключение представляют отчеты tanneurs (кожевники) pp. 1—20; ferblantiers (жестяники) pp. 20—24; dessinateurs et tisseurs en châles (рисовальщики и ткачи платков) pp. 297—322; ivoiriers (костяных дел мастера) pp. 497—511. Авторы свободного отчета венской делегации, очень строго относящиеся к своим коллегам в лондонской делегации, пишут: «L'esprit d'impartialité, qui doit toujours résider dans les appréciations de l'histoire, nous impose le devoir de déclarer que les délégués corporatifs de 1862, dans la rédaction de leurs rapports, ont écarté tout esprit de bassesse» (p. 20).

[103]) Напр. отчет рабочих, производящих музыкальные инструменты подписанный также и *Дюпоном*, будущим секретарем Генерального Совета М. Т. Р. для Франции: «C'est par la création de *chambres syndicales ou corporations* qu'on peut, selon nous, tenter la grande réforme que nous indiquons. Ces chambres devraient être composées d'un nombre déterminé de membres, parmi lesquels les patrons et les ouvriers se trouveraient en quantité égale. Elles seraient essentiellement déliberatives et ap-

pelées à se prononcer sur les différends qui s'élèveraient dans leur industrie respective» (Rapports, p. 884). Более решителен отчет механиков (pp. 171—207), подписанный уже известным нам *Мюратом*. Из него явствует, что на французских делегатов английский союз объединенных машиностроителей произвел сильное впечатление.

[104]) *Thomas* (p. 204): «De la lecture des rapports, des textes que j'ai pu recueillir, il ressort en effet que les délégués de Londres ne s'étaient pas encore arrêté à une terminologie très précise. D'une manière générale, cependant, *chambre syndicale*, lorsqu'ils n'y ajoutent le qualificatif *d'ouvrière* signifie pour eux une association mixte, composée des patrons et des ouvriers ou parfois de leurs élus. Pour désigner le syndicat, au sens moderne du mot, au sens trade-unioniste, ils emploient la désignation de Societé Corporative.» Последнее замечание неверно. Как мы уже заметили в тексте, ни в одном отчете мы не находим точного представления об английских профсоюзах. Поэтому безусловно ошибочно изложение, которое мы находим у Поля Луи. «Делегаты, вернувшись домой, представили 53 отчета, которые все без исключения, хотя и в более или менее умеренном тоне, подчеркивают необходимость свободных профсоюзов. Каждая строка воспевает благие действия тред-юнионизма».

[105]) Ср. отчет механиков: «Il y a une loi protectrice des animaux qui oblige ceux qui les emploient à ne pas leur faire exécuter un travail au dessus de leurs forces; il y en a une autre concernant le travail des enfants; pourquoi n'y en a-t-il pas une semblable pour les hommes? C'est que, sans doute, on croit qu'ils ont assez d'intelligence et de force pour se protéger eux-mêmes. Ni l'intelligence, ni la force ne nous manquent, il est vrai, mais l'une et l'autre sont enchaînées par la loi, qui parle: «Sera puni d'un emprisonnement de six jours à trois mois et d'une amende de 16 francs à 1000 francs...; 2° toute coalition de la part des ouvriers pour faire cesser en même temps de travailler, etc...» «Ne serait-il pas préférable de faire une journée de dix heures, ce qui permettrait d'occuper tous les ouvriers?» Rapports... pp. 200—201.

[106]) «Il ne faut pas perdre de vue que les éléctions générales devaient avoir lieu en 1863 et qu'au moyen des délégués ouvriers on espérait, sans doute, se créer des cadres pour enrégimenter les électeurs des grands centres industriels et, par ce moyen, arriver à faire nommer les candidats officiels à une forte majorité, pour pouvoir dire à la masse de la nation que le peuple était toujours dévoué à la dynastie napoléonienne, dût on, pour obtenir ce résultat, faire un peu de socialisme gouvernemental». *Héligon* (p. 12).

[107]) *Marx, K.* Das Kapital. Band I. pp. 446—49, 561—64, 641—3, Band III pp. 105—115. *Watts, John.* The Facts of the Cotton Famine, London 1866. *Туган-Барановский*, Периодические промышленные кризисы, 1914, стр. 410—434.

[108]) «Les cotonniers de Rouen, les fileurs et les tisseurs du Nord de la France, mêmes les canuts de Lyon, les passementiers de Saint-Etienne, les apprêteurs, les imprimeurs et les teinturiers d'étoffes des environs de Paris, de Lille, de Roubaix, de Mulhouse, tous souffraient à la fois» *Malon, B.* L'Internationale, 1872 p. 9.

[109]) «Beehive», 6 December 1862.

[110]) Ср. *Thomas*, pp. 209—10. Вслед за Тома указывает на эти два воззвания, как на доказательство уже происшедшего раскола среди парижских рабочих, и Сеньобос: «Le conflit fut rendu public lorsque l'Opinion Nationale ouvrit une souscription pour les ouvriers de Normandie privés de travail par la guerre de sécession (janvier 1863). Deux appels distincts furent publiés, l'un par Tolain et ses camarades républicains, l'autre par les impérialistes de la commission ouvrière». *Seignobos*, Le déclin de l'empire et l'établissement de la 3-me république, p. 36 (седьмой том Histoire de la France contemporaine).

[111]) «He (Palmerston) was at home in foreign—that is, in continental politics; for he had hardly any knowledge of American affairs, and almost up to the moment of the fall of Richmond was confident that the Union never could be restored, and that separation was the easy and natural way of all the dispute.» *Mac Carthy, Justin.* A History of our own times, Vol. IV. p. 10. «Ce sera l'éternel honneur de la classe ouvrière anglaise,

elle sur qui les conséquences de la guerre d'Amérique pèsent d'un poids si écrasant, de n'avoir pas varié une minute dans le sentiment d'horreur qui mérite l'institution de l'esclavage, et dans son opposition à ceux qui ont pris les armes, non seulement pour la maintenir, mais pour en étendre les conquêtes et en assurer le sauvage apostolat». *Blanc, Louis*, Lettres sur l'Angleterre, Deuxième série. Tome I. «Partialité des classes gouvernantes en faveur des conférés», pp. 166—174.

[112]) Ср. *Schlüter, Hermann*. Lincoln, Labor and Slavery. New-York. 1913. pp 157—68.

Линкольн ответил на оба адреса. Особенно сильное впечатление произвел его ответ на манчестерский адрес. «I know and deeply deplore the sufferings which the working men at Manchester, and in all Europe, are called to endure in this crisis. It has been often and studiously represented that the attempt to overthrow this government, which was built upon the foundation of human rights, and to substitute for it one which should rest exclusively on the basis of human slavery, was likely to obtain the favor of Europe. Through the action of our disloyal citizens, the working men of Europe have been subjected to severe trials, for the purpose of forcing their sanction to that attempt. Under these circumstances I cannot but regard your decisive utterances upon the question as an instance of sublime Christian heroism which has not been surpassed in any age or in any country.» Цитировано также у *Irving, Joseph* The Annals of our Time. London, 1871, p. 638.

[113]) «Beehive», 28 March 1863. The Trades Unions Emancipation Meeting. См. также *Blanc Louis*, Lettres sur l'Angleterre. Deuxième Série, Tome 1. Paris 1866, pp. 111—116. «La question d'Amérique et les ouvriers anglais». «Ce qui en a fait un grand spectacle, un spectacle original, une chose tout à part, c'est que les orateurs qui ont succédé à M. Bright étaient de simples ouvriers: M. Odger, un cordonnier; M. Howell, un maçon; M. Cremer, un menuisier; M. Connolly, un maçon irlandais.» Ср. *Evans, H.* Sir Randal Cremer, London, 1909, pp. 26—30. Эппльгарт принял деятельное участие в кампании против рабства еще во время своего пребывания в Соединенных Штатах (1854—57). См. *Humphrey*, Robert Applegarth, London, 1914, pp. 4—6.

[114]) Ирландские рабочие, еще в 1862 г. (5 октября) устроившие регулярное сражение лондонским рабочим, которые демонстрировали в Гайд-парке против французской оккупации Рима и в защиту Гарибальди, теперь выступили солидарно с английскими рабочими. «The Irish Catholic—говорит Mac Carthy,—was as ardent for polish liberty as the London artizan.»

[115]) «L'agitation revêt la forme d'une petition, à rédaction de laquelle Tolain concourt activement. Cette supplique en faveur d'une nation malheureuse se couvrit rapidement de signatures. Bientôt elle est remise à celui qui détentait en son pouvoir «l'épée de la France». Une fin de non-recevoir accueillit la manifestation populaire; on avait oublié que si la constitution impériale concédait aux Français le droit de petition, ce n'était qu'auprès du Sénat seul qu'il devait s'exercer.» *Fribourg*, p. 9.

[116]) «He (Cremer) had no faith in it. He remembered how he had treated Hungary and he believed he would sacrifice Poland in the same way, if the people of England permitted him so to do». «Beehive», 25 July 1863.

[117]) «Yet our peace party knew that the best way to preserve peace was to make Russia lease her hold on Poland».

[118]) «He said himself and his colleagues had been deputed by the workmen of Paris to convey their sentiments of profound esteem and affection to their brethren in England and to urge on them a unity of action in the camp of unhappy Poland. He then drew a vivid picture of the horrors of the struggle in which Poland was at present engaged—still striving, wounded and bleeding but ever indomitable (great cheering). It was necessary for the sake of civilisation that the encroachments of Russia should be stayed. All Europe with one accord should assist, and in the name of humanity throughout the earth unitedly raise their voices to the skies with the cry of «Vive la Pologne!» Beehive». 25 July 1863.

[119]) «En quelques heures, Potter, un des chefs des Trades'Unions; Collet, journaliste, réfugié français; Georges Odger, un anglais; Eugène Dupont, un Français, et nombre de travailleurs des différentes nations productrices reçurent les confidences de Tolain. Le temps manquait pour organiser; mais l'idée était lancée, déjà il eût été difficile de porter obstacle à son éclosion.» *Fribourg*, p. 10.

[120]) *Meyer*, *Rud.* (Der Emanzipationskampf des vierten Standes, Berlin 1882. Erster Band pp. 116, 121) приписывает эту статью профессору Бисли. Но он ошибается. Анонимная статья написана Эккариусом.

[121]) «After the meeting the Frenchmen were invited into a neighbouring public home, where things were talked over; and an agreement came to have a special meeting on the following evening at the Bell Inn, Old Bailey, to discuss the practicability of an international working men's alliance. Mr. George Odger was requested to think the matter over, and consider on what basis such an alliance could be founded, but the thing came on so unexpectedly, the time was so short, and the matter of so great an importance, that little more could be done except to make an agreement that an international alliance should be formed. Mr. Odger dwelled on the necessity of putting a stop to diplomatic intrigues, establishing universal peace, and protecting labour against the encroachments of capital. The Frenchmen had no objection, but preferred confining the efforts for the moment to the liberation of Poland. A committee consisting of W. Cremer, joiner, I. Eglinton, carpenter, and G. Odger, shoemaker, was appointed to consider the matter and report to a future meeting. The committee instructed Odger to draw up an address to the workmen of France.»

[122]) «The immediate event which led to the foundation of the International was a meeting in favour of the independence of Poland held in St. Martin's Hall in London, in 1863, on which occasion a deputation from Paris attended. After the meeting, some of the leading spirits met at a public home, Long Acre, and consultations were held with a view to initiate «a grand fraternity of peoples»... Thus sprang into existence the International». *Howell*, p. 24. «In 1863 the gallant struggle of Poland against her Russian oppressors excited the warmest sympathy among the workmen of Paris and London. A meeting held in St. James Hall, on April 28th in that year, was attended by M. Fribourg and Tolain, two Paris workmen, who had come over for purpose. Before returning home they had a conference with a few of the leading London workmen, at which it was determined to organise an international society. An Address to french workmen was, drawn up by Mr. Odger, translated and sent over to Paris.» *Beesly*, Edward Spencer, The International Working Men's Association, «Fortnightly Review», November, 1870, p. 517.

[123]) *Lessner*, *Fr.* Vor 1848 und nachher. Erinnerungen eines alten Kommunisten. «Deutsche Worte», 1898, April, p. 156. См. также английскую редакцию: Sixty years in the socialdemocratic movement. London, 1907, p. 33. Неттлау следует за Лесснером и переносит митинг в 1864 г. См. Zur Vorgeschichte der Internationale, «Dokumente des Sozialismus», Band V, p. 326.

[124]) И все же он еще в 1865 г. хорошо знал, как это показывает его корреспонденция в берлинский «Sozialdemokrat» (22 Januar, 1865) что «26 (?) июля в честь их (французских делегатов) лондонским центральным комитетом союзов был устроен вечер, на котором решено было послать адрес парижским рабочим и предложить им международный союз для общих социально-политических целей».

[125]) «He believed, that the working men of England had made the cause of Poland their own, and they did not intend to let Lord Palmerston ruin the cause of Poland this time, as he had done previously. As secretary to the Trades Council, he begged to say that he, with Messrs Goddard, Coulson, Applegarth, Butler, Potter and other members of the Council, welcomed the french deputation in the name of the council, and he hoped that the day was dawning when the working men of all countries would become acquainted and then, instead of wars and slavery, would exist freedom and prosperity».

[126]) «Beehive», 14 November 1863.

[127]) В его биографии, которая напечатана в органе сапожников «St. Crispin, a weekly Journal devoted to the interess of Boot and Shoemakers and all engaged in the Leather Trades» 1869, 29 May и 5 June, мы читаем «The international Association for the fraternisation of the working people of all nations was first suggested and chiefly founded through the instrumentality of George Odger, and the first address to the workmen of France upon the occasion of their visit to England is from his pen.» На этот факт указывается и в других биографиях Оджера. Адрес опубликован впервые мною в «Vorwärts» (1 December 1913) в статье Ein Jubiläum der Völkersolidarität.

[128]) «The Bookbinder's Trade Circular», issued by the London Consolidated Society of Journeymen Bookbinders, 2 March 1864: «It is when it purports to represent the opinions of the «working men of England» that it becomes supremely ridiculous as an assumption altogether without foundation or even colourable pretence of authority... As a red republican document, it is a fair specimen of its class. As an address to promote an union between the workmen of England with those of France for any tangible purpose—if such were its intention — it is the silliest of all effusions... If it be true, as we have been informed that the French Emperor is less averse to the combinations of workmen than the french law is severe against them, it certainly is most questionable policy, for sake of indulging in abuse of him, and of easing the mind of the writer, whoever he may be, by an outpouring of republican denunciation to imperil the condition of the french workmen by destroying as far as in him lies, the good will of the Emperor towards them. The address may be deemed too insignificant to do this, but the folly of attempt is not lessened by its impotence.»

[129]) Изложение этого эпизода у Веббов опять таки сильно пострадало вследствие предвзятой точки зрения на мнимый антагонизм Оджера и Поттера и в этом вопросе. На митинге в Wittington Club, согласно отчету в «Beehive» (5 March 1864) Кремер предложил резолюцию «that the principle of centralisation embodied in the bill is one fraught with danger to the rights and liberties of the subject and should be resisted by all the means in our power.» Луи Блан в цитированных нами английских письмах видит в проекте Гладстона «социалистическую» реформу.

[130]) А не, как утверждают Веббы, чтобы публично дезавуировать поведение Поттера и приветствовать предложение правительства использовать административный аппарат в выгодах рабочего класса.

[131]) У Герцена имеется яркое описание этого эпизода с Гарибальди в Camicia rossa, гл. XVII шестой части «Былого и Дум» (Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, том XIV, стр. 510—46). Ср. также *Blanc, Louis*, Dix ans de l'histoire de l'Angleterre IV, pp. 84—101, 108—112.

[132]) Лучше всего это видно из следующего письма, которое Анри Лефор предоставил в распоряжение Чернова. Это—письмо Этьена Араго к Банселю, который жил тогда в Брюсселе и согласился принять присягу, чтобы иметь возможность выставить свою кандидатуру. Но согласие Банселя пришло слишком поздно.

«Paris, 14 mars 1864.

«Mon cher Bancel,

«Après m'être félicité des embarras qui ont fait arriver trop tard votre serment, permettez moi de joindre ma voix á celle de Fleury, de Jourdan et d'autres encore qui vous demandent d'écrire à vos électeurs pour les prier de reporter leurs sympathies et les voix qu'ils vous avaient promises sur M. Tolain, très intelligent et très honnête ouvrier. Il s'agit de faire crouler un système de calomnier qui, de Tolain, s'étend sur nos amis qui ont pris l'initiative de la candidature de l'ouvrier.»

Tchernoff, Le parti républicain au coup d'état et sous le second empire, Paris, 1906. p. 409. *H. Moin*, F.-D. Bancel, Paris 1911; pp. 113—14.

[133]) Чернов утверждает, ссылаясь на Лефора, что манифест редактирован последним и другими буржуазными республиканцами, между прочим и Гамбеттой. Но это утверждение, которое, как справедливо замечает Вейлль, и само по себе мало вероятно, опровергается показанием другого современника, *Камелина*. Старый ветеран первого Интернационала заявил мне, что Манифест был в главных своих частях написан Толеном, а затем обсужден всеми рабочими, которые собирались у Лефора, и что больше всего внес поправок Бибаль. Собрания происходили у Лефора, потому что он имел большую квартиру с ателье, которую он охотно предоставил им в распоряжение. Малон в Exposé des écoles socialistes françaises (Paris 1872, p. 192), писанном лет через семь после этих событий, говорит, что манифест был редактирован «presque éxclusivement» Толеном. В числе «шестидесяти» мы находим следующих выдающихся деятелей будущего Интернационала во Франции: Мюрата, Лимузена, Перрашона, Камелина.

[134]) «Манифест шестидесяти» появился на русском языке почти целиком в посвященной ему статье Молинари, написанной для «Русского Вестника»—«Вопрос о рабочих», (1864 г. Март). «Заменить ассоциацией, этим синонимом независимости и свободы работника, салариат—синоним подчиненности и рабства,—вот в сущности *цель*, к которой, по мнению их, должны стремиться рабочие классы и друзья их. Что же касается до *средства*, которое должно употребить для достижения этой цели, то оно заключается в частной инициативе». В той же книжке помещен и перевод статьи Бобрильара «О Манифесте рабочих» из «Journal des Débats», в которой критикуется вся аргументация манифеста в пользу рабочих кандидатур. Нашей революционной интеллигенции он больше всего был известен по его изложению и критике в книге Прудона, которая была переведена на русский язык Н. Михайловским под названием «Французская демократия». De la capacité politique des classes ouvrières, Петербург, 1867.

[135]) «Das Gesetz von 1864,—говорит Лексис,—das übrigens auch die ländlichen Arbeitgeber und Arbeiter den neuen Strafartikeln unterwirft, stellt ohne Zweifel gegen früher einen bedeutenden Fortschritt dar, entspricht aber doch noch keineswegs den Wünschen der Arbeiter. Die Grenzen des Erlaubten und des Strafbaren sind nach demselben sehr schwer zu erkennen. An welchem Punkte z. B. werden die Illusionen und Uebertreibungen erhitzter Gemüter zu «manoeuvres frauduleuses»? Wo beginnt die im Artikel 416 vorausgesetzte Verletzung der Freiheit der Arbeit? Auch ist nicht zu leugnen, dass die Arbeiter sich der Natur der Verhältnisse nach viel leichter in den Fussangeln des Gesetzes verfangen können, als die Arbeitgeber. Doch sind diese Beschwerden von geringem Gewicht gegenüber der entscheidenden Thatsache, dass trotz des Gesetzes von 1864 auch die legalste, Zwang und Gewalt durchaus vermeidende Coalition nur zu Stande kommen kann, wenn die Regierung ihre Zustimmung dazu gibt». ***Lexis***, ***W.*** pp. 20—21. «La loi du 25 mars 1864 autorisa la coalition, mais d'une façon très restreinte. Seule fut autorisée la coalition temporaire, ou grève. Restaient donc prohibées l'association professionnelle et les réunions corporatives (art. 291 du Code pénal, art. 1 et 2 de la loi du 10 avril 1834); et demeuraient interdites les défenses, proscriptions, et amendes contre les ouvriers dissidents, interdits également les comités et les permanences de grève (art. 410 du Code pénal). La loi autorisait la cessation collective du travail, mais elle refusait aux ouvriers le droit de lui donner une vie collective.» ***Maxime Leroy***, La coutume ouvrière, Tome II, p. 636.

[136]) «Or la vérité est que j'ai été seul délégué en 1863 par un groupe d'ouvriers parisiens pour aller porter à Londres la proposition précise d'une association internationale. J'ai été introduit par mon ami Le Lubez, qui me servait d'interprète dans un meeting d'ouvriers anglais, présidé par Odger, ouvrier cordonnier qui récemment était candidat au parlement pour le district de Southwark. La lecture de l'adresse des ouvriers parisiens fut acclamée et prise en considération. Et c'est à partir de ce jour que l'idée d'une association internationale, rêvée depuis longtemps, commence à se réaliser.»

[137]) На это противоречие указал уже Чернову *Thomas* (Le second empire, p. 239). Он прибавляет: «M. Lefort rendrait service à la science en cherchant à préciser encore ses souvenirs, sans chercher par ailleurs à éxagérer l'importance de son rôle: c'est un peu son péché mignon.» В беседе со мной Лефор подтвердил, что он был в Лондоне во время пребывания там Гарибальди и согласился, что он мог перепутать даты.

[138]) *Tchernoff*, pp. 448—50. Соответствующее место в письме Ле-Любе гласит: «S'il a condamné l'occupation de Rome, il n'a pas oublié celle de Gibraltar; en exécrant la conduite de la Russie en Pologne et en Circassie, il a dit, qu'elle avait son parallèle dans la conduite de l'Angleterre en Irlande, en Chine, dans le Japon, dans l'Inde, et surtout dans la Nouvelle Zélande ou l'on assassinait les indigènes pour la seule raison de les voler.»

[139]) *Nettlau*, Aus der Vorgeschichte der Internationale.

[140]) Неттлау полагает, что послание, прочитанное Ле-Любе, написано Лефором. Это предположение, уже само по себе мало вероятное и не основанное ни на каком доказательстве, опровергается также следующим местом из письма Толена. «Он (Лефор) желал иметь свидание с тремя делегатами, чтобы представить им проект организации. Эти три делегата явились, Лефор сообщил нам текст речи, которую вы прочитали на митинге, о проекте организации однако ни слова: он *не нашел для этого времени*. Вы, Ле-Любе, наверное помните, что мы на другой день утром остались у Денуаля, чтобы поговорить об этой организации, прежде чем пойти к английским рабочим. Что мы вместе делали в Лондоне, вам известно».

[141]) Der Briefwechsel zwischen Friedriech Engels und Karl Marx 1844 bis 1883. Band III, pp. 188—89. В моем распоряжении были оригиналы писем. Фотографии имеются теперь в Институте Маркса и Энгельса. Следует заметить, что Маркс допускает ошибку, когда пишет Энгельсу, что уже на митинге решено было назвать новое международное общество Working Men's International Association.

[142]) *Lessner, F.* в цитированной уже нами немецкой редакции его воспоминаний p. 156, в английской pp. 33—34.

[143]) Nettlau, loc. cit., p. 373.

[144]) Ни один знаток биографии Бакунина — а Неттлау принадлежит к лучшим знатокам ее — не поверил бы, что Бакунин мог когда-либо получить такое письмо от Юнга. Кроме Маркса получили приглашения Маццини и Луи Блан, но ни тот, ни другой не явились.

[145]) *Spargo, S.* Karl Marx, New-York, 1910 pp. 260—261.

[146]) По инициативе Маркса немецкое рабочее общество в Лондоне организовало сборы. Выпущенная последним прокламация написана Марксом, который ставит в пример немецким рабочим поведение английского рабочего класса, который массовыми митингами помешал господствующим классам осуществить вмешательство в пользу американских рабовладельцев. Прокламация подписана Боллетером, Эккариусом, Лесснером, Вольфом и др. См. *Rjasanoff*, Marx und Engels über die Polenfrage, «Grünberg's Archiv», Band VI и мои «Очерки по истории марксизма» стр. 623—25.

[147]) В связи с этим приходится отвергнуть и следующие утверждения, как противоречащие фактам. Так, Веббы (p. 235) и в новом издании сообщают, что Маркс произнес речь на собрании 28 сентября, а Брентано (Meine Polemik mit Karl Marx, 1890, p. 3) уверяет, что Маркс предложил этому собранию проект устава новой международной рабочей организации. Неверно и категорическое утверждение Гильома: «On sait également, que Karl Marx n'assistait pas à cette réunion» (L'Internationale, Tome Premier, Paris 1905, p. 1). Гоуэлль, который на собрании выбран был вместе с Марксом членом временного совета, в своем очерке истории Интернационала увиливает от определенного ответа. «Neither at its birth nor its inauguration were there any personages of great weight or social influence».

[148]) «Tu vuoi sapere la parte da me presa nella fondazione dell'Internazionale.— Dichiaro subito che fu un caso fortuito che fece sì ch'io mi trŏvassi in quella riunione, la quale allora nessuno prevedeva sarebbe divenŭta celebra. — Io mi trovavo di passagio a Londra, allorquando, per caso, fui presentato a K. Marx, Engels ed altri di cui ho dimenticato i nomi, e che furono, poi, i fondatori dell'Associazione dei Lavoratori del Mondo. — Mazzini fu invitato a prender parte a questa riunione che si teneva a Saint Martin's Hall, dietro la National Gallery, Trafalgar Square. Il grande repubblicano rifiutò; allora, un inglese, di cui non ricordo precisamente il nome, mi pregò di rimpiazzarlo, come rappresentante d'Italia. — Me ne schermii un pochino, ma finii con l'accettare e all'indomani—28 settembre 1864— ci riunimmo nella sala omai storica. — All infuori di tre o quattro persone, io non conoscevi gli altri. — Si rimase in seduta, mi pare, un paio di giorni. Quelli che presero più frequentamente la parola furono Engels ed altri due di cui ignoravo i nomi. — Allorquando tutto fu finito, ci dividemmo stampati statuti ed altre carte, e me ne tornai nuovamente in Egitto». Письмо напечатано в книг *Domanico*, L'Internazionale, Firenze, 1911. pp. 58—59.

[149]) Даже такой серьезный исследователь, как Беер, уверяет в своей Geschichte des Sozialismus in England (p. 425), что собрание в St. Martins Hall 28 сентября было торжественным заключением конференции, длившейся три дня — от 25 до 28 сентября 1864 г. Не в такой категорической форме, но в сущности то же он повторяет и в своей переработанной истории, вышедшей на английском языке в 1920. «This conference took place in the fourth week of September, 1864, and settled the main question». History of British Socialism, Vol. II, p. 201. Эта сказка заимствована им из биографии Кремера, которая меньше всего может претендовать на критическую проверку фактов. *Evans* пишет: «The first conference of the new association was held september 25—28, 1865, at 18, Great Street Soho, and was followed by a soirée at St. Martins Hall, Long Acre». Беер не заметил, что биограф Кремера спутал факты, смешав собрание 28 сентября с лондонской конференцией 1865 г. и ограничился только тем, что вместе 1865 г. поставил 1864 г.

[150]) «Lo (Luigi Wolff) connobi personalmente, intimamente, a Londra nel 1867, e fu lui che m'introdusse presso Mazzini, col buon Domenico Lama di Faenza (Mingon)». *Paolo Valeza*, Il cinquantenario, Milano, 1911, p. 48.

[151]) «Beehive», 17 September, 1864. Известно, что Чиприани (род. 18 октября 1844) уже 16 лет от роду сражался в рядах Гарибальди и после сражения при Аспромонте оставил Италию. Через Грецию он пробрался в Египет. Вместе с Гарибальди он проделал и поход 1866 г., а в 1867 г. мы встречаем его на Крите, где он вместе с Флурансом, который позже был убит на его глазах в 1871 г., принял участие в восстании. Он вернулся в Александрию, но скоро вынужден был бежать оттуда и только тогда уехал в Лондон, где оставался до провозглашения республики во Франции. См. *Martinuzzi, E.* A miei cari Cipriani, Trieste, 1913.

[152]) См. *Mazzini*, G. Mazzini e l'Internationale. Roma 1871. Луи Блан, который в своих английских письмах дает довольно подробную историю 1861 года, ни словом не упоминает об основании М. Т. Р.

[153]) В английском переводе слово «равенство» восклицает, наоборот, француз, возвращающийся из Англии во Францию.

[154]) Во главе этой газетной кампании стоял известный экономист Молинари, который в «L'économiste belge» пел дифирамбы русскому правительству. «Une insurrection n'était donc pas nécessaire pour rendre la liberté aux polonais et, en ce moment encore, le gouvernement russe n'a pas cessé de manifester sa ferme intention de poursuivre à leur égard sa politique réparatrice... Voilà pourquoi nous ne voulons pas nous enrôler dans la grande croisade, soi-disant libérale, que l'empereur Napoléon III est en train d'organiser contre «le despotisme moscovite». И он дает полякам совет для своего спасения: «attendre du souverain qui a émancipé les serfs en Russie, plutôt que

de celui qui a rétabli la servitude politique en France». L'intrigue franco-polonaise, «L'économiste belge», 25 avril, 1863.

[155]) Уже в «La guerre et la paix» 1861, Прудон высказался против восстановления Польши и еще резче в брошюре: Si les traités de 1815 ont cessé d'exister? Actes du futur congrès, которая вышла в конце 1863 г. «C'est la Russie qu'on a rendu principalement responsable du démembrement de la Pologne, dont cependant elle n'a été que tiers participant; c'est à ses conseils qu'on rapporte la pensée première du partage, bien qu'on sache que l'homme de génie, comme l'appelait justement Voltaire, qui décida cette grande mesure malgré les répugnances de Marie Thérèse et de Catherine, fut le grand Frédéric. N'osant traiter de barbares de puissances telles que l'Autriche et la Prusse, on a réservé pour la Russie, beaucoup moins avancée, tous les anathèmes; et cependant voici que la Russie a plus fait en trois ans pour le progrès de ses peuples et l'amélioration de son gouvernement, par suite pour la sécurité de l'Europe, que les polonais des Boleslas, des Cazimir, des Sigismond, des Poniatowski n'on fait en huit siècles... On va m'appeler russophile; je m'y attends; on m'appellera comme on voudra: je ne m'en émeus guère. Mais je rougirais de **mon pays** et de mes contemporains, s'il ne se trouvait parmi nous un homme pour protester contre ces jongleries polonaises, suite aux jongleries italiennes de l'an passé».

Д. Рязанов.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА

I

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС О Л. ФЕЙЕРБАХЕ

II

Д. РЯЗАНОВ

ВВЕДЕНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА К «КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ ВО ФРАНЦИИ»

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС О Л. ФЕЙЕРБАХЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Впервые опубликовываемая нами рукопись составляет часть «Немецкой идеологии», т.-е. той работы, в которой Маркс и Энгельс подвергли критике всю послегегелевскую философию в лице Фейербаха, Бруно Бауэра и Макса Штирнера, а также немецких «истинных социалистов».

Прошло почти восемьдесят лет с тех пор, как Маркс и Энгельс закончили свой большой труд, но он все еще не опубликован целиком. Напомним в нескольких словах историю этой «злополучной» рукописи.

Первое упоминание о ней мы находим в предисловии к «Zur Kritik der politischen Oekonomie» в 1859 г. Говоря словами Энгельса,—в предисловии к «Л. Фейербаху»,—Карл Маркс там рассказывает, как «мы в 1845 году в Брюсселе решили вместе заняться разработкой наших взглядов, т.-е. найденного Марксом материалистического понимания истории—в противоположность с идеологическими взглядами немецкой философии, и таким образом свести счеты с нашей тогдашней философской совестью». Это намерение было исполнено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись—два толстых тома в восьмую долю листа—давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают невозможным ее появление в печати. Мы тем охотнее предоставили грызущей критике мышей расправляться с ней, что наша главная цель—выяснение дела самим себе—была уже достигнута. С тех пор прошло более сорока лет, и Маркс умер. Ни ему, ни мне ни разу не пришлось вернуться к названному предмету. Иногда мы высказывались насчет нашего отношения к Гегелю, но нигде не изложили его во всей полноте. Что же касается Фейербаха, который во многих отношениях является связующим звеном между философией Гегеля и нашими взглядами, то к нему мы больше не возвращались».

Ниже мы укажем на кое-какие неточности в этом рассказе Энгельса. Что касается самой рукописи, он сообщает нам только, что, прежде чем отправить в печать свою работу о Фейербахе, он «отыскал и перечитал старую рукопись 1845—1846 г.г. Отдел о Фейербахе в ней не кончен. Готовая часть представляет собою изложение материалистического понимания истории, показывающее до какой степени неполны были наши тогдашние историко-экономические сведения. Так как в нем не было критики учения Фейербаха,—оно оказалось непригодным для моей цели».

Только через пятнадцать лет Меринг в своем «Литературном наследстве Маркса и Энгельса» дал несколько дополнительных сведений об этой рукописи.

«Работа о «Немецкой идеологии» находится, поскольку она закончена, среди бумаг, оставшихся после Маркса и Энгельса. Опубликование ее приходится отложить до издания полного собрания их сочинений... Первый том содержал критическое рассмотрение взглядов Бруно Бауэра, Штирнера и Фейербаха... Вторая часть «Немецкой идеологии» посвящена была различным пророкам немецкого социализма» [1]).

---

[1]) *Mehring*, Aus dem literarischen Nachlass, Zweiter Band, pp. 346—47.

Несомненно, что Меринг никогда не видел «Немецкой идеологии». Хотя он в своем комментарии поставил себе задачу проследить эволюцию взглядов Маркса и Энгельса, он не мог добиться от Бебеля или, вернее, Бернштейна права если не опубликовать, то по крайней мере использовать манускрипты Маркса и Энгельса. Правда, есть указание, что один такой манускрипт он получил. Это—«Лейпцигский собор», о котором он рассказывает в том же томе «Литературного наследства» (стр. 95—102). Мы сейчас увидим, что ему осталась неизвестна «тайна» этого манускрипта.

Вскоре после выхода в свет второго тома «Литературного наследства» Бернштейн начал в своих «Dokumente des Sozialismus»—с января 1903 г.—опубликование большого манускрипта Маркса-Энгельса о Штирнере. В введении, которое он предпослал этой работе, Бернштейн указывает, что она представляет часть еще большей работы, в которой Маркс и Энгельс «сосчитались» с своими бывшими соратниками из крайнего крыла лево-гегельянства, и «представляет не только большой исторический интерес, но дает и по своему содержанию много страниц, имеющих прочную ценность». Бернштейн прибавляет, что манускрипт «помечен в своем заголовке как манускрипт III, из чего следует, что он был задуман как часть какого-то сборного труда. Как видно из его начала, манускрипт № III примыкает по своему содержанию к тому самому «Лейпцигскому собору», содержание которого излагает Меринг».

Мы видим таким образом, что Бернштейн, приступая к опубликованию работы Маркса и Энгельса о Штирнере, имел довольно смутное представление о том «целом», часть которого он перепечатывал, но так и не закончил, в своих «Dokumente des Sozialismus» в 1903 и 1904 г.г.

В послесловии ко второму изданию «Литературного наследства» (вышло в 1913 г.) Меринг делает различные дополнения на основании новых данных, опубликованных в 1902—1912 г.г., но не считает нужным даже упомянуть об опубликованном манускрипте Маркса и Энгельса.

Только в 1918 г., в биографии Маркса, Меринг возвращается к вопросу о «Немецкой идеологии» [1]). Повторив рассказ Маркса и Энгельса об их общей работе, посвященной критике послегегелевской философии, Меринг прибавляет: «Мыши выполнили свое дело в буквальном смысле этого слова и порядком изгрызли манускрипт, но сохранившиеся части его объясняют нам, почему авторы не особенно были огорчены этим несчастьем».

Отзыв, даже поскольку он основан на чтении «Святого Макса», по меньшей мере странный. И он становится еще более непонятным, когда читаешь следующие за ними рассуждения.

Одно только ясно: Меринг и после 1902 г. не мог или не хотел познакомиться с рукописью Маркса и Энгельса, хотя он должен был знать, что как биограф Маркса и Энгельса, а также издатель их литературного наследства, он не мог обойтись без тщательного знакомства с этим манускриптом. Никакие ссылки его на устаревшую форму изложения, на злоупотребление сверх-полемикой, на буквоедство и словесные придирки не могут служить в данном случае оправданием. Достаточно указать в «Святом Максе» такие «оазисы», как экскурсию в историю древней философии, как рассуждения о космополитизме, средневековой иерархии и иерархии вообще, политическом либерализме и Канте, французской революции, буржуазии и пролетариате, коммунизме, личности и классе и т. д. и т. д., чтобы не согласиться с Рингом, который в данном случае действительно из Not—невозможности получить в свои руки все литературное наследство Маркса и Энгельса—так

[1]) *Mehring*, Karl Marx, pp. 115—17; в русском переводе, стр. 87—90.

легко делает «теорию» и приходит к выводу, что в сущности все эти работы Маркса и Энгельса особенного значения не имеют. Так, и в последней работе его особенно ярко сказался основной недостаток всех исторических работ Меринга: он был меньше *исследователем* чем критиком и публицистом.

Иначе приступил к своей работе автор биографии Швейцера, Густав Майер, когда взялся за биографию Энгельса. Он в первую очередь приступил к собиранию и критике необходимых материалов—сначала печатных, а затем и рукописных. И в последнем случае он оказался счастливее Меринга: ему удалось получить от Бернштейна часть манускриптов. Достаточно прочитать в его книге главу, посвященную «Борьбе с немецкой идеологией» [1]), чтобы притти к заключению, что Меринг слишком легко отказался от права требовать через партию, раз она поручила издать ему литературное наследство Маркса и Энгельса, предоставления в его распоряжение всех необходимых для этого материалов.

Уже в тех отрывках, которые сообщает Майер, мы находим крайне важные указания на то, как вырабатывалась и развивалась противоположность между идеалистической и материалистической точкой зрения внутри системы Гегеля. И там же мы находим первую известную нам формулировку материалистического понимания истории.

К сожалению, и Густав Майер вряд ли имел все сохранившиеся части «Немецкой идеологии» в своих руках. Мы узнаем от него только, что он получил от Бернштейна разрешение — которого, вероятно, добивался, но не получил Меринг—познакомиться с этими рукописями. Майер не дает не только описания последних, но даже простого перечня. Он поэтому не заметил, что и опубликованный им «Лейпцигский собор» каким-то неизвестным путем—о котором можно только догадываться—был выделен из числа имевшихся у Бернштейна манускриптов еще в 1901 г. и попал в архив немецкой социал-демократии, хотя составлял одну из частей «Немецкой идеологии».

Мне удалось теперь с большим трудом собрать, вероятно, все membra disjecta интересующего нас манускрипта. Говорю вероятно, потому что все же имею только то, что *мне дал Бернштейн*. Мы не имеем списка, составленного самим Энгельсом, у нас нет уверенности, что при том невероятном легкомыслии, с которым после смерти Энгельса распорядились оставшимися после него бумагами, приняты были меры, чтобы произвести точный учет их.

После первой разборки полученных мною от Бернштейна рукописей, я установил, что в моих руках имеются следующие части:

Во-первых, помеченная римской цифрой I рукопись «Philosophie des wahren Sozialismus».

Во-вторых, огромная рукопись, помеченная римской цифрой III и посвященная Sankt-Max'y. Именно из нее Бернштейн взял те главы, которые он напечатал в Dokumente des Sozialismus—с большими купюрами. Ненапечатанным осталось больше половины. Это—самая крупная часть «Немецкой идеологии», действительно по своим размерам не уступающая сочинению самого Штирнера.

В-третьих, рукопись, помеченная римской цифрой IV и посвященная историографии истинного социализма (Geschichtschreibung des wahren Sozialismus). Эта часть была напечатана еще в 1847 г. в «Westphälisches Dampfboot» и перепечатана в «Neue Zeit» (XVIII) Бернштейном. Она подвергает беспощадному разбору Карла Грюна, как историка социализма.

---

[1]) *Mayer, Gustav*, Friedrich Engels in seiner Frühzeit. 1820 bis 1851. Erster Band. Kapitel IX, «Die Abrechnung mit der deutschen Ideologie» pp. 234—262.

В-четвертых, рукопись, помеченная римской цифрой V и озаглавленная: Dr. Georg Kuhlmann aus Holstein oder die Prophetie des wahren Sozialismus.

Кроме этих рукописей я получил от Бернштейна еще большую рукопись с заголовком: L. Feuerbach. Внимательный просмотр ее показал мне, что Бернштейн, давая ей сквозную пагинацию, от 1 до 116, ошибся и смешал две рукописи: одну—посвященную Фейербаху, другую—посвященную Бруно Бауэру. Оказалось, что вторая состоит из Studien zur Kritik der Evangelien и направлена против Бауэра, как историка христианства.

Таким образом, в первой группе нехватало рукописи, помеченной римской цифрой II. Бернштейн уверял меня, что такая рукопись была и трактовала о Бруне Бауэре, но что он дал ее Мерингу, который не вернул ее. Удостоверившись, что среди бумаг Меринга такой рукописи нет—эту справку я получил от Эдуарда Фукса—я подверг внимательному исследованию рукопись «Лейпцигский собор». Оказалось, что она на последней странице помечена—рукой Энгельса—римской цифрой II и носит еще особый заголовок: Bruno Bauer. Вероятно, Меринг, получив ее от Бернштейна, вернул ее вместе с рукописью философской диссертации Маркса в архив.

Таким образом, если делить «Немецкую идеологию» на две части: одну, посвященную критике Фейербаха, Бруно Бауэра и Штирнера, и другую, направленную против различных пророков истинного социализма [1]), то наши манускрипты придется распределить между ними в следующем порядке: том первый «Немецкой идеологии» составится из рукописи о Фейербахе, двух рукописей о Бруно Бауэре (рукопись № II и выделенная мною из рукописи о Фейербахе Критика евангелий) и рукописи № III; том второй из рукописи № I (Философия истинного социализма), рукописи № IV (Историография истинного социализма), рукописи № V (Кульман или пророчество истинного социализма). Во вторую часть придется также отнести Манифест против Криге (Тактика и экономия истинного социализма) и статьи против Грюна и Бека (Поэзия истинного социализма). Последние статьи были напечатаны в 1846 и 1847 г.г. в «Westphälisches Dampfboot» и «Deutsche Brüsseler Zeitung». Кроме того, у нас имеется еще один манускрипт Энгельса, тоже посвященный истинным социалистам.

В настоящем томе мы печатаем манускрипт о Фейербахе. Он состоит из 1—14 страниц и, за вычетом ошибочно занумерованных Бернштейном (стр. 15—40), еще из 76 страниц (от 41 до 116). Начало имеется в двух редакциях, из которых мы выбрали одну. Кроме того, пришлось исключить несколько перечеркнутых страниц, а также страницы, которые должны войти в часть, посвященную Штирнеру.

В рукописи имеются пробелы, которые вряд ли будут восполнены. Вся она почти целиком написана рукой Энгельса. Имеются немногие замечания и вставки, принадлежащие Марксу. Из этого, однако, нисколько не следует, что автором является Энгельс. Скорее, наоборот, главным автором является Маркс, а Энгельс зачастую только переписчиком. Не надо

---

[1]) Такое деление принимается обычно Мерингом, Бернштейном и Майером. Что касается меня, то я сомневаюсь, чтобы критика Фейербаха входила в первый том. Всего вероятнее, что когда Маркс и Энгельс сделали в 1846 г. попытку чрез посредство Вейдемейера напечатать свою критику, они ему послали только первый том, состоявший из критики Бруно Бауэра и Штирнера. Более близкое знакомство с рукописью «Немецкой идеологии» помогло мне разгадать тайну одного автографа Маркса, полученного мною от Лауры Лафарг. Он представляет проект предисловия к какой-то оставшейся мне неизвестной работе Маркса. Теперь я могу сказать, что это, несомненно, проект предисловия к первому тому «Немецкой идеологии». Ниже я даю его перевод.

забывать, что мы имеем дело с экземпляром, который, в значительной своей части, был переписан начисто для издателей. Так как Маркс отличался крайне неразборчивым почерком, то роль переписчика выпадала на долю Энгельса, прошедшего хорошую школу каллиграфии.

Мы не будем подробно излагать значение печатаемой нами рукописи. Как уже верно указывал Энгельс, она не кончена, хотя в своей готовой части представляет собою самое раннее изложение материалистического понимания истории. Но Энгельс ошибается, говоря, что в просмотренном им манускрипте не оказалось критики учения Фейербаха. Читатель увидит, что эта критика дана, но, к сожалению, в силу «грызущей критики мышей» или процесса обветшания бумаги, сильно пострадала. Читатель также увидит, как был скромен Энгельс, говоря в 1888 г.—т.-е. через 45 лет,—что манускрипт показывает, как «неполны были наши тогдашние историко-экономические сведения».

Мы считаем однако необходимым—в связи с этим заявлением Энгельса—остановиться на одном вопросе, который имеет кардинальное значение в истории марксизма: в какой степени материалистическое понимание истории является продуктом оригинального творчества Маркса и, до известной степени, Энгельса?

Печатаемая нами рукопись дает впервые точно установленный отправной пункт для такого исследования. Мы теперь знаем, что материалистическое понимание истории, как оно было изложено в «Нищете философии», и «Коммунистическом Манифесте», формулировано Марксом и Энгельсом *не позже осени 1845 года.*

Книжка Вигандовского трехмесячника (Wigand's Vierteljahrschrift), где была помещена статья Фейербаха [1]), на которую ссылаются Маркс и Энгельс в печатаемой нами рукописи, вышла весной или ранним летом 1845 года.

Уже отсюда явствует, что всякое исследование, ставящее себе целью проследить влияние, которое могли иметь на Маркса и Энгельса, как на творцов материалистического понимания истории, различные предшествовавшие им мыслители, должно исключить из сферы своего исследования все работы в области философии истории, истории культуры и истории хозяйства, вышедшие после указанной нами даты.

Немецкий историк Белов сделал очень интересную попытку установить, в какой связи мог находиться марксизм, при своем возникновении, с немецкой литературой по хозяйственной истории [2]). Он старается—методологически вполне правильный прием—установить, какие книги могли войти в «круг чтения» Маркса и Энгельса. Он приходит к заключению, что «материалистическое понимание истории», которое он смешивает с теорией преобладания экономического фактора в истории, уже носилось в воздухе и что оргинальность Маркса и Энгельса заключалась в том, что они особенно ярко и отчетливо формулировали выводы, к которым приходили уже и другие исследователи.

Белов ставит и другой вопрос—опять-таки методологически вполне правильно. Если признать, что интерес к экономической истории действи-

---

[1]) Ueber das Wesen des Christenthums in Beziehung auf den «Einzigen und sein Eigentum». Этот ответ Фейербаха Штирнеру перепечатан в седьмом томе его сочинений (издание Болина и Иодля).

[2]) *G. von Below*, Die deutsche Geschichtschreibung von den Befreiungskriegen bis zu unseren Tagen. Leipzig, 1916, pp. 124—80.

тельно отличает уже немецкую литературу, с которой не могли не быть знакомы Маркс и Энгельс, то еще важнее установить, какие результаты были ею достигнуты, другими словами—чему могли из нее научиться Маркс и Энгельс, вырабатывая свою схему экономического развития «гражданского общества».

Как бы то ни было, Белов понимает, что несимпатичный ему марксизм связан с определенной исторической эпохой, что свойственное ему понимание истории не могло возникнуть в любой исторический момент. Подчеркивая значение романтизма, он тем самым допускает, что без великой французской революции, без этого опыта революционного изменения мира, немыслимо было бы новое понимание этого мира. Уже по одной этой причине он бесконечно выше такого историка и «социолога», как Зомбарт, который все еще стоит на старой точке зрения «плагиата», подменяющей вопрос о генезисе марксизма вопросом, у кого именно Маркс и Энгельс «украли» свою точку зрения.

Белов ограничил свое исследование только немецкой литературой, но и в этой хорошо известной ему области он упустил из виду ряд очень важных произведений. Не менее необходимо исследовать соответственную французскую и английскую литературу. Маркс уже в «Heilige Familie» смеется над теми «критиками», которые не имеют никакого понятия об английских системах—речь идет о социалистических—только потому, что единственный источник их познаний—книга Штейна «Der Kommunismus und Sozialismus des heutigen Frankreichs»—молчит об английских системах.

Уже в Париже, на-ряду с изучением истории Франции, Маркс приступает к истории Англии и политической экономии. Статьи Энгельса в «Deutsch-Französische Jahrbücher» и «Vorwärts» дали ему лишний толчок в этом направлении. Уже в статье против Руге—в том же «Vorwärts» Маркс оперирует данными из политической и социальной истории Англии.

Кое-какие указания на «круг чтения» Маркса в 1843 и 1844 г.г. дают нам не только его статьи за этот период, но и записные тетради. Особенно интересны указания, относящиеся к лету 1843 г., когда Маркс готовился к отъезду в Париж и работал над критикой философии права Гегеля. Мы находили выписки из книг по истории Франции (среди них: Шмидта, Ваксмута, Шатобриана, Лакретелля), по истории Англии (между прочим, Лингарда, Лаппенберга, Росселя), по истории Германии (Ранке), по истории политических учений—Moser, Patriotische Phantasien, Макиавели, Руссо, Монтескье. В Париже Маркс продолжал работать над историей Франции, собираясь даже одно время написать историю Конвента, но в то же время много читал и по истории Соединенных Штатов и Англии, изучал социалистов и экономистов—Рикардо и Мак-Коллоха.

Мы знаем от Руге, как интенсивно работал Маркс в Париже. Когда Энгельс в сентябре 1844 г. набрасывал с ним предисловие к памфлету против Бруно Бауэра, он не думал, что Маркс превратит этот памфлет в целую книгу и что тот «реальный гуманизм», который они оба выдвинули в предисловии, окажется превзойденным уже в самой книге. А как сильно продвинулся вперед от Фейербаха Маркс в процессе своей работы, показывает следующее место из «Heilige Familie»:

«Думает ли критическая критика, что она может пойти дальше первых начатков в познании исторической действительности, пока она *исключает из исторического движения теоретическое и практическое воздействие человека на природу—естествознание и промышленность?* Или она думает, что она действительно поняла какую-нибудь эпоху, *не изучив, например, промышленность этой эпохи, непосредственный способ производства жизни?*»

Когда Энгельс приехал в апреле 1845 г. в Брюссель, куда переселился высланный из Парижа Маркс, он сразу констатировал, что его друг уже решительно покончил с «реальным гуманизмом». К этому времени относятся тезисы о Фейербахе, которые были после опять найдены в 1888 г. Энгельсом в одной старой тетради Маркса.

Мы сейчас вернемся к этим тезисам. Но в этой записной книжке— мне удалось ее найти в бумагах Маркса, попавших к Лафаргам— имеются еще несколько перечней книг, которые Маркс собирался прочитать или приобрести. В огромном большинстве, это—книги по политической экономии, социализму и истории. Как и следовало ожидать, Маркс старался перечитать и пересмотреть все, что он мог найти в брюссельских библиотеках по интересовавшим его вопросам. В центре внимания стоит однако политическая экономия, хозяйственная история и политические теории. Мы знаем, что Маркс уже носился тогда с планом написать историю экономических и политических учений, как Энгельс, только что сдавший в печать книгу о «Положении рабочего класса в Англии», собирался написать историю социального движения в Англии. Летом 1845 года оба едут в Англию, где они пробыли—главным образом в Манчестере—шесть недель. Из некоторых сохранившихся от этого периода тетрадей видно, что Маркс читал в Манчестере Томпсона, Коббетта, Сеньора, Купера, Эдмондса, Тука, Рикардо, Мак-Коллоха, Уэда, Эдена.

Вывод, который можно сделать, заключается в следующем. Придя уже в конце 1844 года к выводу, что нет никакой возможности понять историческую действительность, не зная историю индустрии, Маркс, а вместе с ним и Энгельс, перерыли *всю им тогда известную литературу*. Нужно быть круглым идиотом, не имеющим никакого представления об истории, чтобы думать, что Маркс и Энгельс свое материалистическое понимание истории стибрили у какого-нибудь, оставшегося известным только им, историка или экономиста.

Новейшая попытка этого рода принадлежит Зомбарту, умудрившемуся написать несколько томов по истории экономики, но до сих пор не имеющего никакого понятия об исторической обусловленности идей. Он поэтому в состоянии, ничто же сумняшеся, отрывать данную систему идей от ее исторических корней и переносить ее в другую эпоху. И, действительно, если учение Маркса и Энгельса представляет систему идей, которые могли с такой же легкостью возникнуть в голове человека, не знавшего ни великой французской революции, ни промышленного переворота в Англии и на континенте, ни борьбы пролетариата с буржуазией, ни Гегеля, ни Фейербаха, ни Рикардо, ни Оуэна, ни Фурье, то нетрудно притти к выводу, что можно найти, наконец, того таинственного автора, которого так ловко обокрали Маркс и Энгельс.

Счастливый случай помог, после долгих поисков, Зомбарту найти того писателя, который еще в 1771 году показал, что «не было никакой нужды в XIX столетии открывать материалистическое понимание истории» (!?). Более того. Содержание книги, которую, наконец, нашел Зомбарт, представляет, по его мнению, «самое совершенное применение материалистического понимания истории к различным областям культуры, какое мы только имеем».

Это открытие Зомбарт сделал в своей последней работе «Die Anfänge der Soziologie» [1]). Книга, которая извлечена Зомбартом из мрака забвения, куда ее, казалось, навсегда заткнули Маркс и Энгельс, называется

[1]) Напечатана в двухтомном сборнике «Hauptprobleme der Soziologie», посвященном памяти Макса Вебера.

Observations concerning the distinction of ranks in Society by John Millar, professor of laws in the university of Glasgow, London 1771.

Даже единственная цитата, которую приводит Зомбарт, показывает, что Миллар является только одним из многочисленных «историков культуры» второй половины XVIII столетия, вышедших из школы Монтескье. Кунов, которому нельзя отказать в знакомстве с литературой предмета, ставит Миллара значительно ниже Ленгэ. «Миллар,—пишет он,—вообще не знает, что такое общественный класс. Ему известны только различия ранга и сословия, которые он, хотя и говорит в некоторых местах своей книги о влиянии богатства на положение в обществе, объясняет, следуя старой схеме, физическим преобладанием имущих членов общества над более слабыми. Экономических основ образования классов он не замечает» [1]).

Маркс был так неосторожен, что забыл уничтожить ту тетрадь, в которую он внес несколько цитат из Миллара. Он, несомненно, просматривал эту книгу, но совершенно в другой связи и много лет спустя после того, как написал критику немецкой идеологии. В особой тетради, датированной London, August 1852, мы находим Миллара среди десятка книг, посвященных истории женщины (Jung, Ségur, Meiners, Thomas, Alexander) и истории культуры вообще (Eichhorn, Wachsmuth, Drumann). И, действительно, треть книги Миллара посвящена вопросу о положении женщины в различные эпохи (глава первая). Затем Миллар трактует о юрисдикции и власти отца семейства, о власти вождя или старшины над членами племени или деревни, о власти суверена и положении рабов и крепостных. Чаще всего он не объясняет те или иные учреждения, а описывает их и констатирует в них «a violation of the natural rights and liberties of mankind» [2]).

«История культуры», зародившаяся в XVIII столетии, собрала много фактов, доказывавших, что человеческая история не ограничивается только завоеваниями и подвигами монархов. Кроме общих «историй культуры», дававших массу фактов, в число которых входили, как один из элементов этой культуры, и экономические отношения, факты из истории производства и торговли,—начали появляться специальные истории промышленности и торговли. Но история экономики оставалась сама по себе, а другие явления «культуры» сами по себе. Как бы то ни было, уже эти первые историки хозяйственных отношений собрали большой материал, который был использован Марксом и Энгельсом. И когда последний, в 1888 г., констатировал, что труд его и Маркса, относящийся к 1845—1846 г.г., показывает, как неполны были их тогдашние историко-экономические сведения, то этот недостаток являлся недостатком эпохи. Поэтому Белов совершенно прав, говоря, что важно установить уровень развития историко-хозяйственных знаний того времени.

Одной из задач марксоведения и является исследование развития науки «истории культуры» и истории хозяйства *до 1845 г.*, в Англии, Германии, Франции и Италии. Попытка Белова проследить корни марксизма в немецкой историко-экономической литературе страдает существенными пробелами. Так, он забыл Heeren'a и Gülich'a, которых Маркс цитирует неоднократно. Случайно сохранившиеся тетради с выписками из Gülich'a показывают, как тщательно Маркс изучал его историю промышленности и торговли. Белов только упоминает о Hüllmann'е,

---

[1]) *Cunow*, Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts-und Staatstheorie, I, p. 119.
[2]) Экземпляр книги Миллара нашелся в библиотеке Румянцовского музея.

а между тем его главные работы об истории городов в Германии и истории греческой торговли были хорошо известны Марксу, который не менее усердно эксцерпировал и работы известного немецкого историка технологии и машиноведения, Поппе. К осени 1845 г. Маркс был также знаком с главными работами по истории французской промышленности, не говоря уже о таких историках эпохи реставрации, как Тьерри, Гизо и Минье. В записных тетрадях Маркса и книге Энгельса мы находим ссылки на все крупные произведения анлийской историко-экономической литературы— Макферсона, Андерсона, Эдена, Уэда. Характерно, что в печатаемом нами манускрипте мы уже находим факты и ссылки, которые после повторяются в первом томе «Капитала». И только исходя из «Немецкой идеологии» можно будет с наибольшей точностью установить, чем обязаны Маркс и Энгельс своим предшественникам, кто доставил им наибольшую сумму материалов для построения их историко-экономической схемы.

Печатаемая нами рукопись дает возможность установить еще один важный факт для всякого научного исследования философской эволюции марксизма. Тот вывод, который нам знаком из Анти-Дюринга, формулирован уже в рукописи о Фейербахе. Философия, как особая наука об общей связи вещей и знаний, как summa summarum всего человеческого знания, становится излишней. От всей прежней философии остается только наука о законах мышления — формальная логика и диалектика.

Несомненно, что к этому выводу Маркс и Энгельс пришли через критику Фейербаха. И также несомненно, что эта критика выполнена главным образом Марксом.

Уже в «Heilige Familie» Маркс является больше продолжателем Фейербаха, чем его учеником. Это лучше всего доказывается сравнительным анализом соединенных под одной обложкой высказываний Маркса и Энгельса о Фейербахе.

Можно сказать, что когда Маркс закончил «Heilige Familie», он уже перестал быть фейербахианцем даже в области философии. Поэтому ему было так легко проделать тот разрыв с Фейербахом, который Энгельс застал уже весной 1845 г. Вот почему «Положение рабочего класса в Англии», вышедшее в свет позже «Heilige Familie», гораздо больше стоит на почве «реального гуманизма» Маркс увлек за собой Энгельса, который возлагал еще надежды на Фейербаха, как союзника.

Известные тезисы Маркса служат лучшим введением в печатаемую нами рукопись о Фейербахе. Так как Энгельс не совсем точно воспроизвел эти тезисы, а Плеханов не везде точно их перевел, то я даю ниже перевод этих тезисов непосредственно с оригинала, который я нашел в записной книжке Маркса.

Что касается рукописи о Фейербахе, мы старались дать максимально точное воспроизведение ее идейного содержания. Где это было возможно, переведены также вычеркнутые Марксом и Энгельсом места. Все они заключены в прямые скобки. Перевод рукописи о Фейербахе сделан П. Юшкевичем.

Д. Рязанов.

ТЕЗИСЫ О ФЕЙЕРБАХЕ

1

Главный недостаток всего предшествовавшего материализма—до фейербаховского включительно—заключается в том, что предмет, действительность, чувственность рассматривается только в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не как *чувственно-человеческая деятельность, не в форме практики*, не субъективно. Поэтому, действенная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как последний, естественно, не знает действительной, чувственной деятельности, как таковой [1]). Фейербах выдвигает чувственные объекты, действительно отличные от объектов, существующих лишь в наших мыслях, но он не постигает самую человеческую деятельность, как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика постигается и фиксируется только в ее грязно-еврейской форме проявления. Он не понимает поэтому и значения «революционной», практически-критической деятельности.

2

Вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а *практический* вопрос. На практике должен человек доказать истинность, т.-е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто *схоластический* вопрос.

3

1) Материалистическое учение об изменении обстоятельств и воспитании забывает [2]), что обстоятельства изменяются [3]) людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно поэтому должно [4]) дробить общество на две части, из которых одна стоит над ним [5]).

Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности или самоизменения может быть постигнуто и рационально понято, только как *революционная практика* [6]).

---

[1]) Энгельс вставляет несколько слов, чтобы облегчить понимание фразы. Так, вместо daher пишет: daher geschah es, dass и т. п.

[2]) Вместо этого Энгельс вставляет: учение о том, что люди представляют собою продукт обстоятельств и воспитания и что, следовательно, изменившиеся люди являются продуктами других обстоятельств и изменившегося воспитания.

[3]) Энгельс вставляет: именно.

[4]) Энгельс вставляет: с необходимостью к тому.

[5]) Энгельс вставляет: обществом и делает дополнение: напр., у Роберта Оуэна.

[6]) У Энгельса пропущено: или самоизменения, а вместо revolutionäre сказано почему-то umwälzende. Возможно, что это — цензурная поправка. Курсив имеется в оригинале.

4

Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира в религиозный и светский [1]). Его задача состоит в том, чтобы свести религиозный мир к его светской основе [2]). Но то, что светская основа отделяет себя от самой себя и как самостоятельное царство водворяется в облаках, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой светской основы. Следовательно, последняя сама должна быть понята из себя самой со всеми ее противоречиями, с одной стороны, практически революционизирована—с другой. Следовательно, после того как, например, земная семья раскрыта, как тайна святого семейства, первая должна быть теоретически и практически разрушена [3]).

5

Недовольный *абстрактным мышлением*, Фейербах выдвигает *созерцание* (Anschauung) [4]), но он рассматривает чувственность не как *практическую* человечески-чувственную деятельность.

6

Сущность религии Фейербах сводит к сущности человека. Но сущность *человека* не есть абстракт, присущий отдельному индивидууму. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений.

Фейербах, не входящий в критику этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода исторического развития и фиксировать религиозное чувство само по себе, и предположить абстрактного—*изолированного*—индивидуума;

2) поэтому сущность может быть понята только, как «род», как внутренняя, немая общность, устанавливающая *естественную* связь между многими индивидуумами [5]).

7

Поэтому Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть общественный продукт [6]), и что абстрактный индивидуум, подвергаемый им анализу, принадлежит [7]) к определенной общественной форме.

8

Всякая [8]) общественная жизнь есть по существу жизнь *практическая*. Все тайны (мистерии), которые заводят теорию в мистицизм, находят

---

[1]) Энгельс прочитал вместо weltliche—wirkliche. Поэтому он вставил слово vorgestellte — существующий в представлении, чтобы лучше подчеркнуть контраст с действительным.

[2]) После этой фразы Энгельс вставляет: Он не замечает, однако, что после решения этой задачи главная часть дела остается еще не сделанной.

[3]) Вместо слова vernichtet Энгельс пишет umgewälzt. Плеханов перевел: подвергнута преобразованию.

[4]) Энгельс вместо will die Anschauung прибавляет appelliert an die sinnliche Anschauung.

[5]) Энгельс пишет: *человеческая* сущность и *только* естественную.

[6]) У Энгельса общественный продукт напечатан курсивом.

[7]) Энгельс пишет: *в действительности* принадлежит.

[8]) Энгельс вместо alles ставит das. «Практическая» подчеркнуто в оригинале.

свое рациональное решение в человеческой практике и в понимании этой практики.

9

Самое большее, чего может достигнуть созерцательный [1]) материализм, т.-е. материализм, который не постигает чувственность, как практическую деятельность, это—представление отдельных индивидумов и «гражданского общества» [2]).

10

Точка зрения старого материализма есть гражданское [3]) общество; точка зрения нового материализма есть человеческое [4]) общество или человечество [5]).

11

Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его.

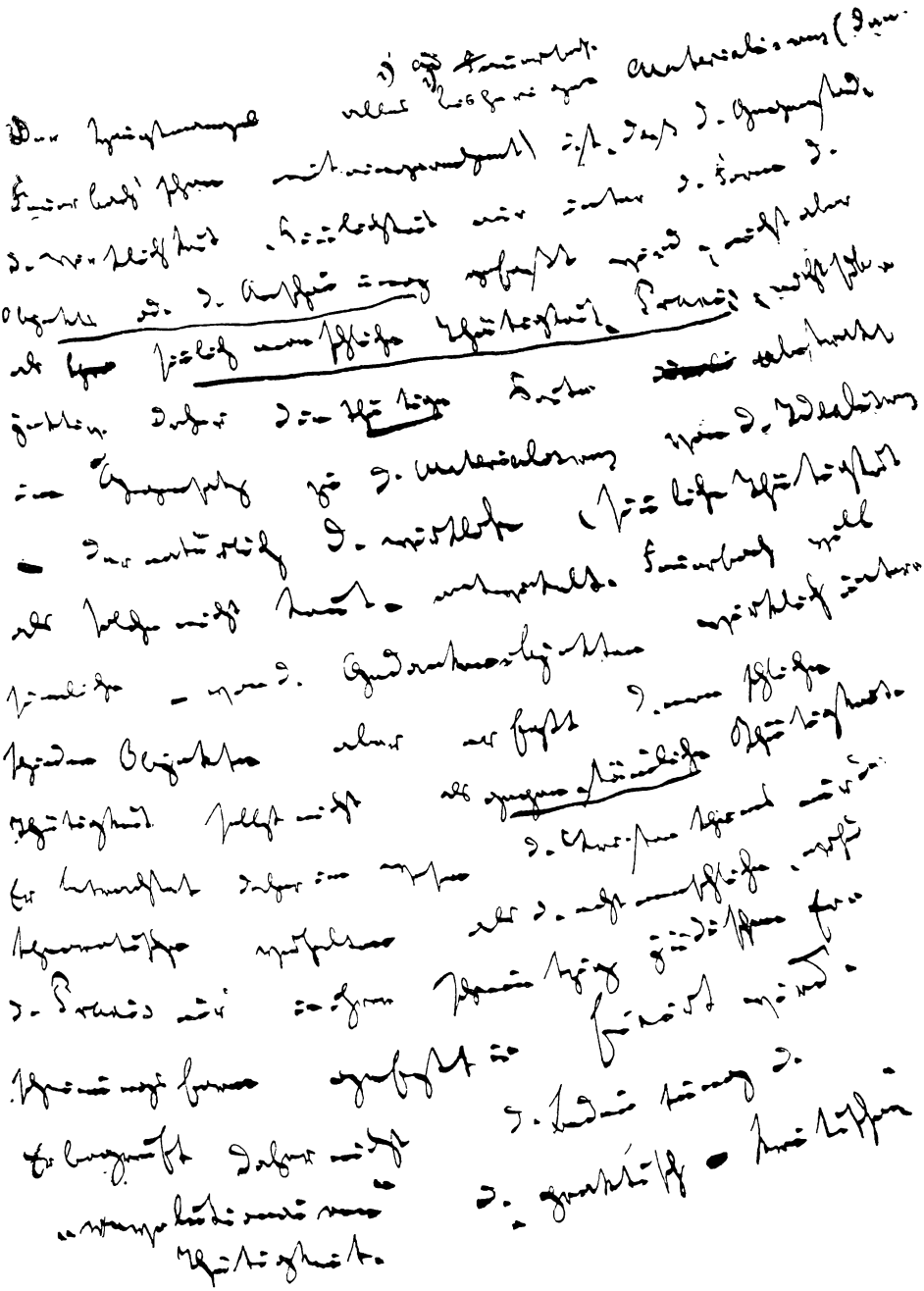
---

[1]) У Энгельса это слово подчеркнуто.
[2]) У Энгельса—в гражданском обществе.
[3]) У Энгельса это слово набрано курсивом.
[4]) У Энгельса набрано курсивом.
[5]) У Энгельса не gesellschaftliche, а vergesellschaftete—обобществленное.

ФАКСИМИЛЕ РУКОПИСИ К. МАРКСА

«ТЕЗИСЫ О ФЕЙЕРБАХЕ»

(Увеличено приблизительно в $1^1/_3$ раза)



4)

8)

9)

10)

11)

AD FEUERBACH

Der Hauptmangel alles bisherigen Materialismus (den Feuerbach'schen mit eingerechnet) ist, dass der Gegenstand, die Wirklichkeit, Sinnlichkeit nur unter der Form des *Objekts oder der Anschauung* gefasst wird; nicht ader als *sinnlich menschliche* [1]) *Thätigkeit*, *Praxis*, nicht subjektiv. Daher die *thätige* Seite abstrakt im Gegensatz zu dem Materialismus von dem Idealismus—der natürlich die wirkliche, sinnliche Thätigkeit als solche nicht kennt—entwickelt [2]). Feuerbach will sinnliche—von den Gedankenobjekten wirklich unterschiedene Objekte: aber er fasst die menschliche Thätigkeit selbst nicht als *gegenständliche* Thätigkeit. Er betrachtet daher im Wesen des Christentums nur das theoretische Verhalten als das echt menschliche, während die Praxis nur in ihrer schmutzig jüdischen Erscheinungsform gefasst und fixirt wird. Er begreift daher nicht die Bedeutung der «revolutionären», der praktisch-kritischen Thätigkeit.

2

Die Frage, ob dem menschlichen Denken gegenständliche Wahrheit zukomme—ist keine Frage der Theorie, sondern eine *praktische* [3]) Frage. In der Praxis muss der Mensch die Wahrheit d. h. Wirklichkeit [4]) und Macht, Diesseitigkeit [5]) seines Denkens beweisen. Der Streit über die Wirklichkeit oder Nichtwirklichkeit des [6]) Denkens,—das von der Praxis isolirt ist,—ist eine rein *scholastische* [7]) Frage.

3

Die materialistische Lehre von der Veränderung der Umstände und der Erziehung vergisst, dass die Umstände von den Menschen verändert u. der Erzieher selbst erzogen werden muss. Sie muss daher die Gesellschaft in zwei Teile—von denen der eine über ihn erhaben ist—sondiren [8]).

---

[1]) E.: *mensshliche sinnliche.*

[2]) Der ganze Satz bei E.: Daher geschah es, dass die thätige Seite, im Gegensatz zum Materialismus, vom Idealismus entwickelt wurde—aber nur abstrakt, da der Idealismus natürlich die wirkliche, sinnliche Thätigkeit als solche nicht kennt.

[3]) E.: praktische.

[4]) E.: die (Wirklichkeit).

[5]) E.: die (Diesseitigkeit).

[6]) E.: eines

[7]) E.: scholastische.

[8]) Der ganze Satz bei E.: Die materialistische Lehre, dass die Menschen Produkte der Umstände und der Erziehung, veränderte Menschen also Produkte anderer Umstände und geänderter Erziehung sind, vergisst, dass die Umstände eben von den Menschen verändert werden, und dass der Erzieher selbst erzogen werden muss. Sie kommt daher mit Nothwendigkeit dahin, die Gesellschaft in zweiTheile zu sondern, von denen der eine über der Gesellschaft erhaben ist. (z. B. bei Robert Owen).

Das Zusammenfallen des Aendern[s] der Umstände und der menschlichen Thätigkeit oder Selbstveränderung kann nur als *revolutionäre* [9]) *Praxis* gefasst und rationell verstanden werden.

4

Feuerbach geht von dem Faktum der religiösen Selbstentfremdung, der Verdopplung der Welt in eine religiöse u. eine weltliche aus [10]). Seine Arbeit besteht darin, die religiöse Welt in ihre weltliche Grundlage aufzulösen [11]). Aber dass die weltliche Grundlage sich von sich selbst abhebt und sich ein selbständiges Reich in den Wolken fixirt, ist nur [12]) aus der Selbstzerrissenheit und Sichselbstwidersprechen dieser weltlichen Grundlage zu erklären. Diese selbst muss also in sich selbst sowohl in ihrem Widerspruch verstanden, als praktisch revolutionirt werden[13]). Also nachdem z. B.[14]) die irdische Familie als das Geheimniss der heiligen Familie entdeckt ist, muss nun erstere selbst theoretisch und praktisch vernichtet werden [15]).

5

Feuerbach, mit dem *abstrakten* Denken nicht zufrieden will die *Anschauung*[16]); aber er fasst die Sinnlichkeit nicht als *praktische* menschlich-sinnliche Thätigkeit.

Feuerbach löst das religiöse Wesen in das menschliche Wesen auf. Aber das menschliche Wesen ist kein dem einzelnen Individuum innewohnendes Abstraktum. In seiner Wirklichkeit ist es das Ensemble der gesellschaftlichen Verhältnisse.

6

Feuerbach, der auf die Kritik dieses wirklichen Wesens nicht eingeht, ist daher gezwungen:

1. Von dem geschichtlichen Verlauf zu abstrahiren und das religiöse Gemüth für sich zu fixiren, und ein abstrakt-*isolirt*-menschliches Individuum vorauszusetzen.

2. Das Wesen kann daher nur als «Gattung», als innere, stumme, die vielen Individuen *natürlich* verbindende Allgemeinheit gefasst werden [17]).

---

[9]) E.: umwälzende.

[10]) Der ganze Satz bei E.: Feuerbach geht aus von dem Faktum der religiösen Selbstentfremdung, der Verdopplung der Welt in eine religiöse, vorgestellte, und eine wirkliche Welt.

[11]) Bei E. eingeschaltet: Er übersieht, dass nach Vollbringung dieser Arbeit die Hauptsache noch zu thun bleibt. Die Thatsache nämlich (dass die weltliche).

[12]) E.: eben (nur).

[13]) Der ganze Satz bei E.: Diese selbst muss also erstens in ihrem Widerspruch verstanden, und sodann durch Beseitigung des Widerspruchs praktisch revolutionirt werden.

[14]) E.: z. B., nachdem.

[15]) E.: theoretisch kritisirt und praktisch umgewälzt werden.

[16]) E.: appellirt an die sinnliche (Anschauung).

[17]) Der ganze Satz bei E.: 2. kann bei ihm daher das menschliche Wesen nur als «Gattung», als innere, stumme, die vielen Individuen bloss natürlich verbindende Allgemeinheit gefasst werden.

7

Feuerbach sieht daher nicht, dass das «religiöse Gemüth» selbst ein gesellschaftliches Produkt [18]) ist, und dass das abstrakte Individuum, das er analysirt, einer [19]) bestimmten Gesellschaftsform angehört.

8

Alles [20]) gesellschaftliche Leben ist wesentlich *praktisch*. Alle Mysterien, welche die Theorie zum Mysticismus veranlassen [21]), finden ihre rationelle Lösung in der menschlichen Praxis und in dem [22]) Begreifen dieser Praxis.

9

Das Höchste, wozu der anschauende Materialismus kommt [24]), d. h. der Materialismus, der die Sinnlichkeit nicht als praktische Thätigket begreift, ist die Anschauung der einzelnen Individuen u. der bürgerlichen Gesellschaft [25]).

10

Der Standpunkt des alten Materialismus ist die bürgerliche [26]) Gesellschaft. Der Standpunkt des neuen die menschliche [27]) Gesellschaft oder die gesellschaftliche [28]) Menschheit.

11

Die Philosophen haben die Welt nur verschieden *interpretirt;* es kommt [29]) darauf an, sie su *verändern*.

---

[18]) E.: *gesellschaftliches Produkt.*
[19]) E.: in Wirklichkeit (einer).
[20]) E.: Das.
[21]) E.: verleiten.
[22]) E.: im.
[23]) E.: *anschauende.*
[24]) E.: bringt.
[25]) E.: in der «bürgerlichen Gesellschaft»
[26]) E.: «*bürgerliche*».
[27]) E.: *menschliche.*
[28]) E.: vergesellschaftete.
[29]) E.: aber (darauf).

ПРОЕКТ ПРЕДИСЛОВИЯ К „НЕМЕЦКОЙ ИДЕОЛОГИИ".

Люди до сих пор составляли себе всегда ложное представление о себе самих, о том, что они есть или чем должны быть. Согласно своим представлениям о боге, о нормальном человеке и т. д. они налаживали свою жизнь. Уродливые порождения их головы переростали через их головы. Они, творцы, склонялись перед своими творениями. Освободим их от продуктов фантазии, от идей, от догм, от воображаемого кошмара, под игом которого они прозябают. Поднимем восстание против этого господства мысли. Научим их, как переменить эти продукты воображения на мысли, которые соответствуют сущности человека, говорит один, относиться к ним критически, говорит другой, выкинуть их из своей головы, говорит третий, и существующая действительность рухнет.

Эти невинные и детские фантазии образуют ядро новейшей младогегельянской философии, которая в Германии встречается с ужасом и благоговением не только публикой, но выдвигается даже *философскими героями* в полном сознании ее миропотрясающей опасности и преступной решимости. Первый том этого сочинения ставит себе целью разоблачить этих овец, которые считают себя волками и которых принимают за волков, показать, как они только облекают в философский жаргон представления немецких бюргеров, как родомонтады этих философских толковников только отражают дрянность действительных немецких условий. Он ставит себе целью вести философскую борьбу с тенью действительности, которая так нравится мечтательному и сонливому немецкому народу, компрометировать и дискредитировать ее.

Один простак однажды вообразил себе, что люди тонут в воде только потому, что над ними властвует мысль о тяжести. Если бы они вышибли это представление из своей головы, объявив его суеверным, религиозным, то они избавились бы навсегда от риска потонуть. Всю жизнь свою боролся он против иллюзии тяжести, о вредных следствиях которой ему всякая статистика приносила все новые и многочисленные доказательства. Этот бравый человек являет собою тип нового немецкого революционного философа.

ФЕЙЕРБАХ

(ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ и МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ)

Если верить немецким идеологам, в Германии совершился за последние годы беспримерный переворот. Начавшийся со времени Штрауса процесс разложения гегелевской системы превратился в какое-то всемирное брожение, втянувшее в себя все «силы прошлого». Во всеобщем хаосе образовались могучие царства, чтобы вслед затем исчезнуть, появились на миг герои, низвергнутые потом в мрак забвения более смелыми и сильными соперниками. Это была революция, по сравнению с которой французская революция является детской игрушкой,—мировой борьбой, перед которой борьба диадохов кажется чем-то мизерным. С какой-то неслыханной поспешностью принципы приходили на смену принципам, герои мысли низвергали друг друга, и за трехлетие 1842—1845 г.г. в Германии было сделано больше, чем прежде за три века.

Все это, правда, случилось в области чистой мысли.

Дело идет, во всяком случае, об интересном событии: о процессе разложения абсолютного духа. Когда это caput mortuum испустило последний вздох, то различные составные части его стали распадаться, возникли новые соединения и образовались новые вещества. Философские промышленники, жившие до того эксплоатацией абсолютного духа, набросились теперь на эти новые соединения. Всякий старался сбыть с возможной поспешностью доставшуюся ему долю. Это не могло обойтись без конкуренции. Вначале она носила довольно приличный и солидный характер. Но позже, когда немецкий рынок оказался переполненным, и товар, несмотря на все усилия, не находил никакого сбыта на мировом рынке, то дело — по немецкому обычаю — было испорчено фабричным и дутым производством, ухудшением качества товара, фальсификацией сырья, подделкой этикеток, фиктивными сделками, плутнями с векселями и лишенной всякой реальной почвы кредитной системой. Конкуренция превратилась в ожесточенную борьбу, которую нам теперь преподносят и прославляют, как переворот всемирно-исторического значения, как источник поразительнейших результатов и достижений.

Чтобы оценить по достоинству всю эту философскую шумиху, вызывающее в груди даже почтенного немецкого бюргера благодетельное чувство национальной гордости, чтобы показать наглядно мелочность, местную ограниченность всего этого младо-гегельянского движения, а особенно трагикомический контраст между реальными подвигами этих героев и иллюзиями насчет этих подвигов,—необходимо взглянуть на все это зрелище с позиции, находящейся вне Германии.

А. Идеология вообще, в частности немецкая.

Немецкая критика вплоть до своих последних подвигов не покидала почвы философии; она не только не занималась исследованием своих обще-философских предпосылок, но, наоборот, все занимающие ее вопросы даже выросли на почве определенной, именно, гегелевской философской

системы. Не только в ее ответах, но уже в самых ее вопросах заключалась мистификация. Благодаря такой зависимости от Гегеля, ни один из этих новейших критиков не пытался даже приступить к обстоятельной критике гегелевской системы. Каждый из них утверждает, что он превзошел Гегеля. Их полемика с Гегелем и друг с другом ограничивается тем, что каждый из них выдергивает какую-нибудь сторону гегелевской системы и направляет ее как против всей системы, так и против выдвигаемых другими авторами сторон. Вначале извлекали чистые, не фальсифицированные гегелевские категории, как, например субстанцию и самосознание; впоследствии осквернили эти категории более светскими именами, как, например,—«род», «единственный», «человек» и т. д.

Вся немецкая философская критика от Штрауса до Штирнера ограничивается критикой религиозных представлений [выступившей с притязаниями быть абсолютной искупительницей мира от всякого зла. На религию постоянно смотрели и обращались с ней, как с последней причиной всех неугодных этим философам явлений, как с заклятым врагом].

При этом исходили из действительной религии и подлинной теологии. В дальнейшем ходе исследования различно определяли, что такое религиозное сознание, религиозное представление. Прогресс заключался в том, чтобы включить в сферу религиозных или теологических представлений мнимо господствующие метафизические, политические, правовые, моральные и иные представления, а также в том, чтобы объявить политическое, правовое, моральное сознание религиозным или теологическим сознанием, а политического, правового, морального человека—в последнем счете просто «*человека*» («den Menschen»)—религиозным человеком. Исходили из предпосылки о господстве религии. Постепенно стали объявлять всякое господствующее отношение—религиозным отношением, превращая его в культ, культ права, культ государства. Повсюду приходилось иметь дело только с догматами и с верой в догматы. Мир канонизировали во все большем масштабе, пока, наконец, достопочтенный святой Макс не смог объявить его святым en bloc, чтобы, таким образом, покончить с ним раз навсегда.

Старо-гегельянцы *понимали* все, если только это все можно было свести к какой-нибудь гегелевской логической категории. Младо-гегельянцы *критиковали* все, подсовывая повсюду религиозные представления или объявляя все теологическим. Младо-гегельянцы сходятся со старо-гегельянцами в вере в господство в существующем мире религии, понятий Всеобщего. Но только одни борются с этим господством, как с узурпацией, в то время как другие приветствуют его, как законную вещь.

Так как эти младо-гегельянцы признают представления, мысли, понятия, вообще продукты объективированного (verselbstständigten) ими сознания, настоящими оковами людей—подобно тому как старо-гегельянцы объявляли их истинно связующим началом человеческого общества, то само собой разумеется, что младо-гегельянцы должны бороться только с этими иллюзиями сознания. Так как, согласно фантастическим представлениям младо-гегельянцев, взаимоотношения людей, их поступки и поведение, их оковы и узы, являются продуктами их сознания, то они последовательным образом предъявляют им моральное требование променять свое теперешнее сознание на человеческое критическое или эгоистическое сознание, чтобы таким образом разорвать свои узы. Это требование изменить свое сознание сводится к требованию истолковать суще-

ствующее иным образом, т.-е. признать его посредством иного истолкования. Младо-гегельянские идеологи, несмотря на все свои якобы «мипотрясающие» фразы, являются величайшими консерваторами. Самые молодые из них нашли точное выражение для своей деятельности, когда стали утверждать, что борются только против «*фраз*». Они лишь забывают, что сами противопоставляют этим фразам тоже только фразы, что, борясь против фраз данного, реального мира, они совершенно не борются с этим миром. Единственным результатом этой философской критики являются некоторые—да и то односторонние—исследования по истории возникновения христианства, все же прочие их утверждения представляют лишь новые вариации их претензий на то, что эти маловажные исследования по истории религии являются открытиями всемирно-исторического значения.

Ни одному из этих философов не пришло в голову задать себе вопрос о связи немецкой философии с немецкой действительностью, о связи их критики с окружающей их материальной обстановкой.

|...Мы предпосылаем поэтому специальной критике отдельных представителей этого движения некоторые общие замечания (насчет немецкой философии и всей вообще философии). Этих замечаний будет достаточно, чтобы выяснить—насколько это необходимо для понимания и обоснования нижеследующей детальной критики—точку зрения нашей критики. Мы выдвинем эти замечания против *Фейербаха*, ибо он был единственный, который сделал, по крайней мере, шаг вперед, и его работами можно заняться de bonne foi. Наши замечания помогут выяснить общие всем им идеологические предпосылки.|

I. *Идеология вообще, в особенности немецкая философия.*

|Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон и делить на историю природы и историю людей. Но нельзя отделять друг от друга обе эти стороны: пока существуют люди, история природы и история людей обусловливают друг друга. Нас здесь не интересует история природы, так называемое естествознание. Но мы должны будем заняться историей людей, так как почти вся идеология сводится или к извращенному пониманию этой истории или к полному абстрагированию от нее. Сама идеология есть лишь одна из сторон этой истории|.

Предпосылки, из которых мы будем исходить, это—не произвольные утверждения, не догматы, а—реальные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. К ним относятся реальные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни как преднаходимые ими, так и созданные их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно констатировать чисто эмпирическим путем.

Первой предпосылкой всякой человеческой истории является, разумеется, существование живых индивидов, людей. |Первым историческим актом этих индивидов, которым они обособляются от животных, является не то, что они мыслят, а то, что они начинают *производить средства для своего существования*.|

Таким образом, первым, требующим констатирования, фактом является телесная организация этих индивидов и данная этим связь их с остальной природой. Мы здесь не можем, разумеется, заниматься ни физическими свойствами самих людей, ни окружающей их естественной об-

становкой, геологическими, оро-гидрографическими, климатическими и иными отношениями. |Отношения эти обусловливают не только первоначальную, естественную организацию людей—в особенности расовые отличия—но и все их дальнейшее развитие или не-развитие до нашего времени.| Всякое историческое описание должно исходить из этих естественных основ и их видоизменения в ходе истории, благодаря деятельности людей.

Людей можно отличать от животных по сознанию, религии, вообще, по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, лишь только начинают *производить* необходимые для своей жизни средства—шаг, обусловленный их телесной организацией. Люди, производя необходимые для своей жизни средства, производят косвенным образом и свою материальную жизнь.

Способ производства людьми необходимых для их жизни средств зависит ближайшим образом от свойств самих преднаходимых ими и воспроизводимых ими средств к существованию.

Итак, перед нами такой факт: определенные индивиды, производящие определенным образом, вступают в определенные общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае вскрыть эмпирически, без всякой мистификации и спекуляции, связь общественного и политического расчленения с производством. Общественное расчленение и государство возникают постоянно из жизненного процесса определенных индивидов, но индивидов не таких, какими они могут являться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они суть в *действительности*,- т.-е. как они действуют, материально производят и, следовательно, оказываются деятельными при определенных материальных, независящих от их воли, предпосылках и условиях. |Представления, составляемые себе этими индивидами, суть представления либо насчет их отношения к природе, либо насчет их отношения друг к другу, либо насчет их собственных свойств. Ясно, что во всех этих случаях эти представления являются реальным или иллюзорным сознательным выражением их реальных отношений и деятельности, их производства, их сношений, их общественной и политической практики. Противоположное допущение возможно лишь в том случае, если предположить кроме духа реальных, материально обусловленных, индивидов еще какой-то иной дух. Если сознательное выражение реальных отношений этих индивидов иллюзорно, если в своих представлениях они ставят свою действительность на голову, то это, в свою очередь, является следствием их ограниченного материального способа деятельности и вытекающих отсюда ограниченных общественных отношений.

Производство идей, представлений, сознания прежде всего непосредственно вплетается в материальную деятельность и в материальные сношения людей—в язык реальной жизни. Представления, мышление, духовные сношения людей являются здесь еще прямым порождением их материальной практики. То же самое можно сказать о духовном производстве, как оно выражается в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. какого-нибудь народа. Люди (и именно люди, как они обусловлены способом производства их материальной жизни, их материальными сношениями и дальнейшим развитием последних в общественном и политическом расчленении), как они обусловлены определенным развитием своих производительных сил и соответствующих последним способов сношений до их отдаленнейших формаций, являются производителями своих представлений, идей и т. д. и т. д. о реальных

действующих людях. Сознание (Bewusstsein) никогда не может быть чем-то иным, как только сознанным бытием (bewusstes Sein), а бытие людей, это—реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения кажутся поставленными на голову, как в какой-нибудь камере-обскуре, то это тоже вытекает из исторического процесса их жизни, подобно тому, как обратное изображение предметов на сетчатке вытекает из непосредственно физического процесса их жизни.

В полной противоположности к немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь собираемся подниматься с земли на небо, т.-е. мы не будем исходить из того, что́ люди говорят, воображают себе, представляют себе, и не из мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы притти затем к телесным людям; мы будем исходить из реально деятельных людей, пытаясь вывести из их реального жизненного процесса также и развитие идеологических рефлексов и отражений этого жизненного процесса. И туманные образования в мозгу людей являются тоже необходимыми сублиматами их материального, эмпирически констатируемого и связанного с материальными условиями жизненного процесса. Таким образом мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают свою видимость самостоятельности. У них нет вовсе истории, у них нет развития: только люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения, изменяют в этой своей деятельности также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения исходят из сознания, как из живого индивида,—при втором, соответствующем реальной жизни, исходят из самих реальных, живых индивидов и рассматривают сознание, только как их сознание.

Этот способ рассмотрения не лишен предпосылок. Он исходит из реальных предпосылок, не покидая их ни на одно мгновение. Предпосылками его являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и установленности, а в своем реальном, эмпирически наглядном процессе развития, при определенных условиях. Раз только выявлен этот действенный процесс жизни, история перестает быть коллекцией мертвых фактов, как мы это видим даже у все же еще абстрактных [ограниченных] эмпириков, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, как у идеалистов.

Таким образом, там, где прекращается спекуляция, т.-е. у порога реальной жизни, начинается реальная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей. Исчезают фразы о сознании, их место должно занять реальное знание. Когда начинают изображать действительность, теряет свою raison d'être самостоятельная философия. На ее место может, в лучшем случае, стать суммирование наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Но абстракции эти сами по себе, обособленные от реальной истории, не имеют никакой ценности. Они могут служить лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала и наметить последовательность отдельных слоев его. Но, в отличие от философии, они отнюдь не дают какого-нибудь рецепта или схемы, согласно которым можно расположить исторические эпохи. Трудность, наоборот, начинается лишь там, где принимаются за рассмотрение и упорядочение материала, безразлично, какой-нибудь прошедшей эпохи или настоящего времени, когда принимаются за изображение действительности. Устранение этих трудностей обусловлено предпосылками,

которые ни в коем случае не могут быть указаны здесь, а вытекают только из изучения реального жизненного процесса и действия индивидов каждой отдельной эпохи. Мы приведем здесь некоторые из этих абстракций, которые нам нужны против идеологии, и поясним их на исторических примерах.

(Начала нехватает.)

...Для *практического* материалиста, т.-е. для *коммуниста*, дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их, и изменить их. Если у Фейербаха встречаются иногда подобные взгляды, то они все же остаются всегда на стадии каких-то разрозненных догадок, имея на общее его мировоззрение столь ничтожное влияние, что здесь их можно рассматривать только в качестве способных к развитию зачатков. Фейербаховское понимание чувственного мира ограничивается, с одной стороны, голым ощущением (рукой Маркса приписано: рассматривает «человека вообще» вместо «реального, исторического человека». Этот «человек» есть realiter «немец»). В первом случае, при рассмотрении чувственного мира, он неизбежно наталкивается на вещи, которые нарушают для его сознания и для его чувства предполагаемую им гармонию всех частей чувственного мира, и, в особенности, человека с природой [1]). Чтобы устранить это, он вынужден искать спасения в каком-то двояком воззрении, проводя различие между обыденным воззрением, видящим только то, что «лежит под носом», и высшим, философским воззрением, усматривающим «истинную сущность» вещей. Он не замечает того, что окружающий его чувственный мир не есть вовсе какая-то непосредственно от века данная, всегда самой себе равная вещь, а продукт промышленности и общественного состояния, продукт в том смысле, что он является в каждую историческую эпоху результатом деятельности целого ряда поколений, из которых каждое стоит на плечах предшествующего ему поколения, развивая его промышленность и его способ сношений и видоизменяя, в зависимости от изменившихся потребностей, его социальный строй. Даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям. Известно, что вишневое дерево, как и все почти плодовые деревья, появилось в нашем поясе лишь несколько веков тому назад благодаря торговле, и, таким образом, оно стало доступно «чувственной достоверности» Фейербаха только благодаря этому действию определенного общества в определенное время. Впрочем, при этом взгляде на вещи, который берет их так, как они суть в действительности, всякая глубокомысленная философская проблема—как будет еще яснее видно в дальнейшем—сводится попросту к некоторому эмпирическому факту. Так, например, важный вопрос об отношениях человека к природе (рукой Маркса: или даже, как говорит Бруно (стр. 110), о противоположности: «природа и история», точно это две обособленные друг от друга «вещи», точно человек не есть историческая природа и не имеет перед собой природной, естественной истории), из которого вытекли все «безмерно высокие творения» насчет «субстанции» и «мирового сознания», устраняется сам собою, если понять, что пресловутое «единство человека с природой» имелось всегда в промыш-

---

[1]) Ошибка Фейербаха заключается не в том, что он подчиняет лежащую под носом чувственную *видимость* чувственной действительности, устанавливаемой благодаря более точному изучению чувственных фактов, а в том, что в конечном счете он не может подойти к чувственности без «глаз», т.-е. без «очков» *философа*.

ленности и представлялось в каждую эпоху, в зависимости от большего или меньшего развития промышленности, в ином виде (рукой Маркса: точно так же, как и «борьба» человека с природой до развития его производительных сил на соответствующей основе). Промышленность и торговля, производство и обмен потребных для жизни средств, с своей стороны, обусловливают и, в свою очередь, обусловливаются в своих формах распределением, расчленением различных общественных классов; благодаря этому и получается то, что Фейербах видит, например, одни лишь фабрики и машины в Манчестере, между тем как сто лет тому назад там можно было видеть только самопрялки и ткацкие станки, или же находит в римской Кампанье только пастбища и болота, между тем как во времена Августа здесь можно было видеть сплошные виноградники и виллы римских капиталистов. Фейербах говорит, в особенности, о воззрении естествознания, он упоминает о тайнах, которые доступны только глазу химика и физика, но чем было бы без промышленности и торговли естествознание? Таким образом, даже это «чистое» естествознание получает свою цель, равно как и свой материал, только благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей. Эта деятельность, эта непрекращающаяся чувственная работа и творчество, это производство является настолько основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что, если бы оно прекратилось хотя бы лишь на один год, то Фейербах не только нашел бы колоссальные изменения в физическом мире, но очень скоро не нашел бы всего человеческого мира, собственной способности воззрения и даже своего собственного существования. Конечно, при этом сохраняется приоритет внешней природы, и, конечно, все это не имеет никакого отношения к первичным, порожденным путем generatio aequivoca людям. Но это различение имеет смысл лишь постольку, поскольку признают человека за нечто, отличное от природы. Впрочем эта, предшествующая человеческой истории природа, в которой живет Фейербах, не есть вовсе та природа, которая— за исключением некоторых австралийских коралловых островов новейшего происхождения—не существует уже нигде в наше время и, значит, не существует и для Фейербаха...

Правда, у Фейербаха то огромное преимущество перед «чистыми материалистами», что он понимает, что и человек есть «чувственный предмет», но (рукою Маркса: помимо того, он рассматривает его, только как «чувственный предмет», а не как «чувственную деятельность»), так как он и при этом не покидает сферы абстрактной теории и рассматривает людей не в их данной общественной связи, не в окружающей их жизненной обстановке, делающей их тем, что они суть, то он никогда не добирается до реально существующих, деятельных людей, а остается при абстракции «человек» и ограничивается лишь тем, что признает «реального, индивидуального, телесного человека» в ощущении, т.-е. не знает никаких иных «человеческих отношений» «человека к человеку», кроме любви и дружбы (рукою Маркса: и при том идеализированным образом. Не дает никакой критики теперешних жизненных отношений). Таким образом, он никогда не в состоянии рассматривать чувственный мир как совокупную, живую, чувственную *деятельность* составляющих его индивидов и поэтому вынужден—когда замечает, например, вместо здоровых людей толпу золотушных, надорванных работой и чахоточных бедняков—спасаться в «высшей интуиции», в идеальном «выравнивании в роде», т.-е. вынужден снова впасть в идеализм как раз там, где коммунистический материалист усматривает необходимость и одновременно с этим условие преобразования промышленности и общественного расчленения.

Поскольку Фейербах является материалистом, он не имеет дело с историей, поскольку же он занимается историей, он вовсе не материалист. Материализм и история идут у него совершенно различными путями, что, впрочем, ясно уже из сказанного. |Если мы все же останавливаемся здесь подробнее на так называемой истории, то только потому, что немцы привыкли соединять со словами история и исторический все, что угодно, только не действительность, блестящим примером чего является «возвышенно» красноречивый св. Бруно|.

Имея дело со свободными от предпосылок немцами, мы должны начать с того, чтобы констатировать первую предпосылку всякого человеческого существования, а, значит, и всякой истории—именно ту предпосылку, что люди должны быть в состоянии жить, чтобы иметь возможность «делать историю» [1]). Но для жизни прежде всего нужны еда и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом, первым историческим делом является производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Это историческое дело является основным условием всякой истории, которое должно быть выполняемо ежедневно и ежечасно еще и поныне, как тысячи лет тому назад, чтобы сохранить только человека живым. Если даже чувственность сводится, как у святого Бруно, к такому минимуму, как палка, то она предполагает деятельность производства этой палки. Таким образом, первое требование, которому должна удовлетворять всякая историческая концепция, есть наблюдение этого основного факта во всем его значении и объеме и отведение ему надлежащего места. Немцы, как известно, никогда не выполняли этого требования, поэтому они и не имели никогда *земной* основы для истории и, следовательно, не имели никогда ни одного историка. Что касается французов и англичан, то, хотя они понимали лишь крайне односторонне связь этого факта с так называемой историей,—в особенности, пока они были в плену политической идеологии,—они все же сделали первые попытки дать историческому повествованию материалистическую основу, написав впервые истории буржуазного общества, торговли и промышленности.

Во-вторых, уже удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и приобретенное уже орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим делом [2]). Отсюда ясно, какова цена великой исторической мудрости немцев, которые считают, что там, где у них нет положительного материала и где речь не идет о теологической, политической или литературной дребедени, там нет вовсе истории, а имеется только «доисторическое время», при чем нам вовсе не объясняют, как мы приходим от этой дребедени «доистории» к собственной истории; впрочем, с другой стороны, их историческая спекуляция особенно охотно набрасывается на эту «доисторию», потому что они считают себя безопасными от вторжений «грубого факта» и могут здесь дать полную свободу спекулятивному инстинкту, создавая и разрушая гипотезы тысячами. Третье отношение, вмешивающееся здесь с самого начала в ход исторического развития, заключается в том, что люди, которые ежедневно заново производят свою собственную жизнь, начинают производить других

---

[1]) На полях рукой Маркса: История. Гегель. Геологические, гидрогеографические и др. условия человеческой жизни. Потребность. Труд.

[2]) Что приобретенная легкость удовлетворения первых потребностей сейчас порождает новые потребности.

людей, начинают размножаться: это—отношение между мужем и женой, родителями и детьми, это—*семья*. Эта семья, являющаяся вначале единственным социальным отношением, впоследствии, когда умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения, а размножившееся население порождает новые потребности, приобретает (за исключением Германии) подчиненный характер; ее приходится тогда рассматривать и развивать согласно существующим эмпирическим данным, а не согласно понятию семьи, как это делают обыкновенно в Германии. Впрочем, эти три стороны социальной деятельности не следует рассматривать как три различные ступени; а именно только как три стороны, или—выражаясь более ясно для немцев—как три «момента», которые существовали совместно с начала истории, со времени первых людей, и которые имеют силу в истории еще и теперь. Производство жизни—как собственной, путем труда, так и чужой, путем рождения—является в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а, с другой, в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что под этим понимается сотрудничество нескольких индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели. Отсюда следует, что определенный способ производства или промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества или определенной общественной ступенью (рукою Маркса: и этот способ совместной деятельности есть сам некоторая «производительная сила»), что масса доступных людям производительных сил обусловливает общественное состояние и что, следовательно, «история человечества» должна быть изучаема и обрабатываема всегда в связи с историей промышленности и обмена. Но ясно также, что в Германии невозможно написать такую историю, так как немцам нехватает не только способности понимания и материала, но также и «чувственной достоверности»: по ту сторону Рейна не могут иметь никакого опыта насчет этих вещей, ибо там более не совершается никакой истории. Таким образом, уже заранее имеется материалистическая связь людей между собой, которая обусловлена потребностями и способом производства и которая так стара, как сами люди,—связь, которая представляет всегда новые формы, а, следовательно, и «историю», без наличия какой-нибудь политической или религиозной нелепости (nonsens), которая связывала бы людей еще сверх того. Лишь теперь, когда мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первоначальных исторических отношений, мы находим, что человек имеет также «сознание» [1]). Но и оно не имеется заранее как «чистое» сознание. На «духе» заранее тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, в виде звуков, коротко говоря, в виде языка. Язык также древен, как сознание, язык, это—практическое, существующее для других людей, а, значит, существующее также для меня самого, реальное сознание, и язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношений с другими людьми. Мое отношение к моей среде есть мое сознание. Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не *относится* ни к чему, *для животного его отношение к другим не существует как отношение*. Таким образом, сознание есть изначально исторический продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание является, разумеется, прежде всего сознанием ближайшей чувственной обстановки и сознанием ограниченной связи с другими лицами и вещами, находя-

[1]) В этом месте на полях рукою Маркса написано: Люди имеют историю потому, что они *производят* свою жизнь и к тому же определенным способом.

щимися вне начинающего сознавать себя индивида; это в то же время—сознание природы, которая противостоит первоначально людям в качестве совершенно чуждой, всемогущей и неприступной силы, к которой люди относятся совершенно по-животному и которая властвует над ними, как над скотом; следовательно, это—чисто животное сознание природы (природная, естественная религия), а, с другой стороны,—сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами, начало сознания того, что индивид вообще живет в обществе. Это начало носит столь же животный характер, как и общественная жизнь на этой ступени, оно—чисто стадное сознание; человек отличается от барана лишь тем, что его сознание заменяет ему инстинкт или что его инстинкт носит сознательный характер. (Рукой Маркса: Здесь сейчас же видно, (что) эта естественная религия или это определенное отношение к природе обусловливается общественной формой, и обратно. (Здесь) обнаруживается тождество природы и человека, (которое) обусловливает сознательным отношением людей к природе их сознательное отношение друг к другу и их сознательным отношением друг к другу их сознательное отношение к природе).

Это баранье или родовое сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря увеличению производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения. Вместе с этим развивается и разделение труда, бывшее первоначально лишь разделением труда в половом акте, разделение труда, совершающееся само собой или «естественно» благодаря природным задаткам (например, телесная сила, потребности, случайности и т. д. и т. д.). Разделение труда становится действительно разделением труда лишь тогда, когда наступает разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем сознание существующей практики. С того момента, как сознание начинает действительно представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного, с этого момента оно оказывается в состоянии освободиться от мира и перейти к образованию «чистой теории», теологии, философии, морали и т. д. Но если даже эта теория, теология, философия, мораль и т. д. вступают в противоречие с существующими отношениями, то это возможно лишь благодаря тому, что существующие общественные отношения вступили в противоречие с существующими силами производства; впрочем, у определенного народа это может произойти также благодаря тому, что противоречие обнаруживается не в его национальных рамках, а между его национальным сознанием и практикой других народов, т.-е. между национальным и всеобщим сознанием какого-нибудь народа (как, например, теперь в Германии). Если какому-нибудь народу это противоречие представляется в виде противоречия внутри национального сознания, то и борьба должна, повидимому, ограничиться этой национальной дрянью (Scheisse), так как и народ этот есть сам по себе дрянь.

Впрочем, совершенно неважно, что может учинить одно только сознание; из всей этой ерунды для нас получается лишь тот результат, что три эти момента—производительная сила, общественное состояние и сознание—могут, и должны, вступить в противоречие друг с другом, ибо вместе с разделением труда делается возможным и даже происходит в действительности то, что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; отсутствие между ними противоречий возможно лишь при том условии, что снова уничтожается разделение труда. Впрочем, само собою разумеется, что «призраки», «связь», «высшее существо», «понятие», «сомнение»

являются просто идеалистическим, духовным выражением, представлением, повидимому, разобщенного индивида, представлением о весьма эмпирических узах и оковах, внутри которых движется способ производства жизни и связанная с этим форма сношений. [Зачеркнуто: Это идеалистическое выражение существующих экономических уз носит не только чисто теоретический характер; оно имеется и в практическом сознании, иначе говоря, освобождающееся и очутившееся в противоречии со способом производства сознание образует не только религии и философии, но и государства.]

Вместе с разделением труда, в котором даны все эти противоречия и которое, в свою очередь, опирается на естественное разделение труда в семье и на распадение общества на отдельные, противостоящие друг другу семьи,—вместе с этим дано и *распределение*—притом как количественно, так и качественно неравное, распределение труда и его продуктов, т.-е. собственность, первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети являются рабами мужчины. Рабство—разумеется, еще очень грубое и скрытое—в семье представляет собой первую собственность, которая, впрочем, здесь вполне уже соответствует учению современных экономистов, согласно которому она означает возможность распоряжаться чужой рабочей силой. Впрочем, разделение труда и частная собственность представляют собой тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом случае говорится по отношению к продукту деятельности.—Далее, вместе с разделением труда дано в то же время противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и совокупным (gemeinschaftlich) интересом всех индивидов, находящихся в сношениях друг с другом; к тому же этот совокупный интерес существует не просто в представлении, как «всеобщее», а прежде всего в действительности, как взаимная зависимость индивидов, между которыми разделен труд. Именно благодаря этому противоречию частного и общего интереса, совокупный интерес, в виде *государства*, принимает самостоятельную форму, отличную от реальных, частных и совокупных интересов; это, собственно—иллюзорная совокупность, которая, однако, опирается всегда на реальную основу из имеющихся в каждом семейном или родовом конгломерате связей по крови, по языку, по разделению труда в более крупном масштабе и по иным интересам,—в особенности, как мы увидим в дальнейшем,—интересам, вызванным уже разделением труда классов, которые обособляются друг от друга в каждом подобном людском скоплении, и из которых один господствует над всеми другими. Отсюда следует, что всякая борьба внутри государства, борьба между аристократией, демократией и монархией, борьба за избирательное право и т. д. и т. д. не есть просто всеобщая иллюзорная форма совокупности, а представляет иллюзорные формы, в которых ведется реальная борьба различных классов друг с другом (о чем совершенно не догадываются немецкие теоретики, несмотря на то, что в «Немецко-Французских Летописях» и в «Святом Семействе» им дали достаточно соответствующих указаний), и далее, что каждый стремящийся к господству класс—если даже его господство означает, как в случае с пролетариатом, уничтожение всего старого общественного строя и господства—должен прежде всего завоевать себе политическую власть, чтобы, в свою очередь, представить (как он вынужден на первых порах) свой интерес в качестве всеобщего интереса.

Наконец, разделение труда представляет нам первый пример того, что, пока люди находятся в естественно развившемся обществе, следовательно, пока существует раскол между частным и совокупным интересом,

следовательно, пока деятельность распределяется не добровольным образом, сознательным образом, а естественным, стихийным образом, собственное дело человека становится какой-то чуждой, противостоящей ему силой, которая подчиняет его себе, вместо того, чтобы он господствовал над нею. Согласно происходящему разделению труда, каждый имеет определенный, исключительный круг деятельности, который навязан ему и из которого он не может выйти: он оказывается охотником, рыбаком или пастухом (рукой Маркса: или критическим критиком) и должен остаться им, если он не хочет потерять средств к существованию; в коммунистическом же обществе, где каждому индивиду не отведен исключительный круг деятельности и каждый может развиваться в любой отрасли труда, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность сегодня делать одно, а завтра другое, утром охотиться, после обеда ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством или же критиковать еду—как моей душе угодно—при чем я не становлюсь от этого охотником, рыболовом, пастухом или критиком.

Это отверждение социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то объективную силу над нами, которая ускользает от нашего контроля, идет вразрез с нашими ожиданиями и сводит на-нет наши расчеты, является одним из главных моментов в историческом развитии прошлого.

(Рукой Маркса: Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *реальное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения вытекают из имеющихся теперь налицо в действительности предпосылок.)

Социальная сила, т.-е. умноженная производительная сила, возникающая из обусловленного разделением труда сотрудничества различных индивидов, будучи продуктом не добровольного, а стихийного сотрудничества, представляется в глазах этих индивидов не как их собственная объединенная сила, но как какая-то чуждая, стоящая вне их сила, о происхождении и целях которой они ничего не знают, которой, следовательно, они не могут руководить, которая, напротив, должна пройти свой особенный, не только зависящий от воли и поведения людей, а, наоборот, управляющий этой волей и этим поведением ряд фаз и ступеней развития. (Рукой Маркса: Это «отчуждение», говоря понятным для философов языком, может быть уничтожено, разумеется, только при наличии двух *практических* предпосылок. Чтобы оно стало «невыносимой» силой, т.-е. силой, против которой производят революцию, для этого необходимо, чтобы оно превратило массу человечества в совершенно «неимущих» людей, создав в то же время, в противоречие этому, целый мир богатства и образования; обе эти вещи предполагают огромный рост производительных сил, высокую степень их развития; с другой стороны, это развитие производительных сил (вместе с которым дается уже *всемирно-историческое*, а не местное бытие человека) является абсолютно необходимой практической предпосылкой еще потому, что без него только обобщается нужда, а с нуждой должна снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна воскреснуть вся старая дребедень, и далее, потому, что с этим универсальным развитием производительных сил устанавливаются *универсальные* сношения людей между собою; поэтому, с одной стороны, явление «неимущей» массы обнаруживается одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция), делая каждый из этих народов зависимым от переворотов, совершающихся у других народов, и ставя, наконец, на место локальных индивидов—*всемирно-истори-*

ческих, эмпирических и универсальных. Без этого, во-первых, коммунизм мог бы существовать только, как нечто локальное, во-вторых, силы сношений не могли бы развиться в качестве универсальных, а поэтому невыносимых сил: они остались бы на стадии уютно-суеверных «обстоятельств»; и, в-третьих, каждое расширение сношений уничтожило бы местный коммунизм. Коммунизм эмпирически возможен только как одновременное, происходящее зараз дело господствующих народов, что предполагает универсальное развитие производительных сил и связанных с последними мировых сношений. Впрочем, наличие массы неимущих рабочих или массами отрезанных от капитала или какого-нибудь ограниченного источника существования рабочих, наличие пролетариата, лишающегося, благодаря конкуренции, работы, как обеспеченного источника жизни, предполагает существование мирового рынка. Следовательно, пролетариат может существовать только во всемирно-историческом масштабе, подобно тому, как коммунизм может быть активным только в качестве «всемирно-исторического» явления, предполагая всемирно-историческое существование индивидов, т.-е. существование индивидов, непосредственно связанное с всемирной историей. Имела ли бы, например, в противном случае, собственность вообще какую-нибудь историю, принимала ли бы она различные формы, так что, например, земельная собственность, в зависимости от различных условий, развивалась бы во Франции от парцеллярной формы до централизации ее в немногих руках, в Англии же, наоборот, от централизации в немногих руках до парцеллярной формы? Или как объяснить то, что торговля, представляющая не что иное, как обмен продуктами различных индивидов и стран, господствует над всем миром, благодаря отношению между спросом и предложением, — отношению, которое, по словам одного английского экономиста, витает подобно древнему року над землей, распределяя между людьми невидимой рукой счастье и несчастье, основывая царства и разрушая царства, поднимая народы и уничтожая их. С уничтожением же основы — частной собственности — при коммунистическом регулировании производства и связанном с этим уничтожении чуждости, с которой люди относятся к своему собственному продукту, исчезает и власть отношения спроса и предложения, и люди снова начинают господствовать над обменом, над производством, над способом своего поведения друг к другу.

Форма сношений, обусловленная силами производства, имеющимися на всех прошлых исторических ступенях и обусловливающая в свою очередь их, есть *гражданское общество*, которое, как это следует уже из предшествующего, имеет своей предпосылкой и основой простую семью и сложную семью, так называемый племенной быт, и более подробное определение которого содержится в предыдущем. Уже здесь видно, что это гражданское общество есть истинная арена всей истории, уже здесь мы замечаем, как бессмысленно прежнее, пренебрегавшее реальными отношениями понимание истории, ограничивавшееся шумными политическими деяниями государей.

До сих пор мы рассматривали только одну сторону человеческой деятельности, *обработку природы людьми* [1]). Другая сторона, *обработка людей людьми*...

Происхождение государства и отношение государства к гражданскому обществу.

(Конца нехватает).

---

[1]) Здесь на полях рукой Маркса: Сношения и производительная сила.

История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, из которых каждое эксплоатирует переданные ему всеми его предшественниками материалы, капиталы, производительные силы; поэтому оно продолжает, с одной стороны, при совершенно изменившихся обстоятельствах деятельность своих предшественников, а, с другой, действуя совершенно иным образом, видоизменяет старую обстановку, что спекулятивным образом извращается в том смысле, будто позднейшая история творится в целях прежней истории; так, например, целью открытия Америки признается споспешествование французской революции: благодаря этому история приобретает свои особые цели и становится «личностью на-ряду с другими личностями» (в числе их находятся: самосознание, критика, «Единственный» и т. д.); в действительности же то, что обозначают словами «назначение», «цель», «зародыш», «идея» прежней истории есть не что иное, как абстракция позднейшей истории, абстракция активного влияния, оказываемого прошлой историей на позднейшую. — Но чем более расширяются в ходе этого развития отдельные воздействующие друг на друга круги, чем более уничтожается первобытная замкнутость отдельных народов, благодаря более развитым способам производства, сношениям и вызванному в связи с этим массовому разделению труда между различными народами, тем более история становится всемирной историей, так что, например, изобретение в Англии машины, обездоливающей в Индии и Китае бесчисленное множество рабочих и революционизирующей форму существования этих государств, становится всемирно-историческим фактом; или же — другой пример — сахар и кофе обнаружили в XIX веке свое всемирно-историческое значение тем, что вызванный наполеоновской континентальной системой недостаток в этих продуктах побудил немцев восстать против Наполеона и явился, таким образом, реальной основой славных освободительных войн 1813 г. Отсюда следует, что это превращение истории во всемирную историю не является каким-то простым абстрактным влиянием «самосознания» Мирового Духа или какого-нибудь иного метафизического призрака, а вполне материальным, эмпирически констатируемым делом, доказательство которого дает всякий индивид в своем повседневном поведении, в своей еде и питье, в своем одеянии и т. д. [Зачеркнуто: Сам святой Макс Штирнер носит на своей спине всемирную историю и ест и пьет ее ежедневно, как во времена оны ел тело и кровь нашего господа Иисуса Христа, и всемирная история ежедневно производит его, Единственного, являющегося своим собственным продуктом, так как он должен есть, пить и одеваться; цитаты в «Единственном и т. д.», а также и полемика святого Макса против Гесса и др. далеких людей доказывает, что и духовно он производится всемирной историей. Отсюда следует, что во «всемирной истории» индивиды оказываются такими же «собственниками», как в любом штирнеровском «союзе» из студентов и свободных модисток.] Таким же эмпирическим фактом всей прошлой истории является то, что отдельные индивиды, по мере расширения их деятельности до размеров всемирно-исторической, все более попадают под власть чуждой им силы (давление которой они представляют себе как какие-то козни так называемого мирового духа и т. д.), силы, которая становится все более массовой и оказывается в последнем счете *мировым рынком*. Но столь же эмпирически обосновано и то, что эта, столь таинственная для немецких теоретиков сила уничтожается благодаря перевороту в существующем общественном строе, совершаемому коммунистической революцией (о чем см. ниже) [1]) и связанному

[1]) На полях рукой Маркса: о производстве сознания.

с этим уничтожению частной собственности; тогда освобождение каждого отдельного индивида совершается в той же самой мере, в какой история превращается окончательно во всемирную историю. (Рукой Маркса: Согласно вышеизложенному ясно, что действительно-духовное богатство индивида зависит от богатства его действительных отношений.) Только благодаря этому отдельные индивиды освобождаются от различных национальных и местных ограниченностей, завязывают практические сношения с производством (Маркс: также и духовным) всего мира и оказываются в состоянии получить способность наслаждаться этим всесторонним производством всего земного шара (Маркс: творения людей). *Всесторонняя* зависимость, эта первая натуральная форма *всемирно-исторического* сотрудничества людей, превращается, благодаря этой коммунистической революции, в контроль и сознательное господство над этими силами, которые, порожденные взаимодействием людей, до сих пор господствовали над ними, как совершенно чуждые силы. Эту точку зрения можно опять-таки рассматривать спекулятивно, идеалистически, т.-е. фантастически, в виде «самопорождения Рода» («общество и субъект»); благодаря этому, следующий друг за другом ряд связанных между собой индивидов можно начать представлять себе в виде одного единственного индивида, совершающего таинство порождения самого себя. Здесь обнаруживается, что, хотя индивиды и физически и духовно творят *друг друга*...

В итоге мы получаем следующие результаты из развитой нами концепции истории: 1) в развитии производительных сил наступает такой момент, когда появляются производительные силы и средства сношения, которые при существующих обстоятельствах причиняют только зло, не являясь более производительными силами, а силами разрушительными (машинизм и деньги); с этим связано то, что появляется класс, призванный носить все бремя общества, не пользуясь всеми благами его, класс, который, будучи вытесняем из общества, неизбежно становится в самое решительное противоречие ко всем прочим классам; класс, который составляет большинство всех членов общества и из которого исходит сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание, способное, разумеется, образоваться и среди других классов, благодаря уразумению положения этого класса; 2) условия, при которых могут быть применены определенные производительные силы, являются условиями господства определенного класса [1]), социальная сила которого, вытекающая из его имущественного положения, находит свое практически-идеалистическое выражение в соответствующей государственной форме; поэтому всякая революционная борьба направляется против класса, который до того господствовал; 3) при всех прошлых революциях оставался всегда нетронутым род деятельности,— дело шло всегда только о каком-то ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, между тем как коммунистическая революция направляется вообще против прежнего рода деятельности и устраняет *труд* и господство всех классов вместе с самими классами, потому что она совершается тем классом, который в обществе не признается уже вовсе классом, не считается классом и является выражением разложения всех классов, национальностей и т. д. в теперешнем обществе, и 4) как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для выполнения самого дела, необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *ре-*

[1]) На полях рукой Маркса: эти люди заинтересованы в сохранении существующего уровня производства.

волюции; следовательно, революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество.

Итак, эта концепция истории основывается на том, чтобы, исходя из материального производства непосредственной жизни, развить действительный процесс производства и рассматривать связанную с этим способом производства и порождаемую им форму сношения, т.-е. гражданское общество, на его различных ступенях, как основу всей истории, изобразив его в его действии, как государство, и объяснив из него все различные теоретические продукты и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. (Рукой Маркса: и проследить процесс возникновения его из них, благодаря чему, разумеется, возможно изобразить все дело в его совокупности, а потому и взаимодействие этих различных сторон друг на друга). Эта концепция, в отличие от идеалистического понимания истории, не вынуждена гнаться в каждую эпоху за какой-то категорией, она остается постоянно на *почве* реальной истории, не объясняя практику из идей, а объясняя идейные формации из материальной практики; в связи с этим она приходит к тому результату, что все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением в «самосознании» или превращением в «привидения», «призраки», «причуды» и т. д., а лишь практическим переворотом в реальных общественных отношениях, из которых произошли все эти идеалистические выверты; не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории. Эта концепция показывает, что история не заканчивается растворением в «самосознании», как «дух от духа»; она показывает, что в ней имеется на каждой ступени некоторый материальный результат, некоторая сумма производительных сил (рукой Маркса: исторически созданное отношение к природе и личностей друг к другу), передаваемая каждому поколению его предшественниками, известная масса производительных сил, капиталов и вещей, которые, хотя и видоизменяются с своей стороны новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его условия жизни и придают ему определенное развитие, особенный характер. Она, следовательно, показывает, что обстоятельства столько же делают людей, сколько люди делают обстоятельства. Эта сумма производительных сил, капиталов и форм социальных сношений, которую каждый индивид и каждое поколение застают, как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе как «субстанцию» и «сущность человека», что они обожествляли и с чем они боролись, реальная основа, значение и действие которой на развитие людей нисколько не страдает от того, что эти философы восстают против нее в качестве «самосознания» и «Единственных». Эти условия жизни различных поколений имеют решающее значение для того, хватит ли сил или нет для уничтожения основы существующего строя у периодически повторяющихся в истории революционных потрясений; если на-лицо нет этих материальных элементов полного переворота (рукой Маркса: именно, с одной стороны, различных производительных сил, образования революционной массы, революционно настроенной не только против отдельных сторон существующего общества, но и против самого существующего «производства жизни», против всей деятельности, на которой основываются эти стороны), если этих материальных элементов нет на-лицо, то для практического развития совершенно

безразлично (как доказывает теория коммунизма) то, что уже сотни раз высказывали *идею* о необходимости этого переворота.

Все прежнее понимание истории или совершенно игнорировало эту реальную основу истории или же видело в ней какую-то побочную вещь, совершенно не связанную с историческим процессом. Поэтому историю приходится всегда писать, считаясь с каким-то лежащим вне ее масштабом; реальное производство жизни кажется чем-то неисторическим, а историческое представляется чем-то оторванным от обыденной жизни, чем-то особенным, стоящим над миром. Благодаря этому из истории исключается отношение людей к природе, в силу чего порождается противоположность между природой и историей. Эта точка зрения могла поэтому видеть в истории только политические действия, замечала в ней религиозную и вообще теоретическую борьбу и была в частности вынуждена в каждую историческую эпоху разделять *иллюзии этой эпохи*. (Рукой Маркса: Так, например, если какая-нибудь эпоха воображает себе, что она определяется чисто политическими или религиозными мотивами,— хотя «религия» и «политика» являются только формами ее реальных мотивов,— то историк ее усваивает себе эту иллюзию. «Воображение», «представление» этих определенных людей об их реальной практике превращается в единственно определяющую и активную силу, которая господствует над практикой этих людей и определяет ее. Если грубая форма разделения труда у индусов и египтян вызывает кастовый строй у этих народов в их государстве и в их религии, то историк воображает, что кастовый строй есть та сила, которая породила эту грубую общественную форму). В то время как французы и англичане придерживаются, по крайней мере, политической иллюзии, которая все же ближе всего к действительности, мысль немецких идеологов вращается в сфере «чистого духа», видя в религиозной иллюзии движущую силу истории. Гегелевская философия истории, это — последний, доведенный до своего «чистейшего выражения» плод всей этой немецкой историографии, в которой дело идет не о реальных, даже не о политических интересах, а о чистых мыслях (рукой Маркса: которая выявилась у святого Бруно, как ряд мыслей, из коих каждая охватывает другие и под конец исчезает в «самосознании»); еще последовательнее это у святого Макса Штирнера (рукой Маркса на полях: Так называемое *объективное* писание истории заключалось именно в том, чтобы рассматривать исторические отношения отдельно от деятельности: реакционный характер), который ровно ничего не знает о подлинной истории и которому этот исторический процесс должен был казаться простой историей о «рыцарях», «разбойниках», историей призраков, от которых он может, разумеется, спастись только благодаря «нечестивости». Эта концепция действительно религиозна, она принимает религиозного человека за первочеловека, от которого исходит вся история, и заменяет в своем воображении религиозным производством фантазий реальное производство средств к жизни и самой жизни. Вся эта историческая концепция, вместе с ее разложением и вытекающими отсюда сомнениями и колебаниями, — лишь *национальное* дело немцев и имеет только *местный* интерес для Германии, вроде, например, важного, неоднократно обсуждавшегося в последнее время, вопроса: как, собственно, можно «попасть из царства божия в царство человеческое», точно это «царство божие» существовало когда-нибудь не в фантазии, а ученые господа не жили постоянно — не ведая того — в «царстве человеческом», к которому они ищут теперь дорогу, и точно научное развлечение,—ибо это не больше, чем развлечение,—имеющее целью разъяснить загадку этого образования теоретических туманов, не заключается (наоборот)

как раз в том, чтобы показать возникновение их из реальных земных отношений. Впрочем, эти немцы всегда озабочены тем, чтобы разрешить, растворить данную в действительности бессмыслицу в какой-нибудь другой причуде, т.-е. предположить, что вся эта бессмыслица имеет вообще какой-то особый *смысл*, который надо выискать, между тем как дело идет лишь о том, чтобы объяснить теоретические фразы на основании данных реальных отношений. Реальное, практическое разрешение этих фраз, устранение этих представлений из сознания людей происходит, как уже сказано, благодаря перемене обстоятельств, а не благодаря теоретическим дедукциям. Для массы людей, т.-е. для пролетариата, эти теоретические представления не существуют и, следовательно, не должны быть разрешены для нее, а если эта масса имела когда-нибудь некоторые теоретические представления, как, например, религию, то они уже давно были разрешены и уничтожены обстоятельствами.

Чисто национальный характер этих вопросов и решений обнаруживается в том, что эти теоретики совершенно серьезно думают, будто разные фантазии, вроде «богочеловек», «человек», управляли отдельными эпохами истории, — святой Бруно готов даже утверждать, что только «критика и критики сделали историю», — а когда они сами принимаются за исторические построения, то с величайшей поспешностью перескакивают через все прошлое, переходя немедленно от «монгольства» к собственно «содержательной» истории, именно к истории «Галлеских» и «Немецких Летописей», и к разложению гегелевской школы, вызвавшему всеобщую потасовку. При этом предаются забвению все прочие народы и все реальные события, theatrum mundi ограничивается пределами лейпцигской книжной ярмарки и взаимными препирательствами «Критики», «человека» и «Единственного». Если же когда-нибудь наши теоретики и берутся за какую-нибудь действительно историческую тему, как, например, за историю XVIII столетия, то они излагают только историю представлений, оторванную от фактов и практических явлений, лежащих в основе их, да и эту историю они излагают только для того, чтобы изобразить указываемую эпоху как несовершенную предварительную ступень, как ограниченного еще предшественника истинно исторической эпохи, т.-е. эпохи немецкой философской борьбы 1840—1844 г. г. В соответствии с поставленной себе таким образом целью—написать историю прошлого, чтобы выставить в особенно ярком свете славу какой-нибудь неисторической личности и ее фантазий—находится и то, что в историческом повествовании не упоминают вовсе о действительно исторических событиях, даже о действительно исторических событиях политики, и дают повествование, основывающееся не на изучении событий, а на произвольных построениях и литературных сплетнях, как это можно видеть на примере забытой теперь истории XVIII столетия святого Бруно. Эти горделивые, чванные торговцы мыслями, которые воображают, что они возвышаются над всеми национальными предрассудками, на практике еще гораздо более национальны, чем пивные филистеры, мечтающие об объединении Германии. Они совершенно не считают историческими деяния других народов, они живут в Германии, Германией и для Германии, они превращают песнь о Рейне в какую-то духовную песнь и завоевывают Эльзас и Лотарингию, обкрадывая, вместо французского государства, французскую философию, германизируя, вместо французских провинций, французские мысли. По сравнению со святыми Бруно и Максом, возвещающими господство в мире теории и мировое господство Германии, господин Венедей является настоящим космополитом.

Из всех этих рассуждений ясно, как ошибается Фейербах, когда он (Wigands Vierteljahrschrift 1845, Bd. 2), при помощи квалификации «общественный человек», объявляет себя коммунистом, считая, таким образом, возможным превратить слово коммунист, означающее в действительном мире приверженца определенной революционной партии, снова в какую-то голую категорию. Вся дедукция Фейербаха в вопросе об отношении людей друг к другу сводится лишь к тому, чтобы доказать, что люди нуждаются *и всегда нуждались* друг в друге. Он хочет установить сознание этого факта, он, следовательно, хочет, как и прочие теоретики, добиться только правильного сознания чего-то *существующего* (Bestehendes), некоего факта, между тем как для действительного коммуниста дело идет о том, чтобы низвергнуть это существующее. Мы, впрочем, признаем вполне, что Фейербах, стремясь добиться сознания именно этого факта, идет настолько далеко, насколько вообще может итти теоретик, не переставая вообще быть теоретиком и философом. Но характерно то, что святые Бруно и Макс немедленно берут представление Фейербаха о коммунисте и ставят его на место реального коммуниста, что делается отчасти уже ради того, чтобы они могли бороться и с коммунизмом, как с «духом от духа», как с философской категорией, как с равным им противником, а со стороны святого Бруно также и из прагматических интересов. В качестве примера признания и в то же время непонимания существующего, все еще общего Фейербаху с нашими противниками, напомним то место в «Философии будущего», где он доказывает, что бытие какой-нибудь вещи или какого-нибудь человека является в то же время его сущностью, что определенный образ жизни, отношения существования и деятельности какого-нибудь животного или человеческого индивида представляют то самое, чем чувствует себя удовлетворенной его «сущность». Здесь всякое исключение рассматривается определенным образом, как несчастная случайность, как какая-то ненормальность, которую нельзя изменить. Следовательно, если миллионы пролетариев не чувствуют себя вовсе удовлетворенными условиями своей жизни, если их «бытие»...

(Конца нехватает).

...Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями, т.-е. класс, являющийся господствующей *материальной* силой общества, является в то же время его господствующей *духовной* силой. Класс, могущий распоряжаться средствами материального производства, располагает в то же время, благодаря этому, средствами духовного производства, так что, благодаря этому он господствует в то же время в общем над мыслями тех, у которых нет средств для духовного производства. Господствующие мысли представляют не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, представляют выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения, т.-е. отношения, которые и делают один какой-нибудь класс господствующим, т.-е. представляют мысли его господства. Индивиды, представляющие господствующий класс, среди прочих вещей, обладают и сознанием и, следовательно, мыслят; само собою разумеется, поэтому, что, поскольку они господствуют в качестве класса, и определяют все содержание какой-нибудь исторической эпохи, они это делают всем существом, т.-е. господствуют, между прочим, в качестве мыслящих существ, в качестве производителей мыслей, регулируя производство и распределение мыслей своего времени, и, значит, их мысли являются господствующими мыслями эпохи. Так, например, в какой-нибудь стране в эпоху,

когда королевская власть, аристократия и буржуазия борются за господство, когда, следовательно, господство разделено, в качестве господствующей мысли выступает учение о разделении властей, высказываемое в качестве «вечного закона». — Разделение труда, в котором мы уже выше нашли одну из главных сил прошлой истории, обнаруживается и в господствующем классе, в виде разделения на духовный и материальный труд, так что одна часть этого класса выступает внутри его, в качестве мыслителей его (активные творческие (conceptiven) идеологи класса, для которых главным средством пропитания является выработка иллюзий этого класса о самом себе), в то время как другая часть его относится к этим иллюзиям пассивно и рецептивно, ибо в действительности они являются активными членами этого класса и имеют мало времени для составления себе иллюзий и мыслей о самих себе. Это расщепление класса может доходить даже до известного противоставления друг другу и вражды обеих указываемых частей, но вражда эта исчезает сама собой при всякой практической коллизии, угрожающей существованию класса; в эти же моменты пропадает и иллюзия, будто господствующие мысли не являются мыслями господствующего класса и составляют силу, отличную от силы этого класса. Существование в определенную эпоху революционных мыслей предполагает уже существование революционного класса, о предпосылках которого все необходимое было уже выше сказано. Если, при рассмотрении исторического процесса, отделить мысли господствующего класса от самого господствующего класса, если объективировать их, придав им самостоятельное значение, и ограничиться голым констатированием того, что в известную эпоху господствовали такие-то и такие-то мысли, не интересуясь условиями производства и производителями этих мыслей,—если, следовательно, оставить в стороне индивидов и историческую обстановку, лежащую в основе мыслей, то можно, например, сказать, что в эпоху господства аристократии господствовали понятия: честь, верность и т. д., в эпоху же господства буржуазии — понятия: свобода, равенство и т. д. Вообще говоря, это воображает себе и сам господствующий класс. [Эти господствующие понятия будут иметь тем более общую форму, чем более вынужден господствующий класс представить свои интересы как интересы всех членов общества. Господствующий класс имеет сам, вообще говоря, представление, что эти его понятия господствуют, и отличает их от господствовавших представлений прежних эпох тем, что представляет их в качестве вечных истин.] Это понимание истории, свойственное всем историкам, главным образом, начиная с восемнадцатого столетия, наталкивается неизбежно на то обстоятельство, что с течением времени начинают господствовать все более абстрактные мысли, т.-е. мысли, принимающие все более и более форму всеобщности. Всякий новый класс — и в особенности тот, который становится на место господствовавшего до него класса — вынужден, для достижения своих целей, представить свои интересы в виде общего интереса всех членов общества, т.-е., выражая это на языке идеализма, вынужден придать своим мыслям форму всеобщности, представить их как единственно разумные, общезначимые. Революционный класс — уж по одному тому, что он противостоит некоторому классу — выступает не как класс, а как представитель всего общества; он является, как вся масса общества, в противоположность единственному господствующему классу [1]). Это возможно для него, ибо первоначально

[1]) Марксом написано на полях: (Всеобщность соответствует: 1) классу contra сословие, 2) конкуренции, всемирным сношениям и т. д., 3) большому числу господствующего класса, 4) иллюзии общего интереса; вначале эта иллюзия истинна, 5) самообману идеологов и разделению труда).

его интересы действительно еще сильно связаны с общими интересами прочих, не господствующих, классов, не сумевших под давлением обстановки прошлого развиться в виде особенных интересов особого класса. Поэтому его победа оказывается выгодной и для многих индивидов прочих, не достигших господства, классов, но лишь постольку, поскольку она способствует этим индивидам подняться в ряды господствующего класса. Когда французская буржуазия низвергла господство аристократии, она дала этим возможность многим пролетариям подняться над уровнем пролетариата, но лишь таким образом, что они стали буржуа. Поэтому каждый новый класс устанавливает свое господство лишь на более широкой основе, чем господствовавшие до него; но зато впоследствии с тем большей остротой и глубиной развиваются противоречия между негосподствующими классами и классом господствующим. Обоими этими факторами обусловливается то, что борьба, которую приходится вести против этого нового господствующего класса, в свою очередь, приводит к более решительному, более радикальному отрицанию прежнего общественного строя, чем это могло быть в случае всех прежних, стремившихся к господству, классов.

Весь этот мираж, будто господство определенного класса является только господством известных мыслей, исчезает, разумеется, сам собой, лишь только господство классов перестает вообще быть формой общественного строя, лишь только, следовательно, нет больше нужды представлять особенный интерес в качестве всеобщего, или же всеобщее в качестве господствующего.

После того как господствующие идеи отделены от господствующих индивидов, и, благодаря этому, получился тот результат, что в истории всегда господствуют мысли, совсем не трудно абстрагировать из этих различных мыслей «Мысль» (рукой Маркса: Идею и т. д.), как то, что господствует в истории, и рассматривать, благодаря этому, все эти отдельные мысли и понятия (рукой Маркса: как самоопределения, развивающегося в истории Понятия) [1]). Это и сделала спекулятивная философия. Гегель сознается сам в конце философии истории, что он рассматривал только «развитие» («Fortgang») понятия и изобразил историю в виде «истинной *теодицеи*» (стр. 446). Тогда можно вернуться к производителям «Понятия», к теоретикам, к идеологам и философам и притти к тому результату, высказанному уже, как мы видим, и Гегелем—что философы всегда господствовали в истории (рукою Маркса: «Таким образом весь фокус, имеющий целью доказать в истории верховное господство духа (иерархия у Штирнера), сводится к следующим трем штукам»).

№ 1. Нужно отделить мысли людей, господствующих по эмпирическим основаниям, при эмпирических условиях и в качестве материальных индивидов, от самих этих господствующих людей и, таким образом, признать господство мыслей или иллюзий в истории.

№ 2. Нужно ввести в это господство мыслей некоторый порядок, показать некоторую мистическую связь между следующими друг за другом господствующими мыслями; это достигается тем, что их рассматривают как «самоопределения понятия» (это возможно потому, что эти мысли действительно связаны друг с другом при посредстве своей эмпирической

---

[1]) Рукой Маркса на полях: Понятно (?) тогда, что все отношения человека могут быть выведены из понятия человека, из представленного человека, из сущности человека, из человека вообще.

основы (рукой Маркса: и потому что, рассматриваемые, как простые мысли, они становятся саморазличениями, различениями, устанавливаемыми мыслителями).

№ 3. Чтобы устранить мистический характер этого «само себя определяющего понятия», его превращают в некоторое лицо — «Самосознание» — или же, чтобы иметь совершенно материалистический вид, в ряд лиц, представляющих в истории «понятие», — в «мыслящих», «философов», в идеологов, которых рассматривают опять-таки как фабрикантов истории, как «совет стражей», как господствующих. Таким путем удается устранить все материалистические моменты из истории, после чего можно, опустив поводья, дать волю своему спекулятивному коню.

(Рукою Маркса: Этот исторический метод, господствующий преимущественно в Германии, должен быть выведен из связи с иллюзией идеологов вообще, например, из иллюзии юристов, политиков (а также практических государственных деятелей), из догматических извращений этих молодцов, весьма просто объясняющихся практическим характером их деятельности и разделением труда.)

В то время как в обыденной жизни любой лавочник отлично умеет различать между тем, за что выдает себя кто-нибудь, и тем, чем он является в действительности, наша историография еще не дошла до этого банального знания. Она верит на слово каждой эпохе в том, что она говорит о себе и что она воображает о себе.

(Начала нет.)

Из первого вытекает предпосылка развитого разделения труда и обширной торговли, из второго — локальный характер (Lokalität). В первом случае индивиды должны быть собраны, во втором—они имеются рядом с данным орудием производства сами, как орудия производства. Таким образом, здесь выступает различие между данными природой орудиями производства и орудиями, созданными цивилизацией. Пашню (воду и т. д.) можно рассматривать как данное природой орудие производства. В первом случае, в случае данного природой орудия производства, индивиды подчиняются (subsummirt) природе, во втором — продукту труда. Поэтому, в первом случае, и собственность (земельная собственность) представляется в качестве непосредственного, данного природой господства, во втором — в качестве господства труда, в частности накопленного труда, капитала. Первый случай предполагает, что индивиды объединены какой-нибудь связью — семейной, племенной, даже земельной и т. д. и т. д.; второй случай предполагает, что они независимы друг от друга и связаны только обменом. В первом случае обмен есть, главным образом, обмен между людьми и природой, обмен; в котором труд одних меняется на продукты других, во втором случае, это, преимущественно, обмен людей между собой. В первом случае достаточно среднего здравого смысла; телесная и духовная деятельность еще не отделены друг от друга; во втором случае уже должно произойти практически разделение между духовным и телесным трудом. В первом случае господство собственности над несобственниками может опираться на личные отношения, на своего рода общественную организацию, во втором случае оно должно принять вещественную форму в чем-то третьем, в деньгах. В первом случае существует мелкая промышленность, но при использовании данного природой орудия производства, а поэтому без

разделения труда между различными индивидами; во втором случае промышленность существует только в разделении и благодаря ему.

Мы до сих пор исходили из орудий производства, и уже здесь обнаружилась необходимость частной собственности на известных ступенях промышленности. В industrie extractive частная собственность еще целиком совпадает с трудом; в мелкой промышленности и во всем доныне шнем земледелии собственность необходимым образом является следствием данных орудий производства; в крупной промышленности противоречие между орудием производства и частной собственностью составляет ее собственный продукт, для произведения которого она должна быть уже очень развита. Таким образом только с ней становится возможным и уничтожение частной собственности...

Самым крупным разделением материального и духовного труда является отделение города от деревни. Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного быта к государственной жизни, от местности к нации, и тянется через всю историю цивилизации до нашего времени (Anticornlaw-League). Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д., коротко говоря, общинной жизни (Gemeindewesens), а, значит, и политики вообще. Здесь впервые сказалось разделение населения на два больших класса, основывающееся прямо на разделении труда и на орудиях производства. В городе мы имеем перед собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности и обособления. Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Она есть грубейшее выражение факта подчинения индивида разделению труда и определенной, принудительно навязываемой ему, деятельности, подчинения, превращающего одного человека в ограниченное городское животное, другого—в ограниченное деревенское животное, и ежедневно наново порождающего противоречие интересов обоих. Труд здесь является снова главным делом, является *силой* над индивидами, и, пока существует эта последняя, должна существовать и частная собственность. Уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности (Gemeinschaft), условием, которое, в свою очередь, зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит сразу же, не может быть осуществлено одной только волей (эти условия должны еще быть развиты). Отделение города от деревни можно рассматривать как отделение капитала от земельной собственности, как начало независимого от земельной собственности существования и развития капитала, начало собственности, имеющей свою основу только в труде и в обмене. (Перейдем теперь к нашему примеру.) В городах, которые не перешли в средневековье в готовом виде из прошлого, а образовались наново из освободившихся крепостных, единственной собственностью каждого индивида—за исключением приносимого им ничтожного капитала, заключавшегося в самых необходимых инструментах—была его собственная работа. Конкуренция постоянно прибывавших в город и убежавших от своих господ крепостных, непрерывная война деревни с городом и связанная с этим необходимость организации городской военной силы, узы общей собственности на определенную работу, необходимость общих зданий для продажи товаров в эпоху, когда ремесленник являлся в то же время и купцом,

и связанное с этим исключение из этих зданий непризванных, противоречие интересов отдельных ремесл, необходимость охраны с трудом изученного ремесла и феодальная организация всей страны—таковы были причины объединения рабочих каждой профессии в цехи. Мы здесь не будем вдаваться в подробности касательно многочисленных изменений цехового строя, вызванных позднейшими историческими событиями. В течение всех средних веков продолжается без перерыва бегство крепостных в города. Эти крепостные, преследуемые в деревнях своими господами, приходили поодиночке в города, где они находили организованную общину, по отношению к которой они были бессильными, так как они должны были довольствоваться тем положением, которое диктовалось им потребностью в их труде и интересами их организованных городских конкурентов. Эти, приходившие в город поодиночке, рабочие никогда не могли стать силой, ибо, если их работа носила цеховый характер и требовала выучки, то цеховые мастера подчиняли их себе и организовывали их согласно своим интересам; если же их работа не требовала выучки и была поэтому не цехового характера, то они никогда не могли организоваться и оставались неорганизованной чернью. Нужда в городах в поденной работе породила чернь. Города эти были истинными «союзами», вызванными непосредственными потребностями, заботой об охране собственности и об умножении средств производства и защиты отдельных членов. Так как в этих городах чернь состояла из чуждых друг другу, появившихся поодиночке, индивидов, которые противостояли организованной, по воински снаряженной и ревниво следившей за ними силе, то она была лишена всякой силы. Подмастерья и ученики были организованы в каждом ремесле так, как этого требовали интересы мастеров. Патриархальные отношения между ними и мастером сообщали последнему двоякую силу: во-первых, они имели прямое влияние на всю жизнь подмастерьев, во-вторых, работа подмастерьев у одного и того же мастера была действительной связью, объединявшей их против подмастерьев других мастеров и обособлявшей их от последних; наконец, подмастерья были связаны с существующим строем своими собственными интересами, именно возможностью стать самим мастерами. Поэтому в то время, как чернь поднимала иногда мятежи против всего этого городского строя,— мятежи, которые, при бессилии ее, не приводили ни к какому результату,— подмастерья ограничивались мелкими вспышками в рамках отдельных цехов, что, собственно, входило в существо самого цехового строя. Великие восстания средневековья исходили все из деревни, но, в виду раздробленности крестьян и связанной с этим грубости их, они тоже оставались совершенно безрезультатными.

Капитал в этих городах был натуральным капиталом; он заключался в жилище, инструментах и натуральной, наследственной клиентуре и, вследствие недостаточно развитых сношений и недостаточного обращения, не мог быть реализован, передаваясь по наследству от отца к сыну. Капитал этот — в отличие от современного капитала — выражался не в деньгах, при которых безразлично, в какой именно вещи он заключается,— это был непосредственно связанный с трудом владельца, совершенно неотделимый от него, и постольку *сословный,* капитал.

В городах не было вовсе проведено разделение труда между отдельными цехами и внутри цехов между отдельными рабочими. Каждый рабочий должен был знать целый ряд работ, должен был уметь делать все, что можно было сделать при помощи его инструментов; ничтожность сношений и вся связь отдельных городов, недостаток населения и ограниченность потребности мешали дальнейшему разделению труда; поэтому каждый, желаг-

ший стать мастером, должен был владеть всеми тайнами своего ремесла. Поэтому, у средневековых ремесленников наблюдается еще известный интерес к их специальной работе и к искусству труда, который мог подниматься до степени некоторого ограниченного художественного вкуса. Но поэтому же каждый средневековый рабочий уходил целиком в свою работу; у него было к ней отношение какой-то сентиментальной крепостной зависимости, и он был гораздо более подчинен ей, чем современный рабочий, относящийся равнодушно к своей работе.

Ближайшим шагом в области разделения труда было обособление производства от формы сношений (Verkehr), образование особого класса купцов, — обособление, перешедшее из прошлого в исторически сохранившихся городах (между прочим, с евреями) и очень скоро появившееся в новообразовавшихся городах. Этим создавалась возможность торговой связи, выходящей за пределы ближайшей окрестности,—возможность, осуществление которой зависело от существующих средств сообщения, от состояния публичной безопасности по дорогам, обусловленного политической обстановкой (как известно, в течение всех средних веков купцы передвигались вооруженными караванами), и от большей или меньшей развитости потребностей в доступной торговле области, обусловленной соответствующей ступенью культуры. В то время как форма сношений конституируется в особый класс и вместе с тем, благодаря купцам, расширяется торговля за пределы ближайшей окрестности города, появляется и взаимодействие между производством и формой сношений. Города вступают в связь *друг с другом*, новые орудия труда привозятся из одного города в другой, и разделение между производством и формой сношений вызывает вскоре новое разделение производства между отдельными городами, каждый из которых начал вскоре эксплоатировать какую-нибудь важную отрасль промышленности. Мало-по-малу исчезает первоначальное ограничение местностью.

Только от развития сношений зависит то, сохранится ли или нет для дальнейшего развития достигнутый в какой-нибудь местности уровень производительных сил, в особенности сделанные в ней изобретения. Пока сношения ограничиваются ближайшим соседством, всякое изобретение должно делаться особняком в каждой местности; достаточно было простых случайностей, вроде вторжения варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала. В первоначальной истории каждое изобретение должно было делаться ежедневно наново и в каждой местности независимым образом. Как мало были гарантированы от полной гибели производительные силы даже в случае сравнительно весьма обширной торговли, показывает пример финикиян (рукой Маркса: и живописи на стекле в средние века), изобретения которых в значительнейшей части погибли на долгое время, благодаря вытеснению их из торговли, благодаря завоеванию их Александром и последовавшему за этим упадку их. То же самое относится, например, к живописи на стекле в Средние Века. Только тогда, когда сношения приобретают мировой характер, имея в своей основе крупную промышленность, когда все народы втягиваются в конкуренционную борьбу, только тогда становится обеспеченным длительное существование достигнутых в развитии производительных сил успехов.

Ближайшим следствием разделения труда между различными городами явилось зарождение мануфактуры, этой выросшей из рамок цехового строя отрасли производства. Исторической предпосылкой первого расцвета ману-

фактуры—в Италии, а позже во Фландрии — явились сношения с иностранными народами. В других странах — например, в Англии и Франции — мануфактура ограничивалась первоначально внутренним рынком. Кроме указанных предпосылок, существование мануфактуры предполагает еще далеко подвинувшуюся концентрацию населения — в особенности деревенского — и капитала, который начал скопляться отчасти в цехах, несмотря на все цеховые запреты, отчасти у купцов, в отдельных торговлях.

Тот вид труда, который предполагал участие машины, хотя бы и еще в самом грубом виде, обнаружил вскоре способность к развитию. Ткачество, которым до того занимались в деревне, между прочим, крестьяне, чтобы изготовить себе необходимую одежду, было первым видом труда, получившим, благодаря расширению сношений, толчок к дальнейшему развитию. Ткачество было первой из мануфактур и осталось главной из них. Возросший вместе с ростом населения спрос на материи для одежды, начавшееся, благодаря ускорившемуся обращению, накопление и мобилизация натурального капитала, вызванная этим и благоприятствуемая постепенным расширением сношений потребность в предметах роскоши, дали ткачеству, и в количественном и в качественном отношении, толчок, вырвавший его из рамок прежних форм производства. На-ряду с ткавшими для собственного потребления крестьянами, которые продолжали заниматься этим делом и продолжают еще заниматься им, в городах возник новый класс ткачей, изделия которых были предназначены для всего туземного рынка, а большею частью даже для иностранных рынков. Ткачество, эта разновидность труда, требующая в большинстве случаев небольшого искусства и распадающаяся на бесчисленное множество отраслей, в силу самой своей сущности должно было бороться с путами цехового строя. Поэтому же ткачеством занимались вне рамок цеховой организации в деревнях и местечках, которые постепенно превратились в города, и притом в самые цветущие города каждой страны. Вместе с появлением свободной от цеховых форм мануфактуры изменились тотчас же и отношения собственности. Первый шаг вперед от натурального, сословного капитала был сделан купцами, капитал которых был движимым, был капиталом в современном смысле слова, поскольку можно так выражаться в применении к тогдашним отношениям. Вторым шагом вперед было появление мануфактуры, которая, в свою очередь, мобилизовала массу натурального капитала и вообще увеличила массу движимого капитала по сравнению с массой натурального капитала. Мануфактура стала в то же время убежищем крестьян от исключавших их или дурно оплачивавших цехов, подобно тому как прежде цеховые города служили крестьянам местом убежища.

С началом мануфактуры начинается период бродяжничества, вызванный уничтожением феодальных дружин, роспуском войск, служивших королям против их вассалов, улучшением земледелия и превращением огромных масс пахотной земли в пастбища. Уже отсюда ясно, что это бродяжничество тесно связано с распадом феодализма. Уже в XIII веке мы встречаем отдельные периоды подобного бродяжничества, но всеобщим и длительным явлением оно становится лишь в конце XV и в начале XVI века. Этих бродяг, бывших столь многочисленными, что Генрих VIII английский приказал повесить 72.000 их, можно было заставить работать лишь с величайшим трудом, после упорного сопротивления. Быстрый расцвет мануфактуры, в особенности в Англии, постепенно поглотил их.

Вместе с появлением мануфактуры, различные народы начинают конкурировать между собою, вступают в торговую борьбу, принимавшую форму войн, охранительных пошлин и запрещений, между тем как прежде народы,

находившиеся между собою в сношениях, вели друг с другом мирный обмен. Торговля отныне приобретает политическое значение.

Вместе с мануфактурой изменяется и отношение рабочего к работодателю. В цехах между подмастерьями и мастером продолжали существовать патриархальные отношения; в мануфактуре же на место их появились денежные отношения между рабочими и капиталистом, которые в деревнях и маленьких городах продолжали носить патриархальный характер, а в крупных, подлинно мануфактурных, городах уже рано потеряли почти всякую патриархальную окраску.

Мануфактура и вообще производство получили огромный толчок, благодаря расширению сношений, вызванному открытием Америки и морского пути в Индию. Новые, ввезенные оттуда, продукты, в особенности массы золота и серебра, вступившие в обращение, радикально видоизменили взаимоотношение классов и нанесли жестокий удар феодальной земельной собственности и рабочим; предприятия разных авантюристов, колонизация, а, главным образом, ставшее теперь возможным и все более и более совершавшееся расширение рынков и превращение их в мировой рынок породили новую фазу исторического развития, которой мы не будем здесь подробнее заниматься. Благодаря колонизации новооткрытых земель, торговая борьба народов друг с другом получила новую пищу, приобретя вместе с тем и бо́льшие размеры и более ожесточенный характер.

Расширение торговли и мануфактуры ускорило накопление движимого капитала, между тем как в цехах, не имевших никакого стимула для расширения производства, натуральный капитал оставался при тех же размерах или даже убывал. Торговля и мануфактура создали крупную буржуазию; в цехах концентрировалась мелкая буржуазия, которая уже больше не господствовала, как прежде, в городах, а должна была уступить место господству крупных купцов и мануфактуристов. Этим объясняется гибель цехов, как только они пришли в соприкосновение с мануфактурой [1]).

В эпоху, о которой мы говорим, сношения народов между собою принимают две различные формы. Вначале ничто́жное количество находившегося в обращении золота и серебра вызвало запрет вывоза этих металлов, а ставшая необходимой, ввиду необходимости дать занятие возросшему городскому населению, и по большей части импортированная промышленность не могла обойтись без привилегий, которые, естественно, были направлены не только против внутренней, но, главным образом, против внешней конкуренции. В этих первоначальных запрещениях как бы распространялись на весь народ местные цеховые привилегии. Пошлины возникли из поборов, налагавшихся феодалами на проезжавших через их владения купцов, в виде выкупа за отказ от ограбления их, — поборов, которые впоследствии налагались также городами и которые, при возникновении современных государств, явились для казны удобнейшим средством добывать себе деньги.—Появление на европейских рынках американского золота и серебра, постепенное развитие промышленности, быстрый подъем торговли и вызванный этим расцвет собственнической буржуазии и денег—все это придало этим мероприятиям другое значение. Государство, которое все менее и менее могло обходиться без денег, сохраняло теперь из фискальных соображений запрет вывоза золота и серебра; буржуа, для которых эти свеже выброшенные на рынок денежные массы стали главным предметом их вожделений, были вполне довольны этим; прежние привилегии

---

[1]) На полях рукой Маркса: мелкая буржуазия, среднее сословие, крупная буржуазия.

стали источником дохода для правительства и продавались за деньги; в таможенном законодательстве появились вывозные пошлины, которые оказывались только помехами для развития промышленности и преследовали чисто фискальные цели.

Второй период наступил в средине XVII столетия и тянулся почти до конца XVIII. Торговля и судоходство расширились быстрее, чем мануфактура, игравшая тогда второстепенную роль; колонии начали становиться крупными потребителями; отдельные народы только путем продолжительной борьбы сумели удержаться на открывшемся мировом рынке. Этот период начинается законами о мореплавании и колониальными монополиями. Путем тарифов, запрещений, трактатов устраняли по возможности конкуренцию чужих народов; а в последнем счете решения и исхода конкурренционной борьбы искали в войнах (в особенности, в морских войнах). Могущественнейшая морская держава, Англия, получила перевес в торговле и мануфактуре. Уже здесь—концентрация в одной стране. Для защиты мануфактуры прибегали постоянно к охранительным пошлинам на национальном рынке, к монополиям в колониях и к дифференциальным пошлинам на иностранном рынке. Оказывали покровительство обработке производимого в самой стране сырья (шерсть и полотно в Англии, шелк во Франции), запрещая вывоз его за границу (шерсть в Англии) и не заботясь или не допуская ввоз его оттуда (хлопок в Англии). Народ, первенствовавший в морской торговле, и в смысле колониального могущества обладал, естественно, и самой обширной — как количественно, так и качественно — мануфактурной промышленностью. Мануфактура вообще не могла обходиться без охраны, так как достаточно было малейшей перемены в других странах, чтобы она лишилась своего рынка и была разорена; при более или менее благоприятных условиях ее легко было ввести в какой-нибудь стране, но именно поэтому легко было и разрушить. В то же время, благодаря тому способу, каким занимались ею, особенно в XVIII веке, в деревнях, она так переплеталась с условиями существования огромной массы людей, что ни одна страна не осмеливалась поставить на карту существование ее допущением свободной конкуренции. Поэтому, поскольку дело доходило до экспорта продуктов ее, она всецело зависела от расширения или ограничения размеров торговли, оказывая с своей стороны сравнительно ничтожное воздействие (на нее). Этим объясняется ее второстепенное (значение) и отсюда влияние купцов в XVIII веке.

Купцы, а в особенности арматоры, более всех других требовали государственной охраны и монополий; правда, и мануфактуристы требовали — и добивались—охраны, но в политическом значении они постоянно уступали купцам. Торговые города, в частности приморские города, цивилизовались до известной степени, приобретая крупно-буржуазный характер, между тем как фабричные города коснели в величайшей мелко-буржуазности. (Ср. Айкин и т. д. и т. д). Восемнадцатый век был веком торговли. Пинто говорит нам (?) определенно: Le commerce fait la marotte du siècle и также depuis quelque temps il n'est plus question que de commerce, de navigation et de marine (Торговля, это—конек нашего времени; с некоторого времени только и говорят, что о торговле, мореплавании, флоте). Хотя движение капитала значительно ускорилось, но оно все еще оставалось сравнительно медленным. Раздробление мирового рынка на отдельные части, эксплоатируемые каждая особым народом, устранение конкуренции между народами, громоздкость самого производства и неразвитость денежной системы, выходившей только из зачаточного состояния,—все это сильно мешало успехам обращения. Следствием этого был грязный, мелкий торгашеский дух, свой-

ственный всем тогдашним купцам и всему способу торговли. По сравнению с мануфактуристами и в особенности ремесленниками они были, конечно, крупными буржуа, но, по сравнению с купцами и промышленниками ближайшего следующего периода, они оставались мелкими буржуа. (Ср. А. Смит.)

Этот период характеризуется также отменой запретов вывоза золота и серебра, возникновением торговли деньгами, банков, государственных долгов, бумажных денег, спекуляции акциями и биржевыми ценностями, ажиотажа всякого рода и развитием денежной системы вообще. Капитал потерял еще добрый кусок своего первоначального натурального характера.

Неудержимо развивавшаяся в XVII столетии концентрация торговли и мануфактуры в одной стране—в Англии—создала для нее мало-по-малу своего рода мировой рынок, а вместе с тем и спрос на мануфактурные продукты ее, спрос, который уже не мог быть больше удовлетворен прежним уровнем промышленных производительных сил. Этот, переросший производительные силы, спрос и вызвал третий со времени средневековья период частной собственности, породив крупную промышленность—применение сил природы для промышленных целей, машинизм и самое детальное разделение труда. Прочие условия этой новой фазы развития—свобода конкуренции в пределах страны, создание теоретической механики (вообще механика, завершенная Ньютоном, была в XVIII веке самой популярной во Франции и Англии наукой) и т. д. и т. д.—существовали уже в Англии (свободной конкуренции в пределах страны приходилось добиваться повсюду при помощи революции—1640 и 1688 г.г. в Англии, 1789 г. во Франции). Конкуренция заставила вскоре каждую страну, не желавшую утратить своей исторической роли, прибегнуть снова для охраны своих мануфактур к таможенным мероприятиям (старые пошлины уже не годились для борьбы с крупной промышленностью) и ввести вслед за тем крупную промышленность, охраняя ее таможенным тарифом. Несмотря на эти охранительные меры, крупная промышленность универсализировала конкуренцию (она является практической свободой торговли; охранительные пошлины представляют в ней только паллиатив, противоядие к свободе торговли) и создала средства сообщения и современный мировой рынок, подчинила себе торговлю, превратила всякого рода капиталы в промышленный капитал и породила таким образом быстрое обращение (развитие денежной системы) и централизацию капиталов. При помощи универсальной конкуренции она заставила всех индивидов до крайности напрягать свою энергию. Где только могла, она уничтожила идеологию, религию, мораль и т. д., а там, где она этого не сумела добиться, она сделала из них осязательную ложь. Лишь она создала всемирную историю постольку, поскольку она поставила каждый цивилизованный народ и каждого индивида в нем, при удовлетворении их потребностей, в зависимость от всего мира и поскольку она уничтожила прежнюю натуральную исключительность отдельных народов. Она подчинила естествознание капиталу и лишила разделение труда последних следов натурального характера. Она вообще уничтожила натуральные отношения, поскольку это возможно в рамках труда, превратив их в денежные отношения. На место прежних естественно развившихся городов она создала современные крупные промышленные города, выросшие с чудесной быстротой. Повсюду, куда она проникла, она разрушила ремесло и вообще все прежние ступени промышленности. Она завершила победу города над деревней. Ее (структура) это автоматическая система. (Она) породила массу производительных сил, для которых частная собственность является такими же оковами, какими

цеховой строй был для мануфактуры, а мелкое деревенское производство для развивающегося ремесла.

При господстве частной собственности эти производительные силы получают лишь одностороннее развитие, становясь для большинства разрушительными силами, и множество подобных производительных сил не находит вовсе приложения при режиме частной собственности. Крупная промышленность создала вообще повсюду одинаковые отношения между классами общества и, благодаря этому, уничтожила обособленность отдельных народностей. Наконец, в то время, как буржуазия каждого народа обладает своими особыми национальными интересами, крупная промышленность породила класс, который обладает у всех народов одними и теми же интересами и у которого уже уничтожена национальность,—класс, который действительно освободился от всего старого мира и в то же время противостоит ему. Она делает для рабочего невыносимым не только отношение к капиталисту, но и самый труд.

Само собой разумеется, что крупная промышленность достигает не во всех местностях данной страны одинакового уровня развития. Но это нисколько не задерживает классового движения пролетариата, так как порождаемые крупной промышленностью пролетарии становятся во главе этого движения, увлекая за собой всю остальную массу, и так как вытесняемые крупною промышленностью рабочие попадают, благодаря ей, еще в худшее положение, чем рабочие самой крупной промышленности. Точно так же страны, в которых развита крупная промышленность, воздействуют на plus ou moins непромышленные страны, поскольку последние втянуты, благодаря мировым сношениям, в универсальную конкуренционную борьбу.

Эти различные формы являются в то же время формами организации труда, а, значит, и собственности. В каждый (исторический) период происходило объединение существующих производительных сил, поскольку это делалось необходимым для удовлетворения потребностей.

Это противоречие между производительными силами и формами сношений, которое, как мы видели, имело уже неоднократно место в истории прошлого, не угрожая, однако, основам ее, должно было каждый раз прорываться в виде революции, при чем оно, как совокупность коллизий, принимало различные побочные формы: коллизии различных классов, противоречие сознания, идейная борьба и т. д., политическая борьба и т. д. Если стоять на ограниченной точке зрения, то можно выдернуть одну из этих побочных форм, рассматривая ее, как основу этих революций; сделать это тем легче, что индивиды, инициаторы этих революций, составляли себе, в зависимости от своего развития и от ступени исторического развития, иллюзии насчет своей собственной деятельности. Таким образом, все иллюзии истории коренятся, согласно нашим взглядам, в противоречии между производительными силами и формой сношений.

Впрочем, для создания иллюзий в какой-нибудь стране нет вовсе нужды, чтобы противоречие это доведено было до крайности в самой этой стране. Благодаря возможности международных сношений, достаточно конкуренции с промышленно более развитыми странами, чтобы породить в странах с менее развитой промышленностью аналогичное противоречие (так, например, конкуренция английской промышленности выявила в Германии скрытый пролетариат).

Конкуренция изолирует друг от друга индивидов, не только буржуа, но еще более пролетариев, хотя она их и объединяет. Поэтому проходит

немало времени, пока эти индивиды сумеют объединиться, не говоря уже о том, что для этого объединения — чтобы оно не было только местным — должны быть сперва созданы необходимые средства, именно крупные промышленные центры и дешевые, быстрые пути сообщения; поэтому лишь после долгой борьбы удается победить всякую организованную власть, стоящую против этих изолированных индивидов, живущих в условиях, ежедневно воспроизводящих эту изолированность. Требовать противного, это все равно, что требовать, чтобы в эту определенную историческую эпоху не существовала конкуренция или же чтобы индивиды выбили себе из головы отношения, над которыми они в своей изолированности не имеют никакого контроля.

Домостроительство. У дикарей, само собой разумеется, каждая семья имеет свою собственную пещеру или хижину, подобно тому, как у кочевников у каждой семьи имеется своя особая палатка. Дальнейшее развитие частной собственности делает еще более необходимым это раздельное домохозяйство. У земледельческих народов общее домохозяйство так же невозможно, как и общая обработка земли. Крупным шагом вперед было завоевание городов. Во все прежние эпохи уничтожение раздельного домохозяйства неотделимого от уничтожения частной собственности, было невозможно уже по одному тому, что налицо не было для этого материальных условий. Устройство общего домохозяйства предполагает развитие машинизма, использование сил природы и развитие многих других производительных сил, как, например, водопроводов, газового освещения, парового отопления (рукою Маркса: отмену города и деревни) и т. д. При отсутствии этих условий общее домохозяйство не представляло бы вовсе новой производительной силы; оно было бы лишено всякой материальной основы, опираясь на чисто теоретический базис, т.-е. было бы простой причудой, упираясь в какое-то монастырское хозяйство. То, что было возможно, выразилось в создании городов и в постройке общих зданий для определенных частных целей (тюрьмы, казармы и т. д. и т. д.). Само собой разумеется, что нельзя отделить уничтожения отдельного домохозяйства от уничтожения семьи.

(Рукой Маркса: Встречающееся часто у святого Макса положение, что всякий есть то, что он есть, благодаря государству, сводится по существу к положению, что буржуа есть экземпляр рода буржуа,—положению, предполагающему, что *класс* буржуа существовал уже до составляющих его индивидов.) В средние века в каждом городе горожане вынуждены были для защиты своей шкуры объединяться против сельского дворянства; рост торговли, установление путей сообщения дали возможность отдельным городам познакомиться с другими городами, имевшими тот же интерес в борьбе против того же противника. Из многих местных объединений горожан отдельных городов возник мало-по-малу *класс* горожан, бюргеров. Условия жизни отдельных горожан, благодаря их противоречию существующему порядку и обусловленному этим способу труда, стали условиями, общими им всем и независимыми от каждого в отдельности. Горожане создали эти условия, поскольку они вырвались из феодальной связи, и были созданы ими, поскольку они были обусловлены их противоположностью феодализму, который они застали. Вместе с происшедшим между отдельными городами объединением эти общие условия превратились в классовые условия. Одни и те же условия, одно и то же противоречие, одни и те же интересы должны были в целом вызвать повсюду также одинаковые нравы. Сама буржуазия развивается лишь постепенно, вместе со своими условиями, распадаясь, в зависимости от разделения труда, снова на различные

фракции и поглощая[1]) в себе под конец все имевшиеся до нее имущие классы по мере того, как вся существующая собственность превращается в промышленный или торговый капитал (параллельно с этим она превращает большинство неимущих, которых она застает, и часть прежде имущих классов в новый класс, в пролетариат). Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против некоторого другого класса, в остальном они сами противостоят друг другу враждебно, как конкуренты. С другой стороны, класс объективируется, в свою очередь, становясь чем-то самостоятельным по отношению к индивидам, так что последние находят предустановленными условия своей жизни: класс указывает им их житейское положение, а вместе с тем и их личное развитие, он подчиняет их себе. Это явление аналогично подчинению отдельных индивидов разделению труда, и оно может быть устранено лишь путем уничтожения частной собственности и самого труда. Мы уже несколько раз указывали, как это подчинение индивидов классу превращается в то же время в подчинение их всякого рода представлениям.

Если рассматривать *философским образом* это развитие индивидов в рамках общих условий существования исторически следующих друг за другом сословий и классов и в рамках навязанных им, благодаря этому, всеобщих представлений, то можно, разумеется, легко вообразить себе, что в этих индивидах развивался Род или Человек или же что они развивали Человека, т.-е. можно вообразить себе вещь, которая дает истории несколько крепких пощечин. Сделав это, можно затем рассматривать эти различные сословия и классы как спецификации всеобщего выражения, как разновидности Рода, как фазы развития Человека.

Это подчинение индивидов определенным классам может быть уничтожено лишь тогда, когда образовался класс, которому не приходится защищать и проводить против господствующего класса свой особый классовый интерес.

Превращение, благодаря разделению труда, личных сил (отношений) в силы вещественные не может быть уничтожено тем, что выбивают себе из головы общее представление об этом, а лишь тем, что индивиды снова подчиняют себе эти вещественные силы и уничтожают разделение труда. Но это невозможно без коллективности (Gemeinschaft). Только в коллективности получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, следовательно, только в коллективности возможна личная свобода. В имевшихся до сих пор суррогатах коллективности, в государстве и т. д., личная свобода существовала только для индивидов, принадлежавших к господствующему классу, и только постольку, поскольку они были индивидами этого класса. Мнимая коллективность, для которой объединялись до сих пор индивиды, всегда объективировалась, противоставляя себя им, как нечто самостоятельное; так как она являлась объединением одного класса против другого, то она была для подчиненного класса не только совершенно иллюзорной коллективностью, но и новыми узами. В действительной коллективности индивиды добьются в своей ассоциации и через эту ассоциацию в то же время и своей свободы. Индивиды всегда исходили из себя, но, разумеется, из себя в рамках данных исторических условий и отношений, а не из «чистого индивида» в смысле идеологов. Но в ходе исторического развития, притом благодаря неизбежному в рамках разделения труда объективи-

[1]) На полях рукой Маркса: Она сначала поглощает все отрасли труда, ...к государству, а затем все более или менее идеологические сословия.

рованию общественных отношений, появляется различие между жизнью каждого индивида, поскольку он является личностью и поскольку он подчинен некоторой отрасли труда и связанным с нею условиям. Этого не следует понимать в том смысле, будто, например, рантье, капиталист и т. д. перестают быть личностями; но их личность обусловливается и определяется вполне определенными классовыми условиями, и вышеуказанное различие выступает лишь в противоположности к другому классу, а для них самих обнаруживается лишь тогда, когда они обанкротятся. В сословии (а еще более в племени) это еще прикрыто; так, например, дворянин остается всегда дворянином, разночинец (roturier)—всегда разночинцем: это—вне зависимости от прочих условий их жизни—является неотделимым от их индивидуальности качеством. Отличие личного индивида от классового индивида, случайность жизненных условий (для индивида) появляется лишь вместе с появлением класса, который сам есть продукт буржуазии. Только конкуренция и борьба индивидов друг с другом порождает (и) развивает эту случайность как таковую. Поэтому, при господстве буржуазии, индивиды в представлении свободнее, чем они были прежде, ибо их жизненные условия случайны для них,—в действительности же они, разумеется, менее свободны, ибо они более подчинены вещественной власти. Отличие от сословия обнаруживается в особенности в противоположности буржуазии пролетариату. Когда появились сословие горожан, корпорации и т. д. и выступили против поместного дворянства, то условия их существования—движимое имущество и ремесленный труд, существовавшие в скрытом виде еще до их выделения из связи феодализма—казались чем-то положительным, — что противоставляли феодальной земельной собственности и что поэтому приняло вскоре, в свою очередь и на свой манер, феодальную форму. Конечно, бежавшие крепостные рассматривали свое прежнее крепостное состояние, как нечто случайное для их личности. Но в этом отношении они поступали не иначе, чем всякий освобождающийся от оков класс; кроме того, они освобождались не как класс, а поодиночке. Далее, они не покидали сферы сословного строя, образовав лишь новое сословие, и сохраняли свой прежний способ работы и в новом положении и развивали его дальше, освободив его от прежних, не соответствовавших уже достигнутой ступени развития, оков. Для пролетариев же условия их собственной жизни, труд,—а вместе с тем и условия существования всего теперешнего общества,—стали чем-то случайным, над чем отдельные пролетарии не имеют никакого контроля (рукой Маркса: и над чем им не может дать контроля никакая общественная организация), и противоречие между личностью отдельного пролетария и навязанным ему жизненным условием—трудом—обнаруживается для него самого,—в особенности, если иметь в виду то, что он является жертвой этих жизненных условий уже с молодости и что в рамках своего класса у него нет никакого шанса добиться условий, благоприятных для перехода в другой класс.

N. B. Не забыть, что уже одна необходимость для крепостного существовать и невозможность ведения крупного хозяйства, повлекшая за собой раздачу крепостным мелких участков, привели скоро к превращению обязанностей крепостного по отношению к его феодальному господину в натуральные повинности и барщинные работы; это сделало для крепостного возможным накопление движимой собственности, облегчив ему, таким образом, возможность бегства от своего господина и открыв перед ним перспективы преуспеяния в качестве горожанина, и породило градации среди крепостных, так что убегавшие крепостные были уже наполовину горожанами. Ясно также, что искусные в каком-нибудь ремесле кре-

постные имели больше всего шансов собрать себе движимую собственность.

Таким образом, если бежавшие крепостные желали только свободно развить и выявить имевшиеся уже налицо условия их существования и поэтому достигли в последнем счете только свободного труда, то пролетарии, чтобы выявить свою личность, должны уничтожить условие своего собственного существования, являющееся в то же время условием существования всего теперешнего общества, т.-е. должны уничтожить труд. Поэтому же они являются прямыми противниками той формы, в которой составляющие общество индивиды имели до сих пор свое общее выражение,— они являются противниками государства и должны, для проявления своей личности, низвергнуть государство.

Из всех этих рассуждений ясно, что общее (gemeinschaftlich) отношение, в которое вступают индивиды какого-нибудь класса и которое обусловливается их общим интересом по отношению к некоему третьему, было всегда коллективностью (Gemeinschaft), к которой эти индивиды принадлежали лишь как средние индивиды, лишь постольку, поскольку они жили в условиях существования своего класса; в этом отношении они имеют дело друг с другом не как индивиды, а как члены класса. Наоборот, в случае коллективности революционных пролетариев, берущих на себя контроль условий существования,—как собственного, так и всех членов общества,—в этой коллективности индивиды принимают участие как индивиды. Именно объединение индивидов (разумеется, в рамках уже развитых производительных сил) передает им контроль над условиями свободного развития и движения индивидов, условиями, которые до сих пор были предоставлены случаю и которые объективировались и противостали, как нечто самостоятельное, отдельным индивидам именно благодаря их разделению как индивидов (благодаря их необходимому объединению, которое дано с разделением труда и которое стало, благодаря их отделению, какой-то чуждой для них связью). Прошлые объединения были (вовсе не добровольными, как это изображено, например, в «Contrat social», а необходимыми объединениями) соглашениями (сравн., например, образование северо-американского государства и южно-американских республик) насчет этих условий, в рамках которых индивиды пользовались наслаждением случайностью. Это право безмятежно наслаждаться, в рамках известных условий, случайностью называли до сих пор личной свободой. Этими условиями существования являются, разумеется, производительные силы и формы *сношений соответствующей* эпохи.

Коммунизм отличается от всех прежних движений тем, что он уничтожает основу всех прежних отношений производства и сношений и впервые сознательно рассматривает все натуральные предпосылки как произведения людей, лишает их натурального характера и подчиняет их мощи объединившихся индивидов. Поэтому его организация носит существенно экономический характер; только материальное установление условий этого объединения делает из имеющихся налицо условий условия объединения. То существующее (das Bestehende), которое создается коммунизмом, является реальной основой, чтобы сделать невозможным всякое независимо от индивидов существующее, поскольку это существующее является попросту продуктом предшествовавших сношений между самим индивидами. Таким образом, коммунисты рассматривают практически условия, порожденные предшествовавшими производством и сношениями, как неорганические, но при этом они не воображают себе, что прошлые поколения задавались планом или намерением доставить им материал

и не думают, что эти условия были для создававших их индивидов неорганическими.

Различие между личным индивидом и случайным индивидом—это отнюдь не просто логическое различение, а исторический факт. В различные эпохи это различие имеет различный смысл,—так, например, сословие в XVIII веке, как нечто случайное для индивида, также plus ou moins семья. Это не различие, которое должны делать для каждой эпохи мы, а различие, которое делает каждая эпоха сама между различными, полученными ею от прошлого, элементами, и притом делает не согласно требованиям понятия, но вынужденная к тому материальными коллизиями жизни. Среди полученных позднейшей эпохой от прошлого элементов ей кажется случайной, в противоположность прошлому, форма сношений, соответствовавшая определенной ступени развития производительных сил. Отношение производительных сил к форме сношений, это—отношение формы сношений к деятельности и самодеятельности индивидов. (Основная форма этой самодеятельности, разумеется, материальная, от которой зависит всякая иная, духовная, политическая, религиозная и т. д. Различные формы материальной жизни зависят, разумеется, каждый раз от развитых уже потребностей, а порождение, равно как и удовлетворение, этих потребностей есть само исторический процесс, который не встречается ни у какой овцы или собаки (главный аргумент Штирнера adversus hominem), хотя овцы или собаки в своем теперешнем виде являются, разумеется,—правда, malgré eux,—продуктами исторического процесса). Условия, при которых находятся в сношениях друг с другом индивиды,—пока еще не обнаружилось указанное выше противоречие,—это—относящиеся к их индивидуальности условия, а не нечто внешнее для них, это—условия, при которых могут производить свою материальную жизнь и то, что с этим связано, эти определенные, существующие при определенных отношениях, индивиды; это, следовательно, условия их самодеятельности, и они производятся этой самодеятельностью. Таким образом, определенное условие, при котором они производят, соответствует—пока не обнаружилось еще указанное противоречие—их действительной обусловленности, их одностороннему бытию, односторонность которого обнаруживается лишь при наступлении противоречия и существует, следовательно, только для позднейших поколений. Это условие кажется тогда какими-то случайными оковами, а сознание того, что оно является оковами, подсовывается и прежнему времени.—Эти различные условия, которые казались сперва условиями самодеятельности, а впоследствии кажутся оковами ее, образуют в историческом развитии связный ряд форм сношений, связь которых заключается в том, что на место старых, ставших оковами, форм сношений становится новая форма сношений, соответствующая более развитым производительным силам, а, значит, и более прогрессивному виду самодеятельности индивидов,—форма сношений, которая, в свою очередь, становится оковами, заменяясь тогда другой формой. Так как эти условия соответствуют на каждой ступени исторического развития совершающемуся параллельно развитию производительных сил, то их история является в то же время историей развивающихся и перенимаемых каждым новым поколением производительных сил, а, значит, и историей развития сил самих индивидов.

Так как это развитие происходит стихийно, т.-е. не подчинено общему плану свободно соединившихся индивидов, то оно исходит из различных местностей, племен, народов, отраслей труда и т. д., из которых каждая первоначально развивается независимо от прочих, лишь мало-по-

малу соединяясь с ними. Далее оно происходит лишь очень медленно; различные ступени интересов никогда не преодолеваются целиком, они лишь подчиняются побеждающему интересу, продолжая свое существование рядом с ним еще на протяжении веков. Отсюда следует, что даже в рамках одного народа отдельные индивиды—даже отвлекаясь от их имущественных отношений—проделывают совершенно различное развитие и что прошедший интерес, особенная форма сношений которого уже вытеснена формой сношений, соответствующей позднейшему интересу, еще долго продолжает по традиции обладать властью в объективировавшейся против индивидов иллюзорной коллективности (государство, право),— властью, которая в конечном счете может быть сломлена только путем революции. Этим объясняется также, почему в некоторых пунктах, допускающих более общее выражение, сознание может иногда казаться опередившим современные ему эмпирические отношения, так что в битвах какой-нибудь позднейшей эпохи можно опираться на авторитет теоретиков прошлого. Наоборот, в странах, которые, подобно Северной Америке, начали свое существование в развитую уже историческую эпоху, развитие совершается очень быстро. У этих стран нет никаких иных натуральных предпосылок, кроме индивидов, которые в них поселяются и которые были вынуждены к этому несоответствием между их потребностями и формами сношений своей старой родины. Существование их начинается, поэтому, при наличии прогрессивнейших индивидов старых стран, а значит, и соответствующей этим индивидам наиболее развитой формы сношений еще до того, как эта форма сношений может утвердиться в самих старых странах. Это относится ко всем колониям, поскольку они не являются простыми военными или торговыми стоянками. Примерами этого являются Карфаген, греческие колонии и Исландия в XI и XII веке. То же самое наблюдается в случае завоевания, если в завоеванную страну переносится в готовом виде развившаяся на другой почве форма сношений. В то время как на своей родине она еще связана всякого рода интересами и отношениями из прошлого, на новом месте она может и должна быть проведена целиком, без всяких препятствий, хотя бы для того, чтобы обеспечить завоевателям длительное господство (Англия и Неаполь после норманнского завоевания, получившие законченнейшую форму феодальной организации).

Всей этой исторической концепции противоречит, как будто бы, факт завоевания. До сих пор в насилии, войне, грабеже, убийстве и т. д. видели движущую силу истории. Мы можем здесь ограничиться необходимейшим и поэтому остановимся на разительнейшем примере, на примере разрушения старой цивилизации каким-нибудь варварским народом и связанным с этим, начинающимся сначала, образованием нового расчленения общества (Рим и варвары, феодализм и Галлия, восточно-римская империя и турки).

У варварского народа-завоевателя сама война еще является, как уже было выше указано, регулярной формой сношений, которою занимаются тем усерднее, чем более прирост населения, при единственно возможном для них традиционном способе производства, создает потребность в новых средствах производства. В Италии же, наоборот, благодаря концентрации земельной собственности (вызванной не только покупками и задолженностью, но также переходом по наследству, ибо при царившем тогда разврате и редкости браков древние роды постепенно вымирали, а достояние их доставалось в руки немногих) и благодаря превращению ее в пастбища (вызванному, кроме обычных, имеющих силу еще и теперь,

экономических причин, ввозом награбленного и поступившего в качестве подати хлеба и вытекавшим отсюда отсутствием потребителей для итальянского зерна), почти исчезло свободное население; даже рабы постоянно вымирали, и их приходилось непрерывно заменять новыми рабами. Рабство оставалось основой всего производства. Плебеи, стоявшие между свободными и рабами, не сумели никогда выйти из стадии люмпен-пролетариата. Вообще Рим никогда не выходил из стадии города, находящегося со своими провинциями почти в одной только политической связи, которая, разумеется, и могла быть нарушена политическими событиями.

Нет ничего обычнее представления, будто в истории до сих пор все ограничивалось только *захватом* (Nehmen). Варвары *захватили* римскую империю, и фактом этого захвата объясняют переход от старого мира к феодализму. Но в случае захвата варварами дело идет о том, развил ли захваченный народ промышленные производительные силы, как это наблюдается у современных народов, или же его производительные силы сводятся, главным образом, к его объединению и общественной организации. Далее, захват обусловливается предметом, который захватывают. Состояние какого-нибудь рантье, заключающееся в бумагах, нельзя вовсе захватить, если захватывающий не подчинит себе средства производства и сношения захваченной страны. То же самое—о промышленном капитале какой-нибудь современной страны. И, наконец, захват имеет повсюду очень скоро конец, а когда уже нечего более захватывать, то нужно начать производить. Из этой скоро наступающей необходимости производства вытекает, что принимаемая оседающими завоевателями форма общественной организации должна соответствовать ступени развития найденных ими у покоренных народов производительных сил, а если это не так в самом начале, то должна изменяться согласно производительным силам. Этим объясняется отмеченный повсюду в эпоху после переселения народов факт, что слуга стал господином и что завоеватели очень скоро переняли язык, образование и нравы завоеванных. Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии, он возник в виде военной организации войска во время самого завоевания, и только после завоевания организация эта, благодаря воздействию встреченных в завоеванных странах производительных сил, развилась в настоящий феодализм. Как сильно обусловливалась эта форма производительными силами, показывают неудачные попытки установить другие, зародившиеся из старо-римских реминисценций, формы (Карл Великий и т. д.).

В крупной промышленности и конкуренции все условия существования индивидов слились в две простейшие формы: частную собственность и труд. Вместе с деньгами всякая форма сношений и сами сношения становятся для индивидов случайными. Таким образом, уже в природе денег заключается то, что все прошлые сношения были только сношениями индивидов при определенных условиях, а не индивидов как индивидов. Эти условия сводятся к двум: накопленному труду, или частной собственности, и к действительному труду. Если одна из этих форм прекращается, то замирают и сношения. Сами современные экономисты, например, Сисмонди, Шербюлье и т. д., противоставляют ассоциацию индивидов (association des individus) ассоциации капиталов (association des capitaux). Но, с другой стороны, сами индивиды совершенно подчинены разделению труда и, благодаря этому, поставлены в полнейшую зависимость друг от друга.

Частная собственность—поскольку она противостоит в рамках труда труду—развивается из необходимости накопления. Нося вначале еще заметно общественные формы, она в дальнейшем развитии все более и более приближается к современной форме частной собственности. Вместе с разделением труда дается изначально уже и разделение *условий* труда, орудий и материалов, а значит, и раздробление накопленного капитала между различными собственниками, а значит, и раздробление между капиталом и трудом и различные формы самой собственности. Чем больше развивается разделение труда и чем более растет накопление, тем сильнее развивается также это раздробление. Сам труд может существовать только при условии этого раздробления.

(Личная энергия индивидов у отдельных народов—немцы и американцы—энергия уже благодаря скрещиванию рас—поэтому немцы кретинообразны—во Франции, Англии и т. д. чужие народы поселились на развитой уже почве, в Америке на совершенно новой почве, в Германии ее первобытное население осталось спокойно на месте.)

Таким образом, здесь обнаруживаются два факта [1]). Во-первых, производительные силы оказываются совершенно независимыми и оторванными от индивидов, в виде какого-то особенного мира на-ряду с индивидами; причиной этого является то, что индивиды, силами которых они являются, существуют в раздробленном виде и в противоположность друг к другу, меж тем как эти силы, с своей стороны, являются действительно силами лишь в сношениях и в связи с этими индивидами. Таким образом, на одной стороне имеется некоторая совокупность производительных сил, которые приняли как бы вещественный вид и являются для самих индивидов уже не силами этих индивидов, а силами частной собственности и, следовательно, силами индивидов лишь постольку, поскольку последние оказываются частными собственниками. Ни в одну из прежних эпох производительные силы не принимали этого чуждого вида при сношениях индивидов *как* индивидов, ибо сами эти сношения были еще ограниченными. На другой стороне этим производительным силам противостоит большинство индивидов, от которых оторвались эти силы и которые поэтому лишены всякого реального жизненного содержания, стали абстрактными индивидами, но которые поэтому же впервые оказываются в состоянии вступить друг с другом в соединение в *качестве индивидов*. Единственная оставшаяся еще связь их с производительными силами и с их собственным существованием—труд—потеряла у них всякую тень самодеятельности и сохраняет их жизнь лишь тем, что калечит ее. В то время как в прежние эпохи самодеятельность и порождение материальной жизни были разделены благодаря тому, что они являлись уделом различных индивидов, и порождение материальной жизни считалось, ввиду ограниченности самих индивидов, каким-то подчиненным видом самодеятельности, теперь они настолько разошлись между собой, что вообще материальная жизнь начинает казаться целью, а порождение материальной жизни, труд (который является теперь единственно возможной, но, как мы видели, отрицательной формой самодеятельности), кажется средством.

Таким образом, дело дошло теперь до того, что индивиды должны присвоить себе наличную совокупность производительных сил, не только

---

[1]) На полях рукой Энгельса: Сисмонди.

для того, чтобы добиться своей самодеятельности, но просто уже ради того, чтобы обеспечить себе свое существование. Это присвоение обусловливается прежде всего объектом присвоения—именно развившимися в некоторую совокупность и существующими только в рамках универсальных форм сношений производительными силами. Поэтому указываемое присвоение должно уже с этой стороны носить универсальный характер, соответствующий производительным силам и формам сношений. Затем, само присвоение этих сил представляет собой не что иное, как развитие индивидуальных способностей, соответствующих материальным орудиям производства. Уже потому присвоение некоторой совокупности орудий производства равносильно развитию некоторой совокупности способностей в самих индивидах. Далее это присвоение обусловливается присваивающими индивидами. Только современные пролетарии, совершенно лишенные всякой самодеятельности, в состоянии завоевать свою полную, а не ограниченную уже, самодеятельность, заключающуюся в присвоении совокупности производительных сил и в связанной с этим развитием известной совокупности способностей. Все прежние революционные присвоения были ограничены; индивиды, самодеятельность которых была ограничена ограниченным орудием производства и ограниченными формами сношений, присваивали себе это ограниченное орудие производства и приходили, благодаря этому, к некоторой новой ограниченности; их орудие производства становилось их собственностью, но сами они оказывались подчиненными разделению труда и своему собственному орудию производства. В прошлом, при всех случаях присвоения, масса индивидов оказывалась подчиненной одному единственному орудию производства; в случае же пролетарского присвоения, каждому индивиду будет подчинена масса орудий производства, а собственность будет подчинена всем индивидам. Современная универсальная форма сношений может быть подчинена индивиду лишь в том случае, если она будет подчинена всем.— Присвоение обусловливается далее тем способом, каким оно должно быть совершено. Оно может быть совершено лишь объединением индивидов, которое, ввиду характера пролетариата, само, в свою очередь, может быть лишь универсальным, и оно требует, кроме того, революции, в которой, с одной стороны, уничтожается власть над людьми прежнего способа производства и сношений, а также общественного расчленения, а, с другой,— у пролетариата развивается универсальный характер и необходимая для присвоения энергия, при чем пролетариат сбрасывает с себя все, что осталось еще у него от его прежнего общественного положения.

Только на этой ступени самодеятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов до целостных индивидов и устранению всех натуральных черт. Точно так же устанавливается соответствие между превращением труда в самодеятельность и прежних обусловленных сношений (Verkehr) в сношения между собой индивидов, как таковых. Вместе с присвоением всех производительных сил объединившимися индивидами перестает существовать частная собственность. В то время как прежде случайным казалось всегда некоторое особое условие, теперь становится случайным самообособление индивидов, сам особенный частный промысел каждого индивида.

Индивидов, не подчиненных уже больше разделению труда, философы идеализировали под названием: «Человек», а весь изображенный нами процесс рассматривали как процесс развития «Человека», при чем на место реальных индивидов каждой исторической эпохи ставился этот «Человек», рассматривавшийся как движущая сила истории. Таким образом, весь

исторический процесс рассматривается как процесс самоотчуждения «Человека»; происходит это по существу от того, что на место человека прошлой эпохи подставляют всегда среднего индивида позднейшей эпохи, а прежним индивидам подсовывается позднейшее сознание. Благодаря этой иллюзии, абстрагирующей от реальных условий, и возможно было превратить всю историю в процесс развития сознания.

Гражданское общество охватывает все материальные сношения индивидов на определенной ступени развития производительных сил. Оно охватывает всю торговую и промышленную жизнь известной ступени развития и, следовательно, выходит в этом отношении из государственных и национальных рамок, хотя, с другой стороны, оно все же должно во вне выявить себя как национальность, а внутри организоваться как государство. Выражение «гражданское общество» появилось в XVIII веке, когда из форм древней и средневековой общественной организации вылущились уже отношения собственности. Гражданское общество, как таковое, развивается лишь вместе с буржуазией; однако, этим же именем обозначали всегда развивающуюся непосредственно из производства и сношений общественную организацию, образующую во все времена основу государства и всей прочей идеалистической надстройки.

Отношение государства и права к собственности.—Первой формой собственности, как в древнем мире, так и в средние века, является племенная, родовая собственность, вызванная у римлян, главным образом, войной, у германцев—скотоводством. Так как в древности в одном городе жили совместно несколько родов, то родовая собственность имела тогда характер государственной собственности, а право на нее отдельного индивида сводилось к простому владению (possessio), которое, однако, как и вся вообще родовая собственность, ограничивалась только земельной собственностью. Настоящая частная собственность начинается у древних народов, как и у новых, лишь вместе с движимой собственностью—рабы и общественная организация (dominium ex jure Quiritum). У вышедших из средних веков народов родовая собственность проходит ряд различных ступеней,—феодальная земельная собственность, корпоративная движимая собственность, мануфактурный капитал,—пока она не разовьется в современный, порожденный крупной промышленностью и универсальной конкуренцией, капитал, в эту чистую частную собственность, лишившуюся всякого следа общественного характера и устранившую всякое воздействие государства на развитие собственности. Этой современной частной собственности соответствует современное государство, которое, при посредстве налогов, постепенно продалось частным собственникам, а, благодаря государственным долгам, оказалось совершенно в их власти, и существование которого, в зависимости от повышения и понижения государственных бумаг на бирже, целиком зависит от кредита, оказываемого ему частными собственниками—буржуа. Так как буржуазия уже не является больше *сословием*, а представляет собой *класс*, то она вынуждена организоваться не в местном, а в национальном масштабе и должна придать своему классовому интересу всеобщую форму. Благодаря освобождению частной собственности от общества, государство стало особым существом (Existenz) рядом и вне гражданского общества; но оно на деле не что иное, как форма организации, которую необходимым образом придают себе буржуа, как во вне, так и внутри, в целях взаимной гарантии своей собственности и своих интересов. Самостоятельность государства существует в наше время лишь в таких странах, где сословия еще не развились сполна в классы, где уничтоженные уже в прогрессивных странах сословия играют еще некоторую роль, и суще-

ствует еще то смешение общественных группировок, при котором ни одна часть населения не может господствовать над другими частями населения. Это имеет место в особенности в Германии. Совершеннейшим образцом современного государства является Северная Америка. Новейшие французские, английские и северо-американские писатели утверждают единодушно, что государство существует только ради частной собственности, так что мысль об этом проникла уже в сознание людей.

Так как государство—это та форма, в которой индивиды некоторого господствующего класса выявляют свои коллективные интересы и в которой концентрируется все гражданское общество некоторой эпохи, то отсюда следует, что все учреждения общего характера создаются государством, получая, благодаря этому, политическую форму. Этим объясняется иллюзия, будто закон основывается на *воле*, и притом на свободной, оторванной от своей реальной основы, воле. Точно так же и право сводят, в свою очередь, к закону.

Частное право развивается параллельно с частной собственностью из процесса разложения натуральной общественной организации. У римлян развитие частной собственности и частного права не имело дальнейших промышленных и торговых следствий, ибо их способ производства оставался неизменным (ростовщичество!). У современных народов, у которых промышленность и торговля разложили феодальную организацию, вместе с возникновением частной собственности и частного права началась новая эра, оказавшаяся в этом отношении способной к дальнейшему развитию. Первый же город, ведший в средние века обширную морскую торговлю,—Амальфи, выработал и морское право. Лишь только промышленность и торговля развили дальше—сперва в Италии, а позже в других странах—частную собственность, как тотчас же было реципировано и возведено в авторитет разработанное римское частное право. Когда впоследствии буржуазия приобрела столько силы, что государи стали защищать ее интересы, чтобы при помощи ее сокрушить феодальную знать, тогда только и началось во всех странах—во Франции в XVI веке—собственное развитие права, совершавшееся повсюду, за исключением Англии, на основе римского законодательства. Но и в Англии для дальнейшего развития частного права (в особенности связанного с движимой собственностью) пришлось обратиться к принципам римского права. (Не забыть, что право точно так же не имеет своей собственной истории, как и религия.)

В частном праве существующие отношения собственности выражаются в виде результатов всеобщей воли. Само jus utendi et abutendi выражает, с одной стороны, тот факт, что частная собственность стала совершенно независимой от общества, а, с другой, ту иллюзию, будто сама частная собственность основывается на голой частной воле, на произвольном распоряжении вещью. На практике это abuti имеет очень определенные экономические границы, если частный собственник не хочет, чтобы его собственность, а значит, и его jus abutendi перешло в другие руки: ведь вещь, рассматриваемая только в отношении к его воле, не есть вовсе вещь; она становится вещью, реальной собственностью, только в процессе сношений (Verkehr) и независимо от права (*отношение*, называемое философами идеей) [1]. Эта юридическая иллюзия, сводящая право к голой воле, приводит, при дальнейшем развитии отношений собственности, неизбежно к тому,

---

[1]) Марксом написано на полях: Отношение—для *философов идея*. Они знают лишь отношение «*человека*» к самому себе, и поэтому все реальные отношения становятся для них идеями.

что кто-нибудь может иметь юридический титул на какую-нибудь вещь, не имея на деле самой вещи. Если например, благодаря конкуренции, какой-нибудь кусок земли перестает давать ренту, то, хотя собственник его имеет юридический титул на него вместе с jus utendi et abutendi , но они ему ни к чему: как земельный собственник он не имеет ничего, если не обладает сверх того достаточным капиталом для обработки своей земли. Этой же самой иллюзией юристов объясняется то, что для них, и вообще для всякого законодательства, является случайным фактом то, что индивиды вступают между собой в отношения, например, в договорные отношения, и что законодательство рассматривает эти отношения как такие, в которые можно по произволу вступить или не вступить и содержание которых зависит от индивидуальной воли договаривающихся сторон. Всякий раз, когда развитие промышленности создавало новые формы сношений, например, страховые и т. д. компании, право было вынуждено включить их как новые виды приобретения собственности.

(Рукой Маркса: Влияние разделения труда на науки [*неразборчиво*]). Закону буржуа должны уметь придать всеобщее выражение именно потому, что они господствуют как класс.

Естествознание и история.

Не существует вовсе истории политики, права, науки и т. д., искусства, религии.

Почему идеологи ставят все на голову.

Богословствующие, юристы, политики.

Юристы, политики (вообще государственные деятели), моралисты, богословствующие. Для этих идеологических индивидов внутри класса *объективирование его занятия благодаря разделению труда;* каждый считает свою профессию истинной. Они тем неизбежнее составляют себе иллюзии о связи своей профессии с действительностью, что это обусловлено уже самой природой профессии. Отношения становятся в юриспруденции, политике и т. д., в сознании понятиями; так как они не вышли из рамок этих отношений, то и понятия их являются в их голове свободными понятиями. Так, например, судья применяет кодекс; поэтому в его глазах законодательство кажется истинным, активным [*неразборчиво*], так как их занятие имеет дело со всеобщим. Идея права. Идея государства. В *обыкновенном* сознании вещи поставлены на голову.

Религия есть изначально сознание трансцендентности (вытекает?) из реального знания. Признав это...

Традиция, право, религия и т. д.

Индивиды всегда исходили из самих себя, всегда исходят из самих себя. Их отношение к отношениям процесса их реальной жизни. Каким образом их отношения объективируются против них, а способ их жизни становится особой силой (?) против них? Одним словом: насколько зависит *разделение труда* от соответствующего развития производительной силы?

Земельная собственность, общинная собственность, феодальная, современная, городская собственность, мануфактурная собственность, промышленный капитал.

(Марксом написано на полях: Общественной организации, как она проявляется в античном государстве, феодализме, абсолютной монархии, этой связи (?) соответствуют в особенности религиозные представления (?)).

Взаимоотношения между различными народами зависят от того, насколько каждый из них развил свои производительные силы, разделение труда и внутренние сношения. Это положение общепризнано. Но не только отношение какого-нибудь народа к другим народам, но и вся его внутренняя структура зависит от степени развития его производства и его внутренних и внешних сношений. Степень развития производительных сил какого-нибудь народа лучше всего показывается степенью развития у него разделения труда. Всякая новая производительная сила—поскольку она не является просто количественным расширением известных уже производительных сил (например, возделывание новых земель)—имеет своим следствием дальнейшее развитие разделения труда.

Разделение труда у какого-нибудь народа влечет за собой прежде всего отделение промышленного и торгового труда от земледельческого, а значит, и отделение *города от деревни* и противоречие интересов обоих. Дальнейшее развитие его приводит к отделению торгового труда от промышленного. В то же время, благодаря разделению труда внутри этих различных отраслей, развиваются, в свою очередь, различные группировки между сотрудничающими для определенных работ индивидами. Взаимоотношения этих отдельных группировок обусловливаются способом ведения земледельческого, промышленного и торгового труда (патриархализм, рабство, сословия, классы). Те же самые явления обнаруживаются при более развитых сношениях во взаимоотношениях между различными народами.

Различные ступени развития разделения труда являются в то же время различными формами собственности, т.-е. каждая ступень разделения труда определяет и взаимоотношения индивидов по отношению к материалу, орудию и продукту труда.

Первой формой собственности является родовая собственность. Последняя соответствует неразвитой ступени производства, на которой народ живет охотой, рыболовством, скотоводством или, в лучшем случае, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу лежащих еще впусте земель. На этой ступени общественной жизни разделение труда еще очень слабо развито и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье натурального разделения труда. Поэтому общественное расчленение ограничивается лишь расширением семьи: это — патриархальные главы рода, под ними—члены рода, в самом низу—рабы. Скрыто имеющееся в семье рабство развивается лишь постепенно, вместе с ростом населения и потребностей и вместе с расширением внешних сношений, а также войн и меновой торговли.

Второй формой собственности является античная общинная и государственная собственность, которая возникла благодаря объединению, путем договора или завоевания, нескольких родов в один *город* и при которой сохраняется рабство. На-ряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии и недвижимая, частная собственность, но как

исключительная, подчиненная общинной собственности, форма. Граждане государства обладают властью над своими рабами лишь коллективно и уж по одному этому связаны с формой общинной собственности. Это — коллективная частная собственность активных граждан, вынужденных по отношению к рабам держаться этой натуральной формы ассоциации. Поэтому все основывающееся на этом расчленение общества, а вместе с ним и мощь народа, исчезает в той самой мере, в какой развивается недвижимая частная собственность. Разделение труда здесь уж более развито. Мы застаем уже противоречие между городом и деревней, впоследствии—противоречие между государствами, представляющими городские и сельские интересы, а внутри городов—противоречие между промышленностью и морской торговлей. Вполне уже развились классовые отношения между гражданами и рабами.

Вместе с развитием частной собственности мы впервые встречаем здесь те явления, которые мы встретим впоследствии — только в более обширном масштабе — в современной частной собственности. С одной стороны, мы имеем концентрацию частной собственности, которая началась в Риме очень рано (доказательство—Лициниев земельный закон), а со времени гражданских войн, а в особенности в императорскую эпоху, развивалась очень быстро; с другой стороны, в связи с этим,—превращение плебейских мелких крестьян в пролетариат, который, однако, благодаря своему промежуточному, половинчатому положению между имущими гражданами и рабами, не получил совершенно самостоятельного развития.

Третьей формой является феодальная или сословная собственность. Если древность исходила из города и прилегавшей к нему небольшой области, то Средневековье исходило из деревни. Первоначальное, редко рассеянное по обширной площади, население, не получившее большого прироста со стороны завоевателей, обусловило эту перемену в исходном пункте.

Поэтому, в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более обширной почве, подготовленной римскими завоеваниями и связанным первоначально с этим расширением земледелия. Хозяйничанье последних веков гибнущей римской империи и завоевание варварами разрушили массу производительных сил; земледелие деградировало, промышленность, за отсутствием сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно прервана, сельское и городское население убыло. Эти факты и обусловленный ими способ организации завоевания создали, в связи со структурой германских войск, феодальную собственность. Она, подобно родовой и общинной собственности, тоже покоится на общественной организации, которой, в качестве непосредственно производящего класса, противостоят, однако, не рабы, как в древности, а мелкие крепостные крестьяне. Вместе с полным развитием феодализма появляется и антагонизм с городами. Иерархическое расчленение земельной собственности и связанная с этим система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, являлась ассоциацией, направленной против порабощенного производящего класса, но форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были иными в зависимости от иных условий производства.

Этому феодальному расчленению земельной собственности соответствовали в *городах* корпоративная собственность и феодальная организация ремесла. Собственность заключалась здесь, главным образом, в труде

каждого отдельного индивида. Необходимость объединения против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекавшихся в расцветавшие города бежавших крепостных, феодальное расчленение всей страны породили *цехи*; постепенно происходившее сбережение отдельными ремесленниками небольших капиталов и неизменность числа их, при растущем населении, вызвали к жизни систему подмастерства и ученичества, создавшую в городах иерархию, аналогичную иерархии не-городского населения.

Таким образом, главной формой собственности в феодальную эпоху является, с одной стороны, земельная собственность, со связанным с ней трудом крепостных, а, с другой,—собственный труд, при наличии мелкого капитала и труда используемых им подмастерьев. Структура обоих этих видов собственности обусловливалась ограниченными отношениями производства — незначительной и грубой земледельческой культурой и промышленностью ремесленного типа. В расцвет феодализма разделение труда имело место лишь в незначительных размерах. Во всякой стране существовала противоположность между городом и деревней. Правда, сословное расчленение было очень резко выражено, но, помимо князей, дворянства, духовенства и крестьян—на земле, а мастеров, подмастерьев, учеников, а вскоре также и поденщичьей черни—в городах, в ту эпоху не было вовсе крупного разделения труда. В земледелии оно затруднялось парцеллярной обработкой земли, на-ряду с которой имелась домашняя промышленность самих крестьян; в промышленности же в отдельных ремеслах не было совершенно разделения труда, а между ремеслами это разделение было лишь очень незначительно. Разделение между промышленностью и торговлей существовало в более старых городах; в более новых оно развилось лишь впоследствии, когда города вступили во взаимоотношения между собой.

Объединение более значительных областей в феодальные королевства являлось потребностью, как для земельного дворянства, так и для городов. Поэтому повсюду во главе организации господствующего класса—дворянства—имелся монарх.

ВВЕДЕНИЕ ЭНГЕЛЬСА К «КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ ВО ФРАНЦИИ»

(Заметка)

Известно, какая горячая дискуссия возникла в связи с знаменитым Введением Энгельса к «Классовой борьбе во Франции от 1848 г. до 1850 г.» К. Маркса. Э. Бернштейн в своих «Предпосылках социализма» сделал попытку превратить это Введение в политическое завещание Энгельса, в котором один из основоположников «самого революционного учения, какое только знало XIX столетие» отрекался от своего революционного прошлого и завещал своим ученикам всеми силами избегать сделанных им и Марксом ошибок.

Каутский сейчас же выступил с решительным протестом против такого извращения слов Энгельса, но в то же время он признал, что действительный текст, как он вышел из-под пера Энгельса, несколько отличался от напечатанного текста. Если его революционное мировоззрение не проявляется в Введении с надлежащей яркостью и отчетливостью, то «виноват не Энгельс, а немецкие друзья, которые убедили его выбросить заключение, так как оно было слишком революционно. Они думали, что предисловие и без того достаточно ясно написано. Мы видим теперь, что это не совсем так». И Каутский делает Бернштейну следующее предложение.

«Бернштейн имеет у себя оставшиеся после Энгельса рукописи. Если среди них имеется и оригинал предисловия с вычеркнутым заключением, то я приглашаю его опубликовать это заключение, которое Энгельсом было опущено только в силу внешних условий, а не по внутреннему побуждению. Мы тогда увидим, как мало имел Бернштейн право ссылаться на Энгельса» [1]).

Бернштейн не ответил на этот вызов,—вероятно потому, что не мог найти оригинал Введения,—но продолжал упорно и во всех новых изданиях своей книги, и в других статьях повторять, что он является только верным исполнителем последних заветов Энгельса.

Пришлось обратиться к свидетельству самого Энгельса. Оказалось, что он успел еще при жизни очень резко протестовать против ревизионистского толкования его Введения.

Так, Лафарг опубликовал следующий отрывок из письма к нему Энгельса от 3 апреля 1895 г.

«Х. сыграл со мною недурную штуку. Из моего Введения к статьям Маркса о Франции 1848—50 г.г. он взял все, что могло послужить ему для защиты *во что бы то ни стало мирной и противонасильственной* тактики, которую ему с некоторого времени угодно проповедовать, особенно, в настоящий момент, когда в Берлине подготовляются исключительные законы. Между тем я рекомендую эту тактику только для *Германии настоящего времени*, да и то с существенными оговорками. Во Франции, Бельгии, Италии, Австрии этой тактике нельзя следовать в ее целом, а в Германии она может стать неприемлемой завтра» [2]).

Новое свидетельство, что Энгельс был не очень доволен тем упо-

---

[1]) *Kautsky*, Bernstein und die Dialektik, «Neue Zeit», XVII, 2, pp. 46—7.
[2]) «Le Socialiste», 24 Novembre 1900.

треблением, которое сделано было из его Введения, мы находим в статье Каутского, которую он после перепечатал в книжке «Der Weg zur Macht».

Каутский просил у Энгельса разрешения напечатать его предисловие в «Neue Zeit» до его появления в отдельном издании. Соглашаясь на это «с удовольствием», Энгельс писал ему: «Текст мой пострадал несколько благодаря опасениям наших берлинских друзей, ссылавшихся на подготовляемый закон против революционных стремлений (Umsturzvorlage). При этих условиях я вынужден был с ними считаться».

Проект нового закона против социалистов внесен был 5 декабря 1894 г. в рейхстаг, который передал его 14 января 1895 г. комиссии, где он обсуждался до 25 апреля.

Ситуация была очень серьезная, и только этим объясняется, почему Энгельс согласился смягчить некоторые выражения.

«Но когда «Vorwärts»—пишет Каутский—позволил себе, для того чтобы повлиять на работы парламентской комиссии в благоприятном направлении, вырвать из контекста предисловия несколько мест и опубликовать их в таком виде, что действительно создавалось впечатление в духе позднейших ревизионистов, Энгельс страшно рассердился. В письме от 1 апреля он писал мне:

«К моему величайшему изумлению я нахожу сегодня в «Vorwärts» извлечение из моего Введения, напечатанное без моего ведома и таким образом скомпанованное, что я превращаюсь в мирного поклонника законности quand même. Тем более хотел бы я, чтобы все Введение целиком появилось в «Neue Zeit» и это позорное впечатление стерлось. Я очень определенно выскажу свое мнение на этот счет Либкнехту, а также и тем, которые — кто бы они ни были — дали ему повод исказить мое мнение».

С тех пор прошло пятнадцать лет, но, несмотря на ноябрьскую революцию 1918 г., Введение Энгельса к «Классовой борьбе» все еще не опубликовано целиком, а Бернштейн даже в «новом, улучшенном и дополненном издании» своих «Предпосылок социализма» продолжает повторять без всяких изменений все, что он говорил о перемене взглядов Энгельса в 1899 году.

Ему так и не удалось найти манускрипт Энгельса. К счастью, я нашел его среди бумаг, переданных Бернштейном в архив немецкой социал-демократии. Мы можем теперь восстановить все места, выкинутые по настоянию Центрального Комитета немецкой социал-демократии в 1895 г.

Сравнение оригинального текста с напечатанным показывает, что Каутский ошибался, думая, что пострадало только заключение. Вернее было бы сказать, что редакторский карандаш особенно усердно прошелся по последним пяти страницам Введения.

Если мы возьмем более доступное теперь издание 1911 г. с предисловием Бебеля [1]), который, кстати сказать, совершенно обходит вопрос, каким изменениям подвергалось Введение Энгельса, и сравним его с оригиналом, то окажется, что вплоть до 18-ой страницы мы не найдем никаких существенных отличий, кроме стилистических мелочей. Другое дело, начиная с указанной страницы.

---

[1]) *Karl Marx*, Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848—1850. Mit Einleitung von F. Engels und einem Vorwort von August Bebel. Berlin, 1911.

Чтобы не перепечатывать всего Введения, мы ниже даем каждый измененный абзац в его настоящем виде и ограничиваемся тем, что печатаем *курсивом* все выброшенные места.

1) Страница 18-ая немецкого издания.

«Итак, даже в классическое время уличной борьбы баррикада действовала более морально, чем материально. Она была средством поколебать стойкость армии. Удавалось ей продержаться до тех пор, пока эта цель была достигнута, победа была одержана; не удавалось,—борьба кончалась поражением. *В этом именно заключается существенный пункт, на который нужно обратить особенное внимание, даже если мы будем исследовать шансы всякой возможной в будущем уличной борьбы*» [1]).

Итак, речь идет не об отказе от уличной борьбы, даже от баррикад, а только о более тщательном взвешивании их шансов.

Показав дальше, что условия уличной борьбы с 1849 г. сильно изменились, как на стороне народа, так и на стороне армии, Энгельс заканчивает в напечатанном тексте этот абзац следующими словами (страница 19-ая немецкого издания):

«Наконец прямые, широкие и длинные улицы в ново-выстроенных после 1848 г. кварталах больших городов как бы нарочно приспособлены для действия новых орудий и ружей. Сумасшедшим должен был бы быть тот революционер, который по своей воле выбрал бы для постройки баррикад новые рабочие кварталы на северной и восточной стороне Берлина». Но осторожные редакторы вычеркнули заключение этого абзаца. Вот оно.

«*Значит ли это, что в будущем уличная борьба не будет уже играть никакой роли? Нисколько. Это значит только, что условия с 1848 г. стали более неблагоприятными для гражданских инсургентов, более благоприятными для армии. Всякая будущая уличная борьба может таким образом победить только в том случае, если этот минус ситуации будет компенсирован другими моментами. Она будет иметь место реже в первой фазе социальной революции, чем в дальнейшем ходе ее, и должна будет вестись при помощи более значительных сил. Но последние предпочтут тогда, как и во время всей великой французской революции или 4 сентября и 31 октября в Париже, открытое наступление пассивной баррикадной тактике*» [2]).

Энгельс как бы предвидел опыт октябрьской революции! Напомним, что еще в 1854 г. в одной из статей, написанных для «Нью-Йоркской Трибуны», Энгельс, в связи с испанским восстанием 1854 г., пишет:

«Во-вторых, мы имели зрелище успешной баррикадной борьбы. Всюду, где со времени июньских дней 1848 г. пробовали строить баррикады, они оказывались недействительными. Казалось, что баррикады, как формы сопротивления, оказываемого населением большого города армии, потеряли всякое значение. Эта неблагоприятная оценка опровергнута фактами.

---

[1]) «Es ist dieses der Hauptpunkt, der im Auge zu halten ist, auch wenn man die Chancen... künftiger Strassenkämpfe untersucht».

[2]) «Heisst das, dass in Zukunft der Strassenkampf keine Rolle mehr spielen wird? Durchaus nicht. Es heisst nur, dass die Bedingungen seit 1848 weit ungünstiger für die Civilkämpfer, weit günstiger für dass Militär gewörden sind. Ein künftiger Strassenkampf kann also nur siegen, wenn diese Ungunst der Lage durch andre Momente aufgewogen wird. Er wird daher seltener im Anfang einer grossen Revolution vorkommen, als im weiteren Verauf einer solchen, und wird mit grösseren Kräften unternommen werden müssen. Diese aber werden dann wohl wie in der ganzen französischen Revolution, am 4. September und 31. Oktober 1870 in Paris, den offenen Angriff der passiven Barrikadentaktik vorziehen».

Мы имеем снова победоносные неприступные баррикады. Отлучение снято с них» [1]).

На стр. 20 сделано только маленькое изменение:

«И в романских странах начинают все больше понимать, что старая тактика должна быть пересмотрена. *Всюду неподготовленные выступления отступили на задний план* [2]), всюду немецкий пример использования избирательного права, завоевания всех доступных позиций, находит подражание».

На стр. 21 имеется вставка, сделанная самим Энгельсом в корректуре:

«Мы можем уже теперь рассчитывать на $2^1/_4$ миллионов избирателей. Если это будет так продолжаться, то к концу столетия мы завоюем большинство среди средних классов общества, мелкой буржуазии и мелкого крестьянства и вырастем в решающую силу в стране, перед которой волей-неволей должны будут склониться все другие силы».

Непосредственно за этими словами следует фраза, в которой вычеркнуты подчеркнутые нами слова:

«Способствовать, не покладая рук, этому росту, пока он не перерастет через голову господствующей правительственной системы, *не дать этой, с каждым днем укрепляющейся массовой силе убывать в передовых схватках, а сохранять ее в неприкосновенности до решающего дня—вот наша главная задача*» [3]).

На той же странице—там, где Энгельс говорит о возможности кровавых репрессий со стороны господствующих классов—в заключительной фразе вычеркнуто одно замечание:

«Нельзя стереть с лица земли миллионную партию, для этого не хватит всех магазинных ружей Европы и Америки. Но это задержало бы нормальный ход развития, *массовая сила в критический* (самим Энгельсом зачеркнуто: *решающий*) *момент, быть может, не находилась бы в нашем распоряжении, решающая битва* (в напечатанном тексте: *решение*) была бы отсрочена и стоила бы более тяжелых жертв» [4]).

Если последние изменения могли принадлежать самому Энгельсу, то следующий «отрезок», на стр. 22, несомненно произведен партийной цензурой.

Приглашая прусских реакционеров «действовать», Энгельс продолжает:

«Но не забывайте, что германская империя, как и все мелкие государства и вообще все современные государства, есть продукт договора: во-первых, договора между государями, во-вторых, договора между государями и народом. Если одна сторона нарушает договор, то этим самым уничтожается весь договор, и другая сторона также освобождается от всех своих обязательств. *Это великолепно продемонстрировал нам Бисмарк в 1866 г. Если вы таким образом нарушите имперскую конституцию, то социал-демократия тоже освобождается от обязательства и может по-*

---

[1]) Статья перепечатана в изданных мною на немецком языке «Gesammelte Schriften von K. Marx und F. Engels». Zweiter Band, p. 54.

[2]) «Ueberall ist das unvorbereitete Losschlagen in den Hintergrund getreten».

[3]) «Diesen sich täglich verstärkenden Gewalthaufen nicht in Vorhutkämpfen aufreiben, sondern ihn intakt zu erhalten, bis zum Tage der Entscheidung».

[4]) «Der Gewalthaufe wäre vielleicht im kritischen («entscheidenden» durchgestrichen) Moment nicht verfügbar, der Entscheidungskampf...»

ступать с вами, как ей угодно. Но что именно она сделает тогда,—эту тайну она вряд ли вам поведает теперь» [1]).

Даже такой эзоповский оборот оказался чересчур сильным для Центрального Комитета!

Мы видим, что Энгельс имел все причины негодовать, когда, основываясь на его Введении в «Классовую борьбу во Франции», т.-е. в ту работу Маркса, которая дает самое яркое обоснование революционной диктатуры пролетариата, делали попытку превратить его в «мирного поклонника законности quand même». В особенности, когда это делали те его друзья, которые прекрасно знали, что они играют при этом крапленными картами.

Д. Рязанов.

---

[1]) «Wie uns das Bismarck 1866 so schön vorgemacht hat. Brechen sie also die Reichsverfassung, so ist die Sozialdemokratie frei, kann Ihnen gegenüber thun und lassen was sie will. Was sie aber dann thun wird—das bindet sie Ihnen heute schwerlich auf die Nase».

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

I

В. ЗАСУЛИЧ И К. МАРКС

II

ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА К БЕРНШТЕЙНУ

В. ЗАСУЛИЧ И К. МАРКС

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Еще в 1911 г., разбирая у Лафаргов бумаги Маркса, я натолкнулся на несколько почтовых листков в осьмушку, исписанных его мелким почерком. Много мест было перечеркнуто. Видно было, что это черновик. Уже после первого разбора для меня стало ясно, что я имею дело с черновиком, вернее с несколькими черновиками ответа на письмо Засулич от 16 февраля 1881 г. Один из черновиков носил дату 8 марта 1881 г., и можно было предполагать, что именно он лег в основу окончательного ответа.

Я написал тогда же Плеханову, но на свой запрос, имеется ли ответ Маркса на письмо Засулич, я получил отрицательный ответ. Через третьих лиц я обратился с таким же запросом к Засулич; но результат был не более благоприятный. Не помню точно, обращался ли я к Аксельроду. Вероятно да, и, вероятно, получил такой же отрицательный ответ.

А между тем еще со времени моего пребывания в Швейцарии в 1889 г. я помнил рассказы — иногда фантастические — о переписке по поводу русской общины, которая завязалась между группой «Освобождение Труда» и Марксом. Циркулировали даже совершенно невероятные анекдоты о каком-то личном столкновении между Плехановым, отрицавшим общину, и Марксом, защищавшим ее.

В некрологе Маркса, напечатанном в «Календаре Народной Воли» упоминалось о том, «как отзывчиво решился он в последний год своей жизни по поручению С. Петербургского Комитета (как выразился Маркс в письме к Засулич) написать специально для России брошюру по вопросу о возможном развитии нашей общины — вопросу, имеющему такой жгучий интерес для русского социалиста».

Но черновики говорили об ответе на письмо В. Засулич от 16 февраля 1881 г., а в «Календаре» говорилось «о последнем годе жизни» Маркса. Категорический, отрицательный ответ Плеханова и Засулич заставлял предполагать, что письмо Маркса, упоминавшееся в «Календаре», могло быть вызвано другим поводом.

Первоначальный мой план,—несмотря на неудачу опубликовать черновики,—в силу разных условий пришлось надолго отложить. В прошлом году я собирался сделать это, как сообщил в своей брошюре об «Институте Маркса и Энгельса», в наших трудах, но непредвиденные обстоятельства заставили меня опять отложить опубликование этих черновиков.

А тем временем я узнал — летом 1923 г., когда был в Берлине,— от Б. Николаевского, что в архиве Аксельрода нашлось письмо Маркса. Мне разрешили его сфотографировать, но с условием, что я его могу опубликовать только после того, как оно появится в издаваемом в Берлине «Русском Революционном Архиве».

Сравнение письма Маркса к Засулич, сохранившегося в архиве Аксельрода, с черновиками показало, что чистовик является точным воспроизведением одного из черновиков, а именно того, который был датирован 8 марта 1881 г. Не хватало только цитаты из «Капитала», адреса и подписи. Я мог бы напечатать мой черновик, но предпочел ждать, пока будет напечатана последняя редакция письма Маркса.

Теперь это сделано. Во второй книге «Материалов по истории русского революционного движения», вышедших в Берлине, — из архива П. Б. Аксельрода — напечатано письмо Маркса с введением, если не ошибаюсь, Б. Николаевского.

Оказывается, что «действительные мотивы оставления под спудом письма Маркса, касавшегося столь живо волновавшего русские революционные круги вопроса, неизвестны» теперешним издателям. Письмо «было так основательно позабыто, что в памяти, например, П. Б. Аксельрода, проведшего зиму 1880—81 г. (время, к которому относится получение письма) в Румынии, вдали от получившей письмо В. И. Засулич, не сохранилось—ни об этом письме, ни о разговорах, которые им, несомненно, были вызваны, — никаких указаний».

Мы видели, что так же основательно забыли об этом письме Плеханов и даже его адресат, В. Засулич. Надо признаться, что эта забывчивость именно ввиду особенного интереса, который могло вызвать такое письмо, носит необычайно странный характер и, вероятно, останется для специалистов-психологов одним из любопытнейших примеров, свидетельствующих об изрядных недостатках в механизме нашей памяти.

Печатаемое нами письмо Засулич должно было несомненно произвести сильное впечатление на Маркса. Оно отличается такой непосредственной наивностью и искренностью, такой теоретической беспомощностью, ставит весь вопрос об общине на такую социально-этическую почву, свидетельствует каждой своей строкой, насколько мучительно переживал автор, а также и его товарищи — содержание его несомненно было известно и Плеханову, и Дейчу[1])—вопрос о судьбах общины, что Маркс поспешил сейчас же ответить. Как видно из печатаемых нами черновиков, он собирался ответить очень подробно. Его недовольство «Черным Переделом» не могло нисколько повлиять на него, даже если бы он знал, что Засулич принадлежала к этой партии. Ни Л. Гартман, ни Н. Морозов, которые информировали Маркса о расколе в «Земле и Воле», не могли сказать дурного слова о Засулич. Я поэтому продолжаю думать, как это уже высказал в своих «Лекциях о Марксе и Энгельсе», что только надорванная работоспособность, следы которой видны в черновиках, помешала ему ответить так подробно, как он это предполагал сначала. Его могло остановить и соображение, о котором он упоминает в письме, а именно—его обещание Исполнительному Комитету Народной Воли. Во всяком случае ответ его является менее всего уклончивым по отношению к «чернопередельцам», особенно того времени, к которому относится письмо Засулич, т.-е. к периоду между выходом второго и третьего номера «Черного Передела». Маркс категорически заявляет, что «община является точкой опоры общественного возрождения России», но что прежде всего «нужно было бы устранить тлетворные влияния, которые теснят ее со всех сторон, а затем обеспечить ей условия самостоятельного развития», иными словами нужно прежде всего свергнуть абсолютизм. Ответ во всяком случае более решительный, чем

[1]) Уже во время печатания этой книжки нашего Архива вышел в свет сборник материалов по истории группы «Освобождение Труда», издаваемый Л. Дейчем. В нем помещены письма Ф. Энгельса к Засулич. Из предисловия Дейча к этим письмам видно, что он тоже забыл о письме Засулич к Марксу и об ответе последнего. В то же время он помнит, что «так как всех тогдашних русских революционеров в чрезвычайной степени интересовал вопрос о судьбе капитализма в России, то мы упросили Веру Ивановну обратиться в своем письме к Марксу за разрешением этого вопроса». Он только смешивает это письмо с тем письмом, в котором Засулич просила о предисловии для русского перевода «Коммунистического Манифеста».

ответ, данный в Предисловии к русскому изданию «Коммунистического Манифеста», где только одновременность русской революции и рабочей революции на Западе выставляется необходимым условием для превращения общины в исходный пункт коммунистического развития.

Более прав Бернштейн, говоря, что Маркс и Энгельс «сдерживали временами выражение своего скептицизма», чтобы не черезчур разочаровывать русских революционеров, которые, как это хорошо было им известно, придавали огромное значение вопросу об общине. В черновиках, которые мы печатаем, этот скептицизм выявляется довольно отчетливо.

Напомним ответ, данный за несколько лет пред этим Энгельсом Ткачеву, который, несмотря на весь свой якобинизм, возлагал не меньше надежд на общину, чем народовольцы и чернопередельцы.

«Русская община давно уже пережила время своего процветания и, по всей вероятности, идет к разложению. Однако существует неоспоримая возможность перехода ее в высшую форму общежития, если только она сохранится до тех пор, когда обстоятельства позволят такой переход, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю не подворно, а всем миром; тогда русские крестьяне перейдут прямо к высшей форме, минуя промежуточную ступень буржуазной мелкой собственности. Но это может произойти только в том случае, если пролетариат Западной Европы совершит победоносную революцию еще до окончательного разложения русской общины и тем обеспечит потребные для указанного перехода условия — в особенности материальные средства, которые понадобятся русскому крестьянину для подобного коренного переворота во всей его хозяйственной системе. Таким образом, г. Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне — хотя и «собственники» — «ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. — Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность, дав ей возможность перейти в новую, действительно жизнеспособную форму, так это именно революция западно-европейского пролетариата».

Условный вывод Маркса и Энгельса был принят и Плехановым в «Социализм и политическая борьба» и В. Засулич в предисловии к переводу «Развитие научного социализма».

Не прошло и двух лет после того, как она написала свое письмо Марксу, как В. Засулич уже пришла к заключению, что процесс разложения общины неудержимо развивается.

«Этот процесс, — писала она в только что упомянутом нами предисловии, — означающий собою разложение общины, с каждым годом все настойчивее констатируется исследователями крестьянского быта, и кулак, неизбежно фигурирующий во всех изображениях жизни села, служит его вернейшим признаком и сильнейшим, неистребимым фактором. Он подкапывает все основы общественного быта, извращает в свою пользу выработанные многовековой практикой мира правила и обычаи, гарантированное, справедливое ведение мирских дел, извлекает выгоду из учреждений именно против него-то и направленных, вроде сельских банков, и сумел бы, вероятно, извлечь ее даже из увеличения крестьянских наделов, если бы оно когда-нибудь состоялось. Он неистребим уже более никакими мерами, не уничтожающими в корне самую возможность возникновения имущественного неравенства, а следовательно, неотвратимо и постепенное разложение общины, накопление капиталов и расширение крупной промышленности. — Росту капитализма принадлежит ближайшее будущее России, но только ближайшее: дожить до окончательного разложения

общины ему едва ли суждено. Современное экономическое развитие России слишком тесно связано с развитием Западной Европы, а в ней дни капитализма уже сочтены. Социалистическая революция на Западе положит предел капитализму и на востоке Европы, и тогда-то остатки общинных учреждений могут сослужить России великую службу».

Мы видели, что первые русские марксисты делали сами все необходимые логические выводы из условного решения Маркса и Энгельса. Эти взгляды нашли свое отражение в первой программе группы «Освобождение Труда» и в «Наших разногласиях». Только значительно позднее — главным образом в работах Плеханова с начала девяностых годов — отношение к общине резко изменилось, и скептическое отношение к возможностям русской общины сменилось резко отрицательным.

Мы не будем останавливаться на разборе взглядов самого Маркса. Несмотря на то, что мы имеем дело только с набросками, они представляют такой огромный интерес для исследования вопроса о взглядах Маркса, а также и Энгельса, на эволюцию общинного землевладения, что мы рассмотрение их отложим до опубликования нами других неизвестных еще работ Маркса и Энгельса об ост-индском и германском землевладении. Нам нечего указывать особо на то значение, которое имеют печатаемые нами черновики, поскольку они нас знакомят с процессом умственной работы Маркса.

Американский писатель, на которого ссылается Маркс, это—Морган, а место, цитируемое им, — о восстановлении «архаических» форм в более совершенной форме — через несколько лет было использовано Энгельсом, как заключение его работы о «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

При расшифровке манускрипта Маркса мне еще в Вене, в 1913 г., помогал Н. И. Бухарин. Закончена была эта работа Е. Смирновым. Ему же принадлежит перевод письма Засулич и всех черновиков Маркса.

Перевод точно воспроизводит порядок рукописи Маркса. Незаконченные фразы не закончены и в рукописи.

Д. Рязанов.

В. ЗАСУЛИЧ — К. МАРКСУ

16 февраля 1881 г.
Женева. Rue de Lausanne, № 49.
Польская типография.

Уважаемый Гражданин!

Вам небезызвестно, что Ваш «Капитал» пользуется большой популярностью в России. Несмотря на конфискацию издания, небольшое количество оставшихся экземпляров читается и перечитывается массой более или менее образованных людей нашей страны; есть и серьезные люди, изучающие его. Но чего Вы, вероятно, не знаете — это то, какую роль играет Ваш «Капитал» в наших спорах об аграрном вопросе в России и о нашей сельской общине. Вы знаете лучше кого бы то ни было, какое громадное значение имеет этот вопрос в России. Вы знаете, что думал о нем Чернышевский. Наша передовая литература, как, напр., «Отечественные Записки», продолжает развивать его идеи. Но этот вопрос есть, по моему мнению, вопрос жизни и смерти, особенно для нашей социалистической партии. От той или другой точки зрения на этот вопрос зависит даже личная судьба наших социалистов-революционеров.

Одно из двух: либо эта сельская община, освобожденная от чрезмерных требований фиска, выплат помещикам и полицейского произвола, способна развиваться в социалистическом направлении, т.-е. постепенно организовать свое производство и свое распределение продуктов на коллективистских началах. В этом случае социалист-революционер обязан посвятить все свои силы освобождению общины и ее развитию.

Если же, наоборот, община обречена на гибель, тогда социалисту, как таковому, остается лишь заниматься более или менее малообоснованными вычислениями, чтобы определить, через сколько десятков лет земля русского крестьянина перейдет в руки буржуазии, через сколько сотен лет, быть может, капитализм достигнет в России такого развития, как в Западной Европе. Тогда им придется вести пропаганду только среди городских рабочих, которые постоянно будут затопляться массой крестьян, выбрасываемых разлагающейся общиной на улицы больших городов в поисках заработка.

В последнее время мы часто слышим мнения, что сельская община является архаической формой, которую история, научный социализм, словом — все, что есть наиболее бесспорного, обрекают на гибель. Люди, проповедующие это, называют себя Вашими учениками par excellence: «марксистами». Их самым сильным аргументом часто является: «Так говорит Маркс».

— Но каким путем выводите вы это из его «Капитала»? Он в нем не разбирает аграрного вопроса и не говорит о России, — возражают им.

— Он бы сказал это, если бы говорил в нем о нашей стране, — отвечают Ваши ученики, — быть может, несколько слишком смело.

Вы поймете поэтому, Гражданин, в какой мере нас интересует Ваше мнение по этому вопросу и какую большую услугу Вы оказали бы нам, изложив Ваши мысли о возможных судьбах нашей сельской общины и о теории исторической необходимости для всех стран света пройти все фазы капиталистического производства.

Позволяю себе просить Вас, Гражданин, от имени моих товарищей, соблаговолить оказать нам эту услугу.

Если время не позволяет Вам изложить свои мысли по этим вопросам более или менее подробно, благоволите сделать это, по крайней мере, в форме письма, которое разрешите мне перевести и опубликовать в России.

Примите, Гражданин, мой почтительный привет.

Вера Засулич.

Мой адрес: Польская типография
Rue de Lausanne, № 49. Женева.

ОТВЕТ МАРКСА

ПЕРВЫЙ ЧЕРНОВИК

1) Разбирая происхождение капиталистического производства, я сказал, что в основе его «лежит полное отделение производителя от средств производства» (стр. 315, столб. I франц. издания «Капитала») и что «основой всей этой эволюции является *экспроприация земледельцев*. Она осуществлена пока только в Англии... Но *все другие страны Западной Европы* идут по тому же пути» (l. c., столб. II).

Таким образом, я *точно* ограничил «историческую неизбежность» этого процесса странами Западной Европы. А почему? Благоволите заглянуть в XXXII главу, в которой сказано:

«Процесс вытеснения, превращающий индивидуальные и разрозненные средства производства в общественно-концентрированные, превращающий карликовую собственность многих в гигантскую собственность немногих, эта болезненная, эта ужасная экспроприация трудящегося народа — вот источник, вот происхождение капитала... *Частная собственность*, основанная на личном труде... будет замещена *частной капиталистической собственностью*, основанной на эксплоатации чужого труда, на труде наемном» (стр. 340, столб. II).

Таким образом, в конечном счете, мы имеем превращение *одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. И так как земля никогда не была частной собственностью русских крестьян, то каким образом может к ним применяться этот процесс?

2) С точки зрения исторической, единственный серьезный аргумент, который приводится в доказательство *неизбежного разложения* общины русских крестьян, состоит в следующем.

Восходя очень далеко в историческое прошлое, мы повсюду в Западной Европе находим общинное землевладение более или менее архаического типа; с ростом общественного прогресса оно повсюду исчезло. Почему же избегнет оно этой участи в одной только России?

Отвечаю: потому, что в России, благодаря исключительному стечению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном мас-

штабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно, как элемент коллективного производства, в национальном масштабе. Россия не живет обособленно от современного мира; точно также она не является, подобно восточной Индии, жертвой чужеземного победителя. Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усваивать его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии.

Если бы русские любители капиталистического строя стали отрицать *теоретическую* возможность подобной эволюции, я бы их спросил: разве для того, чтобы ввести у себя машины, пароходы, железные дороги и т. п., Россия должна была, подобно Западу, пройти через долгий период вылупления механической промышленности? И пусть бы они мне заодно объяснили, каким это образом они сразу ввели у себя весь механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), создание которого потребовало на Западе целых веков?

Если бы во время освобождения крестьян сельская община была сразу поставлена в нормальные условия развития, если бы, затем, громадный государственный долг, выплачиваемый главным образом за счет крестьян, вместе с другими огромными суммами, предоставленными через посредство государства (все за счет крестьян) «новым общественным слоям» (nouvelles colonnes de la société), превращенным в капиталистов, — если бы все эти траты были употреблены на дальнейшее развитие сельской общины, то никто не задумывался бы теперь об «исторической неизбежности» уничтожения общины: все признавали бы в ней элемент возрождения русского общества и элемент превосходства над странами, еще порабощенными капиталистическим режимом.

Другое обстоятельство, благоприятное для сохранения русской общины путем ее развития, состоит в том, что она не только является современницей капиталистического производства, но пережила тот период, когда этот общественный строй оставался еще в полной неприкосновенности (se présentait encore intact), и продолжает существовать теперь, когда он, наоборот, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах, имеет против себя и науку, и народные массы, и самые производительные силы, которые он порождает... зачеркнуто: когда он превратился в арену кричащих антагонизмов, конфликтов и перуодических бедствий, когда он показывает даже наиболее ослепленным, что он является преходящей системой производства, осужденной на исчезновение возвратом общества к... словам, она продолжает чуществовать теперь, когда он переживает кризис, который кончится только его устранением, возвратом современных обществ к «архаическому» типу общей (commun) собственности, формы или, как говорит один американский писатель, которого отнюдь нельзя заподозрить в революционных тенденйиях и который пользуется в своих исследованиях поддержкой вашингтонского правительства...

Но тогда нужно было бы, по крайней мере, знать эти последовательные изменения. Мы же ничего о них не знаем. Так или иначе,эта община погибла посреди непрестанных войн, внешних и внутренних. Она умерла, вероятно, насильственной смертью, когда германские племена захватили Италию, Испанию, Галлию и т. д. Община первобытного типа уже не существовала тогда. Однако ее *естественная жизнеспособность* доказывается двумя фактами. Есть отдельные экземпляры, которые пережили все перипетии средних веков и сохранились до наших дней,—например, на моей родине — в Трирском округе. Но наиболее важно то, что она так ясно отпечатлила свои характерные особенности на сменившей ее общине —

общине, в которой пахотная земля стала частной собственностью, между тем как леса, пастбища, пустоши и пр. еще остаются общинной (communale) собственностью, — что Маурер, изучив эту общину вторичной формации, мог восстановить строение ее архаического прототипа. Благодаря перенятым у последнего характерным чертам, новая община, введенная германцами во всех покоренных странах, стала в течение всех средних веков единственным очагом свободы и жизни народной.

Если мы, после времен Тацита, ничего не знаем ни о жизни *общины* |зачеркнуто: германской, сельской, первобытной|, ни о том, каким образом и когда именно она исчезла, то мы знаем, по крайней мере, отправный пункт этого процесса, благодаря...

|Сельская [1]) община вылупилась, таким образом, в Германии из более архаического типа. Она была продуктом самостоятельного развития, а вовсе не была принесена из Азии в готовом виде. Там — в восточной Индии — она также встречается, и всегда в форме *последнего* этапа архаической формации|.

...рассказу Юлия Цезаря. В его время земля уже ежегодно переделялась между *родами* и племенами германских объединений (des confédérations germaines), но еще не между индивидуальными членами общины. Таким образом, *сельская община* вылупилась в Германии из общины более архаического типа. Она явилась в ней продуктом самостоятельного развития, а вовсе не была принесена из Азии в готовом виде. Там — в восточной Индии — она встречается также, и всегда в форме *последнего этапа* или последнего периода архаической формации.

Чтобы судить о возможных судьбах сельской общины с точки зрения чисто теоретической, т.-е. предполагая постоянно нормальные условия жизни, мне нужно теперь отметить некоторые характерные черты, отличающие «сельскую общину» от более древних типов.

Прежде всего все более ранние первобытные общины покоятся на кровном родстве своих членов. Разрывая эту сильную, но узкую связь, сельская община более способна расширяться и выдерживать соприкосновение с чужими.

Затем, в ней дом и его придаток, двор, уже являются частной собственностью земледельца, между тем как уже задолго до введения земледелия общий дом был одним из материальных оснований прежних форм общины.

Наконец, хотя пахотная земля остается общинной собственностью, она периодически переделяется между членами сельской общины, так что каждый земледелец обрабатывает за свой счет назначенные ему поля и присваивает себе лично плоды этой обработки, между тем как в более древних общинах хозяйство ведется сообща, а распределяют только продукты. Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства был, разумеется, результатом слабости обособленной личности, а не обобществления средств производства.

Легко понять, что свойственный «сельской общине» дуализм может для нее служить источником большой жизненной силы, потому что, с одной стороны, общая собственность и обусловливаемые ею общественные отношения придают прочность ее устоям, в то время как частный дом, парцеллярная обработка пахотной земли и частное присвоение ее плодов допускают развитие личности, несовместимое с условиями более древних общин.

---

[1]) Абзац зачеркнут Марксом.

Но не менее очевидно, что тот же дуализм может со временем стать источником разложения. Оставляя в стороне все влияния враждебной среды, уже одно постепенное накопление движимого имущества, начинающееся с накопления скота и допускающее даже накопление богатства в виде рабов, все более и более значительная роль, которую движимое имущество играет в самом земледелии... и множество других обстоятельств, неотделимых от этого накопления, но изложение которых отвлекло бы меня слишком далеко, — все это действует, как элемент, разлагающий экономическое и социальное равенство, и порождает в недрах самой общины борьбу интересов, борьбу, которая сперва влечет за собою превращение пахотной земли в частную собственность и которая кончается частным присвоением лесов, пастбищ, пустошей и пр., уже ставших общинными *придатками* частной собственности. Именно поэтому «сельская община» выявляется повсюду, *как новейший тип* архаической формации обществ, и поэтому же в историческом движении Западной Европы, древней и современной, процесс эволюции сельской общины является процессом перехода от общей собственности к частной собственности, процессом перехода от первичной формации к вторичной формации. Но значит ли это, что при всяких обстоятельствах эволюция «сельской общины» должна следовать этим путем? Отнюдь нет. Ее конститутивная форма допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится.

Россия — единственная европейская страна, в которой «сельская община» сохранилась в национальном масштабе до наших дней. С одной стороны, общая поземельная собственность дает возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное, и русские крестьяне уже ведут его на нераздельных лугах. Физическая конфигурация ее почвы благоприятна для механической обработки в широком масштабе. Навык крестьянина в артельных отношениях облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному, и, наконец, русское общество, так долго жившее за его счет, обязано ему предоставить необходимые авансы для такого перехода. С другой стороны, одновременное *существование* западного производства, господствующего на всемирном рынке, позволяет России ввести в общине все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья.

Есть одна характерная черта у русской «сельской общины», которая служит источником ее слабости и неблагоприятна для нее во всех отношениях. Это—ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот *локализованный микрокосм*, который не постоянно встречается, как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он встречается, воздвигнул над общинами более или менее централизованный деспотизм. Объединение северных русских республик доказывает, что эта изоляция, которая первоначально вызвана была, повидимому, обширным пространством территории, была в значительной степени закреплена политическими судьбами, пережитыми Россией со времени монгольского нашествия. Ныне этот недостаток весьма легко устранить. Нужно было бы просто создать вместо волости, учреждения правительственного, собрание избранных самими общинами крестьян, являющееся экономическим и административным органом их интересов.

Обстоятельством весьма благоприятным, с точки зрения исторической, для сохранения «сельской общины» путем ее дальнейшего развития служит то, что она не только является современницей западного капиталистического производства, что позволяет ей присвоить себе его плоды без того, чтобы подчиниться его modus'y operandi, но что она пережила уже эпоху, когда капиталистический строй оставался еще в полной неприкосновенности, когда он, наоборот, уже находится как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах в борьбе и с трудящимися массами, и с порождаемыми последнею производительными силами, — словом, когда он претерпевает кризис, который кончится его устранением, возвратом современных обществ к высшей форме «архаического» типа коллективной собственности и коллективного производства.

Разумеется, эволюция общины совершалась бы постепенно, и первым шагом в этом направлении было бы поставить ее в нормальные условия на ее *нынешней основе*.

Если бы защитники «новых общественных слоев» («nouvelles colonnes sociales») отрицали *теоретическую* возможность указанной эволюции современной сельской общины, их можно было бы спросить, была ли Россия вынуждена, подобно Западу, пройти через долгий период вылущивания механической промышленности, чтобы добраться до машин, пароходов, железных дорог и т. п. Их можно было бы также спросить, каким образом ввели они у себя сразу весь механизм обменов (банки, акционерные общества и пр.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?

3) Чтобы экспроприировать земледельцев, вовсе не необходимо изгнать их из их земель, как это было в Англии и в других странах; точно также не необходимо уничтожить общую собственность указом. Попробуйте сверх определенной меры урывать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям. В последние времена Римской Империи провинциальные декурионы — не крестьяне, а поземельные собственники — убегали из своих домов, покидали свои земли, продавались даже в рабство, лишь бы избавиться от собственности, которая стала лишь официальным предлогом для беспощадного и безжалостного вымогательства.

С самого так называемого освобождения крестьян русская община поставлена была государством в ненормальные экономические условия, и с тех пор оно не переставало угнетать ее с помощью сосредоточенных в его руках общественных сил. Обессиленная его фискальными вымогательствами, она стала инертной, легкой добычей эксплоатации торговца, помещика, ростовщика. Это угнетение извне обострило уже происходившую внутри общины борьбу интересов и быстро усугубило в ней элементы разложения.

Но это еще не все. За счет крестьян, точно в оранжерее, выросли наиболее легко поддающиеся акклиматизации ростки капиталистического строя—биржа, спекуляция, банки, акционерные общества, железные дороги,—по которым этот строй выплачивает их предпринимателям дефициты и авансирует им ожидаемую прибыль.

Можно с первого же взгляда оценить значение этого ряда враждебных влияний, облегчающих и ускоряющих эксплоатацию земледельцев—этой наиболее мощной производительной силы России.

ad 5) ***** Эти два исхода a priori возможны, но как для одного, так и для другого, очевидно, нужны совершенно различные исторические среды.

** сельскохозяйственное производство не только неподвижное, но ретроградное. Следовательно, нельзя терять времени.

...6—7) Наконец, впервые Россия должна ввозить хлеб вместо того, чтобы его вывозить. Следовательно, нельзя терять времени.

...словом, государство [зачеркнуто: выступило в качестве посредника] оказало свое содействие преждевременному развитию технических и экономических средств, наиболее способных облегчить и ускорить эксплоатацию земледельца, т.-е. наиболее мощной производительной силы России, и обогатить «новые общественные слои».

Это стечение разрушительных влияний, если только они не будут разбиты мощным противодействием, должно естественно привести к гибели «сельской общины», но спрашивается: почему все эти интересы (включая крупные промышленные предприятия, находящиеся под правительственной опекой) нашли свою выгоду в современном положении сельской общины? Почему стали бы они сообща стремиться убить курицу, несущую золотые яйца? Именно потому, что они чувствуют, что «это современное положение» не может продолжаться, что, следовательно, нынешний способ его эксплоатировать [зачеркнуто: также не может длиться] уже не годится [1]). Нужно, следовательно, покончить с ним. Нужно создать средний сельский класс из более или менее состоятельного меньшинства крестьян и превратить большинство их просто в пролетариев [зачеркнуто: в наемных рабочих]. С этой-то целью представители «новых общественных слоев» и выставляют самые раны, нанесенные общине, как симптомы ее дряхлости.

*** Бедственное положение земледельца уже истощило землю, которая становится бесплодной. Хорошие урожаи [зачеркнуто: которые благоприятные погоды вырывают у нее в иные годы] чередуются с голодными. Вместо того, чтобы вывозить, Россия должна ввозить хлеб. Средние урожаи за последние десять лет показали... [зачеркнуто: сельскохозяйственное производство не... оказывается застой и даже падение]...

ad 5) A priori: оба исхода возможны, но они предполагают совершенно различные исторические среды. Оставляя в стороне все бедствия, угнетающие в настоящее время русскую «сельскую общину», и принимая во внимание лишь форму ее строения, ее историческую среду, нужно признать, что с первого же взгляда очевидно, что одна из ее основных характерных черт—общая собственность на землю—образует естественную основу коллективного производства и присвоения. Помимо того, навык русского крестьянина в артельных отношениях облегчил бы ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству коллективному, которое он в известной мере ведет уже на нераздельных лугах, при осушительных работах и других предприятиях общего характера. Но для того, чтобы коллективный труд мог заместить именно в земледелии труд парцеллярный — форму частного присвоения,— нужны две вещи: экономическая потребность в таком превращении и материальные условия для его осуществления.

Что касается экономической потребности, то она даст себя почувствовать самой «сельской общине», как только последняя будет поставлена в нормальные условия, т.-е. как только с нее будет снято давящее ее иго и как только размеры ее годной к обработке земли станут нормальными. Прошло то время, когда русскому земледелию требовались лишь земля и ее парцеллярный пахарь, вооруженный более или менее первобытными орудиями] [зачеркнуто: и плодородие земли]. Это время прошло с тем боль-

---

[1]) Игра слов: que le mode actuel de l'exploiter n'est plus de mode. Слово «mode» означает и способ, и мода.

шей быстротой, что угнетение земледельца истощает его поле и делает последнее неплодородным. Ему нужен теперь кооперативный труд, организованный в широком масштабе. А затем, разве крестьянин, которому нехватает необходимых вещей для обработки его трех десятин, окажется в лучшем положении, когда количество его десятин удесятерится?

Но оборудование, удобрение, агрономические методы и пр.—все необходимые для коллективного труда средства—где их найти? Вот в чем именно великое превосходство русской «сельской общины» над древними общинами того же типа. Одна она сохранилась в Европе в широком, национальном масштабе. Одна она находится, таким образом, в исторической среде, в которой ее современник — капиталистическое производство—предоставляет ей условия коллективного труда. Она имеет возможность присвоить себе все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья.

Физическая конфигурация русской почвы благоприятна для сельскохозяйственной обработки при помощи машин, обработки, организуемой в широком масштабе и осуществляемой кооперативным трудом. Что же касается первоначальных организационных расходов — интеллектуальных и материальных,—то русское общество обязано предоставить их «сельской общине», за счет которой оно жило так долго и в которой оно должно искать свой «источник возрождения». Лучшим доказательством того, что такое развитие «сельской общины» соответствует направлению исторического процесса нашего времени, служит роковой кризис, претерпеваемый капиталистическим производством в европейских и американских странах, в коих оно наиболее разрослось,—кризис, который кончится его вытеснением, возвратом современного общества к высшей форме наиболее архаического типа—коллективному производству и коллективному присвоению.

ad p. 6) Если русские представители «новых общественных слоев» и т. д. (See—см.—p. 6).

Folgt dann—следует затем—p. 6) Есть одна черта и т. д.

ad p. 7) Говоря теоретически, русская «сельская община» может сохранить свою почву, развивая свою базу—общую собственность на землю—и устраняя начало частной собственности, которое она в себе также включает; она может стать *непосредственным отправным пунктом* экономического строя, к которому стремится современное общество; она может зажить новою жизнью, отказываясь от мысли о самоубийстве; она может завладеть плодами, которыми капиталистическое производство обогатило человечество, не проходя через капиталистический строй,—строй, который, с точки зрения *только* его возможной длительности, займет так мало места в истории общества. Но нужно спуститься с высот чистой теории в русскую действительность.

ad p. 7) За счет крестьян государство взрастило (зачеркнуто: оказало свое содействие, чтобы взрастить) в оранжерее (зачеркнуто: как бы) ростки западного капиталистического строя, ростки, которые, нисколько не развивая производственных предпосылок земледелия, наиболее способствуют облегчению и усугублению воровства его плодов непроизводительными посредниками. Оно способствовало, таким образом, обогащению нового капиталистического червя, высасывающего и без того столь бедную кровь «сельской общины».

Так как стольким различным интересам и, в особенности, интересам «новых общественных слоев», выросших под благоприятной для них властью Александра II, выгодно было *нынешнее положение* «сельской общины»,—почему станут они заведомо добиваться ее смерти? Почему их представи-

тели выставляют нанесенные ей раны, как неопровержимое доказательство ее естественной дряхлости? Почему хотят они убить свою курицу, несущую золотые яйца? Просто потому, что экономические факты, анализ которых отвлек бы меня слишком далеко, разоблачили ту тайну, что *нынешнее положение общины не может больше продолжаться*, что просто в силу хода вещей нынешний способ эксплоатировать массы нельзя будет больше практиковать (ne sera plus de mode). Следовательно, нужно что-то новое, а главное, подсказываемое в самых разнообразных формах, сводится постоянно к следующему: уничтожить общинное землевладение, дать более или менее состоятельному меньшинству крестьян сложиться в сельский средний класс, огромное большинство превратить просто в пролетариев (en prolétaires sans phrases).

С одной стороны, «сельская община» почти доведена до края гибели а с другой—ее подстерегает мощный заговор (une puissante conspiration), чтобы в решительную минуту нанести ей последний удар. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, те, что держат в своих руках политические и общественные силы, весьма старательно подготовляют массы к подобной катастрофе.

[А [1]) историческое положение русской «сельской общины» беспримерно. Одна в Европе она сохранилась не в виде рассеянных обломков, на подобие славянских миниатюр, в состоянии архаического типа, который еще недавно встречался на Западе, но как почти господствующая форма народной жизни огромной империи. Если она в общинном землевладении имеет основу коллективного присвоения, то ее историческая среда—одновременно с нею существующее капиталистическое производство—предоставляет ей уже готовые материальные условия совместного труда в широком масштабе. Она может, следовательно, воспользоваться положительными приобретениями, сделанными капиталистическим строем, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья. Она может постепенно заместить парцеллярное земледелие крупным земледелием при помощи машин, для которых так благоприятна физическая конфигурация русской земли. Она может, следовательно, стать *непосредственным отправным пунктом* экономической системы, к которой стремится современное общество, и зажить новой жизнью, отказавшись от мысли о самоубийстве. Нужно было бы, наоборот, прежде всего поставить ее в нормальное положение].

Но ей противостоит поземельная собственность, держащая в своих руках почти половину—и лучшую половину—земель, не считая земель государственных. С этой точки зрения, сохранение «сельской общины» путем ее последующей эволюции совпадает с общим движением русского общества, преобразование которого может быть куплено только этой ценой. Поэтому только в общем восстании могут быть уничтожены изоляция «сельской общины», отсутствие связи между жизнью одной общины с жизнью других общин,—словом, ее *локализованный микрокосм*, мешающий ее исторической инициативе.

Чтобы быть в состоянии развиваться, нужно прежде всего жить, и нельзя скрывать от себя, что в настоящее время жизнь «сельской общины» находится в опасности.

[Помимо [2]) влияния враждебной среды, постепенное развитие, рост движимого имущества, не общине принадлежащего, а ее отдельным членам, как, напр., достояние, накопленное в виде скота, а иногда даже в виде

---

[1]) Весь абзац зачеркнут Марксом.
[2]) Весь абзац Марксом зачеркнут.

крепостных или рабов... все усугубляющаяся роль, которую играет в сельской экономии движимый элемент,—одно это накопление может служить моментом, разлагающим первобытное экономическое и общественное равенство, и породить в самых недрах общины борьбу интересов, борьбу, которая сперва задевает общую собственность на пахотные земли, и, в конце концов, приводит к захвату лесов, пастбищ, пустошей и пр., превратив их предварительно в *общинный придаток* частной собственности].

Помимо воздействия всех других разрушительных элементов враждебной среды, постепенный рост движимого имущества в руках отдельных семейств, например, достояние в виде скота, а иногда даже в виде рабов или крепостных,—одно это частное накопление может с течением времени действовать, как момент разлагающий...

...«новая система, к которой идет современное общество», будет возрождением (a revival) в высшей форме (in a superior form) архаического общественного типа. Следовательно, не нужно очень пугаться слова «архаический».

4) Историю разложения первобытных общин (было бы ошибочно ставить их все на одну доску; подобно геологическим образованиям, есть и в исторических образованиях ряд типов—первичных, вторичных, третичных и т. д.) еще предстоит написать. До сих пор нам давались только наброски. Во всяком случае, исследование предмета подвинулось достаточно далеко, чтобы можно было утверждать: 1) что жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и проч. обществ, a fortiori чем жизнеспособность современных капиталистических обществ; 2) что причины их распада вытекают из экономических данных, которые мешали им перейти известную ступень развития исторических сред, отнюдь не аналогичных исторической среде современной русской общины.

Читая истории первобытных общин, написанные буржуазными писателями, нужно быть на-стороже. Они не останавливаются даже перед подлогами. Напр., сэр Генри Мэн, который был ярым сотрудником английского правительства в деле насильственного разрушения индийских общин, лицемерно рассказывает нам, что все благородные усилия правительства поддержать эти общины разбились о незыблемую силу экономических законов!

[5) Вы [1]) прекрасно знаете, что в настоящее время самое существование русской общины поставлено в опасность противостоящими ей мощными интересами. Изнеможденная непосредственными вымогательствами государства, мошеннически эксплоатируемая втершимися в нее капиталистами, торговцами и поземельными «собственниками», она, сверх того, еще подрывается деревенскими ростовщиками, нарождающимися в ее собственных недрах].

Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их из их земель, как это было в Англии и других странах, нет необходимости уничтожить... Наоборот: попробуйте вырвать у них продукт их земледельческого труда сверх известной меры—и, несмотря на имеющихся в вашем распоряжении жандармов, вам не удастся удержать их на их земле! В последние времена Римской Империи провинциальные декурионы—крупные поземельные собственники—покинули свои земли, стали бродягами, продавались даже в рабство, лишь бы избавиться от земли, которая стала лишь официальным предлогом для вымогательств с них.

---

[1]) Абзац вычеркнут Марксом.

И в то время как обворовывают и мучают общину, как обеспложивают ее землю, литературные лакеи «новых общественных слоев» иронически выставляют нанесенные ей раны, как симптомы ее естественной и неоспоримой дряхлости, и уверяют, что она умирает естественной смертью и что доброе дело сделают, сократив ее агонию ****.

[Зачеркнуто: речь идет, таким образом, уже не о теоретической проблеме, которую нужно разрешить ***, а просто напросто о враге, которого нужно сокрушить].

Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, русское правительство и «новые общественные слои» делают все от них зависящее, чтобы подготовить массы к такой катастрофе ****.

*** Здесь речь идет уже не о «проблеме», которую нужно разрешить; речь идет просто напросто о враге, которого нужно сокрушить.

**** Если революция произойдет в надлежащее время, * [зачеркнуто: если интеллигентная часть русского общества; зачеркнуто: если русская интеллигенция сосредоточит все живые силы страны], чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества, элементом превосходства над странами, порабощенными капиталистическим строем.

* Если она сосредоточит все свои силы.

ВТОРОЙ ЧЕРНОВИК

I. Я показал в «Капитале», что превращение *феодального производства в производство капиталистическое* имело отправным пунктом *экспроприацию производителя*, и особенно отметил, что «*основой всей этой эволюции является экспроприация земледельцев*» (стр. 315 французского издания). И я там продолжаю: «Она (экспроприация земледельцев) осуществлена пока целиком только в Англии... *Все другие страны Западной Европы* идут по тому же пути» (l. c.).

Следовательно, я точно *ограничил* эту «историческую неизбежность» «*странами Западной Европы*». Чтобы не оставить никакого сомнения относительно моей мысли, я говорю на странице 341:

«*Частная собственность*, как антитеза коллективной собственности, существует лишь там, где *внешние условия труда* принадлежат *частным лицам*. Но, в зависимости от того, являются ли последние работниками или не-работниками, собственность меняет свою форму».

Таким образом, процесс, который я анализировал, заместил форму частной и раздробленной собственности работников капиталистическою собственностью ничтожного меньшинства (цит. соч., стр. 342), *заместил один вид собственности другим*. Каким же образом можно было бы его применить там, где земля не является и никогда не была «частной собственностью» земледельца? [Зачеркнуто: Во всяком случае, те, которые верят в историческую необходимость разложения общинного землевладения в России, не могут доказать эту необходимость моим изложением фатального хода вещей в Западной Европе. Наоборот, они должны были бы представить новые аргументы, совершенно не связанные с приведенною мною аргументациею]. Таким образом, единственное заключение, которое они имели бы право вывести из хода вещей на Западе, сводится к следующему: Чтобы установить у себя капиталистическое производство, Россия должна начать с уничтожения общинного землевладении с экспроприации крестьян, т.-е. огромной массы народа. Таково, впрочем, *желание* русских

либералов [зачеркнуто: которые желают насадить у себя капиталистическое производство и, будучи последовательными, превратить огромное большинство крестьян в простых наемных работников], но является ли их *желание* более основательным, чем желание Екатрины II насадить на русской почве западный цеховый строй средних веков?

II. Русские «марксисты», о которых вы говорите, мне совершенно неизвестны. Русские, с которыми я имею личные отношения, придерживаются, насколько мне известно, совершенно противоположных взглядов.

III. С точки зрения исторической, единственный серьезный аргумент, который можно выставить в доказательство *неизбежного разложения* общинного землевладения в России, сводится к следующему: общинное землевладение существовало повсюду в Западной Европе, с ростом общественного прогресса оно всюду исчезло,—каким же образом могло бы оно избегнуть той же участи в России?

Прежде всего в Западной Европе смерть общинного землевладения [зачеркнуто: и появление] и рождение капиталистического производства отделены друг от друга [зачеркнуто: длившимся века] громадным промежутком, охватывающим целый ряд последовательных экономических революций и эволюций, из которых капиталистическое производство является наиболее близкою к нам. С одной стороны, оно чудесным образом развило общественные производительные силы, но, с другой стороны, оно обманулось в своих собственных расчетах на те самые силы, которые оно порождает. Его история есть отныне лишь история антагонизмов, кризисов, конфликтов, бедствий. В конце концов, оно показало всем, за исключением слепых по расчету, свой чисто преходящий характер. Народы, у которых оно наиболее развилось как в Европе, так и в Америке, стремятся лишь к тому, чтобы сбросить с себя его оковы, заместив капиталистическое производство производством кооперативным и капиталистическую собственность—*высшею формою* архаического типа собственности, т.-е. собственностью коммунистическою.

Если бы Россия была изолирована от мира, она должна была бы, следовательно, сделать за свой собственный счет те экономические завоевания, которые Западная Европа сделала, лишь пройдя через длинный ряд эволюций со времен существования своих первобытных общин до ее настоящего положения, и не было бы, по крайней мере в моих глазах, никакого сомнения в том, что ее общины были бы фатально осуждены на гибель с развитием русского общества. Но положение русской общины совершенно отлично от положения первобытных общин Запада. Россия—единственная страна в Европе, в которой общинное землевладение сохранилось в широком национальном масштабе, но в то же самое время Россия существует в определенной исторической среде, она является современницей теперешней высшей культуры, она связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство.

Усваивая положительные результаты этого способа производства, она получает возможность развить и усовершенствовать еще архаическую форму своей сельской общины, вместо того, чтобы ее разрушить. (Отмечаю мимоходом, что форма коммунистической (communiste) собственности в России есть наиболее современная форма архаического типа, который, в свою очередь, прошел через целый ряд эволюций).

Если любители капиталистической системы в России станут отрицать возможность такой комбинации, пусть они покажут, что для того, чтобы ввести у себя машины, она была вынуждена пройти через период выкупления механического производства! Пусть они мне объяснят, каким об-

разом могли они ввести у себя, можно сказать в несколько дней, механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), выработка которых потребовала целых веков на Западе?

IV. То, что угрожает жизни русской общины, это—ни историческая неизбежность, ни теория: это угнетение государством и эксплоатация втершимися в нее капиталистами, взращенными и вскормленными за счет крестьян тем же государством.

Таким образом, экспроприация земледельцев на Западе привела к «превращению частной и раздробленной собственности работников» в частную и концентрированную собственность капиталистов. Но это все же замещение одной формы частной собственности другою формою частной собственности. В России речь шла бы, наоборот, о замене капиталистической собственности собственностью коммунистическою (communiste). Конечно, если капиталистическое производство должно восторжествовать в России, то огромное большинство крестьян, т.-е. русского народа, должно быть превращено в наемных рабочих и, следовательно, экспроприировано путем предварительного уничтожения его коммунистической (communiste) собственности. Но, во всяком случае, западный прецедент здесь ровно ничего не доказывает.

II. С точки зрения исторической, есть только один серьезный аргумент в доказательство *неизбежного разложения* русского коммунистического (communiste) землевладения. Вот он: коммунистическое (communiste) землевладение существовало повсюду в Западной Европе, с ростом общественного прогресса оно повсюду исчезло. Почему избегнет оно той же участи в одной лишь России?.

ad p. I. Так как земля в руках русских земледельцев есть их общая собственность, не есть теперь и никогда не была их частной собственностью...

IV. Архаическая или первичная формация земного шара состоит из целого ряда наслоений различных периодов, из которых одни ложились на другие. Точно также архаическое образование общества вскрывает перед нами ряд различных типов, отмечающих собою последовательные эпохи. Русская сельская община принадлежит к наиболее близкому к нам по времени типу этой цепи. Земледелец уже владеет в ней на правах частной собственности домом, в котором он живет, и садом, который является к нему придатком. Вот первый разлагающий элемент архаической формы, неизвестной более древним типам. С другой стороны, последние все покоятся на отношениях кровного родства между членами общины, между тем как тип, к которому принадлежит русская община, уже свободен от этой тесной связи. Тем самым она оказывается способной к более широкому развитию. Обособление русских общин, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм не встречается повсюду, как врожденная характерная черта первобытного типа, но повсюду, где она имеется в наличности, она воздвигает над общинами централизованный деспотизм. Мне представляется, что в России эта обособленность, первоначально обусловленная огромным размером территории, является фактом, который легко будет устранить, как только правительственные путы будут сброшены.

Подхожу теперь к существу вопроса. Нельзя скрывать от себя, что архаический тип, к которому принадлежит русская община, скрывает внутренний дуализм, который, при наличии известных исторических условий, может повлечь за собою ее гибель. Собственность на землю общая, но [зачеркнуто: в действительности производство является производством парцеллярного крестьянина] каждый крестьянин, подобно мелкому запад-

ному крестьянину, обрабатывает свое поле за свой собственный счет. Общинное землевладение, парцеллярная обработка земли — эта комбинация, полезная в эпохи более отдаленные—становится опасною в наше время. С одной стороны, движимое имущество, элемент, играющий все более и более важную роль в самом земледелии, все сильнее дифференцирует имущественное положение членов общины и вызывает в ней, особенно под фискальным давлением государства, борьбу интересов; с другой стороны, теряется экономическое преимущество общинного землевладения, как основы кооперативного и сложного хозяйства. Но не нужно забывать, что в использовании нераздельных лугов русские крестьяне уже применяют коллективный порядок, что их навык в артельных отношениях значительно облегчил бы им переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству коллективному, что физическая конфигурация русской почвы благоприятна для сложной механической обработки в широком масштабе и что, наконец, русское общество, так долго жившее за счет сельской общины, обязано авансировать ей первоначальные средства, необходимые для этого изменения. Разумеется, речь идет только о постепенном изменении, которое нужно было бы начать с того, чтобы поставить общину в нормальное положение на ее *нынешней* основе.

V. Оставляя в стороне всякий более или менее теоретический вопрос, нет надобности говорить вам, что в настоящее время самому существованию русской общины угрожает опасность со стороны согласившихся между собою мощных интересов. Известный род капитализма, вскормленный за счет крестьян при посредстве государства, противостоит общине; он заинтересован в том, чтобы ее раздавить. В интересах помещиков также создать из более или менее состоятельных крестьян средний сельскохозяйственный класс и превратить бедных земледельцев, т.-е. большинство, в простых наемных рабочих,—конечно, с целью обеспечить себя дешевым трудом! Да и как может с ними бороться община, раздавленная вымогательствами государства, ограбленная торговцами, эксплоатируемая помещиками, подрываемая внутри ростовщиками?

ТРЕТИЙ ЧЕРНОВИК

Дорогая гражданка!

Чтобы вполне разобрать поставленные в Вашем письме от 16 февраля вопросы, мне пришлось бы углубиться в подробности и прервать срочные работы. Но краткого изложения, которое я имею честь Вам послать, будет, надеюсь, достаточно, чтобы рассеять всякое недоразумение по поводу моей якобы теории.

1) Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю: «В основе капиталистической системы лежит, таким образом, совершенное отделение производителя от средств производства... Основой всей этой эволюции является *экспроприация земледельцев*. Вполне она осуществлена только в Англии... *Но все другие страны Западной Европы* идут по тому же пути («Le Capital», французск. изд., стр. 315).

Таким образом, «историческая неизбежность» этого пути *точно* ограничена *странами Западной Европы*. Основания этого ограничения указаны в следующем месте XXXII главы: «*Частная собственность, основанная на личном труде*... будет замещена *частной капиталистической собственностью*, основанной на эксплоатации чужого труда, на наемном труде» (l. c., p. 340).

В этом западном пути речь идет, следовательно, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности.* У русских крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность.* Признают ли или отвергают неизбежность этого превращения, доказательства за или против этого не имеют ничего общего с моим анализом происхождения капиталистического строя. В крайнем случае из этого можно было бы сделать лишь тот вывод, что при современном положении огромного большинства русских крестьян их превращение в мелких собственников было бы лишь прологом к их быстрой экспроприации.

2) Самый серьезный аргумент, приводившийся против русской общины, сводится к следующему.

Проследите процесс возникновения западных обществ—и вы повсюду найдете общую собственность на землю; с ростом общественного прогресса она всюду уступила место частной собственности; следовательно, она не может избегнуть той же участи в одной лишь России.

Я буду считаться с этим рассуждением лишь постольку, поскольку оно основывается на европейских опытах. Что касается, например, восточной Индии, то все, за исключением разве сэра Г. Мэна и других людей того же жанра, знают, что там уничтожение общей собственности на землю было лишь актом английского вандализма, толкавшим туземный народ не вперед, а назад.

Не все превобытные общины построены по одному и тому же образцу. Они, наоборот, представляют собою ряд социальных группировок, отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования и отмечающих фазисы последовательной эволюции. Один из типов, который принято называть *сельской общиной*, и являет собою *русская община*. Ее эквивалентом на Западе является *германская община*, возникновение которой восходит ко временам недавним. Она еще не существовала в эпоху Юлия Цезаря и уже не существовала, когда германские племена покорили Италию, Галлию, Испанию и пр. В эпоху Юлия Цезаря уже производился ежегодный передел пахотной земли между группами, между *родами и племенами*, но еще не между индивидуальными семьями общины; вероятно, и хозяйство велось группами, сообща. На самой германской почве эта община более древнего типа преобразовалась путем естественного развития *в сельскую общину* в том виде, в каком она описана Тацитом. С того времени мы ее теряем из виду. Она погибла незаметно, посреди непрестанных войн и переселений; она умерла, быть может, и насильственной смертью. Но ее природная жизнеспособность доказана двумя неоспоримыми фактами. Некоторые рассеянные экземпляры этого образца пережили все перипетии средних веков и сохранились до наших дней, например—на моей родине, в Трирском округе. Но самое важное то, что печать этой «сельской общины» так ясно выражена в новой общине, из нее вышедшей, что Маурер, изучив последнюю, мог восстановить и первую. Новая община, в которой пахотная земля является *частной собственностью* земледельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще *общей собственностью*, была введена германцами во всех покоренных странах. Благодаря характерным особенностям, позаимствованным у ее прототипа, она в течение всех средних веков была единственным очагом народной свободы и жизни.

«Сельскую общину» встречают также в Азии, у афганцев и др., но она повсюду представляет собою *наиболее новый тип* общины и, так сказать, последнее слово *древнего образования* обществ. Именно для того, чтобы

отметить этот факт, я и остановился на некоторых деталях, касающихся германской общины.

Теперь нам нужно рассмотреть наиболее характерные черты, отличающие «сельскую общину» от более древних общин.

1) Все другие общины покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Структура этих организмов есть структура генеалогического дерева. Перерезая пуповину, связывавшую их с природой, «сельская община» становится первой социальной группировкой свободных людей, не связанных кровными узами.

2) В сельской общине дом и его придаток, двор, принадлежат земледельцу в собственность. *Общий дом и коллективное жилище* были, наоборот, экономической основой более древних общин, уже во времена, далеко предшествовавшие установлению пастушеской и земледельческой жизни. Конечно, встречаются сельские общины, в которых дома, хотя и перестали служить местом коллективного обитания, периодически меняют владельцев. Индивидуальное пользование комбинируется, таким образом, с общей собственностью. Но такие общины носят еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии, переходном от общины более древней к сельской общине в собственном смысле.

3) Пахотная земля, неотчуждаемая и общая собственность, периодически переделяется между членами сельской общины, так что каждый обрабатывает за свой собственный счет отведенные ему поля и урожай присваивает себе в собственность. В общинах более древних работа производится сообща, и общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределяется постепенно, соразмерно надобности потребления.

Понятно, что *дуализм*, свойственный строю сельской общины, может ее одушевлять мощною жизнью. Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих, и в то же время дом и его двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, развитию, несовместимому со строем более древних общин.

Но не менее очевидно, что с течением времени тот же дуализм может превратиться в зерно разложения. Не говоря о всяких злокачественных влияниях, привходящих извне, община носит в своих собственных недрах подтачивающие ее элементы. Частная поземельная собственность уже вторглась в нее в виде дома с его сельским двором, и он может превратиться в крепость, из которой подготовляется нападение на общую землю. Это случалось. Но самое существенное, это—парцеллярное хозяйство, как источник частного присвоения. Оно дает почву для сосредоточения движимого имущества, например—скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных. Это движимое имущество, не поддающееся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют такую большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на всю сельскую экономию. Вот момент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство. Он привносит чужеродные элементы, вызывающие в недрах общины конфликты интересов и страстей, способные подорвать общую собственность сперва на пахотные земли, а затем и на леса, пастбища, пустоши, и пр., каковые, будучи однажды превращены в *общинные придатки* частной собственности, постепенно достанутся последней.

Сельская община, будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным фазисом к вторичному образованию, т.-е. переходным фазисом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичное образование, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве.

Но значит ли это, что исторический путь сельской общины должен фатально привести к этому исходу? Отнюдь нет. Ее врожденный дуализм допускает альтернативу: либо начало собственности одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится.

Отвлечемся на минуту от бедствий, которые давят русскую общину, и присмотримся только к ее возможной эволюции. Она занимает совершенно особое положение, без прецедентов в истории. Она одна лишь в Европе является органической, господствующей формой сельской жизни огромной империи. Общая собственность на землю предоставляет ей естественную базу коллективного присвоения, а ее историческая среда—существование капиталистического производства—дает ей в готовом виде материальные условия кооперативного хозяйства, организованного в широком масштабе. Она может, следовательно, воспользоваться всеми положительными приобретениями, сделанными капиталистической системой, не проходя сквозь ее Кавдинские ущелья. Она может при помощи машин, для которых так удобна физическая конфигурация русской почвы, постепенно заместить парцеллярное хозяйство сложным хозяйством. Будучи предварительно приведена в нормальное состояние в ее теперешней форме, она может стать *непосредственным отправным пунктом* экономической системы, к которой стремится современное общество, и зажить новою жизнью, не прибегая для этого к самоубийству.

[Но [1]) ей противостоит поземельная собственность, держащая в своих когтях почти половину земель — и лучшую их часть. Именно поэтому сохранение сельской общины путем ее последующей эволюции совпадает с интересами общего движения русского общества, преобразование которого может быть куплено только этой ценою. Россия тщетно стала бы пытаться выбраться из своего тупика введением английского типа капиталистической аренды, столь противной всем общественным условиям страны. Сами англичане сделали подобные же попытки в восточной Индии: они достигли лишь того, что расстроили туземное земледелие и участили и усугубили бедствия голодных годов.]

Ну, а проклятие, которое поражает общину—ее обособленность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других общин, этот локализованный *микрокосм*, который лишал ее до настоящей поры всякой исторической инициативы? Он исчезнет посреди общего сотрясения русского общества.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧЕРНОВИК

8 марта 1881 года.

Дорогая гражданка!

Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше письмо от 16 февраляя

Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликовани

[1]) Весь этот абзац Марксом зачеркнут.

краткий ответ на вопрос, с которым Вы мне сделали честь обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал петербургскому Комитету работу на ту же тему. Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей так называемой теории.

Анализ, представленный в «Капитале», не дает ничего, что можно было бы выставить за или против жизнеспособности русской общины.

Специальные изыскания, которые я произвел и материалы для которых я почерпал в первоисточниках, убедили меня, что эта община является точкой опоры общественного возрождения России (русского общества). Но для того, чтобы она могла функционировать, как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которые ее теснят со всех сторон, а затем обеспечить ей условия самостоятельного развития.

К. МАРКС—В. ЗАСУЛИЧ

(В окончательной редакции)

Дорогая гражданка! **8 марта 1881 года.**

Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше письмо от 16 февраля.

Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы мне сделали честь обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал петербургскому Комитету работу на ту же тему. Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей так называемой теории.

Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю:

«В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всей этой эволюции является *экспроприация земледельца*. В полной мере она осуществлена пока только в Англии... *Но все другие страны Западной Европы* идут по тому же пути» («Le Capital», франц. изд., р. 315).

Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса *точно* ограничена странами *Западной Европы*. Причины, обусловившие это ограничение, указаны в следующем месте XXXII главы:

«*Частная собственность*, основанная на личном труде... будет замещена *частной капиталистической собственностью*, основанной на эксплоатации чужого труда, на труде наемном» (l. c., p. 340).

В этом западном процессе речь идет, таким образом, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность*.

Анализ, представленный в «Капитале», не дает ничего, что можно было бы выставить за или против жизнеспособности русской общины.

Специальные изыскания, которые я произвел и материалы для которых я почерпал в первоисточниках, убедили меня, что эта община является точкой опоры общественного возрождения России (русского общества). Но для того, чтобы она могла функционировать, как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которые теснят ее со всех сторон, а затем обеспечить ей условия самостоятельного развития.

Имею честь, дорогая гражданка, пребыть

преданный Вам *Карл Маркс*.

ПИСЬМА Ф. ЭНГЕЛЬСА К Э. БЕРНШТЕЙНУ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

После смерти Маркса на Энгельса, как он пишет в предисловии к третьему тому «Капитала», пало целиком, и в постоянно увеличивающихся размерах, все бремя труда по посредничеству между национальными движениями социалистов и рабочих в разных странах.

Но еще при жизни Маркса, в особенности начиная с 1881 г., Энгельс все больше и больше сменяет на этом важном посту своего тяжко больного друга. Эта «посредническая» корреспонденция принимает с начала восьмидесятых годов колоссальные размеры. К ней прибавляется не менее обширная переписка, вызываемая многочисленными запросами—как теоретическими, так и практическими,—с которыми к Энгельсу обращаются с самых различных сторон. Придется потратить еще немало труда, чтобы собрать все материалы, необходимые для освещения этой деятельности Энгельса, которой он занимался и для которой он часто отрывался от подготовки к печати рукописей Маркса и собственной теоретической работы. Как раз с начала восьмидесятых годов в европейском и американском рабочем движении намечается решительный поворот к марксизму. В качестве единственного «сведущего человека», Энгельс обслуживает все страны, сначала Англию, Францию и Германию, затем Австрию, Польшу и Россию, а после Италию, Америку, Скандинавские и Балканские страны.

Но теснее всего Энгельс был связан с Германией. Именно для немецкого рабочего движения предназначались его маленькие работы, в которых он развивал общие вопросы научного социализма, исходя из конкретных явлений германской политической и экономической жизни. В первую очередь для немецких рабочих он, в полемике с Дюрингом, дал настоящую энциклопедию научного социализма. Можно сказать, что его Анти-Дюринг стал исходным пунктом новой, весьма плодотворной фазы в развитии и распространении марксизма не только в Германии, но и во всем международном рабочем движении.

Неудивительно поэтому, что Маркс и Энгельс с большой тревогой следили за тем резким поворотом направо, который немецкая социал-демократия сделала в «годину смуты», когда она, в лице своего оппортунистического большинства, хотела спастись от бичей и скорпионов «закона против социалистов» под сень легализма. Из переписки с Зорге, из «Мемуаров» Бебеля, из «Истории немецкой социал-демократии» Меринга мы знаем, какую решающую роль играли Маркс и Энгельс в борьбе между «подпольниками» и легалистами, как только благодаря их непримиримой позиции партия наконец решилась поставить в Швейцарии нелегальный орган «Социалдемократ». Но прошло немало времени, пока «старики» согласились поддержать своим авторитетом новое предприятие.

Маркс и Энгельс были очень недовольны позицией, которую занял сначала новый орган. Их недоверие питалось и тем обстоятельством, что «Социалдемократ» пользовался финансовой поддержкой того самого Гехберга, который принадлежал к правому крылу немецкой социалдемократии и вместе с К. Шраммом и Бернштейном был автором статьи, рекомендовавшей партии не «запугивать» буржуазию своим радикализмом. Хотя

ответственным редактором «Социалдемократа» был Фольмар, но им известно было, что в редакции принимают участие и Шрамм, и Бернштейн. Они предпочли бы видеть во главе органа Карла Гирша, который уже сделал попытку издавать за границей—сначала в Брюсселе, а после в Лондоне — журнал, «Фонарь» (Laterne, подражание Lanterne Рошфора), в котором он отмежевался как от Freiheit Моста, который скоро перешел в лагерь анархистов, так и от германских оппортунистов, думавших, что им удастся кротким поведением заслужить отмену закона против социалистов.

Конгресс партии в Видене (август 1880 г.) внес, наконец, бóльшую ясность. Правым пришлось помириться с декларацией против легализма во что бы то ни стало. Решено было всеми силами поддержать заграничный нелегальный орган, который до сих пор только терпели. Бебель и Бернштейн предприняли «путешествие в Каноссу», т.-е. отправились в Лондон в ноябре 1880 г., чтобы окончательно «утихомирить стариков». Гирш отказался войти в редакцию. Временно взял на себя, вместо Фольмара, обязанности главного редактора Бернштейн, который и остался им, после некоторых колебаний, до конца существования «Социалдемократа». Полевевший еще в Цюрихе, он теперь, под непосредственным влиянием Маркса и в особенности Энгельса, становится все более последовательным марксистом. Шрамм скоро ушел из редакции, главным сотрудником, кроме Либкнехта и Бебеля, стал Каутский, тоже проделавший тогда, под непосредственным влиянием Энгельса,—он прожил в Лондоне в 1881 г. несколько месяцев,—аналогичную эволюцию. Сохраняя хорошие личные отношения с Гехбергом, Бернштейн и Каутский разошлись с ним окончательно в 1881 г., и в конце этого же года «Социалдемократ» и в финансовом отношении освободился от всякой зависимости от Гехберга.

Казалось бы, что «старики» должны были после полученных гарантий сменить гнев на милость и принять непосредственное участие в «Социалдемократе». Между тем внимательный просмотр журнала за 1881 г. показывает, что Энгельс за весь этот год не дал ни одной статьи, если не считать некролога жены Маркса («Социалдемократ», 8 декабря 1881 г.). Отсутствие статей Маркса объясняется его болезнью. Только с 1882 г. начинается регулярное сотрудничество Энгельса. Таким образом «старики» еще несколько месяцев занимали, повидимому, выжидательную позицию. Чем же объяснялась эта политика?

В своих воспоминаниях [1]) Бернштейн сообщает много анекдотов о цюрихской и лондонской поре своей эмиграции, но очень мало фактов о самом «Социалдемократе». А между тем устное предание—на него опирается и Меринг в «Истории германской социал-демократии»—говорило, что Энгельс уже с самого начала редакционной деятельности Бернштейна принимал идейное участие в ведении газеты. «Поддерживаемый советами Энгельса, Бернштейн своим редактированием «Социалдемократа»—пишет Меринг,—в такой же мере содействовал теоретическому просвещению немецкого рабочего класса, как его практическому дисциплинированию».

Только письма самого Энгельса, относящиеся к этому периоду, могли бы дать более точный ответ на вопрос о характере его работы для «Социалдемократа». Кое-какие указания можно было найти в опубликованных мною письмах Энгельса к Беккеру и письме Бебеля к Марксу [2]),

---

[1]) Aus den Jahren meines Exils. Erinnerungen eines Socialisten. Berlin 1918.

[2]) Мое введение к письму Бебеля послужило поводом к полемике между мною и Бернштейном по вопросу об истории возникновения «Социалдемократа» в «Vorwärts» декабрь 1913 и январь 1914 г.).

в письмах Энгельса к Зорге. Но понятно, что самым важным источником явились письма Энгельса к самому Бернштейну.

Мы, поэтому, можем быть только благодарны бывшему редактору «Социалдемократа», который любезно предоставил в наше распоряжение фотографии всех *сохранившихся* писем к нему Энгельса и право немедленно опубликовать их на русском языке.

Ниже мы даем полный перевод всех этих писем [1]). Они показывают, как разнообразна была «экспертиза» Энгельса, как старательно он выправлял линию «Социалдемократа» во всех вопросах внешней и внутренней политики. Они объясняют нам также, почему Энгельс начал свое официальное сотрудничество, другими словами дал «Социалдемократу» свое имя, только начиная с 1882 г. В течение первого года «старики»—в первую очередь Энгельс — следят за тем, в какой степени Бернштейн выполняет данные в Лондоне обещания, и ограничиваются только советами. Каутский из Лондона — под непосредственным руководством Энгельса — посылает в «Социалдемократ» в 1881 г. ряд теоретических статей.

Мы видим, что огромное большинство писем относится к 1881—1886 гг. (из 246 почтовых листов, имеющихся в нашем распоряжении, к этому периоду относится 220). Сначала письма адресованы «дорогому господину Бернштейну», с апреля 1883 г. просто «дорогому Бернштейну», а с апреля 1884 г.—после нового свидания в Лондоне (во второй половине марта 1884 г., когда Энгельс перешел с Бернштейном на ты) — «дорогому Эде» [2]). В 1885 г. переселился в Лондон Каутский, который взял на себя значительную часть переписки с Бернштейном. А с мая месяца 1882 г. последний тоже, после высылки его из Швейцарии, переселяется в Лондон, куда с сентября этого же года переносится и печатание «Социалдемократа». Вот почему с 1887 г. переписка носит уже совершенно случайный характер.

Мы пока отказываемся от критического анализа взглядов Энгельса, поскольку они нашли себе выражение в письмах к Бернштейну. Мы надеемся в скором времени опубликовать письма Энгельса к Каутскому и Либкнехту за эти годы. К сожалению, в высшей степени важные письма к Бебелю, которому Энгельс особенно подробно писал по всем вопросам тактики, остаются до сих пор неизвестными за исключением немногих писем, напечатанных Бебелем в Мемуарах. Оригиналы их не имеются ни в архиве немецкой социалдемократии, ни у дочери Бебеля, хотя отрывки из них напечатаны были несколько лет тому назад в книжке «Политическое завещание Энгельса» [3]).

Только когда мы будем иметь в своем распоряжении все эти письма Энгельса, можно будет нарисовать полную картину его деятельности как главного «советчика» немецкой социал-демократии в эпоху закона против социалистов.

Ниже читатель найдет также примечания, которые помогут ему разобраться в главных вопросах, затрагиваемых Энгельсом.

Д. Рязанов.

---

[1]) Перевод сделал Е. Гурвич и П. Юшкевичем.

[2]) Некоторые письма адресованы покойной жене Бернштейна, Регине.

[3]) Так как предисловие датировано из Петрограда и подписано инициалами Н. Р., то покойный Ленин и многие немецкие марксисты приписали эту книжку мне. Пользуюсь этим случаем, чтобы снять с себя всякую ответственность за это издание.

ПИСЬМА Ф. ЭНГЕЛЬСА К Э. БЕРНШТЕЙНУ

1

Лондон, 2 февраля 1881.

Дорогой господин Бернштейн!

Прилагаю письмо для пересылки Каутскому; я не знаю, годится ли еще данный мне венский адрес.

В пяти номерах С. Д. [«Социал-Демократа»], вышедших после нового года, замечается значительное улучшение. Исчез меланхолический тон отчаяния «убитого человека», исчезла дополняющая его напыщенная добропорядочность, постоянно перемежающаяся с революционными фразами Моста мещанская сговорчивость и, наконец, вечный вопрос о Мосте. Тон стал непринужденным, увереным в себе. Газета не будет больше призывать к спокойствию, если она останется такой, но будет ободрять людей в Германии. Так как у Вас имеется Новая Рейнская Газета, то вы хорошо сделаете, если по временам будете в нее заглядывать. Именно презрение и насмешка по отношению к противникам доставили нам в течение 6 месяцев до осадного положения почти 6000 подписчиков, и, хотя в ноябре мы опять начали сначала, в мае 49 г. мы имели опять прежнее число и даже больше. Кельнская газета теперь созналась, что у нее тогда было *только 9000* подписчиков.

Так как у вас чувствуется недостаток в фельетонах, то вы могли бы перепечатать стихотворение из № 44 за 1848 год: «Сегодня утром я поехал в Дюссельдорф», примерно под заглавием: Социалистоед 1848 г. (Фельетон Новой Рейнской Газеты от 14 июля 1848), а затем имя автора: Георг Веерт (умер в Гаванне в 1856 г.).

Итак, вперед! Ваш *Ф. Э.*

«Не укради» и апология казни Людовика XVI очень хороши.

2

Лондон, 12 марта 1881.

Дорогой господин Бернштейн!

При этом посылаю Вам некоторый материал по поводу запрещения прелюбодеяния. Я, конечно, не знаю, сумеете ли вы им воспользоваться. Это щекотливый вопрос, и Вам следует решить, принесет ли его обсуждение больше вреда или пользы. Я, во всяком случае, хотел указать Вам способ обсуждения этой заповеди, не впадая в морализирующую философию, и Вам все же будет полезно иметь исторический материал по этому вопросу, поскольку он находился в моем распоряжении.

Впрочем, газета в общем очень хороша, отдельные номера очень хороши; несколько менее доктринерские статьи, чем, например, статья о государственном социализме, не помешали бы. Как можно смешивать Тюрго, одного из лучших экономистов 18 столетия, в одну кучу с очень практическим человеком haute finance, с предшественником Лаффиттов

и Перейр и даже с жалким Калонном, с грубым эмпириком, живущим только сегодняшним днем, с настоящим аристократом: après nous le deluge? Как сопоставлять их, и в особенности Т[юрго] и даже Н[еккера] с Бисмарком, который больше всего желает, à la Калонн, денег во что бы то ни стало, и опять таки этого Б[исмарка] прямо со Штеккером и, с другой стороны, с Шеффле и К°, которые каждый в отдельности преследуют совершенно другие тенденции? Если буржуазия смешивает их всех в одну кучу, то из этого вовсе не следует, что мы должны поступать точно так же без всякой критики. В этом именно и заключается сущность доктринерства, что принимают *на веру* пристрастные и ограниченные утверждения противника, а затем на этих утверждениях строят систему, которая, конечно, стоит и падает вместе с этими утверждениями. Для Бисм[арка] дело сводится к деньгам, еще раз к деньгам и в третий раз к деньгам, и предлоги для этого он меняет по чисто внешним соображениям. Дайте ему другой состав большинства в рейхстаге, и он отбросит все свои теперешние планы и составит прямо противоположные. Поэтому решительно никак нельзя вычитать признания банкротства современного общества из всего того, что делает такое теоретически неразумное и практически непостоянное животное, как Б[исмарк]. Так же мало свидетельствуют об этом и поповская пляска св. Витта такого дурака, как Штеккер; также и болтовня «мыслящих людей» à la Шеффле. Все, о чем эти господа «думают», сводится приблизительно к тому, что они и не «думают» объявить банкротство современного общества. Наоборот, ведь они только тем и живут, что хотят его опять как-нибудь поддержать. Вот пример того, какой мыслящий человек Шеффле: в «Сущности социализма» глупый шваб сознается, что он десять лет размышлял об одном из (самых простых) пунктов «Капитала», пока понял его, и тогда он чуть не сошел с ума!

Это чисто пристрастная фальсификация буржуазных манчестерцев— считать всякое вмешательство государства в свободную конкуренцию «социализмом»: покровительственные пошлины, цехи, табачную монополию, огосударствление отраслей промышленности, прусский государственный банк, королевскую фарфоровую мануфактуру. Мы должны *критиковать*, а не *верить*. Если же мы примем на веру и будем на ней базировать свое теоретическое развитие, то последнее падает вместе со своими предпосылками, следовательно, при простом указании, что этот мнимый социализм представляет не что иное, как, с одной стороны, феодальную реакцию, с другой стороны—предлог для выжимания денег с побочным намерением превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников, пенсионеров, рядом с армией военных и чиновников организовать также и рабочую армию. Давление на избирателей при посредстве государственных чиновников вместо фабричных надзирателей— прекрасный социализм! Но к этому надо неизбежно притти, если поверить буржуазии в том, чему она сама не верит, а только говорит: государство= социализму.

Вообще я нахожу, что Ваша точка зрения на характер, который следует придать газете, вполне совпадает с моей; меня также радует, что в последнее время не так часто, как прежде, употребляется слово революция. Вначале, после жестокого усмирения 1880 г., это было хорошо, но лучше даже по отношению к Мосту избегать громких фраз. Можно высказывать революционные мысли, не произнося беспрестанно по всякому поводу *слова* революция. Бедный Мост, впрочем, совсем выбился из колеи; он не знает, куда ему пристать; к тому же успех Фр[итче] и Ф[ирека] в Америке побуждает его пойти по течению.

Газета теперь может послужить действительно для ободрения и поднятия духа наших товарищей в Германии, в чем они очень нуждаются, по крайней мере так называемые вожаки. Я опять получил несколько отчаянных писем, на которые должным образом ответил. Ф[ирек] также вначале был в очень меланхолическом настроении, но нескольких дней вольного лондонского воздуха было достаточно, чтобы опять вернуть ему эластичность. Этот вольный воздух газета должна внести в Германию, а этому в особенности способствует презрительное и ироническое отношение к противнику. Если опять будут смеяться над Бисмарком и К°, то это будет уже большим выигрышем. Не следует, однако, забывать, что нечто подобное случается в первый раз, по крайней мере для большинства, и что большая масса агитаторов и редакторов была очень неприятно выброшена из очень приятных положений. Здесь ободрение необходимо так же, как и постоянное напоминание о том, что Бисмарк и К° все еще такие же ослы, такие же каналъи и такие же бессильные, жалкие глупцы по отношению к историческому движению, как и до покушений. Поэтому всякая острота по отношению к этой компании очень ценна.

Еще несколько слов об Ирландии. Они слишком умны, чтобы не знать, что восстание было бы гибельно для них; оно могло бы иметь шансы на успех только в случае войны между Англией и Америкой. Между тем ирландцы принудили в парламенте Гладстона ввести наказ по континентальному образцу и тем самым подвести подкоп под весь английский парламентаризм. Они затем заставили Гладстона отказаться от всех своих фраз и сделаться бо̀льшим торием, чем самые завзятые тории. Исключительные законы провалились, земельный билль или будет отвергнут Верхней палатой, или кастрирован, и тогда начнется кутерьма, а именно тайное разложение партий станет явным. Со времени назначения Гладс[тона] виги и умеренные тории, т.-е. все крупные землевладелцы, тайно (sic!) соединяются в партию крупного землевладения. Если это созреет, семейные и личные интересы будут улажены, или, если, например, вследствие земельного билля, новая партия станет явной, тогда распадется министерство и теперешнее большинство. Против новой консервативной партии тогда выступит буржуазно-радикальная, но без всякой другой поддержки, кроме рабочих и ирландских крестьян. И чтобы здесь опять не было надувательства и плутовства, теперь же организуется пролетарско-радикальная партия под предводительством Джозефа Коусна (член парламента от Ньюкестля), старого чартиста, наполовину, если не вполне, коммуниста и очень славного малого. Все это сделает Ирландия, Ирландия является движущим элементом в стране. Это для вашей частной информации. В скором времени напишу об этом подробнее. Привет.

Ваш *Ф. Э.*

Так как Каутский, которому вы шлете привет, скоро приезжает сюда, то было бы бесцельно подробно ему отвечать. Кланяйтесь Бейсту, если вы его увидите.

3

Лондон, 14 апреля 1881.

Дорогой господин Бернштейн!

Очень благодарен Вам за выдержки — но нам по многим причинам желательно прочесть полный текст этих речей. К[аутский], вероятно, уже просил Вас прислать стенограмму на несколько дней. Так как в рейхстаге

и ландтагах были высказаны такие вещи, которые лучше было бы не говорить, то мы по поводу этих вещей можем высказать свое мнение только при полном знакомстве с делом.

Нас очень неприятно поразило Ваше заявление о Вашем желании уйти из газеты. Мы не видим абсолютно никаких оснований для этого, и нам было бы очень приятно, если бы Вы взяли назад Ваше решение. Вы с самого начала умело редактировали газету, придали ей бодрый тон и развили при этом необходимую остроту. При редактировании газеты далеко не так важно проявить ученость, как быстро осветить вещи с той именно стороны, с которой это необходимо, а это Вы почти всегда делали. Каутский, напр., не сумел бы этого, у него всегда слишком много побочных точек зрения; это хорошо для более длинных журнальных статей, но в газете, где надо быстро принимать решения, часто из-за деревьев не видят леса, а в партийном органе этого не должно быть. К[аутский] вместе с Вами был бы очень хорош, но я боюсь, что если он будет один, то теоретические сомнения слишком часто будут ему мешать итти прямо, не уклоняясь с раз избранного пути, как это необходимо в Социал-Демократе. Я не вижу, кто мог бы тотчас же занять Ваше место до тех пор, пока Л[ибкнехт] сидит и не едет в Ц[юрих], что без нужды было бы нелепо, так как в рейхстаге он гораздо нужнее. Итак, Вы, худо ли, хорошо ли, должны будете остаться.

Если мы еще не выступили прямо и *открыто* в С[оциал]-Д[емократе], то причина этого—в этом Вы можете быть уверены—не в Вашем способе редактирования. Наоборот. Причина именно в упомянутых вначале сделанных в *Германии* заявлениях. Хотя нам и обещали, что это больше не повторится и что революционный характер партии должен быть резко выражен и сохранен, но мы должны это раньше видеть, и мы слишком мало уверены в революционности некоторых господ (скорее наоборот); поэтому нам очень желательно получить стенограммы *всех* речей, произнесенных нашими депутатами. После использования их, Вы легко могли бы прислать их сюда на несколько дней, я гарантирую Вам быстрое возвращение. Это содействовало бы устранению последних недоразумений, существующих между нами и партией в Германии, не по нашей вине. Это между нами.

Гладстон, вероятно, подготовил торжество Мосту. Едва ли найдутся присяжные, которые бы единогласно осудили Моста, и если хоть один выскажется за оправдание, то отпадает весь процесс; правда, он может быть вторично передан другому составу присяжных, но этого почти никогда не бывает. Но к тому же закон 1861 г., на основании которого М. был предан суду, никогда еще не применялся, и, по мнению юристов, он не может быть применен к данному случаю.

Выход Аргайля из министерства, потому что ирландский земельный билль дает фермерам некоторое соучастие во владении землей,—дурное предзнаменование для судьбы билля в Верхней палате. Между тем Парнелль с успехом начал в Манчестере свое агитационное путешествие по Англии. Положение большой либеральной коалиции становится все более критическим. Но здесь все происходит медленно, хотя зато очень основательно.

Поэтому, пусть Вас не пугают первые трудности, не теряйте мужества и продолжайте спокойно редактировать, как до сих пор. На худой конец напишите Б[ебелю], чтобы Вам прислали кого-нибудь на помощь. Это был бы самый лучший путь для устранения тех трудностей, с которыми Вам приходится бороться. Когда Вы заполучите таким образом нового человека, тогда еще будет время говорить о Вашем уходе.

Сердечно кланяюсь Вам. *Ф. Энгельс.*

4

Bidlington Quay, Yorkshire.
17 августа 1881 г.

Дорогой господин Бернштейн!

Я уже 3 недели здесь у моря и пользуюсь наступившей дурной погодой, чтобы написать вам несколько строк перед моим отъездом отсюда в понедельник 22-го. Если у меня будет время, я напишу также и Каутскому, который во всяком случае очень скоро получит ответ с оттиском его статьи в L[abour] St[andard].

Антиеврейские листки Вы, вероятно, во время получили обратно, я послал их К[аутскому], так как вы не дали более подробного адреса. Никогда я не читал чего-либо более глупого и ребяческого. Это движение имеет лишь то значение, которое в Германии при трусости буржуазии имеет *всякое* руководимое сверху движение: избирательного маневра, чтобы добиться консервативных выборов. Как только пройдут выборы, или даже раньше, чем движение пойдет дальше указанной свыше цели (как теперь в Померании), оно по высочайшему повелению лопнет, как проколотый пузырь и «станет незаметно». Никакое презрительное отношение к подобным движениям не будет слишком сильно, и я очень рад, что С[оциал]-Д[емократ] это сделал. Впрочем К[арл] Г[ирш], которому пришла блажь совершить экскурсию в Берлин, пишет мне оттуда: «Антисемитское движение организовано, даже почти приказано, исключительно сверху. Я заходил в самые бедные помещения и не встретил никого. В омнибусах, на железной дороге, нигде мне не пришлось слышать ни слова против евреев. Официозные газеты, которые ведут травлю против евреев, имеют очень мало читателей. Немцы всегда питают нелюбовь к евреям, но ненависть, которую я встретил у рабочих, как и у прогрессивных мелких буржуа и филистеров, к правительству гораздо сильнее».

О 1001 шпионе в Б[ерлине] он говорит, что их все знают и что «поэтому они ничего не знают. Они так наивны, что всегда сидят в одних и тех же пивных за одними и теми же столами».

Ваши статьи об «интеллигенции» *очень хороши*. Одинаково прекрасен и разбор бисмарковской мании огосударствления, как вопроса, в пользу которого нам не надо выступать, но который, как и все, что происходит, nolens volens говорит в нашу пользу, и характеристика «интеллигенции», как людей, которые, поскольку они на что-нибудь годны, сами приходят к нам, но поскольку нам приходится их привлекать, могут быть нам вредны остатками своей старой закваски. Хороши и другие замечания, хотя отдельные выражения местами надо исправить. Но вообще последний № был очень хорош; настоящий, свежий, победный тон, который вожди потеряли после покушений и исключительных законов, опять вернулся и заменяет то, что Вильгельм IV называл «Hasentrompeterei». Брэдло (Bradlough) вы очень хорошо обработали.

В частности несколько пояснений:

1) Валлесу вам незачем делать столько комплиментов. Это жалкий литературный или, скорее, литераторский фразер, который абсолютно ничего из себя не представляет, который из-за отсутствия таланта перешел к самым крайним и стал «тенденциозным» писателем, чтобы таким образом пристроить свои плохие беллетристические произведения. Во время Коммуны он только произносил громкие фразы, а если где-нибудь действовал, то только приносил вред. Не давайте себя вводить в заблуждение парижским товарищам (к которым Малон также питает большую слабость

по поводу этого drôle de fanfaron. Что он представляет как политик, показывает его письмо к Греви, когда тот стал президентом: par ordre du mufti он должен ввести социалистическую республику и т. д., — письмо, которое на многие месяцы задержало амнистию.

2) Испанцы вовсе не все состоят только из анархистов. В Мадриде имеется прекраснейшее ядро (прежняя nueva federacion madrileña), сюда же относятся очень хорошие элементы, в особенности в Валенции и в нескольких небольших каталонских фабричных городах и др. Самый энергичный и самый благородный — это наш друг Хозе Меха, прекраснейший малый, который теперь находится в Париже — работает теперь вместе с Гедом и другими тамошними товарищами и поддерживает связи. Если Вы хотите иметь известия из Испании, напишите ему по-французски. Малон может доставить это письмо прямо или через Геда, у меня здесь нет его адреса. Сошлитесь на меня.

В общем мое мнение состоит в том, что молодой человек, который так хорошо развился на своем посту и так для него подходит, как вы, должен его сохранить. Приспособится ли так же хорошо Кегель, который к тому же еще сидит, для меня очень сомнительно. Его теоретическая точка зрения мне незнакома; способен ли он на нечто большее, чем местная юмористическая газета, во всяком случае не доказано. Англичане говорят: let well alone, или: от добра добра не ищут. Я должен сознаться, что с недоверием и с неудовольствием отношусь ко всяким переменам.

Теперь, далее, ррреволюционный конгресс. Лаф[арг] выкопал откуда-то итальянца, который был делегатом, но неизвестно почему был исключен. К тому же Л[афарг] встретил у французского торговца вином и гастрономическими товарами различных анархистов из этой компании. Оказывается:

1) Конгресс состоял из *20 с чем-то* человек, из которых большинство составляли лондонские жители с мандатами из других мест. Затем несколько французов, итальянцев, один испанец. Их заседания происходили *публично*. Но никто не явился, ни одна душа, ни один репортер, ни одна собака, ни одна кошка. После напрасных ожиданий прихода публики в течение 3-х дней они, наконец, приняли героическое решение объявить свои заседания *тайными*.

2) Первое, что было констатировано, это—всеобщее разочарование по поводу ничтожности всего анархистского движения и уверенность, что нигде никто не стоит за несколькими крикунами. О себе и своей местности это каждый знал, но хотя каждый рассказывал другим колоссальнейшие небылицы о колоссальном успехе движения в *своей* местности, все же каждый верил вымыслам *других*. Крушение иллюзий было так велико, что они не могли подавить своего удивления собственному ничтожеству даже в присутствии посторонних.

3) Сперва митинг, на который они, конечно, пригласили репортеров, а затем глупые вопросы глупых ториев и еще более глупых радикалов в парламенте до некоторой степени спасли конгресс. Можно было, конечно, предвидеть, что при теперешней нигилистической эпидемии пресса постарается нажить себе капитал на митинге, состоявшем максимум из 700 человек.

Если таким образом Freiheit говорит о делегате № 63 и т. д., то это относится к № мандата от 1—2—3 человек in blanco или на имя совершенно им неизвестного, проживающего в Лондоне человека, или же от 10—20 человек на имя едущего в Лондон делегата. Число действительно присутствовавших делегатов было ближе к 20, чем к 30, а число приехавших из-за границы, наверное, не достигало и 10.

NB. Всем этим надо пользоваться осторожно, так как я знаю об этом от *третьих лиц!* Об этом можно было бы, напр., говорить в виде вопроса, действительно ли это так происходило. Эти господа обыкновенно привязываются к *одному* неточному слову.

Это старая история *всех* анархистских конгрессов. Прочтите в Prétendues scissions dans l'Internationale отчет этих господ о их собственном конгрессе Féd. Jurassienne или в «Alliance de la Dem. Socialiste» отчет о их первом конгрессе после раскола. Анархия у этих господ сперва принимает те формы, что каждый хочет стать офицером, но никто солдатом. Как бы ни кричал против принятия какой-нибудь государственной должности неистовый Adhemar Schwitzguebel (quel nom!), называя это изменой делу, это не мешало ему принять должность лейтенанта в швейцарской федеральной армии!

Сердечный привет К[аутскому], который при следующей дождливой погоде также получит письмо.

Ваш *Ф. Энгельс.*

5

Лондон, 25 октября 1881 г.

Дорогой господин Бернштейн!

Я Вам очень благодарен за то, что Вы написали мне по делу Egalité. Независимо от того пункта, о котором идет речь, это дает повод объяснить Вам позицию Маркса, а, следовательно, во второй линии и мою, по отношению к французскому движению. И из этого одного примера Вы можете иметь понятие о нашей позиции по отношению к другим не-немецким движениям, поскольку они симпатичны нам, а мы им.

Я доволен, что вы не в состоянии тотчас же оказать денежную поддержку Egalité. Письмо Лаф[арга] опять было одним из тех coups de tête, от которых французы, особенно родившиеся к югу от линии Бордо—Лион, по временам не могут отказаться. Он был так уверен, что проявил здесь гениальность, но вместе с тем делает ошибку, что даже своей жене (которая многому мешает) он сказал об этом post factum. За исключением Лаф[арга], который всегда за то, чтобы «хоть что-нибудь делать»—n'importe quoi, мы все здесь были единогласно против № 3 Egalité. И с Вашими 5000 фр. (если столько), я предсказывал, что они просуществуют до 32 №. Если Гед и Лаф[арг] во что бы то ни стало хотят заслужить репутацию tueurs de journaux в Париже, то мы не можем им в этом отношении помешать, но и мы больше ничего не сделаем. Если в будущем газета пойдет лучше, и если она, вопреки всяким ожиданиям, станет хорошей, то в тяжелый момент всегда видно будет, что̀ можно сделать. Но абсолютно необходимо, чтобы эти господа научились наконец обходиться своими собственными средствами.

Дело в том, что наши французские друзья, которые хотят основать Parti ouvrier, уже в течение 12—15 месяцев все без исключения делают одну ошибку за другой. Первую сделал Гед, когда он, по бессмысленному пуризму, помешал Малону принять предложенное ему редактирование рабочего отдела в Intransigeant с жалованием в 12.000 франков. *Это—исходная точка всего спора.* Затем следует непростительная глупость с Emancipation, когда М[алон] поддался обману лионцев (самых скверных рабочих во Франции), благодаря ложным обещаниям, но где Гед проявлял такое же нетерпение иметь ежедневную газету à tout prix. Затем ссора из-за выеденного яйца по поводу кандидатуры, при чем вполне возможно, что Г[ед] сделал столь порицаемую вами формальную ошибку, но для меня при этом ясно,

что М[алон] *искал* предлога для спора. Наконец вступление и выход из Cit[oyen] français г-на Бубо (Boubeau) alias Sécondigné, авантюриста с самой скверной репутацией,—выход, вызванный простой неуплатой гонорара, без *политической причины*. Затем вступление Геда в очень смешанной компании в новейший Citoyen, и М[алона] и *Брусса* в *жалкий* Prolétaire, против которого они всегда, по крайней мере Малон, между прочим, боролись, как против обыкновенной пустой газетки.

Prolétaire был газетой всех наиболее известных любителей писать среди парижских рабочих. Существовало правило, что только люди, действительно занятые физическим трудом, могут *участвовать в совещаниях* и сотрудничать. Там господствовала самая ограниченная вейтлинговская ненависть к «ученым». Газета и в *этом отношении* была абсолютно бессодержательна, но с претензией быть la plus pure expression парижского пролетариата. Отсюда, при всей кажущейся дружбе и т. д. и т. д., тайная смертельная вражда и интриги против всех других родственных газет, включая и 2 Egalités.

Если теперь Малон утверждает, что французская рабочая партия стремится создать в Prolétaire свой орган,—зачем, в таком случае, конкурирующая Egalité?—то никто не знает лучше Малона, что: 1) обе первые Egalités точно так же существовали рядом с Prol[étaire], так как просто происходили из рядов Prol[étaire], 2) ничего нельзя было поделать, и Малон знает этих господ из Prol[étaire] так же хорошо, как и Гед, и 3) пара дураков из Prol[étaire], Малон и Брусс, далеко еще не составляют французской рабочей партии. Он, таким образом, знает, что это все *пустые слова*, и что это *он* хочет создать *себе* орган в Prol[étaire], потому что он в других местах везде все погубил.

Но что связывает Малона и Брусса с этой газеткой, это—общая им зависть к Марксу. Для массы французских социалистов страшно неприятно, что нация, которая осчастливила мир французскими идеями (idées françaises), которая присвоила себе монбполию на идеи, что Париж, centre des lumiéres (центр просвещения), теперь вдруг должны получать свои социалистические идеи в готовом виде от немца Маркса. Но так уже обстоят дела, а к тому же Маркс настолько превосходит нас всех своей гениальностью, своей почти преувеличенной научной добросовестностью и своей баснословной ученостью, что если бы кто-нибудь захотел его критиковать, он обжегся бы. Теперь—более прогрессивная эпоха. Если таким образом французские социалисты (т.-е. большинство), худо ли, хорошо ли, должны подчиниться неизбежному, то все же это не происходит без некоторого ропота. Господа из Prol[étaire]—это те, которые утверждают о Геде и Лафарге, что они только подголоски Маркса, что в переводе на обыкновенный разговорный язык означает: ils veuleut vendre les ouvriers français aux Prussiens et à Bismarck, и г-н Малон очень ясно обнаруживает этот ропот во всех своих произведениях и даже в очень недостойной форме: Малон старается приписать открытие Маркса другим лицам (Лассалю, Шеффле, даже де Папу!). Конечно, это в порядке вещей, что можно быть различных взглядов с партийными людьми, кто бы они ни были, относительно их образа действия в том или в другом случае или не соглашаться с ними и спорить о каком-нибудь теоретическом пункте. Но спорить в такой форме против оригинальнейших достижений такого человека, как Маркс, это—проявление такой мелочности, которою, можно сказать, обладают только наборщики, самомнение которых Вам хорошо известно уже из собственного опыта. Я вообще не могу понять, как можно завидовать гениальности; это нечто такое своеобразное, что мы, не обладающие ею, заранее знаем, что она для нас недо-

стижима; но, чтобы этому завидовать, надо быть чрезвычайно мелочным. Скрытая форма, в которой Малон это делает, не улучшает дела. Что в конце концов он оскандалится, везде обнаружит отсутствие знаний и критики, это когда-нибудь можно было бы ему очень чувствительно показать, если бы когда-нибудь пришлось рассматривать его пресловутую «Hist. du soc. depuis les temps les plus reculés» (!!) и другие его статьи со стороны их содержания.

Брусс, некоторым образом, самый беспомощный, самый бестолковый человек, какого я когда-либо видел. От анархизма он отбросил анархию, т.-е. борьбу против политической деятельности и выборов, но сохранил, наоборот, все другие фразы и в особенности тактику. Теперь он в длинных статьях в Prol[étaire], направленных против Геда (не называя его), ломает себе голову над неразрешимым вопросом, как устроить организацию, которая исключала бы возможность диктатуры (Геда!!). Что это абсолютное литературное и теоретическое ничтожество, которое умеет только трезвонить, опять может играть роль,—общая вина Лаф[арга], Геда и Малона.

Наконец Гед. Этот, среди парижан, обладает самой светлой головой; он один из тех немногих, которые абсолютно не возмущаются немецким происхождением современного социализма. Hinc illae lacrimae. Поэтому господа из Prol[étaire] распространяли слухи, что он только подголосок Маркса, а Малон и Брусс с огорченными минами разносят их дальше. Вне этой клики никто об этом не думает. Об этом будет речь ниже. Возможно, что он властолюбив. Каждый из нас властолюбив в том отношении, что хочет сделать свои мнения господствующими. Если Гед старается сделать это прямым путем, а Малон окольным путем, то это говорит в пользу характера Геда и житейской мудрости Малона, в особенности у такого народа, как парижане, которые не желают, чтобы ими хоть в чем-нибудь командовали, но зато с восторгом дают водить себя за нос. Впрочем, мне говорили о всяком, кто когда-либо хоть что-нибудь собой представлял, что он властолюбив, и я из этого заключил, что об этом человеке собственно нечего было сказать. У Геда совершенно другие недостатки. Во-первых, парижский предрассудок, что всегда надо клясться словом революция. А во-вторых, его безграничное нетерпение. У него расстроены нервы, он думает, что недолго проживет, и хочет во что бы то ни стало пережить еще что-нибудь значительное. Отсюда и из его болезненного возбуждения происходит его преувеличенное и иногда вредное стремление к деятельности во что бы то ни стало. Прибавьте к этому еще неспособность французов, в особенности парижан, понимать разногласия иначе, чем *лично*, и станет совершенно ясно, *каким образом* эти господа при первом небольшом успехе думают уже, что достигли цели, хотят делить шкуру еще неубитого медведя и затевают из-за этого ссоры.

Впрочем, брошюры и статьи Геда—самое лучшее из того, что появилось на французском языке, а к тому же он один из лучших ораторов в Париже, и мы всегда находили его откровенным и правдивым.

А теперь о нас. Мы, т.-е. Маркс и я, не состоим даже в переписке с Гедом. Мы писали только по определенным деловым поводам. О том, что Лаф[арг] пишет Г[еду], нам известно только в общих чертах, а из того, что Г[ед] пишет Лаф[аргу], мы также далеко не все читали. Они писали друг другу о разных планах, о которых нам абсолютно ничего неизвестно. М[аркс] от поры до времени через Л[афарга] давал Г[еду] некоторые советы, которым он едва ли когда-нибудь следовал.

Но во всяком случае Г[ед] приехал, когда речь шла о том, чтобы набросать проект программы для французской рабочей партии. И Маркс

тут же, в моем и Лаф[арга] присутствии, в моей комнате продиктовал ему следующие пункты (Considérants): рабочий свободен лишь тогда, когда он является владельцем своих средств производства—это может иметь место в индивидуальной или коллективной форме—индивидуальная форма владения с каждым днем все более вытесняется экономическим развитием, остается, следовательно, только форма коллективного владения и т. д.— редкий шедевр, в немногих чеканных словах дающий убедительную для масс аргументацию, поражающий даже в этой сжатой форме. Затем обсуждалось остальное содержание программы. Мы кое-что внесли, кое-что выбросили, но как мало Г[ед] был подголоском М[аркса], видно из того, что он настоял на внесении своего вздора о минимуме заработной платы, и так как не мы, а французы были за это ответственны, то мы, наконец, уступили ему, хотя он и признавал всю теоретическую нелепость этого.

Тогда Брусс находился в Лондоне и охотно присутствовал бы при этом, но у Г[еда] было очень мало времени, и он не без основания ожидал от Бр[усса] длинных дебатов о непонятых анархистских формах выражения. Поэтому он настоял на том, чтобы Бр[усс] не участвовал в этом заседании. C'était son affaire, но Бр[усс] никогда не мог ему этого простить, и с этого времени началась его агитация против Г[еда].

Эту программу после того обсуждали французы, а затем она с некоторыми изменениями, в том числе внесенными и Малоном, но ни в коем случае не с поправками, была принята.

Затем я написал еще 2 статьи в Egal[ité] (серия вторая): «Le socialisme de M. Bismarck» и это, насколько мне известно, все наше активное участие во французском движении.

Но что особенно злит мелочных ворчунов, которые ничего из себя не представляют, но хотели бы быть всем, это следующее: своими теоретическими и практическими трудами Маркс завоевал себе такое положение, что лучшие люди рабочего движения в различных странах питают к нему полное доверие. Они обращаются к нему в *решительные моменты* за советами и обыкновенно находят, что его советы были самыми лучшими. Такое положение он занимает в Германии, во Франции, в России, не говоря уже о меньших странах. Таким образом, не М[аркс] навязывает этим людям свое мнение и еще менее свою волю, но эти люди сами обращаются к нему. И именно на этом покоится особенное, чрезвычайно важное для движения влияние М[аркса]. Малон также хотел приехать, но хотел получить через Лаф[арга] специальное приглашение от Маркса, которого он, конечно, не получил. С ним готовы были вести переговоры, как со всяким другим, de bonne volonté, но пригласить его! Для чего? Кого же вообще приглашали таким образом?

Отношение Маркса, а затем и мое, ко всем остальным национальным движениям такое же, как и к французскому. Мы находимся с ними в контакте, поскольку они этого заслуживают и представляется к этому случай, но каждая попытка влиять на них против их воли только повредила бы нам, уничтожила бы старое доверие из времен Интернационала. И к тому же у нас слишком большой опыт in revolutionaribus rebus.

Вот еще два факта:

1) Разве не Гед, а вместе с ним и Лаф[арг] составили Малону в Egal[ité] совершенно незаслуженную репутацию, так сказать, легенду, и только потому, что Гед, как писатель, *совершенно* по-французски думал, что ему необходимо иметь при себе *рабочего*;

2) и это я уполномочен Вам сообщить получателем письма: Лиссагарэ, который был председателем митинга, где Малон обвинил негодяя Луллье,

пишет: именно когда должен был начаться митинг, Лулье вызвал Малона для короткого объяснения. Малон выходит, не возвращается, пока, наконец, за ним не отправляется *комиссия* (Лисс[агарэ] был председателем комиссии и митинга) и находит его в кабаке в чрезвычайно приятной, принимающей мирный характер, беседе с объявленным им низким негодяем (и совершенно справедливо) Лулье! Если бы Малон не должен был в 9 часов уехать на конгресс в Цюрих, то грозила опасность, что примирение могло состояться. И такой человек хочет быть политическим деятелем!

Адрес Меха: J. Mexa, 36 rue du Bac, Paris.

Маркс об этом письме ничего не знает. Он уже 12 дней лежит в постели с бронхитом со всевозможными осложнениями, но с воскресенья всякая опасность, при осторожности, миновала. Я пережил большие опасения. Но теперь уже наступило улучшение, и завтра, 27 октября, мы, надеюсь, покажем миру, что мы еще живы. Сердечный привет также К[аутскому].

Ваш *Ф. Э.*

Что касается Egal[ité] то я считаю самым лучшим, чтобы эти господа совсем не основали новой газеты, пока не выяснятся больше обстоятельства внутри партии. Но если они тем не менее хотят начать, то ни мы, и никто не может им помешать, но я не вижу, как это может произойти без ссоры между Egal[ité] и Prol[étaire]. Это, конечно, не было бы большим несчастием, но все же может быть ненужной детской болезнью.

Что это за операция с К[аутским]. Надо надеяться, что он не собирается стать настоящим мальтузианцем!

6

Лондон, 30 ноября 1881 г.

Дорогой господин Бернштейн!

Если какое-нибудь внешнее событие до некоторой степени подняло настроение М[аркса], то это были выборы. Так великолепно не вел себя еще ни один пролетариат. В Англии после величайшей неудачи 1848 г. он впадает в апатию и в конечном счете подчиняется буржуазной эксплоатации, при чем лишь трэд-юнионы продолжали борьбу за более высокую заработную плату. Во Франции пролетариат сходит со сцены после 2 декабря. В Германии, после 3 лет неслыханных преследований, никогда не прекращающегося давления, полной невозможности открытой организации и даже сношений, наши молодцы не только сохранили прежние силы, но еще укрепились и усилились, главным образом, в одном отношении: центр тяжести движения перенесен из саксонских полусельских округов в *большие промышленные города*.

Масса наших товарищей в Саксонии состоит из ручных ткачей, которые обречены на гибель, благодаря введению парового станка, и продолжают еще существовать, получая голодную заработную плату и имея побочные занятия (огородничество, вырезывание из дерева игрушек и т. п.). Эти люди находятся в экономически отсталом состоянии, являются представителями исчезающей ступени производства. Они, следовательно, далеко не в такой степени прирожденные представители революционного социализма, как рабочие крупной промышленности. Они, поэтому, реакционны не от природы (какими стали, в конце концов, здесь остатки ручных ткачей, основа «Conservative Workingmen»), но на них нельзя полагаться, главным

образом, вследствие их крайне бедственного положения, в силу которого они не в состоянии оказывать такого сопротивления, как горожане, а также вследствие их разбросанности, благодаря которой их легче поработить политически, чем жителей больших городов. По приводимым в С[оциал]-Д[емократе] фактам приходится еще в самом деле удивляться героизму, с которым эти несчастные сохранились в таком количестве.

Но настоящей основой большого национального движения они не могут служить. Их бедность делает их, при известных обстоятельствах, более восприимчивыми к социализму, чем жителей больших городов, но та же самая бедность делает их также менее надежными. Утопающий хватается за соломинку и не может ждать, пока отплывет от берега лодка, которая должна принести им спасение. Лодка, это—социальная революция, соломинка, это—покровительственные пошлины и государственный социализм. Характерно, что там, в наших старых округах, шансы против нас имели почти только исключительно консерваторы. И если тогда Кайзер мог наделать такую чепуху по поводу протекционизма, а остальные не осмелились в достаточной мере выступить против, то от чего это зависело, как не от самих избирателей, в особенности самого Кайзера!—как пишет мне об этом сам Бебель.

Теперь все изменилось. Берлин, Гамбург, Бреславль, Лейпциг, Дрезден, Майнц, Оффенбах, Бремен, Эльберфельд, Золинген, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне, Ганау, *рядом* с Хемницем и округами Рудных гор дают совершенно другую опору. По своему экономическому положению революционный класс стал основой движения. При этом движение распространилось равномерно по всей промышленной части Германии, только теперь оно из ограниченного несколькими местными центрами превратилось в национальное. А это больше всего пугает буржуа.

Что касается избранных [в рейхстаг], то будем ожидать от них самого лучшего, хотя мне это очень трудно по отношению к некоторым. Но было бы несчастьем, если бы Бебель не попал. Он один своим верным тактом в состоянии сдерживать новые элементы, наверное уже носящиеся со всякого рода новыми планами, и предохранить их от посрамления.

Что касается французов, то лучше всего было бы теперь совершенно оставить в покое господ Малона и Брусса и подождать, что они сделают. Но до этого едва ли дойдет. Egalité появится на днях, Брусс, как и до сих пор, будет клеветать в тиши, будет нападать в Prol[étaire], не называя имен, а другие проявят нетерпение и попадутся на удочку: сперва при нападении назовут имена, а затем назовут их нарушителями мира, фракционерами, сеятелями раскола, новыми диктаторами. Этому нельзя помешать. Эти люди абсолютно не могут ждать, пока их противники сами не выпачкаются в грязи, они посредством полемики должны продлить их существование. Предоставленные самим себе, Малон и в особенности Брусс сами бы в течение 6 месяцев побили друг друга (вероятно, взаимно), а так это может продлиться дольше.

Конгресс в Реймсе, как почти все подобные конгрессы, годился, чтобы импонировать внешнему миру, но в сущности это шарлатанство. Из представленных «федераций» в действительности существуют только Центр, Север, Восток; другие существуют только на бумаге. Алжирская избрала своим делегатом *буржуа* Анри Маре (*радикальный депутат*)!! Это показывает, какие союзники были у Малона. Гед требовал, чтобы в Национальном комитете были представлены только действительно организованные федерации, но это было отвергнуто. В официальном отчете Prol[étaire] это было извращено, т.-е. скрыто.

Половина делегатов конгресса и национального комитета, таким образом, *ничего* не представляют, в лучшем случае это—музыка будущего. Поспешность, с которой объявили присвоенный себе Мал [оном] и Бр [уссом] Prol [étaire] официальным органом, произошла только от того, что этим уже заранее хотели повредить имевшей появиться Egalité. Все организационные решения, как обычно, приняты не на основании внутренней целесообразности, но по фракционным соображениям.

Для характеристики марксофобии Малона служит тот факт, что прошедшей весной, когда Лафарг был в Париже, он просил его постараться получить *предисловие Маркса* для нового издания его Histoire du socialisme. Л [афарг] высмеял его, конечно, и сказал, что он видно плохо знает Маркса, если считает его способным пойти на подобный обман.

Дж. Гоуэлль (Howell)—благополучно провалившийся в Стаффорде «рабочий кандидат» из здешних политиканствующих [politicanti] экс-рабочих—безусловно самый большой негодяй. До самого последнего времени он был секретарем парламентской комиссии трэд-юнионов (платная должность, конечно), и при этом у него были недочеты в кассе, которые с трудом можно было замять, но все же он был изгнан.

Об истории с поляками я на этих днях напишу К [арлу] К [аутскому] фон-Кезбургу. Кланяйтесь ему сердечно.

М [аркс] все еще очень слаб, не должен выходить, не должен серьезно заниматься, но заметно поправляется. Жена его становится все слабее.

Сердечно кланяюсь. Ваш *Ф. Э.*

7

Лондон, 6 января 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

Пишу Вам сегодня второпях, чтобы разъяснить Вам некоторые странные выражения, встречающиеся в последнем номере Egalité по поводу С [оциал]-Д [емократа]. По своему добродушию, Гед пригласил для немецкого отдела газеты известного смертельного врага всего «цюрихского». Этот последний не мог удержаться, чтобы таким образом не выразить своего неудовольствия по поводу того, что С.-Д. существует, а Lanterne не существует. Сделайте одолжение нам и делу и не обращайте на это внимания. Если это повторится, мы быстро положим этому конец. Мы, наоборот, радовались, что С.-Д. тотчас же сделал господам депутатам упрек в трусости и потребовал определенного решения, от которого некоторые, при отсутствии Бебеля, наверное бы уклонились.

Впрочем сотрудникам Egalité больше везло, чем они au fond заслуживают этого. Малон и Брусс ужасно оскандалились, когда они при кандидатуре Жоффрена выставили смягченную программу, вопреки решению Реймсского конгресса, и просто скрыли неприятный им пункт, поставленный в Реймсе на обсуждение (Egalité № 4, p. 7, Paris). Этим они дали Egalité юридическое основание, которое при данных условиях по тактическим соображениям было необходимо—не Гед и К°, а Малон и К° являются действительными «заправилами», стремящимися к диктатуре, и так как борьба теперь стала открытой, то наши симпатии, конечно, на стороне Геда и его друзей. Кроме того, Egalité, как всегда, бесконечно выше Prolétaire по содержанию. Малон и и Брусс опять действуют, как настоящие бакунисты; они упрекают других в диктаторских замашках, сами же при кажущемся уважении к «автономии» властвуют, не считаясь с партийными решениями.

М[аркс]—в Вентноре на острове Уайте, но пишет, что там очень скверная погода, хуже, чем у нас. Но она вероятно скоро изменится, во всяком случае опасность повторного приступа теперь почти совершенно устранена. Поспешность, с которой буржуазная печать распространила известие о его близкой смерти, принесла ему пользу; «теперь я должен на зло проклятым собакам как раз долго жить».

Каутский должен потерпеть еще несколько дней, Шорлеммер здесь, а при нем можно еще, пожалуй, немножко заниматься только естественными науками, к тому же приходится много бегать. Это кончится только на следующей неделе. Тогда я напишу ему о поляках, если буду иметь время (wo ja auch Zeit haben), как говорит Ш[орлеммер] как дармштадтец.

Сердечный привет ему и Вам от Вашего *Фр. Энгельса.*

8

Лондон, 25 января 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

Только сегодня я могу ответить на Ваше письмо от 12. М[аркс] вернулся со своей младшей дочерью с острова Уайта, оба значительно поправились. М[аркс] достаточно окреп и вчера гулял со мною 2 часа без перерыва. Так как он еще не работает, и Лафарги часто приходят перед обедом (id ist 5 Uhr), при чем раскупоривается хорошее пильзенское пиво, то дневные часы у меня по большей части пропадают, а при вечернем освещении я неохотно пишу с тех пор, как 3 года тому назад у меня в левом глазу сделалось пятно (хронический конъюнктивит).

Так как я теперь как раз нахожусь у М[аркса], то Вы, пожалуйста, поблагодарите Г[ехберга] от имени М[аркса] за его любезное предложение; М[аркс], вероятно, и не будет в таком положении, чтобы воспользоваться им; единственное, что решено о его поездке на юг, это, что он *не* поедет на Ривьеру и вообще в Италию, и главным образом просто по полицейским причинам. Первым условием для выздоравливающих является избегать полицейских крючков, а Италия в этом отношении дает нам меньше всего гарантий, конечно, после империи Бисмарка.

Сообщения о том, что происходит среди «вожаков» в Германии, нас очень заинтересовали. Я никогда не скрывал, что, по моему мнению, массы в Германии гораздо лучше господ вожаков, в особенности с тех пор, как партия посредством печати и агитации стала дойной коровой, которая снабжала их маслом. И вдруг Бисмарк и буржуазия внезапно зарезали эту корову. 1000 человек, которые были сразу этим разорены, имели личное несчастье очутиться не прямо в революционном положении, т.-е. попасть в изгнание. В противном случае многие из тех, которые теперь бедствуют, перешли бы в мостовский лагерь, или же находили бы С.-Д. слишком уступчивым. Эти господа по большей части остались в Германии, вынуждены были так поступить, попали в довольно реакционные места, были социально деградированы, существование их зависело от филистеров, и по большей части сами поддались филистерству. Для них все надежды были связаны с отменой закона против социалистов. Поэтому нет ничего удивительного, что под давлением филистерства у них зародилась нелепая мечта, что этого можно достигнуть уступчивостью. Германия—ужасно подлая страна для людей, которые не обладают достаточной силой воли. Узость и мелочность гражданских и политических условий, провинциализм даже

больших городов, мелкие, но постоянно накопляющиеся придирки в борьбе с полицией и бюрократией—все это утомляет, вместо того, чтобы побуждать к сопротивлению, и таким образом многие в «большой детской» сами впадают в детство. Мелочные условия создают мелочные взгляды: требуется много ума и энергии, чтобы, живя в Германии, быть в состоянии видеть впереди великую связь мировых событий и не впасть в ту самодовольную «объективность», которая не видит дальше своего носа, и именно потому является самой ограниченной субъективностью, даже если она разделяется тысячами подобных субъектов.

Но насколько естественно возникновение этого направления, прикрывающего отсутствие у себя понимания и силы сопротивления «объективным» умничанием (Superklugheit), настолько решительнее следует с ним бороться. И здесь рабочие массы сами оказывают самую лучшую поддержку. Они сами живут в Германии в почти современных условиях, все их маленькие и большие несчастия имеют своим источником гнет *капитала*, и в то время, как всякая другая борьба в Германии, как социальная, так и политическая, мелочна и недостойна и вертится вокруг мелочей, которые в других местах давно уже устранены, их борьба является единственно величественной, единственной, которая стоит на высоте своей эпохи, единственной, которая не утомляет борцов, но придает им все новую энергию. Чем больше Вы, таким образом, будете находить своих корреспондентов среди действительных рабочих, а не среди ставших «вожаками», тем больше у Вас будет шансов иметь противовес этому ужасному вою вожаков.

Что в рейхстаг попадут всякие странные люди, на этот раз было неизбежно. Тем более досадно, что Бебель не избран. Он один обладает ясным умом, политическим кругозором и достаточной энергией, чтобы помешать глупостям.

Не могли ли бы Вы пересылать нам на 8—14 дней *после их использования* стенографические отчеты дебатов, в которых наши депутаты принимают серьезное участие? Я ручаюсь за их обратную пересылку. На газетные отчеты абсолютно нельзя полагаться, это мы часто видели, и мы не могли бы заставить никого, даже и Либкнехта, посылать нам речи, заслуживающие порицания.

31 января. Меня опять прервали. Между прочим, маленький Гепнер был здесь, на пути в Америку; он оказался банкротом как по отношению к содержанию кошелька, так и сердца. Это во всех отношениях несчастный человечек, автор благонамеренной брошюры о принудительном исполнении приговора, вексельном праве, еврейском вопросе и почтовой реформе, бесцветный, бесцветный, бесцветный; старое еврейское остроумие, которым он обладал 10 лет тому назад, совершенно исчезло у него; я чуть не посоветовал ему креститься. Но он дал мне случай получить разъяснения по поводу новых законов о судопроизводстве. Это нечто архиподлое. Все безобразия прусского земского права, соединенные вместе со всеми безобразиями кодекса Наполеона, без его хороших сторон. Судья везде решает свободно, не связан ничем, кроме дисциплинарного закона, который в политических случаях даст ему и уже дает «свободное усмотрение». Судья при этом необходимо становится в общенемецкой среде чиновником исполнительной власти и исполнителем воли полиции. Впрочем, рассказывают (острота идет от Виндгорста), что Леонгардт на своем смертном одре сказал: теперь я отомстил пруссакам, я создал им такое судопроизводство, которое должно их погубить.

Бюркли со своими ипотечными бумагами, приносящими проценты и долженствующими представлять деньги, еще архаичнее архипутанного

старогегельянца, поляка Цешковского. Подобные планы составлялись уже для облагодетельствования мира во время основания Английского Банка. Так как в I томе «Капитала» вообще нет еще речи о кредите (не считая простых долговых отношений), то кредитные деньги *могут* здесь рассматриваться самое большее в их простейшей форме (денежных знаков и т. д.) и в отношении их подчиненных денежных функций, но не в виде *приносящих проценты* кредитных денег. Б[юркли] поэтому прав, когда он говорит Шр[амму]: все эти места из Капитала не подходят к моим специальным бумажным деньгам; а Шр[амм] прав, когда он доказывает Б[юркли] на основании Капитала, что тот вообще не имеет ни малейшего представления о характере и функции денег. Но этим прямо еще не разрешается нелепость денежного предложения Бюркли; для этого, кроме общего указания, что эти деньги не в состоянии выполнить самые существенные функции денег, необходимы еще специальные указания относительно тех функций, которые на самом деле могут выполнять такие бумаги. К тому же, когда Б[юркли] говорит: какое мне дело до Маркса?—я придерживаюсь Цешковского, то отпадают все доводы Шр[амма] против Бюркли. Счастье, что С.-Д. не вмешивался во все это дело. Вся эта агитация замолкнет сама собой.

Что кризисы являются одним из сильнейших рычагов политических переворотов, уже было указано в Ком. Манифесте и развито в Обозрении Н. Рейнской Газеты до 1848 г. включ., но, вместе с тем, там же указано, что вновь наступающее благоденствие разбивает также революции и влечет за собой победу реакции. Более детальное исследование при этом должно принимать во внимание и промежуточные кризисы, которые отчасти имеют более местный, отчасти более специальный характер; такой промежуточный кризис, объясняющийся чисто биржевой спекуляцией, мы переживаем в данный момент; до 1847 г. они были правильными промежуточными членами, так что в моем «Положении Рабоч. Класса» цикл является еще пятилетним.

Во Франции с обеих сторон сделаны были грубые ошибки; в конце концов, однако, Малон и Брусс со своим нетерпением довести дело до кризиса и исключить Egalité (на что Union Fédérative не имеет никакого права) поступили настолько неправильно, что им от этого не поздоровится. Для таких тертых калачей, как М[алон] и Б[русс], такое неблагоразумие было бы непонятно, но дело не терпит отлагательства. Prolétaire как раз доживает последние дни, а если он погибнет, то у них не будет газеты, а у их противников будут две. Поэтому дело должно было быть решено еще до тех пор, пока у них имеется газета для распространения решений. Низости и простые небылицы, которые они теперь распространяют против Г[еда], Л[афарга] и др., в особенности дело Жоффрена, которое сделал не он, но Б[русс] и М[алон],—совершенно в стиле старого бакунистского альянса и вызывает у нас старые воспоминания. С.-Д. вполне прав, что совершенно не вмешивается до тех пор, пока дело не станет вполне ясно; я не думаю, чтобы это продолжалось долго.

Я хотел еще написать Каутскому о поляках, но сегодня уже должен это отложить. Сердечно кланяюсь.

Ваш *Ф. Э.*

9

Лондон, 22 февраля 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

Я немедленно отвечаю на Ваше письмо 1) потому, что панславистская история становится все более настоятельной и 2) потому, что теперь,

после отъезда Маркса, я опять должен серьезно приняться за работу и не буду иметь больше времени для таких длинных рассуждений.

Стенограммы сегодня отправляются обратно. Очень Вам благодарен. По большей части совершенно бесцветно, но я уже доволен, если не последует действительной компрометации и отказа от принципов. За дальнейшие присылки от поры до времени я буду Вам всегда очень обязан. Исправление крупных ошибок в саксонском ландтаге очень меня обрадовало. Я думаю, что С.-Д. может быть вполне доволен успехом своего выступления. Для Блоса подписание заявления должно было быть очень горькой пилюлей. Меня очень радует увеличение числа абонентов до 4000 с лишним и регулярное распространение в Германии, вопреки полиции и т. д. Это— *неслыханный* успех *запрещенной* немецкой газеты. Газеты, выходившие до 48 г., легче попадали [в Германию], потому что их поддерживали буржуа и книготорговцы, но подписные деньги никогда не получались. Но в данном случае *платят* рабочие, и это доказывает их дисциплину и насколько вся жизнь их связана с движением. Я не боюсь за наших немецких товарищей, когда дело станет серьезным. Они великолепно выдержат всякое испытание. Но не они оказываются филистерами, таковыми являются только господа вожаки, которые с самого начала подталкиваются массами, вместо того, чтобы самим подталкивать массы.

Что мое письмо Вас не разубедило, потому что вы уже питаете симпатии к «угнетенным» южным славянам, вполне понятно. Все мы первоначально, поскольку мы сперва прошли через либерализм или радикализм, принесли с собой эти симпатии ко всем «угнетенным» национальностям, и я знаю, сколько стоило мне времени и научного труда окончательно освободиться от них.

Но я все же должен просить не приписывать мне мнений, которых я никогда не высказывал. Проводившиеся в течение многих лет в Аугсбургской Всеобщей Газете австрийские канцелярские аргументы не касаются меня. То, что в них было верного, устарело, а то, что не устарело, неверно. У меня нет решительно никакого основания сердиться по поводу центробежного движения в Австрии. «Буфер против России» становится излишним с того момента, когда начнется революция в России, т.-е. когда соберется какое-нибудь представительное собрание. С того момента Россия будет занята внутренними делами, панславизм исчезнет, начнется распадение государства. Панславизм есть только искусственный продукт «образованных сословий», городов и университетов, армии и чиновников; страна ничего об этом не знает, и даже земельное дворянство находится в таких стесненных обстоятельствах, что проклинает всякую войну. Австрия с 1815—1859 г. в самом деле *была* буфером против России, как бы ни была труслива и глупа ее политика. Теперь, накануне революции в России, еще раз дать ей возможность стать «буфером» против России— значило бы дать Австрии новую передышку, новое историческое оправдание ее существования, отсрочить безусловно предстоящее ей разложение. Это опять таки ирония истории, если Австрия, предоставляя славянам господство, сама подчеркивает, что перестало существовать ее единственное право на существование до сих пор. Война с Россией, впрочем, в 24 часа положила бы конец господству славян в Австрии.

Вы говорите, что если славянские народы (всегда за исключением поляков!) не будут иметь больше основания видеть в России свою единственную освободительницу, то это нанесет смертельный удар панславизму. Это легко сказать, и это кажется правдоподобным. Но, во-первых, опасность панславизма, поскольку она существует, находится не на периферии, но

в центре, не на Балканах, а в 80 миллионах рабов, из которых царизм берет свою армию и свои финансы. Сюда, следовательно, надо подводить рычаг, и он сюда подведен. Должна ли война опять сдвинуть его?

Во-вторых, я не хочу разбираться, как это произошло, что мелкие славянские народы видят в царе их единственного освободителя. Довольно того, что это так; мы не можем этого изменить, это так и останется до тех пор, пока не падет царизм; если будет война, то эти заинтересованные мелкие нации все будут на стороне царизма, врага всего гражданski развитого Запада. Пока дело обстоит таким образом, я не могу интересоваться их *непосредственным* немедленным освобождением, они остаются нашими прямыми врагами, так же, как и их союзник и покровитель царь.

Мы должны работать над освобождением западно-европейского пролетариата и этой цели должны подчинить все остальное. И как бы ни были интересны балканские славяне и т. д., но если их стремление к освобождению приходит в столкновение с интересами пролетариата, тогда я мало ими интересуюсь. Эльзасцы также угнетены, и я буду рад, когда мы опять от них избавимся. Но если бы они накануне видимо надвигающейся революции провоцировали войну между Францией и Германией, натравили бы друг на друга эти два народа и этим отложили бы революцию, то я бы сказал: Остановитесь! Вы можете иметь столько же терпения, сколько европейский пролетариат. Когда он освободится, тогда и вы сами собой будете свободны, но до тех пор мы не потерпим, чтобы вы стали поперек дороги борющемуся пролетариату. То же самое относится и к славянам. Победа пролетариата действительно и необходимо освободит их, а не только для видимости и временно, как царь. Поэтому вы, которые до сих пор не только ничего не сделали для Европы и ее развития, но были только тормозом ее,—вы должны иметь, по крайней мере, столько терпения, сколько наши пролетарии. Ради нескольких герцеговинцев затеять мировую войну, которая будет стоить в 1000 раз больше людей, чем живет во всей Герцеговине, это не согласно с моим взглядом на политику пролетариата.

А как «освобождает» царь? Спросите малороссийских крестьян, которых Екатерина сперва также освободила от «польского гнета» (предлог: религия), просто, чтобы их затем аннектировать. К чему сводится все русское панславистское шарлатанство? К взятию Константинополя—вот и все. Только это сильно подействовало бы на религиозные традиции русского крестьянина, вдохновило бы его на защиту священного Царьграда и дало бы царизму новую передышку А если бы русские уже завладели Константинополем, тогда прощай независимость и свобода Болгарии и Сербии, — братушки скоро почувствовали бы, насколько лучше им было даже под турецким игом. Надо обладать колоссальной наивностью братушек, чтобы верить, что царь желает их пользы, а не своей собственной.

Вы говорите, что Великая Сербия может быть таким же хорошим буфером против России, как и Австрия. Я уже сказал, что я не придаю никакого значения всей теории «буферов», если в России приобретет силу революционное движение. Точно так же я с удовольствием жду разложения Австрии. Но тут мы подходим к *качеству* тех народцев, которое нужно взвешивать при наших симпатиях.

Великая Сербия через 2—4 поколения и после всеобщих европейских переворотов вполне возможна, но теперь, в период формирования ее элементов, безусловно невозможна.

1) У сербов мы находим 3 религии (цифры взяты из Šafarik, Slovanský Narodopis за 1849 г.): греческую—2.800.000; католическую, включая так называемых кроатов, говорящих по сербски — 2.664.000, без кроатов —

1.884.000; магометанскую — 550.000. Но у этих людей религия играет бо́льшую роль, чем национальность, и каждая религия *хочет* господствовать. Пока здесь нет прогресса просвещения, делающего возможным, по крайней мере, терпимость, Великая Сербия означает только гражданскую войну (см. при этом Standard).

2) Страна имеет три политических центра: Белград, Черногорию, Аграм. Ни черногорцы, ни кроаты не желают подчиниться господству Белграда. Наоборот. Черногорцы и их друзья, первобытные народы в Кривоше и Герцеговине, будут так же точно защищать свою «независимость» против Белграда и всякого другого центрального правительства, сербского или другого, как против турок и австрийцев. Эта независимость заключается в том, что они, чтобы доказать свою ненависть к угнетателям, похищают у своих «угнетенных» сербских земляков скот и другое движимое имущество, как они делали это в продолжение 1000 лет, а кто нападает на это право грабежа, нападает на их независимость. Я достаточно авторитарен, чтобы считать существование таких первобытных народцев в Европе анахронизмом. И если бы эти народцы стояли даже так высоко, как восхваляемые Вальтер Скоттом горные шотландцы, которые также были злейшими похитителями скота, то самое большее, что мы могли бы сделать, это—осудить отношение к ним современного общества. Если бы мы были у власти, и мы должны были бы положить конец этим наследственным Ринальдо Ринальдини и Шиндерганнесу и его молодцам. И так должно было бы также поступить великосербское правительство. Таким образом, и здесь Великая Сербия означает возобновление борьбы, которую ведут теперь герцеговинцы, т.-е. гражданскую войну со всеми горными странами Черногории, Катарро, Герцеговины.

Великая Сербия, таким образом, при ближайшем рассмотрении, вовсе не является такой простой и вполне понятной, какой хотят нам ее представить панслависты и либералы.

Но питайте сколько угодно симпатии к этим первобытным народцам,— известный поэтический талант они, конечно, имеют, создают даже еще народные песни совершенно в стиле старосербских (а эти очень красивы); я пришлю Вам даже статью из Standard для доказательства. Но они все же являются пособниками царизма, а в эту политику не входят поэтические симпатии. И если из восстания этих господ грозит разгореться мировая война, которая испортит нам все наше революционное положение, то они и их право на похищение должны без всякой пощады быть принесены в жертву интересам европейского пролетариата.

Впрочем, Великая Сербия, поскольку она бы образовалась, была бы только увеличенным княжеством Сербия. А что сделала последняя? Создала бюрократию, по австрийскому образцу, из учившихся на Западе, главным образом в Вене, белградцев и горожан, которые ничего не знают об условиях общинной собственности крестьян, составляют законы по австрийскому образцу, которые совершенно не считаются с этими условиями, так что крестьяне массами беднеют и экспроприируются, между тем как во времена турок у них было *полное самоуправление*, они богатели и платили гораздо меньше налогов.

Болгары сами себя характеризуют в своих народных песнях, недавно собранных одним французом и появившихся в Париже. Там огонь играет большую роль. Дом горит, молодая женщина погибает в огне, потому что ее муж вместо того, чтобы спасти ее, спасает свою черную кобылу. В другой песне молодая женщина спасает свои украшения, и из-за этого ее ребенок погибает в пламени. Если, в виде исключения, мы встречаем благородный

мужественный поступок, то каждый раз его совершает *турок*. Где еще во всем мире можно найти такой свинский народ?

Если, впрочем, Вы посмотрите на хорошую карту распределения языков в этой местности (напр. Шафарика в вышеупомянутой книге, или Кипера в «Австр. и в Нижнедунайских странах», 1867), то Вы найдете, что дело освобождения этих балканских славян вовсе не так просто и что, за исключением сербской области, вся местность усеяна турецкими колониями и окаймлена греческими берегами, не говоря уже о том, что Салоники— испанский, еврейский город. Во всяком случае, честные болгары быстро теперь очищают Болгарию и Восточную Румелию от турок, убивая их и сжигая их дома. Если бы турки были более опытны и предоставили им больше самоуправления и меньше налогов, чем они имеют теперь, то исчез бы весь болгарский вопрос.

Что касается войны, то мне кажется, что у Вас le coeur un peu trop léger [Вы слишком легко к этому относитесь]. Если дело дойдет до войны, то Бисмарк легко повернет дело так, что Россия окажется нападающей стороной; он может ждать, а русские панслависты *не* могут. Но если Германия и Австрия будут заняты на Востоке, то надо слишком мало знать французов и в особенности парижан, чтобы не предвидеть, что сейчас же поднимется шовинистическое требование реванша, пред которым должно будет замолкнуть безусловно мирное большинство народа; что оно дойдет до того, что здесь Франция явится наступающей стороной, и что господствующий шовинизм очень скоро станет предъявлять требования на левый берег Рейна. Что при этом Германии придется вести борьбу за существование и при этом там патриотический шовинизм опять возьмет верх, для меня очевидно; таким образом, все перспективы против нас. Но раз уже война будет вестись, исход такой европейской войны, первой со времени 1813—15 г.г., может быть совершенно неожиданным, и я ни в коем случае не хотел бы ее возникновения. Если она наступит, то уж ничего нельзя будет изменить.

Но возьмем теперь другую сторону. В Германии положение таково, что оно с возрастающей быстротою приближает нас к революции, и в скором времени наша партия должна выдвинуться на первый план. Нам самим для этого ничего не нужно делать, а мы должны только предоставить нашим противникам работать за нас. При этом предстоит новая эра с новым, либеральничающим, в высшей степени нерешительным и колеблющимся императором, который совершенно напоминает Людовика XVI. Чего нам не достает, это только своевременного внешнего толчка. А таковым является положение России, где начало революции есть вопрос месяцев. Наши товарищи в России почти что взяли в плен царя, дезорганизовали правительство, разрушили народные традиции. И крушение должно в ближайшее время последовать и без нового большого удара, и оно будет продолжаться годы, как 1789—94; таким образом, будет достаточно времени для воздействия на Запад и в особенности на Германию, так что движение постепенно будет расти, а не как в 1848 г., когда реакция уже 20 марта начала укрепляться во всей Европе. Одним словом, теперь такое прекрасное революционное положение, какого никогда еще не бывало. Только одно может его испортить, сам Скобелев это сказал в Париже: только внешняя война может вытащить Россию из болота, в которое она погружается. Эта война исправит все то, что сделали царизму наши товарищи, жертвуя своей жизнью. Во всяком случае, этого было бы достаточно, чтоб уничтожить пленение царя, предоставить социалистов-революционеров общей народной ярости лишить их поддержки либералов, которой они теперь пользуются;

тогда все жертвы оказались бы напрасными. Все пришлось бы опять начинать сначала, при более неблагоприятных условиях. Но такие обстоятельства редко повторяются, и в Германии Вы также можете вполне рассчитывать, что либо наши товарищи будут петь в тон патриотическому вою, либо вызовут против себя такой взрыв ярости, в сравнении с которой проявившаяся после покушений покажется детской игрушкой; в таком случае Бисмарк совершенно иначе ответил бы на последние выборы, чем, как он это сделал в свое время, издав только закон против социалистов.

Если будет мир, это окажет давление на русских панславистов, и они тотчас же должны будут отступить. Тогда самое большее, что может сделать царь, это—попытаться пойти вместе со старыми обанкротившимися бюрократами и генералами, которые уже потерпели крушение. Это может продолжаться максимум несколько месяцев, и тогда не останется другого исхода, как призвать либералов,—т.-е. созвать какое-нибудь Национальное Собрание, а это, насколько я знаю Россию, есть революция à la 1789 г. И чтобы я при этом желал войны? Конечно, нет, если бы даже при этом погибло 200 благородных разбойничьих народов.

Но довольно об этом. Вернемся к Бюркли. Я не читал его брошюры и куда то ее сунул, но я постараюсь ее найти у себя или у М[аркса]. Я поэтому не могу определенно сказать, чего он хочет. (25 февр.). Я только-что перерыл у Маркса всю квартиру и не нахожу ее. Такие специальные вопросы при нашем разделении труда находятся в ведении М[аркса], и из-за болезни мы не могли обсуждать этого казуса.

Я допускаю, что Б[юркли] разрешает каждому цюрихскому землевладельцу взять на свою землю ипотеку и что эта облигация может циркулировать, как деньги. Тогда масса обращающихся денег согласуется с суммой стоимости упомянутой земельной собственности, а не с гораздо меньшей суммой, достаточной для обращения. Таким образом уже теперь:

1) или облигации не выкупаются и тогда они обесцениваются по развитому у М[аркса] закону;

2) или они выкупаются, и тогда часть, излишняя для обращения, опять направляется в банк для выкупа и не перестает быть деньгами, при чем банк, конечно, должен откладывать капитал.

Но суррогат денег, приносящий проценты, следовательно, ежедневно меняющий свою стоимость, уже в силу этого своего свойства, не годится, как средство обращения; следует условиться сперва не только относительно цены товара в действительных деньгах, но и относительно цены бумаг. Цюрихцы оказались бы более плохими дельцами, чем я их на основании своего опыта считаю, если бы они при выкупе облигаций тотчас же не отправляли их в банк для учета и опять не употребляли только старых, удобных, не приносящих процентов, денег. Тогда у кантонального банка его собственный капитал и все, что он может сколотить, принимает форму ипотек, и он станет перед задачей, откуда ему брать новый оборотный капитал.

Но если они не выкупаются, они просто перестают быть деньгами. Получают металлические или хорошие бумажные деньги из-за границы, которая, к счастью, еще немного больше Цюрихского кантона, и употребляют их, так как никто не возьмет этих никуда негодных облигаций вместо денег, которые, как Вы правильно заметили, тогда представляют не что иное, как прусские закладные листы. Если правительство настаивает на том, чтобы заставлять публику принимать их вместо денег, то его ожидают большие сюрпризы.

Это между нами; прошу Вас не пользоваться этим от моего имени, так как я не читал брошюрки и не имел времени прочесть классическую экономическую литературу по этому вопросу; критиковать же такие вещи просто, наобум, нельзя с уверенностью. Во всяком случае, это—вздор.

М[аркс] в понедельник утром приехал в Алжир, куда я и врачи всегда хотели его отправить, но ему этого не хотелось. У него там есть знакомый судья в гражданском суде, прежний изгнанник при Бонапарте, который хорошо изучил отношения общинной собственности у арабов и теперь предложил давать ему разъяснения по этому вопросу.

Сердечный привет также и Каутскому.

Ваш *Ф. Э.*

10

Лондон, 10 марта 1882 г.

Дорогой господин Бернштейн!

Я воспользовался свободным послеобеденным временем, чтобы написать Вам. Что касается девы Марии-Изиды, то это подробность, в которую я не могу вдаваться уже из-за недостатка места; культ Марии, как и вообще культ святых, относится к более позднему периоду, нежели тот, который я рассматриваю,—к такому периоду, когда попы из расчета воспроизводили в лице святых их богов-покровителей для политеистического крестьянства; к тому же этот вывод следовало бы еще *доказать* исторически, для чего необходимо специальное изучение. То же самое относится к сиянию (gloria) и лунному сиянию. Впрочем, культ Изиды во времена Римской Империи был частью государственной религии.

Биметаллизм. Самое важное, это то, что мы должны — особенно после ужасного бахвальства многих «вожаков» об экономическом преимуществе нашей партии перед буржуазными, в чем эти самые господа совершенно неповинны — остерегаться тех экономических ошибок, которые бесцеремонно делают эти господа, когда они думают льстить этим определенной категории рабочим, или одержать победу на выборах, или достигнуть какой-нибудь другой выгоды. Так как в Саксонии добывается серебро, то думают, что следует пуститься в спекуляцию биметаллизма; чтобы из-за пары избирателей наша партия скомпрометировала себя в той области, в которой *должна* быть ее сила!

Но таковы наши господа литераторы. Совершенно как буржуазные литераторы, они считают, что им принадлежит привилегия ничего не изучать и обо всем рассуждать. Они создали нам такую литературу, которая, по экономическому невежеству, вновь испеченному утопизму и нахальству не имеет себе равной, и Бисмарк оказал нам колоссальную услугу, запретив ее.

При биметаллизме в настоящее время речь идет не столько о биметаллизме вообще, сколько о специальном биметаллизме в отношении золота к серебру, как $15\frac{1}{2}$:1. Это, следовательно, нужно различать.

Биметаллизм с каждым днем становится все более невозможным вследствие того, что отношение между стоимостью золота и серебра, которое прежде, по крайней мере хоть приблизительно, было постоянным, теперь подвергается ежедневным и сильным колебаниям, и прежде всего в том направлении, что серебро падает в цене вследствие колоссальной его добычи, в особенности в Северной Америке. Истощение золота есть измышление серебряных баронов. Но причина изменения стоимости

может быть какая угодно,—факт остается фактом, и с ним нам прежде всего надо считаться. Серебро с каждым днем все более теряет способность быть измерителем стоимости, золото же сохраняет ее.

Отношение стоимости обоих теперь приблизительно равняется 17½:1. Но сторонники серебра хотят опять навязать миру старые отношения 15½ : 1, а это так же невозможно, как невозможно надолго сохранить цену машинной пряжи и ткани равной цене ручной пряжи и ткани. Чеканка не определяет стоимости монеты, она только гарантирует получателю вес и содержание и никогда не может перенести на 15½ серебра стоимости 17½.

Все это так ясно и исчерпывающе разобрано в *Капитале*, в главе о деньгах (III глава, стр. 72—120), что об этом больше нечего сказать. (Как материал по отношению к новейшим колебаниям, сравни Soetber: Edelmetall-Produktion und Werthverhältniss etc., Gotha, Perthes, 1879.) З[етбер] первый авторитет в этой области и творец немецкой валютной реформы, он проповедывал «марку» в ⅓ талера уже до 1840 г.

Итак: если 15½ м. серебра=1 м. золота, то серебро притекает обратно в государственные кассы, каждый стремится от него освободиться. Это испытали Соед. Штаты со своими отчеканенными по старому содержанию серебряными долларами, которые стоили только 90 сентов, а также Бисмарк, когда он хотел опять насильно пустить в обращение вытесненные золотом изъятые серебряные талеры.

Президент банка Дешан воображает, что посредством биметаллизма он уплатит за границей долги Германии плохим серебром вместо полновесного золота, что, конечно, было бы очень выгодно для государственного банка, если бы только это удалось. Но из этого вытекает только то, что г. Д[ешан] сам доказывает, что он совершенно неспособен быть председателем банка и что ему скорее место на школьной скамье [1]), чем в государственном банке.

Прусские юнкеры были бы, конечно, также счастливы, если бы они могли за свои закладные, заложенные в серебре по 15½ : 1, получить 17½ : 1 в серебре или заложить их за такую же сумму. И так как это должно было бы развернуться внутри страны, то такой обман кредиторов должниками был бы возможен, если бы дворянство только нашло людей, которые дали бы ему серебро по 17½ : 1 с тем, чтобы оно могло платить по 15½ :1, так как его собственные средства не позволяют ему этой уплаты. Но они должны были бы и за свое серебро брать по 15½, и таким образом для них все осталось бы по старому.

Что касается немецкого производства серебра, то добыча из *немецкой* руды с каждым годом все более отступает на второй план в сравнении с количеством серебра, добываемого (на Рейне) из южно-американской руды. В 1876 г. общее производство в Германии составляло около 280.000 ф., из них из южно-американской руды 58.000; с тех пор доля последнего сильно повысилась.

Что низведение серебра только к роли мелкой разменной монеты еще больше понизит стоимость серебра,—очевидно; употребление серебра для других целей минимально в сравнении с употреблением его для денег и поэтому не увеличивается быстро, так как демонетизация выбрасывает на рынок больше серебра.

Нечего и думать, чтобы Англия когда-нибудь ввела биметаллизм. Ни одна страна, имеющая золотую валюту, не может теперь надолго опять

---

[1]) Игра слов: Bank—скамья и Bank—банк.

ввести биметаллизм. Всеобщий биметаллизм и без того уже вообще невозможен. Если бы все согласились, что серебро с сегодняшнего дня опять должно оцениваться в 15½ 1, то они не могли бы изменить факта, что оно стоит только 17½ 1, и против этого решительно ничего нельзя поделать. С таким же успехом можно было бы принять решение, что 2 × 2 равно пяти.

Бамбергер во время нашего первого изгнания оказал нам много услуг; он был очень порядочный и услужливый человек, был секретарем у Карла Брауншвейгского. Потом мы его потеряли из виду.

Сердечно кланяюсь. Ваш *Ф. Э.*

11

Лондон, 17 апреля 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

Когда я узнал от Лаврова, что «Предисловие» появилось в Народной Воле, я просил у него копию оригинала, но он находился в Париже в его письменном столе; он все же хотел написать. Тогда я напрасно стал искать у Маркса черновик. Наконец, я попросил Л[аврова] дать мне копию русского перевода, чтобы в крайнем случае опять самому перевести. Я опасался, что какой-нибудь русский, что и случилось, это сделает. Теперь только Л[авров] прислал мне русскую копию оригинала. Я должен, между тем, приписать это самому себе. Я хотел послать Вам открытое письмо, но у меня в доме Шорлеммер и Адольф Бейст; они очень много болтают с г-жей Лафарг (муж которой в Париже) и Тусси Маркс, и об открытом письме было забыто. Но чтобы Вы видели, что у меня не было недостатка в добром намерении, я Вам теперь его посылаю.

Поздравляю с Вашими нападками на трусость Гейзера.

Между нами: М[аркс] с 21 февраля в Алжире. Простудившись в дороге, он прибыл туда с повторным плевритом, застал там очень скверную погоду; но теперь он уже почти совершенно здоров. Неизвестно, сколько он там еще останется. С погодой определенно ему не повезло.

Сердечный привет от Вашего *Ф. Энгельса.*

12

Лондон, 21 апреля

Дорогой господин Бернштейн!

Посылаю Вам вырезку из Кельнской Газеты о «бароне Гирше». Характерно, что буржуазные газеты находят нужным заклеймить такого хвастуна. Всю статью следовало бы перепечатать, если есть место,—это составило бы блестящий фельетон, в особенности как перепечатка из Кельнской Газеты. Если вы ее не перепечатаете целиком, тогда прошу прислать мне ее обратно по миновании надобности. Прошу также при случае вернуть мне рукопись «Предисловия».

Для объяснения: Махмуд Надзин-паша, так же как и Махмуд Даметпаша (шурин султана), состоит платным русским главным агентом в Константинополе. Когда русский Поляков, хотевший получить также турецкую железнодорожную концессию, не мог ее получить, так как русские не могли в одно и то же время вести войну против Турции и ловко обделы-

вать там свои делишки, то они, конечно, сильно были заинтересованы создать для австрийца Гирша, единственного конкурента, которому к тому же покровительствовала Австрия, такие условия, чтобы Гирш, а с ним и Австрия, были скомпрометированы в Турции и чтобы Турция не получила сплошной железнодорожной сети. Каждое финансовое ослабление Турции и без того было преимуществом для России,—относительно, конечно.

Итак, Надзин делает свое дело, Гирш платит ему за то, что тот продает ему Турцию, а Россия платит ему еще раз за то, что он вообще продает Турцию. Русская дипломатия делает дела в большом стиле, не проявляя жалкой конкуренции мелкого лавочника, и поэтому может, если нельзя иначе, для видимости предоставить также и такому противнику, как Австрия, кажущуюся или минутную выгоду и, тем не менее, извлечь из нее пользу и для себя.

Сердечно кланяюсь Вам и Каутскому. Ваш *Ф. Э.*

13

Лондон, 3 мая 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

Не можете ли Вы прислать мне несколько отдельных оттисков статьи о первобытном христианстве или несколько экземпляров соответствующего № ? Мне было бы это очень желательно и полезно в интересах пропаганды; я послал бы их людям, которые вообще никогда не видели С.-Д. 3—4 экз. достаточно.

Прилагаю заметку, которая интересна как доказательство колоссальной быстроты, с которой происходит в Америке концентрация капиталов. United States Bonds, это—государственные процентные бумаги Соед. Штатов, N.-Y. C. и H. R. Stock, это—акции на земельные участки, New-York Central and Hudson River—железной дороги.

Один доллар стоит немного больше 4 марок, в среднем=4 маркам=5 франкам.

Я был очень рад видеть, что наши люди всюду поддерживают Социал-Демократ против жалких трусов.

Письмо Дарвина, конечно, относилось к Марксу и было чрезвычайно любезно. Но обратите внимание на статью Лафарга в Citoyen от 28 апреля «La Selection Darwinienne et les classes régeantes»; в заключение он там открыл нового амфиоксуса, от которого можно умереть со смеху. Л[афарг] в Париже, я ему только что писал и сильно подтрунивал над ним по поводу его Amphioxus Lafargii.

Сердечно кланяюсь. Ваш *Ф. Э.*

Не поддавайтесь обману со стороны здешнего союза по поводу Democratic Federation. До сих пор она не имеет никакого значения. Во главе стоит честолюбивый кандидат в парламент по имени Гайндман, бывший консерватор. Может провести большой митинг только с помощью ирландцев и специально для ирландских дженки (jenki), где он тогда играет третьестепенную роль; вообще же ирландцы относятся к нему с презрением.

Гладстон ужасно оскандалился, вся его ирландская политика провалилась — он должен был пожертвовать Форстером и лордом наместником Ирландии Купером Темплем [Cowper Temple], вотчимом которого был Пальмерстон, и читать pater, peccavi!

Ирландские члены парламента освобождены, исключительный зак н не возобновлен. Недоимки по уплате ренты одной части крестьян сложены, другие же взяты на себя государством с дешевой амортизацией. С другой стороны, тори теперь уже зашли так далеко, что они хотят спасти то, что еще можно спасти. Раньше чем земля будет взята крестьянами, крестьяне должны, по прусскому образцу, уплатить ренту при помощи государства, чтобы землевладельцы хоть что-нибудь получили. Ирландцы действительно подталкивают медлительного Джона Булля.

Это результат стрельбы!

14

(Отрывок письма.)

Вторая половина июня 1882 г.

В Ирландском движении имеются два течения. Первое, исконное, это — *аграрное;* из организованного и поддерживаемого крестьянами разбоя экспроприированных англичанами начальников кланов и крупных католических помещиков (в XVII веке эти разбойники назывались *ториями*, и от них-то идет по прямой линии название современных ториев) оно, постепенно развиваясь, превратилось в организованное по местностям и провинциям стихийное сопротивление крестьян пришлым английским землевладельцам. Имена — Ribonmen (люди с повязкой), Whiteboys (белые молодцы), Captain Rock, Captain Moonlight (лунное сияние) и т. д. изменились, формы же сопротивления—убийство не только ненавистных ленд-лордов и агентов (сборщиков ленд-лордов), но и таких крестьян, которые занимают ферму, откуда выгнан другой крестьянин — бойкотирование, угрожающие письма, ночные нападения с угрозами и т. д.,—все это так же старо, как теперешнее землевладение в Ирландии, т.-е., самое позднее, датирует с конца XVII столетия. Эту форму сопротивления нельзя уничтожить, власть ничего не может сделать с ней, она исчезнет только вместе с порождающими ее причинами. Но по своей природе она *локальна*, *раздроблена* и никогда не сможет принять общей формы *политической* борьбы.

Вскоре после объединения (1800 г.) началась *либерально-национальная* оппозиция *горожан*, которая—как это и водится во всякой крестьянской стране с небольшими городками (напр. Дания)—нашла своих прирожденных вождей в *адвокатах*. Эти последние нуждаются, с своей стороны, и в крестьянах. Поэтому они должны были придумать лозунги, которые имели бы успех у крестьян. И вот О'Коннель нашел подобный лозунг сперва в *католической эмансипации*, затем в *отмене* объединения. Недавно это направление вступило на новый путь, вынужденное к тому гнусностями помещиков. В то время, как *земельная лига* преследует в *социальной* области революционные (достижимые здесь) цели—именно полное удаление пришлых ленд-лордов—в *политической* области оно выступает с робкими требованиями, добиваясь только гомруля, т.-е. местного ирландского парламента, подчиненного имперскому парламенту. И этого можно добиться конституционным путем. Напуганные помещики кричат уже (сами тории предлагают это) о возможно скором выкупе крестьянской земли, чтобы спасти, что еще можно спасти. С другой стороны, Гладстон заявляет, что вполне допустимо большее самоуправление Ирландии.

После американской гражданской войны между этими двумя течениями проник фенианизм. Сотни тысяч ирландских солдат и офицеров, проделавших эту войну, участвовали в ней с задней мыслью создать армию

для освобождения Ирландии. Недоразумения между Америкой и Англией после войны стали главным рычагом фениев. Если бы дело дошло до войны, то Ирландия в несколько месяцев стала бы частью Соединенных Штатов или республикой под ее протекторатом. Сумма, так охотно взятая на себя и выплаченная англичанами в инциденте с Алабамой по приговору женевского третейского суда, была *ценой за невмешательство Америки в ирландские дела.*

С этого момента главная опасность была устранена. Чтобы справиться с фениями, было достаточно полиции. Этому содействовало и неизбежное во всех заговорах предательство, хотя здесь предателями были только *вожди*, ставшие затем просто шпионами и лжесвидетелями. Бежавшие в Америку вожди стали там заниматься эмигрантской игрой в революцию и по большей части опустились, как, напр., О'Донован Росса. Кто наблюдал здесь европейскую эмиграцию 1849—1852 г.г., тому все это известно, хотя, разумеется, оно происходит в данном случае в американско-преувеличенных размерах.

Теперь, несомненно, снова прибыло много фениев, возродивших старую вооруженную организацию. Они образуют важный момент в движении, заставляя либералов поступать более решительным образом. Но вообще они ограничиваются лишь тем, что пугают Джона Булля. Джон Булль на периферии своей империи стал заметно слабее, но в такой близости от дома он все еще в силах без труда справиться с любым ирландским бунтом. В Ирландии имеется, во-первых, 14.000 «констеблей», т.-е. вооруженной ружьями и обученной военному делу жандармерии. Затем 30.000 линейных войск, которые легко могут быть усилены таким же количеством линейных войск и английской милиции. К этому надо прибавить еще флот. А в жестокости при подавлении восстания у Джона Булля нет соперников. *Ирландское восстание без внешней войны или угрозы войны не имеет ни малейших шансов на успех;* а только *две державы* могут быть здесь опасны: *Франция* и еще гораздо более *Соединенные Штаты*. О Франции не приходится говорить. В Америке партии заигрывают с ирландскими избирателями, обещают им разные вещи, но ничего не исполняют. Они вовсе не думают о том, чтобы втянуться в войну из-за Ирландии. Они даже заинтересованы в том, чтобы в Ирландии царили порядки, вызывающие значительную эмиграцию в Америку. Ясно, что страна, которая через 20 лет будет самой населенной, самой богатой и могущественной страной в свете, не имеет особой охоты пускаться в авантюры, которые способны и должны помешать ее колоссальному внутреннему развитию. Но через 20 лет она заговорит совершенно иным языком.

Однако, если со стороны Америки наметится опасность войны, то Англия быстро даст ирландцам все, что они хотят, за исключением полной независимости, которая при данном географическом положении вовсе и не желательна.

Таким образом ирландцам остается только конституционный путь постепенного завоевания одной позиции за другой, при чем, разумеется, может оставаться в качестве очень действенного элемента таинственный фон фенианских вооруженных заговоров. Но эти фении сами все более и более начинают в своей тактике сбиваться на своего рода бакунизм: убийство Борка и Кевендиша могло иметь только одну цель — сделать невозможным компромисс между земельной лигой и Гладстоном. Между тем этот компромисс был максимумом того, что могла получить Ирландия при данных обстоятельствах. Лендлорды сгоняют под военной охраной с земли десятки тысяч арендаторов за просроченные взносы арендной платы. В данный момент самое настоятельное, это—положить конец этому

систематическому обезлюживанию Ирландии (согнанные с земли арендаторы или умирают с голоду или должны эмигрировать в Америку). Гладстон готов внести билль, согласно которому недоимки арендаторов будут выплачены так, как в 1848 году произошел в Австрии выкуп феодальных повинностей: треть платит крестьянин, треть взносит государство, треть теряют лендлорды. Таков и план самой земельной лиги. Поэтому «геройский подвиг» в Феникс-парке если не есть только глупость, то все же[1]) это— чисто бакунистская хвастливая бесцельная «propagande par le fait». Если она не имела тех же последствий, как подобные глупости Геделя и Нобилинга, то это объясняется тем, что Ирландия все же находится не совсем в Пруссии. Надо поэтому предоставить бакунистам и мостовцам ставить на одну доску подобные ребячества с убийством Александра II и угрожать «ирландской революцией», которая не наступает.

Еще одно надо заметить по поводу Ирландии: никогда не следует хвалить ирландского политика, солидаризоваться с ним до его смерти. Кельтская кровь и обычная эксплоатация крестьян (а ведь одним этим живут в Ирландии все «образованные» сословия, но в особенности адвокаты) делают ирландских политических деятелей очень склонными к развращению. О'Коннель получал от крестьян за свою агитацию 30.000 ф. ст. При соединении [с Ирландией], которое Англия купила взяткой в 1.000.000 ф. ст., одному из подкупленных был сделан упрек: Вы продали свое отечество. Ответ был таков: конечно, и я был чертовски рад, что у меня было отечество, которое я мог продать.

Гнусности немецких правительств, полиции и судов по отношению к нашим товарищам постепенно принимают такой характер, что даже самые сильные выражения слишком бледны для их характеристики. Но так как постоянное употребление сильных выражений не придает непременно силы языку, и постоянное употребление таких слов, как негодяй и др., ослабляет эффект, так что пришлось бы прибегать к новым, более сильным выражениям и таким образом перейти к стилю Моста-Шнейдта, то желательно другое средство, которое обеспечивало бы силу выражения без употребления сильных слов. И такое средство существует, оно состоит в преимущественном применении иронии, насмешки, сарказма, которые сильнее действуют на противника, чем самые грубые слова негодования.

Я думаю, что С.-Д. поступил бы хорошо, если бы везде, где это возможно, применял старую, преимущественно *ироническую* манеру писания, как это уже и имело место в последнем №. Если при этом нанести иногда сильный удар дубиной, то это произведет больший эффект. Бебель в этом отношении также разделяет мое мнение. Притом теперь ваши корреспонденты в достаточной мере заботятся об изображении происшедшего в сильных выражениях.

В ответ на перевод в Egalité того места из С.-Д., где говорится об исключении ее сторонников с Congrès du Centre, Prolétaire помещает лицемерную статью об обмене любезными письмами между Comité extérieur германской социалистической партии и нац. франц. комитетом (échange de lettres courtoises entre le Comité extérieur du parti ouvrier allemand et le Com. Nat. français). Можете Вы сообщить мне что-нибудь по этому вопросу? Мне ничего не было известно о существовании Comité extérieur, может быть, это— пресловутый *орган связи?*

Bataille лежит при последнем издыхании—c'est une défaite et méritée. Лисс[агарэ] оказался совершенно неспособным журналистом, и он, так же

[1]) До сих пор по тексту в «Sozialdemokrat»'е. См примечания.

как и его сотрудники Малон и Брусс, апеллирует к шовинистической ненависти парижан к немцам по отношению к Геду и т. д. (марксисты, немецкие туманности и т. д., marxistes, nébulosités allemandes). Все это не помешало Лисс[агарэ] предложить владельцу Citoyen, что он вступит в редакцию! Редакция тотчас же отклонила это (это между нами).

Маркс в Аржантейле, у своей дочери, скрывается от Парижа и пользуется серными источниками Энгиена для лечения от хронического бронхита и кашля, вообще же опять здоров и бодр, но должен еще очень остерегаться.

Передал ли Вам Адольф Бейст «*Тайную Историю Берлинского двора*» *Мирабо*, которую я дал ему для Вас? Эта книга очень полезна для С.-Д.

Ваш *Ф. Э.*

15

Лондон, 15 июля 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

Отвечаю Вам тотчас же на Ваше последнее письмо, в противном случае из-за воскресного почтового отдыха получится перерыв на 3 дня.

Мерингиада была мне сообщена одним знакомым, я тотчас же узнал автора и клеветника. С тех пор как планы Гирша относительно С.-Д. тогда потерпели такое основательное крушение в Вашем и Бебеля присутствии, Гирш воспылал смешным гневом против «цюрихцев». Мы часто делали ему очень прозрачные намеки, что не последуем за ним на этом пути, что он все делает под своей собственной ответственностью, но это помогает лишь в той мере, что он оставляет нас в покое со своими ламентациями. Впрочем, он давно уже опять (полиция его терпит) в Париже, где он в прошлую субботу, 8 июля, женился на m-lle Лине Гашерт.

Что же касается существа самого дела, то у нас нет никакого основания вмешиваться. Меринг распространил по отношению к нам столько лжи, что если бы мы захотели опровергнуть одну из них, то этим самым мы бы косвенным образом признали истинными все остальные враки. Мы много лет не обращали внимания на все вранье, если только крайняя необходимость не принуждала нас отвечать. Так как наши товарищи располагают Volks-Ztg, то достаточно простого сообщения, что в июне моя статья с моей подписью была помещена в С.-Д. Это самый лучший ответ. Вы сами можете, как и предполагалось, ссылаться в С.-Д. на это и указать, что М[аркс] и я всегда делаем наши публичные выступления сговорившись. Мне очень приятно, что статья именно теперь появилась в С.-Д., — она положит конец всем этим глупостям.

Но, с другой стороны, я думаю, что Вы хорошо поступите, не впутывая Гехберга. Он как раз хочет выступить здесь как частный человек и к тому же может сам себя защищать, если сочтет это нужным. Я не знаю, окажем ли мы ему услугу, если опять поднимем старую историю со статьей в Ежегоднике; если бы *внутри партии* возникли сомнения относительно нашей позиции, то мы могли бы быть вынуждены вернуться к этому,—что я, во всяком случае, считаю совершенно излишним.

Так как М[аркс] живет в Аржантейле совершенно уединенно и сохраняет свое пребывание там в возможной тайне, то он совершенно не видел Г[ирша], по крайней мере, насколько мне известно, и не будет об этом особенно сокрушаться.

М[аркс] нуждается в отдыхе, и я не хочу утомлять его всей этой историей, пока это не станет абсолютно необходимым, т.-е. раньше чем Г[ирш] будет дальше трезвонить об этом.

Каутский написал мне письмо, даже два длинных письма, о разных разностях, но, как я уже Вам писал, у меня нет времени для таких длинных корреспонденций, и, чтобы отвечать на те или другие вопросы, мне пришлось бы еще специально их изучать. В этом причина моего молчания.

О чартизме я абсолютно не знаю ничего хорошего. Если бы я мог побудить нашего старого друга Гарни (Harney) в Бостоне (бывш. ред. Northern Star) написать историю чартизма, то это был бы самый подходящий человек.

Сердечный привет. Ваш *Ф. Э.*

Я сам совершенно не состою в переписке с Г[иршем], и поэтому у меня нет никакого повода сообщать ему свое мнение об этой истории. Если бы представился случай, то я бы, конечно, воспользовался им.

16.

Лондон, 9 августа 1882 г.

Дорогой господин Бернштейн!

Посылаю Вам сегодня второпях несколько замечаний, так как я через несколько дней еду на берег моря, и у меня масса дела.

1) Немецкое издание («Soc. Utop. u. Soc. Scient.») уже давно мне приходило в голову, в особенности с тех пор как я видел, какую решительную революцию эта вещь произвела в головах многих лучших французов. Меня радует, что наши взгляды так сходятся. Только немецкий текст значительно труднее, потому что он более сжат, чем пренебрегающий кое-какими оттенками французский. Популяризировать эту вещь, не испортив ее, таким образом, чтобы она была пригодна как общеупотребительная пропагандистская брошюра,—трудная задача, но я на берегу моря сделаю все возможное в этом направлении. Тогда Вы можете начать печатать; сколько продлится печатание? Само собою разумеется, что мне будет прислан оттиск для редактирования (двойной, по французскому обычаю, что имеет очень много преимуществ).

2) Вы, само собою разумеется, должны были быть того мнения, что при нашей старой дружбе Либкн[ехт] имеет несомненное право просить Вас о передаче моего письма, и что Вы обязаны ему его предоставить. В этом я не нахожу абсолютно ничего такого, на что я мог бы жаловаться. Вы не могли знать, что из массы недоразумений, которые у меня были с Л[ибкнехтом], $^4/_5$ приходится на такое самоуправное публичное злоупотребление им частными письмами, на нелепые и прямо противоречащие смыслу-данного места примечания к моим статьям и т. д. И теперь он воспользовался моим письмом в ничем не оправдываемой форме. Письмо имело прямое отношение к Вашей статье. Л[ибкнехт] трактует его так, как будто оно является «моим» изложением всего ирландского вопроса. Это чрезвычайно легко, в особенности, если против него приводятся речи Дэвитта, которые вовсе еще не были произнесены в то время, когда было писано это письмо, и не имеют никакого отношения к письму, так как Д[эвитт] со своим государственным землевладением до сих пор является только симптомом. Но Л[ибкнехт] всегда поступает легкомысленно, если он хочет показать свое «превосходство». Я ему охотно предоставляю это удовольствие, но он не должен для этого злоупотреблять моими письмами и *он* принуждает меня просить Вас впредь (я хочу выразиться возможно корректнее и дипломатичнее) de lui donner tout au plus—lecture de mes lettres sans cependant lui abandonner l'original, ni

lui en laisser copie [разрешить ему максимум—читать мои письма, не оставляя однако ему оригинала и не давая ему копии].

3) Я сообщал М[арксу] о гирш-меринги аде в возможно юмористической форме, и я боюсь, что Карлуше, когда ему придется встретиться с М[арксом], придется провести не особенно приятные четверть часа.

4) Мне кажется, что в египетском вопросе вы слишком берете под свою защиту так называемую национальную партию. Об Араби мы не много знаем, но 10 против 1 говорит, что он обыкновенный паша, который не желает предоставить финансистам взимание налогов потому, что он сам желает по восточному обычаю прикарманить их. Это опять вечная история крестьянских стран. От Ирландии до России, от Малой Азии до Египта крестьянин крестьянской страны существует для того, чтобы его эксплоатировали. Так было со времен Ассирийской и Персидской Империи. Сатрап alias паша есть главная восточная форма эксплоататора, купец и юрист—современная западная. Отказ от уплаты долгов Хедива—вещь недурная, но вопрос в том, что же дальше? И мы, западно-европейские социалисты, не должны так легко поддаваться на удочку, как все египетские феллахи и все романские народы. Странно. Все романские революционеры вопят по поводу того, что они всегда делали революции ко благу других—очень просто, потому что они всегда повторяли фразу о «революции». И все же стоит только где-нибудь начаться бунту, как все революционные романские народы увлекаются им—без всякой критики. По моему мнению, мы можем очень хорошо выступить в пользу угнетенных феллахов, не разделяя их минутных иллюзий (так как народ, состоящий из крестьян, обычно в течение многих веков подвергается обману, пока наконец опыт не научит его уму-разуму), и против жестокостей англичан, не солидаризируясь вместе с тем с их временными военными противниками. Во всех вопросах международной политики надо с величайшим недоверием относиться к сантиментально-политическим французским и итальянским партийным газетам, но мы, немцы, обязаны закрепить критикой то теоретическое превосходство, которое мы уже приобрели в этой области.

Но теперь довольно критики. К сожалению, сегодня у меня нет времени послать Вам статью для фельетона. Я особенно заинтересован доказать действием бравому Карлуше, в каких ужасных глупостях он уверил Меринга по поводу моих отношений к С.-Д. Вы скоро это получите и тогда можете, если захотите, прямо указать в заметке от моего имени на это, не называя Карлуши, который теперь, во всяком случае, должен чувствовать себя в дурацком положении.

Сердечный привет. С берега, если будет возможно, пришлю Вам письмо и для ce brave Каутского, адреса которого немножко устарели, если они у меня сохранились. Последний был адрес какой-то женщины с французской фамилией, надо полагать, на самом деле *конспиративный* адрес [eine Decke-adresse]?

Ваш *Ф. Э.*

17

Лондон, 13 сентября 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

Из работы на курорте в Ярмуте ничего не вышло. 5 человек в одной комнате, среди них—4-месячный ребенок моей племянницы,—тут ничего нельзя было сделать, и вся работа выразилась в удовольствиях и в употреблении великолепного пильзенского пива. Но завтра я к ней приступлю и не прерву до тех пор, пока брошюра не будет окончена.

Ваше предложение высказаться в предисловии о бисмарковском социализме совершенно в порядке вещей и отчасти совпадает с моими собственными желаниями. Но обо всем этом не скажешь в предисловии,— оно вышло бы слишком длинным. Кроме того, мне нехватает материала для страхования от несчастных случаев и т. д., именно законопроектов, а без них этого нельзя сделать.

Я уже давно думал об этом и я нахожу, что необходимо кое-что об этом написать. И я имею в виду написать ряд статей (из которых каждая будет совершенно законченной) о распространенном в Германии псевдосоциализме (для Соц.-Дем.), которые потом могли бы выйти в виде брошюры. Первая часть: Бисмарковский социализм: 1) Покровительственные пошлины, 2) национализация (Verstaatlichung) железных дорог, 3) табачная монополия, 4) страхование рабочих. Но для этого мне надо было бы иметь:

ad 2) Курсовой бюллетень, в котором указан курс акций недавно национализированных железных дорог (Berg—Märk, Берлин—Герлиц, Берлин—Штеттин, Бранденбург—Познань) незадолго до национализации и, если возможно, цены, которые государство уплатило за эти дороги.

ad 4) Законопроект Бисмарка в той форме, в которой он был предложен рейхстагу.

Если Вы сможете мне это доставить, тогда у меня будет достаточно материала.

Но к этому я бы прибавил вторую часть, где следует подвергнуть критике ряд неясных представлений, которые введены были Лассалем и сплошь и рядом повторяются нашими товарищами, напр., «железный закон заработной платы», «полный продукт труда для *рабочего*» (а не для *рабочих*) и т. д. Здесь еще более необходима ясность, чем в первой части, и если это даже раздразнит некоторых перешедших к нам лассалевских «вождей», то тем лучше. Вторая часть для меня, таким образом, самая важная.

Но я не знаю, понравится ли некоторым, если святой Фердинанд будет подвергнут такой основательной критике. Если бы нечто подобное появилось в партийном органе, это могло бы быть принято как провокация к расколу в партии и как разрыв тогдашнего договора с лассальянцами. В таком случае все это могло бы появиться в виде брошюры без предварительного печатания в С.-Д.

Итак: или *все* печатается в С.-Д. и затем выходит в виде брошюры.

Или появляется сразу в виде брошюры.

Или же это вообще остается ненаписанным в ближайшее время.

Voilà mon cas. Выбирайте, что хотите, и посоветуйтесь, в случае необходимости, кой с кем. Но то, что раз будет решено, должно быть сделано. Я не могу второй раз подвергнуться тем неприятностям, которые я испытывал в деле Дюринга, когда Мост протестовал против меня.

Впрочем, по отношению к бисмарковщине и к тому, что с ней связано, уже есть очень хорошая предварительная работа в обеих статьях в С.-Д. о возможной отмене закона против социалистов. Я предполагаю, что это статьи Бебеля; если нет, то партия может поздравить себя с тем, что она имеет еще второго человека, который так хорошо умеет затронуть самую сущность вопроса и устранить все второстепенные соображения, и при этом пишет так просто и так ясно. Статьи превосходны.

То, что Вы говорите, оправдывая их, о слабости некоторых в Германии, я уже сам много раз себе говорил. При всем том—это всегда то же старое немецкое отсутствие характера и силы сопротивления, потребность выступать по отношению к филистеру, а не к рабочему, в качестве заслужи-

вающего уважение честного человека, который далеко не такой опасный людоед, каким его считают. Все это—люди, которые считают свое образование абсолютно необходимым, чтобы рабочий не сам себя освободил, но был освобожден ими. Освобождение рабочего класса для них возможно только через образованных филистеров. Как могут это сделать сами бедные, беспомощные, необразованные рабочие!

Каутскому я вчера писал. Он утверждает, что нашел несколько очень хороших докторов философии. Если они *в самом деле* хороши, то это было бы очень кстати.

Адольф Бейст может Вам пропеть мотивы к Викарию из Брея.

Сердечно кланяюсь. Ваш *Фр. Э.*

18

Лондон, 22 сентября 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

При сем прилагаю предисловие, отдел I и II. № III также готов, как и заключительные замечания, около 7 страниц, о старо-германской общинной земельной собственности (марка). Но я хочу это еще раз основательно просмотреть и поэтому оставляю еще у себя.

Рекламного предисловия я не могу прибавить. Так как на французском языке Лафарг был издателем, а Малон прислал в высшей степени неудовлетворительную вещь, то Маркс с Л[афаргом] написал это предисловие, которое там, может быть, и подходило. В выпускаемом мною самим немецком издании нечто подобное абсолютно не подходит. Впрочем, если М[аркс] опять будет здесь, то я Вам, может быть, обработаю брошюрку о немецком социализме от 1840 до 52 г. Это ведь когда-нибудь должно быть сделано. Но М[аркс] имеет больше половины материала, и бог знает, куда он его запрятал.

Мне, конечно, нужно было бы иметь оба законопроекта о страховании против несчастных случаев, также и все внесенные этой осенью в рейхстаг новые предложения социального характера.

Решительное осуждение косвенных налогов мы выдвинули еще в 1849 и 50 г.г., поэтому Лассаль научился этому. Я отмечаю себе все то, что Вы вообще говорите о Лассале; по поводу деталей можно было бы кое-что возразить, но это не относится к делу. *Личность* Лассаля совершенно остается в стороне, но я не могу не положить конца той иллюзии, будто Л[ассаль] в области экономии (а также и во всякой другой области) был оригинальным мыслителем.

Меня очень радует, что эти статьи принадлежат Фольмару,— это доказывает, что он очень вырос. Я совершенно согласен с тем, что Вы говорите о законе против социалистов. Только тогда, когда закон будет отменен purement et simplement, это может нам принести пользу. А это может произойти лишь тогда, когда в Германии зародится какая-нибудь новая политическая жизнь, если наступят события, которые прямо работают в пользу революции, новая эра, русская конституция или что-нибудь в этом роде. И в таком случае мы, без сомнения, получим большинство везде, где теперь мы имеем значительное меньшинство, и завоюем кроме Саксонии все большие города.

Ваша жалоба на французов есть вечная общая жалоба. Они поддаются влиянию момента и личности. Я не читаю Citoyen, получаю Egalité

очень неаккуратно, не знаю, жива ли она еще, поэтому совершенно не могу судить о том, что̀ эти господа сделали в самое последнее время. Но одно несомненно: с Бруссом нельзя сохранить мирных отношений. Он есть и останется анархистом чистейшей воды, который только признал допустимым участие в выборах, при чем он и Малон выбрасыванием других из Fédération du Centre обострили борьбу; Бр[усс] ведет ее с чисто бакунистской тактикой: клеветой, ложью и всеми возможными низостями. Тактика другой стороны может быть нелепа и по временам носить ребяческий характер; она может не вести к цели и может сделать для нас, иностранцев, невозможным выступление в ее пользу (что мы здесь регулярно и отклоняли); — но основное остается, именно, что с Бруссом совершенно невозможно вместе работать. Он не успокоится до тех пор, пока его маленькая клика не будет держать в своих руках все движение на подобие «Alliance».

Впрочем, вся «рабочая партия» обеих фракций вместе составляет ничтожную часть парижских рабочих масс, которые все еще идут за такими людьми, как Клемансо, против которых Гед вел свою полемику в слишком личной и вообще неправильной форме. При этом Кл[емансо] обладает большими способностями к развитию; в случае надобности он может пойти еще дальше, чем теперь, в особенности, если он поймет, что речь идет о *классовой борьбе*, а он это, конечно, поймет лишь тогда, когда он *должен* будет это сделать. Но Гед вбил себе в голову, что la république athénienne Гамбетты гораздо менее опасна для социалистов, чем la république spartiate Клемансо, и хочет поэтому помешать ей, как будто мы или какая-либо партия в мире может помешать стране пройти исторически необходимые ступени ее развития, и не принимает во внимание, что мы едва ли можем во Франции прийти к социализму от республики à la Гамбетта, не пройдя через республику à la Клемансо. Но без такого понимания необходимой исторической связи и, вместе с этим, вероятного хода развития вещей нельзя с успехом вести никакой партийной политики. Но, впрочем, я отказался от этого и предоставляю этим господам делать, что им угодно. Бельгийцы со своими предостережениями тоже ничего не сделают.

Племянница и приемная дочь Джона Стюарта Милля, которая прислала деньги для избирательного фонда—*Елена* [Helena] *Тейлор* и поэтому не тождественна с Эллен [Ellen] М. Т., хотя обе носят имя Елена, и их надо строго отличать одну от другой.

О Гарсиа я абсолютно ничего не знаю. По временам кто-нибудь из клуба заходит ко мне, и я при случае справляюсь.

Кстати: откуда в Citoyen и Bataille появилась утка о смерти Бебеля? Мы здесь и Маркс в Вевэ, где он пробыл 3 недели, ужасно испугались и не имели никакой возможности проверить это, пока в понедельник вечером Justice не напечатала телеграммы Либкн[ехта] с опровержением; ибо то, что сообщал и чего не сообщал Соц.-Дем., не могло нам дать абсолютной уверенности по поводу того, что появилось уже в четверг. М[аркс] теперь уже возвращается в Аржантейль, может быть, он на несколько дней остановился в Женеве; ему лучше, но плохое лето по крайней мере на половину уменьшило успех лечения.

Прошу 2 строчками уведомить о получении рукописи, а также прислать рукопись с корректурными оттисками, конечно, под бандеролью. Сколько времени я могу еще здесь держать остальное, не причинив задержки?

Сердечно кланяюсь. Ваш *Ф. Э.*

19

Лондон, 20 октября 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

Я уже давно хотел написать Вам о французских делах, но только теперь собрался это сделать. Зато я теперь могу убить двух зайцев одним ударом.

1) Ст. Этьенн. Несмотря на доброжелательные советы бельгийцев, случилось неизбежное—несовместимые элементы раскололись. И это хорошо. Вначале, при основании Parti ouvrier должны были быть допущены все элементы, которые приняли программу. Если они сделали это с тайным умыслом, то это должно было впоследствии обнаружиться. Мы здесь никогда не заблуждались относительно Малона и Брусса. Они оба воспитались в бакунистской школе интриг. Малон был даже соучастником основания бакунистского тайного «альянса» (один из 17 основателей). Но, впрочем, им надо было дать случай доказать, освободились ли они вместе с бакунистской теорией и от ее практики. Время показало, что они приняли программу (и извратили ее,—Малон внес в нее различные ухудшения) с тайным намерением отбросить ее. То, что было задумано в Париже и Реймсе, было выполнено в Ст. Этьенне. Пролетарский классовый характер программы устранен. Коммунистические пункты (Considérants) 1880 г. заменены статутами Интернационала 1866 г., которые должны были быть формулированы именно потому, что французские прудонисты очень отстали и, все же, не должны были быть исключены. Положительные программные требования аннулированы, так как каждой местности предоставлена свобода составлять себе особые программы для каждой отдельной цели так часто, как ей вздумается. Так называемая партия Ст. Этьенна не только не рабочая партия, она вообще не партия, потому что она, в сущности, не имеет программы: она в лучшем случае партия Малона-Брусса. Самый большой упрек, который они оба могли сделать старой программе, заключается в том, что она оттолкнула больше людей, чем привлекла. Это исправлено: прудонисты, как и радикалы, не имеют больше основания оставаться вне партии, и если бы дела шли по желанию Малона и К°, то «революционная окрошка», на которую жалуется Фольмар, была бы официальным выражением французского пролетариата.

Во всех романских странах (а может быть, еще и в других) всегда господствовала очень снисходительная практика по отношению к мандатам на конгресс; многие из них не выдерживали критики. До тех пор, пока это не заходило слишком далеко и пока речь шла о второстепенных вещах, это приносило мало вреда. Но бакунисты ввели это, как правило (сперва в Юре), сделали контрабандную раздачу мандатов ремеслом и старались таким образом стать во главе. Так это обстоит теперь в Ст. Этьенне. При приготовлениях к конгрессу преобладает вообще вся старая бакунистская тактика, при которой все средства хороши: ложь, клевета, тайные происки. Это—единственное, в чем Брусс проявляет искусство. Эти господа забывают, что то, что может иметь успех в маленькой секции и на небольшой территории, как Юра, должно непременно, при существовании настоящей рабочей партии большой страны, привести к гибели тех, которые занимаются таким делом и интригами. Кажущаяся победа в Ст. Этьенне недолго продержится, а с Малоном и Бруссом скоро будет совершенно покончено.

Как видно, *всякая* рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалек-

тического развития. Германская партия стала тем, что она есть, в борьбе эйзенахцев и лассальянцев, где самое трение играло главную роль. Единство стало возможно лишь тогда, когда намеренно вскормленный Лассалем в качестве орудия сброд износился, и здесь это произошло с нашей стороны со слишком большой поспешностью. Во Франции люди, которые, хотя и пожертвовали бакунистскими теориями, но продолжают действовать бакунистскими методами борьбы и вместе с тем хотят принести в жертву своим социальным целям классовый характер движения, также должны сперва износиться, прежде чем опять станет возможно единство. Желать проповедывать единство при таких условиях было бы чистейшей глупостью. Моральными проповедями нельзя предупредить детских болезней, которыми при современных условиях надо переболеть.

Впрочем, и роанцы нуждаются в беспрестанной, резкой критике. У них очень часто замечается революционная фраза вместе с бессильным стремлением к деятельности.

2) Citoyen-Bataille. Уже летом, когда дела Bataille были плохи, деньги были растрачены на рекламы и т. д., капиталисты устранились, и Лисс[агарэ] порвал с Малоном и Бруссом. Лисс[агарэ] предложил Геду слияние обеих газет; они оба должны были вместе быть главными редакторами, и каждый из них имел право выбросить из редакции *другой* газеты трех человек. Таким образом Лисс[агарэ] думал устранить ненавистного Лафарга. Редактора Citoyen единогласно отклонили это, Bataille осталась в состоянии упадка. Тогда Лисс[агарэ] устроил с собственником Citoyen (голландским финансистом), *за спиной его редакторов*, слияние, надеясь подчинить их себе посредством этого переворота. Но случилось как раз наоборот: редактора Citoyen продолжали вести газету, не прервав ее ни на один день, и привлекли собственника к суду за нарушение контракта. Этим был уничтожен переворот Лисс[агарэ], и сам он страшно оскандалился; он сам в этом сознается, прибегнув к своему последнему средству вызвать на дуэль этого «lâche Lafargue» (низкого Лафарга, как он называет его в Bataille), чего последний не примет ни при каких обстоятельствах. Что Лисс[агарэ] окончательно скомпрометировал себя этой бонапартистской выходкой, не подлежит сомнению. В такой момент, когда партия, более чем когда бы то ни было, нуждается в газете для борьбы против Ст. Этьеннцев, поставить на карту ее существование, чтобы спасти свою собственную гибнущую газету, при каких бы то ни было обстоятельствах (если бы этот переворот удался), изменить характер газеты и сделать это посредством союза с буржуазным владельцем против представителей партии, редакторов,—это ни в коем случае недопустимо.

Если прилагаемое слишком сильно, то смягчите. Как обстоит дело с печатанием брошюры? Маркс здесь (но это секрет) и вероятно проведет зиму на английском побережьи.

Ваш *Ф. Э.*

Это письмо отходит в 5 ч. вечера 20 окт. и должно таким образом завтра вечером или в субботу утром попасть к Вам.

20

Лондон, 27 октября.

Дорогой господин Бернштейн!

Спешу закончить о парижских историях, так как я не думаю, чтобы парижане прислали Вам сообщения—мы сами здесь должны их насильно у людей выпытывать.

Итак, Citoyen все же выходил под старой редакцией, в то время как Лисс[агарэ] редактировал «le Citoyen et la Bataille», при содействии двух анархистов, Маеса и Крие (Macs и Crié). В пятницу вечером Citoyen et Bataille делает попытку конфисковать Citoyen (при помощи полиции) из-за фельетона «Ванда Крылова», на который предъявлял права собственности владелец старого Citoyen Бломмештейн, голландский финансист, а ныне компаньон Лисс[агарэ]. Так как редакция была предупреждена своевременно, то фельетон был снят, и пришедший конфисковать полицейский комиссар ушел с носом. В воскресенье редакция Citoyen et Bataille заявила, что если опять будут сделаны попытки конфискации, то они en masse (3 человека) выйдут из редакции. В тот же вечер в воскресенье «Citoyen des deux mondes», как он назывался по совету юриста, был конфискован за незаконное название, опять-таки по жалобе Бл[оммештейна].

В понедельник, т.-е. во вторник утром, он опять появляется под названием Citoyen International и требует, чтобы редакция Citoyen et Bataille сдержала свое слово и ушла. Но она и не думает этого делать. Маес и Крие объявляют, что *они*, во всяком случае, уйдут, но не делают этого; Крие арестован по поводу мнимого соучастия в Монсо-ле-Мин и сидит.

Между тем, так как редакции Citoyen каждый день приходилось опасаться конфискации, если она не изменит заголовка, она уже 4 дня выходит под названием L'Egalité, при чем еженедельная Egalité должна продолжать выходить. Откуда у них деньги, мне неизвестно, уже 3 недели мы не имеем от них известий. Сегодня не получилась также Egalité. Но génie éminemment organisateur французов проявляется у наших друзей особенно в организации колоссальнейшего беспорядка, так что из этого нельзя делать никаких выводов.

Попытка убить Citoyen с помощью суда и полиции лишает Лисс[агарэ] последнего оправдания. Он соединил в большой степени глупость с низостью.

Маркс просит Вас прислать ему оттиск швейцарского фабричного закона. Вы очень обяжете нас, если сможете нам сказать, в каком приблизительно году был издан ныне действующий в Германии фабричный закон, и составляет ли он отдельный закон или часть имперского промыслового устава. Мы тогда уже сможем достать его. М[аркс] это нужно для 3-его издания 1 тома, и он обещает Вам прислать также кое-что для С.-Д. Он через несколько дней едет на остров Уайт, где он проведет всю зиму, если не случится ничего дурного (5—6 часов езды отсюда).

Ваш мистер Гарсиа—один из тех многих маленьких демократиков, которые бегают здесь по Лондону и участвуют во всех союзах. Их последний центральный главарь или, как говорил Штибер, главный шеф, адвокат Гайндман, резко выраженный демократический карьерист и провалившийся на последних выборах кандидат. Все эти людишки никого за собой не имеют, кроме самих себя. Они распадаются на всевозможные секты и на невходящих в секты обыкновенных демократических слюнтяев. Самое важное—это казаться необходимыми миру. Отсюда все перечисления неизвестных знаменитостей в его корреспонденциях. У большинства имеется в большом количестве добрая воля, но также и добрая воля играть роль. Поэтому я посоветовал бы Вам быть *очень осторожным* с письмами этого человека. В конце концов, главная цель этой маленькой клики, которая в течение двадцати лет под различными названиями и формами осталась тем же ничтожеством—заключается в том, чтобы это ничтожество играло роль настоящей партии. Но мне кажется, что С.-Д. существует не для того, чтобы создать репутацию этому неутомимому ничтожеству. При сем прилагаю

записку одного из небольших союзов, в котором Гарсиа состоит секретарем, и где он недавно просил меня прочесть лекцию. Я конечно отказался.

Я с нетерпением жду материала о Бисмарке. М[аркс] теперь уедет, и я серьезно примусь за работу, и если я крепко засяду за большую работу, которая давно должна была быть закончена, то я не так скоро *опять освобожусь*, и, я говорю это Вам заранее, тогда Вам придется подождать. Если бы у меня здесь был материал, я мог бы сейчас же приняться за работу и мог бы *прежде* покончить с этим делом. Бебель обещал, но не прислал, а теперь отправляется в тюрьму, где уже находится Либкн[ехт], а от других я уже наверное ничего не получу!

Прилагаемое для Каутского.

Сердечно кланяюсь. Ваш *Ф. Э.*

21

Лондон, 2/3 ноября 82.

Дорогой господин Бернштейн!

Я все еще не получил корректуры (только что получено 3/II). Зато от Бебеля я получил проект страхования от несчастных случаев и болезни за *1882 г.*, но не получил прежнего, который представляет первоначальный бисмарковский социализм, не затемненный еще голосованиями в рейхстаге. Очень желательно получить этот вместе с другими, относящимися к кассе страхования от несчастных случаев, без этого ничего нельзя сделать.

Очень благодарен за данные о Бранденбург-Познанской железной дороги. Для других дорог мне не нужны все эти подробности. Достаточно курса с начала или середины 1879 г. (еще раньше, чем что-нибудь было известно о национализации); разница между тогдашним и теперешним курсом достаточна, чтобы доказать, как государство купило себе буржуазию.

Лассаль во многих отношениях был хорошим юристом и изучал также в достаточной мере свое римское наследственное право, чтобы импонировать юристам своими познаниями. (Это было его любимое выражение; когда он осматривал камень Розетты в Британском музее, он сказал Марксу: как ты думаешь, не употребить ли мне шесть месяцев, чтобы импонировать египтологам?). В Германии достаточно, если кто-нибудь разовьет один пункт на основании известной теории, и юристы теперь забыли, что развитая Лассалем теория заимствована буквально из философии права и истории Гегеля, а в своем применении к римскому наследственному праву она еще к тому же неверна; по Гегелю ее следует вывести не из «воли», но из истории римской gens, *первобытной родовой семьи*. Впрочем, об этом юристы по большей части также не много знают. Как я уже сказал, я буду принужден покончить с легендой *об оригинальном мыслителе* Лассале,— это безусловно необходимо.

Мне неизвестно письмо Лаф[арга] в Prolétaire, я напишу об этом в Париж, но едва ли получу его. Если оно еще у Вас имеется, то я прошу прислать его; Вы получите его обратно. Впрочем, пусть Малон будет с этим осторожен, Лаф[арг] имеет от него массу компрометирующих писем.

Citoyen, *разумеется*, *отрекся* от бессмысленной статьи Пикара. Маркс сам это читал. Впрочем, человек, приславший ее Вам с подчеркнутыми синим карандашом местами, не знает по-французски; *он подчеркивает*, *как шовинистическое мнение Citoyen*, *одно место*, которое Пикар *приписывает exploiteurs bourgeois*... ligue des patriotes dont... Gambetta est la tête

(буржуазным эксплоататорам, лиге патриотов, главой которых является... Гамбетта). Я подчеркиваю их красным карандашом. Пикару нравится быть в оппозиции против Геда, и он контрабандой провел эту статью по злобе к нему: если бы там была возможна толковая реакция, то не случилось бы такой бессмыслицы.

Теперь перехожу «к менее всего почтенному поведению редакции Citoyen в деле Годара». Случайно мы знаем ее вполне точно. Участники, так же как и неучаствовавшие в ней, часто рассказывали ее Марксу в Париже. После какого-то инцидента на одном собрании, Годар зашел в редакцию Citoyen, где Гед, который все еще питает некоторое личное расположение к своим бывшим анархистским братьям, очень дружески принимает его. Вдруг, посредине спокойного разговора, без какого бы то ни было повода, Годар наносит Геду сильный удар по лицу. Остальные бросаются на него, Годар с анархистской трусостью прячется в углу: ведь не будут же оскорблять его, prisonnier! И ребяческие головы из Citoyen, вместо того чтобы побить его, созывают совет и решают: qu'en effet il fallait le lâcher parce qu'il était prisonnier!! (что в самом деле надо было его отпустить, потому что он пленник). Годар, к сожалению не избитый, воспользовался случаем удрать. Но на следующий вечер, когда было известно, что бо́льшая часть редакции отсутствует, дюжина вооруженных дубинами и т. д. анархистов ворвались в контору и под угрозами стали требовать удовлетворения. Но Массар держался стойко, и они должны были уйти, ничего не добившись. Теперь об этом была оповещена Fédération du Centre, она в течение нескольких вечеров ставила стражу из рабочих, и господа анархисты больше не приходили.

Теперь я прошу сообщить мне о тех делах, в которых выразилось «менее всего почтенное» и т. д.

Из всего содержания Ваших писем я должен заключить, что Вы нерегулярно получаете Citoyen и что поэтому, кроме Egalité и Prolétaire, должны были ограничиваться сообщениями парижских товарищей, которые в свою очередь получали сведения от Малона и К° и которые проявляли по отношению к ним довольно большую доверчивость. Но партийный орган, по моему мнению, ни в коем случае не должен преимущественно поддаваться в своих суждениях о рабочем движении чужой страны влиянию находящихся в чужой столице товарищей, которые часто сменяются. Немецкие союзы за границей безусловно являются самыми плохими источниками сведений о движении за границей; они редко имеют представление о движении в целом, по большей части у них специальные связи, исключающие другие; они поэтому не могут участвовать в ходе и развитии окружающего их движения и, наконец, они думают, что и теперь еще они имеют ничтожное значение в сравнении с массами в самой Германии. Что сталось бы со свободой нашей критики об английском движении или отсутствии движения, если бы мы хоть сколько-нибудь приняли во внимание меняющееся большинство здешних союзов. И разве немецкие союзы в Нью-Йорке не относятся также без всякой критики к американскому рабочему движению? Каждый союз прежде всего требует, чтобы ему придано было значение, и поэтому при отсутствии очень энергичного и интеллигентного руководства они легко могут быть захвачены иностранцами, которые себе на уме.

Для Ваших постоянных утверждений, что «марксизм» потерял кредит во Франции, у Вас ведь тоже нет других источников, кроме этого, т.-е. *Малона второго издания*. Конечно, так называемый «марксизм» во Франции есть совершенно особенный продукт, до такой степени, что Маркс сказал Лаф[аргу]: что́ можно определенно сказать, так это то, что я не марксист

(c'est qu'il y a de certain, c'est que moi je ne suis pas marxiste). Но если Citoyen прошлым летом расходился в 25.000 экземпляров и приобрел такое положение, что Лиссагарэ рисковал своей репутацией, чтобы завоевать его, то это до некоторой степени противоречит повторяемому Вами утверждению. Но еще больше противоречит этому тот факт, что потеря кредита не помешала марксистам иметь такой кредит, чтобы, будучи выброшенными из Citoyen, *в тот же день* основать новую большую ежедневную газету и продержаться две недели почти исключительно благодаря поддержке рабочих и мелких буржуа (ouvriers et petits industriels, пишет Лафарг), несмотря на интриги владельца старого Citoyen, и найти капиталиста, с которым они завтра должны вести окончательные — oui ou non — переговоры о газете. Когда факты так громко говорят за себя, то Малону лучше молчать о потере кредита марксистами. «Кредит» самого господина Малона так велик, что когда он обратился к Рошфору с просьбой о прибавке жалованья за его статьи в Intransigeant, тот ему ответил: je vous paierai plus, si vous écriviez moins [я платил бы Вам больше, если бы Вы меньше писали]. Пусть Малон попытается, не имея ни гроша, основать в Париже ежедневную газету, чтобы показать, как велик его кредит.

Но довольно об этом. Я просил Лаф[арга] посылать С.-Д. в обмен Egalité, и он сегодня пишет, что он это сделает, в ответ на что Вы тогда пошлете Egalité С.-Д. Если бы Egalité получалась неаккуратно, то достаточно написать об этом открытое письмо Лаф[аргу]: 66, Boulevard de Port Royal, Paris.

Что касается статей Фольмара, то его статья, направленная своим острием против тех господ, которые какой угодно ценой стремятся к отмене закона против социалистов, очень хороша и убедительна. Вторую статью я читал не совсем внимательно, за столом, в присутствии 3—4 человек, которые при этом болтали. В противном случае я не отнесся бы так легко, как я это сделал на самом деле, к тому слишком резкому, насильническому языку, на котором, по его мнению, должна, в конце концов, говорить партия. В этом пункте Бебель прав, но я думаю, что он принимает его слишком всерьез. Действительно, слабая сторона второй статьи (которую я заметил, но не придал ей значения)—это ребяческое представление о том, что революция должна *начаться* с того, что «здесь Гвельф, там Гиббелин»; весь мир распадается на 2 армии: мы—на одной стороне, и «вся единая реакционная масса» на другой стороне; это значит, что революция должна начаться с пятого действия, а не с первого, в котором масса всех оппозиционных партий объединяется против правительства и его ошибок и таким образом побеждает; вслед за этим отдельные партии среди победителей, одна за другой, изнашиваются, делают невозможным свое дальнейшее существование, пока наконец, благодаря этому, вся масса народа принуждена совершенно перейти на нашу сторону, и тогда может произойти столь прославленный фольмаровский решительный бой. Но это был совершенно второстепенный пункт. Самое главное, это—указание, что если бы дела шли по желанию «правого крыла», мы, во всяком случае, могли бы избавиться от закона против социалистов на таких условиях, которые для партии были бы хуже, чем этот закон, но позволили бы тем господам опять издавать Гамбургские Судебные Газеты и т. д. и выдавать их за партийные органы. В этом я совершенно согласен с Фольмаром и писал об этом Бебелю.

Вчера я послал на Ваше имя почтовый перевод на 12 шил.=15,10 франков по адресу 137, Alte Landstrasse, Riesbach в уплату за або-

немент М[аркса] и мой. Прошу сообщить мне, когда опять необходимо вносить плату.

Поздравляю с началом седьмой тысячи! Ваш *Ф. Э.*

После Вашего изменения в «Предисловии» всякое упоминание о Виденской конференции становится излишним, и я поэтому вычеркиваю его. Прошу прислать мне 2 листа последней корректуры. Корректура будет сегодня или завтра выслана.

22

Лондон, 4 ноября 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

«Почтительнейше подтверждая отправление Вам вчера письма, я имею удовольствие сообщить Вам о получении Вашего уважаемого письма от 1 с. м. и спешу ответить на него». Как видите, старый конторский стиль еще не совсем умер.—Я пишу тотчас же, чтобы избавить Вас от излишнего труда. Это очень любезно с Вашей стороны, что Вы разыскали для нас все эти книги и прислали их сюда, но «мы в данный момент собственно не нашли для них применения». Так М[аркс] хочет только в 3-м издании исправить и дополнить состояние фабричного законодательства до наших дней, но для этого ему нужны только *подлинные законы и больше ничего*. Второстепенные вещи, как охрана рабочих, ответственность и т. д., для этой цели не имеют никакого значения. А о том, что мне нужно еще для Бисмарка, я писал Вам вчера: курсы последних национализированных 6 железных дорог от начала или середины 1879 г. и проекты страхования от несчастных случаев Бисмарка в первоначальной редакции. Если мне понадобится вышедшее между тем новое издание Saling'a (мне приятно, что Вы обращаете на это мое внимание), то я могу его через 4—5 дней получить здесь.

Спасибо за Ваши сообщения о Гарсиа. Никогда не знаешь, где найдешь человека. То, что он говорит об агитации некоторых главарей трэдюнионов по поводу туннеля под каналом, совершенно верно. Это те же самые люди, которых всегда могли подкупить радикальные буржуа (группа Морли), на этот раз подкрепленные Шиптоном, редактором Labour Standard. Что общество по сооружению туннеля оплачивает публику, не подлежит сомнению,—одним воодушевлением нельзя покрыть путевых издержек и т. д. Дело это хотя и носит довольно невинный характер, но Шиптон ведь получил деньги от буржуазии, а при его безграничной слабости и стремлении к популярности это может завести очень далеко. Невинность исчезла, а искушенные в делах другие «representative working men» довольно быстро потянут его за собой на буксире.

Я охотно верю, что Вас бомбардируют письмами из Парижа pro Малон и contra Гед. Но корреспондент, которого Вы цитируете, сам выдает себя за некомпетентного судью, заявляя, что он пишет под впечатлением минутной травли немцев, и упрекая Вас, что Вы в качестве редактора партийного органа исполняете свой долг, т.-е. рассматриваете дело «с птичьего полета», критически и суммарно, не поддаваясь, как он, минутному и общему впечатлению. И если этот человек теперь, после 2 месяцев, все еще руководится одной этой злополучной статьей и только на основании одного этого случая составляет себе мнение о значительной фракции рабочих, то неужели партийный орган должен поэтому действовать так же ограниченно? Если в Париже существует масса рабочих не-социалистов и полу-

социалистов, которые проявляют свой шовинизм по отношению к ненавистным немцам, то разве Citoyen может за это отвечать? Конечно, не больше, чем немецкие социалисты в Париже повинны в том, что масса немецких рабочих не-социалистов в Париже, Лондоне, Нью-Йорке и всех других больших американских городах, когда дело доходит до столкновений, берут низшую заработную плату, понижают плату местных рабочих (в Америке даже ирландцев), создавая немецким рабочим en masse не совсем незаслуженную репутацию. И наконец, если эта статья так не давала ему покоя, то почему же он не защищается? Редакция, ведь, отреклась от статьи. Она, правда, отнеслась к делу не серьезно, но Маркс говорит, что по понятиям парижских журналистов оно было удовлетворительно в той мере, в какой обыкновенно так поступает тамошняя газета против редактора, совершившего ошибку, пока на газету не оказывают *давления*. А это давление можно было оказать и очень просто. Если бы было составлено протестующее письмо и если бы кто-нибудь или депутация принесли его в редакцию, то редакция принуждена была бы серьезно отнестись к делу. Если бы присутствующий редактор (это мог бы быть Пикар) делал затруднения, то довольно было бы угрозы: если письмо завтра не будет помещено в Citoyen, то оно в тот же день будет послано в Цюрих в С.-Д. Если Ваш корреспондент не знал достаточно хорошо по-французски, то там был Фольмар; а если Фольмара не было, то Гирш с удовольствием взялся бы за это дело. Если бы люди так поступили, то они приобрели бы уважение, дали бы Citoyen полезный урок, и я бы очень был этому рад. Но покориться с овечьей кротостью, а затем плакаться, это—совсем по-немецки и вызвало заслуженное презрение к немцам. Если бы мы позволили французам и англичанам нечто подобное по отношению к нам, если бы наши товарищи в Германии были так слабы, то что было бы с нами теперь? Прежде, чем парижские немецкие социалисты могли бы претендовать, чтобы их мнение о французском движении было признано в партийном органе, они, во-первых, должны доказать, что они способны вообще на свободную беспристрастную критику и, во-вторых, что они могут *постоять за себя* по отношению к французам. Но ни того, ни другого не произошло. Не согласен с Вашим мнением о вреде ежедневной газеты в Париже. Еженедельник в Париже оказывает влияние только на небольшие группы; если хотят иметь влияние на массы, то нужна ежедневная газета. Мы также были против ежедневной газеты, когда не было видов получить ежедневную, и когда произошло ребяческое переселение в Лион с Emancipation. Но теперь дела обстоят иначе. Citoyen составил себе и своей редакции имя в Париже, буржуазные газеты разных оттенков должны были вступить с ним в полемику и были победоносно отражены. Если бы мы теперь потеряли ежедневную газету, то это было бы решительным поражением. Что она не может быть идеальной, совершенной газетой, что мнимо демократическое редактирование комитета сводится к отсутствию всякой редакции, как при статье Пикара,—нисколько не изменяет дела. Но Лаф[арг] недавно прислал мне относящиеся к расколу номера, около 20, и я решительно не нахожу, чтобы газета была так плоха, не считая тех пунктов, которые уже давно были осуждены и которые были бы такими же и в еженедельнике. Но газета, выходящая 2 раза в неделю, заранее невозможна для всякого, кто знаком с условиями парижской прессы,—она была бы мертворожденной. Либо еженедельная, либо ежедневная. И бывшая редакция Citoyen, во всяком случае, теперь имеет значительные шансы на последнее; доказательством служит ее быстрый переход к ежедневной Egalité, которая теперь уже в Париже расходится больше чем в 5.000 экземпляров.

Перехожу теперь к митингу Клемансо. К этому абсолютно нельзя прилагать немецкого масштаба, как и к другим парижским происшествиям. Когда Гамбетта не мог получить слова в своем избирательном округе, то вся радикальная и социалистическая печать торжествовала. Теперь с Клемансо случилось то же самое. Кл[емансо]—спокойный, расчетливый человек, готовый итти дальше, если он видит в этом необходимость, даже стать коммунистом, если можно было бы его *убедить*: Convainquez moi donc! И рабочие его избирательного округа применяют очень действительные средства убеждения, доказывая ему, что его место находится в опасности. Это, может быть, ускорит его несколько ленивое изучение социализма.

Но кто были те люди, которые это сделали? Неужели исключительно Геда и К°? Нет, ведь председателем был Жоффрен, друг Малона и будущий кандидат против Кл[емансо] в Монмартре! Наши товарищи, таким образом, как и до сих пор в борьбе против буржуазии, были так приличны, что голосовали за председателя Малона и шли вместе с публикой Малона. Если поведение рабочих заслуживает порицания, то порицание в гораздо большей степени относится к сторонникам Малона, чем Геда.

Упомянутая фраза в Citoyen говорит только, что следует продолжать эту же тактику и против Кл[емансо]; если она уже раз имела успех, почему бы и впредь ей не иметь успеха? В состоянии ли будет Prolétaire на собраниях отплатить Egalité тою же монетой,—мы еще увидим. До сих пор я еще ничего не видел такого, что дало бы мне право так думать. Но если бы даже это временно так и было, то это ничего бы не значило и едва ли долго бы продолжалось.

И теперь, до отхода почты,—так как в противном случае письмо уйдет только в понедельник утром,—несколько слов по поводу предполагаемой Вами программной кампании. Я ее считаю очень несвоевременной. Программа плоха, но никто об этом больше не говорит. Изменение программы требует, чтобы она была неуязвима. Поэтому до тех пор, пока нельзя открыто выбирать делегатов, пока, поэтому, можно оспаривать каждый мандат, лучше без настоятельной необходимости не затрагивать программы. Изменение программы дало бы повод правому крылу разыграть роль истинных правоверных, которые клянутся старой испытанной программой и т. д. Обдумайте, поэтому, хорошенько дело, прежде чем Вы бросите связанной по рукам и по ногам партии это яблоко раздора.

Величайшая опасность всякой политической эмиграции лежит в стремлении к деятельности во что бы то ни стало; что-то должно случиться, что-то надо сделать! И так происходят вещи, значение которых нельзя было предвидеть и которых, как это потом признают, лучше было бы не делать. Разве Вы и Фольмар страдаете еще некоторым стремлением к такой агитации? Тогда берегитесь самих себя.

С сердечным приветом. Ваш *Ф. Э.*

Маркс в Вентноре, на острове Уайте; он хорошо себя чувствует.

23

Лондон, 28 ноября 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

Прежде всего очень благодарен Вам за заметки о национализированных железных дорогах. Этого вполне достаточно. От Бебеля я получил законопроекты страхования от несчастных случаев и болезни за *1882 г.*,

но мне необходимы также законопроекты и за 1881, в первой формулировке, в которой Бисмарк именно дает полный простор своему душевному порыву в пользу несчастных. Во втором издании голосование буржуазии сильно подрезало ему крылья, и это уже не тот Бисмарк.

М[аркс] прежде получал Arbeiterstimme, но, вероятно, он не возобновил своего абонемента, и она поэтому больше не получается.

Фольмар в своей статье, за исключением некоторых второстепенных мест, является настоящим Малоном второго сорта. История французского рабочего движения с 1871 г. здесь *совершенно извращена*, а этого не следовало бы так оставить. Например, во 2-ой статье есть упрек Геду в том, что он примкнул к двум маленьким кликам (из которых позднее возник Prolétaire или чистые Coopérateurs, против которых он именно и выступил)! Как будто вообще господа из будущего Prolétaire допустили бы «нерабочего»! Но главное извращение касается тех событий, которые Девилль правильно излагает в Egalité от 19 ноября (Il y a cinq ans,— история Egalité): борьба на конгрессах по поводу «коллективистской» программы и *победа этой программы в 1879 г. на Марсельском конгрессе*. Это у Фольмара совершенно не указано. Я не могу допустить, чтобы Фольмар намеренно сделал такое искажение, но почти также трудно объяснить, как он мог ничего об этом не знать и ограничиваться в своем изучении французского рабочего движения тем, что Малон находил нужным сообщить ему.

Пропуск Марсельского конгресса скрывает, таким образом, тот несомненный факт, что французская рабочая партия уже 3 года тому назад приняла коллективистскую программу, и, следовательно, отпадение от нее Малона является *решительным шагом назад*. Так как необходимо, чтобы наши товарищи в Германии получили эту историю французского движения не в той редакции, какая соответствует теперешним потребностям Малона, но в таком виде, как оно действительно происходило, то это следует безусловно исправить. По моему мнению, это проще всего сделать в виде вступления к вышеупомянутой статье Девилля именно потому, что она совершенно не имеет полемического характера. Если у Вас ее нет, то сообщите открытым письмом, и я немедленно вышлю Вам ее.

Пусть Малон, впрочем, будет осторожен. Если бы мы захотели так же подробно изложить его faits et gestes, но правильнее, чем он устами Фольмара описывает дела Геда, то ему бы не поздоровилось. У нас есть еще все документы, в которых он 18 марта 71 г. отрекался от восстания и только присоединился, когда дела пошли лучше, чем он ожидал.

Что же касается силы обеих фракций, то я получил об этом отчет от Лаф[арга]. Роанцы имеют в Париже 15 групп, с помощью которых они содержали целый месяц Egalité, что, во всяком случае, много говорит в пользу качества этой публики. В провинции они, по словам Лаф[арга], очень сильны. Fédération du Nord по существу дела с ними, они не хотят prendre part aux querelles des parisiens [они не хотят принимать участия в ссорах парижан], но они сохраняют старую коллективистскую программу, которая напечатана на первой странице их Forçat. Роанцы созывают свой следующий конгресс в Рубэ, куда поедут все делегаты Севера, и они поддерживают самые близкие отношения с Fédération du Nord. Другая провинциальная рабочая газета, L'Exploité de Nantes, точно так же отпечатала старую программу вместе с Considérants, на первой странице газеты и перепечатывает статьи Egalité; Девилль состоит ее сотрудником. Таким образом, оба единственных рабочих органа провинции на их стороне. En province, не считая Севера, nous battons les Possibilistes qui n'ont de force qu'en Bre-

tagne et à Marseille — et encore [В провинции мы везде разбиваем поссибилистов, которые сильны только в Бретани и в Марселе, да и то это сомнительно].

Что Малон имеет большую публику для винигрета своих Considérants, в этом нет ничего удивительного. Когда организуют партию без программы, в которой каждый может участвовать, то это уже вовсе не партия. Старые сектанты, с которыми так трогательно считается Малон-Фольмар, в течение долгих лет доказали свое бессилие, и надо дать им спокойно вымереть. Что же касается до Chambres Syndicales [Синдикальные камеры]—то, если каждое стачечное общество, которое подобно английским трэд-юнионам, борется только за высокую заработную плату и короткое рабочее время, во всем же остальном не интересуется движением — если все их считать рабочей партией, тогда организуется действительно партия для *сохранения* наемного труда, а не для его уничтожения. А по словам М[аркса] большинство этих парижских Chambres Syndicales даже еще более бесцветны, чем английские трэд-юнионы. Отменять программу в угоду подобным господам,—это не способ толкать их вперед. И где это когда-нибудь была видана партия без программы, партия, неопределенные Considérants которой, составленные совершенно в духе коммуниста Микеля, который верит в возможность коммунизма через 500 лет, сводятся к тому, что каждая группа фабрикует свою собственную программу!

Но что же имеет Малон от Chambres Syndicales? Они не делают взносов, они не посылают делегатов в федеральный совет; они номинально числились в Union Fédérative до раскола и номинально там и остались; они, как говорил Л[афарг], составляют complément platonique. Они здесь только числятся. Вот что говорит Лаф[арг] о других группах М[алона]: Dans le XVII arrond[issement] nos amis ont organisé après le Congrès un groupe qui immédiatement s'est trouvé composé de 29 membres. Pour nous faire pièce, les possibilistes ont *subdivisé* leur groupe, qui, à ce que l'on me dit, ne se composait que d'une 20-e de membres, *en cinq sous-groupes*, réunis par un Comité fédéral du quartier. Le tout est joli, mais ne trompe que les indifférents et ceux qui sont éloignés. Совершенно так же поступают бакунисты. По словам Л[афарга], поссибилисты, наоборот, действительно сильны только в Монмартре и там так же хорошо организованы.

Быть временно в меньшинстве с правильной программой — quoad организация — все же лучше, чем без программы иметь большую, но зато почти номинальную, мнимую партию. Мы всю свою жизнь были в меньшинстве и очень хорошо при этом себя чувствовали. И меньшая численность (если она действительно есть, что для меня далеко не ясно, — поссибилисты осмелились даже явиться на Conférence Contradictoire роанцев по поводу обоих конгрессов), меньшая численность организаций в Париже дважды или трижды возмещается влиянием прессы.

Каким образом, следовательно, Ваши парижские корреспонденты могут видеть в Сг. Этьеннской «действительную» рабочую партию, мне непонятно. Эти господа, во-первых, вовсе не партия, менее всего *рабочая* партия; так же мало, как здешние рабочие. Но они представляют в зародыше то, во что вполне развились здешние рабочие: *хвост буржуазно-радикальной партии*. Единственно, что их объединяет, это буржуазный радикализм, так как рабочей программы у них нет никакой. И те рабочие вожди, которые занимаются фабрикацией такого рабочего, «голосующего стада» для радикалов, в моих глазах являются *настоящими предателями*.

Для курьеза, я сделал запрос и по поводу Ваших заметок о Годаре. Этот Годар qui se dit anarchiste, comme son maître Maret, écrit dans un jour-

nal opportuniste de Toulouse. Отказать такому человеку в так называемом удовлетворении вполне в порядке вещей, не только по обычаям парижской прессы. Но наши друзья опять совершили колоссальнейшую глупость; ррреволюционной фразеологией они навлекли на себя преследования раньше, чем газета была обеспечена. Как Вам известно, Гед арестован, а Лаф[арг] вскоре за ним последует. Если эти двое будут сидеть, то этим будут устранены лица, самые активные не только в качестве писателей, но и руководителей. Девилль ленив, Массар на своем месте секретаря редакции очень хорош, но это не те люди, которые могли бы вести газету при таких же тяжелых условиях. Я не говорю об остальных. Бриссак и Буи — старые коммунары, а Пикар — обыкновенный журналист.

Впрочем, не поддавайтесь мнению, будто Г[ед] и Л[афарг] хотели все организации «безусловно подчинить своей директиве». Это—вечный лозунг всякой бакунистской тактики, который вообще часто употребляется во Франции вместо других аргументов.

Отношение к заграница в Egalité! Да если бы Вы знали, какой царствует беспорядок и в каком состоянии находится знание немецкого языка в бюро! Если Л[афарг] удержится, то Вам лучше всего писать ему, он, по крайней мере, сообщит Вам все. Другого я ничего не могу посоветовать.

Если Вы хотите использовать резюме брошюры, то я на это согласен. Заключительное примечание я скоро пришлю. Дело Шмидта очень хорошо. Поллаки (Pollaky) уже давно имеет частное полицейское бюро в Лондоне. В адресной книге под Inquiry Officer (таких перечислено 18 человек) напечатано: Pollaky, Ignatius-Paul, 13 Paddington Green W (совсем недалеко от меня). Correspondent to «Foreign Police Gazette».

Надо надеяться, что мое поздравление с началом 7 тысячи опять придет слишком поздно. А мне сегодня минуло 62 года.

Сердечно кланяюсь. Ваш *Фр. Э.*

24

Лондон, 16 декабря 1882.

Дорогой господин Бернштейн!

Шорлеммер жалуется, что он уже давно не получает С.-Д.; абонемент его кончился, и он уже 4 недели тому назад прислал мне чек (о котором я забыл) для возобновления своего годичного абонемента,—«для употребления остатка на партийные цели».

Рукопись о марке мне пришлось 3 раза заново переписать; пришлось из 10 толстых томов Маурера опять прочесть около 5—6, сравнить с другими источниками. Теперь я послал ее М[арксу], который гораздо больше и основательнее меня изучал эти вопросы; я надеюсь получить ее обратно в понедельник.

Malon se moque de Vollmar. Не то он, наверное, исправил бы ошибку последнего. Подвергшиеся нападкам со стороны Egalité «Alliancistes» были поняты в смысле бакунинского альянса. Ни в коем случае! Так называют поссибилистов, которых теперь совершенно нельзя отличить от публики из Alliance Socialiste, основанной приблизительно года 4 тому назад Журдом, экс-коммунаром по отделу финансов, с помощью других еще и экс-прудонистов (напр. Лонге); они составляют социалистический резерв Justice. Эта Alliance, наверное, упоминалась там при выборах; при последних всеобщих выборах в палату она выставляла кандидатов и получила

приблизительно столько голосов, по крайней мере, в нескольких округах— как рабочая партия (parti ouvrier). Если Фольмар, несмотря на свое полуторагодичное пребывание в Париже, этого не знал, то Малон намеренно скрыл это от него, как и многое другое. Так обыкновенно бывает, когда без критики связываются только с одной группой.

Но забавным Фольмар становится, когда он хвалит Малона за соблюдение партийной дисциплины и осуждает других за нарушение дисциплины. Кто же нарушает дисциплину,—тот ли, который высоко держит старое знамя, или тот, который вербует рекрутов с прямой целью изменить своему знамени и заменить старое знамя новым? Откуда же Малон взял бы свое большинство в Ст. Этьене, если бы он сперва не навербовал сторонников, которые заранее уже имели намерение, и именно потому и были завербованы, отвергнуть старую программу?

Великолепна ссора по поводу Луи Блана между Малоном и его Кловиссом Гюгсом. Вот так партия!

Вы видите, Fédération du Nord прямо высказалась за Роан.

Лаф[арг] в последних номерах Egalité поместил прекраснейшие статьи, напр., о кандидатуре Бонту. Ирония им удается гораздо больше, чем доктринерское пророчание.

Не позаботитесь ли Вы о том, чтобы Шорл[еммеру] были посланы номера?

Искренне Ваш *Ф. Э.*

25

Лондон, 18 января 1883 г.

Дорогой господин Бернштейн!

Сперва праздники, затем дни траура, все помехи. Что я теперь едва ли могу располагать хоть одной минутой, когда Маркс вернулся из Вентнора и находится под домашним арестом из-за бронхита легкого, к счастью, пока протекающего благополучно, и не должен много говорить, и когда мне приходится заниматься всеми семейными делами — это Вы легко поймете. (Только не пишите ничего об этом в газете. М[аркс] бы страшно рассердился, если бы он увидел, какие нескромные и к тому же, отчасти, неверные комментарии делает бравый Фирек сегодня в S[üd] D[eutsche] Post).

Но, я могу еще уделить Вам почти целый час. Что касается вернувшегося Гумбеля, то он в том отношении напоминает гейневского Гумпелино, что также интересуется бумагами («Papierches»). Во всем остальном он представляет великолепный экземпляр немецкого социалиста за границей, ибо он очевидно был в Париже. Так как для этих господ составлена теория, в которой они совершенно неповинны, понимать которую, хотя бы самым элементарным образом, они не дают себе труда, то каждый провинциал среди них мнит себя выше всех других иностранцев. Таким образом, он приезжает из Гейльброна, или как бы там ни называлась провинция, в Лондон или Париж и возмущается, если там не признается точка зрения провинциала. Вместо того, чтобы расширять свой горизонт и кой-чему научиться, он нарочно становится еще более ограниченным, чем прежде, так как в этом еще более резко обнаруживается его отличие от скверных иностранцев, следовательно, его воображаемое превосходство. А ведь этот сорт людей господствует в немецких союзах за границей, и если Вам теперь приходится страдать от их гнета, то спросите, кто же старался после издания закона против социалистов придать незаслуженное значение этим союзам посредством централизации и т. д.? Если бы Вы тогда так хорошо знали этих господ, как теперь, то Вы едва ли бы так старались.

«Партия чистых рук», говорите Вы? Может быть, чистых рук Гассельмана или Фриче и стольких других, о которых многое рассказывали приезжавшие изгнанники и прочие?

Но лучше всего—Гумпелино, когда речь заходит о его бумагах. Когда такой провинциальный рыцарь добродетели фарисейски выступает против практики, которая довольно неприятна, но при которой действительная польза для партии всегда бесконечно превышает возможный вред, то, наверное, за этим что-то скрывается. У рабочих нет бумаг. Их просто не интересует биржевой отдел. Итак — маленькие людишки, которые также интересуются бумагами, требуют в своей партийной газете благонамеренный, искренний, нравственный биржевой отдел. Во-первых, в задачи так называемой газеты не входит давать указания, как лучше всего проводить эксплоатацию рабочих — а доходы от бумаг составляют также доход от неоплаченного труда. Если, таким образом, во-вторых, Гумпелино все же требует, чтобы социалистическая пресса это делала, то это не говорит в пользу его социализма и еще менее в пользу его коммерческого гения.

У меня также есть бумаги, я иногда покупаю и продаю их. Но я не так наивен, чтобы искать указаний для своих операций в *социалистической* прессе. Кто так поступает и теряет при этом, тому поделом. Авраам Гумпелино, крестись!

Нас очень обрадовали ответы Грилленбергера и С.-Д. на ханжество Путткамера. Это—правильный способ. Не изворачиваться надо под ударами противника, выть, хныкать, лепетать извинения, что тут не было злого умысла — как поступают многие. Надо бить, за каждый неприятельский удар наносить два, три. Такова была наша практика с давних пор, и я думаю, что до сих пор мы довольно хорошо побеждали противников. «Впрочем, дух наших солдат проявляется в атаке, и это вполне правильно», — говорит старый Фриц в своей инструкции своим генералам. И так поступают также наши рабочие в Германии. Но если, напр., Кайзер в дебатах обо всех исключительных законах — если извлечение Фирека правильно — отступает и вопит, что мы — революционеры только в пиквикском смысле, то что же тогда? А сказать надо было следующее: что весь рейхстаг и Союзный Совет существуют только вследствие революции; что старый Вильгельм, когда он слопал три короны и вольный город, также был революционером; что вся легитимность, вся так называемая почва законности, является не чем иным, как продуктом бесчисленных, совершенных против воли народа, направленных против народа революций. О, эта проклятая немецкая дряблость мысли и воли, которая с таким трудом была введена в партию вместе с «образованными», если бы мы наконец избавились от нее!

Закрывается почта. Я возможно скорее отвечу на некоторые пропущенные отдельные пункты Вашего письма. Благодарю за фотографию. Когда будет корректурный лист? Привет.

Ваш *Ф. Э.*

26

Лондон, 8 февраля 1883.

Дорогой господин Бернштейн!

1) Я надеюсь, что Вы получили отправленную отсюда заказной 20 декабря заключительную рукопись *(Марка)*. Это затягивание печатания ни на что не похоже. Если так будет продолжаться, то Вы можете перепе-

чатать заглавный лист и поставить на нем 1884. Когда послан будет следующий лист?

2) Я не получил—*ни* первого проекта о несчастных случаях, ни речи Бебеля о нем. Между тем, мне кажется, что специальные нападки на бисмарковский социализм устарели. Газетка Фирека потеряла всякую склонность к этому; Зингер, который в предпоследний раз сильно страдал манией национализации, в последний раз был совершенно от этого свободен и довольно революционно настроен. Что же касается слабовольных членов рейхстага Блосса, Гейзера и К°, то они, повидимому, потеряли если не *желание*, *то мужество*.

Зачем таким образом стрелять по воробьям из пушек? Я думаю, что нам следует предоставить бисмарковскому социализму самому себя похоронить. Тогда остается только критика плохого лассалевского наследства. Но если печатание брошюр тянется так долго, то и эта атака переживет себя на самом деле раньше, чем она появится.

3) Относительно Малона Вы ошибаетесь. Этот человек не так глуп, или, во всяком случае, не так лишен хитрости, каким он представляется. C'est un faux bon homme, учившийся у бакунистов, как втихомолку толкать, чтобы казалось, что его толкают. Вы когда-нибудь убедитесь, что я прав.

4) Биржевой налог. Давно существует здесь в Англии в виде простого обычного штемпеля на передаточном акте—½% уплаченных сумм и 5 шилл. за переписку (акций на предъявителя (au porteur) здесь мало, они свободны). Имеет лишь тот результат, что настоящая биржевая игра происходит в операциях на разницу, при которых нет действительной передачи. Касается, таким образом, только так называемого «солидного помещения капитала». Но и его никогда нельзя сделать так, чтобы биржевые игроки не могли его обойти.

Я против этого, 1) потому что мы вообще настаиваем только на прямых налогах и против *всех* косвенных, чтобы народ знал и чувствовал, что он платит и как возместить всякий капитал, 2) потому что *этому* правительству мы никогда не можем ассигновать ни одной копейки.

Вы справедливо называете шум против биржи мелко-буржуазным. Биржа только изменяет *распределение украденной* уже у рабочих прибавочной стоимости, а как это происходит, совершенно безразлично для рабочих, как таковых. Но биржа изменяет распределение в направлении централизации, чрезвычайно ускоряет концентрацию капиталов и потому производит такую же революцию, как паровая машина.

Истинно мелко-буржуазными являются также налоги с нравственной целью. Налог на водку можно еще во всяком случае оправдать. Но здесь это очень смешно и совершенно реакционно. Если бы биржа не создала в Америке колоссальных капиталов, то как была бы возможна в крестьянской стране крупная промышленность и социальное движение?

Было бы очень хорошо, если бы Вы здесь выступили, но обдуманно. Не надо показывать Штеккерам слабых сторон.

5) 3-е изд. Капитала. Это затянется еще на некоторое время, так как М[аркс] все еще хворает. Пребывание в Вентноре при постоянной дождливой погоде было для него вредно. К этому надо еще прибавить потерю дочери. Он уже три недели здесь и так охрип, что ему можно только очень мало говорить; таким образом,—на это пока рассчитывать нечего (но об этом ничего не пишите в газете!).

6) За книгу Родбертуса-Мейера мы Вам будем очень благодарны. Этот человек когда-то чуть не открыл прибавочной стоимости. Его померанское поместье помешало ему это сделать.

Очень благодарен за фотографии. Каутский прислал мне свою брошюру об американском хлебе. Удивительная ирония: 3 года тому назад население надо было ограничить, так как в противном случае ему нечего было бы есть, теперь нет достаточно населения, чтобы съесть американские продукты! Это происходит оттого, что изучаешь так называемые «вопросы» один за другим, без связи. При этом, конечно, становишься жертвой той диалектики, которая, на зло Дюрингу, «объективно находится в самих вещах».

Я очень рад узнать, что гогенцоллернская фамилия опять обладает профессиональным педерастом. Без этого она не была бы совершенной. Принц Карл, как и Фр[идрих] В[ильгельм] II, также занимался этим делом, но не отказывался и от женщин. При этом я вспоминаю: передал ли Вам Адольф Бейст «Тайную Историю Берлинского Двора» Мирабо, которую я дал ему для Вас? Если нет, возьмите ее у него. Книга незаменима для Фр[идриха] В[ильгельма] II. Главные места загнуты.

Сердечно кланяюсь Ваш *Ф. Э.*

27

Лондон, 10 февраля 1883.

Дорогой господин Бернштейн!

Подтверждая отправление вчерашнего письма, я посылаю Вам здесь письмо для К[аутского], старый адрес которого, может быть, уже не годится.

Возвращаясь к биржевым налогам, я нахожу, что нам вовсе незачем отрицать «безнравственность» и плутни биржи; мы можем даже довольно ярко охарактеризовать их, как кульминационный пункт капиталистического накопления, где собственность прямо превращается в воровство; но затем, дальше, надо сделать заключение, что ни в коем случае не в интересах пролетариата разрушить эту чистую форму современного хозяйства, а наоборот, надо предоставить ей совершенно свободно развернуться, чтобы и самые глупые могли видеть, к чему ведет современное хозяйство. Нравственное негодование мы предоставим тем, которые достаточно жадны, чтобы ходить на биржу, не будучи даже биржевиками, и быть там ограбленными, как это и следует. А когда вступают в конфликт биржа и «солидные дела», и при этом юнкер, также желающий спекулировать на бирже и необходимо разоряющийся, является третьим в этой взаимной борьбе главных частей класса эксплоататоров, тогда мы будем тем четвертым, который будет смеяться.

Просьба прислать точный адрес с № и улицей относится также и к Вам. Иначе я не могу послать денег, которые я должен, между прочим, послать за 6 экз. брошюры о Шмидте, которые Шорл[еммер] и я хотим послать в Германию и о которых я прошу.

Но теперь я должен кончить.

Ваш *Ф. Э.*

28

Лондон, 27 февраля 1883.

Дорогой господин Бернштейн!

Ваше письмо я получил вчера вечером. Egalité опять погибла, и я прошу Вас напечатать об этом в С.-Д. следующие факты (на прилагаемой записке). Надо надеяться, что эти люди, наконец, поумнеют и откажутся

от основания ежедневных газет по таким контрактам. Обжаловать, это — напрасный труд, это будет стоить много денег, и каждый французский суд с большим удовольствием откажет социалистам и провалит процесс, а газеты все-таки не будет.

Гед и Лаф[арг], между прочим, привлекаются по статье 91 Code pénal (уголовного кодекса) — заговор и призыв к гражданской войне — смертная казнь. Какой фарс!

Хорошо, что теперь по крайней мере они не могут публично объявить себя солидарными с анархистами, только потому, что те *сидят в тюрьме* — с этими детьми, которые играют с огнем и хотят изображать из себя самых невинных людей в мире, когда их секут. Так, теперь у одного из этих дураков в Брюсселе взорвалась бомба в кармане брюк! Динамит с течением времени становится совершенно смешным.

Теперь другая картинка. Вследствие низости, которую совершил Фирек по отношению к Шорлеммеру в S[üddeutsche] P[ost], я порвал с ним. Подробно об этом—в письме, которое я послал Ш[орлеммеру] и которое он пошлет Вам прямо из Манчестера завтра утром, если он с ним согласен (возвращено мне обратно, потому что я забыл подписать его).

Мне незачем Вам говорить, что мы тогда здесь очень холодно приняли бы Ф[ирека] и Фритче, если бы они не приехали в качестве официальных делегатов партии. Но, так как Маркс болен, я в некоторой степени должен был оказать им гостеприимство; к этому прибавились разные интимности его теперешней жены с моей племянницей (они обе тогда были тайно помолвлены) и т. д. и т. д. Я при этом высказал ему очень ясно свое мнение по поводу его склонности к вульгарной демократии. Довольно того, я оказался связанным с ним, но теперь это дело уже кончено. Манера обращения Ф[ирека] с Ш[орлеммером] была бы недопустима даже по отношению к чистильщику сапог. Между тем [орлеммер], после Маркса, безусловно самый известный человек европейской социалистической партии. Когда я познакомился с ним 20 лет тому назад, он был уже коммунистом. В то время бедный частный ассистент английских профессоров, он теперь член Royal Society (здешней Академии Наук) и первый в мире авторитет в своей специальности, химии простейших углеводов (параффина и его производных). Его изданный вместе с Роско и написанный почти исключительно им одним (о чем знают все химики) большой учебник химии занимает теперь первое место в Англии и Германии. И это положение он завоевал себе за границей в борьбе с людьми, которые эксплоатировали его, пока это было возможно, чисто научными работами, без всякого бахвальства.

При этом он нигде не стесняется выступать как социалист, читает вслух за профессорским обеденным столом остроты из С.-Д. и т. д.; но он с полным правом требует, чтобы против его воли, как это сделал Ф[ирек], его в той или другой форме не предавали гласности. Но теперь — до завтра, скоро полночь, а я нарушил свое решение не писать вечером.

28 февраля. Вы должны мне сделать одно одолжение и не называть меня в газете так часто «товарищем». Во-первых, мне ненавистны всякие титулы, и мы можем придерживаться того же правила, которое принято во всей немецкой литературе, где людей просто называют по имени, без титула, если на них не нападают, кроме тех случаев, где слово «товарищ» должно *действительно указывать* читателю, что данное лицо принадлежит к партии. То, что принято и практикуется на трибуне и в устных дебатах, в печати звучит не так хорошо. К тому же мы и не «товарищи» в более тесном значении этого слова. Мы едва ли являемся больше членами германской партии, чем французской и американской или русской, и мы так же

мало можем связывать себя немецкой программой, как и француз кой. Мы очень дорожим этой нашей исключительной позицией представителей *интернационального* социализма. Но она не позволяет нам также принадлежать к какой-нибудь одной национальной партии до тех пор, пока мы не вернемся, напр., в Германию и не примем прямого участия в тамошней борьбе. Теперь это было бы бесцельно.

То, что Вы говорите о вине Л[ибкнехта] в привлечении мещанских элементов, уже давно является и нашим мнением. При многих своих прекрасных качествах, Л[ибкнехт] имеет тот недостаток, что он изо всех сил старается привлечь в партию «образованные» элементы и что для него, как бывшего учителя, не может быть ничего хуже, чем если какой-нибудь рабочий в рейхстаге путает *мне и меня*. Такого человека, как Фирек, никогда не следовало бы выставлять кандидатом,—он гораздо больше скомпрометировал бы нас в рейхстаге, чем сто раз неправильно употребленное «*мне*»,—ошибка, которую делают также Гогенцоллерны и фельдмаршалы. Если образованные, вообще пришельцы из буржуазных кругов, не стоят *вполне* на пролетарской точке зрения, то они являются чистейшим злом. Но если они действительно усвоили себе эту точку зрения, тогда они очень желательны и полезны. А затем, Л[ибкнехт] имеет еще то свойство, что он ради минутного успеха, без всяких рассуждений, жертвует позднейшими большими успехами. Например, чрезвычайно рискованная посылка Ф[ирека] и Фр[итче] в Америку. Пока это сошло довольно сносно, но разве мы уверены, что Фр[итче] впоследствии не скомпрометирует нас в Америке? *И тогда будут* говорить: это был официально присланный представитель германской соц.-дем. в Америке. А как надо быть осторожными с кандидатурами этого сорта людей, показывает случай с Оппенгеймером.

Опять перерыв!

1 марта. Мы всегда сильно боролись против мелкобуржуазного мещанского и филистерского мировоззрения внутри партии, так как оно, образовавшись уже со времени 30-летней войны, охватило все классы в Германии, стало немецким наследственным злом, родной сестрой прислужничества и подобострастия и всех немецких наследственных пороков. Это оно сделало нас смешными и презренными за границей. Оно является причиной господствующей у нас дряблости и слабохарактерности. Оно так же часто господствует на троне, как и в трактире сапожников. Только с тех пор, как в Германии возник *современный* пролетариат, только с тех пор развился в ней класс, который почти ничего не сохранил в себе от этой наследственной болезни, который проявил свободные взгляды, энергию, бодрость духа и настойчивость в борьбе. И после этого нам не бороться против всякой попытки опять искусственно привить этому здоровому и единственно здоровому классу в Германии старый наследственный яд филистерской ограниченности и филистерской дряблости? Но в первом испуге после покушений и после издания закона против социалистов среди вождей распространился страх, который доказывал, что они сами слишком долго жили среди филистеров и находились под давлением филистерских взглядов. Тогда партия должна была если не совсем *стать* филистерской, то по крайней мере *казаться* такой. Это мы теперь уже благополучно преодолели, но в партии остались еще втянутые в последнее время перед законом против социалистов филистерские элементы, среди которых преобладают в особенности люди с университетским образованием, по большей части еще не выдержавшие экзамена; за ними надо зорко следить. Нас очень радует, что Вы оказываете в этом содействие, у Вас в С.-Д. самый важный пост.

Оставьте, наконец, в покое злополучную статью в Ежегоднике. Она оправдывает биржевиков. Но можно очень хорошо самому быть биржевиком и в то же самое время социалистом, и именно поэтому ненавидеть и презирать *класс* биржевиков. Разве мне придет в голову оправдываться в том, что я когда-то также был компаньоном в одной фабрике? Хотел бы я посмотреть на того, кто упрекнул бы меня в этом. И если бы я был уверен, что могу выиграть на бирже миллион и этим дать большие средства партии в Европе и в Америке, я бы тотчас же пошел на биржу.

Вы совершенно правы в том, что говорите относительно стремления добиться похвалы противников. Мы часто ужасно сердились, когда Volksstaat или Vorwärts с радостью отмечал, что какой-нибудь катедер-социалистический пердун «признал» нас. Микель начал свое предательство с утверждения, что мы должны во всякой области вынуждать у буржуазии признание нас. И Рудольф Мейер может сколько угодно льстить нам; максимум, чего он может добиться, это—обратного принятия из-за действительно ценных «Politische Gründer». Мы, конечно, никогда не говорили с ним о серьезных вещах, а почти только о Бисмарке и т. п. Но Мейер, по крайней мере, приличный парень, который умеет зло посмеяться и над господами дворянами и не является карьеристом, как все катедер-социалисты, которые теперь процветают также в Италии — образчик их Ахилл Лориа, который недавно был здесь, но который после двух посещений больше уже не явился.

Шум об электротехнической революции у Ф[ольмара], который в этом деле абсолютно ничего не понимает, только реклама для изданной им брошюры. В действительности однако дело это имеет чрезвычайно революционный характер. Паровая машина учит нас превращать теплоту в механическое движение, но пользование электричеством открывает нам путь превращения всех форм энергии, теплоты, механического движения, электричества, магнетизма, света, одной в другую и обратно, и промышленного пользования. Круг замкнут. И новейшее открытие Депре, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей силы могут передаваться по простой телеграфной проволоке на неслыханные до сих пор расстояния и быть примененными на конечном пункте — дело это находится еще в зародыше — окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водяных сил. И если даже вначале этим воспользуются только *города*, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершенно очевидно. Ограниченный Ф[ольмар] видит в этом только новый аргумент в пользу своей излюбленной национализации. Чего не может сделать буржуазия, то сделает Бисмарк.

История с Шумахером меня очень огорчает. Надо надеяться, что это временное, ведь он вообще был веселый, решительный малый. Но правда, как вы говорите: проклятая немецкая политическая атмосфера!

По многим причинам я не думаю о приезде на конгресс. При теперешнем положении дел на континенте, я предпочитаю остаться здесь.

Каутский прислал мне вторую часть своего Происхождения брака, где он хочет опять контрабандой провести общность жен, как вторичное явление. Но это не пройдет. Я ему и об этом напишу и письмо пришлю Вам. К[аутский] имеет то несчастье, что несложные вопросы у него превращаются в простые, а наоборот, простые превращаются в сложные. Притом, когда так много пишут, нельзя ничего дать. Он должен был бы для

гонорара писать популярные вещи и оставить себе время исследовать научные вопросы обдуманно и исчерпывающе, так как только при таких условиях может что-нибудь выйти.

Федраста, по поводу которого мы много смеялись, я уже отправил в Манчестер, где он найдет широкое распространение.

Маркс все еще не в состоянии работать, не выходит из комнаты (он вернулся сейчас же после смерти его дочери) и читает французские романы. Его болезнь оказывается очень сложной. Я возлагаю большие надежды на приближение лучшего времени года.

Ваш *Ф. Э.*

Только ничего не сообщайте о здоровье М[аркса] в газете; Ф[ирек] использовал те сообщения, которые я от поры до времени делал его жене (сам он почти никогда мне не писал), в S[üddeutsche] P[ost], но это я мог скрыть от М(аркса), в противном случае он вцепился бы мне в волоса. И на это Ф(ирек) не получил от меня разрешения.

29

Лондон, 14 марта 83.

Дорогой господин Бернштейн!

Вы уже, вероятно, получили мою телеграмму. Событие наступило ужасно быстро. После самых лучших надежд наступил сегодня утром внезапный упадок сил, затем больной просто уснул. Через две минуты эта гениальная голова перестала мыслить, и именно в такое время, когда врачи подавали нам самые лучшие надежды. Как много значил для нас этот человек теоретически и во все решительные моменты также и практически, об этом может судить только тот, кто постоянно был вместе с ним. Его великие прозрения будущего на долгие годы вместе с ним сойдут со сцены. Это такие вещи, до которых мы, простые смертные, не доросли. Движение пойдет своим путем, но будет чувствоваться отсутствие спокойного, своевременного, обдуманного вмешательства, которое до сих пор избавляло его от долгого ложного пути.

Более подробно в следующий раз, теперь 12 часов ночи, а я должен был все послеобеденное время писать письма и бегать по разным делам.

Ваш *Ф. Э.*

30

Лондон, 14 апреля 83.

Дорогой господин Бернштейн!

Д-р Эвелинг, редактор «Progress», написал в «Republican» с просьбой купить деревянное клише появившегося там портрета Маркса. Ответ получился: That block has been sent to Germany for the Sozialdemokrat, so it is impossible for you to have it. Э[велинг] просит меня тотчас же написать, не может ли он по возможности скорее получить это клише. Если нет, то, может быть, клише с него. Тут, может быть, недоразумение, и деревянное клише попало в Neue Welt. Отвечайте мне немедленно открытым письмом.

Отчет конгресса очень отрадный.

Ваш *Ф. Э.*

2-й том Капитала есть—но в каком состоянии, я не могу сказать; надо прочесть 1000 страниц рукописи. Но не помещайте еще ничего в газете; как только я буду знать что-нибудь определенное, я пришлю Вам точные указания.

31

23 апреля 1883 г.

Одновременно с этим посылаю и корректуру. Письмо Ваше получил, отвечу на него на этой неделе статьей для С.-Д. о Марксе. Мне еще нужно кое-что привести в порядок, прежде чем закончить ее.

Сказка о злом Э[нгельсе], который совратил доброго М[аркса], с 1844 г., много раз заменялась другой сказкой об Аримане М[арксе], который совратил с пути добродетели Ормузда Э[нгельса]. Теперь, наконец, у господ парижан раскроются глаза.

Ваш *Ф. Э.*

32

Лондон, 28 апреля 83 г.

Дорогой Бернштейн!

(Я думаю, мы отбросим скучное слово «господин».) Продолжение нижеследующего будет содержать некоторые письма, между прочим переписку с американцами о Мосте.

То, что вы поехали обратно не via Лондон, непростительно,—я твердо рассчитывал на это. Но, может быть, Вы приедете как-нибудь летом, тогда мы вместе будем плавать в море. Кровать у меня для Вас всегда обеспечена.

Мейолл, первый фотограф в Лондоне, который всегда работал для Маркса, придерживается принципа: We do not take money from eminent people. Поэтому мы теперь не можем настойчиво требовать снимков (он очень неаккуратен), можем делать это только окольными путями. Мы, таким образом, сделали ему заказ якобы для немецкого книготорговца на 1000 визитных карточек (12 ф. ст.—240 м.—24 пенса штука) и 200 кабинетных портретов (¾ роста по 8 ф. ст.—160 м.—80 пенсов штука). Это последняя, самая лучшая фотография, на которой Мавр изображен в своем бодром, уверенном в победе, олимпийском спокойствии. Я предлагаю ее Вам, Либкнехту и Зорге в Нью-Йорке за вычетом того, что нам самим нужно. Сколько вы желаете? Вовсе не надо их тотчас же все сбыть. Они, во всяком случае, лучше того, что делают там.

Ваш *Ф. Э.*

33

Лондон, 12 июня 83 г.

Дорогой Бернштейн!

Теперь половина двенадцатого ночи, и я только что прочитал и отправил корректуру 2-го листа 3-го издания Капитала (немалая работа); теперь я хочу употребить остаток вечера, чтобы написать Вам письмо, по крайней мере, начать его.

Что касается внутренних дел, то я в протоколе читал уже довольно много между строк, и вскоре после этого я получил от [Бебеля] краткое объяснение. Я уже давно писал Б[ебелю], что раскол с трусами правого

крыла должен будет, наконец, наступить, но, по моему мнению, не в наших интересах форсировать его раньше, чем мы опять будем в состоянии непосредственно сноситься с массами, т.-е. не во время существования закона против социалистов. Если они нас к этому *принудят*, тогда придется стараться, чтобы *они* нарушили партийную дисциплину, а не мы, и тогда мы уже будем в выигрыше. И до этого их следовало бы довести, если они не хотят соблюдать спокойствия. Что касается Либкнехта, то он приложит все усилия, чтобы оттянуть кризис, но когда последний наступит, и он увидит, что его больше нельзя откладывать, то он будет на надлежащем месте.

Я должен быть краток, у меня много дела.

1) Привести в порядок наследство, при чем мне почти все приходится делать самому; старых вещей не знает никто, кроме меня, а их огромное множество, и в ужасном беспорядке; многие пакеты и ящики еще совершенно не открыты.

2) Позаботиться о 3-м издании с различными изменениями и с несколькими добавлениями из французского издания. При этом еще читать корректуру.

3) Использовать имеющиеся виды на издание английского перевода,— я сегодня был по этому поводу у одного здешнего крупного издателя,— а затем редактировать самый перевод (Мур, который сделает его, превосходен, это наш друг в течение 20 лет, но он тяжеловесен).

4) Сличить 3—4 редакции начала II тома и приготовить их для печати, при этом переписать начисто весь 2-й том.

5) От поры до времени, неделю возиться с Шорлеммером, который вчера опять уехал в Манчестер — он всегда привозит с собой работу, но — о горе!

Voilà la vie!

Осел в Фоссовой газете (мне эту вещь прислали четыре раза), повидимому, во всяком случае причинил много горя в славной Германии по поводу несчастного Маркса. Может быть, я когда-нибудь, если буду в веселом настроении, лягну его. Если бы эти ослы имели случай прочесть переписку между мной и Мавром, они бы остолбенели от удивления. Поэзия Гейне — детская игрушка в сравнении с нашей насмешливой прозой. Мавр мог прийти в ярость, но впадать в уныние — jamais! Я помирал со смеху, когда перечитывал старые вещи. Впрочем, эта исторически важная переписка, поскольку это будет в моей власти, попадет в надлежащие руки. К сожалению, у меня имеются письма Маркса только начиная с 1849 г., но зато сполна.

Прилагаю отрывок оригинального наброска заключения Коммунистического Манифеста, который Вы сохраните на память. Верхние 2 строки написаны под диктовку госпожей Маркс.

Прилагаемое стихотворение Веерта я прислал бы Вам еще во́-время для фельетона, если бы Вы не устроили так, что Ваше письмо пришло на 12 часов позже — я должен был ждать, напечатаете ли Вы фельетон tel quel [как он есть]. Вы его можете поместить в другом номере. Вещи Веерта, уже из духа противоречия торжественному Фрейлигграту, все проникнуты иронией и юмором. О «серьезном» в них никогда нет речи.

Что касается отмены закона против социалистов, то публика в Германии всегда видит только ближайшее. Когда Александр III разочаровал Россию своей прокламацией в Москве (как Фр[идрих] В[ильгельм] IV в 1841 г. пруссаков—а дела здесь более серьезны), то он гораздо больше сделал в пользу этого, чем все эти Гейзеры, Блосы и им подобные могли бы когда-нибудь сделать всеми своими ламентациями. Если его в одно прекрасное утро подстрелят, а это наверное случится, то весь *внутренний*

режим Бисмарка гроша ломаного не будет стоить. Тогда дела примут совершенно другой оборот. Даже если старый Вильгельм просто [1]) умрет, непременно произойдут перемены. Современное поколение никогда не переживало и не может даже себе представить, на что способен состарившийся кронпринц при создавшемся тем временем революционном положении, и к тому же еще такой колеблющийся и безвольный дурак, как «наш Фриц». Не исключена даже возможность столкновения авантюристского французского правительства со всем миром, чтобы вызвать насильственные действия в Париже. Тунис, Египет, Мадагаскар, Тонкин, — а теперь они хотят даже оспаривать у англичан некоторые из скалистых островов, где едва ли живет 50 человек, у берегов Нормандии. Я хочу надеяться, что в Париже ничего не произойдет, так как господствующая там в массах глупость может быт превзойдена еще только здесь в Лондоне. И при этом бравый Бисмарк работает в нашу пользу, как шесть верблюдов. Его новейшая теория, что имперская конституция является не чем иным, как договором правительств, который они каждый день могут заменить другим, не спрашивая рейхстага, это для нас прямо находка. Пусть он только попробует. При этом очевидные усилия вызвать конфликт, его глупые и несносные Бедикеры и К° в рейхстаге—все это вода на нашу мельницу. Во всяком случае, при этом становится неуместной фраза, более подходящая для декламации (или для *действительно* революционного положения) о «единой реакционной массе». И ирония истории, работающая в нашу пользу, состоит именно в том, что среди различных элементов этой феодальной и буржуазной массы, в наших интересах, происходят постоянные трения, грызня, столкновения, что они, следовательно, составляют прямую противоположность единообразной массы; дураки воображают, что справились с этим, называя все их «реакционными». Наоборот. Все эти разного рода бездельники должны сперва перегрызться друг с другом, изничтожить и скомпрометировать друг друга и тем подготовить почву для нас, чем они поочередно, один за другим, докажут свою неспособность. Одна из величайших ошибок Лассаля заключалась в том, что он в агитации совершенно забывал то немногое, что усвоил из диалектики Гегеля. Он всегда видел только одну сторону, так же, как и Либкнехт, а так как последний случайно замечал правильную сторону, то он в конечном счете превосходил великого Лассаля.

Единственное несчастье современного немецкого буржуазного движения состоит именно в том, что эти господа составляют только «единую реакционную массу», а это должно прекратится. Мы не можем итти вперед до тех пор, пока по крайней мере часть буржуазии не будет отброшена на сторону *действительного движения* — все равно, будет ли это сделано внутренними или внешними событиями. Поэтому нужно избавиться от режима Бисмарка, поэтому он может быть нам полезен только конфликтом или отставкой, и потому уже настала пора для отмены закона против социалистов полу- или вполне революционным путем. Все дебаты относительно того, надо ли освободиться только от одной части закона или от всего закона, или же надо усилить весь карательный закон, мне напоминают дебаты о непорочности Марии in partu и post partum,—решающими являются крупные политические отношения внутри страны и за границей; а последние изменяются, не остаются в своем теперешнем состоянии. В Германии же, наоборот, дело рассматривается при той предпосылке, что совре-

---

[1]) Я не имею в виду В. Блоса. [Здесь игра слов: в тексте blos[s] — просто и Blos—фамилия].

менные немецкие условия будут *вечно* существовать. И параллельно с этим идет представление, связанное с единой реакционной массой: что если современные условия изменятся, то мы придем к власти. Это вздор! Революция есть продолжительный процесс (ср. 1642—46 гг. и 1789—93 гг.); и чтобы условия созрели для нас, а мы для них, все промежуточные партии поочередно должны прийти к власти и оскандалиться. И тогда придем мы и, может быть, тоже временно будем разбиты. Хотя я не считаю этого возможным при нормальном ходе вещей.

Сегодня я отослал по адресу «Volksbuchhandlung», Hott, Zürich, неоплаченной пересылкой, через Continental Parcels Express (корреспондент немецкой и швейцарской почты, пересылающей пакеты) пакет с заказанными фотографиями. Счет приложен к ней. Из денег вы удержите 1 ф. ст. 7 ш.—по счету в мою пользу за вычетом 4 фр.—за посланные чаевые, абонементы и т. д. (если бы при переводе остатка оказалось удобнее послать несколько больше или меньше, тогда, конечно, all right). Теперь здесь остается еще 500 карточек и 280 кабинетных; кто прежде закажет, тот прежде получит. Однако, кроме Дитца, Вы до сих пор не имеете конкурентов. Какими только делами мне не приходится заниматься, Вы можете видеть из того, что я сегодня собственноручно должен был заниматься сортировкой и упаковкой фотографий для Вас и Дитца, а также отправкой на почту (2½ англ. мили отсюда). Какая уж при этом работа!

Борд—уже много лет известный нам осел. У М[аркса] лежат нераскрытыми до 100 присланных им номеров. Envoyez le au diable!

В Швейцарию я не приеду до тех пор, пока континентальные дороги не станут более безопасными. Ведь еще не было уверенности, мог ли бы М[аркс] этим летом беспрепятственно проехать через Францию. Кто раз был изгнан, как я, тот уже надолго отмечен, если не сделает таких шагов, которых я не могу делать. Я это знаю.

Впрочем, ни в коем случае не докучайте мне всякими interna. Человек, находящийся за границей, никогда не может узнать всех подробностей внутренней борьбы руководящей, несмотря на все это, европейской рабочей партии. И приятель Л[афарг] принципиально все это скрывает от меня; его отчеты всегда розовые, как утренняя заря, ясные, как голубое небо, и полные надежд.

Для годовщины июньской резни 48 г. я посылаю Вам, из Новой Рейнской Газеты, статью Маркса, который, единственный во всей европейской прессе, выступил в защиту партии инсургентов, когда они пали.

Сердечно кланяюсь. Ваш *Ф. Э.*

13 июня 83.

Считаете ли Вы своевременным печатать в виде фельетона в С.-Д. *чрезвычайно* дерзкую работу М[аркса] и мою за 1847 г., в которой разделаны и заседающие теперь в рейхстаге «истинные социалисты»? Самое дерзкое, что когда-либо было написано на немецком языке!

34

Дорогой Бернштейн! Лондон, 22 июня 1883.

Если Вы приедете в Париж, то Вы должны на несколько дней приехать сюда. Путешествие туда и обратно будет Вам стоить меньше, чем Вы за это время потратите в Париже. Ваша комната здесь уже готова. Я тогда покажу

Вам также упомянутую дерзкую рукопись и другие рукописи. Г-жа Лафарг даст Вам указания относительно самого лучшего способа путешествия.

Привет Либкнехту.

Ваш *Ф. Э.*

35

4, Cavendish Place, Eastbourn,
27 августа 83.

Дорогой Бернштейн!

Прилагаю почтовый перевод на 4 ф. ст. для старого Беккера. Я все еще надеюсь, что сообщение его семьи преувеличено, как это уже не раз было. Но, конечно, он очень стар и многое пережил, и г-жа Лафарг говорила мне, что в прошлом году в Женеве он выглядел сильно постаревшим в сравнении с его бодрым видом в Гааге.

Сегодня я также не могу много писать. Почта отходит отсюда в 1 час дня, а предо мной лежит для корректуры, которая также должна быть отправлена, 19-й лист Капитала.

Очень благодарен Вам за Ваше предложение о К. Р., но, к сожалению, я не могу сделать из него никакого употребления. За исключением мелочей, все мои добавочные работы такого характера, что я сам должен их выполнить. А то, от чего я мог бы освободить себя, я мог бы передать только такому человеку, который бегло говорит по-английски, хорошо знает Лондон и здешние условия и мог бы избавить меня от некоторых хождений. Я остаюсь здесь приблизительно до 12 сентября, до тех пор годен вышеуказанный адрес, затем опять Лондон.

Здесь у меня, кроме корректуры и залежавшейся корреспонденции, есть еще 1) рукопись Девилля, французская популяризация Капитала; 2) рукопись, часть английского перевода; и то и другое требует тщательного просмотра. Как видите, и здесь нет отдыха. К счастью, я живу у самого моря и сижу у открытого окна, через которое проникает морской воздух.

Меня сильно огорчило, что Вы не приехали сюда. Мне очень хотелось о многом с Вами побеседовать. Во всяком случае, приходится примириться с тем, что *часть* наследства Маркса должна появиться за границей, а относительно этого только Вы можете дать надлежащие советы, или кое-что предложить. Но об этом надо поговорить лично, переписка была бы бесконечной. Но прошу об этом ничего не говорить, чтобы публика из тамошней типографии не питала напрасных надежд. Мой опыт с партийными типографиями таков, что я бы *хорошенько подумал*, прежде чем дать какой-нибудь из них большую и важную работу.

Почтовый перевод я оставляю здесь, так как на нем определенно сказано, что он совершенно бесполезен получателю. Я на память указал Ваш адрес 137 alte Landstrasse, Riesbach; если он неверен, прошу исправить его в Цюрихском главном почтамте. Предложение о дерзкой рукописи было скорее злой шуткой. При законе против социалистов и до тех пор, пока С.-Д. является единственным возможным органом, ни в коем случае не следует из-за таких второстепенных пунктов бросать в партию яблоко раздора, а это непременно случилось бы, если бы из этого пункта сделать «принципиальный вопрос».

При обсуждении «республики», в особенности во Франции, мне кажется в С.-Д. не довольно ясно выступает главная точка зрения, а именно:

В классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией бонапартистская монархия (характеристику которой М[аркс] дал в «18 брюмера», а я в «Жилищном вопросе» и еще в другом месте) играет такую же роль, как старая абсолютная монархия в борьбе между феодализмом и буржуазией. Но так же, как эта борьба не могла быть решена при старой абсолютной монархии, а только в конституционной (Англия, Франция 1789—1792 и 1815—1830), точно так же борьба между буржуазией и пролетариатом может разрешиться только в республике. Если, следовательно, благоприятные условия и революционное прошлое помогли французам низвергнуть Бонапарта и установить буржуазную республику, то французы имеют пред нами, застрявшими в какой-то смеси полуфеодализма и бонапартизма, то преимущество, что они уже обладают той формой, в которой должна окончиться эта борьба и которую нам надо еще *завоевать*. Они политически на целый этап опередили нас. Монархическая реставрация во Франции должна была бы, таким образом, иметь результатом опять борьбу за восстановление буржуазной республики; дальнейшее же существование республики, наоборот, обозначает сильное обострение *прямой*, неприкрытой классовой борьбы пролетариата и буржуазии вплоть до кризиса.

У нас первым непосредственным результатом революции *по форме* точно так же может и *должно* быть не что иное, как *буржуазная* республика. Но здесь это будет только короткий переходный момент, так как мы, к счастью, не имеем чисто республиканской буржуазной партии. Буржуазная республика, может быть, с прогрессивной партией во главе, сперва послужит нам, *чтобы завоевать большие массы рабочих для революционного социализма*. Это будет проделано в год или два и поведет к разрушению и самоуничтожению всех, кроме нас, еще возможных промежуточных партий, и только тогда мы можем взяться с успехом за дело.

Большая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе революцию как нечто такое, что может быть закончено за ночь. На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс развития масс с ускоренным темпом движения. Всякая революция, которая была закончена за ночь, устраняла только уже заранее безнадежную реакцию (1830), или же вела прямо к противоположному в сравнении с тем, к чему стремились ее участники (1848 г. во Франции).

Ваш *Ф. Э.*

Что скажете Вы по поводу следующего [1]):

«Последний, так называемый красный номер Рейнской Газеты (третье издание) от 19 мая 1849 г., который опубликовал на первой странице «Прощальное Слово Новой Рейнской Газеты» Ф. Фрейлиграта, на этих днях опять был здесь конфискован полицией. Старьевщик купил этот последний и прощальный номер тогдашнего органа демократии в большом числе экземпляров для оберточной бумаги и продавал их по 10 пфеннигов штуку. Конфискацией оставшихся еще у торговца экземпляров полиция положила этому делу конец. Если конфискация произошла вследствие того, что плохая бледно-красная печать газеты должна быть вредна для глаз читателя, то публика может сказать спасибо полиции. Этот поступок едва ли может в настоящее время вызвать волнение».

---

[1]) Энгельс приложил к письму вырезку из какой-то кельнской газеты 1883 г.

36

Лондон, 8 ноября 83.

Дорогой Бернштейн!

Я уже несколько недель лежу в постели, чтобы вылечиться от, правда, легкой, но неприятной, запущенной болезни; через несколько дней я опять уже встану. Этим объясняется мое молчание. Прошу Вас извиниться за меня пред Каутским; я не знаю, находится ли он еще в Штуттгарте.

Статья о праве на труд была очень хороша и очень кстати. К[аутский] меня уже бомбардировал по этому поводу, и я совершенно готов, как только это станет *необходимо;* но я думаю, что надо еще предоставить этим господам сперва порядком запутаться; они должны еще определенно формулировать, что̀ они под этим понимают; никогда не надо мешать людям «вполне и целиком» высказывать свои глупости, только тогда можно получить нечто вполне осязательное. Надо надеяться, что Ваша статья заставит публику это сделать.

Если и *теперь* парижские немцы не прозрели по поводу Малона и К°, тогда их ничем не проймешь. Их открытый союз *с предателями* английского рабочего движения, с официальными представителями трэд-юнионов, вызвал одобрение всей английской буржуазной прессы, от Times и Daily News до Standard. Как хорошо, что Гед и Лафарг в это время сидели, так что эта превосходная вещь могла разыграться совершенно беспрепятственно.

A propos. Знаете Вы некоего д-ра Моритца Кварка (sic!) в Рудольштадте? Этот совершенно мне неизвестный человек ссылается на точно так же неизвестную мне статью против еще более неизвестного мне Флейшмана и хочет перевести на немецкий язык Misère de la Philosophie. Я питаю мало доверия.

Сообщите мне что-нибудь о том, что на свете делается. Я так поглупел от долгого лежания в постели, что не могу собрать свои мысли.

Ваш *Ф. Энгельс.*

37

Лондон, 13 ноября 83.

Дорогой Бернштейн!

Прилагаемое—для В. Засулич.

По поводу Кварка Вы сняли у меня камень с сердца. Я ему написал, что *Вы* прежде предложили переводить Misère и т. д. Таким образом этот человек устранен. Его брошюра ерунда [1]). Маркс ночью свернул бы мне голову, если бы я согласился, чтобы его переводил этот восторженный поклонник Гогенцоллернов и консервативный государственный социалист.

Но теперь мы должны сделать кое-что путное. Не надо фабричной работы, это вовсе не такое легкое дело. Вы могли бы мне прислать, например, когда это будет готово, рукопись первого листа, это дало бы нам повод столковаться по поводу всего modus operandi.

Брошюры Плеханова мне не прислали, только *Манифест* и «Капитал и Наемный Труд». Я узнал таким образом, что последняя брошюра вышла в *немецком* издании. Почему не удостоили меня и наследников Маркса присылкой экземпляра? Я не получил также ни одного экземпляра

[1]) Игра слов: Quarck — фамилия и Quarck — ерунда.

нового издания Манифеста (по-немецки). Точно также третьего издания «Развития». Я ничего не знаю и о том, что сталось с приготовленной для отдельного издания «Маркой». Это может случиться только у «добродушных немцев».

Из моих портретов существует только тот, который у Вас есть; я не думаю, чтобы этот человек (в Брайтоне) дешево сделал много снимков, но попытаюсь. Вы видите, что я не сержусь на Вашу экспедицию, но она все же могла бы быть не так чувствительна к плохой шутке, принимая во внимание, что она позволяет себе такие шутки в каждом № на расстоянии полстолбца.

С Droit à la paresse будьте осторожны. Даже французам это местами казалось уже слишком сильным и было в сильной степени использовано Малоном и Бр[уссом] против Л[афарга]. Смотрите, чтобы в этот момент не дать крикунам дешевого повода, в этом отношении приятель Б[ебель] еще немножко германец. При этом мне приходит на ум «пахабное» стихотворение («Arschgedicht»). Если автор совершил все перечисленные там геройские подвиги, тогда он может воспевать их. Впрочем, я говорю о половых органах и не могу пускаться в дискуссию с людьми, которые причисляют к ним и свой зад.

Другу Лаврову, вероятно, во всяком случае тяжело было расписаться в том, что он и его русские теперь «окончательно» разрывают со старыми анархистскими тенденциями. Не потому, что он очень ими дорожил, но все же это было нечто своеобразное, «русское». Впрочем, он славный старик, который, однако, всегда является той курицей, которая в своей «русской молодежи» высидела утиные яйца, и с ужасом смотрит на то, как утята идут в эту страшную воду. Это теперь случается с ним уже не в первый раз.

Приезд Каутского меня очень обрадует. Надо надеяться, что я к тому времени уже оправлюсь.

Ваш *Ф. Э.*

38

22/XII 1883.

Если у Вас есть еще Labour Standard, прошу Вас немедленно выслать его *Лафаргу*, он сбработал заметку Шиптона в Cri du peuple, и требуется оригинал, так как дело вызвало скандал. Я могу получить новый экземпляр только в понедельник или даже в четверг (а может быть и тогда не получу).

Я уже с субботы опять на ногах, но еще шатаюсь. Вы хорошо разделали [Людвига фон дер] Марк. Этот осел воображает, что будут считаться именно с тем, что *он* понимает под «государством». Как раз, как Родбертус, который М[аркса] упрекает в том, что он под капиталом представляет себе действительный капитал, а не родбертусовское «понятие капитала». Совершенно по-немецки. Вернулся ли уже Каутский?

Привет. Ваш *Ф. Э.*

39

Лондон, 1 января 1884.

Дорогой Бернштейн!

Прежде всего, поздравляю с новым годом Вас, Каутского и всю экспедицию.

Во-вторых, просьба прислать мне Соц.-Дем. за прошедшую неделю. Он должен был получиться в субботу 29 декабря, но до сих пор еще не при-

был. Вот уже две недели, как я встал с постели и с каждым днем все больше поправляюсь; я надеюсь, что через неделю уже опять в состоянии буду работать. Это крайне необходимо.

Я надеюсь, что Вы не очень возмущались моими многочисленными изменениями в Вашей рукописи. Как я уже говорил Каутскому, мы хотя не можем подражать стилю Маркса, но все же стиль должен быть таким, чтобы он прямо не противоречил марксовскому. Если Вы это будете иметь в виду, тогда мы дадим приличную работу.

Примечание об американском рабстве будет сделано, как и многие другие. Кое-что я скажу в предисловии. Как верно было место о рабстве, видно еще теперь. Капиталистическое производство в хлопчатобумажных штатах развивается медленно, потому что у них нет *кули*, китайцев или индейцев, т.-е. не имеет переодетых свободными рабочими рабов, между тем как на Кубе, Маврикии, Соединения и т. д. оно процветает, постольку и именно постольку, поскольку оно пользуется трудом кули.

По поводу Вашего прежнего вопроса о том месте предисловия к Манифесту, которое приведено в *Гражданской войне во Франции*, Вы, вероятно, согласитесь с ответом, который дан в оригинале (Bürgerkrieg, S. 19 ff.). Я посылаю Вам экземпляр на тот случай, если у Вас там не имеется ни одного. Речь идет просто об указании, что победивший пролетариат сперва должен преобразовать старую бюрократическую, административную, централизованную государственную власть, прежде чем он сможет использовать ее для своих целей. Наоборот, все буржуазные республиканцы, с 1848 г., которые, будучи в оппозиции, боролись против этой машины, ставши сами во главе правительства, перенимали ее без изменений и пользовались ею отчасти против реакции, но в гораздо большей степени против пролетариата. Что в «*Гражданской войне*» *бессознательные* тенденции коммуны приписаны ей как более или менее сознательные планы, вполне оправдывалось при данных обстоятельствах, было даже необходимо. Русские совершенно правильно вставили это место из «Гражданской войны» в свой перевод Манифеста. Если бы тогда экспедиция не торопилась так сильно, то можно было бы сделать это и еще многое другое.

Кстати, вы как-то говорили о сомнительном прошлом Геда, или что-то в этом роде. Мне об этом абсолютно ничего не известно. Наверное, это мальовские сплетни, но все же мне было бы приятно, если бы Вы разрешили мне расследовать это дело.

На днях я вышлю Вам 1 ф. ст. от Шорлеммера за его абонемент; остаток для партийных целей. Сегодня уже слишком поздно для почтового перевода.

Наконец в России опять что-то начинается. История с поездкой царя на санях очень подозрительна, история же с Судейкиным, наоборот, очень ясна. У нас есть сильное желание пожелать Александру по телеграфу «веселых праздников».

Послала ли Вам Тусси Маркс Today и последние №№ Progress'a? Если нет, то я это сделаю. Эти вещи стоят вне трэд-юнионистского движения и ведутся даже очень разнокалиберной компанией. Бакс славный малый, но еще несколько зелен; Эвелинг хорош, но у него мало времени, чтобы заниматься совершенно чуждой ему экономией; Джойнс—ненадежный кантонист (был школьным учителем в большой школе в Итоне, ездил с Генри Джорджем в Ирландию, был вместе с ним арестован, лишился места и ищет себе поэтому какого-нибудь дела) и Гайндман, честолюбивый партийный шеф in partibus infidelium, который еще только ищет партию, а пока еще генерал без армии, впрочем довольно

толковый малый. Лучше всего признать тенденцию, не отождествляя себя с личностями. Во всяком случае, возникновение Today и превращение Progress'а в социалистический журнал именно в данный момент, когда нищета лондонского Ист-Энда громко говорит о себе, имеет большое значение. К тому же во всей стране хроническое перепроизводство, которое теперь, повидимому, ведет к кризису. Обстоятельства благоприятны, но соответствуют ли люди, которые взяли в свои руки это дело, этим обстоятельствам, надо еще посмотреть. Но едва ли это пройдет совершенно бесследно, как до сих пор.

Но баста. Такого длинного письма я уже три месяца не писал. Сердечные поклоны от меня и Шорлеммера всем друзьям.

Ваш *Ф. Э.*

40

Лондон, 28 января 1884.

Дорогой Бернштейн!

Вы вероятно получили мое письмо от 1 с. м., а также и Каутский от 9-го; в последнем я не совсем уверен, благодаря сомнительному № дома (38?). Я послал ему также фотографию, о которой он просил.

Теперь запрос о следующем:

Среди наследства Маркса есть многое, что подходит для партийного архива. Я теперь занимаюсь разборкой книг и т. д., и рад, что опять в состоянии это делать. При этом оказываются некоторые вещи, которые здесь не нужны, и которые очень пригодились бы для библиотеки партийного органа; здесь же они излишни, потому что имеются дублеты. Прежде всего словари: 1) большой французско-немецкий Мозен-Нескье, 5 томов in quarto, в очень истрепанных переплетах; 2) старый итальянский Ягеманн, точно так же очень хороший; 3) испанский, итальянский, голландский, может быть и другие. Я еще в точности не знаю, не хочет ли Тусси то или иное оставить для себя; если нет, то послать ли мне их Вам в Цюрих со всем остальным? При этом окажется еще и многое другое, что можно будет Вам предложить, если я буду знать, что Вы на это согласны.

Затем относительно «Justice». Эта газета была неожиданно выпущена в свет Гайндманом без достаточной финансовой и без *какой бы то ни было* литературной подготовки. Today могла держаться и по прошествии 6—12 месяцев проложить путь для еженедельника. Теперь же оба журнала должны оттягивать друг у друга силы. Но Гайндман не может ждать и вероятно еще раз обожжется. Мне предлагали сотрудничать, но я отказался за неимением времени. В Today можно смело принимать участие; но этого нельзя сделать по отношению к еженедельнику, выходящему в виде партийного органа, пока о нем ничего подробно неизвестно. По первым двум номерам, в которых совершенно отсутствуют идеи, видно, что эти люди уже доживают последние дни и дальнейшего ждут от новых сотрудников. Одним словом, это ошибка. Только неожиданно благоприятно сложившиеся обстоятельства могут помочь журналу стать на ноги.

На тот случай, если бы фон дер Марк или кто-нибудь другой говорили об «уступках» с нашей стороны анархистам, то следующие места доказывают, что мы провозгласили уничтожение государства еще раньше, чем вообще существовали анархисты: Misère de la Philosophie, стр. 177:

La classe laborieuse substituera, dans son développement, à l'ancienne société civile une association qu'excluera les classes et leur antagonisme, *et il n'y aura plus de pouvoir politique proprement dit, puisque le pou-*

voir politique est precisement le résumé officiel de l'antagonisme dans la société civile.

Манифест, конец II отдела:

«Sind im Lauf der Entwickelung die Klassen unterschiede verschwunden... *so verliert die öffentliche Gewalt den politischen Charakter. Die politische Gewalt im eigentlichen Sinn ist die organisierte Gewalt einer Klasse zur Unterdrückung einer andern*».

Последний № Соц.-Дем. опять был очень хорош. Живой, и с богатым материалом. Последнее, конечно, не всегда зависит от редакции. Ваша переработка Лаф[арга] великолепна, немецкий перевод отдельных выражений весьме развеселил меня.

Привет К[аутскому]. Ваш *Ф. Э.*

41

Лондон, 5 февраля 84.

Дорогой Бернштейн!

Относительно одного Вы можете быть спокойны: я не желаю для себя лучшего переводчика, чем именно Вы. В первом листе Вы в своем стремлении правильно и точно передать смысл немного пренебрегли согласованием предложений, voilà tout. Этим объясняется, что я, зная своеобразное, непривычное для Вас согласование предложений у Маркса и желая его внести, сделал много изменений.

Если Вы, передав смысл на немецком языке, еще раз перечтете рукопись, обращая внимание на понятное согласование предложений, и при этом вспомните о том, что следует по возможности избегать растянутого школьного согласования предложений, где глагол придаточного предложения всегда стоит в конце, как это нам всем вбили в голову,—то Вам не трудно будет самому все привести в порядок.

Рукопись присылайте мне лучше всего по отделам, в которых каждая часть представляет более или менее одно целое, 1, 1½ или 2 печатных листа сразу. Тогда я тотчас же и сделаю к этому примечания. Корректуру я также охотно буду читать, в печатном виде многое имеет другой характер.

Статью из старого Соц.-Дем. о Пр[удоне] прошу прислать мне, я о ней забыл; ее, может быть, целиком можно будет вставить в предисловие. Вы, конечно, получите ее обратно.

Относительно Л. фон дер М[арк] и Volkszeitung я вполне разделяю Ваше мнение. Когда умер М[аркс], Шевич подделал мою телеграмму к Зорге и напечатал ее, как адресованную Volkszeitung.

Я протестовал. Он прикрыл подделку ложью, будто первое слово было неразборчиво,—но перепечатал он его *правильно*, а остальное он «считал необходимым в интересах газеты»! К тому же претензия моя «мелочна». Во всяком случае, эти господа не «мелочно», а скорее широко использовали смерть М[аркса] в виде рекламы для себя и для прокламирования своего полусоюза с Мостом. Но Ш[евич] последний русский социалист из аристократии, а они всегда должны «итти дальше всех» и привыкли использовать весь мир, как средство для своих целей. Статья о терпимости была просто нелепа. Русские дрались между собой con amore, и ирландцы также. Я не знаю, получаете ли Вы Travailleur и т. д. Я иногда получаю несколько номеров и посылаю их Вам. Вместе с этим—2 номера Соц.-Дем. с подчеркнутыми Марксом местами, которые, может быть, будут для Вас интересны.

Фунт ст. Ш[орлеммера] я оставляю, таким образом, здесь; прошу записать это на мой счет, засчитав из этого Ш[орлеммеру] его абонемент на год, остальное же передайте в избирательный фонд, указав это в С.-Д. Прошу также записать на счет мой и Тусси абонемент, в случае если абонемент Тусси не пойдет в обмен на Today. Затем прошу переменить адрес Тусси и посылать ей по адресу:

Miss Marx.

32 Great Coramst, W C. London.

Я абсолютно не знаю, что делать с деньгами на памятник Марксу. Сколько их всего? Если хотите, я напишу вам статью для № от 14 марта, скажите мне только приблизительно о чем, чтобы это подходило для Вас. У Мейсснера должны быть еще экземпляры «18 брюмера». То, что он не двигает этой вещи, объясняется осторожностью. Но так как М[аркс] *целиком* продал ему издание, то мы ничего не можем поделать.

Из книг Тусси забрала лучшие словари—франц. и итальянские, но все же остается еще довольно; но я сохранил для Вас особенно ценную вещь—редакционный экземпляр *Новой Рейнской Газеты*. В течение этого месяца посылка будет отправлена.

Я не знаю никаких стихотворений—разве König Dampf из моего «Положения рабочего класса»? Здесь теперь разыскивают английский оригинал, но он, вероятно, так же забыт, как сербский оригинал Гётевского плача благородной жены Гассана Аги,—пожалуй еще более, так как последний все же существует.

Чего бы ни дал Бисмарк за то, чтобы иметь «Венцев в Берлине», именно анархистов!—Настоящая каррикатура на русских,—но они, очевидно, *взращены полицией*.

Ваш *Ф. Э.*

42

Лондон, 24 марта 84.

Дорогой Эде!

Спешу сообщить некоторые домашние новости. Сегодня мы наконец покончили в Maitland Park'е, и старый дом возвращен владельцу, но я все еще страшно занят книгами и бумагами и не могу приняться ни за какое дело, пока не приведу их в порядок.

В результате демонстрации 16-го двое скомпрометировали себя: Гайндман и Фроме.

Гайндман, как говорят, был, по предложению Раккова, назначен в качестве оратора, хотя он прямо этого не обещал. Так как он не верил в успех, то он заявил в Justice, что должен говорить «рабочий», он же будет только слушателем. В том же самом номере Justice была в высшей степени дерзкая заметка о последнем № Today, почти объявление войны. Затем Гайндман интриговал против посылки делегатов на конгресс в Рубэ: эти господа-де составляют меньшинство, и не следует вмешиваться в вопросы внутренних раздоров. Но в следующий вторник на заседании комитета демократической федерации он был окончательно разбит: самые верные его сторонники выступили против него; он не мог привести истинных мотивов своего выступления; участие в демонстрации и в конгрессе было с энтузиазмом решено, и Гайндман, который теперь охотно выступил бы в Highgate, сам отрезал себе отступление, и Эвелинг с радостью принял сделанное ему предложение говорить. Так всегда бывает с этим умным мелким сбродом, их собственная хитрость их компрометирует.

Фроме, повидимому, очень хорошо говорил в Гайгете, в Союзе же— отвратительно. Я посылаю Вам — Deutsche Londoner Zeitung, в которой наивно просвечивает радость филистера-докладчика по поводу того, что Фроме точно выразил его мысли своими ужасными общими местами. Это потом вызвало сильный спор в Союзе, это было уже слишком; Фроме там разнесли, и он якобы заявил, что в Лондоне не видел ни одного социалиста, тем менее *человека*. Он не так скоро опять приедет. Меня он к счастью пощадил.

Очень благодарен за D. Tageblatt; я ее точно также отошлю обратно. Было бы слишком много чести возвращаться к абсурдам Беккера. Совершенно безразлично, что пишет экс-президент человечества и что печатает Tageblatt. Даже в Берлине об этом давно забыли. Такая бессильная злоба сама собой умирает. Но что это за пресса, которая печатает подобный вздор! Французские сотрудники Фигаро лучше врали, и то только сейчас же после коммуны, во время всеобщей паники.

Мартовская статья все-таки была очень хороша, существенные пункты очень правильно отмечены. Точно также и статья в следующем номере по поводу крестьянской проповеди члена народной партии; в ней только ссылка на «понятие»—неудачна. Это понятие изменяется каждый раз вместе с соответствующим демосом, и поэтому ничуть не помогает. Сказать, по моему мнению, надо было следующее: пролетариату также для захвата политической власти необходимы демократические формы, но они для него—только средство, как и все политические формы. Если же в настоящее время стремятся к демократии как к *цели*, тогда приходится опираться на крестьян и мелких буржуа, т.-е. на исчезающие классы, которые, если они искусственно хотят сохраниться, *реакционны* по отношению к пролетариату. Далее, не надо забывать, что *последовательной* формой господства буржуазии является именно демократическая республика, которая только при наличии уже развившегося пролетариата становится опасной, но, как показывает пример Франции и Америки, все еще возможна, как простое господство буржуазии. «Принцип» либерализма, как «определенный исторический принцип», в сущности собственно только непоследовательность. Либеральная конституционная монархия является соответствующей формой господства буржуазии 1) в начале, когда буржуазия еще не вполне расправилась с абсолютной монархией и 2) в конце, когда пролетариат делает уже слишком опасной демократическую республику. И тем не менее, демократическая республика всегда остается *последней* формой господства буржуазии: той формой, в которой она погибает. Этим я заканчиваю письмо.

Нимми кланяется. Тусси я вчера не видел.

Твой *Ф. Э.*

43

Лондон, 11 апреля 84.

Дорогой Эде!

Я также думаю, что лучше дать толстой книге Фроме умереть естественной смертью.

Делегация в Рубэ была бы очень вредна в момент обсуждения закона против социалистов. Ноющие сказали бы, что она вызвала продление закона, которое все равно будет иметь место; а этого надо избежать. Конгрессы являются демонстрациями и полезными личными встречами и, как таковые, они имеют второстепенное значение; не следует приносить им в жертву более важные соображения. Я постараюсь разъяснить это парижанам.

Единственное, что при данных обстоятельствах было возможно, это—адрес, и этого вполне достаточно. Меня страшит интернациональный конгресс в Лондоне, я тогда уеду.

С вещами Род[бертуса] вам лучше всего подождать до тех пор, пока вы получите мое предисловие к Нищете философии; главных вещей вы можете там не знать (например английских, указанных в Нищете), из которых следует, что социалистическое применение теории стоимости Рикардо—большой конек Родбертуса—в Англии было общеизвестным общим местом экономически—с 1820 г., а социалистически—с 1830 г. Мне кажется, я вам уже писал, что я там же докажу, что М[аркс] не только не украл самомалейшего у Родбертуса, но наоборот, уже в Нищете, наперед и не подозревая того, подвергнул критике все произведения Родбертуса, как уже написанные, так и ненаписанные еще. Я думаю, что нам с нападками лучше всего подождать до появления Нищеты на немецком языке (т.-е. я имею в виду главные возражения; перестрелки, чтобы заманить на огонь последователей Родбертуса, всегда хороши).

Я жду рукописи. Кстати, если во втором отделе гегелевские выражения представят для вас затруднения, то вы просто оставьте свободное место в рукописи, а я уже заполню его; по-немецки должна быть точная научная терминология, в противном случае это будет непонятно.

Третье издание послано было в трех экземплярах [1]). Присланный с ними «Дюринг» заставил меня немного поломать голову, затем я спокойно отложил его в сторону, думая, что он по ошибке попал сюда. Что это намек на 2-е издание, мне и в голову не пришло. Это меня только радует, тем более, что, как я теперь узнал с разных сторон, эта вещь, в особенности в России, имела совершенно неожиданное для меня влияние. Скучная полемика с ничтожным противником не помешала, таким образом, тому, чтобы попытка дать энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественно-научных и исторических проблем имела успех. Я сделаю почти только стилистические изменения и, может быть, добавления в естественно-научной части. Прежнее издание в 2 частях объяснялось способом издания этой вещи (в виде отдельного оттиска), в противном случае это было бы нелепо.

Фотографии для.....еще не получены.

Твой *Ф. Э.*

44

17 мая 84 г.

Дорогой Эде!

Рукопись сегодня будет готова, остается еще просмотр и послесловие, что отнимет пару дней. А тогда вы ее получите. Я думаю, что Каутский поместит главу о семействе (за исключением моногамии) для пробы в N[eue] Z[eit], целиком же это будет напечатано самостоятельно. Где и когда,—об этом вы сможете сделать мне свои предложения, когда вы получите эту вещь.

О парижских выборах и о других вещах напишу тогда, когда у меня будет время. Теперь рукопись не дает мне покоя, я отложил все остальное, даже очень спешное. Это длинная вещь—около 130 густо исписанных стра-

---

[1]) Речь идет о «Развитии научного социализма».

ниц in octavo и называется: «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Теперь время почты и обеда. Кланяйся Каутскому.

Твой *Ф. Э.*

На-ряду с другими помехами, еще маленький мальчик Пумпс весьма опасно болен, я очень опасаюсь за него.

45

Лондон, 23 мая 1884 г.

Здесь был Зингер. Я ему между прочим изложил и свой взгляд на тактику при перевыборах. Я считаю нелепостью выставлять для всех случаев общее правило, которое в действительности никогда как таковое не соблюдается. Мы имеем в своих руках большую силу, которая остается неиспользованной, если прокламируется воздержание от голосования во всех тех случаях, когда ни один из наших кандидатов не принимает участия в перевыборах. На деле в таких случаях сами собой возникали избирательные соглашения, например с центром: мы голосуем *здесь* за вас, если вы будете голосовать за нас *там*. Мы получили таким образом кое-какие мандаты. При этом, конечно, делаются глупости, но такие глупости всегда совершаются, и нет никакого основания совершать еще бо́льшую. Я сказал ему даже, что, например, в таких местах, как Берлин, где избирательная борьба почти целиком происходит между нами и прогрессистами, не могут быть исключены соглашения и *до* главных выборов: вы уступаете нам эти избирательные округа, мы — те. Конечно, если можно рассчитывать, что обещанное будет выполнено. Что я считаю неразумным, так это то, чтобы на конгрессах уже наперед выставлялись общие, не допускающие исключений, правила для тактических случаев, принадлежащих будущему.

...почти требовалось. Лишь после этого выступил Симоно, и тогда Гед тотчас же потребовал, чтобы Дерэр отказался, но и на это не хватило мужества, и таким образом Д. блестяще провалился. Зато Валь-[ян] победил в своем округе против поссибилиста; Ретье, это—пьяница (Poivrot) самой скверной марки, и он заслуженным образом провалился. Если же Жоффрен провалился на перебаллотировке, то это вина не наших, а его сторонников. Впрочем, необходимо будет выступать всегда против поссибилистов, пока они не пойдут на соглашение с нашими при выборах; до тех пор, пока они спокойнейшим образом разыгрывают роль parti ouvrier par excellence, они вынуждают наших на прямую оппозицию себе. Поэтому: или—или: выбор зависит от самих этих господ.

Что касается в частности Жоффрена, то программа его была такое дрянцо, что даже радикалы отказались выставить собственного кандидата, ибо программа Жоффрена в главных чертах совпадает с *их* программой!

Здешняя «Justice» становится с каждой неделей все поганее.

Твой *Ф. Э.*

Я займусь также Дюрингом. Когда, примерно, вы желаете начать печатать его? Когда я войду в работу, то я сейчас же смогу дать вам 6—8 листов, хотя как раз в начале нужно было бы многое пересмотреть.

«Крестьянская война» обработана совершенно заново, за исключением рассказа о военных событиях. За последние годы я очень многое изучил для этой вещи, в нее войдет хороший кусок немецкой истории. Но за это я возьмусь, когда будет готов Дюринг.

46

Лондон, 29 июня 84.

Дорогой Эде!

1) При этом возвращаю Капитал и Наемный Труд. Силезское издание во всяком случае сильно нуждается в исправлении. Я, конечно, не имел времени сравнить сплошь все с оригиналом, а только некоторые наиболее неудачные места, но у вас вещь имеется, и вы можете это сделать при корректуре.

2) Портрет Маркса я закажу тому самому человеку, который сделал его для меня, и пришлю. Это не портрет, рисованный карандашом, а увеличенная фотография. Но как выйдет печатание в красках, если этот человек никогда не видел Мавра и его своеобразный смуглый цвет?

3) Пакет с 40 экземплярами «Переворота» («Umwälzung») отправлен третьего дня отсюда по адресу: Volksbuchhandlung, 3, Kasinostr. Hottingen, Zürich, Switzerland «Booksvalue C 3—Carriage forward» (т.-е. нефранкировано), через Continental Parcels Express, корреспондентов германской имперской почты и швейцарской почты, а также французских учреждений, принимающих посылки. Вещи для Союза из Цюриха получаются здесь также таким путем. Почты, пересылающей пакеты, не существует между Англией и континентом, поэтому и здесь не существует «почтовых посылок в 5 кило». Разделение *здесь* вызвало бы двойные расходы, неразделенные 2 посылки, наверное, не настолько удорожат пересылку *там*, как деление здесь.

4) Шорлеммер пишет, что его брат Людвиг в Дармштадте не получил ни одного № С.-Д., несмотря на квитанцию о подписке. Есть ли это общая или специальная беда? Прошу справиться об этом.

5) Социалистических стихотворений, специально Веерта, я не могу достать. В старом Moses Hess'schen Gesellschaftspiegel за 1845 г. есть некоторые, но мне кажется, что ты их уже знаешь. О собрании его стихотворений я как-то слышал, но никогда его не видел. Во всяком случае *он*, как и *мы*, не издал такого собрания.

6) Хранитель архива должен подождать, у меня нет времени привести в порядок свои собственные вещи; когда дойдет до этого очередь, то я о нем уже позабочусь. Но теперь прежде всего должен быть закончен 2-ой том Капитала. Дело быстро идет вперед. Предварительная редакция, приблизительно ⅓, уже готова и подвигается в размере приблизительно ½ печатного листа в день, или немножко меньше. Как только мы дойдем до последнего отдела (обращение всего общественного капитала), Эйзенгартен сможет с моей помощью списать имеющуюся для этого отдела рукопись 1878 г., между тем как я займусь тогда окончательной редакцией уже готового. Таким образом мы закончим в довольно короткое время, и тогда можно будет приняться за третий том, самый важный.

Только тогда можно будет подумать о том, чтобы привести в порядок старые рукописи за период до 48 г. и подготовить некоторые из них к печати. В желании у меня недостатка нет, но это требует труда, т.-е. времени.

Итак, ты тоже, наконец, приходишь к заключению, что с этими «умными господами» в конце концов можно отлично справиться. Я выписал себе пару номеров Neue Welt, чтобы познакомиться с этими господами chez eux [у них дома]. До сих пор прочел только редакционный почтовый

ящик,—немецкие школьнические проделки, предполагающие очень мирную публику.

В остальном пусть тебя не раздражают булавочные уколы, это первое правило в борьбе, и подумай, что

«Нет ничего прекраснее в мире.
Как язвить своих врагов,
Как подшутить злую шутку
Над всеми этими тупыми господами».

Поклон Каутскому.

Твой *Ф. Э.*

47

48 Marine Parade Worthing
4 августа 84.

Дорогой Эде!

После долгих блуждений и странствований я наконец пристал сюда и, надо полагать, крепко засел здесь на добрых 3 недели на южном берегу; у самой моей двери,—широкий канал, который во время отлива удаляется на добрых 300 шагов; впрочем, тихое скучное местечко, где у меня от безделья найдется также досуг для просмотра вашего перевода.

Не будешь ли ты так добр распорядиться, чтобы мне были присланы сюда корректурные листы впредь до дальнейших распоряжений. О присылке С.-Д. из Лондона заботится Эйзенгартен.

Теперь великолепная жаркая погода, а мне надо послать свой адрес еще x человекам. Итак, из остальных новостей, доходящих впрочем чертовски редко, могу сообщить только, что Гайндман теперь благополучно откупил также и Today. Бакс, который вложил в нее все свои деньги,—я предупреждал его еще в октябре, что этого не хватит,—au bout de ses finances, а тут Гайндман выдвинул своего подчиненного оруженосца, Чэмпиона, и предложил через него новые деньги, если Ч[эмпион] вступит в редакцию вместо Бакса. Последний, схваченный таким образом за горло, отступил, и в результате теперь Гайндман владеет всей так наз. социалистической прессой. Но у всех этих маленьких людишек, талант и характер которых не соответствует их честолюбию, момент победы обыкновенно бывает также и моментом поражения. Внешнему успеху соответствует неудача внутри собственной фракции. Число последователей Гайндмана все более и более сводится к непосредственно купленным им и таким образом материально зависящим от него людям, он с каждым днем все более теряет почву в Dem[ocratic] Fed[eration]. Третьего дня была делегатская конференция; я не знаю, что там произошло; Эвелинг был там, но он теперь в Дербишире. Он и Тусси вступили в брак, не обращаясь к чиновникам, ведающим гражданскими актами и т. д., и теперь наслаждаются друг другом в горах Дербишира. Между прочим, этого не надо разглашать; возможно, что какой-нибудь реакционер напишет об этом в газетах, тогда еще будет достаточно времени. Дело в том, что у Э[велинга] есть законная жена, от которой он не может избавиться de jure, хотя de facto он уже много лет тому назад с ней разошелся. Дело здесь получило довольно широкую огласку и было в общем хорошо принято даже литературными филистерами. Мой Лондон почти маленький Париж и воспитывает свою публику.

Но теперь довольно. Кланяйся К. К[аутскому].

Твой *Ф. Э.*

48

Лондон, 13 сентября 84.

Дорогой Эде!

Я уже (почти) две недели опять здесь. Эйзенгартен, который за время моего отсутствия должен был переписать начисто готовую часть рукописи II тома, отчасти бездельничал во время жары, отчасти же переписывал, хотя и очень красиво, но так медленно и так мало, что я не решаюсь послать готовое Мейснеру, так как я не мог бы в довольно скором времени прислать дальнейшее. Таким образом из быстрого опубликования пока ничего не вышло.

Что сделает М[ейснер?], я не знаю; мне отчасти так приятнее; я тогда более уверен, что не придется работать наспех.

То, что ты говоришь о переводе моей брошюры, очень хорошо. Но как переводит Лафарг? Он не спрашивает ни своей жены, и не справляется со словарем, он делает все сам, декретирует: это немецкое слово по-французски имеет такое-то значение, и затем присылает мне рукопись, гордый своим шедевром. Так хорошо я и сам это сумею сделать. Он, конечно, хочет сейчас же за это приняться, но nous verrons ce que nous verrons. Что касается английского перевода, то у Э[велинга] пока очень много дела, он хотел также перевести мое *Развитие*. Но где взять платящих издателей? А без платы он в своем положении не может работать больше, чем он сейчас работает. К тому же это не так спешно. Прежде всего нам надо иметь Капитал на английском языке, а это потребует еще много труда и усилий.

Очень развеселила меня ваша полемика с Баром и Фабианом, с приятелем Гумбелем тож, по поводу налога на биржу (этого я всегда узнаю, защищает ли он филистеров из Гейльброна, с которыми проводит время в трактире, или что-либо другое). В Баре и Фабиане вы имеете два прекрасных примера немецкой «науки», и мне всегда доставляет удовольствие, когда их разделывают под орех. Бьют Бара, а имеют в виду Гейзера. В особенности обрадовала меня твоя манера наносить удар, подчеркивание существенных пунктов и меткость.

Теперь я должен прервать, я все еще могу только короткое время проводить за письменным столом. У моря я принимал холодные ванны, которые принесли мне больше вреда, чем пользы. Итак, до завтра.

14 сентября. Вашу рукопись «Нищеты» я на прошлой неделе, 4 сентября, послал тебе заказной бандеролью вместе с примечаниями, — ты, вероятно, получил ее. При сравнении моих изменений с оригиналом вы найдете, что некоторые обороты были неправильно поняты (некоторые я снабдил примечаниями), но это неизбежно, когда человек сам недолго прожил в стране.

Художнику,—я забыл его имя и куда-то сунул его письмо,—который хотел сделать хромолитографический портрет Маркса, я, наконец, достал копию моей увеличенной фотографии. Я завтра или послезавтра пошлю ее тебе.

Так как на этот раз выборы для нас должны иметь большое значение, то все мы должны сделать большие усилия, поэтому я прилагаю перевод на 25 ф. ст.

Зорге прислал мне Гронлунда, The Cooperative Commonwealth— изложение теории по М[арксу] довольно поверхностно, но понятно для филистера. Главной целью является выдать его построение будущего, которое

мне очень скучно читать, за настоящий German Socialism. Маркса он не цитирует, а только говорит: Such noble Jews as Marx and Lassale! [*такие благородные евреи, как Маркс и Лассаль*!] Увы!

Today при Гайндмане становится все хуже. Чтобы сделать ее интереснее, предпринимается все возможное: редакция пишет мне, что в октябрьском номере будет помещена критика Капитала(!!) и предлагает мне ответить—что я с благодарностью отклонил. Итак, из социалистического органа она превратилась в орган, в котором всякий сброд обсуждает социализм pro и contra.

Посылаю тебе Кельнскую газету, из которой ты можешь видеть, как даже гуманная цивилизаторская Assoc. Internat. Леопольда Бельгийского и Нантеза действует в Африке. Чего только ни наделают там португальцы и французы,—и прежде всего наши мастера бить и расстреливать, пруссаки,—когда они примутся за дело! Впрочем, Бисмарк великолепно использовал это колониальное мошенничество, как избирательный маневр. На эту удочку идет филистер, без пощады и массами. У Бисмарка, вероятно, опять будет возможность выбирать: или консерваторы+национал-либералы, или, если бы последние опять вздумали ворчать, консерваторы+центр. Для нас это безразлично.

Если у меня будет время, я еще напишу несколько строк К. К[аутскому].

Твой *Ф. Э.*

15 сент. Нет времени.

К. К[аутский] должен немного подождать.

49

Дорогой Эде!

Прилагаемое ты можешь, если хочешь, послать Ауэру; я с этим сообразовался.

Что касается распределения избирательных округов, то я часто злился по этому поводу; но это происходит оттого, что в чисто тактических вопросах хотят действовать по общим принципам, что всегда случается на конгрессах: уж таким-то образом дело несомненно становится ясным! Двойные кандидатуры обыкновенно бесполезны; но если рассчитывают на то, что лучшие люди скорее пройдут в сомнительных избирательных округах, чем другие, и поэтому выставляют их там, то или надо допустить для них двойные кандидатуры, или рисковать, что они совершенно не будут избраны. Если, таким образом, абсолютно нежелательны двойные кандидатуры, тогда необходимо самых лучших людей выставлять в самых верных избирательных округах. Но странно, что это назначение в сомнительные избирательные округа никогда не касается Либкнехта, а всегда выпадает на долю Бебеля, и что, напр., во время предыдущих выборов, если я не ошибаюсь, Л[ибкнехт] имел *два* вполне хороших избирательных округа. Впрочем, это неизбежно. Не надо также забывать, что в борьбе всегда бывает то подъем, то упадок, и не слишком беспокоиться, если иногда дела несколько уклоняются в сторону.

Во всяком случае, одно ясно, что пока у нас есть С.-Д., господа оппортунисты могут делать, что хотят; и даже, если бы они приобрели господство во фракции (что, однако, возможно лишь в том случае, если Бебель не будет опять выбран), то это далеко еще не значило бы, что они победили. Что они поделают против масс? Последние толкают их самих все дальше, хотят они

этого или нет. И если бы этим мудрецам даже удалось стать господами С.-Д., то это не продолжалось бы даже столько времени, сколько первый слабый период С.-Д., который вначале встречал поддержку даже среди лучших из «вождей», но был отвергнут массами.

Что касается великой науки знаменитого Не-Атеиста, то будет очень приятно, если она найдет случай как следует проявить себя. В романе Поль де-Кока «Amant de la Lune» также фигурирует такой таинственный ученый; когда, наконец, добрались после величайших усилий и трудов до его науки, то оказалось, что она состоит из нескольких фокусов с бутылочными пробками. Сколько это стоило до сих пор трудов, пока знаменитый человек был, наконец, в состоянии дать нам хоть несколько образчиков своей науки! И таких прекрасных! Ведь он уже дошел до ясновидения! Чего же нам еще надо—cela mordu [1]).

Поклон К. К[аутскому] также и от Шорлеммера.

Скажи тому человеку, который мне писал, что для него готовится портрет, и что он его получит, как только портрет будет готов, но я в огромном Лондоне не могу сам бегать по всем делам и завишу поэтому от других людей.

50

Лондон, 22 октября 84.

Дорогой Эде!

Я прерываю свое Предисловие, чтобы сообщить тебе:

1) Что я при этом отсылаю тебе заказным Discours sur le libre échange М[аркса]. Но я должен получить обратно, по миновании надобности, с трудом антикварски заполученный незаменимый экземпляр.

2) Что я считаю необходимым в заключении «Нищеты», как начало, перепечатать место из: «Zur Kritik der Polit. Oekonomie» *о Джоне Грее, первом предшественнике Прудона и Родбертуса*. От стр. 61: «Учение о рабочем времени» и т. д. до конца отдела на стр. 64. Будьте так добры послать их немедленно в Шт[уттгарт], я в Предисловии ссылаюсь на это приложение. Тогда мы обезоружим *целиком и вполне* всю эту сторону мелкобуржуазного социализма и исчерпаем также ответ на утопию Родбертуса, так как я в Предисловии дополню то, чего еще недостает.

Хотите ли вы прибавить Libre échange, я предоставляю решить вам; я вообще не знаю, куда это поместить, и не думаю, чтобы это можно было выпустить брошюрой—об этом вы можете лучше судить, чем я.

Если бы Д[итц] делал затруднения по поводу приложения о Грее, то оно могло бы быть помещено после Предисловия и статьи о Прудоне из Соц.-Демократа (старого).Но оно должно войти, с этим вы и сами согласитесь.

Ваш *Ф. Э.*

51

Лондон, 23 октября 84.

Дорогой Эде!

При этом посылаю «Предисловие». Если вы прибавите Libre échange, тогда вставьте помещенное на последней странице добавление, в противном случае измените это.

---

[1]) Слово неясно.

Одновременно с этим я перевел почтой на твое имя один ф. ст.; это взнос Шорлеммера в избирательный фонд. Вы, может быть, уже знаете, что Ш[орлеммер] в Дармштадте подвергнут наказанию. При обыске у Гауга во Фрейбурге нашли также адресованный его брату экземпляр С.-Д., ergo — обыск; найдены были письма Ш[орлеммера] с злыми остротами о Бисмарке—новые поиски его у матери и в Гехсте, где он как раз находился. Чтобы избавить свою мать от неприятностей, он уехал. В Дармштадте это вызвало большой скандал.

По совету Бебеля я послал Шумахеру несколько разъяснений о Риттингхаузене в 1848 году.

Этим, оказавшимся, к сожалению, слишком длинным, Предисловием еще не покончено с господином Родбертусом; в предисловии ко II тому Капитала я опять возвращаюсь к его «открытиям» в области прибавочной стоимости. Комично, как Рикардо совершенно забыт в Германии! Кланяйся К. К[аутскому].

Твой *Ф. Э.*

В случае, если бы Дитц послал корректуру «Предисловия» с рукописью к вам, прошу прислать мне ее сюда.

52

Лондон, 11 ноября 84.

Дорогой Эде!

Вопрос в твоем письме по поводу статьи Маркса о Прудоне исчерпывается моим Предисловием, где я прямо ссылаюсь на нее.

Дайте мне знать, как вы думаете расположить целое; я могу каждый день получить корректуру Предисловия и считаться с этим в ссылке на вышеупомянутую статью, извлечение из «Zur Kritik» и т. д., возможно, и на Discours.

Ты правильно отметил в С.-Д., что мы являемся единственными серьезными противниками центра. Только наше проникновение в твердыни центра, Мюнхен, Майнц, Кельн, Аахен, Дюссельдорф, Эссен и т. д. может взорвать эту искусственно связанную смесь противоположных направлений и принудить каждое в отдельности сбросить маску. И тогда окажется, что *действительно* католическая фракция составляет только католическое крыло реакции, как в Бельгии и во Франции *всю* реакцию. И ни для кого этот раскол центра не был бы так фатален, как для господина Бисмарка, который может чертовски нуждаться в такой винигретной партии. Я получаю очень мало известий о ходе перебаллотировки, да и то с опозданием. Я надеюсь, что очень многие провалятся, так как, чем теперь будет больше новых элементов во фракции, тем лучше. Самые худшие (образованные) уже избраны; те, которые прибавятся, это по большей части рабочие, а они могут только улучшить компанию.

Закон против социалистов осужден. Государство и буржуазия страшно скомпрометировали себя по отношению к нам. Но они продолжают прекрасно жить, и тот, кто думал, что закон поэтому должен был провалиться, жестоко ошибался. Старый Джон Россель здесь еще через 20 лет после своей политической смерти был премьер-министром. Для отмены закона всегда необходимо принять решение, а на это едва ли пойдут; в лучшем

случае будут новые статьи уголовного кодекса, которые будут стоить нам больше жертв, чем закон против социалистов.

Мы теперь должны будем внести положительные предложения законов. Если они будут формулированы решительно, т.-е. не считаясь с мелкобуржуазными предрассудками, тогда они будут очень хороши. Но если это будут проекты Гейзеров и Фирсков, тогда плохо. Нормальный рабочий день (постепенное сокращение с 10 часов, например, до 8), внутреннее и интернациональное фабричное законодательство (при чем внутреннее может итти дальше интернационального), радикальный пересмотр закона об ответственности, законы о предупреждении несчастных случаев и болезней, инвалиды труда и т. д. дают достаточно материала и поводов. Nous verrons.

Выборы 1884 г. имеют для нас такое же значение, какое имели выборы 1866 г. для немецких филистеров. Тогда они вдруг, без всякого своего участия, даже против своей воли, стали «великой нацией». Теперь мы, благодаря своему упорному труду и тяжелым жертвам, являемся «великой партией». Noblesse oblige. Мы не можем перетянуть на свою сторону массы народа, пока эти массы постепенно не разовьются. Франкфурт, Мюнхен, Кенигсберг не могут вдруг проникнуться такой определенно пролетарской точкой зрения, как Саксония, Берлин, вестфальские промышленные округа. Мелко-буржуазные элементы среди вождей быстро в разных местах найдут в массах ту опору, которой им до сих пор недоставало. То, что до сих пор являлось реакционным течением у отдельных лиц, теперь, местами, может найти отклик в массах, как необходимый элемент развития. Это может вызвать необходимость изменения тактики, чтобы массы вести дальше, не давая однако укрепиться плохим вождям. Но и здесь приходится выжидать.

Завтра я приступаю к очень сложной окончательной редакции 3 отдела II тома Капитала. Когда я это кончу, я надеюсь найти время для переработки «Крестьянской войны», которая на этот раз должна быть рассмотрена как поворотный пункт всей истории Германии; поэтому, она должна быть снабжена и в начале и в конце значительными историческими добавлениями. Только описание самой борьбы останется приблизительно таким, как оно есть. Я думаю, что правильнее будет печатать «Крестьянскую войну» раньше «Дюринга», в котором будет мало изменений, где я сделаю только примечания и добавления. Как вы думаете устроиться с печатанием?

Что бы ни произошло с законом против социалистов, газета и типография в Цюрихе, по моему мнению, должны будут остаться. Той свободы, какая была даже до 1878 г., мы не получим опять. Гейзерам и Фирекам предоставят полную свободу, и при этом у них останется прекрасный оправдательный мотив, что они шли так далеко, как могли. Но для нас необходимая свобода печати будет только за границей. Впрочем возможно также, что будут сделаны попытки ограничения всеобщего избирательного права; трусость делает глупыми, филистер est capable de tout. Сперва, конечно, нам будут делать комплименты направо и налево, и они не у всех попадут на каменистую почву. Например, у друга Зингера могла бы явиться охота доказать публике, что он, несмотря на свой большой живот или вопреки ему, все же не людоед.

К. К[аутский], вероятно, уже получил мое вчерашнее письмо.

Твой *Ф. Э.*

53

Лондон, 29 декабря 1884 г.

Дорогой Эде!

От Каутского я узнал, что ты потерял не только сестру, но и отца. Будь уверен в моем сердечном участии: таковы серьезные стороны изгнания, которые я также испытал. Без отечества, как такового, легко обходятся, но...

Теперь по поводу здешних происшествий. В субботу Social Democratic Federation благополучно провалилась. Дело лопнуло несколько раньше, чем я предполагал, но это должно было случиться.

Гайндман, политический авантюрист и честолюбец, стремящийся к парламентской карьере, давно завладел всем делом. Когда Бакс год тому назад основал Today, не имелось достаточно литературных сил для ведения этого маленького журнальчика, не то что еженедельника. Но только еженедельник мог помочь Гайндману; таким образом была основана Justice на деньги двух энтузиастов, Морриса и Карпентера, под редакцией Гайндмана, с помощью нескольких молодых литераторов, которые были в поисках какого-нибудь нового платежеспособного движения (Фицджеральд и Чэмпион), и выгнанного из Итона за агитацию с Генри Джорджем учителя Джойнса, ставшего таким образом социалистом поневоле. Они прямо или косвенно получали плату. Гайндман богат, но бережлив—остальные должны были работать бесплатно. Все документы и дела федерации шли к Гайндману, Фицджеральду и Чэмпиону, которые представляли комитету только то, что находили удобным, вели совершенно самостоятельно корреспонденцию от имени федерации, одним словом, Гайндман обращался с комитетом так, как Бисмарк с рейхстагом. Это вызывало жалобы, с которыми обращались ко мне. Я отвечал: не мешайте ему, это мелкая душонка, он долго не выдержит, *он не может ждать*. И он скорее сломал себе шею, чем я думал.

Моррис, который две недели тому назад был в Шотландии, раскрыл там такие интриги Гайндмана, что говорил, что не может больше работать вместе с этим человеком. Он уже давно подозревал его. Встреча с А. Шей в Эдинбурге довела дело до раскола. Гайндман обозвал Шея анархистом и динамитчиком. Шей представил Моррису не только доказательства противного, но и того, что Гайндману это известно. Точно также проделки Гайндмана в Глазго, где секция получала письма секретаря Фицджеральда с печатью федерации, которые не только не были писаны по поручению федерации, но были против ее решений. Затем Гайндман говорил многим, что несколько таинственное письмо из Парижа комитету—подделка, сфабрикованная г-жей Лафарг и Тусси, чтобы подставить ему ножку. Но самое письмо он скрыл от комитета. Наконец, кроме целого ряда натравливаний одних членов комитета против других, доказательство, что он сфабриковал провинциальную секцию, которая вовсе не существовала.

Одним словом, в прошлый вторник дело дошло до скандала. На Гайндмана со всех сторон посыпались нападки; Шей был там лично с документами в руках, Тусси предъявила письмо своей сестры о так называемой подделке. Поднялась буря. Дело было отложено до субботы. Перед заседанием Моррис и Эвелинг были у меня, я им также мог кое-что посоветовать. В субботу происходили бурные дебаты. Ни сам Гайндман, ни его с большим шумом созванная свита не могли опровергнуть ни одного факта. Был принят вотум порицания Гайндману. Вслед за этим большинство вы-

ступило из федерации. Причины этого: 1) что Гайндман мог бы на конгрессе посредством своей секции, состоящей из всякого сброда, сфабриковать большинство, между тем как они не могли бы доказать, что секции эти не существуют, по крайней мере не могли бы этого сделать своевременно, 2) но главным образом *потому, что вся федерация только надувательство.*

Выступили Эвелинг, Бакс и Моррис, из литераторов единственные искренние люди, но и три непрактичных человека, два поэта и один философ, каких можно отыскать только днем с фонарем. К ним присоединились лучшие из рабочих. Они хотят направиться в лондонские секции, где они надеются завоевать большинство, и затем предоставить хозяйничать Гайндману с его несуществующими провинциальными секциями. Органом их будет небольшой ежемесячный журнал. Они будут действовать скромно, соответственно своим силам, а не так, как если бы английский пролетариат должен был немедленно присоединиться, как только несколько литераторов обратились в социализм и бьют сбор. (По признанию М[орриса], у них в Лондоне едва ли было 400 человек, а в провинции не было и 100). Justice же печатается приблизительно в 3500 экземплярах.

Гайндман сохраняет за собой Justice и Today со своими спекулирующими литераторами Фицджеральдом, Чэмпионом, Берроусом, Шоу, вероятно и Скетчли, который, как старый чартист, считает, что он имеет здесь право на пенсию. Сюда надо прибавить старые остатки демократических или социалистических сект. К кому примкнут остальные члены федерации, покажет время. Но так как Гайндман едва ли получит деньги для своих неоплачивающихся органов как от Морриса, так и от Карпентера, то он или сам должен будет платить или продать себя, свои органы и остатки своей фракции христианским социалистам или лорду Рандольфу Черчиллю и торийской демократии. Он должен действовать быстро, если хочет выставить свою кандидатуру на новых выборах осенью.

Я чувствую удовлетворение, что я с самого начала видел все это надувательство, что я всех этих людей правильно оценил и предсказал конец, а также, что это надувательство в конечном результате принесет больше вреда, чем пользы.

Твой *Ф. Э.*

54

Лондон, 15 мая 85 г.

Дорогой Эде!

Я должен опять написать тебе несколько строк, а то ты становишься слишком меланхоличным. Ты и Каутский нагоняете друг на друга такую тоску, что из нее можно было бы составить целый минорный концерт, совсем как труба у Вагнера, которая всегда начинает трубить, когда случается какое-нибудь несчастье. Когда получается плохое известие, вы всегда забываете старую пословицу: Es wird nichts so heiss gegessen, wie es gekocht wird.

Общее и неизбежное впечатление от всей коллизии между «фракцией и редакцией» состоит в том, что фракция скомпрометировала себя. И если фракция будет настаивать на том, чтобы повторить это еще раз, то не надо этому мешать. Если бы ты напечатал первый рескрипт тотчас же, как этого требовали, тогда она была бы, конечно, скомпрометирована, и со всех сторон поднялась бы «буря негодования». Конечно, было бы нехорошо в первый момент требовать этого от тебя, но не менее ясно, что у нас нет никакого интереса помешать фракции *показать себя в своем настоящем свете.* При

данном положении вещей, теперь фракция и редакция выступают друг против друга, как равноправные силы перед публикой, — это результат последнего длинного компромиссного заявления, и можно ждать дальнейшего развития.

Зингер был здесь в воскресенье у меня, и я решительно прекратил все его разговоры: первое заявление фракции, сказал он, было не столько против статей в газете, сколько против сделанной (якобы) попытки вызвать бурю негодования против фракции. Этого, сказал я, публика может не знать. Если вы сделаете публичное заявление, то оно может ссылаться на официальные факты, но если вы нападете на газету по поводу вещей, которых даже и не было в газете, тогда публика справедливо заметит: чего же другого хотят эти господа, кроме подавления свободного выражения мнений? С этим он должен был согласиться. Затем я сказал, что, судя по очень хорошо знакомому мне слогу, бо́льшая часть неугодных статей принадлежит Либкнехту. — Зингер: совершенно верно, и потому Л[ибкнехту] порядком досталось во фракции.—Я: Но публично осуждать газету за то, что она печатает вещи, идущие из самой же фракции, не подобает. Об этом вы должны были между собой столковаться. Вместо этого вы публично нападаете на редакцию за такие вещи, которые являются чисто внутренними делами фракции. С кем тогда должна считаться редакция? На это он также ничего не мог возразить. Одним словом, вы скомпрометировали себя необдуманным шагом, и в глазах публики победа на стороне редакции. И это он косвенным образом должен был признать. Так как я просто держался решающих пунктов и отказался считаться со всеми сплетнями, которые Зингер хотел рассказать мне, то мы в десять минут были готовы.

Этим, конечно, дело еще не закончено. Но мы теперь знаем слабую сторону этих господ. Если бы я был редактором С.-Д., я бы от лица редакции предоставил фракции распоряжаться, как ей угодно, т.-е. в рейхстаге, критику же редакции предоставил бы партийным товарищам, в силу столь дорогого «свободного выражения мнений», а Либкнехту объяснил бы раз навсегда, что он сам должен отвечать за свои статьи против фракции, чтобы, по крайней мере в этом отношении, прекратилась его двойная игра. Если после этого во всем остальном газета будет продолжать редактироваться в своем теперешнем решительном направлении, то это все, что нам нужно. Гораздо важнее, чтобы в Германии, ввиду всего печатающегося вздора, развивалась наша теоретическая точка зрения, чем критика образа действия фракции. Избранные сами изо всех сил стараются просветить избирателей о характере избранных. Во всем остальном история каждого дня дает достаточно поводов выразить точку зрения, даже если предоставить фракцию фракции и партийным товарищам.

Но что их больше всего злит, это именно точка зрения, а на нее они не осмеливаются публично нападать.

Теперь рейхстаг скоро будет распущен. Эти господа, между тем, видели—хотя они почти все являются тайными сторонниками покровительственных пошлин—хозяйничание покровительственных пошлин. Это уже первое разочарование. А у них будет еще несколько разочарований. Это не изменит их мещанского характера, но он должен сделать их выступление сомнительным и расколоть их в тех вопросах, за или против которых они должны высказаться. Этому сорту людей нужно только немного простора, и тогда они сделают друг друга безвредными.

Одним словом, наша политика, думается мне, должна быть выжидательной. Они имеют закон против социалистов за себя, и если они во время

его действия найдут случай показать себя такими, какие они есть, то нам в главном ничего больше не надо. Между тем мы должны укреплять каждую позицию до крайности, особенно в прессе, а это не всегда вызывает необходимость в прямом сопротивлении. Обход—также средство защиты с наступательными ударами. Мы теперь имеем многое против себя. Бебель болен и, как видно, впал в уныние. Я тоже не могу помочь так, как я бы этого хотел, пока я не покончу с рукописями М[аркса]. Таким образом, вся тяжесть борьбы падает на тебя и Каутского. Но не забывай старого правила: из-за сегодняшнего дня движения и борьбы не забывать будущности движения. А она принадлежит нам. Третий том «Капитала» одним ударом убьет всю эту публику.

Твой *Ф. Э.*

55

Лондон, 16 июня 85.

Дорогой Эде!

На прошлой неделе я отослал тебе обратно заказной бандеролью обе брошюры Родбертуса из архива. Ты, вероятно, уже получил их. Вчера К[аутский] получил полное собрание Frankfurter Zeitung с различными «заявлениями». Очень утешительно. Но я готов биться об заклад, что делу этому опять дадут заглохнуть, и что большинство фракции успокоится на том, что с обеих сторон сделаны были ошибки. Это все еще только зарницы, но это симптоматично.

Сегодня Фридрих Карл делает смотр небесным силам и ругается по поводу их плохого церемониального марша.

Твой *Ф. Э.*

56

Июль (?) 1885.

Дорогой Эде!

Бебель писал мне, что он около 26 с. м. будет в Цюрихе—прилагаемая записка для него. Если бы оказалось, что он не приедет, ты уже сам будешь знать, что с нею сделать.

Привет от Шорлеммера.

Новые выборы во Франции и в Англии осенью, это—начало конца; последнее я желаю также и старому Вильгельму. Так как у русских, очевидно, наступило затишье, то мы сами должны начать. А если три большие западные государства придут в движение, то этого также хватит.

Твой *Ф. Э.*

57

Лондон, 8 октября 1885.

Дорогой Эде!

Вместе с этим письмом я посылаю тебе Введение к разоблачениям по поводу кельнского процесса. Если ты хочешь сперва напечатать их в виде фельетона в С.-Д., то я ничего не имею против этого, тебе только надо столковаться об этом с Шлютером, который вероятно с болью ждет этого. Скажи ему, что он завтра получит примечания и корректуру к тексту Маркса вместе с указанием приложений, которые следует перепечатать из Штибера.

К. К[аутский] пришлет тебе несколько номеров Kölnische Zeitung, в которых напечатано первое толковое сообщение о болгарских событиях. Корреспондент находится в Белграде и хорошо осведомлен, и так как здесь до сих пор у Бисмарка не было никаких мотивов провоцировать приказ о замалчивании событий, то можно считать отчет беспристрастным. Русские, таким образом, попались в собственную ловушку: они забыли, что Александр Баттенбергский, как лейтенант прусской гвардии, имеет полное основание полагаться на своего «товарища» Вильгельма.

Ты причиняешь себе слишком много забот по поводу «преемника» в С.-Д. В этом именно хорошая сторона, что тебя здесь нельзя заменить. Если бы эти господа попытались посадить на свое место одного из своих собственных прислужников, то они провалились бы, потому что: 1) никто из этой компании не захочет пойти в добровольное изгнание, и 2) партия тогда скоро положила бы этому конец и не содержала бы такой газеты. Если ты уйдешь, то погибнет и С.-Д., и то, что это связано одно с другим, как раз и хорошо. Август также думает, что цюрихские учреждения должны остаться у нас при всяких обстоятельствах и, конечно, и останутся, так как для других они были бы только обузой. О чем ты, по моему мнению, должен позаботиться, это—чтобы типография и книжный магазин остались за нами, тогда уже само собою и С.-Д. останется за нами; на худой конец, после его крушения, он будет заменен другой газетой. Но ты приписываешь этим господам слишком много наступательной силы.

Оправдание в Хемнице великолепно. Это, значит, было слишком сильно даже и для саксонских судей.

Французские выборы являются большим шагом вперед. Как я и предсказывал, scrutin de liste нанес сильный удар оппортунистам. Но что это нанесет им такой удар, что крупная, средняя и часть мелкой буржуазии отхлынут к монархистам, и в такой сильной степени, этого нельзя было предвидеть—по крайней мере за пределами Франции. Оппортунисты играли в «директорию», вносили такой разврат, который оставил далеко за собою даже развращение нравов Второй Империи. Но они не гарантировали буржуа того спокойствия, которое гарантирует ему монархия. Возвращение к монархизму, который здесь называется орлеанизмом, было тем более естественно, что весь левый центр (Рибо, Journal des Débats и т. д.) представляет собою переодетых республиканцами орлеанистов, что поэтому предпочитают настоящих орлеанистов и довольствуются бонапартистами и легитимистами, если иначе нельзя. Перебаллотировка, вероятно, констатирует поворот, испуг буржуазии пред ее собственными успехами на выборах, следовательно, радикальные выборы. Если нет, то последует взрыв.

Во всяком случае, выигрышем является вытеснение средних партий; монархисты выступают против радикалов, и многочисленные депутаты средних партий принуждены выбирать между присоединением к той или другой партии. Это делает положение *революционным*. О самой монархии ни один человек во Франции серьезно не думает, хотя бы уже благодаря множеству претендентов. Но орлеанистская попытка возможна, и тогда дело будет серьезно. Во всяком случае, вопрос стоит так: или la république en danger, или же восстановление «радикальной» республики. Все говорит за то, что победит последнее. Но тогда радикалы должны будут не только исполнить свои собственные обещания заменить централизованную администрацию Наполеона самоуправлением департаментов и коммун, как это было в 1792—1798 г.г., но и опираться на социалистов. Более

благоприятного положения мы и не можем для себя желать. Франция остается верной своеобразному логически—диалектическому ходу своего развития. Противоречия никогда не могут быть затушеваны надолго, они решаются борьбой, а лучшего нам и не надо.

Что социалисты получили так мало голосов (о чем так сильно сокрушается Лафарг), вполне естественно. Французский рабочий не выбрасывает вон своего избирательного бюллетеня. А так как во Франции существуют еще другие *живые* партии, не только мертвые или умирающие, как в Германии, то безусловно неполитично голосовать за неимеющего никаких шансов социалиста, если в результате этого радикал окажется в меньшинстве, а оппортунист в большинстве. Кандидаты, выставляемые для подсчета голосов, именно во Франции имеют большое неудобство, какое они получат местами и в Германии, когда в тамошнюю политическую лавочку вновь проникнет жизнь. Только тогда, когда ход вещей во Франции сделает возможным для социалистов стать оппозицией, т.-е. когда Клемансо окончательно станет у власти, мы сразу приобретем миллионы голосов. Не надо только предписывать французам развиваться по немецкому *образцу*. Но это делают даже наилучшие люди в Германии.

Окончательное суждение, конечно, можно будет вынести только по окончании перебаллотировок.

Твой *Ф. Э.*

58 [1])

Указатель к «Капиталу» очень желателен. Но почему же не сразу ко всему, если он будет готов? Но это, наверное, будет в будущем году, если я не свалюсь, чего я пока не предвижу. «*История теории*», между нами говоря, в основном уже написана. Рукопись «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» 1860—1862 содержит, как я тебе, кажется, уже указывал, около 500 страниц in quarto «Теории прибавочной стоимости», в которых многое, во всяком случае, должно быть зачеркнуто, так как позже оно было переработано, но все же остается еще довольно много.

Лассаль в своем Шульце-Бастиа между прочим цитировал Р[одбертуса], по такому поводу, который со стороны другого вызвал бы сильную вражду к нему,—а именно, в качестве авторитета при раскрытии одной подлости. *Письма*, во всяком случае, содействовали культу Родбертуса. Это в значительной степени было результатом желания некоммунистов найти также некоммунистического соперника Марксу и ненаучное смешение понятий у этих людей. Для всех этих людей, которые слоняются на государственно-социалистической границе нашей партии, произносят сочувственные речи, но все же хотят избегать нарушения полицейских правил, его превосходительство Родбертус—сущая находка.

Перенесение N[eue] Z[eit] в Гамбург является, может быть, предвестником ее прекращения. Я, впрочем, ничего не знаю относительно того, кто руководит теперь гамбургским издательством.

В прошлый вторник у нас здесь в Уортсинге была революция. Сделано было нападение на магазин, принадлежащий «фанатику» армии спасения, и он был разрушен; владелец стрелял из револьвера и ранил троих. На следующий день были разбиты стекла в полицейском арест-

[1]) Отрывок письма, без начала.

ном доме. Вечером прибыло 40 драгунов, 50 полицейских (в местечке около 10.000 жителей), улицы были очищены, причем бравые граждане, оставшиеся стоять в сознании своей безопасности, были жестоко избиты. Теперь—полное спокойствие. Какие только глупости можно пережить. *Обе партии втихомолку подкуплены буржуазией*,—члены армии спасения и их противники.

Твой *Ф. Э.*

59.

Лондон, 7 декабря 85.

Дорогой Эде!

Буря в социалистическом стакане воды даже и здесь. К[аутский[вероятно написал тебе кое-что; 2 посылаемых при этом номера Echo (либеральные) содержат подробности и один документ (письмо Бланда, основанное на протоколах исполнительного комитета Soc. Dem. Federation, которое Эвелинг посылает тебе), излагающий сущность дела.

На этот раз Гайндман сам нанес себе последний удар. Он взял уториев деньги для социалистических кандидатур, чтобы оттянуть голоса у либералов. В получении 340 ф. ст. он сознался, но так как официальные расходы на эти 3 кандидатуры составляли около 600 ф. ст., то, вероятно, он получил около 1.000 ф. ст. или более.

Брать деньги у другой партии при известных обстоятельствах и в виде исключения можно, если: 1) деньги даны без всяких условий и 2) дело это приносит не больше вреда, чем пользы. Здесь же было как раз наоборот. 1) Здесь было поставлено условие выставлять социалистические кандидатуры в округах, где они только могли себя скомпрометировать, что и на самом деле имело место. Вильямс получил 27 голосов из 4722, Филдинг 32 из 6374, только Бернс получил 598 голосов из 11055 в Нотингеме. 2) Гайндман знал, что взять деньги уториев значило не что иное, как окончательно скомпрометировать социалистов в глазах *единственного* класса, среди которого они могут рекрутироваться, а именно среди большой радикальной рабочей массы. Это совершенно напоминает предложенный в свое время в Берлине союз со Штеккером против прогрессивной партии.

Но Гайндман не довольствовался еще этим геройским поступком. Он воображал себя вторым Парнеллем, который поддерживает равновесие между двумя партиями и забыл только, что при выборах он не получил 80 голосов в парламенте и 200.000 ирландских голосов в Англии и Шотландии, как последний. Он заставил исполнительный комитет федерации уполномочить его отправиться вместе с Чэмпионом в Бирмингам к Чемберлену, главе радикалов. Последнему он предложил, имея в кармане деньгиториев, свою поддержку, если Чемберлен уступит ему одно место в Бирмингаме, обеспечит ему голоса либералов и внесет билль о восьмичасовом рабочем дне. Чемберлен не был так глуп, как тории, и прогнал его.

Между тем дело, втихомолку сделанное исполнительным комитетом федерации, стало известно в секциях и возбудило большой шум. Более подробно об этом сказано в письме Бланда, написанном для опубликования; но ты не должен говорить, что оно написано на основании протоколов. Скоро должно состояться общее собрание, и еще вопрос, переживет ли его федерация; во всяком случае, сомнительно, чтобы она его пережила в качестве жизнеспособной организации.

Прилагаю объяснение Гонтера Уоттса в Pall Mall Gazette [1]). Оно редактировано вместе с Гайндманом, но по отношению к себе они должны были оставить выражение «ill advised». Объяснение Вильямса в Echo, наоборот, является прямым разрывом; он проявляет при данных обстоятельствах, не без основания, абсолютную враждебность ко всем социалистам middle class men. Этого Гайндман добился своей настойчивостью. Этот человек—настоящая карикатура Лассаля; он совершенно равнодушен к качеству средств, даже если они *не* ведут к цели, если только будет какая-нибудь польза для него, Гайндмана; нуждаясь всегда в непосредственных удачах, он жертвует существенными интересами ради мелочей; наконец он всегда считает себя центром мира и абсолютно неспособен рассматривать вещи иначе, чем такими, какими они должны были бы, собственно, быть в угоду ему. При этом политический авантюрист comme il faut. Он имеет все дурные стороны Лассаля, во много раз увеличенные, и ни одной хорошей его стороны.

Каковы дела в вашем парламентском стакане воды?

Твой *Ф. Э.*

60

Лондон, 22 мая 86.

Дорогой Эде!

Я посылаю тебе парламентские дебаты от четверга (Daily News) об ирландском билле насчет оружия: ограничение для Ирландии права носить и владеть оружием, направленное до сих пор против националистов, теперь будет обращено и против протестантских хвастунов из Ульстера, которые угрожают бунтом. Замечательна речь лорда Рандольфа Черчилля, брата герцога Мальборо, демократического тория, бывшего в последнем торийском кабинете министром для Индии и, в качестве такового, пожизненного члена государственного совета. По сравнении с жалкими и трусливыми протестами и клятвами наших мелко-буржуазных социалистов в том, что при всех обстоятельствах они будут мирно преследовать свои цели, небесполезно отметить, что английские министры — Альторп, Пиль, Морли, сам Гладстон—выставляют право на революцию как согласную с конституцией теорию—разумеется, только *пока они находятся в оппозиции*, как это показывает последующая болтовня Гладстона, хотя он не осмеливается

---

[1]) The Socialists and the General Election.

Mr. J. Hunter Watts, hon. treasurer of the Social Democratic Federation writes as follows:—«All is fair in love and war, and the tactics pursued by the Tories in the present campaign may be fair, but they are somewhat eccentric. A revolutionary socialist is the last ally whom we should expect them to seek, but such was their anxiety to secure seats in two metropolitan constituencies that some £ 340 was forthcoming to enable two of my comrades to contest these seats — in other words, to split the Liberal party. An ill advised few London Socialists without consulting our organisation, were tempted to avail themselves of this means of propaganda at the possible expense of Liberal candidates who did not command that respect we accord to some of the Radicals. In the result it was found the Tories paid dearly for their whistle, as the fifty nine votes polled in favour of the Socialists were purchased at the rate of about £ 8 apiece. We might,—I am informed these incidents occurred during my absence in Scottland—have touched much Tory gold if we would have contested some of the Eastend constituencies; but Radical candidates there commanded more consideration even from Socialists, who regard the political cam-

отрицать это право, как таковое. В особенности это важно потому, что исходит из Англии, страны законности. Лучшего урока не найти для наших Фирсков.

Что меня особенно радует в воскресшем пыле «Социал-Демократа», так это то, что ты снова оправился.

Я погрузился по уши в английский перевод «Капитала». Сегодня утром был с Эвелингом у издателя. Все улажено, контракт будет подписан через день—два, затем начнется печатание — 5 листов в неделю минимум. К сожалению, я еще не справился с просмотром, но стр. 1—450 оригинала готовы к печати, а стр. 450—640 *почти* тоже. Но прошу не опубликовывать ничего, так как ничего еще не подписано.

Наши французы—молодцы. Зато здесь все остается на стадии дилетантской игры. Анархистские глупости в Америке могут оказаться полезными; нежелательно вовсе, чтобы американские рабочие со своим теперешним, совершенно буржуазным, образом мысли — высокая плата и короткий рабочий день — добились слишком быстрых успехов. Это могло бы усилить более, чем нужно, односторонний трэд-юнионистский дух.

Amalgamated Engineers, сильнейший из здешних трэд-юнионов, должен был истратить в прошлом году более 43.000 фунтов из запасного фонда для поддержания своих безработных сочленов. Запасный фонд с 165.000 ф. ст. упал почти до 122.000 фунтов стерл. Лишь тогда, когда фонд этот будет исчерпан—и не раньше—можно будет чего-нибудь добиться с этими людьми.

Твой *Ф. Э.*

Я пишу по адресу Шл[ютера], так как я не вполне уверен в № того дома, где ты теперь живешь.

61

4 Cavendish Place, Eastbourne
14 августа 86 г.

Дорогой Эде!

Две недели назад я послал тебе № «Standard'а» с очень важной корреспонденцией из Болгарии о русских интригах на Балканах. Между тем дела принимают все более и более острый характер. Александру III, после его многочисленных неудач, необходим какой-нибудь успех, а, при нали-

---

paign as a battle of frogs and mice, and the offer was refused. I make known these facts in justice to those who condemn the action of my comrades, who thought it right, however, to take ammunition from the enemy in order to blaze it in their faces. — «At a meeting of the Fabian Society, held last Friday evening, the following resolution was proposed by Mr. Hubert Bland on behalf of the executive committee and carried: — «That this society records its opinion that the conduct of the council of the Social-Democratic Federation in taking money from the Tory party to pay the election expenses of Socialist candidates is calculated to disgrace the Socialist movement in England».

Hampstead (1)	
Sir H. Holland (C) .	2785
Marquis of Lorne (L) .	1910
J. Williams (Socialist)	27
Kensington Division.	
R. Gent-Davis (C).	3351
J. O. Conn or Power (L). . . .	2991
John Fielding (Socialist)	32.

чии всякого рода скрещивающихся интриг, может случиться, что эти господа уже не сумеют справиться со всей историей и что разразится война. В связи с этим я хотел тебе сообщить известие, которое прислал в Daily News их корреспондент из Петербурга и которое он твердо поддерживает против всяких опровержений, именно, что с 18 числа текущего месяца до конца его возле Вильны, т.-е. поблизости от прусской границы, будут происходить маневры 6 русских корпусов против 6 других; таким образом здесь будет собрано 12 армейских корпусов (во всей немецкой армии их только 18), т.-е. по самому скромному расчету 240.000 человек. Ясно, что огромные, требующиеся для этого, деньги не выбрасываются за окошко из пустого фанфаронства. Кроме того, Александр III запретил присутствовать на маневрах *всем* иностранным офицерам, не исключая и пруссака *Вердера*. В то время, как эти 240.000 человек сконцентрированы на границе, господин Гирс отправляется в Германию, чтобы вести переговоры с Бисмарком. Штука эта очень рискованна, в особенности по отношению к старому Вильгельму, у которого, таким образом, задевается самая чувствительная сторона. В результате получится путаница, которая может закончиться войной. Но точно также возможно, что втихомолку столкуются, так как Гирс, наверное, не относится сочувственно к таким безумным выходкам. Но я счел за лучшее обратить твое внимание на эту любопытную историю.

Скажи Шл[ютеру], что как только я вернусь в Лондон, то займусь его работой. Возможно, что я раньше увижу старого Гарни, и тогда я получу сведения о многом, что интересно для него.

Сердечнейший привет. 28-го возвращаюсь в Лондон.

Твой *Ф. Э.*

62

20 августа 86 г.

Дорогой Эде!

Посланные мной через госпожу Шак две строки ты, надеюсь, получил. Русские немного сбавили тон; плутня будет потихоньку продолжаться и прежде всего направится против Англии и Азии—Туркестан и Китай. Таким образом на этот год опасность войны устранена. 240.000 человек корреспондента Daily News вряд ли теперь тронутся в поход... Это для сведения. Картина так быстро изменилась, что по большей части опаздываешь со своими новостями. Бедный барон в отчаянии, что ты ему не пишешь ни строки.

Твой *Ф. Э.*

63

Лондон, 9 октября 86.

Дорогой Эде!

После того, как я прочел с некоторым удивлением три страницы твоих основательных соображений, — удивляясь все время, к чему собственно ты клонишь речь, — я не мог не расхохотаться, когда раскрылась, наконец, «сущность пуделя» и оказалось, что все это должно объяснить твой брак, который абсолютно не нуждается ни в каком объяснении. Если бы все пролетарии были так осторожны, то пролетариат вымер бы или же должен был бы размножаться только через посредство внебрачных детей, а к этому последнему способу размножения мы придем en masse лишь

тогда, когда не будет больше уже пролетариата. Итак, я сердечно поздравляю тебя, что ты, наконец, покончил со всеми тяжелыми сомнениями и дал волю влечению своего сердца. Ты убедишься, что и в нужде вдвоем живется легче, чем одному; я это испытал в достаточной мере,— иногда даже в очень тяжелых материальных условиях, —и я никогда не раскаивался в этом. Поэтому, сердечнейший привет твоей невесте, и прыгай скорее обеими ногами в thalamus.

Но теперь уже 4 часа, а письмо должно отойти в 5.30.

Старый Беккер был здесь. Мы говорили с ним много о том, что необходимо, чтобы он написал свои воспоминания. Я часто побуждал его к этому, и, как он говорит, так же поступали и другие, но что ему делать? Чтобы жить, он за 25 франков в неделю пишет в Корреспонденцию Шнеебергера в Вене, с трудом собирая для этого материал. Это отнимает все его силы и его слабые глаза, так что после этого он неспособен ни на что другое. Поэтому нужно было бы раньше всего устроить его так, чтобы он мог жить спокойно и располагать всем своим временем для этого. Ван Колль, если я не ошибаюсь, дает ему 25 франков в месяц. Другой приятель — такую же сумму. Это составляет шестьсот франков в год. Я обязался посылать ему каждые три месяца L. 5=125 франков. Это составляет всего 1.100 франков. Остальную часть, по моему мнению, должна доставить партия, если она имеет соответствующие средства, а, по словам Либкнехта, она их имеет. Собственно говоря, она вообще должна была бы взять на свое содержание старого ветерана. Но я думаю, что нетрудно собрать несколько сот нехватающих франков у хорошо устроенных партийных товарищей, так что партия возьмет на себя только задачу правильной выплаты этой суммы.

Сами мемуары Беккера были бы весьма ценным приобретением для Volksbuchhandlung, новым источником для до-истории (революционное движение 1827 — 40 г.г.) и истории (от 50-х г.г. до нашего времени) нашей партии, документом, мимо которого не мог бы пройти ни один настоящий историк. И притом — судя по образчикам писания Беккера, данным им ряд лет назад в Neue Welt, книга была бы изложена великолепно, живо,—это было бы настоящее чтение для народа. И, чем он скорее примется за эту работу, тем лучше, ибо, если у человека за спиной 77 лет, то болтливость растет подчас в несколько более быстрой прогрессии, чем правильность суждения о важном и неважном: таков уж ход вещей в мире.

Я вчера написал об этом Августу. Я хотел сперва написать раньше тебе, чтобы узнать, что вы об этом думаете в издательстве, но так как он скоро должен попасть в тюрьму, то нельзя было терять времени. Я считаю это дело очень важным. Изложение всех этих событий участником их и притом *единственным человеком 30-х годов*, стоящим на нашей точке зрения, абсолютно необходимо; оно рисует всю эпоху 27—40 г.г. в совершенно новом свете, и если Б[еккер] не даст его, то оно окончательно пропало. Или же эту задачу возьмут на себя люди, враждебно настроенные к нам, члены народной партии и другие вульгарные демократы, а это для нас невыгодно. Это — случай, который никогда больше не представится, и я считал бы преступлением упустить его.

Я написал Августу, что было бы лучше всего, чтобы всеми деталями о дополнительном взносе и об издании — если дело дойдет до этого — занялся лично ты с Б[еккером]. Тут был еще пункт, которого я пока не счел необходимым коснуться с Августом, именно,—чтобы на дополнительный взнос смотреть просто, как на пенсию, а не как на вычет из гонорара. Последнего можно было бы требовать от некоторых «вождей», но это было бы

совершенно некрасиво по отношению к старому бойцу. Поэтому я и предлагаю раздобыть возможно большую часть выплаты путем частной подписки, тогда само собою отпадает это предположение.

Если дело было бы улажено, и ты вступил бы в переговоры с Б[еккером] по поводу издания, то не обращай внимания на его взгляды на сбыт книг и т. д., на объявления и т. д. Он все еще живет представлениями 40-х г.г. о сбыте запрещенных книг и не имеет никакого представления о том, что теперь это превратилось в крупную промышленность.

Итак, обдумай это дело и сообщи мне свое мнение.

Болгары держались, действительно, до сих пор неожиданно хорошо и, если они выдержат еще 8 — 10 дней, то они выйдут победителями, или же русским придется выступить против них с риском вызвать европейскую войну. Этим они обязаны тому обстоятельству, что они находились так долго под владычеством *турок*, которые спокойно сохраняли старые остатки их родового быта и мешали только зарождавшейся буржуазии, путем поборов со стороны пашей. Сербы же, которые уже 80 лет как освободились из-под власти турок, разрушили, при помощи вышколенной на австрийский образец бюрократии и законодательства, свои старые родовые учреждения и поэтому неизбежно должны быть поколочены болгарами. Дай болгарам 60 лет буржуазного развития — из которого у них все же ничего не выйдет—и бюрократического управления, и они станут такой же задницей, как теперь сербы. Для болгар, как и для нас, было бы бесконечно лучше, если бы они остались под властью турок до европейской революции; в их родовых учреждениях имелся бы чудесный росток для развития коммунизма, точно так же, как и в русском мире, который теперь тоже у нас разрушают под носом.

Считаясь с теперешним положением вещей, надо, по моему мнению: 1) поддерживать южных славян, поскольку они идут *против России*, в этом случае они идут *рука об руку* с европейским революционным движением.

2) Если же они пойдут против *турок*, т.-е. потребуют à tout prix аннектирования немногих, оставшихся еще под властью турок, сербов и болгар, то они, сознательно или бессознательно, творят дело России, и мы не можем итти вместе с ними. Это может быть достигнуто только с риском вызвать европейскую войну, а дело того не стоит: эти господа должны подождать, точно так же, как и эльзасцы, лотарингцы, триентинцы и т. д. Кроме того, всякое новое нападение на турок привело бы, при теперешних обстоятельствах, лишь к тому, что победоносные маленькие народцы—а победоносными они могли бы быть только при помощи русских — или попали бы прямо под русское иго, или же — сравни карту языков полуострова—вцепились бы безнадежно друг другу в волосы.

3) Но, как только в России разразится революция, эти господа могут делать, что они хотят. Но тогда они и увидят, что с турками им не справиться.

Почта закрывается. Твой *Ф. Э.*

64

Лондон, 22 октября 86.

Дорогой Эде!

Сообщаю тебе этим письмом, что наш друг Бельфорт Бакс, вероятно, посетит вас в конце этого месяца. Это — чудеснейший парень, очень ученый, в особенности в немецкой философии, говорит по-немецки, но во всех

политических вопросах он обнаруживает детскую неопытность, способную довести до отчаяния и весьма проявляющуюся в Commonweal. Но он и Эвелинг среди здешних «образованных» единственные люди, которые не только относятся серьезно к делу, но и изучают кое-что.

К[аутский] сообщит тебе юридические подробности о браке здесь. Я надеюсь, что это можно устроить.

По поводу Беккера Август пишет, что он поручил тебе выяснить дело со стариком; ты, надеюсь, написал уже ему—старику,—так как это дело очень интересует его. Август пишет, что Б[еккер] уже получил от партии 20 франков годового взноса. Я знал, что при перечислении денег я забыл одну статью, именно эту; я упоминаю об этом для того, чтобы нельзя было подумать, будто Беккер умолчал мне об этом, чего вовсе не было.

Если верно то, что распространяют в Софии цанковисты, то Александр III может спокойно убрать своего осрамившегося Каульбарса, ибо он имеет тогда все, что ему нужно. Это улучшенное издание Уникар-Скелесского мира (1833, см. Луи Блан, Dix ans, где договор перепечатан в последнем томе). Тогда Черное море принадлежит ему, и Константинополь—его, лишь только он этого захочет. Это было бы следствием того, что австрийцы в Боснии, англичане в Египте захватили куски Турции и являются поэтому для Конст[антинополя] такими же разбойниками по отношению к Турции, как и русские. Ради этого, значит, миролюбивый Гладстон бомбардировал Александрию и затеял войну в Судане. Однако это известие оспаривают, и возможно, что дело еще не закончено формально; во всяком случае, надо подготовиться к новым известиям насчет этого. Ибо, если даже это и правда, то Австрия в особенности попытается затушевать это, чтобы не быть вынужденной выступить прежде, чем русские сделают *действительно* вид, что они хотят захватить Дарданеллы, т.-е. когда это будет слишком поздно.

Между прочим, Александр, повидимому, действительно съ ума сошел; говорят, будто он принял одного адъютанта за нигилиста и застрелил его, а старый Вильгельм быстро дряхлеет. Русская революция—даже если бы она началась дворцовой революцией — становится более необходимой, чем когда бы то ни было; она немедленно внесла бы ясность во всю эту ерунду.

Твой *Ф. Э.*

65

(Рукой Бернштейна: 24 ноября 1886).

Дорогой Эде! Твои статьи о К. А. Ш[рамме] были прекрасны и очень развеселили меня. Молодчик получил достаточно.

Очень важен новый поворот дела во Франции. См. Cri du Peuple. Седьмого—митинг в Château d'Eau, где Базли (Basly) разошелся с радикалами. 11-го в Палате интерпелляция Базли по поводу событий в Деказзвилле, которую поддержали Камелина и Буайе и приветствовали Кл. Гюг и Планто—разрыв с радикалами, *образование парламентской рабочей партии*. Замечательное Entrée en scène. Большое огорчение радикалов из-за этих в высшей степени непарламентских событий. Этих трех рабочих надо сейчас же наказать вотумом недоверия буржуазных избирателей. 21 созывается митинг в Château d'Eau, но отменяется, как только эти трое заявили, что они собираются быть на нем. Зато назначается Meeting du Commerce в Château d'Eau, якобы по вопросу об общественных

работах в интересах безработных, в действительности же для выражения вотума порицания трем рабочим. Но вместо этого—большая победа рабочих: Базли выбран председателем, буржуа удирают, блестящая речь Геда. Прочти Cri du Peuple от 23 текущего месяца. Французская Парламентская Рабочая партия—большое историческое событие и огромное счастие для Германии. Она для некоторых в Берлине послужит живительным толчком. При этом—совершенно интернационального характера; шовинистические тенденции совершенно провалились.

Твой *Ф. Э.*

66

Лондон, 5 мая 1887.

Дорогой Эде!

Ты неисправимейший Гамлет в мире. Ты знаешь, что К[аутский, и я стоим совершенно в стороне от здешних немецких дел и должны так поступать, если не желаем потратить всего своего времени на все эти жалкие сплетни. Ты знаешь, что в здешнем кружке мы не имеем ни одного доверенного человека, ибо все занимаются мелкими дрязгами и киснут в этом занятии. Поэтому, достаточно нам сделать здесь малейший шаг в этом направлении, чтобы это вызвало внимание. Все захотят знать, что и как, а на завтра об этом будут трещать уже во всех анархистских клубах. Если бы ты приехал сюда, то, посетивши клуб и сделав там доклад, ты сумел бы в два-три дня без всякого шуму узнать все. Поэтому твое отсутствие не только лишает нас удовольствия, но из-за него ты также лишь наполовину выполнил цель своего путешествия. Конечно, мы можем пустить в ход старого Л[есснера], но он так заржавел, что из него выйдет жалкий дипломат.

О деле Бабёфа нет ни звука и в Lundis и An. Cloots Авенеля.—Нет: стр. 42 и 94. Поэтому я пошлю тебе Lundis заказной бандеролью. Прошу скорее вернуть ее, т.-е. приблизительно через две недели, т. к. книга мне нужна для справок. Я имел также главное произведение, именно Conspiration de Babeuf Буанаротти в изданном чартистами английском переводе. Но ее у меня, как и многое другое, стибрили; я еще раз усиленно искал ее, но тщетно.

Что касается русских, то следует теперь отметить один пункт, о котором нигде не говорят. Вся европейская реакция возмущается нигилистическими цареубийствами и специально—употреблением динамита; в особенности кричит она против русских революционеров, требуя, и с известным успехом даже в Америке, выдачи их России. А что же делает русское правительство? Оно устраивает так, что Алекс. Баттенберга арестовывают в Софии, и если при этом его не застрелили, то этим он обязан лишь своей собственной беспечности. В Бухаресте оно устраивает покушение на болг[арских] префектов. И, наконец, четыре недели назад оно устраивает так, что в дом майора Панова, коменданта—или чем он там является—бросают *динамитную бомбу*. Таким образом, русское правительство через посредство своих, всем известных агентов в Болгарии, *устраивает само все то*, в чем оно обвиняет нигилистов и на основании чего оно требует выдачи их, как обыкновенных преступников. Мы должны требовать, чтобы по отношению к этим специфически русским методам борьбы к революционерам и правительству применяли одну мерку. Это уж начинают чувствовать повсюду, но важно сказать это и притом достаточно громко.

История со Шнебеле была, очевидно, заранее устроена, чтобы спровоцировать Буланже. Единственный человек, правильно понявший это еще две недели назад, это—матушка Крауфорд, парижская корреспондентка Daily News и Weekly Dispatch. Депеша Бисмарка подтверждает это.

Будут ли вам докучать в Швейцарии или нет, это целиком зависит от призывов к войне. Если они замолкнут, то союзный совет наберется храбрости; если же они усилятся, то горе его штанам.

Между нами. Если Шак снова приедет в Швейцарию, то лучше не слишком много доверяться ей. У нее избыток жажды действия, который принимает не всегда правильное направление. С одной стороны, она посещает либералов из круга своего прежнего знакомства; с другой стороны, среди здешних рабочих она охотно знакомится с анархистами. Я лично ничего не имею против того, что она вращается повсюду, где ей приятно, и лично она очень порядочная, бойкая, веселая, но мы должны все-таки считаться с тем фактом, что она как раз теперь, когда в League дело должно дойти до кризиса с анархистами (на троицу, во время конференции делегатов), предпочитает общество их, так что другие уже называют ее the anarchist countess. Но это совершенно между нами; в остальных отношениях я считаю ее совершенно безобидной особой.

Эвелинг и Тусси ведут чудесную агитацию в Ист-Энде в радикальных клубах, которые напуганы американским примером и теперь серьезно думают о том, чтобы основать независимую рабочую партию. Лучший признак это то, что господа эти *сами* пришли к Э]велингу]. Если нам удастся утвердиться здесь, то Soc. Dem. Federation и Soc. League будут оттеснены на задний план, и будет положено начало завоеванию Лондона. При этом дело идет здесь о том, чтобы тотчас же завоевать с дюжину парламентских мест,—эти клубы были до сих пор здешней опорой либералов. Гайндман тоже понял угрожающую ему опасность, поэтому он перепечатывает теперь в Justice клеветнические выходки N[ew] Y]ork] Ex[ecutive] против Э[велинга]. Мы именно это используем, чтобы усилить агитацию. Но ты видишь, как несчастная N. Y. Ex. затруднила нам здесь работу своими грубыми измышлениями.

Привет от Мумми, которая находится как раз здесь.

Твой *Ф. Э.*

67

28 мая 87 г.

Ради всего на свете прошу *не* перепечатывать в С.-Д. несчастного *ионасовского* перевода моего Предисловия. Только что сам перевел его, после того, как я, наконец, получил с большим трудом из Америки рукопись английского оригинала. Но предложил его в то же время Барону. Барон был как раз здесь. Он уступит тебе мой перевод Предисловия и изготовит как можно скорее копию, так как мою рукопись нужно отправить немедленно в Америку, чтобы вытеснить ионасиаду. Зингер был здесь, рассказывал о новейших подвигах К. А. Ш[рамма] по отношению к тебе,—не хватало еще этого. Завтра конференция делегатов С. Л[иги], где будет решаться судьба ее. *Я* не получил еще ни одного экз. англ. перевода «Lage»; К. К[аутскому] они послали 18; таким образом, я завтра получу, наконец, один экземпляр! Замечательное хозяйство! Мой глаз медленно поправляется.

Твой *Ф. Э.*

68

Среда, 23 декабря, 1891

Дорогой Эде!

Я — осел: вчера я совершенно не подумал о том, не нужны ли тебе после воскресного приключения деньги, и, хотя я имею некоторые основания думать, что ты не постеснялся бы поговорить об этом, несмотря на такое грубое упущение с моей стороны, но все же я спешу теперь, когда я сообразил все это, по возможности исправить это и прошу тебя спокойно распоряжаться моими кредитом в моем банке и моей Cash on hand. У меня на руках еще около 5 фунтов и завтра утром—fog permitting — я раздобуду еще.

Сердечный привет всем вам.

Твой *Ф. Э.*

Если Хр[?] считает это лучше, то Катя могла бы в пятницу вечером переночевать у нас. Нисколько не стеснит.

69

Лондон, 25 июля 1892.

Дорогая Гина!

Мы получили с большою радостью Ваше и Эди письмо и сообщили его вчера Тусси. Шлёссли, судя по фотографии, чудеснейший замок: ресторан при саде человек на шестьсот, рядом два гигантских тополя, несколько таинственных деревьев, смахивающих на стыдливые пальмы, а внизу обрыва виноградные лозы, из которых der sure wi chäumt. Но к нему можно привыкнуть, и, во всяком случае, он лучше, чем лондонский Эль; а воздух там наверху должен быть немного лучше, чем хайгетский воздух. Я рад, что на Эде это действует хорошо, и что вы можете рассчитывать привезти его обратно с нормально функционирующими нервами.

Здесь тоже начинается дачная пора. Луиза вчера после обеда уехала в Кельн и теперь — в пять часов после обеда — должна находиться уж совсем близко от Берлина. Послезавтра я поеду на две недели к Pumps; затем в ту пору, когда вы у себя приготовитесь к отъезду, постараюсь посетить еще раз дорогое отечество. Не невозможно даже, что вскоре после вашего отъезда я рискну поехать в Цюрих, но это совершенно между нами. Почему вы взяли этот проклятый обратный билет, ведь он-то главным образом и мешает тому, чтобы мы катались вместе на лодке вдоль берега. Я очень рад, что ваша матушка так бодро взбирается еще на горы; если я действительно сумею поехать в Берлин,— «ах, сон слишком прекрасен, чтобы можно было поверить в его осуществление»,—тогда я, во всяком случае, увижу ее.

Скажите Эде, что Луиза была так потрясена произнесенными им трижды еврейскими заклинаниями (Massel u. Broche), что я должен был дать ей в дорогу крепкий коньяк, чтобы она оправилась от страха.

Дальнейшее предназначается для Эде. А именно, во-первых, статья Тусси и Эдуарда была готова уже неделю назад, в прошлую субботу, и отправлена в Штуттгарт.

Во-вторых, все здесь признают успех выборов: дело обстоит так, что Гладстон, при решительном перевесе в его партии радикального крыла, должен будет сильно обновить свой кабинет, если он хочет жить.

Далее, что билль о гомруле будет скоро отвергнут палатой лордов. Но что он сам, чтобы иметь возможность, в расчете на успех, распус-

тить палату, должен одновременно провести, one man one vote, рациональное составление избирательных списков, которое реально обеспечивает рабочим то, что им было обещано на бумаге в 1869 и в 1884 г.г., а частично было снова отнято у них, следовательно, увеличение числа рабочих избирателей на один-полтора миллиона, и, может быть, second ballot.

И что лишь после того, как он проведет все *это*, он распустит палату.

Словом, чудесное положение для нас.

Привет Эде и Вам самим. *Ваш генерал.*

70

The Firs, Brading Road, Ryda, England.
15 августа 92.

Дорогая Гина!

Меня и всех нас здесь очень огорчило то, что ваш летний отдых на даче был нарушен таким роковым образом, но мы все надеемся, что теперь всякая опасность миновала, так как иначе мы бы наверно услышали о вас. К сожалению, у меня все дорожные планы совершенно расстроились. Как раз тогда, когда я уже собирался тронуться в путь, обнаружились бесспорные симптомы одного старого заболевания, которое я считал пять лет прекратившимся и которое делает для меня невозможным всякое движение, по меньшей мере, на две недели, а то и на целых четыре. Поэтому я должен торчать здесь, в Райде; я сперва думал поехать на несколько дней в Лондон, чтобы привести там все в порядок, но, благодаря этому и благодаря получившейся из этого «оборота божией милостью» необходимости написать много вещей, у меня все до того перепуталось, что я только сегодня могу написать Вам.

Я охотно верю, что Эрнст сильно подался от тифа. Но прежде, чем он снова станет посещать школу, дайте ему вполне поправиться. Впрочем, у вас направо и налево и в семье так много врачей, что лучше мне об этом молчать.

Здесь у нас с тех пор, как я прибыл сюда, великолепная погода; я могу почти весь день, по большей части даже до шести-семи часов, сидеть в саду в кресле; за три недели только два дождливых дня. Надеюсь, что так будет продолжаться и впредь; свежий воздух и покой, это—лучшее лекарство для меня.

Я рад, что Эде совершит еще или совершает уже прогулку на горы. Это ему абсолютно необходимо, хотя я с большою радостью увидел из Neue Zeit, что он снова прежний. Критика Прудона *очень хороша*, и к нему возвращается и юмор. Но лучшее — это лучшее. Надо совершенно излечиться, если имеешь случай для этого, и окончательно стряхнуть с себя огорчения по поводу Лассаля, которые имели решающее значение во всей этой истории. А Вы тоже должны немного поправиться после того, как эти тяжелые дни и ночи так испортили Вам Ваш каникулярный отдых. Здесь все вообще благополучно, т.-е. у Pumps, поскольку это дозволяют «обстоятельства»; событие ожидают в октябре. Дети гораздо более здоровы, чем в Лондоне. Семья очень многочисленна: две собаки, три кошки, канарейка, кролик, две морские свинки, один петух и четырнадцать куриц.

Приветы от Рошеров, в особенности от меня самого Вам, Эде и Эрнсту!

Ваш старый генерал.

71

Лондон, 17 сентября 92 г.

Дорогая Гина!

Через Луизу, вернувшуюся снова в среду, я узнал, что Вы находитесь еще в Цюрихе, а Кэт уже здесь; вчера, наконец, благодаря Вашему письму, можно было снова связать разорвавшиеся нити. Нас очень огорчает, что Вы еще так больны, но это, ведь, имеет свой конец, а в то же время Эде сумеет еще продолжать свое лечение воздухом, что̀ очень полезно для него, а партии не вредит, так как конгресс трэд-юнионов все равно уже прошел. На конгрессе было много сумбуру, интереснейшее для нас заседание по вопросу о конгрессе происходило в четверг. Если бы мы знали ваш адрес, мы бы послали Эде шотландскую газету с отчетом, а пока имевшиеся у нас несколько номеров мы разослали по другим направлениям. После того как, несмотря на все приставания Торна, упорно скрывали в течение 4-х дней цюрихское приглашение «Конгрессу трэд-юнионов в Глазгове», Ваткинсом было сделано—очевидно, после сговора со «стариками»—предложение созвать собственный международный конгресс по вопросу о 8-часовом рабочем дне, чем была бы устранена необходимость послать делегатов в Цюрих. Против этого—поправка Парнелля, что лучше поехать в Цюрих; по словам Эд. Э[велинга], Парнелль и Квельч говорили хорошо. Но все старики точно взбесились: континентальные рабочие слабо и плохо организованы; если же англичане возьмут их под свое крыло, то все пойдет отлично; во всяком случае цюрихский конгресс не созывается конгрессом английских трэд-юнионов; неужели хотят солидаризироваться со всеми wild theories и с Socialism, процветающим на континенте (последнее опасение было высказано особенно одним, недавно обратившимся в вопросе о 8-часовом рабочем дне ланкаширским ткачем)?

Словом, нищие духом ланкаширские хлопчатобумажники, в восторге от того, что закон о 8-часовом рабочем дне не встречает больше никакой оппозиции, решили без дальнейших размышлений отвергнуть предложение рабочих с континента, и притом 189 голосами против 97!

Хотя большинство вряд ли знало, что оно делает, но фактически это—грубое оскорбление, нанесенное всему континентальному рабочему движению. Мы сейчас же разослали сообщение об этом во все стороны. Уж через несколько дней французы в Марселе дадут, вероятно, первый ответ на это. Представившийся случай очень хорош, чтобы, не относясь трагически к делу, дать все-таки по шапке зазнавшимся и становящимся все более и более реакционными *старым* трэд-юнионистским деятелям.

Прилагаю к этому номер Pall Mall, со статьей Эвелинга о гамбургских социалистах и холере.

В Daily Chronicle была помещена длинная критика Socialism Utopian и т. д., которую вы, вероятно, видели. Вот ловкачи!

Французская газета все еще не вышла из эмбрионального состояния, переговоры все еще продолжаются, но это все же лучше, чем снова необдуманно пуститься на какую-нибудь недолговечную авантюру.

Луиза вернулась веселой, нашла свою мать и Игнатия вполне благополучными и бодрыми, сердечно кланяется.

Теперь еще несколько строк Эде, поэтому на сегодня до свидания.

С сердечным приветом Ваш

Фр. Энгельс.

Дорогой Эде!

Соответствующее место было отправлено вчера К. К[аутскому] и притом, начиная с цитированных слов, *весь конец* письма, при чем я писал К. К[аутскому], что *он*, конечно, знает, нужно ли воспользоваться всем или только частью, и какой именно.

На последней конференции С.-Д. Ф. (Bank Holiday, первый понедельник в августе) Тэйлор, провалившийся Hackney кандидат, предложил выкинуть Гайндмана. Это предложение встретило большое сочувствие, особенно среди провинциальных делегатов, но, чтобы получить возможно более значительное большинство, Т[эйлера] убедили смягчить свое предложение. И вот было решено (как Т[эйлор] утверждает, единогласно) предложить Г[айндману] устраниться от руководства С.-Д. Ф. и отдаться литературной пропаганде. Посмотрим, как долго это протянется. Во всяком случае, это — тяжелый удар для одержимого манией величия. Каган из Нью-Йорка, который, не зная этого, посетил его, нашел его в очень меланхолическом, минорном настроении, очень примирительно относящегося ко всем тем, кого он до сих пор ругал.

W[orkman's] Times, т.-е. Бэрджес, хочет тоже стать теперь вождем партии. Ты, вероятно, понял, что 400 фунтов, которые он дал для выборов Бернса, К. Гарди, Тэйлора, Бен Эллиса, шли от Чэмпиона (а через него от Гедеона).

Словом, с тех пор, как ты уехал, многое здесь переменилось, и ты найдешь здесь много любопытного материала.

Кэт я еще не видел.

Привет. Твой *Ф. Э.*

73

4 Royal Parade Eastbourne.
14 августа 94.

Дорогой Эде!

Мы здесь удачно приютились, и до сих пор, т.-е. с половины третьего, нам очень нравится и обращение. Станем надеяться, что и в дальнейшем будет так.

Мне интересно знать, реагировал ли Либкнехт на твой протест относительно Арндта. Дело не должно пройти так; посмотрим, что выйдет из этого. Человек, который вел себя так в Цюрихе, не может оставаться в Vorwärts'е.

Твоего текстильщика я отослал тебе. Крючкотворство. Если желают действовать на подобной юридической почве, то надо заранее заручиться союзниками, иначе осрамишься.

Что касается С.-Д. Ф. и ее специального конгресса, то я сообщил уже об этой истории в Испанию и сообщу также в Италию и Париж, но прошу пока всех не подымать много шума по поводу этого. Ибо, или С.-Д. Ф. должна будет разослать теперь циркуляр, чтобы обосновать резолюцию и повести агитацию в своем духе, или же все дело будет исчерпано простыми заявлениями в континентальной прессе, что на такой-то конгресс не пошлют вовсе делегатов. Но если циркуляр выйдет, тогда он повсюду будет официально обсуждаться, а это было бы гораздо лучше.

С.-Д. Ф., очевидно, пронюхали, что парламентский комитет намеревается (как давно уже говорили об этом втихомолку) превратить конгресс 1896 г. в конгресс трэд-юнионов и устроить необходимые приготовления в Норвиче, и они, очевидно, захотели оказаться первыми. Все эти планики легко могут привести к тому, что континентальные рабочие скажут: ни

первый конгресс, ни второй не есть тот конгресс, который вы *должны* созвать, а так как вы этого последнего не *хотите* созвать, то мы пойдем в какое-нибудь другое место, а вы занимайтесь своими дрязгами одни.

Непонятна глупость, которую сделали С.-Д. Ф., приняв одновременно решение по поводу кандидатов J. L. P., даже если они социалисты. Это старая история: или вы—социалист, и тогда ваше место среди С.-Д. Ф., или же вы не хотите войти в С.-Д. Ф., и тогда вы вовсе не социалисты. Но эти господа, повидимому, совершенно не замечают, что оба эти решения рядом друг с другом отнимут у континентальных рабочих желание иметь какое бы то ни было дело с конгрессом С.-Д. Ф.

Впрочем, все это оставляет меня довольно равнодушным; до конгресса немало еще воды утечет в Темзе, немало еще произойдет вещей, которых нельзя теперь учесть ни в качественном, ни в количественном отношении.

Августу я тоже пишу по поводу *всех* этих вещей, включая и дело Арндта.

Сердечный привет Гине, Эрнсту, Кэт и тебе самому от Луизы, Людвига и т. д. твоего

Ф. Э.

Не находятся ли Мендельсоны тоже в Broadstand?

74

4 Royal Parade Eastbourne.
6 сентября 94.

Дорогой Эде!

Я напишу Шлютеру, сообщу ему, что ты занят и что он может перепечатать из Neue Zeit.

С опечатками можно подождать, пока я вернусь, к 18 сентября. Предисловие я приготовлю позже. Но ты сможешь просмотреть его у меня до отсылки. То, что касается вопроса о норме прибыли, ты найдешь в самой книге. В Предисловии нет ничего нового, только критика попыток решения.

Что касается Эдвардса, то на твоем месте я сперва узнал бы от Эвелингов, *почему* они отклонили и что они знают об этом человеке; английское don't know him имеет не совсем определенный смысл. Если бы ты хотел пожертвовать своим временем, то было бы, конечно, хорошо, чтобы ты помешал разным Арндтам и Гайндманам написать статью.

С другой стороны, сотрудничая в подобных коллективных изданиях, создаваемых внезапно незнакомыми лицами, можно натолкнуться на неприятности. Этот господин не может видеть ничего дурного в том, что ты спросишь его, каких еще других сотрудников он залучил уже; тебе же это даст возможность составить себе более определенное суждение.

Я охотно дам Пинкау фотографическую карточку, как только я сам буду иметь ее; как ты знаешь, попытки Инке не удались, а с тех пор я ни разу еще не снимался.

Привет Гине и детям от Луизы и твоего

Фр. Энгельса.

Фрейбергер находится сегодня в Лондоне на службе в больнице.

74

Дорогой Эде! Eastbourne, 22 февраля 94.

Благодарю за письмо и предложение Г. Брунса. Но я сижу теперь над 41 главой (земельная рента) и надеюсь к своему возвращению—от сегод-

няшнего четверга через неделю—справиться еще с несколькими главами; поэтому я хотел бы отложить книгу до своего возвращения, когда я ее наверное охотно прочту. Мы получили фельетон Frankfurter Zeitung о Бебеле и Фольмаре. К сожалению, погода здесь слишком холодна, чтобы я мог *сидеть* на дворе очень много, а для ходьбы я все еще не особенно гожусь. Итак, до ближайшей недели! Сердечнейший привет Гине, Кате и тебе от твоего

Ф. Э.

75

Лондон, вторник, 18 сентября 1894.

Сегодня вечером мы снова прибыли сюда. Барон хочет, чтобы я ему дал что нибудь «не опубликованное» об Интернационале; я только что перерыл старые бумаги и нашел кое-что как будто подходящее; можешь ли ты это забрать отсюда для перевода, так как, судя по письму Барона, время не терпит? Завтра от 10 до часу я буду в городе, а затем снова здесь, но Луиза знает, где находятся вещи. Привет Гине и детям от нас всех.

Твой *Ф. Э.*

76

Дорогой Эде! 14 ноября 1894.

Прилагаю при этом два листа, № 21—22. Мейсснер спрашивает, имеются ли еще опечатки. Если у тебя отмечены какие-нибудь, то, пожалуйста, пришли их мне, а не то не возись больше с этим; я тогда напишу завтра М[ейснеру], чтобы он закончил список их.

Если ты будешь писать *сегодня* Барону, то, пожалуйста, напомни ему, что я шлю ему по просьбе Лабриолы Socialismo e Scienza positiva Ферри, с примечаниями Лабриолы. Это не к спеху, если ты уже отправил свое письмо. Привет, здесь все идет хорошо.

Твой *Ф. Э.*

77

Дорогой Эде! 20 ноября 1894.

В Соц.-Демократе (берлинском) был переведен доклад Лафарга о Programme agraire. Лафарг указал мне на этот перевод, так как у него под рукой нет ни одного экз. оригинала. Но я не могу найти своего С.-Д. (это был № от 18 ноября, а, может быть, еще более ранний). Не можешь ли ты мне его одолжить на один день? Привет. Твой жестоко простуженный, но поправляющийся *Ф. Э.*

78

4, Royal Parade, Eastbourne,
4 июля 1895.

Дорогой Эде!

Получил письмо. Благодарю. Пока все по старому, т.-е. перемены настроения, в зависимости от физического состояния. О работе нечего еще думать, могу заниматься лишь самой неотложной корреспонденцией. Со вчерашнего дня Лаура уехала, а Луиза снова здесь; она, как и я, сердечнейшим образом приветствует тебя, детей и Гину.

Твой *Ф. Э.*

ПРИМЕЧАНИЯ

2 февраля 1881 г. Сатира Веерта была напечатана только летом 1881 г. Статья «Не укради» была первой из серии статей, посвященных «десяти заповедям», и на примере прусских королей показывала, как набожные монархи бесцеремонно крадут народное достояние [1]). Не менее дерзкой была статья Бернштейна, посвященная годовщине казни Людовика XVI [2]) и подписанная Leo, псевдоним, которым Бернштейн часто пользовался в то время. Ему же принадлежит статья по поводу убийства Александра, обратившая тогда своей резкостью на себя всеобщее внимание [3]).

«Доктринерская статья» о государственном социализме, о которой пишет Энгельс в письме от *12 марта 1881 г.*, написана была Каутским (его тогдашний псевдоним Symmachos) [4]). Критика Энгельса подействовала. Редакция усвоила себе его точку зрения, сам Каутский еще в том же году написал новую статью «Der Staatssozialismus» (8 декабря 1881), развивавшую основные мысли Энгельса.

Фирек, о котором упоминается и в других письмах Энгельса, был в начале 1881 г. в Лондоне. Его и Фриче партия послала в Соединенные Штаты, для сбора денег в пользу пострадавших от закона против социалистов. Он принадлежал к правому крылу и после, вместе с Фольмаром, был главным «столпом» баварской социал-демократии. Кроме газеты «Süddeutsche Post» он издавал в Мюнхене «Recht auf Arbeit», еженедельник, посвященный главным образом вопросам социально-политического законодательства и профессионального движения. В 1887 г. дал такое яркое доказательство своей трусости, что был осужден на С.-Галленском конгрессе и переселился после этого в Соединенные Штаты.

К Ирландии Энгельс возвращается несколько раз в своих письмах. В 1881 и 1882 г.г. революционное движение в этой стране определяло всю внутреннюю политику нового министерства Гладстона. Ирландские националисты во главе с Парнеллем приняли, под влиянием бывшего фения Майкеля Дэвитта, аграрную программу. Основанная последним земельная лига вынудила и Гладстона внести новый земельный билль, не удовлетворявший даже более умеренные элементы. Фении возобновили свою террористическую деятельность, которая привела к убийству в 1882 г. министра по делам Ирландии, лорда Кавендиша, и его товарища Борка.

Упоминаемый Энгельсом Джозеф Коуэн действительно организовал новую группу. К ней принадлежал Гайндман, который занял в ней скоро очень влиятельное положение. В июне 1882 г. она приняла название «Демократической федерации», и от ее имени Гайндман, ставший ее идейным руководителем, опубликовал манифест «Англия для всех» (England for all). Чтобы не «шокировать» английское национальное чувство, Гайндман, выступавший тогда уже в качестве марксиста, решил не упоминать

---

[1]) Die zehn Gebote, «Sozialdemocrat», 30 Januar 1881.
[2]) Ein Gedenktag, «Sozialdemocrat», 23 Januar 1881.
[3]) *Leo*, Das Ende Alexander des Zweiten, «Sozialdemocrat», 20 März 1881.
[4]) *Symmachos*, Der Staats-Sozialismus und die Sozialdemocratie, «S.-D», 6 марта 1881.

имени «красного доктора» Маркса. Ср. отзыв последнего в письме к Зорге от 15 декабря 1881 г.

14 апреля 1881 г. Мост был арестован в Лондоне за статью в «Freiheit» по поводу убийства Александра II. Энгельс ошибся. Мост был присужден к 16 месяцам «тяжелых работ» и по освобождении из тюрьмы переехал в Соединенные Штаты.

17 августа 1881 г. Статьи Бернштейна, которые понравились Энгельсу, полемизируют против того взгляда, что социалисты не будут в состоянии осуществить свою программу, потому что «им нехватает интеллигентов» [1]). Они написаны под сильным влиянием Энгельса и повторяют некоторые аргументы его из письма от 12 марта 1881 г.

Резкий отзыв о Валлесе объясняется ультрабойкотистским письмом, которое Валлес опубликовал во время выборной кампании. Он писал, что отказывается от кандидатуры в палату депутатов, потому что предпочитает попасть туда не в дверь, а в окно на плечах победоносных инсургентов. Его лучшие вещи вышли в последние годы его жизни от 1881 до 1885 г.

Революционный конгресс, о котором Энгельс пишет в том же письме, это известный международный анархический конгресс, заседавший в Лондоне от 14 до 20 июля 1881 г. [2]).

Огромное письмо от *25 октября 1881 г.* посвящено целиком французским делам. Оно представляет чрезвычайно важный источник для ознакомления с историей основания рабочей партии во Франции и раскола ее на марксистскую и поссибилистскую фракции.

Мы не знаем, что писал Бернштейн Энгельсу. Можно, однако, предполагать, что он находился под сильным влиянием рассказов Малона, с которым он имел продолжительные беседы в Швейцарии, куда Малон попал в качестве делегата на международный социалистический конгресс в Хуре (2—12 октября 1881 г.) [3]).

Выдержки из ответного письма Энгельса, а также других его писем 1882—83 г.г., были уже напечатаны Бернштейном сейчас же после международного социалистического конгресса в Париже в 1900 г. [4]). Крайне тенденциозно подобранные, они создавали совершенно ложное представление о действительном отношении Энгельса к Лафаргу и Геду.

Получалось впечатление, что последние ошибались не только во второстепенных пунктах, но и в главном, компрометируя все время знамя марксизма, что Маркс и Энгельс чуть ли не более одобрительно относились к Малону. Лафарг ответил выдержками из писем Энгельса к нему [5]).

С «гедистской» точки зрения события,—хотя и не так подробно, как в письмах Энгельса,—освещены в статьях Геда «Рабочее движение во Франции со времени Коммуны» (она была написана специально для русского «Социал-Демократа»—1890, г декабрь, книга третья) и Лафарга «Социализм во Франции» (тоже написана для русских и напечатана теперь в «Под Знаменем Марксизма», 1924, № 3 [6]).

---

[1]) *Leo*, Es fehlt uns an Intelligenzen, «Sozialdemocrat», 28 Juli и 11 August 1881.

[2]) См. о нем. *Стеклов*, Первый Интернационал. Издание третье, стр. 397—410.

[3]) От французов были только Малон и Жоффрен, тоже злостный противник Геда и Лафарга.

[4]) Lettres inédites de Frédéric Engels sur la politique socialiste. «Mouvement Socialiste». (900, стр. 513—525). По-немецки «Vorwärts» 28 и 29 ноября 1900 г.

[5]) Quelques lettres d'Engels. «Le Socialiste» 24 novembre 1900. Переведены Кларой Цеткин в «Neue Zeit», XIX, 1, pp. 420—27, Briefe von F. Engels über die französische Arbeiterpartei.

[6]) Часть ее со значительными сокращениями была напечатана в «Neue Zeit», 1890. Энгельс пишет Зорге об этой статье, что «она очень хороша и прекрасно написана».

Из следующих писем Энгельса видно, что ему приходилось и дальше еще—в 1882 и 1883 г.г.—пока Малон и Брусс не выявили окончательно своей настоящей физиономии, вносить поправки в отзывы «Социал-Демократа». Фольмар, который одно время жил в Париже, стал на сторону Малона, когда на сент-этьенском конгрессе 1882 г. произошел окончательный раскол между гедистами и поссибилистами [1]). Правда, Малон, говоря словами Геда, «впоследствии сам сожалел о своем поступке и совершенно разорвал с Бруссом».

30 ноября 1881 г. Речь идет о выборах в рейхстаг 27 октября 1881 г. «Более 300.000 голосов за социал-демократию,—пишет Меринг,—в течение трех лет подавляемую, гонимую, подвергающуюся травле при помощи всех средств насилия—что означало другими словами: закон против социалистов потерпел полное фиаско». Берлинский корреспондент «Times'» а телеграфировал в Лондон о великом смущении, господствующем в «высших и высоких сферах» по поводу избирательного успеха социал-демократии. С другой стороны, Энгельс писал, обрадованный, из Лондона: «Так великолепно не вел себя еще ни один пролетариат».

К вопросу о роли «домашней промышленности» в развитии немецкого рабочего движения Энгельс вернулся через несколько лет в предисловии к новому изданию «Zur Wohnungsfrage». Бебель попал в рейхстаг только через несколько месяцев. Кайзер, очень известный в семидесятых годах социал-демократ, выступил в 1879 г. в рейхстаге, как протекционист, за что получил жестокую отповедь со стороны Карла Гирша в «Laterne».

6 января 1882 г. Сейчас же после выборов, во время первой сессии рейхстага, Блос и Газенклевер, выступавшие от имени партии, «отреклись» от «Социал-Демократа». Бернштейн выступил с очень резким протестом, который был поддержан большинством партии вне рейхстага и меньшинством парламентской фракции, во главе которой стоял Либкнехт. О настроении «вождей» в следующем письме Энгельса.

25—31 января 1882 г. Гепнер был, вместе с Либкнехтом и Бебелем, привлечен в 1872 г. по обвинению в государственной измене.

Карл Бюркли (1823—1901 г.г.), старый швейцарский фурьерист, выступил еще в 1881 г. с предложением демократической реформы Кантонального банка в Цюрихе [2]). Ему возражал К. Шрамм (C. A. S.). Свои критические замечания Энгельс дает в следующем письме.

22 февраля 1882 г. К сожалению, одно письмо Энгельса об «угнетенных национальностях», которое «не разубедило» Бернштейна, исчезло. Но и тот материал, который мы находим в сохранившемся письме, представляет огромный интерес для характеристики взглядов Энгельса. Вместе со статьями о восточном вопросе, опубликованными мною [3]), письмо показывает, как смешно приписывать Энгельсу и Марксу—после революции 1848 года—те же самые взгляды и мнения, которые защищались буржуазной демократией. Решающим моментом для обоих основоположников научного социализма являются интересы социальной революции, классовые интересы пролетариата. Маркс и Энгельс никогда не были ни туркофилами, ни австрофилами, чего нельзя сказать о Вильгельме Либкнехте, который до конца дней своих не мог освободиться от старых взгля-

---

[1]) *Leo* [*Bernstein*] St. Etienne oder Roanne, «Sozialdemocrat», 5, 12 и 26 октября 1882 г. *V* [*ollmar*], Zur Spaltung der französischen Arbeiterpartei, там же, 9, 16 и 30 ноября.

[2]) Demokratische Bank-Reform oder wie kommt das Volk zu billigerem Zins? Zürich 1881.

[3]) Вошли теперь в издаваемое мною «Собрание Сочинений», том X и XI.

дов. Мы видим также, какое огромное значение придавали Маркс и Энгельс русской революции.

Письмо от *10 марта 1882 г.* посвящено главным образом вопросу о биметаллизме. В 1881 г. началась в Германии агитация в пользу биметаллизма, поднятая в интересах юнкерского землевладения и нашедшая теоретическую поддержку со стороны Адольфа Вагнера и Шеффле. Как всегда в таких случаях, нашлись социал-демократы, которые хотели «использовать» и это движение. Так, в защиту биметаллизма выступил в издававшихся Гехбергом «Staatswirtschaftliche Abhandlungen» молодой Макс Шиппель.

Бамбергер, давно уже превратившийся из революционера, приговоренного к смертной казни, в крупного банкового дельца и лидера национал-либералов (после организатора партии сецессионистов, отколовшихся от партии из-за разногласий в связи с Бисмарком), выступал решительно против биметаллизма.

17 апреля 1882. Речь идет о предисловии к русскому переводу «Коммунистического Манифеста». Оно появилось, к большому неудовольствию Энгельса, в «Социал-Демократе» 13 апреля 1882 в переводе, который оказался весьма неуклюжим. Для немецкого издания Энгельс, которому не удалось получить от Лаврова оригинал, сделал новый перевод [1]). Лавров в это время был выслан по настоянию русского правительства из Парижа и переехал в Лондон.

Трусость Гейзера была подвергнута жестокой критике в статье Бернштейна (Bekennt Farbe! «Sozialdemokrat», 13 April 1882). Этому депутату какой-то шпион написал из Нью-Йорка письмо с выражением радости, что день для восстания наконец назначен. Гейзер передал полиции это письмо для установления автора и сопроводил этот акт весьма дипломатическим посланием, в котором объявил всякую мысль о возможности революции в Германии глупейшей ложью. Литератор, издававший в Бреславле «Neue Welt», он и дальше отличался несколько раз в том же духе, пока в 1887 г. за отказ подписать воззвание о созыве нелегального съезда не был лишен права занимать какие-либо ответственные должности. После выступал в литературе под именем Курта Фалька.

21 апреля 1882 г. Речь идет об известном железнодорожном спекулянте, бароне Гирше. Турции пришлось затратить не мало усилий, чтобы освободиться от концессии, данной Гиршу.

Статья Энгельса о христианстве, о которой он упоминает в письме от 3 мая 1882, была написана им по поводу смерти Бруно Бауэра (Bruno Bauer und das Urchristentum, «Sozialdemocrat», 4 и 11 мая 1882 г.). Заметка о концентрации капиталов была использована в «Социал-Демократе» (18 мая 1882). О письме Дарвина писал Лонге в некрологе, написанном для «Justice» Клемансо, и переведенном в «Социал-Демократе» (27 апреля 1882 г.).

Вторая половина июня 1882 г. Это письмо имеет свою судьбу. Оно сохранилось в оригинале только частью. Бернштейн мне говорил, что другую часть он отдал Либкнехту, который не вернул ее. Из письма от 9 августа 1882 г., в котором Энгельс просит Бернштейна не передавать его писем Либкнехту ни в оригиналах, ни в копиях, видно, что речь идет именно об этом «ущербленном» письме, которое было самовольно использовано Либкнехтом. Действительно, в «Sozialdemocrat'»е 13 июля 1882 г., мы

---

[1]) Черновик Маркса не нашелся, а переписанный Энгельсом немецкий текст. Предисловия каким-то образом попал в руки редакции «Былого». Не из бумаг ли Лаврова взят он?

нашли статью «Zur irischen Frage», автор которой приводит очень большую цитату из письма «одного друга Ирландии, знающего эту страну и ее население, как немногие». Сравнение с имеющимся у нас отрывком показало, что Либкнехт использовался почти все письмо Энгельса и, чтобы сократить себе работу, отправил в типографию оригинал письма, переписав для себя только конец. Мы даем поэтому все письмо Энгельса целиком, присоединяя к сохранившемуся отрывку письма его первую часть из «Sozialdemocrat»'а.

Мы не можем здесь останавливаться на разборе взглядов Энгельса. Для этого пришлось бы остановиться на тех статьях Либкнехта и Бернштейна, в которых «Социал-Демократ» высказал свою точку зрения [1]).

Мерингиадой, о которой идет речь в письме от *15 июля 1882 г.*, Энгельс называет историю со статьей Меринга в «Weserzeitung», в которой последний, используя данные, доставленные ему Карлом Гиршем, выступил против «Социал-Демократа». Так как Меринг был тогда еще ожесточенным противником немецкой социалдемократии, то поведение Гирша являлось довольно странным. В очень резкой заметке (In eigener Sache, 27 июля 1882 г.) редакция «Социал-Демократа» использовала указания Энгельса.

9 августа 1882 г. Речь идет об отдельном издании на немецком языке тех глав из «Анти-Дюринга», которые уже в 1880 г. были переведены Лафаргом (вернее, его женой) при помощи Энгельса и сначала напечатаны в «Revue Socialiste», а после вышли отдельной брошюрой [2]). В 1882 вышел польский перевод, сделанный с французского [3]), в издании «Przed'swit'a».

Энгельс довольно скоро послал свою работу в Цюрих, как это видно из предисловия, подписанного 21 сентября 1882 г. Но вследствие разных задержек выход книжки затянулся, и Энгельс воспользовался этим, чтобы прибавить к ней особое приложение (Anhang), в котором он дает очерк развития германской марки. Брошюра вышла только в начале 1883 г. и в течение первого года выдержала три, для того времени очень больших, издания.

В связи с восстанием Араби-паши и бомбардировкой Александрии в Италии, Англии и Франции были устроены рабочие собрания, на которых приняты были резолюции протеста. На собрании в Париже, устроенном гедистами, была принята резолюция, которая в своей последней части приветствовала Араби-пашу и национальную партию, как достойных взятой ими на себя великой задачи. Бернштейн в «Социал-Демократе» присоединился к этой точке зрения (Die Sozialdemocratie und die egyptische Frage «Der Sozialdemocrat», 3 August 1882 г.).

Статью для фельетона Энгельс послал недели через две. Это перевод в стихах старой английской политической сатиры на священника, который умудряется сохранить свое место при всех режимах от Карла Стюарта до ганноверских Георгов. В заключение Энгельс делает несколько замечаний по поводу Бисмарка и всяких немецких викариев из Брея. (Der Vikar von Bray. Aus dem englischen von F. Engels «Der Sozialdemocrat», 7 September 1882.)

13 сентября 1882 г. Как видно, Бернштейн предложил Энгельсу затронуть в предисловии к новой брошюре («Развитие научного социализма»)

---

[1]) «Der Sozialdemocrat», 11 и 18 мая 1882 г. (статьи Бернштейна), 13 и 20 июля 1882 г. (статьи Либкнехта).

[2]) Socialisme utopique et Socialisme scientifique par *F. Engels*. Traduction française par *Paul Lafargue*. Paris 1880.

[3]) Socyjalizm utopiczny a naukowy przez Fr. Engelsa. Przeklad z tlomaczenia franzuzkiego Lafargue'a. Genève 1882.

вопрос о государственном социализме. К сожалению, специальная брошюра на эту тему, которую проектировал Энгельс, не была написана. Остались только наброски и материалы. К этому циклу предварительных работ относится и рукопись, которая была много лет спустя, уже после смерти Энгельса, опубликована Бернштейном под названием «Сила и экономия в процессе образования Германской империи».

Статьи об отмене закона против социалистов, которые так понравились Энгельсу, были написаны Фольмаром (Aufhebung des Ausnahmgesetzes, «Der Sozialdemocrat», 17 и 24 August 1882). Основная их мысль—чем хуже, тем лучше, лучше закон против социалистов, чем возвращение к нормальному порядку, ибо это скорее приведет к революции. У Фольмара этот внезапный приступ революционизма для Германии странным образом соединялся с большими симпатиями к французским поссибилистам, в чем Энгельс скоро мог убедиться. Против Фольмара выступил Бебель («Sozialdemocrat», 12 October 1882). Интересно сравнить переписку, которая по этому поводу завязалась между ним и Энгельсом и в результате которой последний изменил свое мнение (*Bebel,* Aus meinem Leben, III, SS. 230—38).

22 сентября 1882 г. Речь идет о предисловии к французскому изданию «Развития научного социализма», в котором Лафарг дал очень лестную биографию Энгельса. Если действительно Маркс ему при этом помог, то Лафарг все же несколько дат перепутал.

Надежды, которые возлагал Энгельс на дальнейшее развитие Клемансо, он разделял с Марксом. Лонге, зять последнего, был одним из главных редакторов «Justice» и старался привить Клемансо понимание социально-экономических проблем. А между тем именно развитие рабочего движения все больше отталкивало Клемансо в ряды крупной буржуазии.

Гарсиа писал корреспонденции из Англии для «Социал-Демократа».

Письма от *20 октября до 16 декабря 1882 г.* посвящены почти исключительно французским делам. С конца 1881 г., когда Жоффрен во время дополнительных выборов в Париже выступил с сильно усеченной программой, полемика между обеими частями французской рабочей партии еще более усилилась. Редакция «Пролетария» доказывала, что путь к конечной цели нужно разделить на несколько этапов, выбрать несколько более непосредственных требований, чтобы сделать их *возможными* (possibles), а не заниматься утопиями и не замечать ничего конкретного и осязательного. Гед ответил на эту классическую программу оппортунизма резкой критикой и окрестил своих противников *поссибилистами.* Парижская организация (Union fédérative du Centre) ответила исключением редакции «Egalité» и групп, которые с ней солидаризировались. Гед и его товарищи организовали Fédération du Centre: 25 сентября 1882 г. начал свои заседания Сент-Этьенский конгресс, кончившийся расколом. Последователи Геда переехали в Роанн (Roanne), где они устроили свой конгресс и основали новую партию.

Письма Энгельса показывают, что, несмотря на некоторые разногласия с Гедом и Лафаргом, он решительно принял их сторону в борьбе с поссибилистами. Благодаря ему «Социал-Демократ» с конца 1882 г. тоже солидаризируется с гедистами или марксистами.

4 ноября 1882 г. Шиптон, бывший долгое время секретарем лондонского Trades Council, издавал с 1881 г. «Labour Standard». Он был настолько радикален, что согласился на сотрудничество Энгельса, написавшего для этого журнала две статьи о заработной плате. Однако он очень скоро повернул и превратил «Labour Standard» в обычный «чисто-рабочий» журнал.

28 ноября 1882 г. Делом Шмидта Энгельс называет разоблачение известного немецкого провокатора в Цюрихе. О нем упоминают в своих мемуарах Бебель и Бернштейн. Редакция «Социал-Демократа» издала особую брошюру о подвигах Шмидта и его немецкого начальства (Die deutsche Geheimpolizei im Kampf mit der Sozialdemocratie, Zürich 1882).

18 января 1883 г. Речь идет о смерти старшей дочери Маркса, Женни Лонге. 14 января 1883 г. Энгельс написал ее некролог для «Социал-Демократа».

Гумбель, неизвестный нам социал-демократ восьмидесятых годов, упоминается и в других письмах Энгельса. Гумпелино—один из типов, изображенных в «Путевых картинах» Гейне.

Речь Грилленберга по поводу закона против социалистов напечатана была в «Социал-Демократе» 13 дек. 1882, 1 и 4 января 1883 г. На ханжеские речи министра Путткаммера о безнравственности социал-демократов, проповедующих свободную любовь, «Социал-Демократ» ответил разоблачениями о том, как практикуют «свободу любви» прусские юнкера, в том числе члены нравственной семьи Путткаммеров (Zum Kapital von der freien Liebe, 4 января, и Puttkammer und die Heiligkeit der Familie, 11 января).

8 февраля 1883 г. В конце января 1883 г. в рейхстаге обсуждался законопроект о биржевом налоге, внесенный консерваторами. От имени социал-демократии Кайзер подверг законопроект резкой критике, разоблачая одинаково спекулянтов хлебом и спекулянтов деньгами. Штемпельный сбор на биржевые сделки, введенный еще в 1881 г., был реформирован только в 1885 г.—Взгляды Энгельса на налоги, изложенные в этом письме, являются развитием и дополнением взглядов, впервые изложенных им в «Wohnungsfrage».

Речь идет о брошюре Каутского «Ueberseeische Lebensmittelkonkurrenz», которую Энгельс противопоставляет книжке, изданной Каутским в 1880 г. (Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft). В последней Каутский защищал еще «верное ядро» теории Мальтуса. В критическом замечании Энгельса отражается еще сильное недовольство этой книгой, которая вызвала также резкий отзыв Маркса.

27 февраля 1883 г. Какую низость совершил Фирек по отношению к Шорлеммеру, нам неизвестно.—Протест Энгельса по поводу «товарища» относится к весьма для него лестной статье о «Развитии научного социализма» (Eine neue Propagandabroschüre, 22 Februar 1883). Бернштейн хотел подчеркнуть особенную близость Энгельса к «Социал-Демократу» и немецкой партии.

14 марта 1883 г. Это письмо дополняется большим письмом о похоронах Маркса, напечатанным в «Sozialdemocrat» 22 марта. Энгельс, в связи со смертью Маркса, дал еще две статьи, напечатанные 3 и 17 мая. Все они переведены на русский язык в «Под Знаменем Марксизма», 1923 г., № 2—3. Об этих статьях идет речь в письме от 28 апреля.

12 июня 1883 г. Речь идет о протоколе Копенгагенского конгресса немецкой социал-демократии. 7 июня был помещен в «Социал-Демократе» фельетон Энгельса о Веерте, весьма «вольного» содержания. Стихотворение, о котором пишет Энгельс в этом письме, напечатано 12 июля (Die rheinischen Weinbauer).

Борд, ученик Колена и издатель журнала «Philosophie de l'Avenir». Отзыв о нем в письме Маркса к Зорге от 30 июня 1881 г.

8 ноября 1883. Право на труд было вытащено на свет божий в 1883 и 1884 г.г. в связи с новым социальным законодательством. В немецкой

рабочей печати появились статьи, доказывавшие необходимость выставить это требование от имени партии. Бернштейн выступил против этой тактики в статье «Das Recht auf Arbeit» 25 октября 1883 г., а затем поместил перевод статей Лафарга «Право на лень». Каутский написал на ту же тему статью в «Neue Zeit».

Кварк, позднее социал-демократ, был тогда еще родбертусианцем и сотрудничал в органах христианского социализма.

13 ноября 1883 г. Письмо, приложенное для Засулич, напечатано теперь Дейчем в сборнике «Группа Освобождение Труда». Оно тоже датировано 13 ноября. Засулич сообщала ему, что переводит его «Развитие научного социализма» и предлагала также свои услуги для перевода второго тома «Капитала».

Брошюра Плеханова—«Социализм и политическая борьба». Цитируемые Энгельсом слова, которые, по его мнению, должны были неприятно поразить Лаврова, взяты из первого заявления группы «Освобождение Труда».

«Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного Передела» образуют ныне новую группу—«Освобождение Труда» и *окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями*».

Через две недели после письма Энгельса в «Социал-Демократе» (29 ноября 1883) появилась статья о брошюре Плеханова, и редакция, т.-е. Бернштейн, написал к ней послесловие, в котором называет брошюру «epochemachend» и приветствует новую группу.

2 декабря 1883 г. Когда ирландский фений Патрик О'Доннель был 1 декабря приговорен к смертной казни за убийство одного ирландского провокатора, Шиптон в «Labour Standard» выразил надежду, что правительство откажется «внять» многочисленным просьбам о помиловании О'Доннеля. Сообщая об этом подвиге английского тред-юниониста, Бернштейн прибавляет, что еще в прошлом году один знаток английских условий предсказал эту метаморфозу Шиптона.

Ludwig von der Mark выступил в «New-Yorker Volkszeitung» против Энгельса, который, по его мнению, своим определением государства и условий его неизбежного отмирания сделал уступку анархистам. Бернштейн ответил ему в статье Der Sozialismus und der Staat, «Sozialdemocrat», 20 Dezember 1883.

1 января 1884 г. Бернштейн и Каутский переводили тогда «Нищету философии» на немецкий язык. Летом 1883 г. вышло новое издание «Коммунистического Манифеста». В «To day» обещали сотрудничать Энгельс, Лафарг, Лавров. «Progress»—журнал английских вольнодумцев», в котором принимал участие Эвелинг. В 1883 г. Элеонора Маркс поместила в нем биографию отца.

5 февраля 1884 г. С. Е. Шевич, русский эмигрант, принимал в восьмидесятых годах очень деятельное участие в американском социалистическом движении. Был редактором, вместе с Александром Ионасом и доктором Дуэ, немецкого органа «New-Yorker Volkszeitung». Проделка Шевича с телеграммой Энгельса, адресованной Зорге, была обычным «американским» приемом. Об этом инциденте Энгельс писал Зорге (24 апреля 1883 г.). 14 января редакция «New-Yorker Volkszeitung» выступила против «Социал-Демократа», обвиняя его в нетерпимости и рекомендуя ему, как «образец», русских революционеров, среди которых анархисты мирно уживаются с государственниками. Бернштейн, в духе замечаний Энгельса, ответил

статьей «Toleranz, aber keine Indifferenz» («Sozialdemocrat», 7 Februar 1884). Стихотворение König Dampf было перепечатано 28 февраля. Конец 1883 и январь 1884 г. ознаменовались в Вене рядом убийств и экспроприаций группы анархистов во главе с Штельмахером и Каммерером.

24 марта 1884 г. Демонстрация, носившая международный характер, была устроена недалеко от Гайгетского кладбища, где похоронен Маркс, так как полиция не пустила демонстрантов к могиле. Фроме, один из наиболее правых социал демократов того времени, поехал в Лондон по поручению партии.

Экспрезидент человечества—Бернгард Беккер, которого Лассаль назначил в своем завещании президентом Всеобщего Германского Рабочего Союза. На его инсинуации Маркс еще в 1865 г. ответил резкой статьей «Президент человечества». Застрелился в 1882 г. «Deutsches Tageblatt» перепечатала его старые нападки на Маркса.

Мартовская статья—статья Бернштейна «Памяти мартовских революций» была напечатана в одном номере со статьей Энгельса: «Маркс и «Новая Рейнская Газета» 1848—1849 («Der Sozialdemocrat», 13 März 1884). В статье «Zur Naturgeschichte der Volkspartei» (20 марта 1884). Бернштейн подвергнул критике речь демократа Келя о крестьянском вопросе. Ссылка на «понятие» сделана в следующей фразе: «Понятие демократии отличается от понятия либерализма тем, что последний представляет определенный исторически возникший принцип, принцип политической и экономической свободы, тогда как первый (демократия) меняет свое значение сообразно тому, какой демос (народ) господствует».

11 апреля 1884 г. Конгресс гедистов в Рубэ, на котором английские социал-демократы были представлены Бельфортом, Баксом и Квелчем, принял резолюцию об устройстве в 1885 г. международного рабочего конгресса в Лонвоне.

Фроме выпустил тогда большую книгу «Entwickelung der Eigentumsverhältnisse». Ни в «Социал-Демократе», ни в «Neue Zeit» не помещены о ней отзывы.

23 мая 1884 г. Среди переданных нам Бернштейном писем оказался один отрывок без всякой даты. Исследование показало, что он мог быть написан не раньше второй половины мая 1884 г. Дело в том, что выборы,—в парижский муниципальный совет,—о которых идет речь в этом отрывке, происходили 4 мая, а перевыборы, на которых провалился Жоффрен,—11 мая 1884 г. Симоно—кандидат радикалов, Дерэр—кандидат гедистов. Дюрингом Энгельс должен был заняться для нового издания, которое вышло однако, только в 1886 г.

Передавая мне названный отрывок, Бернштейн просто запамятовал, что он уже напечатал отрывок из письма Энгельса от 23 мая 1884 г. Когда в 1912 г. в немецкой партии решение центрального комитета заключить для избирательной борьбы соглашение с прогрессивной народной партией вызвало многочисленные протесты, Бернштейн опубликовал в «Vorwärts»'е (12 марта 1912 г.) статейку «F. Engels über Stichwahltaktik», в которой цитировал письмо Энгельса от 23 мая 1884 г. Меринг после перепечатал этот отрывок в «Neue Zeit» (22 марта 1912 г.), но пришел к заключению, что дата, вероятно, неверная и что письмо скорее относится к 1887 г. Меринг однако ошибается. В «Социал-Демократе» (5 июня 1884 г., т.-е. сейчас же после получения письма Энгельса) напечатана была передовая статья «Zur Taktik der Sozialdemocratie», в которой рекомендуемая Энгельсом тактика защищается на основе тактических положений «Коммунистического Манифеста». За этой статьей последовали другие, в том числе Либкнехта.

Сам Меринг в «Истории германской социал-демократии» указывает на условия, объясняющие совет Энгельса. Речь идет именно о выборах 1884 г. «Во многих местах партия имела возможность решать исход перебаллотировок между буржуазными кандидатами. Опыт прежних выборов показал, что часто представлялось невозможным сдержать боевой пыл товарищей, если на таких перебаллотировках выступал сколько-нибудь приличный кандидат буржуазных левых,—вопреки всем постановлениям конгрессов, рекомендовавших в таких случаях по общему правилу воздержание от подачи голоса. На этот раз и центральный избирательный комитет вынужден был уступить общему напору».

Мы поэтому соединяем под общей датой 23 мая 1884 г. сохранившийся отрывок и напечатанный Бернштейном в «Vorwärts»'е.

13 сентября 1884 г. Герман Бар, теперь известный беллетрист и драматург, в дни молодости был социал-демократом и принимал участие в рабочем движении. В 1884 г. он выступил в венском журнале «Deutsche Wochenschrift» с восторженной статьей о Родбертусе и рекомендовал партии самое верное средство и рабочих удовлетворить, и капиталистов не раздражать: относительную заработную плату, законодательное закрепление доли рабочего в продукте.

Г. В. Фабиан сотрудничал в немецких журналах, в конце 70-х и начале 80-х годов. После закона против социалистов переселился в Соединенные Штаты. Выступил с открытым письмом редакции «Социал-Демократа» в «New-Yorker Volkszeitung». Он протестовал против взгляда, что государство предполагает существование борющихся классов. По его мнению, государство есть «систематика высшей общности индивидуумов». Бернштейн в своей статье («Ein Ketzerriecher», 3 September 1884) ему очень убедительно доказывал, что без борьбы классов и принудительной власти нет государства, что с исчезновением классов исчезает и орган классового господства—государство. О нем Энгельс пишет Зорге: «Его главное обвинение против меня состоит в том, что я в «Анти-Дюринге» злостно оклеветал $\sqrt{-1}$. Он жаловался на это даже в особом письме к Марксу». Не называя Фабиана, Энгельс упоминает об этом в предисловии к «Анти-Дюрингу».

Гумбель, в письме в редакцию «Социал-Демократа», рекомендовал голосовать за биржевой налог, чтобы противники социал-демократии не могли в своей агитации, как это делали Штеккер и антисемиты, доказывать, что социал-демократы заодно с еврейскими биржевиками. Бернштейн в своем ответе («Wie stellen wir uns zur Börsensteuer?» 11 September 1884) повторяет аргументы, изложенные Энгельсом в письме от 18 января 1883 г.

«Association Internationale» — это пресловутая «Международная Ассоциация с целью споспешествования цивилизации и торговле Африки, а также в интересах человечности и благотворительности», основанная в 1884 г. Леопольдом II вкупе с бельгийскими промышленниками для эксплоатации Конго.

11 ноября 1884 г. Выборы в рейхстаг происходили 28 октября. Социал-демократы получили 549.990 голосов и 24 места в рейхстаге. Письмо Энгельса по поводу этих выборов дополняется его же еще более обстоятельными письмами к Бебелю от 18 ноября и 11 декабря 1884 г. (F. Engels Politisches Vermächtnis). Сравнение этих писем с изложением Меринга («История германской социал-демократии», IV, стр. 208—14) показывает, в какой основательной переработке нуждается теперь эта история даже в тех ее частях, которые посвящены послелассалевскому периоду.

29 декабря 1884 г. Демократическая федерация в августе 1884 г. приняла название «Социал-демократической Федерации». Но уже в декабре

разногласия приняли такой острый характер, что раскол стал неизбежным. Выступившие члены федерации—Эвелинги, Бакс, художник Крэн, поэт Моррис, Шей—организовали «Социалистическую Лигу». Об этом расколе Энгельс писал также Зорге (31 декабря 1884 г.).

15 мая 1885 г. Уже в конце 1884 г. во фракции рейхстага обнаружилось разногласие по вопросу о Dampfersubvention. Речь шла об отпуске нескольких миллионов марок в год, как субсидии частным предпринимателям для устройства и поддержания правильных пароходных сношений с Восточной Азией, Австралией и Африкой. Меньшинство, во главе которого стояли Бебель и Либкнехт, было против этой пароходной субсидии. «Инцидент,—пишет Мерингъ,—возбудил в партии горячие споры, самые резкие, какие вообще происходили в ней за все время существования закона против социалистов». На стороне меньшинства фракции стоял «Социал-Демократ». Большинство выступило с заявлением, что «не газета должна определить поведение фракции, а, напротив, фракция должна контролировать поведение газеты». Со всех сторон посыпались протесты против «диктаторских» замашек фракции, заболевшей «парламентским кретинизмом». Дело кончилось соглашением, опубликованным 23 апреля. Большинство вынуждено было уступить, но внутренние трения продолжались. Ср. письмо Энгельса к Зорге (3 июня 1885 г.).

8 октября 1885 г. Выборы во Франции начались 4 октября. Монархическая «опасность» была еще так велика, что даже гедисты в Париже заключили коалицию со всеми революционными элементами. В общем списке рядом с Гедом и Девиллем фигурировали Вальян, Лиссагарэ, Малон. Впервые были выбраны рабочие депутаты, правда, при помощи радикалов: Базли, рудокоп, выдвинувшийся во время знаменитой апрельской стачки в 1884 г., и Камелина, деятель первого Интернационала и член Коммуны.

7 декабря 1885 г. История этой «бури», во время которой Гайндман особенно ярко выявил свойственную ему смесь «марксистского» доктринерства с «американской» беззаботностью в области политической борьбы, рассказана подробно в книге Беера «История социализма в Англии». Энгельс пишет об ней и в письме к Зорге (29 января 1886). Но Социал-демократическая Федерация пережила и этот крах.

22 мая 1886 г. Бернштейн использовал сейчас же указания Энгельса и написал очень революционную статью на тему «Право на восстание». (Das Recht zur Rebellion. Herrn von Puttkammer und verschiedenen anderen Leuten ins Stammbuch, «Sozialdemocrat», 27 Mai 1886).

9 октября 1886 г. Письма Энгельса к Беккеру, опубликованные мною в «Vorwärts»'е, содержат интересные дополнения и для 1884—1885 г.г. Старому ветерану европейской революции не пришлось написать свои мемуары, и, как справедливо опасался Энгельс, с Беккером ушло в могилу многое из истории революционного движения от 1827 до 1830 г., что было известно только ему.

После соединения Восточной Румелии с Болгарией в сентябре 1885 г. и последовавшей за этим болгаро-сербской войны, кончившейся поражением сербов, отношения между Болгарией и Россией очень обострились. Руссофилы заставили, по указанию из Петербурга, Александра Баттенбергского отречься от престола. Россия послала своим дипломатическим представителем Каульбарса, который своим бестактным поведением вызвал возмущение и вынужден был уехать из Болгарии со всеми русскими консулами. Царское правительство в обострившейся после этого борьбе не стеснялось никакими средствами вплоть до организации покушений.

24 ноября 1886 г. О событиях во Франции, стачке в Деказвиле и роли Базли и Камелина Энгельс писал Зорге 29 апреля 1886 г. Гедисты использовали эти события, чтобы развернуть широкую агитацию. «Но,—пишет Гед,—«Cri du peuple», газета, так много способствовавшая сближению (различных рабочих организаций), скоро ускользнула из рук прежней редакции (Девиль, Дюк Керси, Гед и др.) и попала в руки полиции. Междоусобия в рядах рабочих начались с новой силой».

5 мая 1887 г. История со Шнебеле чуть не привела к войне между Францией и Германией. Шнебеле—французский полицейский комиссар—был 20 апреля 1887 г. арестован в Метце, куда его пригласили немецкие чиновники. Военным министром во Франции был генерал Буланже, настаивавший на предъявлении Германии ультиматума. Но Шнебеле был скоро освобожден, и дело окончилось пока мирным путем. В результате—обострение национализма с обеих сторон, которое во Франции привело к кратковременной эпопее «буланжизма».

Элеонора Маркс-Эвелинг вместе с мужем сопровождали Вильгельма Либкнехта во время его агитационной поездки в Соединенные Штаты осенью 1886 г. Эвелинг уже тогда рассорился с центральным комитетом социалистической рабочей партии в Америке. Его обвиняли в финансовых злоупотреблениях. Гайндман использовал эти обвинения, которые Энгельс считал «клеветническими», но которые упорно каждый раз—и не без основания—возникали вновь.

28 мая 1887 г. Барон—шутливое прозвище Каутского. История с «несчастным» переводом предисловия к английскому изданию «Положения рабочего класса в Англии» рассказана в письмах Энгельса к Зорге.

25 июля 1892 г. О значении выборов 1892 г. в Англии Энгельс пишет подробно в предисловии к новому немецкому изданию «Положения». Оно датировано 21 июля 1892 г.

15 августа 1892 г. Бернштейн издавал тогда сочинения Лассаля, которым он предпослал биографический очерк с очень резкими замечаниями не только по отношению к учениям Лассаля, но и к его личности. Бывшие лассальянцы протестовали против этого издания. В «Neue Zeit» за 1892 г. Бернштейн написал ряд статей о «Социальных доктринах анархизма».

Д. Рязанов.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

I

А. УДАЛЬЦОВ

К ТЕОРИИ КЛАССОВ У МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

II

А. НЕУСЫХИН

НОВЫЙ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВА

III

Ф. РОТШТЕЙН

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЧАРТИЗМЕ

IV

РЕЦЕНЗИИ

К ТЕОРИИ КЛАССОВ У МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

По поводу книги *Солнцева* «Общественные классы»

Работа Солнцева «Общественные классы» (Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения) [1])—единственная пока специально посвященная этой важнейшей проблеме научная работа марксистского характера. По мнению Солнцева, хотя многие детали проблемы классов остаются у Маркса и Энгельса еще неясными, неразвитыми и неразрешенными, все же общая схема теоретического разрешения этой проблемы у них уже дана, и самый метод ее разрешения установлен, как кажется, правильно. «Прочное начало науки о классах и классовом строении общества положено» — такими словами заканчивает свою книгу Солнцев.

Мы вправе поэтому ожидать, что в работе Солнцева встретим возможно детальное, возможно полное освещение теории классов у Маркса и Энгельса. Рассмотрению этого вопроса мы и посвятим настоящую статью, отведя другим затронутым в книге Солнцева вопросам лишь несколько заключительных беглых заметок.

I

В чем же, согласно Солнцеву, видел Маркс основу классового расслоения общества?

«Прежде всего—говорит Солнцев—не в факте владения или невладения средствами производства, как источником существования (Ван-Оверберг), так как в III томе «Капитала», в незаконченной 52 главе, специально посвященной классам, Маркс определенно возражает против возможности видеть основу классов в характере доходов и их источников; точно также—и не в разделении труда, как это видно из полемики его с Прудоном по этому вопросу («Нищета философии»). Равным образом не видел Маркс решающей классообразующей основы и в «общности интересов» (в сознании классом своих интересов), в психологии класса, которая сама, наоборот, всегда выводится из условий материального производства [2]).

Для Маркса, прежде всего, категория социального класса — экономическая категория. Но всякая экономическая категория для него есть общественное отношение производства. Весьма понятно, поэтому, что Маркс ищет классообразующую основу в производственных отношениях [3]). Итак, общественные классы определяются характером и способом производства и, следовательно, производственными отношениями [4]).

---

[1]) Вышедшая первым изданием в Томске в 1917 году (отдельно и в «Трудах Томского университета», т. LXIX). Цитируется второе издание 1923 года (Петроград, изд. Богдановой).

[2]) Солнцев, стр. 198—199.

[3]) Стр. 199.

[4]) Стр. 200.

Устанавливая основу общественных классов и сведя последнюю к отношениям производства, Маркс не ограничивается, однако, одним указанием на классообразующую основу; из производственных отношений он выводит и характерные черты классовых отношений: классовый антагонизм, классовую борьбу, отношения господства и подчинения (угнетения).

Для Маркса всякое производство, создающее классовые различия, есть производство, основанное на классовом противоречии. Отсюда и все социальные отношения, которые в основе своей суть производственные отношения, в представлении Маркса также покоятся на антагонизме. Говоря, однако, об антагонизме, о противоположности интересов, Маркс всюду подчеркивает, что «эта противоположность интересов вытекает из экономических условий» [1]).

Вместе с идеей классового антагонизма через всю экономическую и социологическую конструкцию Маркса красной нитью проходит и идея борьбы классов. Антагонизм и борьба классов у Маркса в данном случае неразрывно связаны и взаимно обусловлены. Всюду, где производство построено на классовом антагонизме, Маркс видит и борьбу классов [2]).

Вместе с этим Маркс отличает еще третью специфическую черту, характеризующую классовые отношения; это отношения господства и угнетения. Всякое классовое общество характеризуется противоположностью угнетаемых и угнетающих классов.

«Итак, основу общественных классов Маркс видит в способе производства и производственных отношениях, которые неизбежно приводят общество к классовому антагонизму, классовой борьбе и отношениям господства и подчинения. Эту множественность признаков надо понимать, однако, не в смысле Шмоллера или Богданова, а в том смысле, что основным фактором классообразования являются производственные отношения, остальные же существуют и действуют не сами по себе, а являются лишь производными, вытекая из первого, как следствия из причины» [3]).

В дальнейшем изложении Солнцев кратко рассматривает вопросы о числе и характере классов в современном обществе, согласно Марксу, о классах и классовой борьбе в докапиталистическом обществе и, наконец, историю развития буржуазии и пролетариата.

Мы изложили точку зрения Солнцева на теорию классов у Маркса хотя и коротко, но придерживаясь возможно близко изложения автора. Поражает поверхностность этого изложения. В то время, как Солнцев посвящает много страниц своего труда подробному изложению различных буржуазных социологических теорий, подчас второстепенного характера,— немногочисленные страницы, посвященные теории Маркса (всего около 8 из общего числа 214), поражают непростительной для марксистской работы поверхностностью, подчас прямо небрежностью изложения; анализ вопросов поразительно неглубок; приводимые цитаты мало характерны. Изложение, порою, является весьма туманным. Трудно, например, понять смысл утверждения Солнцева, что для Маркса «всякое производство, создающее классовые различия, есть производство, основанное на классовом противоречии» [4]). Если уже противопоставлять «классовые различия» и «классовые противоречия», то что же, собственно, означает, что вторые лежат в основе производства, а первые им создаются?

---

[1]) Стр. 200.
[2]) Стр. 200.
[3]) Стр. 201.
[4]) Стр. 200.

Что узнаем мы от Солнцева о существе классов? Только то, что в основе их лежат производственные отношения! Вопрос об определении самого понятия «общественный класс» так и остается открытым. Классовый антагонизм, классовая борьба, отношения господства и подчинения,—все эти важнейшие вопросы марксистской теории только кратко упомянуты, как бы мимоходом. Существо всех этих вопросов вовсе и не затронуто! Теория Маркса, в изложении Солнцева, кажется очень и очень неглубокой, поверхностной теорией.

Поверхностность изложения Солнцевым теории классов Маркса, отчасти, является следствием малой разработанности этого вопроса в литературе марксизма. Мы вообще плохо знаем «подлинного» Маркса, довольствуясь обычно *приблизительным* изложением его учения в послемарксовской литературе, в той или иной степени, к тому же, пропитанной—чаще, чем это казалось раньше,—ревизионистскими тенденциями. Между тем, изложение мыслей самого Маркса, относящихся к его учению о классах,—важнейшему элементу общего его учения об обществе,—имело бы особенную ценность. К сожалению, как мы это видели, Солнцев не сумел выполнить этой задачи.

Собрать и подвергнуть анализу разбросанные в различных произведениях мысли Маркса, характеризующие общие его взгляды на существо классов,—задача достаточно заманчивая. Я позволю себе изложить здесь результаты предварительного моего исследования этого вопроса. Мне кажется, лучшей критикой изложения Солнцевым мыслей Маркса было бы противопоставление этому изложению самого Маркса.

Мне пришлось уже раньше, при изложении учения Маркса об общественных классах, встретиться с упреком в том, что я якобы излагаю свою собственную теорию, а не учение Маркса [1]). Во избежание того же в дальнейшем, я позволю себе на этот раз в возможно большей степени привлекать в своем изложении подлинные слова самого Маркса.

II

Исходным пунктом нашего анализа возьмем знаменитое «Введение к Критике политической экономии».

«Прежде чем распределение становится распределением продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2)—что представляет собою дальнейшее определение того же отношения—*распределение членов общества по различным родам производства (подведение индивидов под определенные производственные отношения)*. Распределение продуктов есть, очевидно, результат этого распределения, *которое включено в самый процесс производства и которое обусловливает организацию этого последнего*. Производство, рассматриваемое независимо от этого в нем заключающегося распределения, есть, очевидно, пустая абстракция» [2]).

---

[1]) См. «Под Знаменем Марксизма» за 1923 год, № 8—9 «К теории общественных классов», стр. 268).

[2]) Aber ehe die Distribution Distribution der Produkte ist, ist sie 1) Distribution der Produktionsinstrumente und, 2) was eine weitere Bestimmung desselben Verhältnisses ist, Distribution der Mitglieder der Gesellschaft unter die verschiedenen Arten der Produktion (Subsumption der Individuen unter bestimmte Produktionsverhältnisse). Die Distribution der Produkte ist offenbar ein Resultat dieser Distribution, die innerhalb des Produktionsprozesses selbst einbegriffen ist und die Gliederung der Produktion bestimmt («Zur Kritik der Politischen Oekonomie», herausg. v. K. Kautsky, 8 Auflage, 1921, Dietz.—Einleitung, XXX). (Русский перевод в сборнике «Основные проблемы политической экономии», под ред. Дволайцкого и Рубина, стр. 19—20.)

Тот же круг мыслей высказывает Маркс в своей «Критике Готской программы»:

«Всякое распределение средств потребления есть лишь результат распределения самих средств производства. *Последнее же обусловливает характер самого способа производства.* Капиталистический способ производства, например, зиждется на том, что вещественные условия производства, в форме капитала и земельной собственности, находятся в руках нерабочих, тогда как масса является собственником только личного условия производства, рабочей силы...» [1]).

Мы должны, прежде всего, установить, что *распределение средств производства* (вещественных условий производства) *нельзя рассматривать входящим в область собственно распределения*, куда относится, следовательно, лишь распределение продуктов, как средств потребления [2]). *Распределение средств производства является основным элементом самого производства*, в нем самом заключающимся и его обусловливающим.

С этой точки зрения, возражения Солнцева против понимания Ван-Овербергом марксовой теории классов недостаточно определенны. «Экономическая база социальных классов, по Марксу,—говорит Солнцев [3]),— вытекает не из факта владения или невладения средствами производства, как думает Оверберг, а из отношений производства».

В самом деле, можно рассматривать средства производства 1) как факторы производства и 2) как источники дохода. Если распределению средств производства, как основе классообразования, придавать только это второе значение их как источников дохода, тогда совершенно правильно было бы считать такую теорию классообразования теорией распределительной; против такого понимания классообразования определенно высказывается сам Маркс в незаконченной им 52 главе III тома «Капитала». Однако не лежит ли в основе понимания Марксом существа классов понятие *распределения средств производства, как конститутивного момента самого производства?*

В первой из приведенных нами цитат распределение, лежащее в основе производства, рассматривается: 1) как распределение орудий производства и 2) как распределение членов общества по различным родам производства, *подведение индивидов под определенные производственные отношения*, что является *дальнейшим определением* того же самого отношения (распределения). Здесь отчетливо намечается мысль о распределении орудий производства, как основе подведения индивидов под определенные отношения производства.

«По отношению к отдельному индивиду *распределение выступает, как общественный закон, определяющий его положение в сфере производства*, внутри которой он производит, а, следовательно, предшествующий производству» [4]).

---

[1]) «Zur Kritik des sozialdemokratischen Parteiprogramms» («Die Neue Zeit», IX, 1, 1890—1891, № 18, S.S. 568).

[2]) «Распределение (средств производства) совершенно отлично от того, что разумеют под отношениями распределения, когда приписывают этим последним исторический характер в противоположность отношениям производства. При этом имеют в виду различные титулы, на основании которых присваивается доля продукта, предназначенная для личного потребления» («Капитал», т. III, гл. 51, стр. 409. Отрывки из «Капитала» цитируются по переводу Базарова и Степанова, т. I, 1909 года, т. II, 1907 года, и т. III, 1908 года).

[3]) Стр. 170—171.

[4]) «Введение в Критику политической экономии», стр. 19 русского перевода.

Итак, положение индивида в производстве определяется распределением средств производства, отношением индивида к этому распределению. *Распределение средств производства лежит в основе производственных отношений.* Таким образом, определяя производственные отношения как основу классообразования, Солнцев вовсе не предрешает этим отрицательного решения вопроса о роли в процессе классообразования средств производства. Он просто не замечает этой проблемы, ограничиваясь очень поверхностным определением основы классов в виде производственных отношений.

Сделаем одну оговорку.

Мы должны различать две формы производственных отношений, т.-е. отношений, в которые ставятся друг к другу люди непосредственно в самом производстве. Прежде всего, это *технические* производственные отношения, определяющие в своей совокупности самую *организацию труда*, в виде, например, индивидуального или кооперативного труда, простой или сложной кооперации. Во-вторых, это те *производственные отношения, которые лежат в основе общественных классов.* Эти производственные отношения второго рода, являющиеся основой общественных классов, и составляют теперь предмет нашего внимания.

Послушаем еще раз, что говорит Маркс о связи этих производственных отношений с распределением средств производства. Особое значение при этом должен иметь анализ главы 51-й III тома «Капитала», непосредственно предшествующей неоконченной Марксом главе 52, посвященной классам; содержание этой главы (Отношения распределения и отношения производства) должно было, очевидно, дать *основу* для тех соображений, посвященных теории классов, которые в следующей за ней главе так и остались неразвиты.

«Те формы распределения, о которых мы только что говорили (экспроприация у рабочего условий его труда, концентрация этих условий в руках меньшинства членов общества, монопольная собственность на землю других лиц), являются *базисом особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его деятелей* в противоположность непосредственным производителям. *Они придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество.* Они определяют весь характер и все движение производства» [1]).

Мы видели уже ранее, что распределение средств производства (вещественных условий труда) обусловливает организацию самого процесса производства, определяет положение индивида в сфере производства, лежит в основе подведения индивидов под определенные производственные отношения. Теперь мы видим, что дело идет здесь о тех именно производственных отношениях, которые образуют основу общественных классов.

Распределение средств производства (его особая форма — монополия) является базисом особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его деяте-

---

[1]) «Капитал», т. III, глава 51, стр. 409. «Тот факт, что произведенные условия труда и продукты труда противопоставляются вообще как капитал непосредственным производителям, уже предполагает *определенный общественный характер вещественных условий труда по отношению к рабочим*, следовательно, предполагает *определенное отношение их к владельцам условий труда* и друг к другу в самом производстве. Превращение этих условий труда в капитал предполагает в свою очередь экспроприацию земли, принадлежащей непосредственным производителям». Там же, стр. 408.

лей (монополистов средств производства, владельцев вещественных условий труда) в противоположность непосредственным производителям (экспроприированным от этих средств производства). Это распределение *придает самым условиям производства специфическое общественное качество* (превращает их в капитал); *оно придает специфическое общественное качество и представителям этих условий производства* (превращает владельцев условий труда в капиталистов, а непосредственных производителей — в наемных рабочих). Это распределение — сделаем необходимый вывод из этих рассуждений Маркса — определяет, таким образом, самое существо классовых отношений, основу всего общественного строя.

«*Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям*,—отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем *самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя...*» [1]).

С этой точки зрения становится понятным, почему Маркс применяет иногда к производственным отношениям термин «имущественные отношения» [2]). Под имущественными отношениями мы должны, в таком случае, понимать, в первую голову, те имущественные отношения, в основе которых лежит распределение средств производства.

Итак, прежде всего те производственные отношения, которые мы называем капиталистическими, предполагают такое распределение вещественных условий производства, при котором «собственность на средства осуществления труда отделена от самих рабочих».

«Процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть не чем иным, каки процессом *отделения рабочего от собственности на условия его труда...* Следовательно, *так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства*» [3]).

Однако такое отделение средств производства — в первую голову земли — от непосредственных производителей и монополизация этих вещественных условий труда меньшинством характеризует собою всякий классообразующий процесс.

«*Монополизация земельной собственности* является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства, *как и всех прежних способов производства, покоящихся на эксплоатации масс в той или иной форме*» [4]).

Таким образом, разъединение средств производства и непосредственных производителей — таков основной факт каждой классовой общественной формации; тот способ, которым оба эти фактора производства

---

[1]) «Капитал», т. III, глава 47, стр. 320.

[2]) «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества вступают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями» (mit den vorhandenen Produktionsverhältnissen, oder, was nur ein juristischer Ausdruck dafür ist, mit den Eigentumsverhältnissen. «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», herausg. v. K. Kautsky, 8 Auflage, 1921, Dietz.—Vorwort, LV). Такую же ясную идентификацию «производственных» и «имущественных» отношений мы встречаем, например, иногда и в «Коммунистическом Манифесте».

[3]) «Капитал», т. I, глава 24, стр. 676.

[4]) «Капитал», т. III, глава 37, стр. 154.

соединяются в процессе самого производства, характеризует каждую общественную формацию в ее отличие от прочих [1]).

Итак, в основе всякого классового деления общества лежит отделение средств производства от непосредственных производителей и монополизация этих средств производства в руках немногих собственников. Совершенно ясно, что такое распределение средств производства становится возможным только тогда, когда такая монополия на средства производства ведет к эксплоатации чужой рабочей силы, т.-е. к присвоению чужого прибавочного труда или продукта.

«Если рабочий все имеющееся в его распоряжении время вынужден затрачивать на производство необходимых средств существования для себя и своей семьи, то у него, конечно, не остается времени для безвозмездного труда в пользу третьих лиц. Таким образом, пока производительность труда не достигла определенного уровня, в распоряжении рабочего нет того избыточного времени, без которого невозможен прибавочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты, но невозможны в то же время и рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом, какой бы то ни было класс крупных собственников [2]).

Но совершенно ясно также, что само по себе одно появление возможности прибавочного труда еще недостаточно для образования классов. «Благоприятные естественные условия доставляют всегда лишь *возможность* прибавочного труда, но отнюдь еще не создают сами по себе действительного прибавочного труда». «На прибавочный труд они влияют лишь как естественная граница, т.-е. определяют лишь тот пункт, за пределами которого может начаться работа на других» [3]). «Благоприятные естественные условия дают (туземцу восточно-азиатских островов) непосредственно лишь одно: избыток свободного времени... Для того, чтобы он затрачивал его в виде прибавочного труда на других лиц, *требуется внешнее принуждение*» [4]).

Что же, однако, лежит в основе этого внешнего принуждения?

«Капитал не изобрел прибавочного труда. *Всюду, где часть общества имеет монополию на средства производства*, рабочий, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, необходимое для того, чтобы произвести *средства существования для собственников средств производства*, при чем безразлично, будет ли этот собственник афинский καλὸς κἀγαθὸς, этрусский теократ, civis romanus, норманнский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендлорд или капиталист» [5]).

Таким образом, именно монополия на средства производства (на «источники жизни», как выражается Маркс) и оказывается основой вся-

---

[1]) «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одних от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры» («Капитал», т. II, глава I, стр. 12).

[2]) «Капитал», т. I, глава 14, стр. 472.

[3]) Там же, стр. 275—6.

[4]) Там же, стр. 276.

[5]) «Капитал», т. I, глава 8, стр. 198. «Экономическое подчинение монопольному обладателю средств производства, т.-е. источников жизни, составляет основную причину рабства во всех его видах, социальной нужды, духовного унижения и политической зависимости»,—говорит Маркс в вводных положениях Устава Интернационала.

кой эксплоатации, всякого принуждения к прибавочному труду, присваиваемому различного рода собственниками средств производства.

Итак, мы можем теперь сказать, что утверждение Солнцева, будто Маркс не видел основы классов в факте владения или невладения средствами производства, основано на недоразумении. Распределение средств производства, основанное на монополизации их частью общества, — такова, согласно Марксу, действительная основа классового деления общества; из этой основы вытекает и возможность всякой эксплоатации, неразрывно связанной с классовыми отношениями, и классовый антагонизм, в свою очередь опирающийся на факт эксплоатации.

Такое определение нами существа классов может показаться неполным. Распространенным является определение класса как группы лиц, объединенных, в первую очередь, одинаковой ролью в процессе производства, при чем здесь разумеется и одинаковая *функция в производстве*, и одинаковое *отношение к средствам производства*. Необходимо, очевидно, выяснить, в каком же отношении, в теории Маркса, стоят друг к другу эти два элемента.

Итак, как же представлял себе Маркс отношение между владением или невладением средствами производства и определенной производственной функцией? Полнее всего развивает он свое понимание этого отношения при анализе кооперации в I томе «Капитала» (глава 11).

«Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист», — такова основная мысль Маркса по этому вопросу. Проследим, в главных чертах, ход его рассуждений.

«Первоначально господство капитала над трудом было лишь формальным следствием того, что рабочий трудится не для себя, а для капиталиста и, следовательно, под надзором капиталиста. *С развитием кооперации многих наемных рабочих господство капитала становится необходимо для выполнения самого процесса труда, действительным условием производства.* Команда капиталиста на поле производства делается теперь столь же необходимой, как команда генерала на поле сражения» [1]).

Таким образом, «общественно-организаторские функции» капиталиста вовсе не являются изначальным фактом в истории капитализма. Сначала капиталист является лишь владельцем средств производства, монополизированных и противопоставленных непосредственным производителям [2]). Вместе с развитием кооперации в производстве (переход к мануфактуре) возникает и «организаторская функция» капиталиста. «Функции управления, наблюдения и гармонизации делаются функциями капитала, как только подчиненный ему труд становится кооперативным».

Эта «организаторская функция» капитала имеет известные характерные особенности. Она носит двойственный характер, соответственно двойственности самого подчиненного ей производственного процесса, который, с одной стороны, есть общественный процесс труда, имеющий

---

[1]) «Капитал», т. I, глава 11, стр. 295.

[2]) Вспомним определение капитала у Маркса: «Капитал—это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества, отношение производства, которое проявляется в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер... Монополизированные определенной частью общества средства производства, обособившиеся по отношению к живой рабочей силе продукты и условия реализации самой этой рабочей силы,—вот что в силу этой противоположности персонифицируется в капитале» («Капитал», т. III, гл. 48, стр. 343—4).

целью изготовление продукта, с другой стороны, процесс самовозрастания стоимости. «Управление капиталиста есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и входящая в состав этого последнего, она есть в то же время функция эксплоатации этого общественного процесса труда и, как таковая, обусловлена неустранимым антагонизмом между эксплоататором и объектом его эксплоатации». Не надо, однако, забывать, что и самый общественный характер процесса труда, — кооперация, — обусловливающий для капиталиста «функцию управления», возникает лишь как особая форма эксплоатации; «кооперация наемных рабочих есть только результат деятельности капитала, эксплоатирующего этих рабочих одновременно» [1]). Таким образом «организаторская функция» капиталиста, возникающая вместе с кооперацией, сама является лишь атрибутом «эксплоататорской функции» того же капиталиста. Для характеристики этой «организаторской функции» необходимо также помнить, что, по мере роста капитала и самой кооперации, функция непосредственного и постоянного надзора за отдельными рабочими и группами рабочих переходит к особой категории наемных работников, которых Маркс называет промышленными обер-офицерами (управляющие) и унтер-офицерами (мастера) и которые распоряжаются во время процесса труда от имени капитала [2]).

Для нас понятно теперь заключительное положение Маркса в результате этого анализа: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, *он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист*. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала подобно тому, как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности» [3]). Вместе с тем очевидно, что эти отношения Маркс считает характерными не для одного только капиталистического строя, но, например, и для строя феодального. Всюду монополия на средства производства является основой классовой эксплоатации и, вместе с тем, руководящей роли монополистов в производстве и в общественной жизни.

Не для всех, однако, такое понимание Маркса покажется приемлемым.

В наиболее развитой форме противоположное нашему понимание Маркса дано А. А. Богдановым [4]). Для него в основе деления общества на классы, согласно теории марксизма, лежит выделение из общества «организаторских функций» — в противоположность исполнительской, связанной непосредственно с производством, функции большинства общества. Для Богданова, таким образом, определяющим моментом классообразования является «функция» в процессе производства, именно «организаторская» или «исполнительская» функция, а не то или иное отношение к средствам производства, являющееся, следовательно, фактом производным от той или иной производственной функции.

На первый взгляд может показаться, что некоторые данные в пользу такого решения вопроса у Маркса имеются.

---

[1]) «Капитал», т. I, глава 11, стр. 296.
[2]) Там же, стр. 297.
[3]) Там же, стр. 297—8.
[4]) «Эмпириомонизм», т. III. Ср. мои статьи в журнале «Под Знаменем Марксизма,» за 1922 год (№ 7—8, стр. 82—100) и за 1923 год (№ 8—9, стр. 268—272). Солнцев считает теорию Богданова очень близкой к марксовой (стр. 195).

Говоря о решающей роли в истории промышленности, какую играет «необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость в широком масштабе использовать ее или сдерживать ее разрушительные действия при помощи сооружений, возведенных рукой человека», — Маркс ссылается на пример Египта и Индии:

«Необходимость вычислять периоды разлития Нила создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей сельского хозяйства» [1]).

«Одною из материальных основ государственной власти над несвязанными между собой мелкими производственными организмами Индии было регулирование водоснабжения» [2]).

Таким образом, может получиться впечатление, что, по крайней мере, на ранних стадиях развития производства, основа господства классов покоится не на монопольном владении средствами производства, а на экономических функциях, именно, на руководстве общественным хозяйством и контроле за ним.

В другом месте Маркс прямо противополагает два различные источника авторитета представителей господствующих классов при капиталистическом строе и при более ранних формах производства.

«Тот авторитет, которым пользуется капиталист как олицетворение капитала в непосредственном процессе производства, та общественная функция, которою он облечен как руководитель и властелин производства, *существенно отличны от авторитета, вырастающего на базисе рабского, крепостнического и т. д. производства.*

«На базисе капиталистического производства массе непосредственных производителей противостоит общественный характер их производства, как строжаише регулирующий авторитет, как развившийся в совершенно законченную иерархию общественный механизм их трудового процесса—при чем, однако, авторитетом этим носители его пользуются лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а *не в качестве политических или теократических властителей, как это было при более ранних формах производства*» [3]).

В этом случае получается впечатление, что, в то время как для капиталистического способа производства в основе господства капиталистов лежит монополия на средства производства, для других, более ранних форм общественного развития в основе классового господства лежит политическая власть.

Итак, на первый взгляд мы имеем у Маркса как будто различные теории классов для различных общественных формаций; в основе классообразования и классового господства могут лежать и монополия на средства производства, и общественно-экономическая функция (контроль и руководство производством), или даже политическое господство.

Вопрос о значении общественно-организаторской функции в процессе классообразования в Египте подробнее рассмотрен мною в моей статье в журнале «Под Знаменем Марксизма» за 1923 год [4]). Я указывал, что в словах Маркса, касающихся Египта, дело идет не об образовании классов, а о приобретении уже сложившимися классами политического

---

[1]) «Капитал», т. I, глава 14, стр. 475, прим. 5.
[2]) Там же, стр. 475, прим. 6.
[3]) «Капитал», т. III, глава 51, стр. 410—11.
[4]) № 8—9, стр. 268—272.

господства на основе их роли в руководстве хозяйством страны [1]). Развитие производительных сил в стране с периодическими разливами мощных рек требовало в деле регулирования этих разливов сложной кооперации в крупных размерах, служило основой для сильной государственной власти. Вместе с тем, в Египте, например, среди стоящего у власти класса крупных землевладельцев выделяется группа представителей церковного землевладения, обладающих зачатками научного опыта (астрономия и геометрия) и применяющих его в деле регулирования земледелия, — группа, получающая руководящее значение и в политической жизни страны. Словом, дело идет не об образовании класса крупных землевладельцев, но о приобретении одной из составляющих его групп (жречество) политического господства.

Равным образом, нельзя понимать Маркса также в том смысле, будто в основе классообразования на ранних ступенях общественного развития лежит политическое (или теократическое) господство. Такому утверждению решительно противоречил бы смысл всего учения Маркса об обществе. Вспомним, что для него «в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности».

Очевидно, что и здесь дело идет не о происхождении самих классов, а лишь о характере авторитета представителей этих господствующих классов, вырастающего на базисе ранних форм производства. На базисе капиталистического производства авторитет капиталиста не носит непосредственно политического (или теократического) характера; капиталист пользуется авторитетом «руководителя и властелина производства» лишь как «олицетворение условий труда в противоположность самому труду». Иное дело при рабстве и крепостничестве: «господство условий производства над производителями *замаскировывается* здесь отношениями господства и подчинения» [2]). Рабское и крепостническое производство, как и всякая антагонистическая форма производства, основывается на отделении средств производства от производителей и господстве монополистов этих средств производства над массой лишенных этих средств непосредственных производителей. Однако, отношение это здесь «замаскировывается». Приобретаемый на базисе монопольного владения средствами производства политический авторитет, возникающие здесь отношения господства и подчинения закрывают собою истинное положение дела (господство условий производства над производителями) и кажутся «непосредственными движущими пружинами процесса производства».

В обоих случаях, и в случае выделения господствующих социальных групп на основе чисто «организаторских» функций, и в случае выделения таких групп на базисе чисто политического властвования, мы не имели бы в основе такого расслоения общества *антагонизма*, *противоположности* (полярности), способной в ходе развития привести к *противоречиям и борьбе* этих социальных групп. В обоих случаях мы имели бы расслоение общества не на *противоположные*, но лишь на качественно различные социальные группы, имеющие много общего с *чисто профессиональными группировками* в обществе на основе разделения труда. И «организаторская» профессия, и профессия «политического управления» не могут лежать в основе образования классов с их *антагонизмом* и вытекающей отсюда борьбой.

Подведем итоги нашему затянувшемуся анализу главных моментов

---

[1]) На это ясно указывает второй отрывок, касающийся Индии.
[2]) «Капитал», т. III, глава 48, стр. 361.

в учении о классах у Маркса. Многие стороны этого учения нами вовсе не затронуты; в настоящеей статье мы хотели лишь выяснить те основные пункты, которые являлись *исходными* для Маркса при развитии им своих взглядов на общественные классы.

Основа всякого классового или, иначе, *антагонистического* общества заключается в *разъединении средств производства* (по крайней мере, основных) *и непосредственных производителей;* тот способ, каким в процессе производства соединяются эти два основных его фактора, и характеризует собою различные общественные структуры. Отделение средств производства от производителей и монополизация этих средств производства в руках меньшинства населения связано с появлением в общественной жизни прибавочного труда и возможности *эксплоатации.* Поскольку монополисты средств производства в процессе эксплоатации лишенных этих средств производителей должны на основе развития техники прибегать к кооперации, как средству повышения прибавочного продукта, на их долю выпадают и «*организаторские функции*», передаваемые, впрочем, иногда, — в значительной своей части или даже целиком — третьим лицам, в той или иной форме от них зависимым.

Что же разумеем мы, таким образом, под общественными классами?

Общественным классом мы называем группу людей, объединенных, прежде всего, *одинаковым положением в системе производства*, т.-е. в первую голову, *одинаковым отношением к средствам производства* (своим распределением создающим основной *антагонизм* в организации производства и всего общества), и вытекающими из этого основного отношения *одинаковыми функциями в самом производстве, ролью в общественном процессе труда;* объединенных, далее, *одинаковым положением в процессе распределения общественного дохода* (в котором отражается основной антагонизм распределения средств производства) и, наконец, — *противоположностью своих интересов другим группам*, которая осознается в процессе классового развития. Таким образом, каждое *антагонистическое* общество распадается, в типе, на *два основных класса-антагониста:* на класс монополистов средств производства и класс людей, лишенных этих средств, а потому являющихся, с одной стороны, классом руководителей (командиров) в производстве, а с другой — классом непосредственных производителей. В области распределения этот основной антагонизм выражается в том, что первый класс оказывается эксплоататором, второй — эксплоатируемым, что, в свою очередь, образует основу антагонизма классовых интересов и классовой борьбы.

Такое определение класса, которое мы считаем отвечающим общему учению Маркса, вовсе не является чем-то новым в литературе марксизма. Наше определение очень близко к тому, какое давал В. И. Ленин [1]); мы позволили себе только несколько уточнить и развить это его определение.

Однако, очевидно также, что определение это значительно отличается своей конкретностью и большей точностью от того определения

---

[1]) «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, и по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это—такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (Ленин, «Великий почин». Собр. сочинений, т. XVI, стр. 249).

основы классов, которое дает Солнцев в своей марксистской работе, специально посвященной теории классов. Замечание, что классы определяются характером и способом производства и, следовательно, производственными отношениями, проливает очень мало света на существо классов и их происхождение [1]).

III

Переходя к Энгельсу, Солнцев указывает, что Энгельс развивает учение об общественных классах, весьма близкое и по форме и по содержанию к учению Маркса, во многих отношениях лишь развивая мысли последнего, давая нередко более детальную разработку. Над чем подробнее останавливает свое внимание Энгельс, так это *над вопросом об образовании классов*.

Классы и классовые противоречия возникают с появлением господства и рабства. Объяснить происхождение отношений господства и рабства «насилием», как это делает Дюринг, Энгельс считает невозможным. Эти отношения, по его мнению, возникли двояко.

Один путь возникновения — наиболее простой и естественный. Политическое господство возникает в первобытных земледельческих общинах, не знающих социального неравенства и классов, на основе отправления общественной службы; благодаря наследственности в отправлении общественных должностей возникающие для охраны общих интересов и регулирования общественной жизни органы постепенно обособляются, становятся более независимы и в конце концов забирают в свои руки господство над обществом; отсюда и возникновение господствующего класса.

Другой путь образования общественных классов, по мнению Энгельса, говорит Солнцев, это — путь войны и превращения военнопленных в рабов; он стал возможен тогда лишь, когда община достигла такой степени производительности труда, что рабочая сила могла произвести больше, чем требовалось для ее простейшего поддержания. С этого момента рабочая сила стала ценностью, и явилось более целесообразным ставить на работу побежденных, в качестве рабов, чем их пожирать или убивать. Отсюда, господа — победители и рабы — побежденные.

Как видим, Солнцев приписывает Энгельсу две теории происхождения классов [2]).

Действительно, при первоначальном беглом знакомстве со взглядами Энгельса на существо классов и их происхождение кажется, что у него отсутствует одна определенная точка зрения по этому вопросу. С одной стороны, мы встречаем, например, мысль, что в основе образования рабства, этой первой формы классовой зависимости, лежит *завоевание* (происхождение рабов из военнопленных) [3]), а с другой стороны,—утверждение,

---

[1]) Правда, следует упомянуть, что в заключительной главе, написанной для 2-го издания (1923 года), Солнцев дает определение буржуазии, как будто приближающееся к нашему пониманию основы классов (стр. 210); он выделяет здесь «группу лиц, выступающих в производственном процессе в *качестве собственников средств производства;* это—группа организаторов и руководителей; она же распоряжается произведенным общественным продуктом...»

[2]) Солнцев, стр. 207—8.

[3]) «Философия, полит. экономия, социализм» («Антидюринг»), стр. 160—161. (Изд. Петроградск. Совета, 1918). «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 146 (под редак. Рязанова, «Моск. Рабочий», 1923).

что в основе социальной дифференциации не лежит насилие; в ряде случаев, наоборот, имеет место *добровольное подчинение*: «Даже образование естественно выросшей аристократии, как она возникала на почве общинного владения у кельтов, германцев и в индийском Пятиречьи, даже и оно покоится прежде всего не на насилии, но на добровольном подчинении и привычке» [1]).

Очень часто встречаем мы у Энгельса утверждение, что в основе классообразования лежит *разделение труда*. «Родовое устройство отжило. Оно было разрушено разделением труда и его последствием—разделением общества на классы» [2]). «Из первого крупного общественного разделения труда (пастушеские племена выделились из остальной массы варваров) возникло и первое крупное разделение общества на два класса—господ и рабов, эксплоататоров и эксплоатируемых» [3]). В дальнейшем, «на-ряду с разделением на свободных и рабов появляется различие между богатыми и бедными, обусловленное новым разделением труда (ремесло отделилось от земледелия), новое разделение общества на классы» [4]).

Однако, в целом ряде случаев под разделением труда, как основой классообразования, Энгельс понимает другое общественное явление:—*разделение людей на руководителей и исполнителей*: «Все происходившие до сих пор (до появления класса купцов) проявления образования классов сосредоточивались еще исключительно в сфере производства; они разделяли занятых в производстве людей на руководителей и исполнителей или же на производителей в более крупных и более незначительных размерах» [5]). «Пока совокупный общественный труд давал лишь немного более того, сколько необходимо было для существования всех, пока, следовательно, труд отнимал все, или почти все, время у огромного большинства членов общества, до тех пор это общество необходимо делилось на классы. На-ряду с этим поглощенным исключительно трудом огромным большинством населения образовался освобожденный от непосредственно производительного труда класс, который брал на себя заботу об общих нуждах общества: заведывание работой, государственные обязанности, юстицию, науку и искусство и т. д. Закон разделения труда образует, таким образом, основу классового разделения» [6]).

На-ряду с этим, мы можем привести ряд отдельных отрывков из произведений Энгельса, где в основу классообразования кладутся *имущественные различия* [7]), различия в богатстве [8]), противоположность между богатыми и бедными [9]). В зависимости от *размеров собственности* в данном обществе стоит и социальная его дифференциация: «Очевидно, что крупное землевладение... предполагает или создает противоположность классов—рабовладельцев и рабов, вотчинников и барщиннообязанных крестьян, капиталистов и наемных рабочих, тогда как при мелком—классовые различия между занятыми в земледельческом производстве индивидуумами отнюдь не необходимы....» [10]).

---

[1]) «Антидюринг», стр. 144.
[2]) «Происхождение семьи», стр. 153.
[3]) Там же, стр. 146.
[4]) Там же, стр. 148.
[5]) Там же, стр. 150.
[6]) «Антидюринг», стр. 250. Ср. также стр. 161—2.
[7]) «Происхождение семьи», стр. 148 и 149.
[8]) Там же, стр. 8.
[9]) Там же, стр. 148, 153.
[10]) «Антидюринг», стр. 131.

Вместе с этим, неравенство между отдельными личностями, порождающее и усиливающее противоположность между богатыми и бедными, объясняет Энгельс также неравномерным *распределением продуктов производства:* «Одновременно с установлением системы, порождающей неравенство в распределении продуктов, возникают и различные классы населения. Общество разделяется на привилегированных и угнетаемых, эксплоатирующих и эксплоатируемых, на господствующие и управляемые классы» [1]).

Наконец, основу классообразования видит Энгельс также в *распределении средств производства.* Для него антагонизм между пролетариатом и буржуазией имеет свою основу в монополии средств производства: «Возникла резкая противоположность: с одной стороны—капиталисты, в руках которых сконцентрировались все средства производства, с другой стороны,— производители, не имеющие ничего, кроме своей рабочей силы» [2]). То же явление имеет место и при феодализме: «Богатство, поскольку оно включает господство над людьми, является в силу и посредством господства над вещами... Во все средние века крупное землевладение является предварительным условием, которое связывает феодальное дворянство с оброчными и барщинными крестьянами» [3]). То же, наконец, действительно и по отношению к рабовладельческому обществу: «Не всякому раб приносит пользу. Чтобы быть в состоянии им пользоваться, нужно располагать вещами двоякого рода: во-первых, средствами для поддержания его скудного существования, во-вторых, средствами труда» [4]).

Было бы, однако, ошибкой и большой несправедливостью по отношению к Энгельсу делать вывод, что он не обладал одной определенной точкой зрения на существо и происхождение общественных классов, приписывать ему несколько теорий по этому вопросу; в самом деле, можно было бы, на первый взгляд, утверждать, что Энгельс кладет в основу классообразования и *завоевание*, и *разделение труда*, как в той его форме, которая связана с образованием *профессий*, так и в той, которая выражается *в выделении организаторов* от исполнителей; можно было бы считать его и сторонником *распределительной теории*, придающей основное значение распределению продуктов, и, наконец, сторонником *теории производственной*, видящей основу классообразования в распределении средств производства, как конститутивном моменте самого производства. Вспомним, что Солнцев приписывает Энгельсу две теории классообразования.

Работы Энгельса, по характеру своему, отличаются от работ Маркса. Маркс задачей своей ставил обычно *исчерпывающее исследование* вопроса; результаты этого метода мы имеем в таких мастерских в этом отношении трудах его, как отдельные томы его «Капитала», составлявшие предмет его усиленного исследовательского труда с начала 60-х годов, ко дню смерти так и оставшегося незаконченным.

«Антидюринг» Энгельса—работа, дающая основной материал по вопросу о классах, представляет собой, в первую голову, полемическое произведение. Хотя Энгельс и противопоставляет взглядам Дюринга свои и Марксовы взгляды, все же это противопоставление и обоснование основных положений теории строится часто не в систематическом порядке, но приспособляясь к ходу полемики с Дюрингом; в связи с этим, выдвигаются,

---

[1]) Там же, стр. 132.
[2]) «Антидюринг», стр. 241.
[3]) Там же, стр. 166.
[4]) Там же, стр. 143.

подчеркиваются то одни, то другие стороны теории, сообразно с тем, какие из них в данный момент лучше выражают различие взглядов, лучше подчеркивают неправильность взглядов Дюринга.

Не является вполне самостоятельной, строго исследовательской работой и другая работа Энгельса, также дающая материал по вопросу о классах, его«Происхождение семьи, частной собственности и государства». Главная задача этой работы—познакомить широкие социалистические круги с результатами исследований Моргана, с его «Первобытным обществом». Общий план изложения, поэтому, подчинен основным схемам Моргана. Эта работа также не является *систематическим* изложением взглядов Энгельса на общественное развитие, в частности, на существо классов.

Мы не можем, поэтому, согласиться с той мыслью Солнцева, что у Энгельса «мы находим по многим вопросам историко-социалистического характера более детальную разработку, чем у Маркса» [1]). «То, что у Маркса неясно, неразвито и вызывает сомнения, нередко находит себе разъяснение и определенность при сопоставлении положений Маркса со взглядами на тот же предмет Энгельса,—обратно» [2]). В области теории классов—а ей и посвящена работа Солнцева—*исходным пунктом* при изучении историко-материалистического обоснования этой теории может служить только соответствующее изложение у Маркса,—правда, не сведенное в систему, разбросанное повсюду в виде отдельных положений, но зато отличающееся характерной для Маркса ясностью и глубиной мысли, всесторонностью анализа.

Только при свете выводов, полученных из анализа положений Маркса, выясняются во всей их совокупности, в их единстве, взгляды самого Энгельса на существо классов. С другой стороны, в силу указанных выше особенностей трудов Энгельса, нельзя изучать его воззрения на основании отдельных, оторванных друг от друга, отрывков из его произведений; необходимо привести их в связь как друг с другом, так и с общим учением Энгельса об обществе.

В основу своего изложения взглядов Энгельса на классообразование Солнцев кладет тот отрывок из «Антидюринг», где Энгельс выдвигает два возможные пути этого процесса [3]).

«Происхождение господства и рабства,—говорит Энгельс—не может быть объяснено теорией насилия». «Они возникли двояким путем».

Сначала Энгельс изучает происхождение *политического господства*. В результате он устанавливает, «что в основе политического господства повсюду лежало отправление общественной службы и что политическое господство лишь в том случае сохранялось надолго, когда оно выполняло эти общественные функции» [4]). Таков вывод, противопоставляемый Энгельсом теории насилия Дюринга. Политическое господство не может быть основано на голом насилии, оно должно быть общественно-необходимо,—в противном случае оно разрушается.

Дело идет здесь, следовательно, о происхождении «зародыша государственной власти». В каждой первобытной, бесклассовой общине всегда существуют «общие интересы», соблюдение которых возлагается на особых должностных лиц. Постепенно, вместе с объединением отдельных общин в более крупное целое, образуются новые должностные органы,

---

[1]) Солнцев, стр. 205.
[2]) Солнцев, стр. 197.
[3]) «Антидюринг», стр. 159—161.
[4]) Стр 161.

обслуживающие интересы этого целого. Эти органы по отношению к каждой отдельной общине занимают уже обособленное, а при известных условиях даже враждебное положение, а вскоре становятся и совсем самостоятельными, отчасти благодаря возникновению наследственности общественных должностей. Характерна при этом оговорка, которую делает Энгельс к этой картине происхождения политического господства:

«Каким образом эта самостоятельность отдельных общественных функций по отношению к обществу со временем превратилась в господство над обществом, каким образом прежний слуга, при благоприятных условиях, постепенно превратился в господина, как, смотря по обстоятельствам, этот господин выступал то в качестве восточного деспота или сатрапа, то как греческий родовой государь или кельтский начальник клана и т. д., в какой мере он пользовался при этом превращении силой и как, наконец, отдельные господствующие личности сплотились в господствующий класс, — *в этот вопрос нам здесь не приходится вдаваться*».

Итак, первый путь развития, изученный Энгельсом, в отличие от пути развития рабства, есть путь развития *политического господства*; в противоположность теории насилия Дюринга, Энгельс лишь устанавливает здесь, как мы это уже видели, «что в основе политического господства повсюду лежало отправление общественной службы» [1]). Что же касается интересующего нас вопроса о том, как при этом отдельные господствующие личности (должностные лица) сменились сплоченным господствующим классом,—следовательно, что касается вопроса о классообразовании, то, по словам Энгельса, «в этот вопрос нам здесь не приходится вдаваться»...

Мы не можем, следовательно, говорить, на основании рассматриваемого отрывка из «Антидюринга», о якобы двух теориях классообразования у Энгельса, как это делает Солнцев. В той части этого отрывка, которая была нами только что изложена, Энгельс останавливается лишь на политической стороне происхождения господства, совершенно не касаясь социальной стороны процесса, именно—интересующего нас вопроса о происхождении классов.

В другой раз затрагивает Энгельс тот же вопрос в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [2]). Здесь Энгельс, изображая процесс объединения отдельных общин и появления новых объединенных органов, обслуживающих интересы нового объединенного целого, большое значение придает *войне*. На этой стадии варварства война становится постоянным промыслом. «Грабительские войны усиливают власть верховного начальника, равно как и второстепенных вождей»; «закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства»; «из организации племен для заведывания своими собственными делами общественное устройство превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы делаются из орудий народной воли — самостоятельными органами господства и угнетения против собственного народа».

Что же лежит в основе этого процесса образования политического господства? Непосредственно вслед за только что цитированным отрывком Энгельс выдвигает следующее весьма существенное положение:

---

[1]) В другом месте Энгельс выражает ту же мысль так: «Всякая политическая сила основывается первоначально на экономической общественной функции» («Антидюринг», стр. 163).

[2]) Стр. 148—149.

«Но это ни за что не могло бы случиться, если бы *алчное стремление к богатству* не раскололо бы членов рода на *богатых и бедных*, если бы *«имущественные различия* внутри одного и того же рода не превращали общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс) и если бы *распространившееся рабство* не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться делом, достойным раба, более унизительным, чем грабеж».

Мы видим, что здесь Энгельс дает как раз разрешение того именно вопроса, в рассмотрение которого он не считал уместным вдаваться в интересовавшем нас отрывке из «Антидюринга». По словам Энгельса, отдельные политические руководители бесклассового родового общества превращаются в господствующий класс на основе накопления в своих руках имущественного богатства и рабов. Таким образом, оказывается, что в основе образования классового господства лежит имущественная дифференциация общества и развитие рабства. Развитие рабства, которое, на первый взгляд, представляет, согласно Энгельсу, второй, самостоятельный путь развития классов, оказывается необходимым элементом и первого пути развития— образования политического классового господства.

Вспомним, что в основе этого процесса образования господства видит Энгельс дифференциацию общества на «должностных лиц», ведению которых подлежит обслуживание общественных интересов, и остальную массу населения, занятую физическим трудом,—одним словом, *разделение труда в обществе между «руководителями» и «исполнителями»*. Однако, утверждая, что «пока человеческий труд еще мало производителен,... некоторое повышение производительных сил, расширение обмена, развитие государства, права, искусств и науки — все это было возможно лишь с разделением труда между массой населения, на которую возлагалась простая ручная работа, и немногими привилегированными, занятыми руководством в области труда и торговли, государственными делами, а позднее наукой и искусствами» [1]),—утверждая это, Энгельс сейчас же продолжает:

«*Простейшей, наиболее естественной формой этого разделения труда и было именно рабство*. При наличии исторических условий древнего, в частности греческого, мира,—прогресс, ведущий к основанному на классовых противоречиях обществу, мог совершаться только в форме рабства» [2]).

Итак, имущественная дифференциация, а, главным образом, образование рабства лежит в основе разделения труда в обществе и дифференциации его на «руководителей» и «исполнителей», а вместе с тем в основе процесса развития «господства». Нет, следовательно, принципиального различия между процессом развития господства и процессом развития рабства; они не представляют собой двух принципиально различных путей развития классов. Созданная Солнцевым легенда о дуализме в теории классообразования у Энгельса должна быть отброшена.

Мысль Энгельса, таким образом, сводится к следующему. Для Дюринга в основе образования отношений господства и рабства лежит только одно «насилие» (порабощение человека человеком). Для Энгельса здесь дело идет о двух явлениях: с одной стороны, о развитии политического господства на основе разделения труда между руководителями (должностные лица) и исполнителями, делающего это господство общественно-необходимой функцией (противоложность насилию), а с другой стороны,

---

[1]) «Антидюринг», стр. 161—162.

[2]) См. также «Происхождение семьи» и т. д., стр. 146.

о развитии рабства, появляющегося на известной стадии развития производительности труда, которая позволяет использовать войну (насилие) в экономических интересах. В первом случае дело идет об образовании *над* слоем свободного населения господствующей аристократии, во втором—*под* слоем свободного населения—слоя рабов. Оба процесса представляют собой для древнего мира лишь две стороны одного и того же процесса разделения общественного труда.

Мы видели уже, что развитие господства «ни за что не могло бы иметь место», если бы в основе его не лежала имущественная дифференциация и возникновение рабства. Что же лежит в основе образования самого рабства?

«Не всякому раб приносит пользу. Чтобы быть в состоянии им пользоваться, нужно располагать вещами двоякого рода: во-первых, средствами для поддержания его скудного существования, во-вторых, средствами труда. Следовательно, прежде чем станет возможно рабство, должны уже быть достигнуты известная ступень в развитии производства и *известная степень неравенства в распределении*» [1]).

Это стоит в связи с общей мыслью Энгельса, что «богатство, поскольку оно включает господство над людьми, является в силу и посредством господства над вещами» [2]). В основе образования рабства, как и всякого классообразования, лежит неравномерное распределение вещей, имущественная дифференциация, под которой, как мы ранее уже видели, Энгельс понимает и распределение продуктов, и распределение средств производства. Однако, из последней приведенной нами цитаты, касающейся рабства, мы видим, что Энгельс, говоря о владении «вещами» как основе рабовладения, имеет в виду, рядом с владением средствами производства, не всякое распределение продуктов, но именно распределение средств существования для зависимой рабочей силы (рабов), т.-е. средств *производительного* потребления.

«Развитие человеческого общества, после завершения стадии животной дикости, началось с того момента, когда труд семьи стал создавать более продуктов, чем было необходимо для его поддержания; с того дня, когда часть труда могла затрачиваться на производство уже не только жизненных средств, но и средств производства. Избыток продукта труда над издержками содержания труда и, как результат этого, образование и увеличение *общественного производственного и резервного фонда* стали основой всякого общественного, политического и интеллектуального процесса. До сих пор в истории *этот фонд был собственностью привилегированного класса, который вместе с этой собственностью пользовался политическим господством и духовным руководительством.* Предстоящее общественное преобразование впервые сделает этот общественный производственный и резервный фонд, т.-е. *совокупность сырых материалов, орудий производства и жизненных средств*, действительно общественным, изъяв его из владения этого привилегированного класса и передав всему обществу как общее достояние» [3]).

С этой точки зрения и рассматривает всегда Энгельс классовое общество. Для него буржуазия—«класс, который владеет монополией всех

---

[1]) «Антидюринг», стр. 143.

[2]) С того весьма давнего времени, когда ловля рабов и эксплоатация рабов стали отдельными отраслями промышленности, эксплоататоры рабского труда должны были покупать рабов, т.-е. *приобретать господство над вещами*,—над средствами, необходимыми для уплаты покупной цены, над средствами содержания рабов и средствами производства («Антидюринг», стр. 166).

[3]) «Антидюринг», стр. 173.

орудий производства и жизненных средств» [1]), а современный капиталистический способ производства характеризуется как «отделение собственности от труда», как «монополизация орудий и жизненных средств производства в руках одного малочисленного класса и низведение другого класса, составляющего громадное большинство, до положения неимущих пролетариев» [2]). То же действительно и для феодализма: «Во все средние века крупное землевладение является предварительным условием, которое связывает феодальное дворянство с оброчными и барщинными крестьянами» [3]).

Итак, мы имеем перед собой то же понимание существа классов, какое мы установили уже у Маркса. В основе классообразования лежит распределение средств производства (производительных сил общества, как однажды выразился Энгельс). При этом Энгельс только выделяет особо, рядом с совокупностью сырых материалов и орудий производства, еще и «жизненные средства производства», необходимые для производительного потребления. Распределение всякого рода средств производства (господство над вещами) лежит в основе тех производственных отношенний, т.-е. отношений людей друг к другу в производстве (господство над людьми), которые составляют существо классовых отношений. «В наше время—говорит Энгельс—даже шестилетний ребенок понимает, что богатство господствует над людьми исключительно через посредство вещей» [4]).

Мы не можем, поэтому, считать Энгельса, хотя бы и отчасти, представителем *распределительной* теории классов. С другой стороны, ясно, что и *разделение труда* в смысле выделения в обществе «руководителей» и «исполнителей» также не выдвигается Энгельсом как *первоначальная* основа классообразования. Весь предшествующий ход нашего анализа показал нам, что в основе этого процесса дифференциации общества на руководителей и исполнителей видит Энгельс имущественную дифференциацию (власть над вещами—распределение средств производства) и, для древнего мира, образование рабства, предпосылкой которого, в свою очередь, является то же распределение средств производства. Равным образом, и разделение труда в смысле выделения в обществе различных профессий (в связи с дифференциацией производства на скотоводство, земледелие, ремесло и т. д.) также не является для Энгельса основой классов. Как правильно указывает Солнцев, для Энгельса такое общественное разделение труда является лишь *необходимой предпосылкой*, с одной стороны, для развития производительности труда в обществе, для появления прибавочного труда и продукта, делающих возможным применение чужой рабочей силы (ее эксплоатацию), а с другой стороны, для появления обмена и частной собственности, составляющих основу для развития в обществе имущественной дифференциации (неравномерного распределения средств производства) [5]).

Мы имеем, таким образом, у Энгельса, вопреки Солнцеву, лишь одну теорию происхождения классов, во всем подобную теории Маркса.

---

[1]) «Антидюринг», стр. 140. В своем первоначальном проекте Коммунистического Манифеста (Принципы коммунизма) Энгельс характеризует буржуазию как господствующий класс, «владеющий производительными силами общества». (Ответ на вопрос 15.)

[2]) Там же, стр. 145. Ср. также стр. 241.

[3]) Там же, стр. 166.

[4]) Там же, стр. 166.

[5]) Ср. «Антидюринг», стр. 131, 144, 160, 173, а также «Происхождение семьи» и т. д., стр. 146 и 149.

Поэтому, в результате нашего рассмотрения теории классов у Энгельса, нам кажется, что Солнцев в своей работе не дал нам во многих отношениях и подлинного Энгельса.

IV

Основной ошибкой в изложении Солнцевым теории классов у Маркса и Энгельса является неправильное понимание им роли распределения средств производства в процессе производства и в процессе классообразования.

Для Маркса распределение средств производства—а на этой основе и распределение людей по различным родам производства—лежит в основе самой организации производства, включено в самый процесс производства, является, следовательно, моментом производства, а не распределения, к области которого относится, собственно, распределение продуктов как средств потребления.

Солнцев рассматривает средства производства, прежде всего, как *средства существования*, как один из элементов *богатства*, имущественного неравенства. Поэтому, социологические теории, видящие в основе классов неравномерное распределение средств производства, относятся им в общей схеме его классификации, к группе учений о классах на основе имущественных различий [1]), характеризуются им как *теории богатства* и отличаются от *теорий производственных* (учения о классах на основе производственных отношений); ближе определяет Солнцев в одном месте своей работы характер чисто производственных теорий так: это направление «ищет антагонизма в производстве и делит общество на группы по их роли в производстве: на тех, с одной стороны, которые *направляют* работу и на тех, которые *выполняют ее*, являясь производителями в собственном смысле слова» [2]).

Относя распределение средств производства к моменту имущественной дифференциации, как к процессу образования богатства, Солнцев, видимо, затрудняется в определении места для теорий классов, называемых им теориями богатства. В первом издании своей книги (1917 года) он характеризует основу этих теорий как *потребительно-меновую* [3]) и, таким образом, как будто считает этого рода теории относящимися к группе *теорий потребительных классов*. Однако, во втором издании (1923 года) Солнцев считает теории классов на основе богатства теориями *распределительными*.

На примере учения *Лоренца Штейна* укажем на те ошибочные оценки при характеристике отдельных теорий, которые вытекают из ошибочных теоретических предпосылок самого Солнцева.

Учение Лоренца Штейна отнесено Солнцевым в группу теорий общественных классов на основе богатства. Такая общая характеристика этого писателя, сделанная на основании, главным образом, более поздних его работ, кажется нам неправильной.

---

[1]) Такое некритическое оперирование понятием «имущества», заключающим в себе и владение средствами производства, и владение средствами потребления, вообще характерно для многих социологов-экономистов (ср., например, Бюхера).

[2]) Такое определение классов, как видим, весьма близко к учению о классах Богданова на основе выделения в обществе «организаторов» и «исполнителей» (Солнцев, стр. 24).

[3]) Стр. 286.

В научно-политическом развитии Лоренца Штейна,—в частности, в развитии его взглядов на общественные классы и социальный строй современного ему общества,—следует, как кажется, различать два периода: предреволюционный (приблизительно, до конца 40-х, начала 50-х годов), когда Л. Штейн находился под сильным влиянием современных ему французских социалистов-утопистов (Консидерана, Луи Блана, Кабе, Рейбо), под влиянием французского рабочего движения, и послереволюционный, когда он уже с большим основанием может рассматриваться как прямой идеолог средних классов (мелкой буржуазии).

Для первого периода характерно понимание им в качестве основы классов факта владения или невладения средствами производства. Что здесь дело идет не о владении вообще, но именно о владении средствами производства, понимает и сам Солнцев: «основа классового расчленения—владение; буржуа—обладатель капиталом как средством производства; пролетарий—ничего не имеет, кроме рабочей силы» [1]). В этих двух классах французского общества скрыт основной принцип противоположности, приводящей к классовой борьбе.

Чтобы лучше выявить точку зрения Л. Штейна на общественные классы для первого периода его развития, приведу характерный отрывок из его «Истории социального движения во Франции с 1789 года», написанной в конце 1849 года [2]). Основная мысль его может быть сведена к положению, что *«зависимость труда от материала (труда) обращается в зависимость работника от отдельного собственника»* [3]).

«По неизменной сущности материала, труда и потребности, труд всегда предполагает существование материала, без которого он не имеет никакого значения для потребности. Отсюда проистекает та аксиома, которая определяет собой истинный характер всего порядка человеческого общежития. Каждый индивидуум имеет рабочую силу, но не все имеют материал труда... Поэтому, собственники этого материала труда имеют в своих руках общую предпосылку для экономической деятельности всех тех, у кого нет собственности. Так как в приложении своей рабочей силы последние вполне зависят от материала как предпосылки, и так как этот материал составляет чужую собственность, которой нельзя распоряжаться без разрешения и воли хозяев, то отсюда следует, что *все те, у кого есть только одна рабочая сила, зависят от тех, в чьих руках заключается собственность*».

«Таким образом, порядок человеческого общежития, построенный на движении имуществ и его законах, представляет в сущности *систему зависимости тех, у кого нет собственности, от тех, у кого она есть*. В каждом общежитии неизбежно являются оба эти великие класса, существование которых не могло быть разрушено никаким историческим движением и никакой теорией. Пока продукт труда является частной собственностью, до тех пор общежитие всегда будет состоять из этих *двух великих полюсов*, сближение и отталкивание которых образует его жизнь» [4]).

Что же разумеет здесь Л. Штейн под «материалом труда» (Der Stoff der Arbeit), в противоположность самому труду?

---

[1]) Солнцев, стр. 154.

[2]) Цитируется второе немецкое издание 1855 года. Русский перевод (с этого второго издания), СПБ. 1872 г.

[3]) Стр. XXV (русск. пер., стр. XXI). Под «материалом» труда, как увидим далее, понимает Л. Штейн *метериальные условия* труда.

[4]) Стр. XXIII (русский пер., стр. XIX).

«Материал, входящий в состав собственности и, следовательно, сама собственность чрезвычайно разнообразны. Мы различаем в нем три больших класса: *поземельную собственность*, *деньги*, *индустриальную собственность*... *Индустриальная собственность представляется в виде машин*, *фабрик*, *кораблей*, *складов и т. д.*» [1]).

Таким образом, очевидно, что под «материалом труда», противополагаемым труду, Л. Штейн разумеет материальные (вещественные) условия труда, т.-е. средства производства.

На несколько иной точке зрения стоит Л. Штейн в последующее время. Здесь для него в основе классов лежат уже два рода явлений: явления *качественного порядка*—то же различие между трудом и капиталом, выражающееся в различии двух основных классов: капиталовладельцев и владельцев рабочей силы—и явления *количественного* порядка, различия в *размерах* владения, выражающиеся в делении общества на недостаточных (бедных), достаточных (средний класс) и богатых. Этот второй принцип деления и позволяет теперь Л. Штейну выделить *средний класс*, синтезирующий владение (капиталом) и собственную трудовую деятельность,—в качестве защитника как труда, так и капитала, в качестве примирителя противоположности между двумя крайними общественными классами.

На первой стадии своего развития Л. Штейн не может быть отнесен, следовательно, к группе представителей учения об общественных классах *на основе богатства*; не богатство, как предмет *потребления* или источник *дохода*, но владение капиталом как средством *производства* лежит в основе его теории классов, которая, в общем, приближается к *производственной* теории Маркса и Энгельса. Только вторая стадия его развития, вносящая осложнение в картину современного ему социального строя в виде среднего класса, вместе с новым, количественным принципом деления общества, могла бы позволить частично отнести его к представителям теории, основывающим классовое деление на размерах богатства [2]). Вот почему нас не удовлетворяет общая, суммарная характеристика Лоренца Штейна, данная Солнцевым.

Так как Л. Штейн может рассматриваться, отчасти, как один из представителей предшествующих Марксу и Энгельсу социально-политических теорий,—для нас особый интерес представляют взгляды его первого периода. Поэтому, нам вообще кажется неправильным отнесение Л. Штейна в группу *современных* социологов (Глава III. Основные направления в учении об общественных классах); во всех отношениях было бы более правильным рассматривать учение Л. Штейна среди представителей домарксовых и современных Марксу учений (Глава II. Важнейшие моменты в развитии идеи общественных классов). Правда, в соответствующей главе Солнцев рассматривает лишь две линии развития учений о классах,—французскую и английскую; было бы, однако, вполне правильным выделить, рядом с ними, и линию развития идеи классов в Германии, конечно, гораздо более слабую и менее самостоятельную; сюда, помимо *Нибура*, который остается вне поля внимания Солнцева, и *Лоренца Штейна*, следовало бы поместить и *Родбертуса*, полное игнорирование которого при изложении развития учений об общественных классах совершенно необъяснимо.

---

[1]) Стр. XXIV (русск. пер., стр. XX).

[2]) Следует оговориться, что взгляды Л. Штейна и в первый период его развития не всегда достигают той отчетливости, как в приведенной нами выше цитате.

Подобные же необъяснимые пропуски имеем мы у Солнцева и при изложении им развития идеи классов во Франции. Отсутствует для времени Великой Революции изложение взглядов *Марата* на классы и классовую борьбу; излагая учение о классах у французских социалистов-утопистов, Солнцев лишь мельком упоминает о *Прудоне*, который, несомненно, заслуживает большего внимания в виду того влияния, какое имело его учение на французское рабочее движение [1]).

Странным кажется нам игнорирование в марксистской работе статей Плеханова при изложении учений Тьерри, Гизо и прочих историков эпохи реставрации [2]); использование Солнцевым этих статей сделало бы более четким изложение им взглядов этих историков. Не менее странным кажется нам и отнесение *Луи Блана* к историкам эпохи реставрации, а не к группе историков и социалистов эпохи июльской монархии и второй республики.

Наконец,—еще последнее замечание. Нам кажется, что в *марксистской* работе нельзя ограничиваться одним изложением идей, в данном случае идей о классах и классовой борьбе. Каждая система идей, каждая теория общественных классов тесно связана с определенным социальным и политическим движением, с определенными классовыми интересами, с определенными общественными задачами. Нельзя рассматривать каждого социолога в качестве Робинзона, индивидуально измышляющего свою собственную, оригинальную, одной его личности присущую теорию. Если в *научно-теоретическом* отношении все социологи, авторы различных учений о классах, могут быть распределены по определенным группам (естественно-органические и расовые теории классов; учения о классах на основе разделения труда и т. д.),—хотя такое объединение и является у Солнцева лишь механическим, своего рода только удобным приемом изложения,—то в отношении *социально-политическом* определенные группировки этих авторов еще более необходимы. Как и при всяком марксистском изучении истории или системы идей, необходимо и здесь подведение определенной социологической базы, понимание каждого учения как определенной социальной «идеологии». Социально-политические характеристики отдельных учений, дополняя научно-теоретические их характеристики, должны связать разнообразие в современных теоретических взглядах на существо классов и классовой борьбы с разнообразием социальных группировок и социальных интересов в современном обществе.

Без этого социологического освещения всякое обозрение любых теорий превращается в музей или кунсткамеру безжизненных редкостей.

А. Удальцов.

---

[1]) Особенно, его «De la capacité politique des classes ouvrières», 1865. На это сочинение Прудона Солнцев вовсе не указывает, ограничиваясь лишь мимоходом упоминанием его «Système des contradictions économiques ou Philosophie de la Misère» (1846).

[2]) «Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории» (соч., т. III). «Предисловие к русск. переводу Коммунистич. Манифеста» (сочин., т. XI), наконец, его «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (соч., т. VII).

НОВЫЙ ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВА

(По поводу книги *M. Weber*, Wirtschaftsgeschichte. Abriss der universalen Sozial-und Wirtschaftsgeschichte. Aus den nachgelassenen Vorlesungen herausgegeben von S. Hellmann und Dr. M. Palyi. München & Leipzig, Duncker & Humblot, 1923; XIV + pp. 348).

«Очерк универсальной хозяйственной и социальной истории»—этот подзаголовок уже сам по себе дает довольно ясное указание на характер посмертного труда М. Вебера, предупреждая читателя, что ему предстоит иметь дело не со специальным исследованием, а с работой социологической, цель которой—дать широкую, обобщающую схему. Больше того: если бы автором этой книги не был М. Вебер, то ее заглавие могло бы скорее создать предупреждение против нее, чем расположить в ее пользу,—слишком уж широк захват, слишком необъятна самая тема! И в самом деле, несмотря на то, что М. Вебер умеет, как редко кто иной из современных социологов, наполнять даже самые широкие схемы конкретным содержанием живой исторической действительности, все же слишком широкое задание в данном случае отразилось и на самом качестве выполнения. Правда, тому были и другие причины,—так сказать, чисто-технического свойства: как следует из предисловия издателей, книга не предназначалась автором для печати; вернее было бы сказать, что и самой книги еще не существовало, когда смерть унесла в могилу ее автора: имелись налицо только краткие пометки на отдельных листах, намечавшие бегло лишь самые основные проблемы, да студенческие записи лекций по хозяйственной истории, читанных автором в Мюнхенском университете в течение зимнего семестра 1919—1920 г. Из этих двух источников издатели—Hellmann и Palyi—и создали лежащую перед нами книгу. Они прекрасно сознавали скудость этих источников и неизбежное несовершенство их обработки чужою рукой и в предисловии прямо заявляют, что сам М. Вебер в таком виде ни в коем случае не решился бы издать свои лекции. И если они это все-таки сделали за него, то лишь потому, что работы М. Вебера, даже и в незаконченном виде, имеют исключительный интерес.

Разбираемая книга представляет собою попытку дать очерк важнейших явлений хозяйственной жизни человеческих обществ, не столько в порядке исторической смены ее форм, сколько в виде изображения отдельных ее сторон. При этом М. Вебер избирает самые основные и в то же время самые спорные проблемы хозяйственной истории и оперирует в своем изложении с примерами из жизни весьма различных конкретных обществ. Эти основные проблемы, им избранные, суть: аграрный строй и его формы в их историческом развитии—от родовой общины до капиталистического поместья; ремесло и его организация до возникновения капитализма (на материале истории древнего и современного Востока, Греции и Рима и сред-

них веков); характер докапиталистических торговых отношений (на материале истории торговли, денег и кредита в античном мире и в средние века); и, наконец, вопрос о возникновении современного капитализма. К разрешению или по крайней мере постановке этой последней, главной проблемы направлено и устремлено в сущности все содержание книги: везде автор ищет корней капитализма в докапиталистическую эпоху и всюду устанавливает черты различия в одних и тех же явлениях (поместье, торговля, деньги и проч.) в зависимости от того, имели они место в капиталистическом или некапиталистическом обществе. Таким образом центр тяжести книги надо искать, повидимому, в последней ее части, посвященной современному капитализму. Эта ее особенность делает ее еще более актуальной.

Однако, содержание книги столь богато и многообразно, она захватывает и перерабатывает такое огромное количество конкретного исторического материала, что хоть сколько-нибудь полное ее изложение становится совершенно невозможным, грозя превратиться в буквальное повторение всего ее текста на русском языке..

Поэтому мы изберем лишь несколько проблем, на примере которых попытаемся охарактеризовать своеобразие как самой книги, так и приемов научной методологии М. Вебера.

Книге предпослано краткое теоретическое введение, в котором даны определения основных понятий хозяйства и в сжатой форме намечены типы экономической организации труда. На некоторых из этих определений и типов необходимо остановиться, ибо они вносят ясность в самую классификацию хозяйственных явлений. Так, весьма плодотворным является строгое разграничение различных видов обмена и менового хозяйства, особенно в связи с известным спором о замкнутом, натуральном и денежном хозяйстве, разыгравшемся по поводу схемы Бюхера. Вебер подходит к определению видов обмена с двух сторон: с точки зрения его интенсивности и с точки зрения его форм. С первой точки зрения имеем противоположение случайного обмена (Gelegenheitstausch), при котором обмениваются лишь излишки, но центр тяжести лежит в потреблении продуктов собственного производства, обмену рыночному (Markttausch), который ориентирован на наличие рыночных шансов. Хозяйство, в котором господствует рыночный обмен, есть торговое или меновое хозяйство (Verkehrswirtschaft). С точки зрения формы обмена можно различать обмен натуральный (Naturaltausch) и денежный (Geldtausch). Хозяйство, не употребляющее денег, есть натуральное хозяйство; это последнее в свою очередь может принимать различные формы: оно может быть либо хозяйством совершенно безобменным (ойкос), которое, впрочем, в чистом виде представляет собою редкое исключение, либо хозяйством с натуральным обменом (Naturaltauschwirtschaft), которое уже знает обмен, но еще не пользуется деньгами; такая форма натурального хозяйства в развитом виде почти нигде не встречается; в конкретной действительности имеют место лишь приближения к этому типу. Наконец, возможно хозяйство, ведущее счет в деньгах, но обмен — в натуре (Geldrechnungswirtschaft mit Naturaltausch); такая форма натурального хозяйства господствовала в древнем Египте, где определенное количество одного материального блага обменивалось на некоторое количество другого непосредственно, без помощи денег, но их ценность относительно друг друга предварительно измерялась в деньгах (стр. 3—5). Эта, быть может, несколько сложная классификация имеет то преимущество, что кладет конец постоянному смешению натурального и замкнутого (безобменного) хозяйства с одной

стороны, денежного и менового—с другой, чем часто грешат историки,—даже столь значительные, как, напр., Допш. Переходя к установлению основных типов экономической организации труда, М. Вебер строит еще более сложную систему классификации, которой мы не станем излагать целиком, а остановимся лишь на некоторых определениях, в частности на определении «предприятия». Вебер различает два основных типа всякой хозяйственной деятельности: «хозяйство дома» (Haushalt) и хозяйствование, имеющее целью наживу (Erwerb); эти типы соединены целым рядом переходных ступеней, но в чистом виде резко противостоят друг другу. Хозяйствование первого типа стремится к удовлетворению своих потребностей, будь то потребности государства, индивидуума или какого-нибудь потребительного общества. Хозяйствование второго типа ориентировано, напротив, на шансы наживы, т.-е. на шансы получения прибыли в процессе обмена (Tauschgewinnchancen). *Предприятие* и есть одна из конкретных форм хозяйственной деятельности второго типа, т.-е. оно представляет собою приобретательское хозяйство (Erwerbswirtschaft), ориентированное на *рыночных* шансах и ставящее своей целью произвести ценности, составляющие излишек, прибавку к ценности затраченных и вложенных в предприятие средств; кроме того, предприятие работает при помощи подведения баланса и учета шансов на прибыль (стр. 6). В докапиталистическую эпоху предприятие и «дом», хозяйство приобретательское и домашнее (Haushalt und Erwerb) были тесно связаны друг с другом, представляя собою в сущности две различные стороны экономической деятельности одного и того же хозяйственного единства; в капиталистическом обществе они резко отделены друг от друга.

Все эти определения и классификации М. Вебера отличаются одной характерной чертой, с которой нам не раз придется столкнуться при изложении основных пунктов конкретного содержания книги: с одной стороны, в них есть очень много от марксизма, а с другой стороны, они построены по совершенно иному принципу, чем определения Маркса. Так, капиталистическое предприятие и его сущность определяются как будто чрезвычайно близко к учению Маркса о прибавочной стоимости, но при этом исходным пунктом избрана ориентация на рыночные шансы, т.-е., строго говоря, психология хозяйствующего субъекта,—конечно, не как изолированного индивидуума, а как члена класса предпринимателей и капиталистического общества. Есть еще и другая черта, отличающая экономические категории Вебера от Марксовых категорий. Вебер стремится к построению идеально-типических понятий, приложимых к различным эпохам; поэтому он говорит о хозяйственной деятельности вообще, о предприятии вообще, и, лишь наметив эти общие идеальные типы, приступает затем к построению понятий, приложимых к определенной общественной формации; в результате применения такого метода эти последние понятия много теряют в своей специфичности. Поэтому и задачу истории хозяйства, как особой научной дисциплины, Вебер видит в постановке и посильном разрешении следующих основных вопросов: как в каждую данную эпоху распределены, специализированы и комбинированы полезные хозяйственные действия (Wirtschaftsleistungen) в техническом и экономическом смысле и в их связи с имущественными отношениями? В этом вопросе заключен уже и другой: каково социальное устройство и классовое строение общества? Дальнейшие вопросы гласят: происходит ли использование присвоенного труда и экономических шансов по типу хозяйства «Haushalt» или по типу

«Erwerb»? Каково соотношение рационального и иррационального элементов в хозяйственной жизни? (Стр. 15.) Все эти вопросы, поставленные М. Вебером, в сущности стремятся отграничить явления капиталистические от некапиталистических и сводятся к одной большой проблеме: можно ли назвать ту или иную эпоху капиталистической или нет? В самой постановке этих вопросов у Вебера есть немало общего с Марксом, но вместе с тем ярко выступает и отмеченное выше отличие. Для Вебера «хозяйственные действия» (Leistungen) и тот или иной характер их использования суть своего рода первичные, простейшие элементы всякого хозяйствования, из той или иной комбинации которых слагается конкретная экономическая действительность каждой хозяйственной эпохи. Поэтому он из *различного* сочетания *одних и тех же элементов*, присущих всем эпохам и формациям, построяет *различные системы хозяйства.* А это уже очень далеко от Маркса.

Из конкретных проблем истории хозяйства, затронутых Вебером в данной книге, наибольшего внимания заслуживает его трактовка вопроса о родовом быте, об аграрном коммунизме и сельской общине, о вотчине и поместьи, о средневековом цеховом ремесле и торговле и, наконец, о возникновении современного капитализма. Ввиду недостатка места мы сообщим лишь готовые выводы автора по этим вопросам.

Подвергая критике теорию родового быта и происхождения семьи у Моргана-Энгельса, Вебер указывает, что все явления, отмеченные этой теорией, хоть и существовали в действительности, но не обязательно сменяли друг друга в той последовательности, как это изображено у Энгельса, не представляли собою определенных, строго-отграниченных друг от друга фаз или ступеней развития. Напротив: многие из них сосуществовали одновременно, а многие из тех форм, которые теория Энгельса считает продуктом позднейшего развития, имелись налицо уже в глубокой древности. Так, проституцию, как особый вид промысла, Вебер считает явлением чрезвычайно древним, отнюдь не продуктом капиталистического строя; с другой стороны, он отказывается признать существование целого периода господства беспорядочных половых сношений (Promiscuität), как особой стадии развития; по его мнению, подобные явления либо носили оргиастический и сакральный характер, либо возникали в результате упадка старинной сексуальной регулировки, на смену которой еще не успела притти новая. Так называемое «материнское право» (Mutterrecht) действительно имело место там, где рождение ребенка еще не связывалось в сознании членов рода с половыми сношениями родителей, и эти последние еще не осознавались, как причина первого. Однако, «материнское право» (как и матриархат) не представляет собою стадии развития, ибо оно сосуществовало с рядом других явлений, ему чуждых. То же самое относится и к эндогамии, практиковавшейся особенно у аристократических родов для сохранения чистоты крови (пример: Птолемеи), но везде уступавшей место экзогамии; последняя всегда господствовала над первой. Эти критические замечания не мешают, однако, Веберу признавать и достоинства критикуемой теории: «Несмотря на ее несостоятельность в частных вопросах,—пишет он,—она представляет собою, как целое, ценный вклад в дело уяснения проблемы; и на этом примере вновь подтверждается та старая истина, что талантливое заблуждение плодотворнее для науки, чем бездарная правильность» (стр. 44) [1]. Вслед

[1]) «Trotz ihrer Unhaltbarkeit im Einzelnen bildet sie, als... Ganzes genommen, einen wertvollen Beitrag zur Klärung der Frage; auch hier hat sich wieder die alte Wahr-

за критикой «талантливых заблуждений» Энгельса, Вебер набрасывает в самых общих чертах свою концепцию развития родового быта в связи с хозяйственными отношениями. Старая схема трех ступеней хозяйственного развития—охота, скотоводство, земледелие—теперь уже не выдерживает критики, ибо и хронологическая последовательность, и комбинации этих трех форм хозяйственной жизни у разных народов весьма различны. И родовой быт в различных его формах может поэтому сочетаться с различными «стадиями» хозяйственного развития, сменяющими друг друга в свою очередь в весьма различной последовательности. При примитивном мотыжном земледелии (Hackbau), которое может сочетаться как с индивидуальным, так и с коммунистическим хозяйством, женщина во всяком случае играет очень большую роль. Разделение труда между полами протекает в таком виде, что женщина становится руководительницей мирного, земледельческого труда и часто даже главою трудовой домашней общины, а мужчина занят охотой и войной. Таким образом на-ряду с домашней общиной создается мужской военный союз (Männerhaus), в который вступают все мужчины в определенном возрасте (чаще всего от 25 до 30 или 35 лет), при чем они, конечно, покидают свои семьи и живут все в одном месте, в своего рода «казарме». Вероятно, в связи с этим явлением возник и тотемизм, всегда связанный со счетом по материнской линии. Даже при разложении Männerhaus'а, когда отец живет уже в домашней общине с женой и детьми, все еще остается счет по материнской линии и имеются налицо остатки подлинного матриархата, выражающиеся в том, что дети принадлежат к роду матери и ритуально чужды роду отца. Там, где военный мужской союз не имел места, господствует чистый патриархат. Между матриархатом и патриархатом обычно разыгрывается борьба, исход которой решается в зависимости от того или иного способа присвоения земли. Если оно совершается мирным, чисто хозяйственным путем, то женщина несет всю тяжесть обработки земли, и поэтому земельные участки переходят к брату матери, как защитнику детей своей сестры [1]). Если же это присвоение совершалось путем внеэкономического принуждения, при помощи завоевания, то возникает власть военного союза над землей, мужа и отца над детьми его жены [2]), и, наконец, имущественная дифференциация, которая создает погоню за женщиной, как рабочей силой. В результате имеем новые формы брака—покупку жены (Kaufehe) или приобретение ее за известные услуги, оказанные ее роду (Dienstehe); такой брак у зажиточных членов племени может носить полигамный характер (покупка одним лицом нескольких жен), а у беднейших, напротив, выливаться в полиандрические формы (совместная покупка несколькими братьями одной жены).

По вопросу о германской марке или сельской общине Вебер занимает примирительную позицию, не примыкая всецело ни к сторонникам теории аграрного коммунизма, ни к ее противникам. По его мнению для германской марки характерна общая собственность на аллъменду (луга, пастбища, леса) лишь в том смысле, что эта последняя была некогда занята данной деревней (или совокупностью деревень, входящих в марку), и право на нее принадлежит именно ей; но это не значит, что пользование

---

heit erwiesen, dass ein geistvoller Irrtum für die Wissenschaft erspriesslicher ist als eine geistlose Korrektheit».

[1]) Любопытно сравнить это с отношениями, изображенными Тацитом в след. словах: «sororum filiis idem apud avunculum qui apud patrem honor. Quidam sanctiorem artioremque hunc nexum sanguinis arbitrantur etc» (Germ., гл. XX).

[2]) В качестве примера ср. гл. XIX «Германии» Тацита.

альмендой совершается в коммунистических формах. Напротив: каждый член марки имеет свою долю в пользовании не только лугом и пастбищем, но даже и лесом; вернее было бы сказать: каждый *двор* в деревне присваивает себе подобную долю, которую никакой передел не в силах у него отнять (Die Weide... ist... nicht kommunistisch, sondern nach festen Anteilen «appropriiert», p. 21). Эти доли каждого двора в различных частях альменды плюс надел пахотной земли, находившийся в частном пользовании двора и представлявший собою даже его частную собственность, составляли гуфу. Гуфы должны были быть не только количественно, но и качественно равны; по отношению к входящей в состав гуфы пахотной земле это достигалось следующим путем: все пахотное поле делилось на ряд частей («Gewanne») одинакового размера, а в каждой части производилось дальнейшее деление на полосы; каждый крестьянин обладал одной полосой в каждой части общего пахотного поля и таким образом достигалось качественное уравнение. Деление на длинные и узкие полосы связано еще с особой формой германского плуга, который не только проводил борозды в земле, но и подбрасывал кверху взрезанную землю, что делало излишним римский способ—проводить плуг по земле сначала в одном направлении, а затем в другом, ему перпендикулярном. Отсюда—германские полосы вместо римских квадратов. Дворы в германской деревне располагались не в виде улиц, а беспорядочно; деревня находилась в центре ряда концентрических кругов, состоявших из огородов (круг, ближайший к деревне), пахотных полей, пастбищ и леса.—Примеры, приводившиеся этнологами и историками в пользу коммунистической собственности марковой общины на землю, а главное, общинного пользования ею, по мнению Вебера, неубедительны: ибо все формы сельской общины, приводимые в качестве примеров аграрного коммунизма в работах Lamprecht'a и Laveley-Bücher'a, как раз очень непохожи на немецкую марку: и шотландская, и индусская община, и русский мир, и трирские дворовые общины (Trierer Gehöferschaften) характеризуются переделами, совместными работами, а русский мир, особенно резко противостоящий германской марке, еще и круговою порукой, а также подушным, а не подворным распределением наделов. К тому же не везде эти институты суть пережитки первобытного коммунизма; так, например, трирские общины возникли под давлением фискальных мотивов, так же как и некоторые особенности нашего мира (круговая порука). Все эти соображения приводят М. Вебера к тому заключению, что вопрос о наличии или отсутствии некоего первобытного аграрного коммунизма, как первой стадии общественного развития, остается открытым. «В то время как социалистические писатели—говорит он—считают частную собственность грехопадением, либералы стремятся, напротив, отодвинуть ее начало чуть ли не ко времени гипотетических предков человека. На самом же деле вообще трудно сказать что-нибудь определенное о примитивном хозяйстве человека» (стр. 39).

В главах, посвященных крупному землевладению, М. Вебер дает сжатую, но чрезвычайно отчетливую картину его эволюции, начиная с античного мира и до XIX века; при этом он различает все время вотчину, как тип преимущественно оброчного хозяйства, и поместье, как крупное капиталистическое предприятие, работающее на сбыт и пользующееся либо рабским трудом (плантация—античная и американская), либо трудом барщинных крестьян (средневековое «Gutsherrschaft») либо, наконец, трудом наемных рабочих (современное поместье). Изложение эволюции крупного землевладения все время связано у Вебера с изображением положения крестьян и ведется на материале истории чуть ли

не всех стран средневековой и современной Европы, с привлечением аналогий из античной истории и из жизни современного Востока. Так же широко построено у Вебера и изображение процесса развития ремесла и докапиталистических торговых отношений; в частности он подробно останавливается на истории цехов—их возникновении и разложении, а также на основных особенностях цеховой экономической политики и ее мотивах. Как ни важны сами по себе эти проблемы, мы не имеем возможности задерживаться дольше на изложении первых трех отделов книги Вебера, а потому переходим к последней, центральной ее части, посвященной современному капитализму.

Начнем и здесь с Веберовских определений. И прежде всего: *что такое капитализм?* «Капитализм имеется налицо там,—отвечает Вебер на этот вопрос,—где имеет место удовлетворение потребностей группы людей по типу приобретательской хозяйственной деятельности в форме предприятия (какие потребности удовлетворяются при этом—неважно)»; «рациональное капиталистическое производство есть производство, контролирующее свою доходность (Rentabilität) при помощи современной бухгалтерии и подведения баланса» (стр. 238). «Kapitalrechnung»—вот основная специфическая черта капитализма по М. Веберу. Однако, существование этой последней даже и он не мыслит себе без ряда «предпосылок». Эти предпосылки суть: 1) присвоение средств производства автономными частными предприятиями в качестве свободной собственности (freies Eigentum); 2) свобода рынка от иррациональных ограничений обмена; 3) рациональная и механизированная техника; 4) рациональное (т.-е. поддающееся учету) право (berechenbares Recht); 5) свободный труд, т.-е. наличие целого ряда рабочих, которые не только юридически в состоянии, но и хозяйственно вынуждены продавать свою рабочую силу на рынке; 6) коммерциализация хозяйства (употребление ценных бумаг вместо наличного расчета деньгами). Все эти «предпосылки» создают возможность исключительного ориентирования процесса покрытия потребностей на рыночные шансы и на прибыльности («Rentabilität»), а ведь эта «возможность» есть по Веберу альфа и омега капитализма (стр. 239—240). К этому характерному, чисто Веберовскому определению капитализма стоит, для полноты картины, присоединить его определение *буржуазии* и *фабрики*. Буржуазия для Вебера лишь часть более широкого социального слоя—городского гражданства (Bürgertum); в *экономическом* смысле «это последнее включает в себя определенные категории классов, находящихся в специфическом положении относительно их экономических интересов» («in einer ökonomischen Interessenlage spezifischer Art»); «при таком, чисто-экономическом отграничении» Bürgertum'а от других общественных групп, оно не представляет собой чего-либо однородного: «крупный и мелкий буржуа, предприниматель и ремесленник равным образом принадлежат к нему». «В *политическом* смысле Bürgertum включает в себя всех граждан, как носителей определенных политических прав». Bürgertum в социальном или точнее—в *сословном* смысле, т.-е. *собственно буржуазия*, означает для Вебера те слои общества, «члены которых отделены от бюрократии и пролетариата, как люди, обладающие богатством и образованием» (Leute von Besitz und Bildung), предприниматели, рантье и вообще лица, имеющие определенный социальный вес или сословный престиж в результате академического образования (стр. 270—271). Для капитализма, как мы уже слышали, характерно предприятие, ведущее дело при помощи «Kapitalrechnung». Наиболее распространенным конкретным его видом является фабрика. Для

М. Вебера «фабрика есть производящая мастерская со свободным трудом и постоянным капиталом». Характер и качество этого постоянного капитала для него не важны, и он удивляется «казуистическому разграничению» (стр. 149), установленному Марксом, т.-е. его различению фабрики и мануфактуры. Этот индифферентизм М. Вебера по отношению к *технике* производства в данном случае представляется на первый взгляд чрезвычайно странным, тем более, что при изложении внешних фактов развития капитализма он особенно подчеркивает революционизирующую роль каменного угля и железа и даже называет XIX век железным веком. Однако, это безразличие Вебера в данном вопросе не случайно: и здесь, как везде, Вебер строит не специфические категории капиталистического общества, а понятия идеально-типического свойства, приложимые к различным эпохам; и, в самом деле, *его* определение фабрики годится и для мануфактуры, но зато остаются несколько затушеванными специфические черты *капиталистической* фабрики. Эта «широта» Веберовских определений и категорий в соединении с их «психологизмом» (апелляция к экономической психологии) является основной причиной тех странностей, которые встречаются в его определении капитализма и буржуазии. Под понятием «Bürgertum'а в политическом смысле», как оно сконструировано у Вебера, можно, ведь, подразумевать какой угодно класс, хотя бы и пролетариат; несколько более узко, но все же в достаточной мере расплывчато и понятие «Bürgertum в экономическом смысле», и лишь Веберовская «собственно буржуазия—в социальном или сословном смысле» соответствует понятию буржуазии у Маркса. Вебер сам замечает, что его «Bürgertum в экономическом аспекте» не представляет собою чего-либо однородного; еще в большей мере относится это к его «гражданству в политическом смысле», представляющему собою в сущности конгломерат классов, объединенных Вебером в одно целое по случайным или второстепенным признакам (напр., по общности политических прав). Эти Веберовские определения «гражданства» странным образом напоминают Сен-Симоновское смешение буржуазии с пролетариатом и их соединение в один промышленный или индустриальный класс. Столь же странное впечатление производит и его определение капитализма: в числе «предпосылок» этого последнего он называет в сущности почти все те явления, которые отмечал и Маркс; но идея, объединяющая эти указания у обоих мыслителей, глубоко различна: в то время как для Маркса самое существенное—та или иная стадия развития производительных сил и тот или иной способ производства, для Вебера важна психология хозяйствующего субъекта, а в капиталистическом обществе таковым является прежде всего предприниматель. Поэтому вся специфичность факта продажи рабочей силы все же остается в тени, хотя М. Вебер много говорит о нем, посвящает ему весьма прочувствованные страницы, делает ответственным капиталистическое общество за нищету рабочих и даже почему-то самое возникновение социализма и появление в свет «Коммунистического Манифеста» склонен объяснять исключительно промышленными кризисами (ср. стр. 250—251).

В вопросе о генезисе капитализма Вебер делает ряд ценных замечаний по адресу теории Зомбарта: так, он совершенно отвергает попытки этого экономиста отыскать корни капитализма в таких отчасти производных от него, отчасти сопутствующих ему, а частью и вовсе нехарактерных для него явлениях, как война, роскошь, внезапный приток благородных металлов или, наконец, средневековое еврейское ростовщичество. Более обстоятельной критике подвергает он два главных столпа

Зомбартовской теории первоначального накопления: его тезис о возникновении крупных капиталов—в результате колониальной торговли, и его гипотезу об аккумуляции земельной ренты. По справедливому мнению Вебера, самое накопление имуществ на основе колониальной торговли, конечно, могло иметь место, но оно порождало рантье, а не промышленных капиталистов. Да это и понятно: ведь организация производства в колониях была построена на некапиталистических основаниях, а использование колоний в качестве внешнего рынка для произведений европейской индустрии наталкивалось на непреодолимые затруднения в виде дороговизны самой организации сбыта и малой емкости колониального рынка (стр. 258—259). Еще хуже обстоит дело с теорией Зомбарта об аккумуляции земельной ренты. Эта аккумуляция не только не породила городов и торговли, а как раз напротив, сама была последствием городского развития. Переезд землевладельцев в города был обусловлен намерением использовать *торговым путем* внегородскую земельную ренту, а тем самым уже дано огромное влияние торговли на возникновение городов. С другой стороны, карьера средневекового купца из какого-нибудь итальянского торгового города (а Зомбарт, как известно, особенно много строит на примере *итальянских* городов) протекала обычно так, что он начинал в качестве мелкого торговца в розницу, потом, разбогатев, отправлялся за море и, наконец, становился оптовым торговцем, покупал себе корабли, а затем и землю и превращался в городского землевладельца. Таким образом Зомбартовская теория изображает истинную связь явлений как раз в обратном виде (стр. 277).

Но как же возник капитализм по мнению самого Вебера? При попытке дать ответ на этот вопрос Вебер высказывает ряд тонких и остроумных мыслей, делает блестящее сближение капиталистической «деловой» этики с протестантской моралью, повторяя в иной форме свои высокоталантливые построения, данные им уже в «Очерках по социологии религий», но его общий ответ вряд ли можно признать удовлетворительным разрешением вопроса. Исходя опять-таки из экономической психологии, он считает самым необходимым условием возникновения капитализма наличие рационального капиталистического духа, рационализации быта и рационального склада хозяйственного мышления, рационального хозяйственного духа («das rationale Wirtschaftsethos», p. 302). Конечно, самая попытка уловить характерные черты капиталистической хозяйственной идеологии, в связи с хозяйственной действительностью, чрезвычайно интересна, и самая постановка подобных вопросов очень плодотворна. Но с точки зрения исторического материализма следствие поставлено здесь на место причины и наоборот, да и вообще каузальная связь явлений заменена функциональной связью; это особенно ясно сказалось в большой работе Вебера «Wirtschaftsethik der Weltreligionen», а также в его статьях о протестантизме [1]), где он и развивает подробно взгляды, лишь бегло намеченные в разбираемой нами книге.

Эта последняя вообще проигрывает по сравнению с его прежними большими работами («Religionssoziologie», «Wirtschaft und Gesellschaft») в одном отношении: в ней меньше чувствуется рука Вебера-*социолога*, великого мастера сравнительно-исторических сопоставлений, ярких и удачных типологических характеристик, метких и неожиданных сближений, сходных по существу, но резко отличных по форме исторических явлений.

[1]) «Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie», B. I.

Здесь он больше выступает перед своими читателями в роли теоретика-экономиста и историка хозяйства, а его главная сила все-таки в *социологическом* подходе к историческим явлениям. Тут сказалась, конечно, и необработанность книги, породившая ее конспективность, и самая широта поставленной задачи, приведшая к схематизму изложения. Однако, эта задача все-таки выполнима, особенно в том направлении, в котором Вебер подходит к ней: дать сжатый *систематический* очерк хозяйственной *истории* является такой же настоятельной необходимостью, как и писание всяких Lehrbuch'ов и Handbuch'ов по экономической *теории*, и если бы Веберу суждено было закончить и обработать свой труд, то он, вероятно, блестяще справился бы с этой задачей. Но даже и в теперешнем ее виде его книга бесконечно много дает читателю.

Недавно вышел русский перевод рецензируемой книги [1]).

Книге предпослано предисловие проф. И. М. Гревса, в котором кратко указано значение предлагаемой русскому читателю работы М. Вебера и, на основании данных, сообщаемых немецкими издателями, изображено ее происхождение из необработанного курса лекций и изложены мотивы, побудившие литературных наследников Вебера выпустить ее в свет. Жаль, что не переведено предисловие самих Гелльмана и Палия, которое могло бы дополнить сообщенные редактором перевода сведения. Еще больше приходится пожалеть о том, что в русском издании не воспроизведен прекрасный немецкий регистр, включающий в себя основные понятия и терминологию книги, а также список упоминаемых в ней лиц, имен и названий; сознавая всю трудность переделки немецкого регистра для русского издания, мы все же считаем, что хороший регистр положительно необходим для ориентировки во всякой серьезной научной книге, а в особенности в такой сложной и богатой многообразным содержанием работе, как «История хозяйства» М. Вебера. Зато следует с удовлетворением отметить, что библиографические списки пособий и ссылки сохранены и даже дополнены редактором перевода указаниями соответствующей литературы на русском языке. В конце книги приложена статья: «М. Вебер, как историк-социолог», дающая краткую характеристику его метода и выясняющая, что может дать Вебер марксизму.

Самый перевод выполнен в общем точно; к сожалению, эта точность местами переходит в буквальность, от чего сильно страдает стилистическая сторона перевода. Впрочем, эти недочеты не ускользнули от внимания редактора перевода, который в своем предисловии указывает на них и объясняет их происхождение. Однако, несмотря на стремление к буквальности, в переводе попадаются неточности: так, напр., на стр. 221 перевода (соответствующей стр. 302 подлинника) выражение Вебера: «Das rationale Wirtschaftsethos» передано словами: «рациональная хозяйственная этика», в то время, как в данном контексте лучше было бы передать его так: «рациональный склад хозяйственного мышления» или: «рациональный хозяйственный дух» («Ethos», а не «Ethik»!). Попадаются и опечатки: вместо «Гелльман» (Hellmann) почему-то везде сказано: Гел-

---

[1]) *М. Вебер*, История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории. Издали по оставленным лекциям: С. Геллеман, проф. истории в Мюнхенском университете и М. Палий, доцент Высшей Коммерческой Школы в Берлине. Перевод под ред. проф. И. М. Гревса, Петроград, «Наука и школа», 1923 года, стр. 239.

леман. Стоит отметить и ряд «неточностей» другого характера. В двух местах (на стр. 204 и 205, соответствующих стр. 278 и 280 немецкого текста), где М. Вебер упоминает о В. И. Ленине, в переводе его фамилия заменена словами: «большевики» и «октябрьская революция», хотя Вебер в сущности никаким оценкам деятельность Ленина не подвергает. Еще более странное впечатление производит перевод последнего абзаца «предварительных теоретических замечаний» (стр. 16), где М. Вебер делает довольно слабый выпад против исторического материализма, настолько слабый, что он вряд ли способен соблазнить хоть кого-нибудь из «малых сих». Это место в точной передаче смысла немецкого текста звучит следующим образом: «наконец, нужно еще подчеркнуть, что хозяйственная история (и вся история «классовой борьбы») отнюдь не тождественна с историей культуры вообще, как этому хочет нас заставить поверить материалистическое понимание истории. Последняя не есть только эманация или функция первой; скорее хозяйственная история образует *лишь* (курсив наш *А. Н.*) почву, без познания которой немыслимо плодотворное исследование ни одной из великих областей культуры». Между тем в русском издании несколько фраз выпущено и получилось нечто прямо противоположное тому, что хотел сказать автор: «наконец, следует еще подчеркнуть, что история хозяйства (и вся история «классовой борьбы») образует почву, без познания которой немыслимо плодотворное исследование ни одной из великих областей культуры». Что это значит? Есть ли это просто корректорская ошибка, благодаря которой выпало из набора несколько фраз, или же стремление во что бы то ни стало остричь Вебера под Маркса?

А. Неусыхин.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЧАРТИЗМЕ

1) *Hermann Schlüter*, Die Chartisten-Bewegung. Нью-Йорк и Штуттгарт 1916, 352 стр.
2) *Frank F. Rosenblatt*, The Chartist Movement. Нью-Йорк 1916, 207 стр.
3) *Preston William Slosson*, The Decline of the Chartist Movement. Нью-Йорк, 1916, 210 стр.
4) *Mark Hovell*, The Chartist Movement. Манчестерский Университет 1918, 316 стр.
5) *Julius West*, A History of the Chartist Movement. Лондон 1920, 295 стр.

Первое революционное движение пролетариата, известное под именем чартистского, долгое время находилось в положении сироты, которого ни один историк не обнаруживал желания приютить и усыновить. Английские историки, придерживаясь мудрого правила, что о неприятных вещах лучше не говорить, совершенно игнорировали этот эпизод их отечественной истории и в своих многотомных трудах лишь вскользь упоминали о нем, как о чем-то, не заслуживающем особенного внимания. Таким образом, в продолжение долгого времени полу-хроника, полумемуары Гаммэджа, участника последних фаз чартистского движения, оставались единственным сочинением на эту тему в английской исторической литературе. На немецком языке только проф. Брентано в семидесятых годах написал о чартизме небольшой очерк в «Preussische Jahrbücher», да Герман Шлютер анонимно выпустил в германском партийном издательстве в Цюрихе в 1887 г. популярную брошюру о «чартистском движении в Англии», которая была запрещена в Германии. В Англии и впоследствии продолжали игнорировать эту тему, но в Германии в 1898 г. появилась книга Джона Тильдслея — англичанина, писавшего по-немецки или переводившегося на плохой немецкий язык — о «Возникновении и экономических принципах чартистского движения». Однако и это еще не была история в собственном смысле слова, а скорее анализ движения в его начальных стадиях. Таким образом в течение целых шестидесяти лет — если считать 1848 год за фактический конец движения — не было ни на каком языке ни одного полного и серьезного труда по истории чартизма, который можно было бы признать достойным этой интересной и важной темы.

Каковы причины этого странного явления? Один буржуазный историк, цитируемый Розенблаттом, Спенсер Вальполь, признает, что «история великого социального движения, содержащаяся в истории чартизма, более важна, нежели споры между вигами и ториями», а американский историк, писавший еще в восьмидесятых годах, Вильям Кларк, тоже цитируемый тем же автором, прямо говорит, что чартизм был «единственно настоящим, серьезным и важным народным движением в Англии со времени (кромвелевской) республики». Казалось бы, при такой оценке чартистского движения, и Вальполь, и Кларк, и другие историки должны были бы немедленно засесть и разработать эту тему. Но они этого не сделали, и объяснение этому надлежит искать именно в том, что чартизм был таким «настоящим, серьезным и важным народным движением». Зачем было знакомить английский рабочий класс с его революционным прошлым? Разве затем, чтобы вдохновить его на новые революционные выступления, чтобы показать ему, во сколько раз выше

его стояли его *великолепные* предки, боровшиеся за политическую власть, провозгласившие беспощадную борьбу классов, изобличавшие с таким неподражаемым пафосом предательство и низость правящей буржуазии, установившие принцип международной солидарности пролетариата и выразившие в бесчисленных песнях и поэмах высочайшего лиризма надежды и чаяния рабочих? Нет, английские историки были слишком крепко спаяны солидарностью с классом, из рук которого они кормились, чтобы заниматься таким *скабрезным* делом. Quieta non movere, а что может быть более quieta, чем то, что некогда было и больше не упоминается? Конечно, в Англии были и социалисты, даже социалисты-интеллигенты, которые могли писать, и действительно писали, серьезные книги. Покойный Гайндман, основоположник английской социал-демократии, в своем первом труде: «Historical basis of Socialism» даже упоминает о чартизме, кое-что о нем рассказывает и базирует на его традициях новое, создаваемое им движение. Но и у него до истории было очень далеко, а другие, вроде Бельфорта Бакса, предпочитали писать о героях великой *французской* революции. И это отчасти находит свое объяснение в той же искусно проведенной буржуазными историками системе замалчивания, которую они применили к «единственно настоящему, серьезному и важному народному движению Англии» со времени революции. Я думаю, что ни Гайндман, ни Бакс, ни кто-либо другой из английских социалистов-писателей не имели ясного представления о чартистском движении, к которому бужуазные историки своим игнорированием и попутными презрительными отзывами приучили их относиться несколько легкомысленно, если не равнодушно. По этой же причине в английской литературе, буржуазной или социалистической, до сих пор нет биографий таких замечательных личностей, как О'Коннор, О'Брайен, Гарни и даже Эрнест Джонс, пролетарски-революционная поэзия которого — увы, до сих пор не собранная! — принадлежит к наилучшему, что существует во всемирной литературе.

Отчасти однако причину, почему даже социалистические писатели избегали этой темы, следует искать в технической трудности ее обработки. На недостаток материалов было бы грешно жаловаться; в одном Британском Музее собрано его столько, что хватило бы для обработки на человеческую жизнь. Но именно это обилие материала способно отпугнуть самого мужественного исследователя, который в первый раз приступил бы к такой работе. Стоит взглянуть хотя бы на страницы главного источника по истории чартизма, газеты «Northern Star», чтобы видеть, что на одно внимательное изучение его потребуется колоссальное количество самого терпеливого и упорного труда. В те времена писали даже в газетах необыкновенно длинно и подробно, а печатали таким мелким и убористым шрифтом, что каждый номер давал материал для чтения, равный доброму фолианту. Лично пишущему эти строки пришлось за последние двадцать лет просматривать «Northern Star» раз шесть, и он должен сказать, что не исчерпал, вероятно, и трети содержащегося в нем материала. А недавно Юлиусу Весту, автору одной из выписанных в заголовке книг, удалось в Британском же музее найти собрание из 180 фолиантов всевозможных вырезок и рукописных заметок, листовок и пр., принадлежавших некогда Фрэнсису Плэсу, видному радикалу того времени, которые относятся к политической истории Англии тридцатых и сороковых годов, из коих 29 исключительно посвящены чартизму. А помимо этой коллекции и помимо упомянутой главной газеты, имеется множество других выходивших тогда периодических и непериодических изданий, газет и жур-

налов, а также брошюр и книг, написанных с теми же бесконечными длиннотами и напечатанных с той же почти микроскопической убористостью, которые умственно и физически так затрудняют изучение. Можно смело сказать, что ни один автор, писавший о чартизме, не овладел и половиною материала; самое большее, что он мог обработать, это — небольшую сравнительно часть «Northern Star» и несколько других менее верных источников.

Вот по этим причинам историческая литература долгое время блистала отсутствием серьезной исследовательской работы по чартизму. Лишь незадолго до войны появились две книги, которые могут претендовать на звание «историй»: одна из них—книга француза Эдуарда Долеана (Dolléans), «Le Chartisme», вышедшая в 1912—13 г.в двух томах, а другая—книга Макса Бера: «Die Geschichte des Sozialismus in England», вышедшая годом позже и содержащая большой отдел, посвященный этой теме. На этих двух работах, довольно серьезных, хотя с точки зрения направления весьма неудовлетворительных, можно было бы, пожалуй, передохнуть, но по пословице: не было ни гроша, и вдруг алтын, за время войны были написаны несколько книг, которые вышли отчасти тогда же, а отчасти после заключения мира. С этими книгами последних лет и имеет в виду познакомить читателя настоящая статья. Ни одна из них не охватывает всего имеющегося в наличности материала; фактически каждая из них обнаруживает в авторе довольно ограниченную начитанность. Тем не менее, это уже истории в собственном смысле слова и в совокупности представляют некоторый вклад в литературу предмета.

Из них работа Шлютера — наиболее содержательная и полная и по своему сочувственному отношению к чартизму и правильному подходу к его смыслу и целям выгодно отличается от всех других. Дело в том, что Шлютер был старый немецкий социал-демократ, эмигрировавший в Америку во время исключительного закона против социалистов и издававший в Нью-Йорке лево-партийную газету «Volkszeitung». Как марксист, он, конечно, совершенно иначе относился к своей теме, чем большинство других авторов, не исключая Бера, страдавшего в то время, когда он писал свою книгу, сильными припадками оппортунизма. Для Шлютера смысл этого великого революционного выступления английского пролетариата не только был понятен, но и выражал его собственные идеалы и стремления, и это давало ему ключ к правильному пониманию не только общих целей, но и отдельных перипетий движения, чего нельзя сказать о других авторах. Но у Шлютера другой недостаток: он мало разработал первоисточники и базируется преимущественно на работах других— не только, напр., Гаммэджа и Ловетта, современников и участников движения, далеко не беспристрастных, но и новых—от Лотара Бухера до Тильдслея и Бера. В предисловии, напр., он говорит, что он «просмотрел» «Northern Star» и другие чартистские издания. Из текста, однако, этого почти не видно: «Northern Star» он почти не цитирует, но зато цитирует по Гаммэджу и Ловетту документы и речи, которые он мог бы с большей пользой для себя найти в «Northern Star». Точно так же цитирует он в нескольких местах «Poor Man's Guardian», но эти цитаты взяты либо у Пумпянского, либо у пишущего эти строки, которого он упоминает в предисловии, но не упоминает при конкретных заимствованиях. Совершенно очевидно, что, приступая к своей работе, Шлютер не задавался целью написать самостоятельное исследование, а только компилятивную работу в революционно-марксистском освещении. До какой степени это верно, видно из того, что он на всем протяжении своей

работы не сообщает нам ни одного вновь открытого факта, не освещает ни одного старого факта с исторически новой стороны, а довольно наивно вводит чужие теории и чужие взгляды, не давая себе труда ни проверить их, ни связать органически со своими собственными. Очень часто случается, что он дважды говорит об одном и том же предмете: один раз в порядке собственного повествования, а другой раз, и совершенно уж по-новому, в порядке чуть ли не механической вставки из труда какого-нибудь другого автора. От этого страдает и план работы, и порядок распределения материала, и нередко само изложение. Выносишь впечатление, что Шлютер работал не столько по плану, сколько по материалу, и если бы, напр., Пумпянский не написал книжки о первоначальных составных элементах английского рабочего класса, или Бер не открыл в Бенбоу родоначальника идеи всеобщей забастовки, или пишущий эти строки не писал о разработке чартистскими теоретиками идеи классовой борьбы, то соответствующих глав или отделов у Шлютера не было бы. Словом, книга Шлютера — в особенности в первой части — носит в значительной мере компилятивный характер, и только отдельные главы ее, касающиеся идеологии чартистов, обнаруживают в авторе знакомство с предметом из первых рук и представляют в известной степени если не совсем свежий, то во всяком случае свеже сгруппированный материал.

При всем том книга Шлютера представляет собою, как сказано, наиболее полное изображение чартистского движения, имеющее притом то крупное достоинство, что автор проникся предметом как марксист и революционер, для которого сама неудача движения является уроком большой важности, а не предметом злорадства или зубоскальства, как у буржуазных историков. Книга состоит из короткого введения, посвященного промышленному перевороту и движению луддитов, и четырех весьма неравных частей, трактующих о «начале рабочего движения» (20 стр.), о «борьбе за чартер» (120 стр.), о «чартизме в теории и на практике» (120 стр.) и о «конце и его причинах» (18 стр.). Нельзя сказать, чтобы эти отдельные части были одинаково хорошо написаны, и напр., введение, которое имеет подзаголовками: «возникновение индустрии», «возникновение рабочего класса» и «переворот в политическом миросозерцании» под одним общим заглавием: «промышленная революция» не дает нам ничего значительного на эти интересные темы. Несколько хронологических данных об изобретениях, несколько цифр о росте производства и вывоза, а также несколько цифр о росте городов — вот и все, что мы находим о «возникновении индустрии». О «возникновении рабочего класса» — и того меньше: на одной страничке говорится об эксплоатации на фабриках, о запрете коалиций и об отношении полов, и это все о «возникновении» пролетариата. Столь же слабо обрисовано первое движение за реформу парламента, исходившее однако не из рядов пролетариата, а из рядов буржуазии и даже аристократии. Зато непомерно много места уделяется луддитскому движению, в котором Шлютер видит первое «революционное» движение пролетариата. В какой мере разрушение машин и фабрик разоренными кустарями и ремесленниками можно назвать «революционным», — вопрос не такой простой, как себе представлял Шлютер. По нашему мнению, это — не первое выступление нового пролетариата, а *последнее* выступление старых трудящихся мелкобуржуазных масс, — глубоко трагическое, правда, и исторически характерное, но все же не революционное в классово-пролетарском смысле.

Первая часть, озаглавленная: «Начало рабочего движения» и обнимающая период времени, кульминационным пунктом которого была

реформа избирательного права в 1832 г., также написана весьма слабо. И здесь Шлютер слабо дифференцирует буржуазно-радикальное движение от участия в нем пролетариата и, повидимому, не знает о той провокационной роли, какую играли в рабочих организациях того времени некоторые радикалы с Фрэнсисом Плэсом во главе. Он опирается тут целиком на Пумпянского и Бера, у которых все это гораздо лучше описано, и, изображая деятельность Бронтер О'Брайена, обнаруживает знакомство лишь с его предисловием к переводу книги Буонаротти, игнорируя его многочисленные тонко-написанные статьи в «Poor Man's Guardian». Он, как и все другие историки чартизма, совершенно оставляет в стороне тот огромный первоисточник, именуемый «парламентскими дебатами Ганзарда», в котором мы находим самое верное отражение новой капиталистической идеологии правящих классов в борьбе с рабочими, медленно и мучительно нащупывавшими новые пути спасения в создавшейся в начале столетия обстановке. Отдельные главы этой части посвящены первым выступлениям профессиональных организаций, Роберту Оуэну и его пропаганде, возникновению первых политических союзов рабочих, в союзе с радикалами и без них, самой борьбе за билль о реформе и первой рабочей прессе.

Вторая часть, посвященная самой борьбе за чартер вплоть до 48 года включительно, гораздо лучше написана. Она дает довольно полный обзор перипетий движения и ценна, главным образом, своим правильным подходом. Приятно читать, напр., по сравнению с тем, что обычно пишется другими историками, как он нащупывает под странной формой движения, в котором, как известно, приняли в начале участие самые разношерстные элементы, его живую сущность. Он говорит:

> «Было бы ошибочно думать, что вся эта масса людей была связана одними и теми же воззрениями и одними и теми же целями... Все же слои, которым принадлежало будущее, оказались более сильными. Прошло лишь немного времени, и рабочие интересы стали преобладать в движении, и чартер, несмотря на общий характер его требований, стал выражением социальных стремлений рабочего класса, отчего и все чартистское движение получило тот исторический характер, который сделал его первым великим социально-политическим движением современного пролетариата... Как ни буржуазны, по существу, были требования чартера, но если бы они были осуществлены, то Англия и ее государственное устройство приняли бы совершенно новые формы. Осуществление чартера передало бы политическую власть рабочему классу, и при тех взглядах и течениях, которые тогда господствовали в рабочем классе, не только аристократия и духовенство, но и сама буржуазия потеряла бы добрую долю своего права на эксплоатацию».

Конечно, этого «если бы» не могло быть на деле, но важно не это, а то, что Шлютер правильно оценил то, что скрывалось за «буржуазным» требованием всеобщего избирательного права и других реформ чартера. В другом месте (стр. 208), полемизируя с Геркнером, автором известной книжки по рабочему вопросу, который находил, что чартизм был «грандиознейшим народным движением социально-*консервативного* характера», Шлютер совершенно правильно отмечает:

> «На основании неясности предлагавшихся средств, парцелляции земли, предлагавшейся О'Коннором, Геркнер заключал о консервативном характере целей и не замечал основного стремления чар-

тистского движения, а именно—освобождение рабочего класса через коренное преобразование общества. Чартисты добивались политической власти, дабы с ее помощью провести социальное освобождение рабочего класса. Их движение было социальное и пролетарское, и конечной целью его было осуществление общественного владения на кооперативных началах, а через него — отмена эксплоатации рабочих и обеспечение за теми, кто создает богатства, полного продукта их труда. Большинство чартистских вождей представляли себе освобождение труда и организацию хозяйственной жизни, главным образом, в виде хозяйственных общин по примеру оуэновских колоний. Как бы то ни было, хотя по вопросу об основных чертах будущего общества и его формах не существовало единогласия, однако на конечной цели сходились все: освобождение рабочего класса через завоевание политической власти и применение этой власти к преобразованию общества в интересах рабочего класса».

На этой социально-революционной стороне чартистского движения стоило настаивать ввиду того, что и по сей день отсутствие в программе чартера социальных требований может ввести, и действительно вводит, в заблуждение лиц, недостаточно близко знакомых с историей движения. Ограничение программы политическими требованиями явилось результатом, как Шлютер верно указывает, желания объединить возможно большее число групп и влиятельных лиц для борьбы с олигархическим парламентом, — другими словами, создать блок между рабочим классом и мелкой буржуазией, в том числе отдельными буржуазными радикалами. Это—как мы сейчас ясно видим—была крупная ошибка не только потому, что вместе со своими конечными целями каждая сторона привносила и свою тактику, подсказывавшуюся именно этими невыраженными, но неизменно сопровождавшими каждую политическую дискуссию целями, что приводило к внутренним конфликтам, имевшим роковое значение,— но и потому, что в конце концов мелкая буржуазия не выдержала близкого общества «небритых подбородков, мозолистых рук и плисовых курток» пролетарских приверженцев О'Коннора и сбежала еще до того, как она была окончательно замирена отменой хлебных пошлин. Напоследок чартистам все же пришлось конституироваться в определенную пролетарскую партию на определенной социально-политической программе, но было уже поздно. Шлютер обо всем этом дает довольно исчерпывающие сведения, и его анализ борьбы, которая велась вокруг вопроса о «физической» и «моральной» силах различными социальными элементами, входившими в чартистское движение (стр. 102—103), заслуживает особенного внимания, так как у других авторов, не-марксистов, мы этого не найдем.

Третья часть, несомненно, самая удачная из всех. В ряде глав Шлютер делает обзор идеологии чартизма и его отношения к различным проблемам того времени,— обзор, который, не будучи ни исчерпывающим, ни очень тонким, все же достаточно знакомит нас с идейным содержанием этого замечательного движения. Только ознакомившись с ним, мы узнаем, как много создано было чартизмом в области социалистической теории и практики и какое огромное наследство передал он последующему рабочему движению всех стран. Завоевание политической власти, всеобщее избирательное право, теория и тактика классовой борьбы, интернационализм, отношение к войне и пацифизму, отношение к религии и церкви, воззрения чартистов на собственность— в частности, земельную собственность,—на денежную и финансовую ре-

формы, затем отношение к профессиональному движению и к социалистам, последователям Оуэна, отношение к женщине и ее правам, — наконец, влияние чартизма на современную литературу, включая собственное литературное творчество — во многом из всего этого чартизм заложил основы для рабочего движения и рабочей идеологии следующих поколений, и сгруппированные Шлютером факты представляют большую ценность. С особенным удовольствием сведущий читатель прочтет его высокую оценку литературной деятельности и, в частности, поэтического творчества чартистов, о которых так мало говорится у других авторов. Конечно, чартизм прежде всего привлекает внимание исследователей своей экономической подоплекой и политической стороной движения. Так оно и должно быть. Но чартизм был удивительно полным движением с многочисленными гранями и многочисленными отражениями, и порожденная им журнальная и философская, а также и поэтическая литература заслуживают глубочайшего изучения.

В заключительной части Шлютер рисует закат и конец движения. Он вполне правильно отказывается видеть причины распада чартизма в таких эпизодах, как неудача 10 апреля 1848 года, аресты вождей, банкротство земельной кампании О'Коннора, внутренние распри в партии, успех контр-революции на континенте и т. д. Все это,—замечает он,—не может объяснить окончательного распада движения, поскольку оно, как всякое движение, выросло на соответствующей почве. По его мнению, истинные причины нужно искать в улучшении конъюнктуры после тяжелого кризиса 1847—1848 г.г., которое приписывалось свободной торговле, благодаря чему учение Кобдена приобрело множество приверженцев за счет чартистского движения; в открытии золотых россыпей в Калифорнии и Австралии, сильно оживившем экономическую жизнь Англии и вызвавшем большую эмиграцию наиболее энергичных пролетарских элементов из Англии; в успехах, которые стало делать профессиональное движение, добившееся 10-часового закона и начавшее завоевывать расположение наиболее просвещенных и дальновидных фабрикантов, и, наконец, в теоретической неясности целей движения. Легко видеть, что это—объяснение весьма недостаточное и отчасти даже поверхностное, и странно думать, что его дает марксист, который сам предпосылает своему анализу замечание, что «причины, которым надлежит приписать исчезновение чартистского движения, лежат в экономическом положении Англии». Слово «положение», конечно, неправильно; следовало сказать: «развитии», и тогда было бы вернее. Ибо главное—не прекращение промышленного кризиса и не открытие золотых россыпей, а то обстоятельство, что свободная торговля *в связи* с открытием золотых россыпей и многими другими обстоятельствами открыла, действительно, эру пышнейшего капиталистического расцвета Англии, сохранившего за нею в течение ближайших тридцати лет роль «мастерской мира» и положение первоклассного промышленного государства доныне, когда о монополии уже не может быть и речи. Статистика показывает, как стала расти заработная плата в связи с колоссальным развитием промышленности и как потом, когда рост заработной платы остановился, прогрессивное падение цен на предметы необходимости увеличивало реальную ценность этой платы. Вот здесь и надо искать объяснения, почему чартистское движение в конце концов распалось и исчезло.

По причинам, упомянутым нами вначале, мы отвели книге Шлютера столько места. Работа Розенблатта такого внимания не заслуживает. На двухстах страницах — правда, весьма разгонистой печати — он

ухитряется дать только весьма жиденький очерк первых двух лет движения, т.-е. до 1840 г. Большое вступление в виде пяти первых глав заставляет думать, что автор замыслил было свой труд в большом масштабе, но из этого почему-то ничего не вышло. Правда, эти начальные главы не лишены интереса. В них Розенблатт дает историю политического движения за реформу парламента и избирательного права до билля о реформе, затем в ярких красках рисует вероломство пореформенного правительства и пресловутую «реформу» закона о бедных, дает некоторые сведения о безработице и нужде рабочего класса в 1837—1838 г.г. и, переходя к профессиональному движению и его первым успехам, правильно отмечает, как насильственное подавление его вызвало среди пролетариата политическое движение за завоевание парламента. Но хотя он сам говорит, что чартизм был «определенной борьбой рабочего класса за переустройство общества», что «хотя форма его требований была политическая, но цели были строго экономические», мы нигде не встречаем анализа экономических сил, вызвавших движение, ни даже упоминания о промышленной революции и возникновении пролетариата, ни разбора социальных доктрин чартистских мыслителей и вождей. Не будучи марксистом, ни «просто» социалистом, Розенблатт все же выгодно отличается от других буржуазных историков своим беспристрастным, чтобы не сказать сочувственным, отношением к главным фигурам чартистского движения, и, напр., отводя Ловетту, вопреки установившимся традициям буржуазной историографии, весьма скромное место в чартистском пантеоне («он никогда не был популярным вождем», «ему недоставало ума и гибкости», «у него абсолютно отсутствовали инстинкт и предвидение прирожденного вождя» и т. д.), он с великой похвалой отзывается об О'Конноре и О'Брайене. Про О'Коннора он пишет:

> «Миллионы любили и молились на него, многие его ненавидели, но презирать его никто не мог... Он обладал богатыми личными данными, чтобы быть вождем. Великан свыше шести футов ростом, с чертами лица, свидетельствовавшими о большой умственной силе, с аристократическими манерами и осанкой, он всей своей наружностью сильно импонировал массам. Он был человек с беспредельной энергией... В своей карьере в качестве чартиста О'Коннор проявил ряд качеств, которые в глазах многих современников и историков делали его демагогом, деспотом, политиком, не терпевшим соперничества, человеком, который искал исключительно карьеры и власти... Историки также считают его пустым хвастуном... Это и односторонне, и несправедливо. Для него так же естественно было командовать, как для других — ему подчиняться. Его крупная индивидуальность не могла не импонировать другим. Но он был так же великодушен, как... любой другой... Рожденный быть вождем, он обладал большой способностью читать мысли других и сообразовывать план своих действий с обстоятельствами. Это часто заставляло его уступать популярным лозунгам, но это удел всех великих вождей, умеющих нащупывать пульс масс. Он был тщеславен и нескромен, когда говорил о себе, но он в такой же степени был всегда готов преувеличивать калибр других. Он с такой же объективностью мог говорить о себе, что он «делал безумных людей нормальными», с какой он восхвалял «гигантские таланты» О'Брайена. Он обладал глубокой страстью к свободе и много раз в различных формах он доказал свою преданность делу и готовность к само-

пожертвованию. Его прозвали львом свободы, и это прозвище было им вполне заслужено» (стр. 105—112).

Про О'Брайена, который десяти лет от роду знал уже латинский, греческий, французский и итальянский языки, кроме собственного, и который еще в школе настолько отличался в математике и литературе, что сам Вальтер Скотт приезжал смотреть его, Розенблатт пишет:

«Таланты его сильно преувеличивались многими из его последователей, которые считали его гением, но они все же были велики и ставили его двумя головами выше среднего вождя рабочего класса. Прозвище «школьный учитель», данное ему О'Коннором, было им вполне заслужено. Как вождь, он отличался многими достоинствами. Он был мечтатель с большим темпераментом, менее капризен, чем О'Коннор, и более гибок, чем Ловетт. Высокий, с легкой сутуловатостью, с красивым интеллектуальным лицом, с языком, таким же метким и острым, как его перо, он производил сильное впечатление как на массы, так и на вождей» (стр. 112—114).

Гарни наш автор также оценивает как человека, обладавшего «большими природными дарованиями... который лучше других чартистских вождей разбирался в знамениях времени и обнаруживал глубокое понимание общественной структуры и острое предвидение той роли, какую предстояло играть рабочему классу». Совершенно очевидно, что автор добросовестно хотел разобраться в этом огромном движении чартизма, но не смог и ограничился кратким и неглубоким изложением главных событий. Интересно отметить, что Розенблатт работал по первоисточникам, что показывает, что его план был гораздо амбициознее, чем его исполнение.

Книга Розенблатта вышла в известных «Трудах по истории, экономике и государственному праву» факультета политических наук Чикагского университета (Columbia University) и помечена: «часть первая». Однако второй части не вышло, а вместо нее в тех же трудах в том же году вышла книга Слоссона о «Падении чартистского движения», которая рядом с собственной продолжает пагинацию книги Розенблатта. В первой главе Слоссон дает общий обзор чартизма, как «классового движения». Ибо, говорит он, «чартисты, может быть, слишком узко настаивали на букве своего чартера, но они никогда не впадали в ту ошибку, чтобы принимать политическую власть за исчерпывающую цель своих стремлений. Избирательное право они ценили скорее как необходимое средство для достижения экономических и социальных целей, чем как цель самоё в себе... Но чартизм был не только экономическим, но и классовым движением: его нужно рассматривать как сознательную пролетарскую агитацию на подобие современного социализма, хотя и не столь определенную в своей программе». Согласно этому, Слоссон излагает взгляды чартистов на вопросы налоговой политики, на земельную реформу и на собственность вообще. Его анализ экономических теорий чартистов хотя и не отличается большой глубиной, тем не менее содержателен, но две странички, которые он посвящает вопросу об отношении чартистов к свободной торговле и агитации Кобдена, весьма недостаточны. Он, судя по делаемым им ссылкам на источники, не изучал его ни по «Northern Star», ни по «Poor Man's Guardian», а между тем он чрезвычайно интересен потому, что позиция чартистов до точности предваряла позицию Маркса вплоть до заключительных слов Марксовой речи о свободной торговле. С другой стороны, Слоссон правильно указывает на большое значение,

которое «реформа» закона о бедных имела для подготовки почвы, на которой сложилось чартистское движение. «Если — пишет он — какой-нибудь один фактор особенно выдавался среди других, которые оторвали рабочий класс, следовавший за чартистским знаменем, от общих рядов радикализма, с которыми он раньше работал, то это был этот законодательный акт и защита его радикалами».

Вторая глава описывает движение 1842 г.—всеобщую забастовку и конференции с буржуазными радикалами—с неудовлетворяющей краткостью, на основании, преимущественно, «Таймса» и без единой ссылки на «Northern Star». Следующая глава говорит о «распаде движения» в связи с личными склоками и спорами по вопросу о «физической» и «моральной» тактике, а также земельными проектами О'Коннора. Слоссон совершенно не понимает ни социальной подоплеки тактического спора между тогдашними соглашателями и революционерами, ни его исторического значения для рабочего движения этого и следующих поколений вплоть до наших дней. Он считает, что этот спор вовсе не был «серьезной причиной внутренних трений», а что главная трудность заключалась в том, что «партия вообще не была в состоянии выработать единого и определенного плана действия». В дальнейшем он повествует о событиях 1848 г. и о дальнейших судьбах движения вплоть до его окончательного распада очень сжато, в легких и общих контурах, с большими пропусками и важными недосмотрами, на основании Гаммэджа и парламентских отчетов, но опять без единой ссылки на «Northern Star». Только в одном месте он цитирует чартистский орган, но по Гаммэджу.

Очевидно, однако, Слоссон не задавался мыслью писать историю чартизма а хотел ограничиться лишь анализом причин его неудачи, проделав нечто вроде той работы, какую для начала движения сделал Тильдслей. Это он и предпринимает во второй половине книги, которая, нужно признать, и представляет значительную ценность. Он говорит:

> «Так как конечной целью чартистских вождей было экономическое законодательство в интересах непредставленных в парламенте классов и так как материальные страдания английских рабочих были тем фактором, который привлек к ним главную массу последователей, то трудно предположить, что движение пошло бы на серьезную убыль и исчезло бы, если бы экономическое состояние Англии оставалось таким же, каким оно было в 1842 г. Мы должны поэтому ответить на два вопроса: наступило ли в годы, непосредственно последовавшие за 1842 г., улучшение в условиях жизни тех классов, которые составляли массу чартистской партии, чтобы можно было объяснить неожиданную слабость партии в 1848 г., и последовало ли после 1848 года такое дальнейшее улучшение, чтобы можно было объяснить невозможность возрождения чартизма, какое произошло два раза после неудач 1839 и 1842 г.г.?» (стр. 115—116).

Ответом на эти правильно поставленные вопросы и служит следующая глава, где сгруппирован значительный цифровой материал, изображающий постепенное уменьшение кризиса и нужды в связи с развитием промышленности и рабочего законодательства. Слоссон признает, что «вряд ли английский рабочий получил соответствующую долю в быстро увеличившемся богатстве британской промышленности», но доказывает, что ‹рост заработной платы между годом проведения билля о реформе 1832 г. и годом проведения билля о реформе 1867 г. был достаточно

значителен, чтобы преобразить повседневную жизнь английского рабочего». Он сконструировал интересную таблицу, в которой сопоставляется движение заработной платы и цен на предметы первой необходимости с кривой чартистского движения, и показывает, в общем отчетливо, как последний ряд соответствовал первым двум.

Если бы Слоссон остановился на «экономическом» объяснении, включив в него эмиграцию в Америку и на вновь открытые золотые прииски и прибавив некоторые политические и идеологические влияния, как, напр., разгром революции на континенте, сильно приободривший и укрепивший реакцию в самой Англии, пропаганду «христианских социалистов», то он исчерпал бы те моменты, которые, действительно, имели решающее значение. Но, не довольствуясь сказанным, он отводит особую главу рассмотрению «причины» падения чартизма и находит ее уже не в экономике, а во фракционных и личных спорах вождей, оттолкнувших от движения «вне-партийных», т.-е. буржуазных радикалов, в «неумной» борьбе с кобденовской лигой и даже в непримиримом антагонизме с вигами, будто бы приведшем к союзу сториями,—клевета, которую охотно распространяли в то время либералы и радикалы. По его мнению, «этот не особенно красивый союз» сториями (а сводился он, как сам Слоссон указывает, к тому, что чартисты «кое-где поддерживалиториев на выборах, чтобы привести в замешательство вигское министерство») «давал врагам чартистов прекрасный повод портить репутацию движения в глазах независимых (от какой бы то ни было партии) радикалов», и ссылается в подтверждение этого уничтожающего положения на свидетельство не только Гаммэджа, как известно, вскоре отошедшего к либералам, но и самого... Фрэнсиса Плэса, архи-интригана и развратителя рабочего движения в Лондоне! В дальнейшем Слоссон отвечает на некоторые возможные возражения критиков, которые могут указать на то, что закон о бедных, который сыграл такую роль в создании революционного движения среди рабочего класса, остался в силе и впоследствии и что движение заработной платы и цен в ближайшие годы и даже десятилетия вовсе не было настолько выражено, чтобы умиротворяющим образом действовать на массы. Слоссон отвечает, что хотя закон о бедных и остался в силе, однако действие его было значительно смягчено на практике в порядке самой администрации, а также последующим социальным законодательством. Что же касается медленного роста заработной платы и столь же медленного падения цен, то и тут имелись компенсирующие обстоятельства в виде, главным образом, сокращения рабочего дня, «равноценного солидному подъему заработной платы». Приходится сказать, что ответ—отчасти неполный, а отчасти неверный. Правда, закон о бедных применялся уже в сороковых годах далеко не так сурово, как этого хотели его первоначальные авторы, но это обстоятельство существенно дополнялось тем, что возмущение законом исходило преимущественно из рядов разоренных машиной мелких производителей—«ручных» работников на дому и в мануфактуре, кустарей, сельских работников, на которых лишение общественного пособия отзывалось с особенной болезненностью и которые десятью годами позже уже успели основательно свариться в заводском котле и стали искать опоры уже в собственных объединениях,т.-е. профессиональных союзах и «дружественных» обществах (Friendly Societies). Что же касается медленного движения платы и цен, то оно ни в коей мере не могло компенсироваться сокращением рабочего дня, хотя бы уж потому, что плата была не сдельная и даже не поденная, а почасовая. Причина, почему чартизм не воз-

родился после 1848 г. так же, как это было после 1839 и 1842 г.г., несмотря на то, что подъем заработной платы и падение цен не наступили сразу, заключается в том, что рабочий класс был уже слишком истощен, чтобы быстро оправиться от своего поражения, а к тому времени, когда он мог бы собраться с силами опять, улучшение конъюнктуры было уже чувствительно.

В двух заключительных главах Слоссон описывает, как правящие классы реагировали в сочувственном смысле на чартизм после его распада и каково было влияние чартизма на самих рабочих. По его мнению, чартизм, как движение, был во многих отношениях совершенной неудачей, но, «как демонстрация», он имел большой успех: он обратил внимание правящих классов на бедственное положение трудящихся масс и вызвал ряд движений — как христианский социализм, кооперативное движение, эмиграцию с помощью государственных органов и частной благотворительности,—а позднее даже политических реформ, которые должны быть отнесены к эффектам этой «демонстрации». Он говорит, напр., что «христиански-социальное движение, совпавшее с последними фазами чартизма, доказывает, что отклик правящего класса на рабочее движение не был всецело следствием боязни революции, а явился также плодом искреннего участия в судьбе рабочих». Повидимому, Слоссон, хотя и либерал, не знает, что у буржуазии имеются два способа бороться с рабочим движением и опасностью революции: подавление силой — способ, применяемый лишь в крайних случаях, и развращение, выхолащивание, отвлечение и конкуренция — способы, практикуемые во всех других случаях, когда замалчивание движения становится более невозможным. Умная буржуазия прибегает к последним способам более охотно, чем неумная, хотя, если нужно, не отказывается и от силы. Так поступала английская буржуазия, которая, раздавив чартистское движение силой (в три приема—в 1839, 1842 и 1848 г.г.),тут же принялась развращать, выхолащивать его и конкурировать с ним. Агитация за отмену хлебных пошлин, напр., преследуя непосредственно капиталистические цели, в одинаковой степени подсказывалась стремлением отвлечь рабочий класс от политической агитации чартизма. Пропаганда просвещения, трезвости, позднее кооперации и даже трэд-юнионизма, основание всевозможных организаций и партий для завоевания парламентской реформы мирными способами или в меньшем объеме, чем требовал чартизм,—все это подсказывалось не расположением к рабочему классу, а желанием сорвать чартистское движение, развратить его привнесением в его программу индивидуалистических, реформистских и других подобных лозунгов, переставить его на ложные рельсы, которые заведут его в тупик, и т. д. Не существенно, что отдельные лица и даже руководители таких движений действовали по искренним побуждениям, не исключавшим и самое честное участие в деле трудящегося народа. Несомненно, что и Ловетт, и Кингсли, и Купер были по-своему искренними и честными людьми, но ими пользовались те, которые преследовали политические цели. Под этим углом зрения и надо рассматривать движение христианских социалистов—тем более, что мы имеем прямые указания на этот счет в мемуарах основателей его и что сам Слоссон признает, что «одной из привходящих целей, несомненно, было завоевать рабочее движение вновь для церкви» и что они надеялись, проповедуя кооперацию, «что профессиональные союзы с присущими им классовым чувством и классовой борьбой в таком случае отойдут в область прошлого». Те же цели и мотивы подсказывали внезапный интерес правящих классов к народному просвещению, вы-

разившийся в основании многочисленных просветительных учреждений, в которых рабочим преподавались естественные и общественные науки буржуазными учеными. Видеть во всех этих начинаниях правящей буржуазии выражение «отклика» ее на нужды рабочего класса, выявленные чартистским движением, довольно наивно.

Последняя глава посвящена выяснению того, что осталось от чартистского движения в истории. Чартистские остатки сыграли роль удобрения для трэд-юнионизма и кооперации—сомнительное бессмертие!—и продолжали некоторое время традиции интернационализма, анти-милитаризма, анти-пацифизма и республиканизма. Затем, чартизм предварил некоторые учения позднейшего социализма и передал в наследство идею самостоятельной политики пролетариата, которую сейчас, по мнению Слоссона, воплотила Британская Рабочая Партия. Все это разработано у Слоссона крайне слабо со значительной примесью простого обывательского невежества. Кончает он заявлением, что чартисты не напрасно боролись: «они изменили состояние умов в Англии, что составляет величайшую из всех возможных революций». Оказывается, что «классы, представленные в парламенте, признали необходимость постоянно расширяющейся программы реформ, как одно из средств предупреждать насильственную и гибельную революцию, а классы, не представленные в парламенте, познали себя, оценив свою силу и свою слабость». Относительно урока, извлеченного из истории чартистского движения буржуазным классом, можно с автором, пожалуй, согласиться, если толковать слово «реформы» в условном смысле, т.-е. не как действительные реформы, а как минимальные уступки рабочему классу. Самосознание же рабочим классом как раз и не было достигнуто; совершенно, напротив, он растерял в последующий период весь запас самосознания, который он накопил во время борьбы за чартер, и стал сознавать себя лишь через очки правящей буржуазии. И по сей день он не знает ни своей силы, ни своей слабости, и поступает как раз так, чтобы оставаться в перманентном бессилии. Мы не можем так оптимистически смотреть на исход чартистского движения, как Слоссон, который, хотя и обнаруживает больше знаний и научной основательности, чем его коллега по семинарию, Розенблатт, все же не оказался на высоте своей задачи.

Все три автора, которых мы до сих пор разбирали, писали в Америке и издали свои работы в один и тот же год. В это же время писали свои книги и другие два автора, упомянутые в заголовке, но уже в Англии, и книги их вышли после войны—одна в 1918 г., а другая—в 1920 г. Оба эти автора были молодые писатели, и выпущенные ими книги были, повидимому, их первые научные труды. Но оба они не дожили до выхода их: Ховель погиб на войне в качестве офицера, а Вест умер в санатории в Англии. Ховель был до этого лектором по истории рабочего движения на рабочих курсах, устраивавшихся небезызвестной «Workers' Education Association», руководимой буржуазными университетами и рабочими вождями типа Гендерсона, и около года работал у Лампрехта в Лейпциге, а Вест, сын русского старожила в Лондоне, был журналист и фабианец, в качестве какового он дважды посетил Россию (в начале войны и в начале октябрьской революции) и стал яростным противником большевиков, а затем был некоторое время «агентом пропаганды» английского правительства в Швейцарии. Совершенно очевидно, что ни у того, ни у другого не было политических данных для работы по истории чартизма: оба они были ярко выраженные противники революционной идеологии и революционной борьбы, при чем Ховель не успел даже

подготовить своей работы к печати, и книгу пришлось издавать по его черновикам и заметкам, с собственными дополнениями в виде целой, заключительной, главы, обнимающей весь период движения, начиная с 1842 до 1848 г., его учителю, манчестерскому профессору Тауту (Tout), а Вест был типичный английский журналист из школы, известной в Англии под именем «smart», который с большим невежеством соединял бойкость и развязность при трактовании самых разнообразных тем, от рабочего движения до логики Милля. Что заставило их взяться за такое большое дело, как история чартизма, трудно сказать, но то обстоятельство, что целый ряд лиц в Америке и Англии занялись одновременно этой темой, указывает на присутствие особенного стимула в тогдашней атмосфере, которая характеризовалась огромным подъемом рабочего движения в Англии, сотрясавшим самые основы английского буржуазного общества и обращавшим на себя внимание всего мира. Возможно, что внезапно выступившая перспектива социальной революции создала интерес к тому движению, которое семьюдесятью годами раньше грозило капиталистической Англии той же опасностью.

Кто знаком с характером преподавания на курсах упомянутой «Ассоциации», тот не будет удивлен отношением Ховеля к чартистскому движению. Он правильно оценил его как «возмущение рабочего класса против нестерпимых условий существования» (стр. 1), но поучает, что, по «недостатку политической опытности, чартисты, как деятели 1789 г. во Франции, слишком преувеличивали благодетельное значение логически придуманной демократической машины» (стр. 3), ибо есть и другие силы, действующие против демократии, помимо несовершенства политического аппарата, а именно: «невежество, пороки и феодально-аристократические традиции» (стр. 3). Что Ховель не упоминает среди перечисляемых им «сил» также и капиталистический строй, весьма характерно, и столь же характерно, что он вводит «моральные» препятствия, которые он, естественно, приписывает рабочему классу, как это видно из контекста. Он находит, что чартизм мог явиться лишь в тот конкретный период хозяйственной ломки, когда «невежество допускало процветание многочисленных злоупотреблений» в индустрии, когда еще не было, как сейчас, «здорового общественного мнения, которое влияло бы с некоторой силой на экономические отношения», и когда поэтому «среди рабочего класса возникали примитивно-грубые идеи классовой борьбы» (стр. 9). При такой точке зрения совершенно понятно, что для Ховеля весь период чартизма должен был оставаться непонятным и, по существу необъяснимым эпизодом. У него, напр., оказывается, что «реформированный» парламент, т.-е. парламент, который издал драконовские законы против рабочих коалиций, приведшие к знаменитому аресту и ссылке в каторжные колонии шести дорчестерских рабочих, который в то же время вооружил буржуазию, отдав в ее распоряжение городские управления, а с ними и полицию, который заполнил судейские скамьи вигами-фабрикантами, который провел великий акт экспроприации трудящегося народа под предлогом и под фирмой реформы закона о бедных, который, словом, выявил такое откровенно капиталистически-плутократическое лицо, что всколыхнул всю рабочую Англию,—этот парламент, оказывается, «не лишен был сочувствия (к рабочим бедствиям): он дважды, в 1834 и 1838—40 г.г., устраивал анкеты, но не мог придумать средства лечения, хотя действительно понимал, в чем заключалась болезнь» (стр. 16). Для такого историка, который не видел, как сам парламент, в его новом облике, преподал рабочему классу ряд предметных уроков классовых

противоречий, чартистское движение должно было остаться книгой за семью печатями. Не удивительно, что от начала до конца его отношение к чартизму самое отрицательное. Он был для него восстанием невежественных рабов, и в сущности ничем больше. С наивностью, прямо поразительной даже в буржуазном писателе, он на всех стадиях чартистской борьбы, во всех ее перипетиях, становится безоговорочно на сторону не только капиталистов, но и правительства,—правительства, которое отличалось особой, холодной и обдуманной жестокостью по отношению к рабочему классу, которое с исключительной беззастенчивостью пользовалось услугами шпионов и провокаторов в борьбе с чартистским движением и которое сотнями и чуть ли не тысячами арестовывало и гноило в тюрьмах и каторжных колониях лучших и благороднейших вождей рабочего класса. Конечно, эти вожди изображаются им, без исключения, в самом неприглядном свете, как демагоги, невежественные болтуны и пр. Особенно, конечно, достается О'Коннору, этому классическому bête noire всех буржуазных историков. Единственно Ловетт вызывает у него не только одобрение, но и восторги, ибо Ловетт, как известно, был родоначальник всей соглашательской породы, которая под разными именами и масками дожила до наших дней. Когда в 1841 г. Ловетт выступил с новой организацией, направленной против чартистской, Ховель возмущается поведением «Northern Star», которая нападала на него тем яростнее, «чем больше приличная пресса хвалила его манифест»; в конце концов, Ловетт, «не нашедши поддержки в чартистских рядах, должен был все более и более искать поддержки у буржуазии..., и таким образом чартистская масса лишилась идеалистического фермента» (стр. 235—6). И это был лектор по рабочему движению на рабочих курсах, находящихся еще и поныне под покровительством коллегии из представителей буржуазной науки и... трэд-юнионов!

Вместе с тем надо признать, что Ховель был человек способный, и его книга не лишена научных достоинств. Она хорошо документирована и интересно написана. В коротенькой первой главе он резюмирует историю парламентской реформы со времени великой революции XVII столетия, а затем в двух главах дает интересную картину положения рабочего класса — в частности, двух категорий: ткачей-кустарей и чулочников — в тридцатых годах, когда разразилась «реформа» закона о бедных, и краткое изложение «анти-капиталистической экономики», как он это называет, того времени, т.-е. учений Спенса, Огильви, Хола, Грея, Томсона, Годскина, Оуэна, Брея и др. Эти две главы—не только самые интересные во всей книге, но и единственные, посвященные социально-экономическому объяснению чартистского движения. По мнению Ховеля, упомянутые две категории и были «наиболее горячими приверженцами чартизма» и самими чартистами «рассматривались как мученики экономической системы и живые иллюстрации неизбежной тенденции ее,—как страшный пример для всего рабочего класса». Ховель хотел этим сказать, что чартизм был движением не фабричного пролетариата в собственном смысле слова, а разорившихся кустарей и ремесленников—«ручных рабочих», преимущественно в бумаготкацкой (менее в шерстяной) и чулочной промышленности,— мысль правильная и плодотворная в том смысле, что чартизм вообще был движением рабочего класса переходного периода, что в тех отраслях, в которых фабричная система была уже в полном ходу и рабочие уже успели основательно свариться в фабричном котле (как, напр., в бумагопрядильной), трэд-юнионизм и движение за сокращение рабочего дня уже успели стать преобладаю-

щими формами организации и борьбы, но что рядом с этими существовал еще целый ряд других отраслей промышленности, как горная и металлургическая, где производства на дому ремесленным способом никогда и не было, которые также переживали острый переходный момент и выделяли массовые контингенты для чартизма. Если мысль Ховеля, таким образом, правильна лишь условно, то она тем не менее оригинальна и заслуживает внимания. Разработал он ее очень хорошо на основании парламентских отчетов того времени, к которым исследователи весьма мало прибегали со времени Маркса. Приходится лишь жалеть, что реакционный уклон его мышления заставляет его формулировать свой вывод в следующих нелепых словах:

> «Эти элементы—вследствие недовольства, порожденного воспоминаниями о лучших днях, в силу своего невежества и ввиду отсутствия надежды на улучшение—и стали легкой добычей для революционной литературы, свободно распространявшейся в их среде» (стр. 22).

Менее удачна глава об «анти-капиталистической» экономике тогдашних радикальных и социалистических школ. В особенности учение Оуэна очерчено весьма слабо, и он не делает для него исключения, когда формулирует основную черту тогдашних теорий как «реакцию в сторону земледелия и земли и тенденцию рассматривать рост крупной индустрии как нечто неестественное, ненормальное и опасное». Он разделяет мыслителей того времени на три школы: одну, преимущественно аграрную, выражавшую протест против «огораживаний» (Огильви, Спенс и Пэн), другую — критико-анти-капиталистическую (Хол, Годскин, Грей, Рэвенстон и Годвин) и третью — коммунистическую (Оуэн, Томсон и Брей). Про Спенса он говорит, что он популяризировал «ту фанатическую и неразмышляющую ненависть к поземельной аристократии», какая царила в радикальных и социалистических кругах того времени; наоборот, о Томсоне и Брее он говорит, что они дали «мастерскую критику буржуазной экономики, которая, взятая совместно с идеями Хола и других, предварила во всем существенном Маркса» (стр. 31). Он правильно указывает на Рикардианский источник многих тогдашних социалистических учений и с некоторой наивностью прибавляет: «Новейшие экономисты сочли нужным изменить или отвергнуть посылки Рикардо, которые дали повод к таким необычайным и превратным выводам» (стр. 39), ссылаясь, как на пример, на божка фабианцев, проф. Маршала. Дело в том, объясняет он, что хотя Рикардо и делает некоторые оговорки в своей теории ценности и упоминает такие факторы как время, риск, норма прибыли и качество труда, но он не связывает их вместе и «тем дает поверхностному читателю повод думать, что они не имеют значения по сравнению с великим фактором труда» (там же). Несмотря на это оригинальное толкование Рикардо, Ховель дает приличное резюме учений Годскина, Брея и других социалистических теоретиков того времени.

В дальнейшем Ховель излагает историю чартистского движения, останавливаясь подробно на «Лондонской Ассоциации Рабочих» и деятельности Ловетта, на роли бирмингамских политиков и банкиров и, через историю конвента в Лондоне и Бирмингаме, ньюпортское «восстание» и последовавшие правительственные репрессии, доводит свой рассказ до подачи второй петиции летом 1842 г. Ховель излагает очень хорошо, базируется сплошь на хороших источниках, но совершенно не в состоянии

объективно относиться к изображаемым им событиям, превращая свою историю в сплошной пасквиль против О'Коннора и всех, более или менее заподозренных им в пристрастии к «физической силе». Нам пришлось бы переписывать целые страницы, если бы мы пожелали привести образчики этого оригинального метода историографии. Ховель повторяет все глупости и сплетни, которые тогда писались о чартистских деятелях, не останавливаясь перед донесениями шпионов и провокаторов и употребляя полицейские термины, вроде «крамолы» и «бунта», для характеристики выступлений чартистов. В таком стиле и с такой точки зрения мог бы писать историю чартистского движения сам лорд Джон Россель.

Политические, а тем более научные данные Веста в роли историографа были еще ниже. И в предисловии редактора, м-ра Сквайра, тогда редактировавшего известный фабианский еженедельник, «The New Statesman», и в самом тексте Веста с большим триумфом указывается на сделанное последним открытие новых материалов по чартистскому движению в виде неизвестных дотоле коллекций Фрэнсиса Плэса, которые были упрятаны в загородном помещении Британского Музея. Из того, что Вест цитирует из этих материалов, не видно, чтобы они представляли большую ценность; во всяком случае из выносок, которые делает в своей книге Ховель, видно, что они были уже известны и ему. Вест и не заботится о каком-либо экономическом и социальном фоне для своей истории. Нигде у него нет ни описания промышленной революции и отражения ее на судьбах трудящихся масс, ни указаний на значение парламентской реформы 1832 г. или произведенных новым парламентом «реформ», и все дело сводится у него к бойкому журнальному изложению—с пробелами и неточностями—хода чартистского движения. Он дает большую вводную главу о движении за парламентскую реформу до 30-х годов, затем историю агитации радикальных и рабочих элементов за самый билль о реформе, затем описывает историю возникновения «Лондонской Ассоциации» и чартера, затем переходит к конвенту, к периоду репрессий, к «диктатуре» О'Коннора (у Ховеля на этом месте имеется также особая глава под заглавием: «О'Конноризм») и т. д. до 1848 г., где рассказ благополучно доводится до конца. Точки зрения его и Ховеля замечательно совпадают, но в то время как Ховель яростно нападает, Вест изливает ушаты своего остроумия. Вот образчики грациозного подхода Веста к своей теме. «Английские политические движения, повидимому, предпочитали выбирать местом своего рождения какую-нибудь таверну» (стр. 34); «рабочие клубы дискутировали вопросы о годичных парламентах и всеобщем избирательном праве в воздухе, насыщенном пивом и дешевым табаком» (стр. 33); «новый закон о бедных весьма не понравился рабочему классу и был предметом обильной ругани со стороны «Poor Man's Guardian» (стр. 65); «организованный рабочий класс (на другой день после реформы 1832 г.) очутился в положении дикого племени, который со значительными потерями для себя овладел чудотворным идолом и нашел, что это—совершенно бесполезный чурбан» (стр. 67); «Фергюс О'Коннор обладал большинством достоинств большого демагога и всеми недостатками политика низкого пошиба» (стр. 84); «Три месяца спустя (после опубликования чартера) у неудержного Гарни стала показываться опасным образом пена у рта» (стр. 96) и т. д. Иногда Вест старается быть серьезным, и вот что у него получается:

> «Главным результатом «Петерлоо», как эту историю окрестили, было то, что реформаторы всех оттенков слились в один неописуемый конгломерат. Виги-радикалы, зачаточные чартисты, социали-

сты, спенсеанцы и самые утопические мечтатели были вынуждены, в интересах самосохранения, связаться вместе. Поныне сохранилось сожительство социалистов с чартистами. Всеобщее избирательное право, постоянный пункт в социалистических программах, берет, очевидно, свое начало с того времени, когда избирательное право и свобода считались синонимами. На деле же можно с уверенностью сказать, что социализм меньше выиграет от дарования всеобщего избирательного права для всех взрослых, нежели другие партии» (стр. 36).

Или:

«То, что Оуэн не верил в политическую эволюцию, как мы сейчас понимаем эту идею, заставляло его смотреть на создание политических обществ точно так, как его современники смотрели на создание животного мира. Общество, как слон, вступало в мир по велению высшей власти. Идея времени, как фактора, необходимого для устойчивости политических изменений, не родилась еще..., и чартисты разделяли этот недостаток чувства времени. Этим объясняется их нетерпение, их вера в то, что всеобщее избирательное право мгновенно произведет огромные радикальные перемены» (стр. 45).

Весту, конечно, не приходило в голову поучать, хотя бы задним числом, вигов, которые добивались и добились в 1832 г. власти: эту философию времени как фактора эволюции он, повидимому, приберегал для чартистов и бедных большевиков.

Как образчик его собственного исторического метода можно привести следующую цитату по поводу приезда Маркса в Лондон в 1847 г.:

«Из предыдущего видно, что участие О'Коннора в новом интернационализме было скупо и почти недобровольно. Для Энгельса и Маркса это было, повидимому, предметом сожаления. Предвидя события 1848 г., они рассматривали чартистское движение, как организацию пролетариата, численно не превзойденную в других странах и нуждавшуюся лишь в дозе республиканизма, чтобы занять место, возможно, во главе грядущей европейской революции. О'Коннор более, чем кто-либо другой, мог удовлетворить их желаниям и произвести обращение английского рабочего из домашней в интернациональную политическую веру. И так как О'Коннор не хотел притти к Энгельсу и Марксу, то Энгельс и Маркс пришли к О'Коннору» (стр. 233—4).

Сказанного достаточно, чтобы судить о книге Веста. Даже там, где он, по существу, оказывается прав (как, напр., в оценке ньюпортского эпизода, который, конечно, не был восстанием, как его окрестила полиция Росселя, а с ее легкой руки и вся реакционная школа историков), он умудряется своим легкомыслием подорвать к себе веру, как человеку, который составил себе суждение на основании серьезного изучения вопроса, а не просто брякнул первую попавшуюся ему на ум или подсказанную ему его реакционными симпатиями мысль.

В общем, первую попытку англичан взяться за историю чартистского движения надо признать неудачной в высокой степени. Non tali auxilio nec defensoribus istis! — не с такими данными, какие отличают современных молодых ученых Англии,—большей частью, фабианцев, воспитанных на глубочайшем презрении к рабочему классу,— можно написать историю такого грандиозного явления в истории Анг-

лии и рабочего класса вообще, как чартистское движение. Нужно быть и серьезным ученым, и серьезным марксистом-революционером, чтобы справиться с такой трудной темой, а такой тип в современной Англии еще не созрел. Вне Англии же писать такую историю вообще невозможно, и поэтому мы вряд ли ошибемся, если скажем, что, несмотря на возможные в близком будущем попытки, мы вполне удовлетворительной истории чартизма не скоро дождемся.

Ф. Ротштейн.

РЕЦЕНЗИИ.—I. ФИЛОСОФИЯ

МАРКС И ГЕГЕЛЬ

H. Wendorf, Dialektik und materialistische Geschichtsauffassung («Historische Vierteljahrschrift», XXI Jahrgang, 1922—1923, 2 H., S.S. 139—175).

Bückling, Die Elemente der Hegelschen Geschichts-und Rechtsphilosophie im Marxismus («Schmollers Jahrbuch», 43 Jahrg., 3 H., S.S. 173—200).

Iven Helander, Marx und Hegel. Eine kritische Studie über sozialdemokratische Weltanschauung. Jena 1922. S.S. 84 (Перев. с шведского).

Если не считать с одной стороны Маркса и Энгельса, а с другой—группу доживавших свой век эпигонов, то можно сказать, что гегелевская философия была предана забвению в истории мысли прошлого столетия уже через два десятка лет после смерти ее творца. Маркс недаром называл себя учеником Гегеля. Но непосредственные его ученики и преемники в борьбе за марксизм не восприняли этой стороны его гения. Для идеологов II Интернационала, исключая лишь одного Плеханова, гегелевская логика оставалась книгой за семью печатями, чуждой современности. Теперь мы можем констатировать, что этот период прошел. Переживаемая нами эпоха неслыханного роста производительных сил человеческого общества, мировых войн и ожесточеннейшей классовой борьбы требует отыскания такой методологии, которая могла бы помочь осознанию ее динамики. И, может быть, одно из знаменательнейших явлений нашего времени—развитие особого интереса к системе Гегеля. Небывалым еще в истории является хотя бы тот факт, что гениальный вождь революции предлагает сотрудникам одного из боевых теоретических журналов превратиться в кружок по изучению гегелевской диалектики [1]).

Революционный марксизм в своей методологии обращается [2]) к Гегелю, как учителю Маркса.

Но в Гегеле было две души—логик и метафизик. Гегеля-логика питал опыт великой французской революции, Гегеля-метафизика—отсталое немецкое общество, царство «добродетели и обычного течения жизни» начала XIX века. Наследниками Гегеля-логика были младогегельянцы и Маркс, Гегеля-метафизика—правое крыло его школы. Маркс, это—Гегель-логик, поставленный на ноги и прошедший школу французского социализма и английской политической экономии. Но если марксизм питался и продолжает питаться этой стороной гегелевского гения, то вполне естественно, что его враги в борьбе с ним стремятся использовать другую сторону, Гегеля-метафизика. Под флером борьбы за различное понимание Гегеля, Гегеля против Гегеля, скрывается борьба различных мировоззрений и различных классов.

---

[1]) Ленин—журналу «Под Знаменем Марксизма»: «Группа редакторов и сотрудников журнала «Под Знаменем Марксизма» должна быть, на мой взгляд, своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики» («Под Знаменем Марксизма», 1922, № 3, стр. 10).

[2]) Это вовсе не обозначает, что изучение Гегеля может открыть какую-то новую эпоху в марксизме или привести к какому-либо новому пониманию марксистской диалектики (ср. Лукача и др.).

* * *

Все три разбираемые нами работы ставят себе одну и ту же цель—противопоставляя Гегеля Марксу, в то же самое время, в положительной части, указать в марксизме такие элементы гегельянства, которые лишали бы марксизм *научного* значения и превращали бы его в метафизическую конструкцию.

Наибольшее число стрел критиков марксизма направляется по адресу революционной диалектики. Тайну этого внимания к ней разоблачает первый же реферируемый нами автор—г. Вендорф. Он исходит из необходимости, при рассмотрении проблемы Маркса-Гегеля, изучить, *в какой форме само гегельянство влияло на Маркса*. Маркс не был непосредственным учеником Гегеля. Он усваивал Гегеля из вторых рук, в кружках левых гегельянцев. Центральным пунктом левогегельянской философии была *диалектика*. Несмотря на критическое отношение к ней Бернштейна и др., в современном марксизме она остается признанным законом жизни, либо всей в целом (Плеханов), либо общественной жизни в ее становлении к высшим формам (Макс Адлер). И так как это имеет, говорит г. Вендорф, *не только научно-теоретическое значение, но влечет за собой и практические требования огромной силы*, то автор и задается целью исследовать, какова действительная связь этого учения с гегелевской философией и не делается ли при этом из последней грубого злоупотребления.

Надо различать троякого рода диалектику: 1) метод философствования, 2) закономерность субъективного мышления, 3) порядок вечных определений мировой целостности (Welttotalität). Тот факт, что у Гегеля диалектический закон имеет значение не только для субъективного мышления, но и для мира объектов, основывается исключительно на сущности гегелевского панлогизма, на том, что в его философии субъект и объект обладают одной и той же природой; объект есть абсолютное, духовное, разум. Гегелевское понятие развития не имеет современного, натуралистически-дарвинистского смысла. В гегелевском смысле развитие не происходит во времени, а есть скорее вневременное, чистое движение понятия, развертывание заранее уже данного в нем содержания. Поэтому диалектика оказывается неприменимой к конкретной истории. Гегель и не укладывал историю в прокрустово ложе своей диалектической схемы. По Вендорфу он нигде в своей «Философии истории» не следует ей. Один народ не есть отрицание другого. История есть лишь прогресс в сознании свободы—от свободы одного (восток) через свободу нескольких (античность) к свободе всех (христианско-германский мир). В основе гегелевской философии истории лежит различие между историей, лежащей в основании идеи, и внешним проявлением этой идеи, составляющим эмпирическую, конкретную историю. Диалектична только первая. Диалектическую противоположность составляют, таким образом, всеобщий дух, с одной стороны, и его реализация в определенной исторической действительности, с другой. «Таким образом мы приходим к заключению, что гегелевская историческая диалектика не есть закономерность причинной связи исторического мира явлений. Она не есть принцип, который может быть привнесен для упорядочения области эмпирического, исторического исследования. Она есть скорее существенная составная часть гегелевской метафизики, которая имеет смысл и значение лишь с точки зрения его философии и только с ней» (158).

Младогегельянцы преобразовали гегелевскую философию истории

в двояком отношении. Идея была низвергнута со своего трона, и народный дух лишен метафизического характера. Он стал пониматься в реалистическом смысле суммы духовных сил народа. Гегелевское понятие развития сменилось рационалистическим понятием прогресса. Идея исторической диалектики оказалась связанной с политической борьбой, потеряла старое гегелевское значение. Общество было разбито на две противоположные, друг друга отрицающие силы — официально-признанную современность и сумму прогрессивных сил народа, несущую новые формы и новое содержание общественной жизни. Отпечаток этого построения мы находим и в историческом материализме. Задачей философии истории становится определение будущего. Еще в 1838 году некто Чешковский (Cieszkowski) выпустил книгу «Prolegomena zur Historiosophie», в которой давал новую диалектическую схему истории: древность, христианско-германский мир и, в качестве синтеза, будущее. О ней одобрительно отзывался Фрауштедт в «Галлеских летописях» (1839). Грядущая марксова схема—феодализм, буржуазия и пролетариат—уже витала в воздухе. Но в ней нет ничего от Гегеля, так как нет единого духа, осуществляющего диалектическое развитие понятия.

Теория исторического материализма у Маркса не была результатом конкретного исторического исследования. В противном случае было бы непонятно столь быстрое ее создание в промежуток между «Рейнской Газетой» и «Немецко-французскими Ежегодниками». Толчок к ней Маркс получил от Гегеля, но, не постигнув гегелевской системы, гегелевскую диалектику он превратил в пустую схему, форму без содержания, подчиняющую все вещи в природе и обществе строгой закономерности. Но при наличии этого пустого скелета формы тем скорее вокруг него могло создаться новое содержание, когда Маркс на Рейне познакомился с классовой борьбой и через книгу Л. Штейна—с французским социализмом.

Итак: марксово социальное учение, рассматриваемое, как учение о закономерности развития общественной жизни, не есть возникшая индуктивным путем система, а философская конструкция. Маркс взял один обломок гегелевской философии—диалектику, приспособил ее к себе, но не доказал ее как закон исторического становления. Эта диалектика приобрела у Маркса, воспринявшего ее в левогегельянских кругах, такую форму, что она оказывается решительно несоединимой с духом и точным текстом гегелевской системы. И лишь тем, что не были указаны до настоящего времени источники марксистской диалектики, объясняется, что вместе с тем до сих пор не была достаточно убедительно показана недостаточность философского обоснования исторического материализма.

Мы склонны думать, что эта неблагодарная задача не разрешается исследованием г. Вендорфа. Прежде всего неверно, что Маркс познакомился с Гегелем из вторых, левогегельянских рук. Мы имеем документальные доказательства основательнейшего изучения Марксом непосредственно гегелевских истории философии, философии права, феноменологии духа и логики. Тот факт, что Маркс в части склонялся к левогегельянской трактовке Гегеля, еще вовсе не доказывает, что эта трактовка неверна. Маркс вполне ясно различал Гегеля-метафизика и Гегеля-логика. В критике первого он исходил из Фейербаха. Но если Гегель представлял тезис, а Фейербах—антитезис к нему, то Маркс представлял их синтез. В чем идеализм Гегеля? В том, что у него логическое-идеальное предшествует логическому-реальному. Логика понятия лежит в основании развития природы и общества в то время, как, наоборот, у Маркса развитие природы и общества лежит в основании отражаемой им в человече-

ском сознании логики понятий. Поэтому и в философии истории гегелевский идеализм приводит к тому, что в основании действительной истории оказывается история идеальная. Задачей гегелевской логики было преодолеть противоположность идеального и реального, материи и духа, охватить их в одной системе. Но эта задача оказалась неразрешимой на почве абсолютного идеализма. Построить подлинно монистическую систему возможно только на основе материализма. Эту задачу и разрешил Маркс. Гегелевская диалектика собственно и заключается в отрицании абсолютных противоположностей. В ней неразрывны форма и содержание, внутреннее и внешнее. Гегелю-идеалисту не удалось провести до конца свой метод в области истории. Несмотря на всю борьбу Гегеля против отрыва идеи от действительности, поскольку в основу действительной истории было положено развитие идеи, она оказалась внеисторическим и надъисторическим фактором. Лишь у Маркса действительная, конкретная история превращается из образа и простого орудия духа в его художника. Но это вовсе не устраняет диалектической закономерности ее развития.

В корне неправильно, как это делает Вендорф, рассматривать гегелевскую логику-диалектику, как нечто, приложимое к области понятия и духа, но неприложимое к эмпирической действительности. В логике в абстрактном виде, как в царстве теней, Гегель рассматривает те же самые категории, которые лежат в основе действительности, природы и общества. Поэтому весь поход г. Вендорфа против исторического материализма, как недостаточно философски обосновывающего заимствованную им у Гегеля диалектику, следует признать покушением с негодными средствами.

Еще более неудачной является его попытка своеобразного построения марксова развития—скелет заимствованной у Гегеля диалектической формы наполняется у Маркса чуждым ей классово-социалистическим содержанием. Уже в гегелевской философии права и в его понятии гражданского общества мы имеем некоторые элементы марксовской теории (см. статьи А. М. Деборина «Маркс и Гегель» в журнале «Под Знаменем Марксизма» за 1923—1924 г.г.) Гегелевский метод явился для Маркса не внешней формой или пустым ее скелетом. Гений Маркса в том и заключался, что он нашел материальное оружие философии, точно так же как пролетариат через него нашел в философии свое духовное орудие [1]). Не пустой формой и не мертвым скелетом, а живой душой марксовской системы была его диалектика.

* * *

Г. Бюклинг исходит из несколько иных, чем Вендорф, положений. Он понимает, что в основе и гегелевской и марксовской философии одинаково лежит отрицание противоположности бытия и мышления, при чем, если для Гегеля в основе мира явлений лежат определения мышления, то для Маркса мышление есть не что иное, как отражение бытия. Но если это так, и законы бытия и мышления у Маркса идентичны, то отсюда г. Бюклинг делает тот вывод, что общественно-историческая действительность должна рассматриваться им, как результат слепого механического взаимодействия атомистических сил. Говорить о специфических

[1]) Введение к критик гегелевской философии права. *Маркс и Энгельс*, Собр. сочинений, т. I, стр. 381. И дание Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

общественных законах развития марксизм не может, так как по отношению к эмпирическому материалу они всегда должны носить трансцендентальный характер. Такой характер именно и носит, по мнению Бюклинга, теория в высокой степени рационального развития экономической жизни общества, подчиняющего себе отдельных индивидов и лежащего в основании конкретной истории, какой является марксизм Г. Бюклинг делает против нее двоякого рода возражения. Развитие техники и экономических форм должно иметь основанием способность человека к развитию и быть, в силу своей высокой степени рациональности, разумным и духовно-творческим. Во-вторых, в жизненном процессе оказывают на его ход не меньшее влияние, чем экономические условия, и не менее чем они необходимы, право и т. д. В первых своих произведениях Маркс собственно и исходил не из экономики, а из человека во всей совокупности его сил. Бюклинг рисует следующую схему развития Маркса:

I. Тезисы о Фейербахе.	2. Общественное бытие.	
	3 Сознание.	
II. Нищета философии.	1. Экономические отношения.	
	2. Гражданское законодательство.	
III. Там же.	Человек.	
	1. Производ. силы и способ производ.	
	2. Общественные отношения.	
IV. Коммунистический Манифест	3. Принципы и идеи.	
	2. Обществ. наличное бытие.	Материальное производство.
	3, Сознание—Дух.	Духовное производ.
V. К критике полит. экономии.	1. Прозвод. отношения или эконом. структура.	Способ производства матер. жизни.
	2. Юридическ. и полит. надстройки.	
	3. Формы обществен. сознания.	Социальн. и духовн. жизн. процесс.

На второе возражение г. Бюклинга мы не собираемся ничего возражать, так как в нем он повторяет давно уже опровергнутое возражение Штаммлера. Что же касается невозможности для марксиста устанавливать законы исторического развития и их трансцендентального характера, то стоит лишь снять кантианские очки, чтобы убедиться, насколько это неверно. Прежде всего, нельзя отождествлять, с точки зрения марксизма, законы естественные и общественные. Специфические особенности общественной среды отражаются на ее категориях. Общественное развитие складывается не из механического взаимодействия атомистических общественных сил, а покоится на развитии производительной силы коллективного человеческого труда. Но это вовсе не означает кем-то предустановленной рациональности и разумности этого процесса. До сих пор он происходил и все еще происходит независимо от воли ставящих себе те или иные цели индивидов, классов и групп. Сколько раз человечество отступало на своем историческом пути, и было бы смешным выискивать, насколько оправдались все издержки этого движения. Еще и еще раз надо повторять, что марксизм не ищет в истории кем-то извне вложенных в нее и независимо от людей осуществляющихся в ней целей. Идеальная история существует лишь в голове ее творцов.

* * *

В произведении г. Геландера необходимо резко различать две части—первую, в которой автор устанавливает некоторые интересные параллели между учениями Маркса и Гегеля, и вторую—«критическую».

Исходным пунктом своего исследования наш автор считает то устанавливаемое им положение, что Маркс занимался не историей, а философией истории. В ней, и во всей своей системе, Маркс находился в сильнейшей зависимости от Гегеля. Но если результатом гегелевской философии было признание действительности разумной, то еврейский (?) критик Маркс признает ее неразумной и хочет достичь абсолютной свободы индивида и совершенного общества, следуя в этом Канту и Фихте. Но все же у Гегеля Маркс находит в зародыше целый ряд элементов своего мировоззрения: теорию классов и гражданского общества, теорию концентрации и обнищания («поляризация гражданского общества»), разную трактовку понятия ценности в сфере абсолютного права и в гражданском обществе (сравнить первый и третий томы «Капитала»), поиски всеобщих количественных ее определений и т. п. Однако все эти элементы Марксом истолковывались своеобразно. Они служили некоторой политической цели — быть обоснованием пролетарского мировоззрения. Марксов материализм есть материализм пролетарский. В этом и заключается великое открытие г. Геландера. «Маркс видит все красным сквозь пролетарские очки»,—свидетельствует он. Нельзя сказать, чтобы столь помпезно провозглашаемое открытие было чрезвычайно... новым. Еще менее новым является тот вывод из этого, что так как система Маркса имеет своей единственной проблемой пролетариат, — она не научна. Мало того, Г. Геландер хочет доказать, что она, будучи призвана быть идеологией социал-демократии, и ею ныне не является. Современная социал-демократия не социал-демократична—вот тезис г. Геландера. Но если г. Геландер основную долю тех миллионов, которые идут за марксизмом и из-за которых он берется за перо, видит в социал-демократии—он безусловно прав. Воистину современная социал-демократия живет не в доме Маркса, а лишь по соседству с ним. Да и современных марксистов он с полным основанием мог бы назвать не марксистскими, если для него даже г. Туган-Барановский «ausgeprägter Marxist».

Дух Маркса уже отлетел от современной социал-демократии. Но он живет в груди тех подлинных миллионов пролетариев, которые в наши дни под знаменем революционного марксизма борются за коммунизм.

Нам незачем также особенно долго останавливаться на этом противопоставлении пролетарской точки зрения и научности. Точка зрения того или иного класса только тогда может быть осуществлена в действительности, когда она в той или иной степени постигает законы этой действительности. Пути науки и пути класса расходятся лишь тогда, когда сам класс закатывается. Менее всего это применимо к юному Гераклу наших дней—пролетариату, который скоро на свои плечи поднимет мир.

Гегель есть ключ ко всякой критике Маркса, говорит г. Геландер. Но он есть скорее ключ ко всякому его пониманию. Выражаясь гегелевским языком, мы можем сказать, что Маркс есть истина Гегеля и его метода. Буржуазная философия, выдвигая существующие между ними связи и возвышаясь лишь до отдельных более или менее остроумных догадок об их отношениях, оказывается бессильной понять действительное, методологическое влияние одного на другого. Она пытается либо противопо-

ставить Марксу, часто искаженному, искаженного же Гегеля, либо перенести на марксизм метафизические элементы гегелевской системы. Но еще Плеханов на закате своей жизни писал: отрицание абсолютного ведет свое начало от Гегеля. «В своей «маленькой» логике гениальный немецкий идеалист с высоким красноречием изображал непобедимую мощь диалектики, которая все зовет к своему суду и перед кот рой ничто устоять не может. Она все отжившее осуждает на гибель во имя дальнейшего движения. Таким образом, уже у Ге еля—поскольку он продолжал держаться своей диалект ческой точки зрения—не осталось ничего безусловного (абсолютного), кроме самого хода диалектического развития, этой бессмертной смерти или, что одно и то же, вечного возрождения» [1]). Гегелем завершился идеализм и в нем же он нашел орудие сво его отрицания. Это орудие —диалектика—и есть подлинное наследство идеалистической философии. Используя его в этом смысле, Маркс был учеником Гегеля и «наследником немецкой классической философии».

Ник. Карев.

---

[1]) *Г В. Плеханов*. Год на родине. Т. II. Париж, 1921.

КАНТ ИЛИ МАРКС?

Karl Vorländer, Kant und Marx. Ein Beitrag zur Philosophie des Socialismus. Tübingen 1911, SS. VIII + 293.

Karl Vorländer, Kant, Fichte, Hegel und der Socialismus. Berlin, 1920, SS. 104.

Karl Vorländer, Marx, Engels und Lassalle als Philosophen. Stuttgart, 1921, SS. 84.

Карл Форлендер—неокантианец; это его качество оставляет в глубоком равнодушии социалиста любой страны. Карл Форлендер—профессор философии; это его звание способно пробудить интерес к его философским построениям лишь в ограниченном кругу специалистов. Карл Форлендер—член социал-демократической партии, теснее всего связанной с заветами К. Маркса и Ф. Энгельса; эта его партийность в связи с предыдущим должна заставить насторожиться всякого убежденного марксиста. Карл Форлендер—официальный философ германской социал-демократии, ему было поручено руководящими органами партии написать книгу «Философские основы социализма»; эти его полномочия не могут не привлечь к нему внимания всякого, кому дороги теоретические основы научного социализма, кто привык видеть в стройном и цельном здании марксизма единственно научную точку зрения, кто не считает возможным растворять сталь марксизма в кислоте неокантианства.

Карл Форлендер—*упорный* противник марксизма. Его первые работы по «выправлению» марксизма могут справлять уже четвертьвековой юбилей. Сведение Маркса к Канту превратилось у Форлендера давно в своего рода praeterea censeo, бесконечно и на разные лады повторяемое им в каждой его работе.

Пред нами, кроме его прежней книги «Кант и Маркс», две сравнительно недавно вышедшие брошюры, рассчитанные на широкую читательскую массу и, в первую голову, очевидно, на германскую партийную массу. Одна из них: «Кант, Фихте, Гегель и социализм», как показывает и самое название, задается вопросом, «какие пути ведут через Канта, Фихте и Гегеля к социализму?». Вторая: «Маркс, Энгельс и Лассаль, как философы», преследует, по существу, одну цель: показать, насколько «устарели» философские взгляды Маркса и Энгельса и как они должны быть исправлены по рецепту Форлендера.

Мы вполне сознаем, что стопроцентная объективность невозможна ни в одной научной работе, да она и не нужна; точка зрения автора должна проникать собой любую книгу, хотя бы историко-философского характера, дабы книга не превратилась в сухой канцелярский протокол, лишь констатирующий и фиксирующий факты. Но дело в том, что факты—а в данном случае в качестве таковых выступают теоретические положения мыслителей, в том числе Маркса и Энгельса—требуют рационального, не произвольного с ними обращения. Между тем, в работах Форлендера исследование совершается в согласии со старинной формулой: «ре-

reat mundus, fiat justitia, при чем последняя выступает в своеобразном понимании автора.

Это произвольное обращение К. Форлендера с Марксом и Энгельсом имеет место, конечно, не в грубой фальсификации цитат или в искусственно неправильном изложении, но в тех «критических» замечаниях, которыми автор в изобилии уснащает свое популярное изложение. Своими «критическими» замечаниями К. Форлендер, нередко расшаркиваясь перед основоположниками марксизма, признавая цельность и единство их мировоззрения, хочет это единое и цельное мировоззрение расшатать, указывая на его якобы слабые и устаревшие составные части. У Форлендера—произвольное обращение не с «буквой» марксизма, а более тонкое насилие над «духом» марксизма, желание взорвать его изнутри. Фактически аналогичную этому кантианцу роль в 1908—1909 году играли некоторые русские «марксисты», стремившиеся усовершенствовать марксизм махизмом.

Мы считаем лишним давать в нашей заметке изложение изложения К. Форлендера, но прежде чем перейти к критике его основных воззрений, единственно представляющих интерес, не лишним будет указать на нежелание автора считаться с духом марксизма, на произвольное его обращение с марксизмом. Так, в своей брошюрке «Кант, Фихте, Гегель и социализм», в очерке, посвященном Канту, Форлендер, говоря о формально-этическом характере Кантова социализма, указывая момент долженствования, подчеркивает элементы телеологии у кенигсбергского мыслителя. Желая сблизить возможно теснее Маркса с Кантом, он пишет: «Известная доля телеологии, т.-е. целеполагания, содержится во всяком понимании теории исторического развития. Это имеет место как в биологии, так и в каждой теории истории, которая хочет сделать нам понятным развитие от низших форм существования к высшим; отсюда не исключается и «материалистическое» понимание истории».

Но в то время как для диалектика «целевой» момент марксизма есть один из моментов (в гегелевском понимании этого слова), подчиненных высшему единству причинной связи явлений, для Ф рлендера телеология выступает на первое место, и без нее весь исторический процесс превращается в «безутешное чудовище». (Trostloses Ungefähr), в бесцельную *игру* природы, в «шуточную игру» (Possenspiel), говоря словами Канта из «Спора факультетов», откуда переносит их Форлендер в свою брошюру.

Истина—ничто без путей развития этой истины; цель, результат—ничто без путей, ведущих к этой цели. Для Форлендера же, как раз наоборот, исторический материализм, как логика исторического процесса, есть нечто второстепенное, не заслуживающее внимания; он интересуется только этической целью. Указав на несколько мыслей Канта из «Идеи всеобщей истории», он замечает: «Критический философ рассматривал государственно-общественные отношения не только с этической точки зрения, *к какой мы теперь возвращаемся*».

Это желание протащить формально-этическую точку зрения на социализм заставляет Форлендера своеобразно и произвольно подойти к отрицанию этики Марксом и Энгельсом. Такое воззрение их для Форлендера лишь мелкий, случайный исторический эпизод. В марксовом отрицательном отношении к этике виноваты немецкая спекулятивная философия и «истинные социалисты» тех дней. «Они (Маркс и Энгельс) не хотели больше проповедывать людям выдуманный идеал, но показать, как историческое развитие само приводит к обществу будущего». Если бы, значит, не немецкие «истинные социалисты», то Маркс и Энгельс не ушли бы от этики. Но эту досадную историческую «ошибку» (логическое обос-

нование отказа Маркса от этики Форлендер не хочет видеть) стремится в наши дни исправить Форлендер. Такое стремление и заставляет его не считаться ни с историческим, ни с логическим составом марксизма.

В чем же заключается философия социалиста Форлендера, а вместе с тем и его жизненная задача? Социализм, к которому, по его собственному признанию, Форлендер стремится на-ряду с другими, есть прежде всего нравственное миросозерцание. Социализм не мыслим без этики, и притом построенной на нормативном начале. Историко-эволюционное обоснование социализма (коммунизма,—скажем мы) не имеет ничего общего с его философским обоснованием. Между тем, такое обоснование для социализма необходимо. Философское обоснование идентично в данном случае с этическим обоснованием. Исторический, или—как предпочитает выражаться Форлендер—экономический материализм сам по себе даже не предполагает социализма. Больше того, он находится с идеями социализма «в сильнейшем принципиальном противоречии». «Социализму ни исторически, ни логически, ни в теории, ни на деле не уйти от этики». Словом, если уж Маркс дал историко-экономическое обоснование социализма, то это лишь «содержание», которое само по себе ничто без «образующей» формы. «Форму» же социализма, т.-е. его этическое обоснование, дал на все времена и на все случаи не кто иной, как Кант. Его этическое обоснование не противоречит историческим и экономическим воззрениям Маркса. Кантовский категорический императив спасает дело социализма! Для этого нужно только «дополнить» Маркса Кантом. Если *углубить* и *дополнить* Маркса *этикой*, то мы «даже лучше поняли бы его, нежели он сам себя понимал» (слова Канта о Платоне).

Однако, неверно было бы думать, что Форлендер ограничивает свою роль тем, что к неустойчивому, с его точки зрения, зданию марксова коммунизма подставляет этическую подпорку. При ближайшем рассмотрении оказывается, что марксизм нуждается еще в одном дополнении. У него отсутствует теория познания. Без теоретико-познавательного обоснования (в этом мы согласны с Форлендером) невозможно стройное мировоззрение. Поскольку подобным недостатком страдает марксизм (в этом мы решительно расходимся с ним), постольку он должен быть восполнен теорией познания неокантианцев. Вся беда в том, что Маркс и Энгельс не уразумели самого существенного в кантовском критико-познавательном методе; отсюда все их философские несчастья. Точка зрения Энгельса определенно «схоластична». Он не только, «конечно», ничего не хочет знать о формальной этике, но его внимание привлекает такое «досадное наследие средневековья», как вопрос о взаимоотношении мышления и бытия,—«влияние его юношеских увлечений Гегелем».

Если бы, как думает Форлендер, Маркс и Энгельс в молодости усерднее штудировали Канта, они бы не оказались такими дурными гносеологами (schlechte Erkenntniskritiker), и Форлендеру не пришлось бы краснеть за них перед германскими рабочими. Но, к счастью Форлендера, марксизм и «в этом пункте вполне соединим с тем направлением идеализма, методические основания которого были впервые изложены Кантом». Мы полагаем, что принципы неокантианства достаточно известны, чтобы на них здесь не останавливаться, но все же позволим напомнить о них словами самого Форлендера: «все, даже, так называемые, материальные предметы существуют в последнем счете лишь в нашем сознании и при его посредстве». Итак, если теорию познания диалектического материализма заменить гносеологией Канта, то «мы еще лучше поймем Маркса, чем он сам себя понимал».

Но и после таких механических «усовершенствований» марксизм не является в глазах Форлендера достаточно научным. Необходимо несколько видоизменить принципы диалектики. Форлендер признается, что нам, людям XX века никак уж нельзя обойтись без понятия *становления*. Но после Дарвина и Спенсера, которые учили «о развитии медленном, постепенном, едва заметном, коротко, об *эволюции*», не следует вновь обращаться к диалектическому развитию Гегеля, который признавал *революционные* изменения.

Таким образом от марксизма остается лишь материалистическое понимание истории в узком смысле этого слова. Его Форлендер на словах признает. Другой вопрос, как это логически может сочетаться со всеми философскими предпосылками автора. Но ведь в таком противоестественном синкретизме и заключается научная точка зрения Форлендера. Однако, как и следовало ожидать, автор и здесь не прочь кое-что исправить в сторону идеализма, при чем не своими руками, а руками Энгельса. Форлендер подробно останавливается на известных письмах Энгельса 90-х г.г. прошлого столетия, где Энгельс подчеркивает обратное действие надстроек на базис, которое, кстати сказать, никогда не отрицал Маркс. В этих положениях Форлендеру «бросаются в глаза» последние видоизменения исторического материализма. Наконец, некое особое содержание имеет в виду Форлендер, когда он подчеркивает, что марксизм лишь «метод исследования», лишь «руководящая нить». Mutatis mutandis здесь налицо признание роли марксистской диалектики только в ее субъективной части, но полный отказ ей в части объективной, т.-е. как учению о законах движения природы и истории.

Все эти мысли Форлендера, конечно, не новы, они напоминают нам начало эпохи «ревизионизма» и, по существу, ничего к нему не прибавляют. Общественно-историческая сторона догмы ревизионизма блестяще опровергнута фактами действительности последнего десятилетия, но его философская сторона (насилие над теорией познания диалектического материализма и этическая приэска), все еще искусственно культивируемая, продолжает здравствовать, ибо она не так резко бросается массам в глаза.

Не меньшим видоизменениям подвергает Форлендер, в полном согласии с неокантианцами, и исторического Канта. Кантовское a priori означает у Форлендера лишь «безусловно необходимое» и «строго всеобщее»; вещь в себе трактуется вопреки аутентичным показаниям самого Канта, лишь как «предельное понятие»; Кантовы постулаты отбрасываются, но подчеркивается его *идеализм*. Таким образом, в двух словах, сведение Маркса к Канту у Форлендера обозначает сведение материализма к идеализму.

Изложение Форлендера, все его рассуждения, особенно в двух исторических работах, ведутся внешне так беспристрастно и таким уверенным тоном, что у неискушенного читателя, действительно, может иногда создаться впечатление об «устарелости» и «ненаучности» положений Маркса и Энгельса и о необходимости их «обновить».

С точки зрения Форлендера, социализм есть прежде всего *нравственное миросозерцание*. Уже в этом, именно, исходном пункте открывается пропасть между ним и Марксом, для которого коммунизм есть, очевидно, прежде всего система хозяйства. Если при коммунистическом строе будет также своего рода моральное сознание, соответствующее и определяемое экономическим, скажем даже более обще, общественным строем, то, очевидно, не оно будет фактором решающим. Форлендер

может нам возразить, что и он не отрицает изменчивости морального сознания от века к веку и из страны в страну, что такая мораль, по Канту, составляет содержание «антропологии», между тем как он говорит о морали, как предмете особой нормативной и всецело формальной «науки этики», максимы которой, очевидно, пригодны на все времена (а потому, с нашей точки зрения, вневременны, а потому, далее, и химеричны). И здесь, в этой кантовой этике, формализм которой Форлендером выдвигается, как особое достоинство и преимущество, чувствуется метод трансцендентального идеализма с его «содержанием» и «формой». Содержание этика получает на каждой ступени развития особое, но «форма», видите ли, внеисторична, предвечна, универсальна. Метод диалектического материализма, в корне отрицающий внеисторичные формы, очевидно, принужден отказать в существовании морали, как науке. Есть мораль, как совокупность известных представлений, может быть научное исследование морали, но не может быть нормативной науки о морали. Попытки создать таковую сами не научны, они разделяют участь всякой идеологии, как надстройки, будучи определяемы местом и временем.

Поэтому ни о каком претендующем на научность этическом обосновании социализма (коммунизма) не может быть и речи. Мы согласны с Форлендером, что разные люди разными путями приходят к социалистическим убеждениям; мы допускаем, что сам Форлендер пришел к социализму через кантовский категорический императив, но отсюда, от субъективных путей развития того или иного индивида до обоснования коммунизма при помощи кантовой формальной этики ровно такое же расстояние, как от социализма утопического до социализма научного. Путей к социализму много, но прочен только один—изучение исторических законов общественного развития. Ссылки Форлендера на этический пафос «Капитала» нисколько не помогают делу; не категорический императив диктовал их Марксу, а то историко-материалистическое понимание «справедливости», какое Маркс мельком дал в известном месте III тома «Капитала».

Если Форлендер так хлопочет о философском обосновании социализма, понимая под философией метод познания, то таковое во всяком случае нужно и можно искать «алгебре революции», в диалектике, как учении о методе познания и законах развития одновременно. Между тем, если Форлендер и не в силах уже отказаться от идеи становления, развития (за вычетом, само собой разумеется, революционных моментов), он продолжает оставаться метафизиком в методологии познания Пусть для него на словах познание—процесс, на деле же его гносеологические категории метафизичны, застойны, даны раз навсегда. Он не может возвыситься до признания субъекта и объекта категориями историческими, а потому и все мышление его анти-исторично. И прав был Меринг, когда он писал, что самый верный признак настоящего кантианца заключается в абсолютной неспособности улавливать исторические связи.

Форлендер часто упрекает и Маркса-Энгельса и их последователей в плохом знании или непонимании Канта, но его самого приходится упрекнуть в незнании или непонимании Гегеля, Фейербаха и Маркса. Ни у кого из них, с точки зрения Форлендера, нет теории познания. «Его (Гегеля) философии нехватает самого себя испытующего осмысливания (Besinnen), которое должно предшествовать всякой основательной философии: критики познания, которую уже Кант широко обосновал и которая была гордо отброшена его романтизирующими последователями». Гегель, а с ним все гегельянцы, включая Маркса и Энгельса,—

плохие критики познания. Уже давно известно, что неокантианцы объявили монополию на теорию познания, и всякая иная критика познания, кроме неокантианской, принимается ими равной нулю.

Правда, у марксизма с неокантианством есть одна точка соприкосновения: оба под философией разумеют, прежде всего, *учение о методе научного познания*, но они коренным образом расходятся в понимании подобного метода. Кантианцы замыкаются в гносеологию, забывая, что познание можно подвергнуть критике лишь в процессе познавания; они, по удачному выражению Гегеля, хотят научиться плавать, не входя в воду. Марксисты не забывают, что всякое познание есть познание предмета, и потому для них методология есть не только гносеология, учение о познавательной способности, но и (дело не в средневековом термине) онтология, учение о сущем, о предмете познания. Предмет познания (не явление) не может быть оторван от познания предмета и помещен в мир ноуменов. Если методологические категории Канта были только субъективны, то категории Маркса—абстракции, обобщения действительных, преходящих, исторических явлений и в этом смысле имеют не только узко-методологический (гносеологический) характер, но и характер объективный. В этом смысле и следует понимать «несколько темные слова» (etwas dunkle Worte) Маркса о том, что идеальное есть не что иное, как переведенное в человеческой голове материальное. Дело в том, что для Форлендера, видимо, многое осталось у Маркса и Энгельса, а еще больше у Гегеля, темным.

Мы дали эти беглые замечания не для того, чтобы убедить в чем-либо неокантианцев, но чтобы показать, что и в чисто—как у нас теперь любят выражаться—философской области между Марксом и Кантом лежит бездна, и засыпать ее, что собственно пытается сделать Форлендер, не представляется возможным. Да и ни марксизм, ни кантианство не нуждаются в этом. Оба метода покоятся на различных логических и теоретико-познавательных основаниях, и поистине странно, что профессор Форлендер не заметил этого. Потому-то его философия заставляет нас вспомнить слова Энгельса об «эклектической похлебке».

На этом мы могли бы закончить нашу заметку, так как мы уже указали на основной пункт всех работ Форлендера, на его, с позволения сказать, idée fixe. Но нам хотелось бы остановиться еще на одном пункте, имеющем в глазах Форлендера (отнюдь не в наших) важное значение—возможность и необходимость выведения социализма из кантовой этики.

В старательно написанном очерке о Канте Форлендер приводит ряд мест, которые должны доказать читателю, что Маркс, создавая свою теорию, мог бы обойтись без Гегеля, непосредственно отправляясь от Канта. Признавая за Кантом ряд исторических заслуг, ничуть не умаляя кенигсбергского мыслителя, но беря его таким, каким он был в действительности и каким было его учение, мы вовсе не собираемся замалчивать эти отдельные его положения. Либерализм, более того, радикализм Канта под влиянием Руссо (вспомним слова молодого Маркса: «Кант, это—немецкая теория французской революции»), его «Идеи всеобщей истории», в которых он говорит, что «человеческие поступки, подобно всякому другому явлению природы, определяются общими естественными законами», в особенности, *четвертое положение* этих «Идей», где Кант прямо указывает на *антагонизм*, как на принцип, движущий человечество вперед, далее, напр., признание неравенства людей богатым источником всякого зла (из «Предполагаемого начала истории человечества»),—все это рисует Канта недюжинным мыслителем своего

времени. Конечно, подчас Форлендер берет через край, когда он, напр., хочет усмотреть у Канта прообраз диктатуры пролетариата и хозяйственного социализма!

Сам Форлендер принужден признать, что *места*, вроде указанных нами, являются, действительно, лишь «местами», отдельными, хотя бы и блестящими мыслями. Только на этом основании Кант ни в коей мере не может быть признан предшественником марксизма, научного социализма. Таких «предшественников» у марксизма много, настолько много, что самое наименование живших в разные времена авторов отдельных, несвязанных, хотя и блестящих мыслей «предшественниками» теряет свой смысл. И не благодаря этим положениям вошел в историю Кант.

Путь от Канта к современному социализму идет, с точки зрения Форлендера, через «плодотворность его этики для социалистического мировоззрения». В этом уже позволительно усомниться. В данном случае мы вначале не расходимся с Форлендером. Правильно, что нельзя не видеть *учения* Канта за его *личностью*. Правильно, что довлеет дневи злоба его, что Кант объективно мог быть только сторонником «правового» государства (против государства «полицейского»), что неправильна методологически постановка вопроса, кем был бы Кант со своим категорическим императивом—рассматривать человека не только как средство, но и как цель—в наши дни, в дни сумерек капитализма. Но правильно и то, что всякого мыслителя следует брать не только в связи с его эпохой, но и в связи его идей.

Дело в том, что у Канта, в его социальной философии, отсутствует, по существу, категория *классовой борьбы*. Он исторически не мог оперировать категорией классовой борьбы. Его требование максимы воли отдельного индивида, как принципа всеобщего законодательства, также является надклассовым требованием, а практически приводило и будет приводить к философии либерализма, а не коммунизма. Вопреки Форлендеру, Канту был ясен полный вывод из его категорического императива. Именно, исходя из него, Кант обосновывал право частной собственности, исключал целые группы граждан из сферы политических прав. Его этическая «форма» определяла на деле капиталистическое «содержание». И неправильно думать, что эта же форма в условиях капитализма может породить коммунистическое содержание. Уже в эпоху Канта утописты приходили к социалистическим построениям, но не исходя из надклассового категорического императива, а как раз из категории «борьбы классов», хотя бы в виде самого несовершенного представления о разделении общества на имущих и неимущих, богатых и бедных.

Но то, что понятно у исторического Канта, то непонятно у неокантианца Форлендера; то, что никто не может поставить в вину Канту, то является, по меньшей мере, методологической ошибкой у Форлендера: отсутствие в его построениях категории общественного класса и классовой борьбы. Введение этих категорий Марксом в его социальную философию и привело, между прочим, к научному социализму. Отбрасывание этих моментов у Форлендера (слова в книге — ничто без соответствующих понятий в мировоззрении) есть корень всех его заблуждений, а проистекающая отсюда попытка связать Маркса кантовой этикой есть попытка разрушить диалектический материализм, попытка разрушить все здание марксизма.

Когда такая попытка исходит из рядов «социализирующих неокантианцев», рабочий класс может оставаться совершенно равнодушным, но когда подобные «кантианствующие социалисты» обнаружива-

ются в рядах социал-демократии,—дело представляется значительно более серьезным и должно вызвать отпор со стороны всех, кому дороги теоретические основы марксизма, теоретические основы научного коммунизма.

И. Луппол.

Walter Wagner, Die Vereinigung von Kant und Marx (Eine Studie zur Gegenwartsphilosophie. Verlag von Wendt & Klauwell, Langensalza. 1921. S.S. 31).

Если бы читатель подумал, что в этой брошюре разбирается вопрос о «соединении Канта и Маркса», как об этом говорит ее заглавие, то он бы ошибся. Этому вопросу автор уделяет лишь первые пять-шесть страниц, остальная же часть брошюры занята изложением «теоретико-познавательной этики Канта» и «этики на почве теоретико-познавательного позитивизма». Рассуждения автора о Канте и неокантианстве не выходят за пределы общепринятого идеалистического трафарета. Дело идет о «построении» логически-автономной системы морали, которую «попытался дать» Кант, а после него Коген в «конгениальном методологическом истолковании этики Канта». Предмет морали,—говорит Вальтер Вагнер,—есть должное, а должное существует не в действительности, но идеально; это новый тип реальности, который у Канта фиксируется в понятии «вещи в себе». Кант впервые в своей «логизированной» этике дал оправдание «бытия» долженствования, как особого вида существования, именно, как «бытия сверх-эмпирического, метафизического». Отсюда понятно, почему для почтенного автора «носителем нравственного» является индивидуум, а не масса. А дальше—неприкрытая самая реакционная поповщина, самое черное мракобесие. «Индивидуум,—говорят нам,—должен быть внутренно освобожден, а не общество, вопреки Энгельсу, который осуществление социалистического строя рассматривал, как предпосылку для скачка из царства необходимости в царство свободы». Индивидуум должен вернуться к метафизическим источникам индивидуального счастья. Время требует от философии метафизики, а от философов—исполнения своего долга перед метафизикой. Ясно, что такая жажда метафизики выбитого из колеи черносотенца-мракобеса может быть утолена в «источниках» божественных, в источниках религии. Философия должна отдать себе ясный отчет в словах св его учителя: «я должен был отодвинуть знание, чтобы дать место вере». Эти слова автор действительно мог бы взять эпиграфом к своей брошюре. Останавливаться на разборе реакционной сущности всех авторских неокантианских выкрутас самой настоящей поповщины, разумеется, не приходится: неокантианство в достаточной степени ясно раскрыто, в своей реакционной сущности, в марксистской, частности, русской марксистской литературе. Рецензенту в данном случае интереснее отметить, что вся эта евангельская чепуха преподносится ни более, ни менее, как под соусом «нового истолкования марксизма». Марксизм в руках нашего автора выглядит «только одним частным случаем такого духовного движения, которое можно было бы назвать психологическим историзмом»,—другими словами, «марксизм есть не что иное, как социальная психология». Оказывается, «это вытекает из классической формулировки Маркса в Критике политической экономии». Когда Маркс говорит об «определении» или об «обусловленности» всей идеологической надстройки производственными отношениями и лежащими в их основе ма-

териальными производительными силами, как материальным базисом общества, то по нашему милому автору выходит так, что и «производственные отношения» и «производительные силы» являются чисто психологическими понятиями». Если религия, право, философия, политика «определяются материальными производственными отношениями», то речь, мол, идет о «психическом причинном определении». Другими словами, автор спиритуализирует производственные отношения, спиритуализирует марксово понятие «общественного бытия») и в этом смысле находится в плоскости известного ревизионистского направления), а так как спиритуализация способа производства в духе социальной психологии предполагает столь же «ортодоксальное» понимание психологии, то наш милый автор под свое «новое толкование» Маркса подводит теоретический фундамент философии *Дильтея*. Философия Дильтея, по его мнению, необыкновенно хорошо поясняет «проблематику марксизма». Вкратце философию Дильтея можно охарактеризовать так: истинным корнем всякого мировоззрения и всякой системы мыслей является воля, эмоция, психика или, точнее, структура эмоционально-волевой жизни. «Если же Дильтей чувственную жизнь и волевую деятельность превращает в корень всякого мировоззрения, то становится понятным, почему марксистская теория может утверждать психическую связь между производственными отношениями и образом мысли человека. Ибо что же другое означают производственные отношения в своем душевном фактическом проявлении». Нет никакой нужды следовать за всеми перипетиями мысли автора, который, как известно, к сожалению, не единственный защитник такого «толкования» марксизма. Психологизировать способ производства значит искажать подлинный смысл материалистического понимания общественного бытия. Общественное бытие и общественное сознание не тождественны, как не тождественны бытие вообще и сознание вообще. Смешно отрицать, что способ производства состоит в известных отношениях людей, а таких людей, у которых бы не было сознания, не было чувств и разума, конечно, не существует и никогда не будет существовать. Но, вступая в общение, люди в любой сложной форме производственной материальной жизни не сознают того, какие общественные отношения при этом складываются, какая форма идеологии образуется так, а не иначе, по каким законам она развивается и т. д. Сознание этих людей только отражает их бытие. Иначе учение Маркса не было бы *материалистическим* пониманием истории.—Нашему же милому философу психологизация марксизма под Дильтея понадобилась для того, чтобы спасти индивидуальные «источники счастья» и подвести «теоретический фундамент» под свою неприкрыто-реакционную метафизику.

Гр. Баммель.

II. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

1. *Emil Kraus*, Die geschichtlichen Grundlagen des Socialismus, Karlsruhe 1922.
2. *Hans Delbrück*, Die Marxsche Geschichtsphilosophie, «Preussische Jahrbücher», 1920, November, S. 157.
3. *E. Brandenburg*: Die materialistische Geschichtsauffassung. Leipzig 1920.
4. *Alfred Braunthal*, Marx als Geschichtsphilosoph. Bibl. «Wege zum Socialismus». Berlin 1920.
5. *Julian Borchardt*, Der historische Materialismus. Berlin 1922.

Рассматривая современную немецкую литературу, посвященную проблемам исторического материализма или задающуюся целью популяризировать, сделать доступными для пролетариата и буржуазии основные идеи Маркса, приходишь к выводу, что современная немецкая мысль за последние годы не сказала ничего нового, ничего такого, чего бы она уже не высказала ранее.

Вся эта литература может быть разделена по трактованию идеи Маркса и по критике этих идей на три направления. Первое направление «критики» Маркса, думается нам, можно было бы назвать «слепой» или «страусовой» критикой, так как она основана на отрицании исторических фактов, на отрицании очевидности. К этому направлению я отношу Дельбрюка и Эмиля Крауза, написавшего брошюру «об исторических основаниях социализма»[1]). Дельбрюк напечатал в «Preussische Jahrbücher»[2]) критическую статью, посвященную историческому материализму. В этой статье он правильно замечает, что всякая теория постольку истинна, поскольку факты объективной действительности подтверждают ее. Подтверждают ли исторические факты те прогнозы, которые делал Маркс на основании своей теории? Оказывается, что ни одно предсказание Маркса не осуществилось. «Говорят — замечает Дельбрюк—что Маркс предсказал революцию, и мы, действительно, имеем как будто революцию, но это только самообман. Никакой революции в Германии не было. То, что происходило в Германии, было лишь солдатским бунтом, результатом военного поражения. Вильсон надул Германию, и этим воспользовались социал-демократы, чтобы стать у руля правления страны. Да и откуда взяться революции? Маркс построил теорию классовой борьбы. Но это выдумка, фантазия, лишенная реальности. Никакой классовой борьбы в Европе не существует. С самомнением прусского профессора Дельбрюк поучает Маркса и Энгельса. «Никакой классовой борьбы и не существовало никогда. Сказать, что история человечества есть история классовой борьбы, по мнению Дельбрюка, — признак поверхностности. Так могут писать только «люди, полагавшие, что можно философствовать по поводу истории, не изучая ее». Эта басня о классовой борьбе объясняется значительно проще. Во время Маркса рабочие в Англии жили, действительно, в тяжелых условиях в сравнении с капиталистами. Но это было явлением временным. Маркс же отсюда заключил об эксплоатации рабочих, о классовой борьбе, о железном законе заработной платы (?), о существовании резервной армии труда.

---

[1]) *Emil Krauss*, Die geschichtlichen Grundlagen des Socialismus. Karlsruhe 1922.
[2]) *Hans Delbrück*, Die Marxsche Geschichtsphilsophie. «Preussische Jahrbücher», 1920, November, S. 157.

Все это — заявляет Дельбрюк — выдумка, гипотезы, на практике не осуществившиеся. Никакой резервной армии труда не существует. Сейчас в Германии имеются безработные, но это потому, что Германия потерпела поражение в войне. Говорят об эксплоатации рабочих, но рабочие так же независимы, как чиновники; об ухудшении их положения говорить не приходится, наоборот, их значение растет, они притязают на участие в политической жизни страны; некоторые имеют собственность: обстановку, несколько костюмов. Предсказание Маркса о концентрации капитала также неверно, так как средний класс не только не погиб, но увеличивается так же, как увеличивается количество капиталистов. Словом, все обстоит благополучно в капиталистическом мире, на его небе ни одной тучки. Но все же, как же быть с революцией, в особенности в России? Для Дельбрюка и здесь все ясно. Революция, конечно, произошла (Еще бы!). Но Маркс и тут все же оказался неправым. Маркс предсказал революцию в развитой капиталистической стране, в Англии или Соединенных Штатах, а она произошла в отсталой России.

Все эти возражения марксизму уже давно были сделаны. Ничего нового к тому, что уже было высказано ревизионистами, Дельбрюк не прибавил,—разве только тон самомнения прусского профессора, но и он уже не нов. Что касается последнего возражения, то и оно бесконечное количество раз пережевывалось на страницах русских и иностранных буржуазных и социал-демократических журналов. Для марксистов, рассматривающих Россию не оторванно, а как органическую часть капиталистического общества, тесно с ним сплетенную и от него неотрывную, ясно, что революция в России имеет не местное значение, а является началом краха капитализма. Другое дело—вопрос о том, почему этот процесс революции, этот крах капитализма начался именно в России, а не в капиталистически развитой Англии. Но этот вопрос не имеет ничего общего с возражением Дельбрюка. Вопрос этот, действительно, интересен и требует марксистского исследования. Так, т. Бухарин пытается дать на него ответ в своей книге «Экономика переходного периода».

Почти те же возражения, что и Дельбрюк, делает историческому материализму Эмиль Крауз [1]). Он выдвигает два предсказания Маркса, которые не оправдались: это—предсказание концентрации капитала и теорию обнищания пролетариата. Крауз находит, что предсказание концентрации капитала, собственно, оправдалось, но она привела не к тем результатам, которые указывал Маркс. «Капитализм не ослабел, а, наоборот, невероятно усилился. Это развитие капитализма, пути которого можно ясно различить, но которые еще точно не определены, не только не привело к некоторому ослаблению, но, напротив, чего нельзя не заметить, к неоценимому внутреннему укреплению хозяйственной структуры и одновременно принесло с собой далекие возможности преодоления неизбежных кризисов и их результатов. Что касается войны,—замечает дальше Крауз,—то она в счет не может итти, так как невозможно доказать ее необходимость из частного капиталистического хозяйства».

До сего времени Крауз, считающий себя знатоком марксизма и сторонником марксистского объяснения истории, ведет себя, подобно Дельбрюку, по-страусовски — закрывает глаза, чтобы не видеть опасности революции и современной экономической разрухи. Но вот он пытается сам дать объяснение причины войны и тем показывает, какова цена его пониманию марксизма. Оказывается, что «современная война — резуль-

[1]) *Emil Kraus.* Ibid., p. 32 etc.

тат неразумных и неэкономных действий, растоптавших ногами основы и законы интернациональных хозяйственных связей, милитаристических групп, которые в эпоху интернационального хозяйственного сплетения искусственно поддерживают и воспитывают национальные иллюзии» [1]).

Нам думается, что, если бы Крауз и Дельбрюк не задавались целью критиковать, а постарались бы понять марксизм в связи с методом диалектического материализма, то они должны были бы притти к иным выводам. Но понять диалектический метод Маркса и Энгельса не входит в планы современных «критиков» марксизма, ибо этот метод есть метод революционный, а задача критиков Маркса — показать, что исторический материализм ничего общего с диалектическим материализмом не имеет, и вместо революционного метода подсунуть кантовский категорический императив или превратить Маркса в честного буржуазного историка, занимающегося описанием «предпосылок и процессов индивидуальных общественных структур». Имея, однако, эту цель, критики Маркса все же идут к ней различными путями. В общей оценке Маркса и его теории исторического материализма они далеко не сходятся. По Дельбрюку, Маркс прежде всего философ, поверхностный экономист и историк, по Краузу — он ни в коем случае не философ, а — политик, по Брауналю — исторический материализм Маркса не имеет ничего общего с философским материализмом, а теория его прежде всего историческая. То же говорит и Брандэнбург. Он видит в Марксе человека, желавшего дать «новую социальную теорию, а соответствует ли эта теория, оправдавшая себя в действительности (!), какой-нибудь философии, его мало интересовало. Философский характер марксизму пытался придать будто бы Энгельс. Этой оценкой Маркса и его теории исторического материализма и определяется критика последних. Мы думаем, что не ошибемся, если скажем, что критика теории Маркса направлена на следующие проблемы: во-первых, существует ли связь между историческим материализмом и материализмом общефилософским. Во-вторых, видит ли Маркс в общественных явлениях причинную связь или считает эти явления связанными принципом целеполагания. В-третьих, в чем заключается сущность производительных сил и, в-четвертых, какова та сила, которая двигает вперед сами производительные силы.

Все эти вопросы поставлены в интересной книжке Е. Бранденбурга [2]). Его критику Маркса мы можем назвать критикой «Sub specie aeternitatis». Бранденбург не скрывает того, что он хочет критически подойти к исторической теории Маркса. Но свою задачу он выполняет добросовестно и спокойно. Он согласен, что марксизм представляет из себя философско-историческую систему, внутренне выдержанную, логичную, стройную и глубокую, но... ошибочную. Теория исторического материализма подобна другим логическим системам, внутренне выдержанным, но не реальным и беспочвенным. Критиковать систему Маркса поэтому следует так же, как и все подобные логические системы в ее начальном основном пункте, в ее главной идее. Какова же эта идея? Бранденбург видит центральный пункт системы Маркса в идее производительных сил. Он дает более или менее хорошее, беспристрастное изложение теории исторического материализма. Он отбрасывает все вульгарные возражения, которые часто делаются марксизму, понимая, что всякая критика марксистской философии истории, направленная на отдельные звенья логической цепи, обре-

---

[1]) Ibid., p. 33.

[2]) *E. Brandenburg*, Die materialistische Geschichtsauffassun Leipzig, 1920.

чена на неудачу, так как марксистская теория спаяна крепко. Критика должна быть направлена на основание всего марксистского построения. Бранденбург задается вопросом: что является движущим фактором исторического развития в теории Маркса, и указывает, что таким фактором являются именно производительные силы. Следует ли понимать— спрашивает Бранденбург - движение производительных сил в смысле механического движения? Нет, отвечает Бранденбург. В понятие производительных сил, кроме орудий производства, входит и воля человека и техника. Но если так, то нет ли здесь противоречия? В самом деле, с одной стороны, волевые акты и техника входят в понятие производительных сил, являются базисом, согласно марксистской терминологии, а с другой стороны, они, согласно теории Маркса, — надстройка, лишь отражение в головах людей материального процесса. Бранденбург предлагает здесь оригинальный выход из этого будто бы противоречия. Маркс будто бы технологию и вообще естественные науки относил не к надстройкам, а к базису. Маркс делал разницу между естествознанием, как наукой, устанавливающей законы природы, и наукой об этих законах, рассуждающей и их оценивающей. Первую он относил к базису, вторую—к идеологии, так как в последней человек руководится не действительностью, а чувством, желанием, фантазией. С этой точки зрения, Маркс свой закон исторического развития считал не идеологией, а относил к базису, и этим установил неизменность и вечность своей теории. Этот выход из созданного Бранденбургом противоречия по существу не является выходом. Ведь производительные силы сами движутся, изменяются, стало быть, должны изменяться и научные законы, входящие в состав производительных сил. Где же тут вечность и неизменность? Бранденбург искренно хочет понять исторический материализм, но он сам у себя отнял эту возможность, отказавшись от связи исторического материализма с диалектическим материализмом, отказавшись от метода Маркса. Метод формального мышления характерен для Бранденбурга в том центральном возражении, который он делает марксизму. Марксизм — говорит он — должен представить историческую действительность, как необходимый, независящий от воли людей процесс. Каков закон этой необходимости? Марксизм отвечает: развитие производительных сил определяет форму производственных отношений и надстроек. Тут-то Бранденбург и задает коварный вопрос: что же тогда приводит в движение производительные силы? Так как ответы, отсылающие его к психологии, географической среде или народонаселению его справедливо не удовлетворяют, то он и решает, что марксизм на этот вопрос ответить не в состоянии, а потому — не состоятелен. С точки же зрения диалектического материализма этот вопрос не имеет смысла. Маркс в письме к Анненкову по поводу Прудона дает весьма ясное определение сущности производительных сил: «Люди не свободны в выборе своих производительных сил, которые являются основой всей их истории — потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности... Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, благодаря этому факту возникает связь человеческой истории, образуется история человечества». Как видно из приведенной цитаты, Маркс уже в 1846 году имел ясное понятие о производительных силах, вопреки мнению его критиков, видящих у него и Энгельса эволюцию этого понятия. Это определение производительных сил вытекает из метода диалектического

материализма, и все коварные вопросы, касающиеся того, чтобы искать силы, приводящие в движение самые производительные силы, обнаруживают только непонимание метода Маркса и либо попытку приписать историческому материализму рассмотрение исторического процесса, как прямолинейного и одностороннего ряда, либо попытку видеть в марксизме теорию мистического воплощения в истории идеи разума, принципов этики и т. п.

Первую из указанных попыток и делает Бранденбург. Он приписывает марксизму такое понимание исторического процесса, при котором последний представляет собою односторонне развивающийся ряд, где двигателем являются производительные силы, находящиеся в состоянии однозначного соответствия с другими общественными формами. Правда, и он сознает, что Маркс и в особенности Энгельс протестовали против такого упрощенного понимания исторического материализма, но—говорит Бранденбург—они все же исторический процесс понимали именно так, как это указывает он, Бранденбург.

Вторую попытку — приписывание историческому материализму характера мистической теории, где двигателем истории является этическая идея, делает третья группа критиков Маркса, которых мы бы назвали критиками кантианского толка. Маркс понимал исторический процесс, как процесс развития активного приспособления людей к природе. Связь, цельность исторического процесса он видел осуществленными в производительных силах, которые по существу являются синтезом природы и общества. Поэтому это понятие, действительно, является основным для понимания диалектического момента в историческом материализме. Бранденбург истолковал марксизм, как теорию какого-то непонятного самодвижения производительных сил. Кантианские же критики искажают диалектический метод с другой стороны. Они выдвигают вперед роль человека. Они отрывают человека от остальной природы и помещают его в особый мир, где господствуют не законы причины и следствия, а законы целеполагания, законы человеческой воли. «Особенность марксистского мышления—говорит Брауналь[1])—в том, что оно охватывает мир в его жизненной, конкретной действительности, и что оно эту действительность видит в действующем человеке, как его воле». С этой точки зрения двигателем истории является человеческая воля. Конечно, кантианцы могут строить какую угодно теорию исторического процесса, но возникает вопрос, какую связь имеет эта теория с марксизмом, как могут они теорию, в которой двигателем является человеческая воля, идеи, связать с теорией развития производительных сил, с зависимостью надстроек от материального базиса. И вот тут начинается своеобразное истолкование кантианцами Маркса, отшлифовывание Маркса под Канта так, что в конце подобной работы между Кантом и Марксом оказывается возможным и даже неизбежным знак равенства.

Брауналь начинает свое изложение Маркса с исторического введения, где излагаются основные идеи предшественников Маркса. Затем он излагает в историческом порядке основные работы Маркса, начиная с «Святого Семейства» и кончая «Капиталом». На протяжении своей работы Брауналь пытается доказать рядом своеобразно и односторонне истолкованных цитат из работ Маркса и Энгельса, что последние постепенно эволюционировали к Канту. В каких же проблемах теории видит Брауи-

---

[1]) *Alfr. Braunthal*, Marx als Geschichtsphilosoph. Berlin 1920. Bibl. «Wege zum Socialismus».

таль нагляднее всего эту эволюцию основоположников марксизма? Оказывается, что этими проблемами являются именно те проблемы, которые мы ранее указали. Раньше всего доказывается, что Маркс не имел ничего общего с философским материализмом, при чем под последним, конечно, подразумевается механический материализм Ламетри, Бюхнера, Молешотта. Этим задача в значительной степени облегчается. Отсюда дальше делается вывод, что Маркс вообще не занимался философским обоснованием своей социальной теории, что его интересовал только мир человека, общества. Двигательной силой общественного развития Маркс считал производительные силы, но в последних ни в коем случае не следует видеть—говорит Браунталь—материальную сущность, а человеческую волю [1]). «Этим определением—продолжает Браунталь—Маркс окончательно показывает, что он ничего общего не имел с материализмом, так как вся история оказывается продуктом человеческих рук и головы». Как же быть все же с тем фактом, что Маркс часто и совершенно определенно говорит о зависимости идеологии и, следовательно, и человеческой воли от базиса, от способа производства? И вот по Брауналю странным образом и выходит, что как раз в этом тезисе Маркс и оказывается близким к Канту. Отношение базиса к идеологии—говорит он—таково же, как у Канта содержание сознания к формам его. Маркс сделал то же,что и Кант. Как последний открыл форму человеческого мышления и чувственного созерцания, так Маркс в историческом материализме открыл формы человеческой воли... Как у Канта бытие мира определяет содержание нашего сознания, так у Маркса общественное бытие людей определяет сознание этого бытия, т.-е. и духовные, жизненные процессы.

Итак, Маркс, по мнению кантианских истолкователей его, видел в обществе два мира: изменчивое содержание общественной жизни, т.-е. общественное бытие, и формы этой действительности, которые, как и кантовские формы сознания, существуют до всякого опыта и не подвержены никаким изменениям. Оба мира находятся по отношению друг к другу, как граница к воле. Человеческая воля стремится превратиться в жизнь, но наталкивается на границы—общественное бытие, экономику—и принимает ту или другую форму, в зависимости от этого бытия. Тут возникает вполне законный вопрос: что же тогда представляет собой эта априорная форма нашей деятельности,—вечная воля, лишь приспосабливающаяся к общественному бытию. Как кантианцы ни хотят здесь удержаться на научной точке зрения, это им все же не удается, и они вынуждены, поскольку они не замалчивают выводов, как это делает Браунталь, признать, что эта воля есть этический принцип, не изменяющийся, от века в человеке заложенный, т.-е. по существу носящий мистический характер. Марксизм превращается здесь в свою противоположность. Из научного социализма он превращается в мистическую утопию, из материалистического мировоззрения — в идеалистическую систему.

Нам остается еще сказать несколько слов о понимании исторического материализма Борхардта, изложенное им в брошюре, предназначенной, как видно с первых строк ее, для рабочих [2]). Брошюра написана очень популярно, и в первых трех главах она дает критику идеалистического понимания истории. Но вот, начиная с 4-й главы, Борхардт пытается

[1]) Ibid. p. 64.
[2]) *Julian Borchardt*, Der historische Materialismus. Berlin, 1922.

изложить историческую теорию Маркса, и здесь Борхардт впадает в ряд ошибок, аналогичны тем, которые были сделаны уже указанными нами критиками Маркса. Эти ошибки дают искаженное изображение марксистской теории. Во-первых, Борхардт также понимает исторический материализм оторванно от метода диалектического материализма. Материализм Маркса он видит в том, что Маркс при рассмотрении исторического процесса исходит из материальных потребностей людей. Борхардт представляет себе теорию исторического материализма следующим образом. «Все социальные отношения, как-то: искусство, наука, право, порядок классового расслоения, беспрерывно меняются. В основе их изменений лежит изменение хозяйственных отношений. На вопрос, почему меняются хозяйственные отношения, следует ответ: вследствие изменения способа производства, а на вопрос, почему меняются способы производства, Борхардт отвечает: потому, что растет производительность труда, на вопрос же, почему растет производительность труда, отвечает: вследствие роста материальных потребностей. Здесь Борхардт ставит точку. Однако, непонятно, почему нельзя задавать этих вопросов и дальше. Конечно, эти вопросы бесполезны. Потому что при таком изложении историчского материализма, какое дает Борхардт, правильного ответа получить невозможно. Здесь мы либо имеем то, что Гегель называет дурной бесконечностью, либо впадаем в порочный круг. Маркс же всегда исходил из роста производительных сил и никогда не сводил исторического процесса к человеческим индивидуальным потребностям, наоборот, исторический материализм ищет объяснения роста материальных потребностей людей в развитии производительных сил.

Изучение метода диалектического материализма дало бы возможность Борхардту понять проблему производительных сил и предохранило бы его от искажения марксизма, который в его изложении представляется банальной теорией о зависимости общественной жизни от неизвестно почему развивающихся человеческих потребностей. Борхардт же вместо диалектического понимания исторического процесса пытается приписать Марксу метод позитивистического исследования. Борхардт вообще отказывается от *объяснения* исторических событий. Он ограничивает роль марксистского исследования лишь *описанием* социальных переворотов. Этим он становится на чисто эмпирическую точку зрения, чуждую марксизму. Что касается исторических событий, то если под ними понимать отдельные военные эпизоды, подвиги дипломатов и полководцев, то объяснение их, конечно, не входит в задачу марксизма, но если под историческим событием понимать такие исторические факты, как русская революция, как мировая война, то марксизм не может отказаться от их исследования и объяснения. Принципиально же возможно не только объяснение таких крупных исторических фактов, но и самых маленьких событий. Вопрос здесь только в колоссальной сложности и запутанности материала.

В результате, мы приходим к выводу, что современная немецкая интеллигенция либо закрывает глаза на печальную действительность, на надвигающуюся опасность революции и отбрасывает марксизм, как теорию, будто бы не оправдавшуюся на практике; либо, наоборот, видя, что прогнозы Маркса осуществились и осуществляются, пытаются понять, осмыслить теорию исторического материализма, но не принимают ее в ее истинной материалистической, диалектической сущности, а приспосабливают ее к себе, придавая ей то кантианский, то махистский характер.

Г. Тымянский.

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

H. Dietzel, Vom Lehrwert der Wertlehre und vom Grundfehler der Marxschen Verteilungslehre. 1921.

Дитцель—один из известнейших германских экономистов, участник литературных споров конца XIX столетия, в которых противником его выступал Бем-Баверк. В своих статьях («Die klassische Werttheorie und die Theorie vom Grenznutzn» и «Zur klassischen Wert-und Preislehre») и в книге «Theoretische Sozialoekonomik» Дитцель защищал классическую теорию стоимости против нападок представителей австрийской школы. В глазах Дитцеля теория классиков есть теория издержек производства. Издержки производства, прямо или косвенно, сводятся к затратам труда. Но затраты труда влияют на величину стоимости только потому, что труд есть важнейшее благо, имеющееся в ограниченном количестве, или полезность. Теории трудовой стоимости и предельной полезности вполне примиримы друг с другом. Издержки производства, которые в последнем счете сводятся к субъективной трудовой стоимости (т.-е. к оценке полезности труда),—такова была идея, при помощи которой Дитцель безуспешно пытался примирить или, вернее, затушевать принципиальное различие между обоими враждующими направлениями экономической мысли.

В своей новой книжке Дитцель опять выступает примирителем, но уже с другого конца. Он доказывает, что изучение экономических явлений не нуждается ни в теории трудовой стоимости, ни в теории предельной полезности. Вообще теория стоимости играет в науке, вопреки распространенному мнению, не роль фундамента, но только роль орнамента, которому приписывалось совершенно неподобающее значение. Виной этому «великий шотландец» Адам Смит, «поспешные суждения» которого о важной роли теории стоимости были приняты на веру экономистами (стр. 7, 37). Немало содействовал этому заблуждению и Рикардо, теоретическая система которого, как кажется на первый взгляд, построена целиком на теории стоимости (с. 8). Но это только видимость (с. 8). В сущности и Смит и Рикардо могли бы вполне развить свое учение—в частности теорию распределения, для обоснования которой будто бы необходима теория стоимости—без помощи последней. Установленный Смитом закон цен гласит, что, «если индивидуумы правильно понимают свой экономический интерес, то блага будут обмениваться в соответствии с издержками, сводящимися в последнем счете к количествам труда» (с. 7). Как теория цен Смита, так и его теория распределения, согласно которой капиталист и землевладелец, пользуясь своей экономической силой в качестве владельцев средств производства, получают в свою пользу «вычет из продукта»,—построены без всякой помощи теории стоимости (с. 7).

То же самое относится к Рикардо. Наиболее важное значение имеет его теория цен, согласно которой цены определяются издержками, затраченными в наихудших условиях производства, или «максимальными издержками». «Закон максимальных издержек, этот основной закон образования цен, не связан с теорией стоимости. Он остается несвязанным с ней даже в том случае, если на вопрос, в чем же состоят издержки, мы

ответим, что в последнем счете они сводятся к количествам труда,—ответ, который получается без помощи теории стоимости» (с. 9). Из закона максимальных издержек вытекает непосредственно теория ренты, как разницы между этими максимальными и индивидуальными издержками (с. 10). Далее, отсюда же можно было бы вывести и теорию заработной платы. Правда, Рикардо определил заработную плату, как стоимость воспроизводства рабочей силы, т.-е. выводил ее из теории стоимости, но такой обходный путь не нужен. Дитцель, беря за основу идеи Тюнена, предлагает вывести закон заработной платы непосредственно из закона ренты (с. 21). Для упрощения он предполагает, что общество состоит только из землевладельцев и землевладельческих рабочих. Прожиточный минимум равен 8 единицам, напр., пудам хлеба. Значит ли это, что заработная плата не может превышать 8-ми пудов хлеба? Никоим образом. Пусть на разных участках земли, начиная с более плодородных, один рабочий доставляет 15, 14, 13, 12, 11, 10, 9 пудов хлеба (всего семь категорий земель). Если рабочих так мало, что они удовлетворяют потребность в рабочих руках только первой категории землевладельцев, то вторая категория землевладельцев, в погоне за рабочими, готова будет повышать им заработную плату почти до уровня «полного продукта» на землях второй категории, т.-е. почти до 14 пуд. хлеба. Приблизительно на этом уровне и установится заработная плата. Если число рабочих достаточно для обработки земель первых трех категорий, то заработная плата их установится на уровне почти 12-ти пуд. хлеба. Только в том случае, если число рабочих достаточно для обработки земельных участков всех семи категорий, их заработная плата упадет до 8-ми, т.-е. до прожиточного минимума (22—24). Итак, «заработная плата или стоимость товара—рабочей силы определяется не издержками ее воспроизводства, а продуктом последнего рабочего» (с. 24). Чем выше продукт последнего рабочего, тем выше заработная плата. Последняя повышается по мере повышения производительности труда. Если предложение рабочих рук сильно увеличивается одновременно с понижением производительности труда, заработная плата может упасть до уровня прожиточного минимума (с. 25). Но при обратных условиях она будет превышать этот уровень, определяясь во всех случаях не издержками воспроизводства рабочей силы, а продуктом, изготовленным в наихудших условиях (с. 26). Теория распределения может быть, таким образом, построена без теории стоимости.

Наконец, даже у Маркса теория распределения не связана логически с его теорией стоимости, Маркс определяет стоимость рабочей силы стоимостью средств существования, необходимых для ее воспроизводства. «Поэтому нам кажется, что его теория распределения вытекает из теории стоимости. Но и у Маркса, как у Рикардо, это только обманчивая видимость. Ибо между обеими теориями нет никакой логической связи», нет связующего звена (с. 13). Маркс просто воспринял от Рикардо «железный закон заработной платы», согласно которому заработная плата достаточна как раз для удовлетворения «потребности в пище и естественных потребностей» (с. 17). Закон этот, начиная с XVIII века, выводился экономистами из закона более быстрого возрастания населения по сравнению со средствами существования,—закона, формулированного впоследствии Мальтусом (с. 18). Закон народонаселения представляет единственное обоснование железного закона заработной платы,—обоснование, не имеющее ничего общего с теорией стоимости (с. 19). Но так как Маркс отрицал этот естественный закон народонаселения, то он вынужден был *впоследствии* (Дитцель, несколько раз подчеркивает это слово, как будто бы

Маркс раньше обосновывал теорию стоимости рабочей силы законом Мальтуса) искать другое обоснование для «железного закона» и нашел его в факте вытеснения рабочих машиной и образования резервной рабочей армии (с. 19). Конкуренция безработных давит на заработную плату и не дает ей подниматься выше прожиточного минимума. Дитцель уклоняется от критики этих аргументов Маркса по существу, но считает «бесспорным, что они не имеют никакого отношения к теории стоимости» (с. 19, примеч.). Таким образом, и в марксовой системе теория распределения не вытекает из теории стоимости. Последняя представляет собой не более, как орнамент, бесполезный для экономиста, который хочет изучать явления реальной экономической жизни и в частности законы распределения. Сознание бесполезности теории стоимости начинает поэтому проникать и в среду марксистов. По мнению Энгельса, Каутского и других, теории стоимости и прибавочной стоимости не нужны для обоснования необходимости социализма или для доказательства факта эксплотации рабочих (с. 29—30).

Для оценки книжки Дитцеля характерным является то обстоятельство, что упомянутые цитаты из Энгельса, Каутского и других взяты Дитцелем, как он сам указывает, не из первых рук, а из книги Оппенгеймера, т.-е. вырваны из контекста (с. 30, примеч.). Если бы Дитцель отнесся к своей задаче «опровержения» Маркса более серьезно и просмотрел эти цитаты в тексте, он увидел бы, что речь идет не о разочаровании марксистов в необходимости теории стоимости для теоретического объяснения капиталистического хозяйства, а в полемике их против утопических социалистов, которые на теории трудовой стоимости обосновывали право рабочего на полный продукт труда и необходимость социалистического переустройства общества. Вообще апологетическая задача, явно преследуемая Дитцелем (см. с. 15, примеч., 17, 39), принижает теоретический уровень его аргументации и кладет на нее заметную печать. Этим объясняются неправильности и недоразумения в его изложении и критике марксовой системы. В его изображении Маркс выступает сторонником «железного закона заработной платы», якобы отрицающим факт вариирования реального уровня заработной платы по месту и времени (с. 17). У читателя получается даже представление, будто Маркс первоначально обосновывал этот «железный закон» мальтусовским законом народонаселения и только впоследствии пришел к своему учению о резервной рабочей армии (с. 19). Итак, Дитцель неправильно трактует марксову теорию заработной платы, как «железный закон». Далее, он разрывает всякую связь между ней и теорией стоимости. В действительности учение о резервной рабочей армии и вытеснении рабочих машинами предполагает развитие производительности труда, происходящее в форме *капиталистического* хозяйства, т.-е. хозяйства, движущей целью которого являются производство прибавочной стоимости для капиталиста, а не потребительных стоимостей для потребителя. Без столь нелюбезной сердцу Дитцеля «антиномии» между потребительной и меновой стоимостью Маркс не мог бы прийти к своему учению о резервной рабочей армии и кризисах. Конечно, марксова теория заработной платы предполагает двоякого типа отношения между людьми: 1) как между продавцами и покупателями (теория стоимости) и 2) как между капиталистами и наемными рабочеми (теория капитала). Поэтому, если мы возьмем только одну теорию стоимости, то из нее еще не вытекает теория распределения. Но отсюда никоим образом не следует, как то думает Дитцель, что последнюю можно построить без

первой. Теория стоимости сама по себе есть *необходимое*, но не *достаточное* условие для правильного построения теории распределения [1]).

Что касается собственных построений Дитцеля, пытающегося дать теорию распределения (ренты и заработной платы) без теории стоимости, то в них нельзя не заметить противоречия между прежним Дитцелем, примирявшим теории трудовой стоимости и предельной полезности, и новым Дитцелем, отрицающим обе эти теории (попытка Дитцеля в примечании на стр. 4 доказать, что никакого противоречия здесь нет, весьма неубедительна). Заработную плату и ренту Дитцель выводит из рикардовской теории «максимальных издержек», в которой он усматривает теорию цен, построенную без помощи категории стоимости. Но категория «максимальных издержек» производства, как среднего уровня цен, отличающегося от индивидуальных издержек, неизбежно ведет нас к категория стоимости. Из чего состоят издержки производства, как они сравниваются между собой (только из их сравнения Дитцель выводит ренту и заработную плату), что такое деньги, делающие соизмеримыми различные издержки, возможна ли одновременная продажа всех товаров по их «максимальным» издержкам и не равносильна ли она продаже по их «средним» издержкам или стоимости,—все эти вопросы упираются в теорию стоимости. Дитцелю удается создать видимость устранения теории стоимости только благодаря тому, что он берет и ренту и заработную плату, как доли продукта в натуре (хлеба). Но как только от этого придуманного и нежизненного примера мы перейдем к проблеме распределения в капиталистическом обществе, к проблеме распределения стоимостей, а не продуктов в натуре, мы не сможем обойтись без теорий стоимости и денег.

В общем на книжку Дитцеля приходится смотреть не столько как на серьезную попытку критического разбора марксовой теории стоимости и распределения, сколько как на очередное «опровержение» ее, написанное на заранее данную тему.

G. Albrecht. Eugen Dührings Wertlehre. Nebst einem Exkurs zur Marxschen Wertlehre, 1914, S. 66.

Книжка Альбрехта состоит из двух частей, между собой совершенно не связанных. На первых 47 страницах автор дает изложение теории стоимости Дюринга,—последние 19 содержат «экскурс о теории стоимости Маркса». Различие «естественных» и «социальных» законов хозяйства, совпадающее у Дюринга с различием между производством и распределением, приводит, по его мнению, к двум различным методам исследования: «теоретическому» и «политическому». Только соединение обоих методов дает полную картину экономической жизни. Различные стороны хозяйства (естественно-техническая и социальная) у Дюринга разрываются и превращаются в два слагаемых, из которых составляется сумма,—хозяйственная жизнь в ее конкретных проявлениях. В «теоретическом» исследовании Дюринг абстрагирует от общества, противопоставляя человека природе. Для изолированного человека образование стоимомости предполагает: 1) субъективную потребность, как первичную причину оценки и 2) издержки воспроизводства, преодолевающего сопротивление природы. Однако, в человеческом обществе с его социальным

[1]) Ср. статьи. *Н. Бухарина*, Политическая экономия без ценности, и *Отто Бауэра*, Квалифицированный труд и капитализм. Сборник «Основные проблемы политической экономии», 1922, стр. 410 и 133—134.

неравенством человеку приходится преодолевать сопротивление не только со стороны природы, но и со стороны других людей (политические и общественные препятствия). На-ряду с естественными издержками воспроизводства появляются «социальные причины образования цен» (с. 45). К естественной или «производственной стоимости» продукта прибавляется социальная или распределительная стоимость, являющаяся результатом социальной «позиции» отдельных лиц (монополия, захват и т. п.).

Излагая взгляды Дюринга на стоимость, Альбрехт не делает ни малейшей попытки их критического разбора. По его мнению, Дюринг—выдающийся экономист, один из предшественников новейших субъективных теорий стоимости.

«Экскурс о теории стоимости Маркса» посвящен только одному вопросу,—анализу понятия общественно-необходимого труда у Маркса. Спорный вопрос о совпадении или различии так называемого «технического» понятия общественно-необходимого труда (развитого в I томе «Капитала») и «экономического» понятия (намеченного в III томе «Капитала») Альбрехт предлагает решить исходя из «значения понятия потребительной стоимости» (с. 51). Он согласен с Татьяной Григоровичи, что речь идет о двух разных понятиях; но он оспаривает ее мнение, будто в I томе «Капитала», где дается «техническое» определение труда, общественно-необходимого для производства *потребительной стоимости*, Маркс в понятии потребительной стоимости уже предполагает количественно-определенную общественную потребность (с. 64—65. Ср. *Григоровичи*, Теория стоимости у Маркса и Лассаля. М. 1923 г., стр. 46—47). По мнению Альбрехта, в указанном определении I тома «Капитала» потребительная стоимость предполагает: 1) полезность, 2) созданную трудом и 3) предназначенную для удовлетворения потребностей не самого производителя, а других членов общества (с. 54—55). Речь идет о «естественной, идеальной стоимости» (с. 58), при исследовании которой в I томе «Капитала» Маркс еще не ставит вопроса о количественных размерах общественной потребности. Этот «количественный элемент» есть то новое, что развито Марксом в III томе «Капитала» и что создает, на-ряду с прежней «естественной, идеальной стоимостью», новое понятие «рыночной стоимости» или цены (стр. 57, 60). Разницу между своим пониманием и взглядами Григоровичи Альбрехт резюмирует в следующих словах: «Реализация естественной стоимости в цене означает принятие двух взаимно дополняющих друг друга понятий стоимости; напротив, реализация рыночной стоимости, как ее понимает Григоровичи, означает только одно понятие стоимости, реализация которой не создает нового понятия, а только объясняет отклонения реализованной цены от этой рыночной стоимости. Наши взгляды сходятся в том, что необходимо различать стоимость и цену,—но у меня это два самостоятельных понятия, у Григоровичи же это одно понятие, для которого рыночная стоимость представляет правило, а цена—отклонения» (с. 66).

Экскурс Альбрехта представляет, по сравнению с книгой Григоровичи, не шаг вперед, а шаг назад. Если Григоровичи методологически сузила свою задачу благодаря тому, что придала чрезмерное значение интерпретации понятия «потребительная стоимость», то Альбрехт взял этот слабый исходный пункт за единственную точку опоры своего исследования. При этом ему, естественно, приходится чрезмерно расширять понятие «потребительной стоимости», внося в него, как необходимые моменты, не только полезность, но и факт затраты труда и производство для рынка, для других членов общества (с. 54—55). Впрочем, тут же

у Альбрехта проскальзывает более правильный взгляд на последние два момента как на предпосылки превращения потребительной стоимости в носителя меновой стоимости, т.-е. как на предпосылки последней, а не первой (с. 56). Григоровичи вполне правильно отличает рабочее время, необходимое при данных условиях техники для производства единицы продукта, от «рабочего времени, которое общество должно затратить на производство каждого особого рода продуктов для удовлетворения своих потребностей» (Григоровичи, см. 62); но она не разрывает связи между ними, хотя и не показывает, как эта связь создается и поддерживается. Альбрехт же разрывает связь между этими двумя понятиями, превращая их в два различных понятия стоимости: «естественной» и «рыночной». Само собой разумеется, что такая интерпретация, навеянная, быть может, преклонением Альбрехта перед Дюрингом, в корне противоречит основному построению марксовой теории стоимости и той роли, которая в этой теории отводится механизму отклонения цен от стоимости.

Там, где Альбрехт выходит за узкие рамки своей темы, он впадает в еще более грубые ошибки. Так, например, по его мнению, марксово понятие общественно-необходимого труда в конечном счете может быть сведено к «необходимому рабочему времени» (в отличие от прибавочного рабочего времени), в течение которого рабочий воспроизводит стоимость своих средств существования или заработной платы (с.с. 32—33, 60—61). Это значит, воистину, на место теории Маркса подставлять взгляды Дюринга.

В общем экскурс Альбрехта, несмотря на несомненную добросовестность автора, ни в малейшей мере не может способствовать выяснению понятия общественно-необходимого труда в системе Маркса.

R. Passow. Kapitalismus. Eine begrifflichterminologische Studie. Jena 1918, стр. 136.

Работа профессора Пассова носит исключительно терминологический характер. Допустимо ли пользоваться в экономической науке термином «капитализм», спрашивает Пассов и отвечает в отрицательном смысле. Термин «капитализм», получивший в науке широкое распространение после Маркса и последовавшего его примеру Зомбарта (стр. 2—3), очень не нравится Пассову. Этот термин никуда не годится, во-первых, уже потому, что он стал «политическим лозунгом», имеющим оттенок «морального осуждения» современного строя (с. 9). Во-вторых, этот термин отличается «неясностью, неопределенностью и многомысленностью» (с. 15). Конечно, «для политического агитатора лозунги являются тем более подходящими, чем большей неясностью они отличаются» (с. 135), но наука должна оперировать только ясными, точно установленными терминами. Термин же «капитализм» употребляется в самых различных смыслах разными авторами. Доказательству этого положения посвящена книга Пассова.

Сперва Пассов останавливается на термине «капитал», доказывая, что различные авторы придают ему различный смысл. Наиболее часто встречаются в науке определения капитала как: 1) ссуды, приносящей процент, 2) имущества, приносящего доход (частно-хозяйственное определение) и 3) производственных средств производства (народно-хозяйственное определение капитала). Эти различные определения капитала дают начало различным определениям капитализма. Одни авторы усматривают

характерную черту капиталистического хозяйства в господстве ссудного капитала (Прудон, Блюхер) другие—в том, что всякое имущество принимает форму денежной суммы, могущей приносить доход (Вальтерсгаузен, Лифман), третьи—в том, что в техническом процессе производства употребляются производные средства производства (Бем-Баверк). Все эти определения Пассов считает неправильными. Что касается первого определения, то преобладающая роль ссудного капитала отнюдь не может быть признана характерной для современного хозяйства. Второе определение, по мнению Пассова,—совершенно им не доказанному,—сливает капиталистическое хозяйство со всяким денежным или меновым хозяйством. Относительно третьего определения Пассов правильно замечает, что употребление произведенных средств производства было свойственно всем формам хозяйства.

Все перечисленные экономисты имеют то общее, что в основу характеристики «капитализма» они кладут то или иное определение «капитала». Но в настоящее время в науке гораздо большее распространение получили взгляды различных экономистов, которые пытаются характеризовать капиталистическое хозяйство независимо от тех или иных определений капитала. Таковы авторы, которые усматривают характерные признаки капитализма в особых производственных отношениях между капиталистами и рабочими (Маркс), в «стремлении капитала к возрастанию» (Маркс, Зомбарт), в господстве «капиталистического духа» (Зомбарт, Макс Вебер), в «господстве капитала» или капиталистов над хозяйственной жизнью.

Отвергнув все перечисленные определения, Пассов в заключение приходит к выводу, что большинство исследователей, говоря о капитализме, имеют в виду обычно «развитие и распространение крупных предприятий» (с. 127). Раз «капитализм» и «крупное производство» тождественны, не лучше ли—спрашивает Пассов—совершенно отбросить первый термин, как неясный и многосмысленный, и употреблять только последний, не возбуждающий сомнений и разногласий.

Книжка Пассова на девять десятых состоит из цитат. Приступая к разбору того или иного определения капитализма, Пассов приводит многочисленные и подчас весьма длинные цитаты из различных авторов, у которых данное определение встречается, а в заключение несколькими незначительными фразами «опровергает» разбираемое определение. Нередко «критика» его заключается только в констатировании разноречий и противоречий у различных авторов, без малейшей попытки разобрать вопрос по существу и дать собственный ответ на него. Для характеристики того метода «критики», которым пользуется Пассов, приведем, как пример, разбор учения Маркса.

При помощи цитат Пассов устанавливает, что Маркс под капиталом разумеет «средства производства и существования, употребляемые для эксплоатации рабочих». «При этом эксплоатация рабочих понимается не в каком-нибудь туманном этическом смысле, но в специфическом смысле марксовой теории стоимости и прибавочной стоимости. Отсюда вытекает, что капиталистическим является такой способ производства, при котором рабочие, не обладающие капиталом, эксплоатируются «капиталистами» в специфическом смысле марксовой теории прибавочной стоимости» (с. 81). Выходит, что Маркс не выводит свою теорию прибавочной стоимости из характера производственных отношений, связывающих капиталиста и наемных рабочих, а, наоборот, определяет это производственное отношение, как отвечающее требованиям его теории стоимости.

Какие же доводы выставляет Пассов против марксова определения капитализма? Во-первых, это определение расходится с обычным словоупотреблением; во-вторых, неправильность определения Маркса вытекает уже из «несостоятельности теории прибавочной стоимости» (с. 81—82). Несостоятельность же последней не требует, по мнению Пассова, «подробных доказательств, так как она уже признана весьма многими» (с. 82). Вот и вся «критика» Пассова, не в сокращенном, а почти в буквальном виде. Поистине, несостоятельность подобной «критики» не требует «подробных доказательств».

Другой пример. Критикуя мнение Зомбарта, усматривающего характерную черту современного хозяйства в «капиталистическом духе» или стремлении к прибыли, Пассов ссылается на Шмоллера, который говорит что «громадные барыши обладают привлекательностью не только для предпринимателей, но и для большинства людей». «Если—спрашивает Пассов—речь идет об общечеловеческом свойстве, какой же смысл говорить о нем, как о свойстве капиталистов» (с. 93).

Приведенных примеров достаточно для оценки книжки Пассова. Единственная польза, которую из нее могут извлечь лица, специально занимающиеся вопросом о сущности капитализма, заключается в многочисленных цитатах и ссылках на литературу.

Franz Petry, Der soziale Gehalt der Marxschen Werttheorie. Jena 1916. S. 70.

Настоящая работа представляет собой докторскую диссертацию молодого многообещающего ученого Петри, преждевременно унесенного смертью. Мобилизованный на фронт в начале мировой войны, он скончался в лазарете в Вильне в сентябре 1915 года, 26-ти лет от роду. Работа, напечатанная уже после его смерти, снабжена предисловием К. Диля, содержащим некоторые биографические сведения об авторе.

Петри интересовался не только политической экономией, но и философией. Учителями его в этой области были Риль и Риккерт. Немецкая идеалистическая философия вообще и школа Риккерта в частности имели в нем своего верного ученика. Из литературы, посвященной марксовой экономической теории, на него, повидимому, произвели наиболее сильное впечатление работы Гильфердинга, освещающие социологическую сторону марксовой теории, а также известная статья Зомбарта, посвященная III тому «Капитала». Своеобразное сочетание столь разнородных научных влияний сказалось на книге Петри, представляющей попытку освещения методологической стороны марксовой теории стоимости с точки зрения риккертовской философии.

По мнению Петри, вся марксова система проникнута методологическим дуализмом, она основана на «неестественном сочетании» идеалистической философии Гегеля с «материалистическими и естественно-научными задачами мышления» (с. 2.). В теории стоимости этот дуализм заключается в противоречии между исходящим от Рикардо «каузальным, естественно-научным объяснением явлений стоимости и цен» и «культурно-научной тенденцией, которая хочет анализировать явления стоимости и цен со стороны их социального содержания, внести «общественную» точку зрения» (с. 2). В других местах Петри противопоставляет «*объяснительно*-каузальный способ исследования» способу исследования, «направленному на смысл и *понимание* общественных отношений» (с. 31), «чисто-теоретическое исследование явлений цен» их «*социальному пониманию*» (с. 31—32). Смысл этих не совсем ясных выражений разъясняется, когда

Петри противопоставляет австрийскую школу, ограничивающую «свою задачу только *объяснением* явлений обмена, которые не подвергаются ею оценке и рассматриваются в их естественной связи»,—Марксу, который хочет «понять те же явления обмена в их *культурном* значении, который рассматривает их с точки зрения своеобразных социальных ценностей, выделяет социально значительное в них и делает понятным его смысл». (с. 59) Итак, перед нами известное риккертовское деление «наук о природе» и «наук о культуре», противопоставление естественно-научного метода, располагающего явления в их причинной связи, методу культурно-историческому, располагающему явления сообразно определенному оценочному принципу, правда, принципу не этическому, но гносеологическому (с. 32). Марксова теория стоимости—«двуликий Янус» (с. 28); она проникнута дуализмом методов генетического и критического (в смысле критической философии) (с. 21). Оставляя в стороне генетическую, каузальную сторону метода Маркса, Петри хочет выявить не обращавшую на себя внимания критическую, культурно-историческую или социальную сторону его методов. Он понимает, что такое изложение односторонне и может даже «показаться произвольным» (с. 3). Но он заранее оговаривается, что хочет представить не всю теорию стоимости Маркса, но только особенность его метода, как критического или социального (с. 6).

Социальный метод Маркса заключается в том, что он изучает не отношения между вещами, но общественные производственные отношения между людьми (с. 5), «не реально-каузальные отношения между вещами или людьми как объектами внешнего мира», но «идеальное отношение между людьми, как субъектами» (с. 7—8), «общественные отношения между людьми, как субъектами права» (с. 17). Такой же общественный, а не вещный характер имеет, с точки зрения Маркса, и меновое отношение. «Но каким образом можно меновое отношение, которое кажется количественным отношением вещей друг к другу, представить, как *общественное* производственное отношение между *людьми*?» (с. 17—18). Очевидно, мы должны изучать не потребительную стоимость вещи, как предмета природы, но меновую стоимость вещи, как продукта труда, так как только через труд вещь может быть связана с общественными отношениями людей». «В потребительной стоимости , как продукте труда, воплотилась часть человеческой личности» (с. 18)., и кто владеет этой вещью, тот располагает «косвенно и самим человеком» (с. 18). Судьба вещи отражает судьбу стоящей за ней личности, часть которой поглощена этой вещью в процессе производства (с. 19, 20). Взгляд на товары исключительно как на продукты человеческого труда переносит нас из процесса обращения в процесс производства, и только единство этих двух процессов превращает обмен товаров из «вещного отношения продуктов, не затрагивающего социальной структуры общества, в общественное отношение личностей производителей» (с. 20). Труд есть «средство анализа» общественных производственных отношений (с. 21), «мерило общественных отношений зависимости», «показатель социального содержания явлений цены» (с. 29). Только рассматриваемые, как продукты труда, блага являются «благами, т.-е. культурно-значимыми объектами» (с. 60). Только априорная методологическая точка зрения на труд, как на меру стоимости, дает возможность под вещными отношениями вскрыть отношения людей (с. 19), освободивши их от фетишистических, вещных форм.

Этому, так сказать, «априоризму труда», проникающему марксову теорию, Петри старается придать идеалистический характер. По его мнению, исключительное значение, приписываемое Марксом труду, акцен-

тирование труда отражает тот «исключительный ценный акцент, который германский философский идеализм придает человеку, как волящему субъекту, в «противоположность материальной природе» (с. 18). Учение Маркса имеет своею предпосылкой «учение Канта о примате практического разума, которое с несравненным, особым, ценностным акцентом выделяет из всей природы человека и человеческие отношения» (с. 20—21).

Раз труд должен привести нас от вещи к личности, как самодовлеющеценному субъекту, противопоставляемому природе, то, понятно, и труд рассматривается с особой стороны. Это не «конкретный, полезный труд, как техническая сила природы» (с. 21). Это труд абстрактно-всеобщий, равный, простой, общественно-необходимый. Определения эти относятся не к естественной, но к социальной стороне труда. «Всеобщность труда, это—не естественно-научное понятие, заключающее в себе только общее физиологическое содержание, но частные работы являются абстрактно-«всеобщими и тем самым общественными, как выявление деятельности субъектов права» (с. 23—24). Равенство труда, это—не естественное, но «идеальное, правовое равенство», которому «соответствует равнозначность труда в обмене» (с. 24).

Итак, социальная сторона марксовой теории стоимости ставит себе целью не объяснить реальные эмпирические явления трудовой деятельности людей, но понять ее «социальный смысл», «культурную значимость». «Исследование экономических явлений с точки зрения труда есть априорный методологический прием, субъективное условие познания», а не отражение «реального процесса в объекте» (с. 50). Идея трудовой стоимости, которая у Рикардо служила для причинного, естественно-научного объяснения реальных явлений обмена, превращается у Маркса—хотя и смешиваясь с причинной точкой зрения, унаследованной им от Рикардо—в «субъективное условие познания, которое только и конституирует социальную точку зрения» (с. 50). «Социальное заключается в своеобразно направленной цели познания,—не в особенностях объекта, но в формальной, методологической исходной точке зрения, характеризуемой субъективным способом исследования» (с. 59). Социальное надо искать не в «особенностях причинной связи» явлений (с. 59), но в особой гносеологической точке зрения. Поэтому, если Рикардо имел в виду «закон стоимости» (Wertgesetz), дающий причинное объяснение явлений обмена, то в теории Маркса надо скорее видеть «точку зрения стоимости» (Wertbetrachtung), имеющую целью вскрыть «социальный смысл» этих явлений, совершенно независимо от их причинного объяснения (с. 45, 48). Труд не есть «причина высоты цен» или «показатель меновых отношений» (с с. 42, 29, 36—37). «Трудовая точка зрения не имеет никакого отношения к «причинному механизму конкуренции» (с. 30) и к пропорциям меновых отношений (с. 27). Не признавая никакой связи между трудовыми затратами и пропорциями обмена, Петри дает также отличающуюся от обычной формулировку «количественной проблемы стоимости», которой он посвящает вторую половину своей книги (первая посвящена «качественной проблеме стоимости», под которой понимается изложенный априорный методологический принцип—«априоризм труда»).

Обычно под количественной проблемой стоимости понимают причинное объяснение меновых пропорций и явлений цены, подчиненных «закону стоимости». Но, по мнению Петри, социальный метод Маркса, будучи проведен последовательно и освобожден от элементов каузального объяснения явлений, не ставит себе целью найти причины изменений цен, вызываемых конкуренцией. Если в I томе «Капитала», при условии совпадения цен

с трудовыми стоимостями, априорная, социальная, трудовая «точка зрения стоимости» (Wertbetrachtung) может быть ошибочно истолкована в духе Рикардо в смысле «закона стоимости», то в III томе расхождение между ними очевидно. Здесь цены не совпадают с трудовой стоимостью и последняя ни в каком смысле уже не является причиной, объясняющей образование цен и распределение доходов. Такой причиной является только конкуренция. «Распределение прибавочной стоимости и образование средней нормы прибыли объясняются исключительно мотивами отдельных капиталистов» (с. 45). «Распределение совокупной прибавочной стоимости выводится Марксом не из закона стоимости, но из определенных отношений конкуренции» (с. 49). III том Капитала представляет полный отказ от «закона стоимости», но в нем сохраняется «социальная точка зрения стоимости» (с. 48). Верный своей исходной методологической «трудовой» точке зрения, Маркс рассматривает различные доходы, как определенные «формы распоряжения человеческим трудом и, следовательно, как общественные отношения» (с. 30, 29). Он не объясняет нам причин распределения этих доходов, происходящего посредством механизма конкуренции, но хочет вскрыть социальный смысл результатов конкуренции (с. 30), «анализировать готовые результаты капиталистической конкуренции со стороны их социального содержания» (с. 31). В этом и заключается «социальная теория распределения» Маркса: не в причинном объяснении явлений распределения (которые вытекают из общественной конкуренции и мотивации капиталистов, а не из закона стоимости), но в оценке результатов распределения, их «социального смысла» с точки зрения априорного трудового принципа. Крушение «закона стоимости» в III томе «Капитала» не мешает последовательному проведению «точки зрения стоимости» (Wertbetrachtung) и даже с большей ясностью выявляет характерные черты этого «социального» или « критического» метода Маркса в его коренном отличии от метода причинного объяснения явлений (с. 45). У Маркса оба метода смешиваются, и социальная «точка зрения стоимости» принимает чуждый ей вид «закона стоимости», превращается в какой-то «самостоятельный причинный ряд, независимый от внешнего движения конкуренции» (с. 42), в сверхобщественную, метафизическую необходимость, от которой в зависимости находится конкуренция» (с. 43). Эту «экономическую метафизику» необходимо устранить (с. 42). Конкуренция вскрывает причинную связь явлений, «точка зрения стоимости»— их социальный смысл.

Таковы основные положения книги Петри. В приложении он дает краткий обзор марксовой теории денег, в котором встречаются правильные и меткие замечания. Попытка Петри осветить социологическую сторону марксовой теории стоимости была заранее обречена на неудачу по той причине, что он приступил к ней с предвзятой идеалистической точки зрения. Он привнес в марксову теорию не только чуждый, но и враждебный ей риккертовский взгляд на социальную науку, как оперирующую методом оценочного расположения явлений, а не методом их причинного объяснения. Система Маркса вся построена на строго проведенном методе причинного объяснения реальных явлений, и потому в высшей степени неправильно противопоставлять его метод, как «критический» (в смысле критической философии Канта), «генетическому» или причинному методу Рикардо. Сам Маркс противопоставлял свой метод, как «генетический», аналитическому методу классиков (Theorien über den Mehrwert, B. III, S. 572). Маркс, подобно Рикардо, стремится к причинному объяснению явлений, но, в отличие от Рикардо, ограничившего свое исследование причинным

объяснением движения вещей на рынке, Маркс хочет найти причинное объяснение производственных отношений людей в их тесной связи с процессом материального производства. Петри высоко ценит заслугу Маркса, заменившего отношения вещей отношениями людей, вскрывшего под товарами общественные производственные отношения. Но в последних Петри видит не реальные общественные явления, подлежащие причинному объяснению, а «идеальное отношение», посредством которого субъект познания связывает явления, руководясь не их реальными особенностями, но своими «идеальными», гносеологическими, по существу оценочными, критериями. Отсюда характеристика общественного отношения, как «трудового» (априорный методологический трудовой принцип), не извлекается исследователем из самых реальных явлений, но приносится к ним извне, «примышляется» познающим субъектом. В конце концев у Петри оказывается, что причинному, каузальному изучению подлежат только явления конкуренции или движение вещей на рынке. Но так как «социальная» или «критическая» априорная точка зрения требует «ценностного акцентирования личности» и противопоставления ее всей природе, то средством перехода от вещей (т.-е. природы) к личности является труд. Можно сказать, что у Петри вещь—объект исследования, поскольку последнее носит каузальный характер, личность—цель исследования, а труд—«средство анализа», т.-е. средство исследования. У Маркса же объектом изучения является трудовая деятельность общественного человека (а не «личности», как таковой). Но так как в товарно-капиталистическом хозяйстве трудовая связь людей осуществляется через переход вещей, то анализ движения вещей (цен, стоимости) служит средством познания производственных отношений людей. Связь между стоимостью и трудом вытекает из социальной формы товарного хозяйства, а не априорно «примышлена» субъектом познания для того, чтобы от вещи построить мостик к «личности». Отношения людей и движения вещей тесно переплетаются и взаимодействуют в реальной действительности, и отражением этой реальной связи явлений, а не результатом априорных гносеологических требований, является теоретическая связь между стоимостью и трудом в марксовой системе.

Если, таким образом, общая философская концепция Петри отрезала ему возможность правильно понять социологический метод Маркса, то все же надо отметить, что именно в этом методе, хотя неправильно им освещаемом, Петри чувствует наиболее характерную и сильную сторону Маркса. Значение производственных отношений людей, социальной формы хозяйства—в отличие от вещной поверхности рыночных явлений, отличие социологической точки зрения Маркса от вещно-технической,—подчеркиваются у Петри неоднократно. Петри ясно понимает, что целый ряд понятий носят у Маркса не естественный, а социальный характер (напр., абстрактный труд), но указать, в чем именно заключается последний, Петри не может. Отсюда двойственность в книге Петри: с одной стороны, полная неправильность общей точки зрения,а с другой стороны,ряд интересных замечаний, которые ставят, хотя нисколько не разрешают, вопросы марксовой теории, подчас не освещавшиеся даже марксистами. При чтении книги Петри получается иногда такое впечатление, что молодой ученый, чуждый марксизму по своему воспитанию, отделенный от него стеной философского идеализма, настойчиво стремится пробиться сквозь эти преграды к правильному пониманию марксовых идей, но преграды оказываются сильней его. Но на фоне обширной критической литературы о Марксе, столь изобилующей примерами простого непонимания Маркса и нежелания понять

его, это добросовестное стремление Петри проникнуть в ход идей Маркса заслуживает быть особо отмеченным.

В марксистской литературе книга Петри нашла уже подробную оценку в превосходной статье Р. Гильфердинга («Grünberg's Archiv für die Geschichte des Sozialismus und Arbeiterbewegung», 1919 год, стр. 439—448).

И. Рубин.

IV ИСТОРИЯ

Stein, Hans (Dr. rer. pol), Der Kölner Arbeiterverein (1848—1849). Ein Beitrag zur Frühgeschichte des rheinischen Sozialismus. Köln, Gilsbach & C°, 1921.

В другом месте этих «Трудов» мы уже имели случай отметить как ценные стороны, так и крупные недостатки этой работы. Высказанное нами там суждение—именно, что Штейн опубликовал *крайне важные* для марксоведения факты из неиспользованных до сих пор источников того времени, в первую очередь из «Газеты Рабочего Союза в Кельне» («Zeitung des Arbeitervereins zu Köln»), но не сумел истолковать и использовать их надлежащим образом—возлагает на нас обязанность ознакомить русских марксоведов с важнейшими из этих новых фактов и, вместе с тем, наметить задачу, выдвигаемую этими новыми фактами для марксоведения и вообще для историографии немецкого социализма.

Ради краткости и простоты, мы будем излагать в хронологическом порядке важнейшие из этих новых фактов и циклов проблем. Говоря о состоянии исследований до настоящего времени, мы имеем в виду исследования и работы Франца Меринга и Густава Майера, так как только в их всем известных сочинениях подробно и особо рассматривается деятельность Маркса и Энгельса во время революционной эпохи.

1) У Меринга и Майера совсем не говорится о *социальном и экономическом положении Кельна до революции и во время ее*, о борьбе между капиталом и трудом. Заслугой Штейна является его попытка нарисовать экономическую и социально-статистическую картину Кельна около 1845 г. Из его описания видно, что, хотя в Кельне, втором по величине городе Пруссии, процесс индустриализации происходил медленней, чем в некоторых других областях Рейнской провинции,—чем, например, на родине Энгельса, в Бергише,—но и здесь опустошительные действия раннего капитализма обнаружились с болезненной остротой, с одной стороны, в гибели ремесла, а, с другой,—в массовой концентрации пролетарского населения. Более половины горожан вело пролетарское существование. Чрезмерно длинный рабочий день, широкое распространение женского и детского труда, низкая заработная плата, недостаточное питание характеризуют положение фабричных рабочих, число которых, однако, по данным Штейна, не достигало в 1845 г. даже полутора тысяч человек. Опустошительные действия раннего капитализма еще необыкновенно усилились в предшествующие революции два-три года благодаря всеобщему хозяйственному кризису, принявшему в Кельне, под влиянием особенных обстоятельств, исключительно резкую форму. Вздорожание средств существования, расстройство кредита, крах земельной спекуляции, быстрая гибель ремесла, вызвали всеобщее политическое и социальное брожение, не ограничившееся только пролетариатом, но распространившееся также на низшие и средние слои буржуазии.

Но как ни интересны и ни поучительны социально-статистические данные и характеристики Штейна,—они безусловно нуждаются в некоторых существенных поправках.

Статистические данные Штейна основываются почти исключительно на статье, помещенной в «Gesellschaftsspiegel» за первый год (1845). Автор

этого очерка молчаливо взял данные 1843 г. и приписал их 1845 году, а Штейн, не привлекший к рассмотрению других статистических работ, совершенно некритически воспроизводит эту ошибку своего источника. Уже в известной статистике *Редена* (Erwerbs-und Verkehrsstatistik des Königstaates Preussen. Darmstadt 1853, pp. 1037) можно найти данные за более близкий к революции год, именно за 1846 год. Происшедшие между 1843 и 1846 г.г. перемены имеют довольно существенное значение. Население возросло с 78.500 в 1843 г. до 85.500 в 1846 г. Прирост его падает в значительной степени как раз на *фабричных рабочих*, число которых с 1400 в круглых цифрах в 1843 г. поднялось до 4000 в 1846 г. Дело в том, что 1843 — 1844 г.г. были еще годами процветания. После столь быстрого роста населения наступил с 1846 г., первого года всеобщего хозяйственного кризиса, полный застой в движении населения, длившийся до 1849 г.

Далее Штейн мог бы и должен был бы больше подчеркнуть *пауперизм* кельнского пролетарского населения, необычайно высокую численность нищенского пролетариата. В социальном расчленении кельнского пролетариата характерно не численное преобладание занятых в ремесле рабочих над фабричными рабочими (что, впрочем, судя по приводимым в статистике *Редена* цифрам, кажется довольно сомнительным и, во всяком случае, не было столь значительным, как это утверждает Штейн),— а преобладание непомерно огромного количества не имеющего профессии и постоянного заработка населения, преобладание *пауперов*.

2) Ради полноты мы и здесь отметим, что Штейн дает подробный отчет о могучей *массовой демонстрации*, происходившей в Кельне *3 марта* 1848 г. под руководством Готтшалька, Аннеке и Виллиха. Путем подробного анализа, привлекши к рассмотрению другие источники, мы доказали в своей, помещенной на стр. 76 и след. статье, что эта демонстрация была устроена кельнской общиной Союза Коммунистов, которая заключала в себе не только социалистические элементы Кельна, но являлась также фокусом революционного брожения среди рейнско-вестфальских *войск*.

3) У Меринга и Майера мы не узнаем ничего об истории Кельна непосредственно до революции, о том, как происходил здесь переворот, о влиянии мартовских завоеваний на партийную и общественную жизнь, на условия существования печати, которые, несомненно, имели свое значение при решении Маркса и Энгельса перенести свою революционную деятельность именно в Кельн. Характеристика политического положения охватывает у Меринга период в несколько месяцев, почти в полгода,—период от марта до сентября На одной стороне у него имеется «кельнская демократия», на другой—прусское правительство, как представитель антидемократических интересов и стремлений, как кристаллизационное ядро контр-революции. Так же суммарно изображена у него группировка революционных сил, положение «кельнской демократии»— и это относится и к мерингговской биографии Маркса, где «кельнской демократии» посвящена целая глава. Меринг перескакивает через первые месяцы революции и описывает положение демократии так, как оно сложилось в июне. Не вдаваясь подробнее в обстоятельства возникновения демократических организаций, он рассказывает, что кельнская демократия распадалась на три больших союза, каждый из которых насчитывал по несколько тысяч членов: на Демократическое Общество (Demokratische Gesellschaft), которым руководили Маркс и адвокат Шнейдер, Рабочий Союз (Arbeiterverein), во главе которого стояли

Молль и Шаппер, и Союз для Работодателей и Рабочих (Verein für Arbeitgeber und Arbeiter), руководимый референдарием Германом Беккером. Меринг старается создать своим описанием впечатление, что кельнская «демократия» представляла некое идеальное *политическое единство*, которое находилось под бесспорным руководством Маркса и которое распалось — а не раскололось — из чисто организационно-технических соображений на три союза.

В противовес этой скупой и не нарушаемой никакой дисгармонией картине мы находим у Штейна довольно подробное описание всех партийных отношений в Кельне после победы мартовской революции. Он дает также краткое описание и характеристику правых партий и их программ и гораздо более подробное описание организации и печати демократии. Но важнее всего следующее: из его данных следует, что «кельнская демократия» *не была единой* не только в организационном, но и в политическом отношении. Основанный Готтшальком и руководимый до июля им—а не, как пишет Меринг, Моллем и Шаппером—Рабочий Союз ничего не хотел знать ни о каком союзе и ни о каком соглашении даже с радикальнейшим крылом буржуазно-парламентарной демократии. Готтшальк и его близкие друзья, влияние которых первоначально было в Рабочем Союзе доминирующим, стояли на политической точке зрения, радикально отличной от тактики Маркса: они хотели заниматься чисто рабочей политикой, они хотели вести немедленно политическую борьбу против всей буржуазии, они не хотели признавать необходимости переходного периода господства буржуазии, и их политической конечной целью была «Рабочая республика». Они стремились изолировать Рабочий Союз от влияния находившегося под руководством Маркса Демократического Союза, они стремились противоставить его демократам, что в начале им и удалось. Ко времени выборов в прусское и в германское национальные собрания Рабочий Союз принял резолюцию *против* участия в выборах, развил энергичную пропаганду в пользу воздержания от выборов и обвинил Демократический Союз в том, что, принимая участие в ненавистных косвенных выборах, последний легализирует их. Аннеке, единственный из близких к Готтшальку лиц бывший также членом Демократического Союза, выступил в начале июня из него, ибо ему не разрешили в нем призывать на общем собрании Союза к денежной поддержке добровольческого корпуса Виллиха, который, после неудачного похода Геккера, оставался в Безансоне без средств. Не успели появиться первые несколько номеров «Новой Рейнской Газеты», органа Маркса, как «Газета Рабочего Союза» в Кельне напала на первую в очень резкой иронической статье, озаглавленной: «Орган Демократии». Статья эта обвиняет «Новую Рейнскую Газету» в том, что она находится в руках «закоснелых аристократов и притом опаснейших из всех—денежных аристократов», что она не удовлетворяет справедливых требований наборщиков насчет заработной платы, что она ограничивает их право стачки и ассоциации. «Подзаголовок «Новой Рейнской Газеты»—«Орган демократии»—является злостной, лживой выдумкой, ибо уже первое ее проявление есть *акт формального угнетения пролетариата*, есть измена народу!»

В газете Рабочего Союза можно найти еще много доказательств существования противоречий и трений между Рабочим Союзом и Демократическим Союзом, и бесспорной заслугой Штейна является то, что он указал на эти противоречия. Однако при оценке этих противоречий и даже при изображении внутреннего состояния Рабочего Союза он делает

крупный промах. Подобно тому, как Меринг и Майер неправильно принимали за что-то единое кельнскую «демократию», так и Штейн недооценивает противоречий внутри Рабочего Союза. Он относит *Шаппера* и *Молля*, которые почти с самого начала деятельно участвовали в Рабочем Союзе, просто к «друзьям Готтшалька». И соответственно с этим он видит значение Рабочего Союза для истории Союза Коммунистов и для всеобщей истории социализма в том, что Союз «был до известной степени предварительной ступенью на пути к образованию ядра антимарксистской оппозиции, которое впоследствии было названо Виллих-Шапперовской фракцией Союза Коммунистов. В кельнском Рабочем Союзе находились люди, пропитанные вейтлинговскими идеями о диктатуре пролетариата, которые относились неприязненно к рассудительной, холодно-взвешивающей исторической концепции Маркса».

Эта точка зрения—неправильна во всем основном. Подробное изложение деятельности Союза—являющееся, однако, самостоятельной задачей и не умещающееся в рамках этой рецензии—показало бы, что в Рабочем Союзе именно Молль и Шаппер были представителями марксова направления, были, так сказать сподручными Маркса, которые, благодаря своей сознательной, настойчивой, далекой от торопливости и поспешности, тактике ослабляли в Рабочем Союзе влияние крайне популярного среди рабочих врача для бедных и которым постепенно удалось склонить в пользу марксовой тактики большинство Союза, насчитывавшего много тысяч членов.

Маркс нигде не отвечал публично на нападки Готтшалька; защиту своих взглядов и тактики в Рабочем Союзе он предоставил именно Моллю и Шапперу, которые, будучи также членами Центрального Комитета реорганизованного Союза Коммунистов, переехали вместе с ним в Кельн, чтобы работать здесь в духе принятых раньше общих принципов и тактики. По всей вероятности уже в июле дело дошло бы до открытой борьбы и разрыва между Готтшальком и его приверженцами, с одной стороны, и Моллем и Шаппером, с другой. Но третьего июля Готтшальк был арестован и вышел на свободу лишь к концу года. Это обстоятельство облегчило марксистскому направлению победу в Рабочем Союзе. Во время сидения Готтшалька Молль и Шаппер взяли на себя руководство Рабочим Союзом и предоставили его целиком в распоряжение Маркса. Это нашло свое формальное выражение в том, что в октябре 1848 г. Маркс был выбран председателем Рабочего Союза.

Как мало разделял тогда Шаппер взгляды Вейтлинга, доказывает тот факт, что он, как и Маркс, выступивший 4-го августа в Демократическом Союзе против Вейтлинга, прочитал 31-го августа в Рабочем Союзе доклад против Вейтлинга, который незадолго до того стал лично пропагандировать в Кельне свои взгляды. Заслугой Штейна является то, что он первый указал на этот *доклад Маркса против Вейтлинга*. К сожалению, газетный отчет, в котором излагается содержание доклада, слишком краток.

4) И Меринг и Майер описывают довольно подробно ход сентябрьского кризиса в Кельне, повлекшего за собой объявление осадного положения и бегство трех редакторов «Новой Рейнской Газеты» (Энгельса, Дронке, В. Вольфа). Но, ввиду важности этих событий, можно считать вполне правильным то, что Штейн, основываясь на отчетах местной прессы и одной современной брошюре (озаглавленной: Cavaignac in Köln), дает гораздо более обстоятельное описание их, не только дополняющее, но и исправляющее во многих подробностях изложение Меринга и Майера.

Но и его изложение нельзя считать окончательным. Он не обратил внимания на воспоминания Генриха Бюргерса о сентябрьских днях в Кельне (воскресное приложение к «Voss. Zeitung», 1876, № 290 и «Rheinische Wochenschrift», 1876, № 24 от 15 декабря, стр. 192—194), где можно найти как раз указание о личном поведении Маркса во время беспорядков. Гораздо важнее, однако, то, что он не заметил крайне важного обстоятельства, именно, что революционная организация и агитация в сентябре не ограничилась только городом Кельном, но распространилась отсюда и на окрестное крестьянство. В маленьком местечке Воррингене, где произошло огромное, отмеченное также Мерингом и Майером, народное собрание из нескольких тысяч участников, Кельнский Рабочий Союз развил уже в середине августа энергичную пропаганду среди крестьян, а несколько дней спустя после названного народного собрания руководители его образовали здесь Братский Союз. Ряд отчетов в газете Рабочего Союза доказывает, что Союз, под руководством Шаппера и Молля—и, наверное, по инициативе Маркса — делал очень серьезные попытки вовлечь население окрестных деревень в революционную организацию и деятельность кельнской демократии, стараясь *революционизировать крестьян*. Штейн не предпринял в этом направление дальнейших изысканий. Несомненно, начавшая выходить около 10 сентября «Новая Кельнская Газета», которая—как указывает ее подзаголовок—предназначалась именно для крестьян и солдат и которая находилась в распоряжении Штейна, содержит еще много указаний насчет попыток революционизирования крестьян.

5) Все прежние исследователи не знали ничего о непосредственном *участии Маркса в рабочем движении* революционных годов. У Густава Майера мы встречаем даже резко формулированный тезис, что Маркс и Энгельс «не принимали никакого деятельного участия в отсталом немецком рабочем движении во все время революции, что они даже не обнаруживали по отношению к нему особенного интереса» (Engels-Biographie, p. 320).

После полученных Штейном результатов надо коренным образом пересмотреть эту точку зрения. Мы узнаем, что Марксу 9 октября 1848 г. было предложено занять место председателя Союза, а в заседании комитета от 16 октября Маркс появляется уже как *председатель Союза*. О том, как это случилось, нельзя составить себе ясного представления из изложения Штейна, и, несомненно, потому, что он уже в предыдущем не заметил связи между Марксом, с одной стороны, и Моллем и Шаппером, с другой. В его изложении внезапное появление Маркса во главе Рабочего Союза оказывается не только неожиданным, но и необоснованным. Но после того, что нами было выше сказано о косвенном участии Маркса в делах Союза, появление Маркса оказывается легко объяснимым. Сентябрьский кризис имел своим следствием то, что Рабочий Союз лишился как Шаппера, так и Молля, т.-е представителей марксова направления, руководивших с июля Союзом. (Шаппер сидел в заключении с 25 сентября до 13 ноября, Молль в начале октября бежал в Лондон.) Вожди приверженцев Маркса, именно Нотъюнг и Резер, чувствовали себя слабыми, чтобы бороться со сторонниками Готтшалька. Что же было бы, если бы Готтшальк—который, после своего оправдания 23 октября, добровольно уехал за границу—вернулся и снова попытался стать во главе Союза! Поэтому, если Маркс не хотел потерять своего влияния на Рабочий Союз, то он должен был уступить настояниям своих сторонников.

Сам Штейн, непонятно почему, ослабляет значение своего открытия, утверждая, что Маркс интересовался делами Союза только в октябре и ноябре и что даже и тогда деятельность его ограничилась лишь двукратным посещением собраний Союза. Между тем из приводимых в газете Союза данных, да и из собственных указаний Штейна, явствует, что руководство Маркса имело решающее значение на определение позиции и деятельности Союза. Лично он принимал участие, по меньшей мере, в шести заседаниях и собраниях Союза. Несмотря на энергичную оппозицию сторонников Готтшалька, который стремился проводить из-за границы свою враждебную демократам тактику, Марксу удалось обеспечить торжество своей точки зрения в следующих двух крайне важных случаях. Во время *ноябрьского кризиса* он добился полного сотрудничества Рабочего Союза с обоими демократическими союзами, а в январе 1849 г. он достиг того, что Рабочий Союз принимал участие и безоговорочно поддерживал демократов во время *выборов*, назначенных на основании октроированной конституции (22 января—5 февраля).

Лишь добившись этих результатов, Маркс оставил председательство в Союзе освобожденному в это время Шапперу.

6) Штейн с полным правом излагает гораздо обстоятельнее, чем все другие авторы, ход упомянутого выше ноябрьского кризиса в Кельне и кампанию за отказ в уплате налогов, во время которых влияние Маркса и его тактики достигло своего кульминационного пункта в Кельне. Но, к сожалению, и он не замечает, какую огромную роль играло в этом движении революционное брожение в армии, какие огромные, оставшиеся не без успеха, усилия сделали как сотрудники «Новой Рейнской Газеты», так и участники Рабочего Союза, *чтобы склонить на сторону революции часть армии*. Дальнейшие работы в этом направлении являются задачей, крайне важной для правильной оценки революционной деятельности Маркса, и эту работу придется еще выполнить.

Как известно, Маркс, В. Вольф, Шаппер и Аннеке [1]), заявили 15 апреля 1849 года о своем выходе из окружного комитета рейнских демократических союзов. Одновременно с этим кельнский Рабочий Союз выступил из объединения (Verband) рейнских демократических союзов и созвал на 6-ое мая провинциальный конгресс рабочих союзов. Как дошло дело до этого шага,—в котором Меринг усматривает «новую тактику»,—до этого преждевременного «разрыва пролетарской демократии с буржуазной демократией», как выражается Майер? Меринг занимается довольно обстоятельно этим вопросом. Но его соображения указывают только на общую политическую обстановку, на развал буржуазных элементов внепарламентского демократического движения, на бессилие прусской левой во время ноябрьского кризиса, на жалкий оппортунизм франкфуртской оппозиции Благодаря этому задачи, решение которых являлось исторической миссией буржуазии, все более и более взваливались на плечи пролетариата. Но только из книги Штейна мы узнаем, какой вид приняли эти общие линии немецкой политики в Кельне, в непосредственном окружении Маркса, как обнаружились эти перемены в Кельне, приведя к вышеуказанному «тактическому повороту».Мы узнаем, что Маркса побудили, вернее, что он был вынужден принять эту «новую тактику» благодаря оппозиции в Рабочем Союзе, благодаря ожесточен-

[1]) Меринг, Майер и Штейн присоединяют сюда еще Германа Беккера. Грубое заблуждение! При внимательном чтении заявления можно заметить, что Беккер, представлявший Клуб для Рабочих и Работодателей, не участвовал в этом выступлении.

ным нападкам Готтшалька и его приверженцев, а, с другой стороны, благодаря нерешительной оппортунистической позиции Демократического Союза.

Приведенные Штейном местные побудительные причины для «новой тактики», равно как и большинство приводимых в его книге новых данных, доставляют крайне важный материал для новой, правильной оценки тактики Маркса во время революции.

Но все же мы должны исправить одно немаловажное ошибочное утверждение Штейна. Он говорит, что в источниках нигде нельзя найти отчета о проектировавшемся на 6-ое мая рабочем конгрессе. В этом пункте он повторяет лишь то, что говорили уже до него Георг Адлер и затем Меринг. В противовес этому, мы нашли в «Трирской Газете» (1849 г., № 113 от 12 мая) кельнский отчет, согласно которому этот конгресс все же имел место 6-го мая, одновременно с происходившим совершенно отдельно конгрессом рейнско-вестфальских демократических союзов. Далее, в процессе кельнских коммунистов Герман Беккер ссылается в своей защитительной речи, между прочим, и на то, что 6-го мая он принимал участие не в рабочем конгрессе, а в конгрессе демократических союзов. Интересно и безусловно заслуживает внимание также то утверждение Беккера, что в апреле 1849 года, он «принудил» своей позицией Маркса и товарищей выступить из Демократического Союза.

Можно было бы сказать еще очень многое по поводу работы Штейна, в виде дополнения и поправок к ней или в виде истолкования результатов ее. Некоторые поправки можно найти в рецензиях Г. Майера и А. Фелинга «Grünbergs Archiv» 10, 1922, pp. 433—436; «Schmollers Jahrbuch», 46, 1922, pp. 285—287). Однако, думаем мы, все вышесказаное дает нам достаточное право утверждать, что опубликованные Штейном новые факты побуждают к *радикальному пересмотру изображения Мерингом и Майером* деятельности и тактики Маркса во время революции 1848—1849 г. Меринг, за которым следует во всем существенном Г. Майер, в своих попытках поднять Маркса над уровнем всякой локальной политики заходит так далеко, что он, так сказать, вовсе отрывает его от почвы действительности. У Меринга деятельность Маркса во время революции сводится почти к одной чистой публицистике. Приведенные выше сообщения о деятельном участии Маркса в рейнском рабочем движении, указание на его стремления и на стремления его кружка склонить на сторону революции, с одной стороны, крестьянство, а, с другой, армию— все это целиком подтверждает неоднократно высказывавшийся уже Рязановым взгляд, что основывающаяся на работах Меринга оценка Маркса, как организатора и революционного практика, совершенно неправильна и что изложение Меринга требует тщательного пересмотра особенно в этом направлении.

Прибавим к этому еще следующее: этот пересмотр необходим не только с исторической точки зрения, но также и с теоретической, ибо точное, *реалистическое* знакомство с политической *практикой* Маркса даст, наверное, также новые данныя для точного, реалистического определения и оценки его политической *теории*.

Э. Цобель.

Редактор **Д. Рязанов.**